

Фунун Аук

КОРОЛЬ ЭЛЬФОВ

КОРОЛЬ ЭЛЬФОВ

**СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

КОРОЛЬ ЭЛЬФОВ

**РИПОЛ
ДЖОКЕР
1992**

Серия «ДЖОКЕР»
Сборник фантастических произведений

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Саломатов А.В.

Художник
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Плющ В.Г.

Технический редактор
Чернецова Г.Ю.

Компьютерный набор
Володарская Т.В.

Ф.Дик, в отличие от большинства писателей-фантастов, пишет не о будущем и далеких мирах, а прежде всего о людях. Он не просто переставляет своих героев, словно шахматные фигурки, а как бы сам живет в созданном им мире. Книги Ф.Дика чрезвычайно интересны и изобретательны, а их трагедийный пафос достигает порой столь мощного накала, какой подвластен только большому художнику, болящему за непутевое человечество.

Перед Вами увлекательный роман-антиутопия: во второй мировой войне победили нацисты. Альтернативная история — это совершенно особый жанр, малоизвестный у нас в стране.

Не менее интересны и драматичны рассказы Ф.Дика.

Его читатели во всем мире — это не только любители фантастики, приключений, но и те, кто интересуется историей и политикой, а также настоящие ценители хорошей психологической прозы.

Д 4703040100-006 без объявл.
070219-92

ISBN 5-87012-006-6

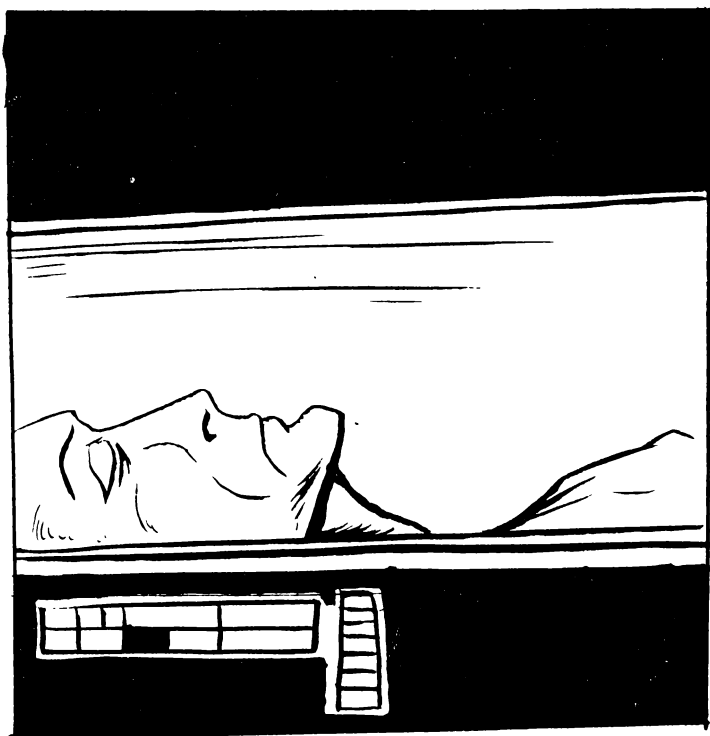
© РИПОЛ, Джокер, 1992

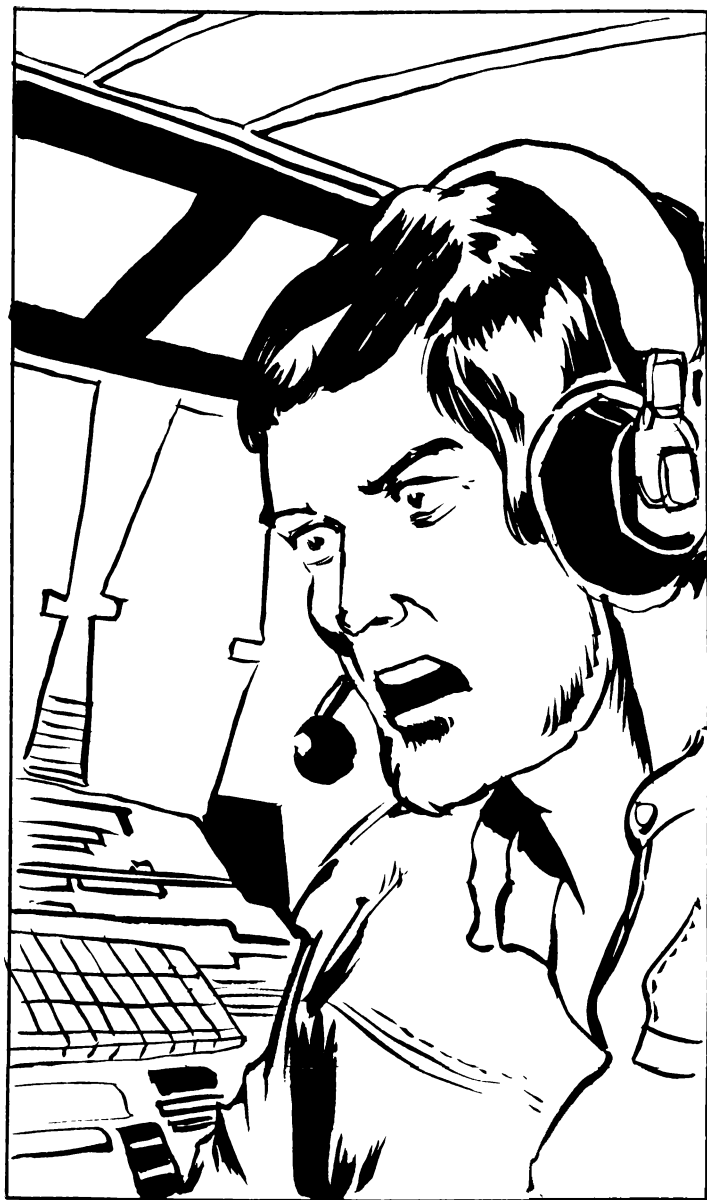
© Перевод Г.Корчагина, И.Петрушкина, А.Жаворонкова, А.Корженевского, М.Черняева, М.Шевелева, 1992

© Оформление А.Хромова, 1992

© Составление серии К.Андронкина, 1992

ЧТО СКАЗАЛИ МЕРТВЕЦЫ

ГЛАВА I

Ящик из небьющегося пластика с телом Луиса Сараписа стоял посреди просторного зала. Всю неделю, пока к нему был открыт доступ, не укорачивалась длинная очередь скорбящих, пришедших проститься с покойным.

Слушая тяжкие вздохи старых дам в черных платьях, глядя на искаженные горем морщинистые лица, Джонни Бэфут сидел в углу и с тоской дожидался своего часа. Не своей очереди, а того момента, когда посетителей попросят удалиться, и он сможет заняться делом, ничего общего с похоронами не имеющим.

В соответствии с завещанием ему — шефу отдела общественных связей в концерне Сараписа — предстояло возвратить хозяина к жизни.

Только и всего.

— Keegum! — пробормотал Джонним, взглянув на часы, — до закрытия зала оставалось два часа. Он проголодался, да и замерз: от морозильной установки, служившей Сарапису гробом, по залу распространялся холод.

— Выпей горячего кофе, Джонни, — предложила Сара Белле, подошедшая с термосом. Она откинула со лба мужа иссиня-черную (гены чикирахуа) прядь. — Бедненький! Ты плохо выглядишь.

— Да, — кивнул Джонни. — Не по нутру мне все это. — Он указал подбородком на ящик и очередь. — Я и живого-то его не любил, а уж такого...

— Nil nisi bonum, — тихо произнесла Сара.

Джонни озадаченно — может, не дослышал? — посмотрел на нее. Иностраный язык, догадался он через секунду. Сара Белле окончила колледж.

— Цитата, — пояснила Сара. — Или ничего, или только хорошее. Так говорил кролик Барабанщик из «Бэмби». Надо знать классику кинематографа, Джонни. Если бы ты ходил со мной по понедельникам на вечерние лекции в Музей современного искусства...

— Послушай, — перебил Джонни с отчаянием в голосе, — я не хочу его оживлять! Господи, зачем я только согласился! Ведь говорил себе: помрет старый мошенник от эмболии — и все: прощай, бизнес... — На самом деле Джонни никогда не думал об этом всерьез.

— Разморозь его, — предложила вдруг Сара.

— Ч-чего?

— Боишься? — Она усмехнулась. — Отключи на время морозильную установку — и все, никакого ему воскреше-

ния. — В ее голубовато-серых глазах плясали веселые искорки. — Вижу, вижу — страшно. Бедный Джонни. — Она похлопала мужа по плечу. — Бросить бы тебя, да уж ладно. Ты ведь и дня не протянешь без мамочки.

— Нельзя так, — проворчал он. — Луис ведь совершенно беспомощен. Это бесчеловечно.

— Когда-нибудь, Джонни, ты с ним поссоришься, — уверенно пообещала Сара. — И тогда либо ты его, либо он тебя. А пока он лежит мертвый — у тебя преимущество. Зря упускаешь шанс — сейчас можно выйти сухим из воды.

Она повернулась и пошла к выходу, пряча озябшие кулачки в карманах пальто.

Джонни, помрачнев, закурил сигарету и привалился лопатками к стене. Жена, конечно, была права, ведь послеживущий вовсе не то же самое, что живой. И, тем не менее, при одной мысли о бывшем хозяине Джонни втягивал голову в плечи. Он с детства благоговел перед Сараписом, с тех пор, когда тот, владея только компанией «Шиппинг 3-4», с энтузиазмом осваивал трассу «Земля-Марс». Точь-в-точь мальчишка, запускающий модели ракет у себя в подвале. А в семьдесят, перед смертью, он через «Вильгельмина Сикьюритиз» контролировал сотни предприятий, имеющих и не имеющих отношения к ракетостроению. Подсчитать стоимость его имущества не удавалось никому, даже чиновникам правительственной налоговой инспекции. Наверное, это было попросту невозможно.

«Все-таки, чтобы иметь дело с Луисом, нужно быть холостым и бездетным, — размышлял Джонни. — Кстати, как они там, в Оклахоме? — Не было у Джонни никого дороже двух девчушек и, конечно, Сары Белле. — Так ведь я о них и забочусь, — убеждал он себя, дожидаясь, когда придет время забрать старика из зала, согласно его подробным инструкциям. — Подумаем вот о чем. Вероятно, у него есть почти год послежизни. Из стратегических соображений он решил разделить этот год на короткие отрезки, чтобы оживать, например, в конце каждого финансового года. Раскидал, небось, лет на двадцать — месяц туда, месяц сюда. А перед смертью Луис очнется часа на два: сигнал начнет слабеть, в замороженных клетках мозга едва забьется искорка электрической активности, и все глуше, неразборчивей будут слова, прорывающиеся из динамика. И наконец — тишина. Небытие. Но это может случиться через четверть века, в две тысячи сотом году».

Часто затягиваясь, Джонни вспоминал тот день, когда пришел в управление кадрами «Экимидиэн Энтерпрайзиз» и заплетающимся от волнения языком сообщил молоденькой особе в приемной, что готов предложить компании свои услуги. У него, дескать, есть несколько идей, которые могут принести

немалую выгоду. Например, он придумал способ раз и навсегда покончить с забастовками. Всем известно, что в космопорту мутят воду профсоюзы, они буквально руки выкручивают администрации — а Джонни готов дать Сарапису совет, как вообще отделаться от профсоюзов. План, конечно, был грязный, и Джонни это понимал. Но ведь он не солгал, его идеи действительно стоили немало. Девушка посоветовала обратиться к мистеру Першингу, а тот сообщил о Джонни Луису Сарапису.

— Вы предлагаете запускать корабли из океана? — спросил Сарапис, выслушав его.

— Профсоюзы — организации национальные, — заметил Джонни. — На полярные моря не распространяется юрисдикция ни одного из государств. А бизнес — интернационален.

— Но мне там понадобятся люди. Столько же, сколько и здесь, если не больше. Где их взять?

— В Бирме, Индии или на Малайском архипелаге. Наберите молодых необученных рабочих, заключите с ними прямые контракты. Поставьте заработок в зависимость от заслуг, — посоветовал Джонни.

Иными словами, Джонни предлагал систему батрачества. Он и сам это понимал. Но Сарапису его предложение пришлось по вкусу. Еще бы — маленькая империя за полярным кругом, подданные совершенно бесправны. Идеал.

Так и поступил Луис Сарапис, а Джонни Бэфут стал шефом отдела общественных связей — лучшая должность для человека с блестящими способностями нетехнического свойства. То есть, для недоучки. Профана. Неудачника. Одиночки без диплома.

— Послушай, Джонни, — спросил его однажды Сарапис, — как это тебя, такого умника, угораздило остаться без высшего образования? Любой дурак знает: в наши дни это смерти подобно. Может, тяга к самоуничтожению? — Он ухмыльнулся, блеснув стальными зубами.

— В самую точку, Луис, — уныло согласился Джонни. — Я действительно хочу умереть. Ненавижу себя. — В ту минуту ему вспомнилась идея батрачества. Впрочем, она родилась уже после того, как Джонни окончил школу, и была тут, видимо, ни при чем. — Надо бы сходить к психоаналитику.

— Чепуха! — фыркнул Луис. — Знаю я этих психоаналитиков, у меня их шестеро было в штате. Ты завистлив, но ленив — вот в чем беда. Где не удастся сразу сорвать большой куш, там ты отступаешь. Долгая борьба, упорный труд — не для тебя.

«Но ведь я уже сорвал большой куш, — подумал тогда Джонни. — Ведь работать на Луиса Сараписа мечтает каждый. В его концерне найдется профессия на любой вкус.»

У него возникло подозрение, что в очереди к гробу стоят не родные и близкие Сараписа, а его служащие и их родственники.

Быть может, среди них есть и те, для кого три года назад, в разгар кризиса, Сарапис добился пособий по безработице, настояв на принятии Конгрессом соответствующего закона. Сарапис — покровитель обездоленных, голодных, нищих. И те, для кого он открыл множество бесплатных столовых, тоже здесь.

Быть может, некоторые из них не в первый раз проходят мимо гроба.

От прикосновения к плечу Джонни вздрогнул.

— Скажите, вы — мистер Бэфут из отдела общественных связей? — спросил дежурный охранник.

— Да. — Бросив в урну окурки, Джонни отвинтил крышку термоса. — Выпейте кофе, — предложил он. — Или вы уже закалились?

— Еще нет. — Охранник взял кофе. — Знаете, мистер Бэфут, я всегда вами восхищался. Ведь вы — недоучка, а сумели подняться на самый верх. У вас огромное жалованье, не говоря уж об известности. Вы — кумир для нас, недоучек.

Джонни что-то буркнул и хлебнул кофе.

— Вообще-то, хвалить нам с вами надо не себя, а Сараписа. Он дал нам работу. Мой шурин тоже у него служил, а устроился, между прочим, пять лет назад, когда нигде в мире не было рабочих мест. Да, кремьень был человек — не дает профсоюзам совать нос в его дела, и точка! Зато скольким старикам платил пенсию до самой смерти... Папаше моему, например... А сколько законов протолкнул через Конгресс! Кабы не он, не было бы у нуждающихся многих льгот...

Джонни опять что-то пробормотал.

— Не удивительно, что нынче здесь так много народу, — заключил охранник. — Теперь, когда его не стало, кто поможет бедолагам-недоучкам вроде нас с вами?

По всем вопросам, касающимся хранения тела Луиса Сараписа, владельцу «Усыпальницы Возлюбленной Братии» Герберту Шенхайту фон Фогельзангу по закону полагалось обращаться к адвокату покойного. Фон Фогельзангу необходимо было узнать расписание периодов послежизни Сараписа; от него самого зависело лишь техническое обслуживание.

Вопрос выглядел пустяковым, но лишь на первый взгляд. Оказалось, что до мистера Клода Сен-Сира, знаменитого адвоката, невозможно дозвониться.

«Ах ты, черт! — мысленно выругался фон Фогельзанг. — Видать, что-то случилось. Чтобы с такой важной шишкой нельзя было связаться — немыслимо!»

Он звонил из «склепа» — подвала, куда помещали на длительное хранение послеживущих. Возле его стола переминался с ноги на ногу человек с квитанцией в руке — видимо,

пришел за родственником. Близилось Воскрешение — день, когда публично чествуются послеживущие; начинался наплыв родных и близких.

— Да, сэр, — с любезной улыбкой отозвался Герб. — Я лично выполню вашу просьбу.

— Моей бабушке уже под восемьдесят, — сказал посетитель. — Совсем маленькая и сухонькая. Я пришел не проводить ее, а забрать насовсем.

— Пожалуйста, обождите минутку. — Герб встал и отправился на поиски ящика номер 3054039-Б.

Отыскав нужный гроб, он прочитал сопроводительную табличку. Старушке оставалось менее пятнадцати суток послежизни. Он машинально включил миниатюрный усилитель, прикрепленный к стеклянной стенке гроба, настроил на частоту головного мозга. Послышался слабый голос: «...а потом Тилли подвернула ножку и растянула сухожилие на лодыжке, и мы уж думали, это навсегда, а она, глупышка, не хотела лежать в постели...»

Удовлетворенный, Герб выключил усилитель и, подождав техника, велел поставить ящик 3054039-Б на платформу, где посетитель мог погрузить его в машину или вертолет.

— Вы ее выписали? — спросил посетитель, доставая чековую книжку, когда Герберт вернулся в «склеп».

— Собственноручно, — ответил владелец усыпальницы. — Состояние — идеальное. Счастливого Воскрешения, мистер Форд.

— Благодарю. — Посетитель направился к погрузочно-разгрузочной платформе.

«Когда придет мое время, — сказал себе Герб, — я завещаю наследникам оживлять меня раз в сто лет на один день. И узнаю, какая судьба ждет человечество».

Впрочем, твердо рассчитывать на это не приходилось. Содержание послеживущего стоит огромных денег, а значит, рано или поздно наследники заберут Герба из усыпальницы, вытащат из гроба и — прости их, Господи! — похоронят.

— Похороны — варварство, — вслух пробормотал Герб. — Пережиток первобытной стадии нашей культуры.

— Да, сэр, — подтвердила из-за пишущей машинки мисс Бесмэн, секретарша.

Герб окинул взглядом «склеп» — в проходах между гробами несколько посетителей тихо беседовали с послеживущими. Эти люди, регулярно приходящие сюда, чтобы выразить любовь и уважение своим близким, действовали на него умиротворяюще. Они делились с родственниками новостями, старались приободрить, если те впадали в тоску. А главное — они платили Гербу Шенхайту фон Фогельзангу. Бизнес у него, что ни говори, был прибыльным.

— У моего отца что-то с голосом, — сказал молодой человек, когда Герб встретился с ним взглядом. — Не могли бы вы подойти на минутку?

— Ну конечно. — Герб встал и направился по проходу к молодому человеку. Его отцу, судя по сопроводительной табличке, оставалось несколько суток послежизни, что объясняло затухание электрических колебаний в клетках мозга. Но мозг еще действовал — голос старика зазвучал громче, когда Герб покрутил ручку настройки. «Кончается», — подумал Герб. Ему было ясно, что сын не читал сопроводительную табличку и не знает, что пора прощаться с отцом. Поэтому Герб отошел, оставив их наедине. Какой смысл огорчать молодого человека?

Из кузова грузовика, подъехавшего к платформе, вылезли двое в одинаковой голубой униформе. «Компания «Атлас Интерплан», — догадался Герб. — «Перевозки и хранение». Доставили новенького, или кого-нибудь увезут». — Он направился к грузовику.

— Чем могу служить?

Водитель, высунув голову из кабины, буркнул:

— Мы привезли мистера Сараписа. Все готово?

— Абсолютно, — поспешил ответить Герб. — Но без распоряжения мистера Сен-Сира я не вправе что-либо предпринимать. Когда он вернется?

Вслед за грузчиками на платформу сошел жгучий брюнет с глазами, словно черные блестящие пуговицы.

— Я — Джон Бэфут. Согласно завещанию Луиса Сараписа, отвечаю за его тело. Надо его немедленно оживить, таково указание покойного.

— Понятно, — кивнул Герб. — Что ж, не возражаю. Давайте сюда мистера Сараписа, мы его мигом оживим.

— Холодно тут у вас, — заметил Бэфут. — Холодней, чем в зале.

— Да, мистер Бэфут, вы правы, — согласился Герб.

Грузчики выкатили гроб на платформу. Мельком взглянув на мертвеца — крупного, серолицего — Герб подумал: «Типичный старый пират. Все-таки хорошо, что он умер. Всем стало легче, хоть он и слыл благодетелем. Да и кому в наше время нужна милостыня, тем более от него...»

Разумеется, он не стал делиться этими мыслями с Бэфутом, а молча повернулся и повел грузчиков в подготовленную для Сараписа комнату.

— Через пятнадцать минут он заговорит, — пообещал Герб проявлявшему нетерпение Бэфуту. — Не беспокойтесь, на этой стадии у нас не бывало сбоев. В начале послежизни остаточный электрический заряд, как правило, очень устойчив.

— Давайте об этом позже, — проворчал Бэфут. — Если возникнут технические проблемы.

— Почему он так спешит с возвращением? — спросил Герб.

Поморщившись, Бэфут промолчал.

— Извините. — Герб снова склонился над гробом и стал возиться с проводами, надежно прикрепленными к катодным клеммам. — При сверхнизких температурах электрический ток идет практически беспрепятственно, — привычно объяснил он. — При минус ста пятидесяти сопротивление почти нулевое. Поэтому сейчас мы услышим четкий и громкий сигнал, — заключил он, ставя на место колпачок анода и демонстративно включая усилитель.

Слабый гул. И ничего больше.

— Ну? — буркнул Бэфут.

— Сейчас проверю, — растерянно промямлил Герб.

— Вот что, — тихо произнес Бэфут, — если, не дай Бог... — продолжать не было необходимости — Герб знал, чем ему грозит неудача с оживлением Сараписа.

— Он хочет участвовать в национальном съезде демократо-республикацев? — спросил Герб.

Съезд должен был начаться в Кливленде через месяц. В прошлом Сарапис весьма активно участвовал в закулисной деятельности политических группировок, как демократо-республиканской, так и либеральной. Поговаривали, что в последней кампании демократо-республиканец Альфонс Гэм был его ставленником. Красивый, элегантный Гэм имел все шансы на победу, но удача оказалась не на его стороне.

— Ну? — торопил Бэфут. — Что, еще не слышать?

— М-м... похоже... — начал Герб.

— Понятно. — У Бэфута было мрачное лицо. — Если через десять минут он не заговорит, я свяжусь с мистером Сен-Сиром, и мы заберем его отсюда, а вас привлечем к суду за преступную небрежность.

— Я делаю, что могу. — Герб вспотел, пока возился с гробом. — Мистер Бэфут, учтите, трупы замораживаем не мы. Может быть, тут не наша вина...

Сквозь ровный гул прорвалось потрескивание.

— Это что-нибудь значит? — спросил Бэфут.

— Нет, — поспешно ответил Герб. На самом деле это было дурным предзнаменованием.

— Продолжайте, — бросил Бэфут. Он напрасно взял такой тон — Герберт Шенхайт фон Фогельзанг и так мобилизовал все свои силы, знания и многолетний профессиональный опыт. Но безуспешно — Луис Сарапис безмолвствовал.

«Ничего у меня не выйдет, — со страхом осознал Герб. —

И непонятно, почему. Что стряслось? Такой важный клиент — и такой прокол!»

Он возился с проводами, не решаясь поднять глаза на Бэфута.

Оуэн Ангресс, главный инженер радиотелескопа, установленного в кратере Кеннеди на темной стороне Луны, обнаружил, что вверенная ему аппаратура зарегистрировала загадочный сигнал, посланный со стороны Проксимы, а точнее — из точки, находящейся в одной световой неделе от Солнечной системы. Прежде этот район не представлял интереса для Комиссии ООН по космическим коммуникациям, но то явление, с которым столкнулся Оуэн Ангресс, было из ряда вон выходящим.

Он услышал человеческий голос, усиленный огромной антенной телескопа.

— ...наверное, стоит попробовать, — заявил голос. — Если я их знаю, а я думаю, что знаю. Взять хотя бы Джонни. Он опустится, если я не буду за ним приглядывать, зато он не такой пройдоха, как Сен-Сир. Предположим, я смогу... — голос вдруг смолк.

«Что это?» — подумал ошарашенный Ангресс. И добавил шепотом:

— В одной пятьдесят второй светового года?

Он нарисовал на карте кружок. Ничего. Всего-навсего пылевые облака. Откуда же сигнал? Может быть, ретранслирован радиопередатчиком, находящимся где-нибудь поблизости? Или это просто эхо? Или компьютер неверно установил координаты? Да, скорее всего, это ошибка компьютера, нельзя же допустить, что некий индивидуум сидит у передатчика за пределами Солнечной системы и рассуждает вслух. Абсурд!

«Сообщу-ка я об этом Уайткофу и советской Академии Наук, — решил Ангресс. Уайткоф временно был назначен его руководителем, на следующий месяц его сменит Джемисон из Массачусетского технологического института. — А может, это корабль дальнего плавания?»

В этот миг голос снова заговорил:

— ...а Гэм — олух, продул выборы. Знает теперь, как нужно было поступить, — да уж поздно. Эге! — Мысли побежали быстрее, слова зазвучали отчетливей. — Я возвращаюсь? Прекрасно, самое время. Джонни, это ты?

Ангресс схватил телефонную трубку и набрал код Советского Союза.

— Говори, Джонни, — жалобно требовал голос. — Не молчи, сынок! У меня столько всего в голове накопилось — не терпится рассказать. Надеюсь, съезд еще не начался? Тут абсолютно не чувствуешь времени, не видишь ничего и не

слышишь. Погоди, вот попадешь сюда, тогда узнаешь... — Голос снова затих.

— Феномен, как сказал бы Уайткоф, — заключил Ангресс.

ГЛАВА II

Вечером в телевизионных новостях рассказывали об открытии, сделанном с помощью лунного радиотелескопа. Но Клод Сен-Сир не смотрел телевизор — он принимал гостей.

— Да, — говорил он Гертруде Харви, — как это ни смешно, но я собственной рукой написал завещание, внеся в него и тот пункт, по которому с момента смерти Луиса, несмотря на все мои заслуги, автоматически считаюсь уволенным. Я скажу вам, почему Луис так поступил: из-за своих параноидальных подозрений. Втемяшил себе в голову, что этот пункт застрахует его от... — Он помолчал, отмеривая и переливая в бокал с джином порцию сухого вина. — От преждевременной гибели.

Клод усмехнулся. Гертруда, в несколько картинной позе сидевшая на диване рядом с мужем, улыбнулась в ответ.

— Это ему не помогло, — задумчиво произнес Фил Харви.

— Черт! — выругался Сен-Сир. — Я не виноват в его смерти. Это эмболия — комок жира, как пробка в бутылочном горлышке. — Он засмеялся: понравилось сравнение. — У природы свои средства...

— Погоди! — перебила Гертруда. — Тут что-то интересное говорят.

Она подошла к телевизору и опустилась на корточки.

— А! Наверное, это Кент Маргрэйв, олух царя небесного, — с усмешкой предположил Сен-Сир. — Очередная выдающаяся речь.

Маргрэйв уже четыре года был Президентом. Ему, либералу, удалось победить Альфонса Гэма — протеже самого Сараписа. Все-таки, несмотря на множество недостатков, Маргрэйв был настоящим политиком. Он сумел убедить большинство избирателей, что марионетка Сараписа — не лучшая кандидатура на пост Президента.

— Нет. — Гертруда одернула юбку на коленях. — Кажется, это космическое агентство. Говорят о чем-то научном.

— О научном! — Сен-Сир расхохотался. — Что ж, давайте послушаем. Обожаю науку. Сделай погромче.

«Не иначе, нашли новую планету в системе Ориона, — подумал он. — Еще одну. Чтобы у нас была цель для коллективного существования».

— Сегодня вечером ученых Соединенных Штатов и Советского Союза поверг в недоумение голос, доносящийся из открытого космоса, — сообщил диктор.

— Ой, не могу! — захихикал Сен-Сир. — Голос из открытого космоса! — Держась за живот, он попятился от телевизора. — Только этого нам и не хватало, — сказал он Филу, давясь смехом, — голос, который окажется... чьим, как ты думаешь?

— Чьим? — спросил Фил.

— Господним, разумеется! Радиотелескоп в кратере Кеннеди поймал Глас Божий. И теперь мы получим новые десять заповедей, или, на худой конец, несколько скрижалей. — Сняв очки, он вытер глаза льяным ирландским платком.

— А я согласен с женой, — серьезно произнес Фил. — И нахожу это удивительным.

Сен-Сир улыбнулся.

— Запомни мои слова, дружище. В конце концов выяснится, что какой-нибудь японский студент потерял между Землей и Каллисто транзисторную рацию. Со временем она уплыла за пределы Солнечной системы, ее засек телескоп — и вот тебе непостижимая загадка. — Он перестал улыбаться. — Гертруда, выключи телевизор. У нас с Филом серьезный разговор.

Гертруда с неохотой повиновалась. Вставая, спросила:

— Клод, правда, что в усыпальнице не смогли оживить старого Луиса? Что он сейчас не в послежизни, как планировал?

— В этих заведениях все как воды в рот набрали, — ответил Сен-Сир. — Но ходят слухи. — На самом деле он знал, что случилось — в «Вильгельмине» у него были друзья. Но не хотел признаваться в этом Филу Харви.

Гертруда поежилась.

— Подумать только — он ушел и больше не вернется. Как это ужасно!

— Но ведь небытие — естественное состояние умершего, — заметил ее муж, потягивая martini. — До начала нашего века никто и мечтать не смел о послежизни.

— Но мы-то к ней привыкли, — упрямо возразила Гертруда.

— Давай вернемся к нашему разговору, — предложил Сен-Сир.

Фил пожал плечами.

— Давай, если считаешь, что нам есть о чем поговорить. — Он испытующе посмотрел на Сен-Сира. — Я могу зачислить тебя в штат, если ты действительно этого хочешь. Но на такую работу, как у Луиса, не рассчитывай. Это было бы несправедливо по отношению к моим юристам.

— Понимаю, — сказал Сен-Сир.

Фирма Харви, специализирующаяся на космических пе-

ревозках грузов, была малюткой по сравнению с предприятием Сараписа, а Фил считался бизнесменом третьей руки. Но именно к нему хотел устроиться Сен-Сир, ибо верил: через год с его опытом и связями, приобретенными на службе у Сараписа, он ототрет Харви и приберет «Электра Энтерпрайзиз» к рукам.

Первую жену Фила звали Электрой. Сен-Сир был с ней знаком, нередко навещал ее после развода, а в последние недели их встречи приобрели интимный характер. Сен-Сир знал, что на бракоразводном процессе Электру обвели вокруг пальца — Харви нанял крупное юридическое светило, и это светило в два счета обставило адвоката Электры, каковая роль выпала младшему партнеру Сен-Сира — Гарольду Фэйну. С тех пор Сен-Сир не переставал упрекать себя — надо было самому защищать интересы Электры. Но в то время он так глубоко увяз в делах Сараписа... Нет, тогда это было просто невозможно.

Теперь, когда Сарапис умер, а «Вильгельмина», «Атлас» и «Экимидизн» не нуждаются в услугах Сен-Сире, можно исправить ошибку, придя на помощь женщине, которую Сен-Сир любил.

Но спешить с этим не следует. Первостепенная задача — устроиться к Харви, в юридический отдел. Чего бы это ни стоило.

— Ладно, — без особого воодушевления согласился Харви, тем не менее протягивая Сен-Сиру руку. — Между прочим, до меня дошли слухи, — он сделал многозначительную паузу, — о том, почему Сарапис решил тебя уволить. Это кое в чем не сходится с твоей версией.

— Вот как? — беспечно произнес Сен-Сир.

— По-видимому, он заподозрил кого-то — возможно, тебя, — в решении воспрепятствовать его возвращению в послежизнь. Якобы он узнал, что ты намеренно выбрал усыпальницу, где у тебя есть знакомые... которым по той или иной причине не удастся его оживить. — Фил пристально смотрел в глаза Сен-Сиру. — Все это очень похоже на то, что случилось. Ты не находишь?

Последовала долгая пауза.

— Но какая Клоду от этого выгода? — спросила наконец Гертруда.

Харви пожал плечами и задумчиво потер подбородок.

— Не имею представления. Сказать по правде, я не до конца понимаю, что такое послежизнь. Говорят, в этом состоянии человек становится куда более проникательным, чем при жизни. Видит вещи в ином свете, если можно так выразиться.

— Так считают психологи, — подтвердила Гертруда. — В старину церковники называли это прозрением.

— Быть может, Клод испугался, что Луис станет чересчур догадлив. Но это лишь предположение.

— Вот именно, предположение, как и план убийства, — сказал Сен-Сир. — На самом деле у меня нет знакомых в усыпальницах. — Его голос звучал твердо — Сен-Сир умел держать себя в руках. Но тема разговора была ему крайне неприятна.

В гостиную вошла горничная и сообщила, что стол накрыт к обеду. Гертруда и Фил встали, и Клод проводил их в столовую.

— Скажи, — обратился к нему Фил, — кто наследник Сараписа?

— Кэти Эгмонт, двадцатилетняя внучка, — ответил Сен-Сир. — Живет на Каллисто. Она, знаешь ли, такая... малость не в себе. Пять раз побывала в тюрьме, в основном, за употребление наркотиков. Потом вроде бы сумела вылечиться, а теперь вступила в какую-то секту. Я с ней ни разу не встречался, но практически вся ее переписка с дедом прошла через мои руки.

— Значит, после того, как завещание будет официально утверждено, Кэти получит все, чем обладал ее дед, — задумчиво произнес Фил. — В том числе политическое влияние.

— Нет уж, дудки! — возразил Сен-Сир. — Политическое влияние не подаришь и не передашь по наследству. Кэти получит только концерн «Экимидиэн», да и то не весь, а лишь центральную акционерную компанию «Вильгельмина Сикьюритиз», действующую по лицензии штата Делавэр. Но мне не верится, что Кэти способна разобраться в наследстве и заменить собой Сараписа.

— Ты не слишком оптимистично настроен, как я погляжу.

— Кэти, судя по ее письмам, — психически больная, испорченная, взбалмошная и непредсказуемая женщина. Со всем не такого человека я хотел бы видеть наследником Луиса.

С этими словами он уселся за стол, и супруги Харви последовали его примеру.

Ночью, разбуженный телефонным звонком, Джонни Бэфут уселся на кровати и нашарил на столике трубку.

— Алло? — буркнул он. — Кому это не спится, черт возьми?

Лежавшая рядом Сара Белле натянула на голову одеяло.

— Простите, мистер Бэфут... — услышал он ломкий женский голос. — Не хотела вас будить, но мой адвокат посоветовал сразу по прибытии на Землю связаться с вами. Я Кэти Эгмонт, хотя на самом деле меня зовут Кэти Шарп. Вы слышали обо мне?

— Да. — Джонни протер глаза, зевнул и поежился — в комнате было холодно. Сара отвернулась к стене. — Хотите, чтобы я вас встретил? Вы уже решили, где остановитесь?

— На Терре у меня нет друзей, — сказала Кэти. — В космопорту мне сказали, что «Беверли» — неплохой отель, там я, наверное, и заночую. Я сразу вылетела с Каллисто, как только узнала, что умер дедушка.

— Вы прибыли весьма своевременно. — Джонни рассчитывал, что Кэти прилетит через сутки, не раньше.

— Скажите, мистер Бэфут, а что, если... Кэти замялась. — Что, если я поживу у вас? Знаете, страшновато как-то в большом отеле, где никого не знаешь.

— Извините, я женат, — ответил он, не задумываясь, но тут же спохватился: такая отговорка могла показаться оскорбительной. — Я имею в виду, у нас нет свободной комнаты. Переночуйте в «Беверли», а утром мы подыщем вам более подходящую гостиницу.

— Хорошо, — согласилась Кэти. Голос ее звучал покорно и вместе с тем взволнованно. — Мистер Бэфут, скажите, удалось воскресить дедушку? Он уже в послежизни?

— Нет, — ответил Джонни. — Пока никаких результатов. Но мы не теряем надежды. — Когда он покидал стены усыпальницы, над гробом колдовали пятеро техников.

— Я знала, что это случится, — со вздохом произнесла Кэти.

— Откуда?

— Видите ли, дедушка... очень не похож на других людей. Но вы, наверное, лучше меня об этом знаете, ведь вы столько лет проработали с ним бок о бок. Я не могу представить его неподвижным, беспомощным... Ну, вы понимаете. После всего, что он сделал — разве можно вообразить его таким?

— Давайте поговорим завтра, — предложил Джонни. — Я подъеду в гостиницу к девяти, хорошо?

— Да, это было бы прекрасно. Рада была с вами познакомиться, мистер Бэфут. Надеюсь, вы останетесь в «Экимидиэн», будете работать у меня. Спокойной ночи.

В трубке щелкнуло, послышались гудки.

«Мой новый босс, — мысленно произнес Джонни. — Нда...»

— Кто это был? — прошептала Сара. — Среди ночи...

— Владелец «Экимидиэн», — ответил Джонни. — Мой хозяин.

— Луис Сарапис? — Жена порывисто села. — А... внучка. Что, уже прилетела? Как она?

— Трудно сказать, — задумчиво произнес он. — В общем, не в своей тарелке. Долго жила на маленькой планетке, на Терре ей с непривычки страшновато. — Он не стал рассказывать жене о пристрастии Кэти к наркотикам и тюремным отсидкам.

— А зачем она прилетела? Хочет вступить во владение

наследством? Разве ей не надо ждать, когда закончится послежизнь Луиса?

— По закону он мертв. Завещание вступило в силу, — ответил Джонни и ехидно подумал: «Более того — он уже и не в послежизни. Быстрозамороженный труп в пластмассовом гробу. Да и не так уж быстро замороженный, вероятно.»

— Как считаешь, ты с ней сработаешься?

— Не знаю, — искренне ответил он. — Не уверен, что стоит пытаться. — Ему не по душе была перспектива работать у женщины, особенно молодой, да еще и психопатки, если верить слухам. Хотя по телефонному разговору не скажешь, что она психопатка.

Он лежал и думал. Спать расхотелось.

— Наверное, она хорошенькая, — сказала Сара. — Ты в нее влюбишься и бросишь меня.

— Нет уж, — возразил он. — Обойдусь без подобных крайностей. Попробую поработать у нее несколько месяцев, а там, глядишь, подвернется местечко получше. — Сказав это, он подумал: «А как же Луис? Сможем ли мы его оживить? Будем ли стараться?»

Старик, если удастся его вернуть, найдет управу на внуку, пусть даже юридически и физически будет мертв. Он снова окажется в центре сложнейшей экономической и политической сферы, заставит ее двигаться к одному ему ведомой цели. Не случайно он собирался ожить именно сейчас, перед началом съезда демократо-республиканцев. Луис точно знал, еще бы ему не знать, на что способна женщина, которую он делает своей наследницей. Без его помощи внука не сдвинет с места такую махину, как «Экимидизн». «И от меня тут мало проку, — подумал Джонни. — Это было бы по плечу Сен-Сиру, но он выведен из игры. Что остается? Оживить старину Сараписа любой ценой, хотя бы для этого пришлось возить его по всем усыпальницам Соединенных Штатов, Кубы и России».

— У тебя мысли путаются, — сказала Сара. — По лицу видно. — Она уже включила ночник и надела халат. — Кто же думает среди ночи о серьезных вещах?

«Такой же разброд в мыслях, наверное, у послеживущих», — вяло подумал Джонни. Он потряс головой, стряхивая сонливость.

Утром, оставив машину в подземном гараже отеля «Бeverли», он поднялся на лифте в вестибюль и подошел к конторке администратора. Тот встретил его улыбкой. «А здесь не так уж и роскошно, — подумал Джонни. — Правда, чисто. Респектабельная гостиница для семей и одиноких бизнесме-

нов, отошедших от дел. Наверное, свободных номеров почти не бывает. Кэти, видимо, привыкла жить на скромные средства».

Он спросил у администратора, где Кэти. Тот указал на вход в буфет.

— Миссис Шарп завтракает. Она предупредила о вашем приходе, мистер Бэфут.

В буфете оказалось немало народу. Джонни остановился у порога, огляделся. В дальнем углу сидела темноволосая (крашеная, решил он) девушка с застывшим, словно неживым, лицом, без косметики казавшимся неестественно бледным. «Выражение огромной утраты, — с ходу определил Джонни. — И это не притворство, не попытка вызвать сострадание — она действительно глубоко опечалена».

— Кэти? — обратился он к брюнетке.

Девушка подняла голову. В глазах — пустота, на лице — ничего, кроме горя.

— Да, — слабым голоском ответила она. — А вы, — Джонни Бэфут?

Джонни сел рядом с нею. Кэти затравленно посмотрела на него, будто ожидала, что ее сейчас повалят на сиденье и изнасилуют. «Одинокая зверушка, загнанная в угол, — подумал он. — Весь мир против нее».

«Возможно, бледность на лице — от наркотиков, — предположил Джонни. — Но почему у нее такой бесцветный голос? И все-таки она хорошенькая. Будь это нежное, приятно очерченное лицо чуточку живее... Возможно, оно было таким. Несколько лет назад».

— У меня всего пять долларов осталось, — сказала Кэти. — Едва хватило денег на дорогу в один конец, на ночлег и завтрак. Простите, вы... — Она замаялась. — Не знаю, что и делать. Вы бы не могли сказать... мне сейчас уже что-нибудь принадлежит? Из дедушкиного наследства? Могу я взять денег под залог?

— Я выпишу чек на сто долларов — отдадите, когда сможете, — предложил Джонни.

— Правда? — в ее глазах мелькнуло изумление, затем улыбка тронула губы. — Какой вы доверчивый! Или хотите произвести впечатление? Как насчет вас распорядился дедушка? Мне читали завешание, но я забыла, так быстро все завертелось...

— В отличие от Клода Сен-Сира, я не уволен, — глухо произнес Джонни.

— В таком случае, вы остаетесь. — От этого решения, казалось, ей стало легче. — Простите... правильно ли будет сказать, что теперь вы работаете на меня?

— Правильно, — ответил Джонни. — Если вы считаете, что вашей фирме нужен шеф отдела общественных связей. Луис не всегда был в этом уверен.

— Скажите, что сделано для его воскрешения?

Джонни рассказал. Выслушав, Кэти задумчиво спросила:

— Выходит, пока никто не знает, что он мертв?

— С уверенностью могу сказать, почти никто. Только я да владелец усыпальницы со странным именем Герб Шенхайт фон Фогельзанг, да еще, быть может, несколько высокопоставленных лиц в транспортном бизнесе, вроде Филя Харви. Возможно, сейчас об этом стало известно и Сен-Сиру. Но поскольку время идет, а Луис молчит, пресса, разумеется...

— Прессой займетесь вы, мистер Фаннифут*, — улыбнулась Кэти. — Ведь это ваша обязанность. Давайте интервью от имени дедушки, пока мы не воскресим его или не признаем его смерть. Как вы думаете, мы ее признаем? — Помолчав, она тихо произнесла: — Хотелось бы его увидеть. Если можно. Если вы не считаете, что это повредит делу.

Я отвезу вас в Усыпальницу Возлюбленной Братии. Мне все равно нужно быть там через час.

Кэти кивнула и склонилась над тарелкой.

Стоя рядом с девушкой, не отрывающей глаз от прозрачного гроба, Джонни Бэфут думал: «Может быть, она сейчас постучит по крышке и скажет: «Дедушка, проснись!» И я не удивлюсь, если это поможет. Ничто другое не поможет, это ясно».

Втянув голову в плечи, Герб Шенхайт жалобно бормотал:

— Мистер Бэфут, я ничего не понимаю. Мы всю ночь трудились, не покладая рук, несколько раз проверяли аппаратуру — хоть бы малейший проблеск... Все же электроэнцефалограф регистрирует очень слабую активность мозга. Сознание мистера Сараписа не угасло, но мы не в силах войти с ним в контакт. Видите, мы зондируем каждый квадратный сантиметр мозга. — Он показал на множество тонких проводов, соединяющих голову мертвеца с усилителем.

— Метаболизм мозга прослеживается? — спросил Джонни.

— Да, сэр, в нормальных пропорциях, как утверждают приглашенные нами эксперты. Именно такой, каким он должен быть сразу после смерти.

— Все это бесполезно, я знаю, — тихо произнесла Кэти. — Он слишком велик для такой участи. Послежизнь —

* Кэти намеренно путает фамилию Джонни. Бэфут — в переводе с английского «босая нога», Фаннифут — «смешная нога».

удел престарелых родственников. Старушек, которых раз в год под Воскрешение выкатывают из подвала.

Они молча шли по тротуару. Был теплый весенний день, деревья стояли в розовом цвету. Вишни, определил Джонни.

— Смерть, — прошептала Кэти. — И воскрешение. Чудо технологии. Может быть, Луис узнал, каково там, по ту сторону, и просто не захотел возвращаться?

— Но ведь Фогельзанг утверждает, что электрическая активность мозга прослеживается, — возразил Джонни. — Луис здесь, он о чем-то думает... — На переходе через улицу Кэти взяла его под руку. — Я слышал, вы интересуетесь религией? — спросил он.

— Интересуюсь, — подтвердила Кэти. — Знаете, однажды я приняла большую дозу наркотика — неважно, какого. В результате — остановка сердца. Мне сделали открытый массаж, электрошок, ну, и так далее. Несколько минут я находилась в состоянии клинической смерти и испытала то, что, наверное, испытывают послеживущие.

— Там лучше, чем здесь?

— Нет. Там — иначе. Как во сне. Хотя во сне ты осознаешь неопределенность, нереальность происходящего, а в смерти все ясно и логично. И еще — там не чувствуешь силы тяжести. Вам трудно понять, насколько это важно, но для сравнения попытайтесь представить сон в условиях невесомости. Совершенно новые, ни с чем не сравнимые ощущения.

— Этот сон вас изменил?

— Помог избавиться от пагубной привычки, вы это хотели спросить? Да, я научилась контролировать свой аппетит. — Остановившись у газетного киоска, Кэти указала на один из заголовков. — Смотрите!

«ГОЛОС ИЗ ОТКРЫТОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА — ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ УЧЕНЫХ», — прочитал Джонни. И сказал вслух:

— Занятно.

Кэти взяла газету и пробежала глазами заметку.

— Странно, — задумчиво произнесла она. — В космосе — мыслящее, живое существо. Прочтите. — Она протянула газету Джонни. — Я тоже, когда умерла... летела в открытом пространстве, удаляясь от Солнечной системы. Сначала исчезло притяжение планет, а потом и Солнце. Интересно, кто это?

— Десять центов, сэр или мэм, — сказал вдруг робот-газетчик.

Джонни опустил в щелку десятицентовик.

— Думаете, дедушка? — спросила Кэти.

— Вряд ли.

— А мне кажется — он. — Кэти стояла, пристально глядя вдаль. — Судите сами: он умер неделю назад, и голос доносится из точки, находящейся в одной световой неделе от Земли. По времени сходится. — Она ткнула пальцем в газету. — Здесь говорится о вас, Джонни, обо мне и о Клоде Сен-Сире, уволенном адвокате. И о выборах. Речь, конечно, сбивчива, слова искажены. После смерти мысли именно такие — быстрые, сжатые и наслаиваются друг на друга. — Посмотрев ему в глаза, Кэти улыбнулась. — Итак, Джонни, перед нами — сложнейшая проблема. С помощью лунного радиотелескопа мы можем слушать дедушку, но не можем с ним говорить.

— Но не будете же вы...

— Буду! — оборвала его Кэти. — Я знаю: послежизнь дедушку не устроила. Он покинул Солнечную систему и теперь обитает в световой неделе от нас. Он приобрел новые, невообразимые возможности. Что бы он ни затеял... — Кэти резко пошла вперед, и Джонни поспешил следом, — его замысел не уступает тем, которые он вынашивал и осуществлял на Земле. И теперь никто не сможет ему помешать. — Кэти обернулась к Джонни. — Что с вами? Испугались?

— Вот еще! — фыркнул Джонни. — Неужели вы думаете, что ваши слова могут быть восприняты всерьез?

— Конечно, испугались. Ведь он теперь, наверное, может очень многое. Например, влиять на наши мысли, слова и поступки. Даже без радиотелескопа он способен связаться с нами хоть сию секунду. Через подсознание.

— Не верю, — упорствовал Джонни. В глубине души он не сомневался в ее правоте. Луис Сарапис обязательно ухватился бы за такую возможность.

— Скоро начнется съезд, и мы узнаем много нового. Дедушка всегда занимался политикой. В прошлый раз он не смог обеспечить Гэму победу, а он не из тех, кто смиряется с поражениями.

— Гэм? — удивился Джонни. — Он что, еще жив? Четыре года назад он как в воду канул.

— Дедушка с ним не порывал, — сказала Кэти. — Гэм живет на Ио, разводит не то индюшек, не то уток. И ждет.

— Чего ждет?

— Встречи с моим дедушкой, — ответила Кэти. — Как тогда, четыре года назад.

Оправясь от изумления, Джонни произнес:

— За Гэма никто не отдаст голоса.

Кэти молча улыбнулась, но при этом крепко сжала его руку. Будто опять чего-то боялась, как ночью, когда звонила ему из космопорта.

ГЛАВА III

В приемной офиса «Сен-Сир и Фэйн» Клод Сен-Сир увидел человека средних лет — довольно красивого, в элегантном костюме-тройке и при галстукке.

— Мистер Сен-Сир! — воскликнул посетитель, поднимаясь с кресла.

— Мне некогда, — буркнул Сен-Сир, торопившийся на встречу с Харви. — Запишитесь у секретаря.

Мгновением позже он узнал посетителя. Перед ним стоял Альфонс Гэм собственной персоной.

— Я получил телеграмму от Луиса Сараписа. — Гэм сунул руку в карман пиджака.

— Вынужден извиниться, — жестко произнес Сен-Сир, — но я теперь сотрудничаю с мистером Харви. Деловые отношения с мистером Сараписом прекращены несколько недель назад.

И все же любопытство не позволило ему уйти, оставив Гэма ни с чем. Они не встречались уже четыре года, а тогда, во время последних выборов, виделись довольно часто. Сен-Сиру даже пришлось быть адвокатом Гэма на нескольких процессах, связанных с клеветой. На одном из них Гэм выступал в роли истца, на остальных — ответчика. Сен-Сир не любил этого человека.

— Телеграмма пришла позавчера, — уточнил Гэм.

— Но ведь Сарапис... — Сен-Сир осекся и протянул руку. — Дайте взглянуть.

В телеграмме Сарапис заверял Гэма в своей поддержке на предстоящих выборах. Гэм не ошибся — телеграмма была отправлена третьего дня. Чушь какая-то.

— Не могу ничего объяснить, мистер Сен-Сир, — сухо сказал Гэм. — Но это похоже на Луиса. Он хочет, чтобы я снова баллотировался. Впрочем, вы сами видите. Я совершенно не в курсе происходящего, давно отошел от политики, развожу домашнюю птицу. Если допустить, что телеграмму послал не Луис, то вы, наверное, догадываетесь, кто и зачем это сделал.

— Как мог Луис послать телеграмму? — спросил Сен-Сир.

— Возможно, написал перед смертью, а кто-нибудь из помощников отнес на почту. Может быть, вы. — Гэм пожал плечами. — Впрочем, вряд ли. Наверное, мистер Бэфут. — Он забрал телеграмму.

— Вы действительно решили выставить свою кандидатуру? — спросил Сен-Сир.

— Почему бы и нет, если этого хочет Луис?

— И готовы снова проиграть? Идете на заведомо безнад-

ежное дело только потому, что упрямый, злопамятный старик... — Сен-Сир не договорил. Посмотрев Гэму в глаза, он посоветовал: — Лучше возвращайтесь к домашней птице. Выбросьте политику из головы. Вы — неудачник, об этом знает вся партия. Да что там партия — вся Америка.

— Как я могу связаться с мистером Бэфутом?

— Понятия не имею. — Сен-Сир направился к выходу.

— Мне нужен адвокат, — бросил Гэм вдогонку.

Сен-Сир остановился и обернулся.

— Зачем? Кто вас выдвинет на этот раз? Нет, мистер Гэм, вам не нужен адвокат. Вам нужен врач. Обратитесь к психиатру, он сумеет объяснить, почему вам снова вздумалось баллотироваться. Послушайте, — он сделал шаг к Гэму. — Луис и живой не вызвал бы вас, а уж тем более мертвый. — Сен-Сир отворил дверь.

— Подождите! — воскликнул Гэм.

Сен-Сир остановился на пороге.

— На сей раз я выиграю. — Голос Гэма звучал мягко, но уверенно — в нем отсутствовал прежний трепет.

— Что ж, ни пуха, ни пера, — мрачно пожелал Сен-Сир. — И вам, и Луису.

— Выходит, он жив? — У Гэма заблестели глаза.

— Разве я это сказал?

— Он жив, я это чувствую, — задумчиво произнес Гэм. — Вот бы с ним поговорить! Я побывал в нескольких усыпальницах, но пока — безрезультатно. Ничего, буду искать. Для того-то я и прилетел с Ио, чтобы посоветоваться с ним.

Кивком простившись с посетителем, Сен-Сир удалился. «Ну и ничтожество! — подумал он. — Бездарь, кукла Сарыписа. И еще в Президенты метит! — Его передернуло. — Боже упаси нас от такого лидера».

«А вдруг мы все уподобимся Гэму? Чепуха, не стоит и думать об этом. Впереди трудный день, а чтобы хорошо работалось, необходимо хорошее настроение».

Сегодня ему, как поверенному Фила Харви, предстояло обратиться с деловым предложением к Кэти Шарп, в девичестве Кэти Эгмонт. Если Кэти согласится, основной пакет акций будет перераспределен таким образом, что контроль над «Вильгельминой Сикьюритиз» перейдет в руки Харви. Подсчитать стоимость «Вильгельмины» было практически невозможно, но Харви предполагал расплатиться не деньгами, а реальной недвижимостью — он владел огромными земельными участками на Ганимеде, десять лет назад переданными ему по акту советским правительством в награду за техническую помощь, оказанную им России и ее колониям.

На согласие Кэти Сен-Сир не надеялся, но считал, что

предложить сделку надо. Следующий шаг — при мысли о нем Сен-Сир поежился — громкий вызов и экономическая борьба до победного конца между фирмой Харви и концерном Кэти. А концерн обречен, поскольку после кончины старика зашевелились профсоюзы. Происходило именно то, с чем беспощадно боролся Луис, — внедрение профсоюзных организаторов в «Экимидиэн».

Сен-Сир к профсоюзам относился с симпатией — они весьма своевременно вышли на сцену. Прежде их отпугивали грязная тактика, неисчерпаемая энергия и невероятная изобретательность старика. Кэти этими качествами не обладала, а Джонни Бэфут...

Что тут может сделать недоучка? Пусть даже этот недоучка — алмазное зерно из навозной кучи посредственностей. Бэфут не распоряжается концерном, у него другие заботы. Он создает общественный имидж Кэти. Он уже начал было преуспевать, но тут подали голос профсоюзы. Кэти припомнили наркотики, тюремные сроки, мистические наклонности, и труд Джонни пошел насмарку.

Что ему удалось, так это сделать из нее образец женского обаяния. Кэти красива, выглядит нежной и невинной, чуть ли не ангелом. На этом и сыграл Джонни. Вместо того, чтобы цитировать ее перед репортерами, он наводнил прессу фотоснимками: то она с собаками, то с детьми, то на ярмарке, то в больнице, то на благотворительном вечере...

Но Кэти, как назло, запятнала и этот образ. Запятнала неожиданно для всех, заявив во всеуслышание, что она — подумать только! — общается с дедом. Дескать, это он висит в космосе в световой неделе от кратера Кеннеди и шлет сигналы. Весь мир слышит Луиса, а Луис чудесным образом слышит свою внучку.

Выйдя из лифта на крышу, где находилась площадка для вертолетов, Сен-Сир расхохотался. От газетчиков, любителей жареных фактов, не укрылся ее религиозный бзик. Кроме того, Кэти слишком много болтает — на светских раутах, в ресторанах и маленьких, но популярных барах. Даже Бэфуту не всегда удастся удержать ее от болтовни. Вспомнить хотя бы тот инцидент на вечеринке, когда она разделась донага и заявила, что пришел час очищения. И приступила к ритуальной церемонии, помазав себе известные места малиновым лаком для ногтей... Пьяна, конечно, была в стельку.

«И эта женщина управляет концерном «Экимидиэн»! — подумал Сен-Сир. — Во что бы то ни стало надо ее устранить. Ради моего и общественного блага. — Сен-Сир не сомневался в том, что общество настроено против Кэти. — Пожалуй, Джонни — единственный, кто в этом сомневается, — под-

умал он. — Джонни к ней равнодушен, вот в чем причина. Интересно, как относится к этому Сара Белле?»

Сен-Сир уселся в вертолет, захлопнул дверцу и вставил ключ в замок зажигания. И тут снова в голову полезли мысли об Альфонсе Гэме. Хорошего настроения как не бывало.

«Два человека ведут себя так, будто Луис Сарапис еще жив, — осознал он. — Кэти Эгмонт-Шарп и Альфонс Гэм».

Двое самых отъявленных неудачников.

И вот ведь странно — его, Сен-Сира, до сих пор что-то связывает с ними. Что? Неужели судьба?

«А ведь мне теперь не легче, чем под крылышком старого Луиса, — подумал он. — Кое в чем куда тяжелее».

Взглянув на часы, он обнаружил, что опаздывает, и включил бортовую рацию.

— Фил, ты слышишь меня? Это Сен-Сир. Я уже в пути, лечу на запад. — Он замолчал и вместо ответа услышал далекое, едва различимое бормотание, бегущие наперегонки слова. Он узнал эту речь — ее несколько раз передавали в телевизионных новостях.

— ...смотря на многочисленные нападки, быть много выше палат, которые не могут-де выдвинуть кандидатуру с подмоченной репутацией. Надо верить в себя, Альфонс. Люди сумеют отличить и оценить хорошего парня. Надо ждать и верить. С верой можно горы своротить. Я должен воочию убедиться, что труды всей моей жизни...»

«Это создание, находящееся в световое неделе от нас, — понял Сен-Сир. — Сигнал мощнее, чем прежде, он забивает каналы связи, словно интенсивные выбросы солнечной энергии. — Сен-Сир выругался и выключил рацию. — Радиоухлиганство, — мысленно произнес он. — Кажется, это противозаконно. Надо обратиться в Федеральную комиссию по средствам связи».

Вертолет летел над широким полем.

«Господи! — подумал Сен-Сир. — А ведь голос так похож на голос Луиса! Неужели Кэти Шарп права?»

В условленное время Джонни Бэфут прибыл в мичиганский офис «Экимидиэн» и застал Кэти в мрачном расположении духа.

— Неужели ты не видишь, что происходит? — глядя на него дикими глазами из угла кабинета, некогда принадлежавшего Луису, спросила она. — У меня все валится из рук, и это ни для кого не секрет.

— Не вижу, — солгал Джонни. — Пожалуйста, успокойся и сядь. С минуты на минуту придут Харви и Сен-Сир, надо держать себя в руках. — Он всей душой желал, чтобы встреча

не состоялась, но знал, что избежать ее не удастся, и потому не возражал, когда Кэти согласилась на нее.

— Я... должна сказать тебе нечто ужасное.

— Что именно? — с тревогой спросил Джонни, усаживаясь.

— Джонни, я снова принимаю наркотики. Как-то внезапно все навалилось — работа, ответственность... Не выдержала. Извини. — Она печально вздохнула и закрыла глаза.

— Что ты принимаешь?

— Разве это важно? Из группы амфетаминов. Я прочла в справочнике, что этот наркотик может вызвать психоз. Ну, и черт с ним! — Она повернулась спиной к Джонни. Кэти очень сдала за последние дни, и теперь Джонни знал, почему. От чрезмерных доз амфетамина организм работает на износ; материя превращается в энергию. С возвращением привычки у нее быстро развился псевдогипертиреоз, ускорились все соматические процессы.

— Очень жаль, — промямлил Джонни. Он до последней минуты гнал от себя страшную мысль о том, что это может случиться. — Тебе, наверное, лечиться надо.

«Интересно, где она раздобыла наркотик? — подумал он. Впрочем, у нее по этой части большой опыт».

— Главный симптом психоза — эмоциональная неустойчивость, — продолжала Кэти. — Сразу за вспышкой ярости — слезы. Не сердись на меня в таких случаях, ладно? Это наркотик виноват.

Джонни подошел и положил ладони ей на плечи.

— Вот что, Кэти. Скоро сюда придут Харви и Сен-Сир. Думаю, надо согласиться на их условия.

— Да? — вяло спросила она, затем кивнула. — Ладно.

— И было бы неплохо, если бы после этого ты согласилась лечь в больницу.

— Фабрика-кухня, — с горечью сказала она.

— Ты поправишься, — пообещал Джонни. — Снимешь с себя ответственность за «Экимидиэн», и сразу станет легче. Тебе нужен длительный отдых, полный покой. У тебя предельное физическое и психическое истощение, но под воздействием амфетамина ты этого...

— Нет, Джонни, со мной этот номер не пройдет. Я не уступлю Харви и Сен-Сиру.

— Почему?

— Луис не согласен. Он... — Кэти замаялась. — Он твердо сказал — нет.

— Но твое здоровье, а может, и жизнь...

— Ты хочешь сказать — твой рассудок?

— Кэти, ты слишком многим рискуешь. Черт с ним, с Луисом. К дьяволу «Экимидиэн». Торопись в усыпальни-

цу? Имущество — это всего лишь имущество, а жизнь — это жизнь. Послежизнью ее не заменишь.

Кэти улыбнулась. На столе зажглась лампочка, послышался голос секретаря:

— Миссис Шарп, к вам мистер Харви и мистер Сен-Сир. Прикажете впустить?

— Да, — ответила Кэти.

Отворилась дверь, Клод Сен-Сир и Фил Харви быстро прошли в кабинет.

— Здравствуй, Джонни. — Сен-Сир держался уверенно, и Харви тоже. — Здравствуйте, Кэти.

— Я разрешила Джонни вести переговоры.

Джонни с недоумением покосился на Кэти — что это означает? Согласие? — и спросил:

— В чем суть предлагаемой вами сделки? Что вы намерены отдать за контроль над «Вильгельминой Сикьюритиз»?

— Ганимед, — ответил Сен-Сир. — Весь спутник.

— Понятно. Советские земли. А международный суд подтвердил ваше право на них?

— Да, полностью. Это очень ценные земли, их стоимость ежегодно возрастает чуть ли не вдвое. Джонни, это хорошее предложение. Мы с тобой давно знакомы, и ты знаешь, что я не лгу.

«Может быть, — подумал Джонни. — Похоже, Харви и впрямь расщедрился и не собирается обманывать Кэти».

— Я думаю, миссис Шарп... — начал он.

— Нет, — отрывисто произнесла Кэти. — Не отдам. Он не разрешает.

— Кэти, вы позволили мне вести переговоры, — хмуро заметил Джонни.

— А теперь запрещаю!

— Если хотите, чтобы я у вас работал, последуйте моему совету. Ведь мы уже обсуждали этот вопрос и сошлись на том, что...

Зазвонил телефон.

— Не веришь — послушай сам. — Кэти протянула ему трубку.

— Кто говорит? — спросил Джонни и услышал дребезжание. Будто где-то вдалеке дергали туго натянутую проволоку.

— ...необходимо удержать контроль. Твой совет абсурден. Ничего, она выдержит. Паническая реакция: ты боишься, потому что она больна. Опытный врач легко поставит ее на ноги. Найди врача, обеспечь ее медицинским уходом. Найми адвоката, пусть позаботится о том, чтобы она не попала в лапы судей. Перекрой доступ наркотика. Потребуй... — Джонни не выдержал и отдернул трубку от уха. Затем трясушей рукой положил ее на аппарат.

— Слышал? — спросила Кэти. — Это Луис?

— Да, — сказал Джонни.

— Он стал сильнее. Радиотелескоп ему уже не нужен. Он звонил мне еще вчера вечером, когда я ложилась спать.

— Видимо, нам нужно хорошенько обдумать ваше предложение, — обратился Джонни к Сен-Сиру и Харви. — Необходимо уточнить стоимость предложенных вами участков, да и вы, наверное, хотели бы проверить финансовую отчетность «Вильгельмины». На это потребуется время. — Он с трудом выговаривал слова. Живой голос Луиса Сараписа из телефонной трубки потряс его до глубины души.

Джонни договорился с Сен-Сиром и Харви о встрече в конце дня и предложил Кэти пойти позавтракать. У Кэти не было аппетита, но она согласилась, поскольку не ела со вчерашнего дня.

— Что-то не хочется есть, — сказала она, глядя в тарелку с бэконом, яйцами и гренками с джемом.

— Если это и Луис, — заговорил Джонни, — тебе не...

— Не надо «если», ведь ты его узнал. Он с каждым часом все сильнее. Наверное, берет энергию от Солнца.

— Хорошо, пускай это Луис, — упорствовал Джонни. — Все равно, надо соблюдать свои интересы, а не чужие.

— Наши интересы совпадают, — возразила Кэти. — Мы хотим удержать «Экимидиэн» за собой.

— Чем он может тебе помочь? Ведь его даже твоя болезнь не беспокоит! Только поучать горазд! — Джонни рассердился.

— Он всегда рядом, я чувствую. Мне не нужны телевизор и телефон — я его ощущаю. Наверное, этому способствуют мои мистические наклонности. Религиозная интуиция. С ее помощью легче войти в контакт.

— Ты имеешь в виду амфетаминовый психоз? — спросил Джонни.

— Я не лягу в больницу. Недуг мне не страшен, ведь я не одна. У меня есть дедушка. И ты. — Она улыбнулась. — Да, у меня есть ты. Несмотря на Сару Белле.

— На меня не рассчитывай, Кэти, — спокойно произнес Джонни. — Во всяком случае, до тех пор, пока не уступишь Харви. Соглашайся на ганимедские участки, и дело с концом.

— Ты увольняешься?

— Да.

После паузы Кэти сказала:

— Дедушка говорит: валяй, увольняйся. — Взгляд темных, широко раскрытых глаз был ледяным.

— Не верю, чтобы он так сказал.

— А ты сам его послушай.

— Как?

Кэти указала на телевизор в углу зала.

— Включи и послушай.

— Ни к чему, — сказал Джонни, вставая. — Я и сам уже решил. Буду в гостинице, если понадобится — звони. — Он направился к выходу. Ему показалось, что Кэти оклинула его. Он обернулся у порога. Нет, действительно, показалось.

Он вышел на улицу и остановился на тротуаре. Все, довольно с него. Стоило Кэти намекнуть, что он блефует, и блеф стал реальностью. Что ж, бывает..

Джонни бесцельно брел по улицам. Да, конечно, он прав. Но все-таки... «Черт бы ее побрал! — мысленно выругался он. — Почему она вдруг уперлась? Из-за Луиса, конечно. Не будь его, Кэти с радостью отдала бы контрольный пакет за ганимедские земли. Черт бы побрал Луиса Сараписа, а не ее,» — подумал он со злостью.

«Что же теперь делать? — спросил он себя. — Вернуться в Нью-Йорк? Заняться поисками работы? Наняться к Альфонсу Гэму? Это сулит неплохие заработки, особенно если Гэму удастся выиграть. Или остаться здесь, в Мичигане? Подождать, не передумает ли Кэти?»

«Она не удержит концерт, — подумал он. — Что бы ни нашептывал ей Луис. То есть, что бы ей ни мерещилось».

Он остановил такси и через несколько минут вошел в вестибюль гостиницы «Энтлер». И направился в свой номер. В пустой, неуютный номер. Чтобы сидеть и ждать. Надеяться, что Кэти одумается и позвонит.

Подойдя к двери, он услышал звонок телефона.

Секунду Джонни стоял неподвижно с ключом в руке. Телефон за дверью надрывался. «Кэти? — подумал Джонни. — Или он?»

Он вставил ключ в замочную скважину, повернул и вошел в номер. Снял трубку и произнес:

— Алло?

Дребезжание и далекий шепот. Середина монотонного диалога. Цитирование самого себя.

— ...нехорошо оставлять ее одну, Бэфут. К тому же ты предаешь свое дело — да ты и сам это понимаешь. Подумай о нас с Кэти. Что-то я не припомню, чтобы ты меня когда-нибудь подводил. Я ведь не случайно открыл тебе, где буду лежать, — хотел, чтобы ты остался со мной. Ты не можешь...

У Джонни на затылке стянуло кожу ознобом. Не дослушав до конца, он положил трубку.

Телефон немедленно зазвонил опять.

«Пошел ты к черту!» — мысленно выругался Джонни. Подойдя к окну, он долго смотрел на улицу и вспоминал свой

давний разговор с Луисом Сараписом. Тот самый разговор, в котором босс предположил, что Джонни не поступил в колледж из-за желания умереть.

«А что, если прыгнуть? — подумал он, глядя на проносящиеся внизу автомобили. — Иначе с ума сойду от звона».

«Что бы там ни говорили, а старость — это мерзко, — размышлял он. — Мысли неясны, путаны. Иррациональны, как во сне. Старый человек, в сущности, уже не живет. Послежизнь — и то лучше, чем дряхлость. Старение — это угасание сознания, сгущение сумерек души. Чем гуще сумерки, тем громче поступь неотвратимой и окончательной смерти... Но даже в смерти — квинтэссенции маразма — у человека сохраняются желания. Он чего-то хочет от Джонни, чего-то от Кэти. Останки Луиса Сараписа активны и настойчивы и ухитряются находить пути к достижению своих целей. Его цели — пародия на те, к которым он стремился при жизни. Но от него так просто не отмахнешься».

Телефон не умолкал.

«А вдруг это не Луис? — подумал Джонни. — Вдруг Кэти?»

Он взял трубку и сразу положил, снова услышав бречанье осколков личности Сараписа. «Интересно, он выходит на связь избирательно? Или по всем каналам одновременно?»

Джонни прошел в угол и включил телевизор. Засветился экран, появилось необычное пятно. Расплывчатые очертания человеческого лица.

«Да, его сейчас видят все», — с дрожью подумал Джонни и переключил канал. Картина не изменилась — те же смазанные контуры лица.

И — сбивчивое бормотанье: «...снова и снова повторять, что главная твоя обязанность...»

Джонни выключил телевизор. Слова и контуры лица канули в небытие, остался только трезвонящий телефон.

Он поднял трубку и спросил:

— Луис, ты слышишь меня?

— ...когда начнутся выборы, мы им покажем! Человек, которому хватает духу баллотироваться во второй раз, который берет на себя расходы... В конце концов, это не каждому по карману...

Нет, старик не слышал Джонни. Связь была односторонней.

И все-таки Луис был в курсе происходящего. Каким-то путем он узнал, — увидел? почувствовал? — что Джонни решил выйти из игры.

Положив трубу, Джонни уселся в кресло и закурил сигарету.

«Я не смогу вернуться к Кэти, пока не внушу себе, что сделка с Харви бессмысленна. Но мне это не по силам. Надо искать другой выход».

Как долго он будет меня преследовать? Есть ли на Земле место, где можно укрыться от него?»

Джонни подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу.

Клод Сен-Сир опустил монету в щель автомата и взял свежую газету.

— Благодарю вас, сэр или мэм, — произнес робот-продавец.

Пробежав глазами передовицу, Сен-Сир оторопел. Нет, ерунда — видимо, просто разладилась аппаратура полностью автоматизированного микрорелейного газетно-издательского комплекса. Какая-то словесная каша, строчки наползают друг на друга. Впрочем, один абзац ему удалось прочесть целиком:

«...у окна в гостинице и готов выброситься. Если надеетесь и впредь иметь с ней дело, удержите его. Она от него зависит. С тех пор, как ушел Пол Шарп, ей нужен мужчина. Гостиница «Энтлер», номер 604. Думаю, у вас еще есть время. Джонни слишком горяч, зря он блефовал. У Кэти моя кровь: она не любит, когда блефуют.

Я.»

Сен-Сир взглянул на Харви и быстро произнес:

— Джонни Бэфут стоит у окна в отеле «Энтлер» и хочет выпрыгнуть. Нас об этом предупреждает Луис. Надо спешить.

Харви кивнул.

— Бэфут на нашей стороне, нельзя допустить его самоубийства. Но почему Сарапис...

— Полетели, некогда рассуждать. — Сен-Сир бросился к вертолету.

ГЛАВА IV

Неожиданно телефон затих. Джонни отвернулся от окна и увидел Кэти Шарп, стоящую возле аппарата с трубкой в руке.

— Он позвонил и сказал, что ты в гостинице, — сообщила Кэти. — Сказал также, что ты затеял.

— Чепуха, — буркнул Джонни. — Ничего я не затевал.

— Он думает иначе.

— Выходит, он ошибается... — Джонни заметил, что докурил сигарету до фильтра, и раздавил окурочек в пепельнице.

— Дедушка всегда тебя любил, — сказала Кэти. — Он очень расстроится, если с тобой что-нибудь случится.

Джонни пожал плечами.

— С Луисом Сараписом меня больше ничто не связывает...

Кэти замерла, прижав трубку к уху. Джонни понял, что она его не слушает, и умолк.

— Говорит, что сюда летят Сен-Сир и Харви, — наконец сообщила Кэти. — Дедушка их тоже известил.

— Как это мило, — буркнул Джонни.

— Джонни, я тоже тебя люблю. И понимаю, почему к тебе так привязан дедушка. Ты боишься за меня, да? Хочешь, я лягу в больницу? Только ненадолго, ладно? На недельку-другую.

— Разве этого хватит? — спросил он.

— Может быть. — Кэти протянула ему трубку. — Выслушай, пожалуйста, он ведь все равно найдет способ сообщить тебе все, что считает нужным.

Помедлив, Джонни взял трубку.

— ...беда в том, что ты не занят любимым делом. Это тебя угнетает. Такой уж ты человек — часу спокойно не просидишь. И мне это по душе, я сам такой же. Слушай, у меня идея. Стань доверенным лицом Альфонса Гэма. Ей-богу, это шикарная работа. Позвони Гэму. Позвони Альфонсу Гэму. Джонни, позвони Гэму. Позвони...

Джонни положил трубку.

— Я получил работу, — сказал он Кэти. — Буду доверенным лицом Гэма. Во всяком случае, так говорит Луис.

— Ты согласен? — оживилась Кэти.

Джонни пожал плечами.

— Почему бы и нет? У Гэма есть деньги, он не скуп. И он ничем не хуже Кента Маргрэйва.

«Кроме того, мне действительно нельзя без работы, — осознал Джонни. — Надо жить. Шутка ли — жена и двое детей».

— Как ты считаешь, у Гэма есть шанс?

— По-моему, нет. Впрочем, в политике не обходится без чудес. Взять хотя бы невероятное избрание Никсона в шестьдесят восьмом*.

— Какого курса стоило бы держаться Гэму, как ты думаешь?

— Об этом я поговорю с ним самим.

— Все еще дуешься, — заключила Кэти. — Потому что я не согласилась на сделку с Харви. Слушай, Джонни, а давай я передам «Экимидиэн» тебе.

Поразмыслив, он спросил:

* Ричард Милхаус Никсон в 1960 году выдвигался кандидатом Республиканской партии на пост президента, но потерпел поражение. В 1968 году, после шести лет адвокатской практики, снова выдвинут от Республиканской партии. С января 1969 по август 1974 — Президент США.

— А что на это скажет Луис?

— Я его не спрашивала.

— Ты же знаешь, он не согласится. У меня мало опыта, хотя я и был при «Экимидиэн» с первого дня его существования.

— Не прибедняйся, — ласково произнесла Кэти. — Ты стоишь немало.

— Пожалуйста, не учи меня жить! — вспыхнул он. — Давай попробуем остаться друзьями. Далекими, но друзьями.

«Терпеть не могу выслушивать нотации от бабы, — со злостью подумал он. — Даже если она заботится о моем благе».

С грохотом распахнулась дверь. В номер ворвались Сен-Сир и Харви. И застыли у порога, увидев рядом с ним Кэти.

— Выходит, вас он тоже позвал, — тяжело дыша, сказал Сен-Сир.

— Да, — ответила Кэти. — Он очень испугался за Джонни. — Она похлопала Джонни по плечу. — Видишь, сколько у тебя друзей, далеких и недалеких?

— Вижу, — буркнул он. Почему-то в эту минуту ему было, как никогда, одиноко.

В тот же день Сен-Сир улучил часок и навестил Электру Харви, бывшую жену своего босса.

— Знаешь, куколка, — сказал он, обнимая Электру, — я затеял одно хорошенькое дельце. Если выгорит, ты получишь часть потерянного при разводе. Не все, конечно, но достаточно, чтобы стать чуточку счастливей.

Ответив на поцелуй, Электра легла на спину и, извиваясь всем телом, притянула Сен-Сира к себе. То, что произошло потом, было чрезвычайно приятно для обоих и длилось довольно долго. Наконец Электра оторвалась от него и села.

— Ты, случайно, не знаешь, что означает этот бред по телевизору и телефону? Впечатление, будто кто-то полностью захватил эфир и линии. Лица не разобрать, но оно не исчезает с экрана.

— Пустки, — бодро произнес Сен-Сир. — Как раз этим мы сейчас и занимаемся. Скоро выясним, в чем дело.

Его люди искали Луиса по всем усыпальницам. Рано или поздно они обязательно разыщут старика, и тогда, ко всеобщему облегчению, чудеса прекратятся.

Подойдя к бару, Электра капнула в бокалы по три капли горькой настойки и спросила:

— А Филу известно о наших отношениях?

— Нет. Его это не касается.

— Учти, у Фила стойкое предубеждение к бывшим женам. Смотри, как бы он не заподозрил тебя в нелояльности, ведь

если он меня не любит, то и тебе не полагается. Фил называет это «чистотой отношений».

— Спасибо, что предупредила, — сказал Сен-Сир, — но тут ничего не поделаешь. Впрочем, он от нас ничего не узнает.

— Ты уверен? — Электра подала ему бокал. — Знаешь, я тут недавно пыталась настроить телевизор и... боюсь, ты будешь смеяться, но мне показалось... — Она замялась. — В общем, он назвал наши имена. Правда, невнятно из-за помех, но все-таки я поняла, что речь идет о нас с тобой. — Спокойно глядя ему в глаза, Электра поправила бретельку платья.

У Сен-Сира похолодело в груди.

— Дорогая, это абсурд. — Он включил телевизор.

«Боже ты мой, — подумал он. — Неужели Сарапис всеведущ? Неужели он видит из космоса все, что мы делаем?»

Эта мысль отнюдь не обрадовала его, тем паче, что он хотел навязать впучке Луиса сделку, которую старик не одобрял.

«Он подбирается ко мне», — осознал Сен-Сир, пытаясь онемевшими пальцами настроить изображение.

— Между прочим, мистер Бэфут, я собирался вам звонить, — заметил Альфонс Гэм. — Я получил от мистера Сараписа телеграмму, он настоятельно советует принять вас на работу. Но на этот раз, я думаю, надо подготовить совершенно иную программу. У Маргрэйва огромное преимущество.

— Вы правы, — кивнул Джонни. — Но надо учитывать, что на сей раз вы получите помощь от Луиса Сараписа.

— Луис и тогда помогал, — возразил Гэм, — но этого оказалось недостаточно.

— Теперь он предоставит помощь иного рода. — Мысленно Джонни добавил: «Ведь что ни говори, старик контролирует все средства связи и массовой информации. Газеты, радио, телевидение. Даже телефонные линии. Да, старый Луис стал почти всемогущ. Едва ли он во мне нуждается». — Но Джонни не сказал этого Гэму — очевидно, тот не понимал поступков Луиса, не догадывался о мотивах. В конце концов, у Джонни свой интерес — ему нужна работа.

— Вы пробовали смотреть телевизор? — спросил Гэм. — Или звонить по телефону, или читать свежую газету? Везде — сущий бред, абракадабра. Если это Луис, от него на съезде будет мало проку. Он двух слов связать не сможет.

— Я знаю, — сдержанно сказал Джонни.

— Я вот чего боюсь: какой бы тонкий план ни разработал Луис, все пойдет прахом. — Гэм явно упал духом; не так должен выглядеть человек, рассчитывающий победить на выборах. — Вы, похоже, куда больше моего верите в возможности Луиса. Знаете, я недавно встречался с мистером Сен-

Сиром. У нас был долгий разговор, и должен сказать, его доводы убийственны. Я держался внешне бодро, но... — Гэм тяжело вздохнул. — Мистер Сен-Сир прямо в глаза назвал меня неудачником.

— И вы ему поверили? — Джонни просто изумляла наивность его нового хозяина. — Он же на стороне противника. Вместе с Филом Харви.

— Я сказал ему, что уверен в победе, — пробормотал Гэм, — но, говоря откровенно, вся эта бессмыслица... Ну, по телефону и телевизору... Все это ужасно. Мне очень не хочется участвовать в этой затее.

— Я вас понимаю, — сказал Джонни.

— Луис прежде не был таким, — жалобно произнес Гэм. — Он теперь бубнит... и все! Если даже он добьется моего избрания... Я устал, мистер Бэфут. Очень устал. — Он умолк.

— Если вы ждете от меня моральной поддержки, — сказал Джонни, — то обратились не по адресу. — Голос Сараписа действовал на него отнюдь не ободряюще. Еще и Гэма утешать — нет уж, дудки.

— Вы же специалист по общественным связям. Ваша профессия требует умения разжигать энтузиазм в тех, кто его лишен. Убедите меня в том, что я должен стать Президентом, и я смогу убедить в этом весь мир. — Гэм достал из кармана сложенную телеграмму. — На днях получил от Луиса. Очевидно, телеграфная связь тоже в его руках.

— Текст вполне разборчив, — заметил Джонни, развернув телеграмму.

— Так и я о том же! Луис очень быстро сдает. Когда начнется съезд... Да что там говорить — уже... Знаете, у меня самые ужасные предчувствия. Не хочу я участвовать в этой афере. — Помолчав, он признался. — И все же очень тянет попробовать. Вот что, мистер Бэфут, возьмите-ка вы на себя посредничество между мной и Луисом. Поработайте психопомпом.

— Простите, кем?

— Посредником между Богом и человеком.

— Вы не победите на выборах, если не перестанете употреблять такие слова. Я вам обещаю.

Гэм криво улыбнулся.

— Как насчет выпивки? Скотч? Бурбон?

— Бурбон, — сказал Джонни.

— Какого вы мнения о девушке, внучке Луиса?

— Она мне нравится, — честно ответил Джонни.

— Вам нравится неврастеничка, наркоманка, сектантка с уголовным прошлым?

— Да, — процедил Джонни сквозь зубы.

— По-моему, вы спятили. — Гэм протянул ему бокал. —

Но я с вами согласен, Кэти — славная женщина. Между прочим, я с ней знаком. Не могу понять, почему она пристрастилась к наркотикам. Я не психолог, но мне кажется, тут виноват Луис. Девочка его боготворила. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Инфантильная и фанатичная преданность. Вместе с тем очень трогательная. На мой взгляд.

— Ужасный бурбон. — Джонни поморщился, сделав глоток. Гэм развел руками.

— Старый «Сэр Мускатная Крыса», — сказал он. — Да, вы правы.

— Старайтесь не угощать посетителей подобными напитками, — посоветовал Джонни. — Политикам этого не прощают.

— Вот почему вы мне необходимы! — воскликнул Гэм. — Видите?

— Вижу. — Джонни отправился на кухню — вылить бурбон в бутылку и взглянуть на шотландское виски.

— Какие у вас мысли насчет предвыборной кампании? — спросил Гэм, когда он вернулся.

— Думаю, мы можем сыграть только на человеческой сентиментальности. Многие огорчены смертью Луиса, я сам видел очередь к гробу. Впечатляющее зрелище, Альфонс. Стоят и плачут, и так день за днем. Когда он был жив, многие его боялись. Но теперь народ успокоился — Луис ушел, и пугающие аспекты его...

— Он не ушел, Джонни, — перебил его Гэм. — В этом-то все и дело. Вы же знаете, что существо, несущее вздор по телефону и телевизору, — он!

— Но народ-то этого не знает, — возразил Джонни. — Народ ничего не понимает, как тот инженер, что впервые услышал старика в кратере Кеннеди. Да и кому придет в голову, что источник электромагнитных волн, расположенный в световой неделе от Земли, — на самом деле Луис.

— Думаю, вы ошибаетесь, Джонни, — помедлив, сказал Гэм. — Но как бы там ни было, Луис велел взять вас на работу, и я не стану возражать. Даю вам карт-бланш и надеюсь на ваш опыт.

— Благодарю, — сказал Джонни. — Вы действительно можете на меня положиться. — В глубине души он вовсе не был в этом уверен. — «Быть может, народ куда сообразительней, чем мне кажется, — подумал он. — Быть может, я совершаю ошибку. Но что остается? Только упираться на симпатию Луиса к Гэму, иначе не найдется человека, который отдаст за Гэма голос».

В гостиной зазвонил телефон.

— Наверное, это он, — сказал Гэм. — Луис обращается ко мне по телефону или через газеты. Вчера я попытался

напечатать письмо на электрическом машинке, а в результате получил от него совершенно бессмысленное послание.

Телефон все звонил. Гэм и Джонни не двигались.

— Может, возьмете задаток? — предложил Гэм.

— Не откажусь. Сегодня я ушел из «Экимидиэн».

Гэм достал из кармана бумажник.

— Я выпишу чек. — Он посмотрел Джонни в глаза. — Она вам нравится, но вы не можете с ней работать?

— Да. — Джонни отвечал неохотно. Он решил оставить эту тему. При всех недостатках Гэм был джентльменом.

Как только чек перешел из рук в руки, телефон умолк.

«Неужели они держат непрерывную связь друг с другом? — подумал Джонни. — Или совпадение? Кто знает. Кажется, Луис может все, что захочет. А сейчас он хочет именно этого».

— Думаю, мы поступили правильно, — отрывисто произнес Гэм. — Послушайте, Джонни, мне бы хотелось, чтобы вы помирились с Кэти Эгмонт. Ей нужно помочь. Всем, чем только можно.

Джонни что-то пробурчал.

— Попробуйте, ладно? — настаивал Гэм. — Ведь вы ей уже не подчиняетесь.

— Подумаю, — сказал Джонни.

— Девочка очень больна, к тому же на ней такая ответственность... Что бы ни послужило причиной вашего разлада, надо прийти к взаимопониманию. Пока не поздно. Это единственно верный путь.

Джонни помолчал, сознавая, что Гэм прав. Но как сделать то, о чем он просит? Как найти ниточку к сердцу душевнобольного человека? Тем более сейчас, когда волю Кэти подвлияет воля Луиса...

«Пока Кэти слепо обожает деда, ничего не получится», — подумал он.

— Что думает о ней ваша жена? — спросил Гэм.

Вопрос застал Джонни врасплох.

— Сара? Она с Кэти незнакома. А почему вы спрашиваете?

Гэм взглянул на него исподлобья и не ответил.

— Очень странный вопрос, — заметил Джонни.

— А Кэти — очень странная девушка. Гораздо более странная, чем вам кажется, друг мой. Вы о ней еще многого не знаете. — Гэм не пояснил, что имеет в виду.

— Я хотел бы кое-что узнать, — сказал Харви Сен-Сиру. — Где труп? Пока мы это не выясним, можем не мечтать о контрольном пакете «Вильгельмины».

— Ищем, — спокойно ответил Сен-Сир. — Обыскиваем

одну усыпальницу за другой, но Луиса, похоже, прячут. Видимо, кто-то заплатил хозяину усыпальницы за молчание.

— Девчонка получает приказы из могилы! — с возмущением произнес Харви. — Луис впал в маразм, но она все равно его слушается. Это противоестественно.

— Согласен, — сказал Сен-Сир. — От старикашки нигде не скроешься. Нынче утром за бритьем включил телевизор — а он маячит на экране и бубнит. — Его передернуло.

— Сегодня начинается съезд, — заметил Харви, глядя в окно на оживленную улицу. — Луис увяз в политике с головой, он и Джонни убедил работать на Гэма. Может, стоит еще раз потолковать с Кэти? Как ты считаешь? Вдруг он о ней позабыл? Нельзя же уследить за всем сразу.

— Но Кэти нет в офисе «Экимидиэн».

— Где же она, в таком случае? В Делавэре? Или в «Вильгельмине Сикьюритиз»? Разыщем в два счета.

— Фил, она больна, — соказал Сен-Сир. — Легла в больницу. Вчера вечером. Снова наркотики, надо полагать.

— Тебе многое известно, — сказал Харви после паузы. — Какие источники?

— Телефон и телевизор. Но где она, в какой больнице, я не знаю. Может быть, на Луне или на Марсе, или вернулась на Каллисто. У меня впечатление, будто она очень серьезно больна. — Он хмуро посмотрел на своего шефа. — Возможно, сказался разрыв с Джонни.

— Думаешь, Джонни знает, где она?

— Вряд ли.

— Бысь от заклад, она попытается с ним связаться, — задумчиво произнес Харви. — Либо он уже знает, в какой она больнице, либо скоро узнает. Вот бы подключиться к его телефону...

— Не имеет смысла, — устало сказал Сен-Сир. — На всех телефонных линиях — Луис.

«Страшно представить, что ждет «Экимидиэн Энтерпрайзиз», если Кэти признают недееспособной. — подумал он. — Впрочем, не так-то просто ее устранить, все зависит от того, на какой она планете. По земным законам...»

Голос Харви оторвал его от раздумий.

— Нам не удастся ее найти. И труп Сараписа тоже. А съезд уже начался, и Гэм, этот недоумок, креатура Луиса, лезет в президенты. Глазом не успеем моргнуть, как его изберут. — Его взгляд стал неприязненным. — Клод, пока что от тебя мало пользы.

— Мы проверим все больницы. Но их десятки тысяч, проще иголку найти в стоге сена.

«Так и будем искать до второго пришествия, — с отчая-

нием подумал он. — Можно, правда, дежурить у телевизора. Хоть какой—то шанс».

— Я лечу на съезд, — заявил Харви. — До встречи, Клод. Если что-нибудь выяснишь, — в чем я сомневаюсь — найди меня там.

Он направился к двери, и через несколько секунд Сен-Сир остался в одиночестве.

«Черт побери, — подумал адвокат, — что же теперь делать? Может, и мне махнуть на съезд? Пожалуй. Но напоследок проверю-ка я еще одну усыпальницу». — В той усыпальнице уже побывали его люди, но у Сен-Сира возникло желание лично поговорить с владельцем. Заведение было как раз из тех, что нравились Луису, а принадлежало оно слащавому типу по имени Герберт Шенхайт фон Фогельзанг. В переводе — Герберт Красота Птичьего Пения. Ничего не скажешь, подходящее имечко для владельца «Усыпальницы Возлюбленной Братии», расположенной в деловой части Лос-Анджелеса, имеющей филиалы в Чикаго, Нью-Йорке и Кливленде...

В усыпальнице Сен-Сир потребовал, чтобы Шенхайт фон Фогельзанг принял его лично.

В приемной было довольнолюдно — близилось Воскрешение, и мелкие буржуа, большие любители подобных празднеств, ждали, когда им выдадут тела родственников.

Сен-Сир устроился в кресле и стал ждать. Вскоре за конторкой появился фон Фогельзанг.

— Да, сэр? — обратился он к Сен-Сиру. — Вы меня вызывали?

Сен-Сир положил на конторку визитную карточку юриста-консультанта «Экимидиэн».

— Я — Клод Сен-Сир, — заявил он. — Возможно, вы слышали обо мне.

Взглянув на визитку, Шенхайт фон Фогельзанг потупился и забормотал:

— Мистер Сен-Сир, клянусь честью, мы трудились, не жалея сил. Выписали из Японии уникальную аппаратуру, истратили больше тысячи долларов, и все без толку... — Он отступил на шаг от конторки. — Да, вы сами можете убедиться. Знаете, мне кажется, это не просто авария. Такое само по себе не случается.

— Проводите меня к нему, — потребовал Сен-Сир.

— Пожалуйста. — Бледный, расстроенный владелец усыпальницы отвел его в холодный «склеп», и Сен-Сир наконец-то увидел гроб с телом Сараписа. — Вы собираетесь подать на нас в суд? Уверю вас...

— Я пришел за телом, — сказал Сен-Сир. — Распорядитесь, чтобы его погрузили в машину.

— Да-да, мистер Сен-Сир, как вам угодно, — кротко произнес фон Фогельзанг. Подозвав жестом двух рабочих, он объяснил им, что делать. — Мистер Сен-Сир, у вас грузовик или вертолет?

— Предложите свой транспорт — не откажусь, — дрогнувшим голосом ответил Сен-Сир.

Вскоре гроб оказался в кузове грузовика. Сен-Сир дал водителю адрес Харви.

— Так как насчет суда? — пролепетал фон Фогельзанг, когда Сен-Сир усаживался в кабину. — Мистер Сен-Сир, вы же не станете утверждать, что авария случилась по нашей вине? Ведь мы...

— Считайте, что дело закрыто, — бросил Сен-Сир и велел водителю трогать.

Отъехав от усыпальницы на несколько десятков метров, он вдруг захохотал.

— Что вас так рассмешило? — удивился шофер.

— Ничего, — давась смехом, ответил Сен-Сир.

Как только гроб с замороженным Луисом Сараписом был перенесен в дом Харви и грузовик уехал, Сен-Сир снял трубку и набрал номер. Но дозвониться до Филадельфии не удалось — в трубке, как обычно, звучало монотонное бормотание Луиса. Сен-Сир с отвращением, но и с мрачной решимостью повесил трубу.

«Все, довольно, — сказал он себе. — Обойдусь без одобрения Филадельфии».

Обыскав гостиную, он обнаружил в ящике письменного стола тепловой пистолет. Прицелился в труп Сараписа и нажал на спуск. Зашипела, испаряясь, расплавленная пластмасса. Тело почернело, съежилось и вскоре превратилось в бесформенную грудку спекшегося черного пепла.

Удовлетворенный, Сен-Сир положил пистолет в стол. И снова набрал номер здания, где проходил съезд.

— ...кроме Гэма, никто не сможет этого сделать, — забубнил в ухо старческий голос. — Гэм — человек, нужный всем. Хороший лозунг, Джонни, запомни: Гэм — человек, нужный всем. Впрочем, лучше я сам скажу, дай, Джонни, микрофон, я им скажу: Гэм — человек, нужный всем. Гэм...

Клод Сен-Сир швырнул трубку на аппарат и с ненавистью уставился на останки Луиса Сараписа. Затем включил телевизор. Тот же голос, те же слова. Все по-прежнему.

«Голос Луиса исходит не из мозга, — подумал Сен-Сир. — Потому что мозга больше нет. Голос существует отдельно от тела».

Клод Сен-Сир сидел в кресле, держа в трясущихся пальцах сигарету, и пытался понять, что все это значит. Многому он находил объяснение. Многому, но не всему.

ГЛАВА V

До здания, где проходил съезд демократо-республиканцев, Сен-Сиру пришлось добираться по монопорельсовой дороге, так как вертолет он оставил возле «Усыпальницы Возлюбленной Братии». Вестибюль был битком набит народом, стоял страшный шум. Все же Сен-Сиру удалось протолкаться к роботу-служителю, и тот объявил по внутренней связи, что Фила Харви ждут в одном из боковых кабинетов, предназначенных для совещания делегаций. Вскоре Харви — взъерошенный, растрепанный — выбрался из плотной толпы делегатов и зрителей и вошел в кабинет.

— В чем дело, Клод? — недовольно спросил он, но, едва посмотрев в лицо адвокату, смятчился. — Что стряслось?

— Голос, который мы слышим — не Луиса! — выпалил Сен-Сир. — Кто-то его имитирует.

— С чего ты взял?

Сен-Сир объяснил. Выслушав, Харви кивнул и произнес:

— А ты уврел, что сжег именно Луиса, что в усыпальнице тебя не обманули?

— Не уверен, — буркнул Сен-Сир. — Но думаю, что это был все-таки он. — Проверить, Луиса он сжег или нет, было уже невозможно — от тела почти ничего не осталось.

— Но если в эфире не Луис, то кто же? — спросил Харви. — Боже мой! Ведь источник — за пределами Солнечной системы! Может, инопланетяне? Или кто-то нас разыгрывает? Или неизученное явление природы? Какой-нибудь самостоятельный, нейтральный процесс?

Сен-Сир рассмеялся.

— Фил, ты бредишь. Прекрати.

Харви кивнул.

— Ладно, Клод. Ты думаешь, кто-то отправился в космос и оттуда...

— Честно говоря, не знаю, что и думать, — признался Сен-Сир. — Но мне кажется, здесь, на Земле, находится некто, достаточно хорошо знающий повадки Луиса, чтобы успешно ему подражать. — Он умолк. Предположение только на первый взгляд казалось логичным — оно граничило с абсурдом. Даже не с абсурдом — с жуткой пустотой — за пределами постижимого.

«В том, что сейчас происходит, есть элемент безумия. Распад личности Луиса больше напоминает прогрессирующее сумасшествие, чем дегенерацию. Или безумие и есть дегенерация?» — Этого Сен-Сир не знал, он не разбирался в психиатрии. Вернее, разбирался, но только в судебной, которая была тут ни при чем.

— Гэма уже выдвинули? — спросил он.

— Нет. Наверное, сегодня выдвинут. Говорят, это сделает делегат от штата Монтана.

— Джонни Бэфут здесь?

— Да, занят по горло, агитирует делегатов. Гэма, конечно, не видать, он появится в самом конце, чтобы выступить с предвыборной речью. А потом — вот увидишь — все как с цепи сорвутся. Овации, шествие с флагами... Сторонники Гэма во всеоружии.

— Скажи, а Луис... Тот, кого мы зовем Луисом, слышен? Есть признаки его присутствия?

— Никаких, — ответил Харви.

— Думаю, сегодня мы его еще услышим.

Харви кивнул.

— Боишься его? — спросил Сен-Сир.

— Еще бы! В тысячу раз против прежнего, поскольку теперь не знаю, с кем имею дело.

— Правильно делаешь, что боишься.

— Наверное, надо рассказать обо всем Джонни, — сказал Фил.

— Не надо, пусть сам докопается.

— Ладно, Клод. Как скажешь. Все-таки ты молодец, раз нашел старика. Я тебе полностью доверяю.

«Лучше бы я его не нашел, — подумал Сен-Сир. — И не узнал бы того, что узнал. Так бы и жил, не сомневаясь, что из всех телефонных трубок, со всех телеэкранов и газетных полос к нам обращается старый Луис.

Тогда все было плохо, а сейчас куда хуже. И все-таки, мне кажется, ответ есть. Он где-то поблизости, ждет, когда я на него наткнусь.

«Я должен попытаться найти ответ, — сказал себе Сен-Сир. — Должен попытаться».

Уединившись в кабинете, Джонни сидел у экрана монитора и напряженно следил за ходом съезда. Помехи и смутные очертания существа, вторгшегося в эфир, ненадолго исчезли; Джонни отчетливо видел и слышал делегата от штата Монтана, призывавшего поддержать кандидатуру Альфонса Гэма.

Джонни порядком утомили торжественные церемонии и напыщенные речи. Нервы были взвинчены, на взволнован-

ные лица делегатов он смотрел с отвращением. «Для чего нужен этот дурацкий спектакль? — с раздражением думал он. — Раз Гэм захотел выиграть, он выиграет, незачем тратить время на говорильню».

Затем в голову полезли мысли о Кэти Эгмонт Шарп.

Они не виделись с тех пор, как Кэти легла в больницу Калифорнийского университета. В каком она состоянии и помогает ли ей лечение, Джонни не знал. Интуитивно он догадывался, что Кэти очень серьезно больна. Наркотики тому причиной, или что-нибудь еще, но вполне возможно, что она никогда не выйдет из больницы. С другой стороны, если Кэти захочет на свободу, ее никто не сможет удержать. В этом Джонни не сомневался.

Что ж, ей решать. Она по собственной воле легла в больницу, и выйдет оттуда — если выйдет — точно так же. По собственной воле. Кэти никому не подчиняется. Возможно, эта черта характера — один из симптомов ее болезни.

Скрипнула дверь. Он оторвал глаза от экрана и увидел на пороге Клода Сен-Сира. В руке адвокат держал тепловой пистолет.

— Где Кэти? — спросил Сен-Сир.

— Не знаю. — Джонни устало поднялся на ноги.

— Знаешь. Если не скажешь — убью.

— За что? — спросил Джонни, не понимая, что толкнуло Сен-Сира на столь отчаянный шаг.

Не опуская пистолета, Сен-Сир приблизился к нему и спросил:

— Она на Земле?

— Да, — неохотно признался Джонни.

— В каком городе?

— Что ты задумал? — с тревогой спросил Джонни. — Клод, на тебя это не похоже. Ты всегда действовал в рамках закона.

— Я думаю, голосом Луиса говорит Кэти. То, что это не Луис, я знаю наверняка. Из всех, кого я знаю, Кэти — единственный человек, достаточно ненормальный и испорченный, чтобы задумать это. Говори, где она, в какой больнице?

— У тебя был только один способ узнать, что Луис тут ни при чем, — сказал Джонни.

— Верно, — кивнул Сен-Сир.

«Значит, ты сделал это, — подумал Джонни. — нашел ту самую усыпальницу, встретился с Гербертом Шенхайтом фон Фогельзангом. Вот оно что!»

Дверь снова распахнулась, в кабинет строем, дуя в горны, размахивая транспарантами и огромными самодельными плакатами, вошла группа возбужденных сторонников Гэма.

Сен-Сир повернулся к ним и замахал пистолетом, а Джонни, не теряя времени, вклинился в толпу, выскочил за дверь, пронесся по коридору и через секунду оказался в огромном вестибюле, где полным ходом шел митинг в поддержку Гэма. Громкоговорители, установленные под потолком, снова и снова выкрикивали:

— Голосуйте за Гэма! Голосуйте за Гэма! Гэм — человек, нужный всем! Голосуйте за Гэма, голосуйте за Гэма, голосуйте за Гэма! Гэм — замечательный парень! Гэм — что надо! Гэм, Гэм, Гэм — нужен всем!

«Кэти! — подумал Джонни. — Нет, не может быть. Это не ты».

Растолкав пляшущих, полуобезумевших мужчин и женщин в клоунских колпаках; он выбежал из вестибюля на стоянку вертолетов и автомобилей, где бушевала, безуспешно пытаясь ворваться в здание, толпа зевак.

«А если все-таки ты, — подумал он, — то это значит, что ты больна неизлечимо. Даже если страстно желаешь выздороветь. Выходит, ты дожидалась смерти Луиса. Ты ненавидишь нас? Или боишься? Чем объяснить твои поступки? В чем причина?»

Он сел в вертолет-такси и сказал пилоту:

— В Сан-Франциско.

«Может быть, ты сама не ведаешь, что творишь? Может быть, безумный мозг руководит тобой против твоей воли? Расколотое надвое сознание — одна половина на поверхности, на виду у нас, а другая...

Другую мы слышим.

Можно ли тебя жалеть? — подумал он. — Или тебя следует бояться, ненавидеть? Какое зло способна ты принести?

Я люблю тебя, — подумал он. — Мне небезразлична твоя судьба, а это — одна из форм любви. Не такая, как к жене и детям, но все же — любовь... Черт возьми, мне страшно. А может, Сен-Сир все-таки ошибся, и ты здесь совершенно ни при чем?»

Вертолет взмыл над крышами и полетел на запад. Лопасты винта вращались с предельной скоростью.

Стоя у парадного, Сен-Сир и Харви провожали вертолет глазами.

— Надо же, получилось, — произнес Сен-Сир. — Интересно, куда он полетел? В Лос-Анджелес или в Сан-Франциско?

Фил Харви помахал рукой, и к ним подкатил вертолет. Они уселись на сиденья, и Харви сказал пилоту:

— Видите такси, которое только что взлетело? Следуйте за ним, но по возможности незаметно.

— Незаметно не получится, — проворчал пилот, но все-таки включил счетчик и поднял машину. — Не правится мне ваша затея. Должно быть, это опасно.

— Включите радио, — предложил Сен-Сир. — То, что услышите, — действительно опасно.

— Черта с два по нему что-нибудь услышишь. Все время помехи, будто солнечные выбросы или радист-олух... С диспетчером не связаться, выручка — кот наплакал... Куда только полиция смотрит!

Сен-Сир промолчал. Харви пристально глядел на летящий впереди вертолет.

Высидевшись на крышу главного корпуса университетской больницы, Джонни увидел в небе вертолет. Когда тот описал круг, Джонни понял, что его преследовали всю дорогу. Но это не имело значения.

Он спустился по лестнице на третий этаж и обратился к первой встречной медсестре.

— Скажите, где миссис Шарп?

— Справьтесь у дежурной по отделению, — ответила медсестра. — Между прочим, посещение больных...

Джонни не дослушал и отправился на поиски дежурной по отделению.

— Миссис Шарп в триста девятой палате, — сообщила пожилая женщина в очках. — Но без разрешения доктора Гросса к ней нельзя, а он сейчас обедает и вернется не раньше двух. Если хотите, можете подождать. — Она указала на дверь комнаты для посетителей.

— Спасибо, — сказал он. — Я подожду.

Он прошел через комнату для посетителей в длинный коридор и вскоре оказался у двери с табличкой «369». Войдя в палату, затворил дверь и огляделся.

У окна спиной к нему стояла молодая женщина в халате.

— Кэти! — позвал он.

Женщина обернулась, и Джонни вздрогнул, увидя кривящиеся губы, полные ненависти глаза. Кэти с отвращением произнесла:

— Гэм — человек, нужный всем. — И с угрожающим видом вытянув перед собой руки и шевеля согнутыми и растопыренными пальцами, двинулась к Джонни. — Гэм — настоящий парень, — шептала она, и Джонни видел, как в ее глазах тают остатки разума. — Гэм, Гэм, Гэм! — И схватила его за плечи.

Джонни отшатнулся.

— Так и есть, — сказал он. — Сен-Сир не ошибся. Что ж, я ухожу. — Он попытался нащарить дверную ручку. Кэти не отпускала.

Словно порывом ветра, его захлестнуло страхом — ведь он в самом деле хотел уйти.

— Кэти, отпусти! — взмолился он.

Ногти больно впились в плечи. Кэти повисла на нем, заглядывая снизу в глаза и улыбаясь.

— Ты мертвец, — сказала она. — Уходи. Я чувствую запах, у тебя внутри метвечина.

— Ухожу. — Джонни наконец-то нашарил за спиной дверную ручку.

Кэти разжала пальцы. В следующий миг он увидел, как вскинулась ее правая рука, как ногти метнулись к лицу, быть может, в глаза. Он едва успел увернуться.

— Я хочу уйти, — пробормотал он, закрывая лицо руками.

— Я — Гэм, я — Гэм, я — Гэм, — зашептала Кэти. — Я — один в целом мире. Я живой. Гэм живой. — Она засмеялась. — Ухожу, — удивительно похоже передразнила она Джонни. — Так и есть, Сен-Сир не ошибся. Что ж, я ухожу. Ухожу. Ухожу. — Внезапно она вклинилась между ним и дверью. — В окно! Сделай то, чего я не дала тебе сделать тогда! Ну! — Кэти пошла на него, и он пятился шаг за шагом, пока не уперся в стену.

— Кэти, ты больна, — сказал Джонни. — Тебе только мерещится, что кругом одни враги. Кэти, тебя все любят. Я люблю, Гэм любит и Харви с Сен-Сиром. Чего ты добиваешься?

— Разве ты еще не догадался? Я хочу, чтобы вы поняли, кто вы такие на самом деле.

— Зачем тебе понадобилось имитировать Луиса?

— А я и есть Луис, — ответила Кэти. — После смерти он не перешел в послежизнь, потому что я его съела. Он стал мчой. Я ждала этого. Мы с Альфонсом очень тщательно все продумали. Отправили в космос передатчик с записью... Здорово мы тебя напугали, правда? Все вы трусы, куда вам тягаться с ним. Его обязательно выдвинут. Уже выдвинули, я чувствую, знаю.

— Еще нет, — сказал Джонни.

— Ну, так ждать уже недолго, — заверила Кэти. — И он возьмет меня в жены. — Она улыбнулась. — А ты умрешь. И все остальные умрут. — Она двинулась к нему, говоря нараспев: — Я — Гэм, я — Луис, а когда ты умрешь, я стану тобой, Джонни Бэфутом, и всеми остальными. Я всех вас съем. — Она широко раскрыла рот, и Джонни увидел острые и белые зубы.

— И будешь властвовать над мертвыми! — Джонни изо всех сил ударил ее в скулу. Кэти упала навзничь, но сразу вскочила и бросилась к нему. Джонни отпрыгнул; перед гла-

зами мелькнуло злобное, перекошенное лицо — и тут запахнулась дверь. За ней стояли Сен-Сир, Харви и две медсестры.

Кэти застыла; Джонни тоже замер.

Сен-Сир мотнул головой.

— Пошли, Бэфут.

Джонни пересек комнату и шагнул за порог.

Кэти, завязывая поясок халата, деловито произнесла:

— Так и было задумано. Он должен был убить меня, Джонни, то есть. А остальные — стоять в сторонке и любоваться.

— Они отправили в космос огромный передатчик, — сказал Джонни. — Причем давно, несколько лет назад, наверное. И терпеливо ждали, когда умрет Луис. Возможно, помогли ему умереть. Идея заключается в том, чтобы добиться выдвижения и избрания Гэма, терроризируя народ. Мы даже не представляем себе, насколько Кэти больна.

— Врачебная комиссия поставит диагноз, — спокойно произнес Сен-Сир. — Согласно завещанию, я — доверенный представитель концерна и имею право защищать интересы совладельцев. Кэти будет отстранена от управления «Экимидиэн».

— Я потребую малого жюри, — сказала Кэти, — и сумею убедить присяжных в своей вменяемости. Это проще просто, да и не впервой.

— Возможно, — соказал Сен-Сир. — Но тем временем вы с Гэмом лишитесь передатчика — до него доберется полиция.

— На это потребуется не один месяц, — возразила Кэти. — А выборы очень скоро закончатся, и Альфонс станет президентом.

— Может быть, — прошептал Сен-Сир, взглянув на Джонни.

— Потому-то мы и отправили передатчик в такую даль, — продолжала Кэти. — Деньги Альфонса, мой талант. Талант я унаследовала от Луиса. Благодаря ему я могу все на свете. Надо только как следует захотеть.

— Не все, — возразил Джонни. — Ты хотела, чтобы я выпрыгнул из окна, а я не выпрыгнул.

— Еще минуту — и выпрыгнул бы, — уверенно произнесла Кэти. — Она успокоилась; казалось, к ней полностью вернулся рассудок. — Ничего, придет время, и ты покончишь с собой. Я позабочусь об этом. От меня не спрячешься. И вы не спрячетесь, — добавила она, обращаясь к Харви и Сен-Сиру.

— Между прочим, я тоже располагаю средствами и некоторым влиянием, — заметил Харви. — Думаю, мы сумеем одолеть Гэма, даже если его выдвинут на съезде.

— Чтобы тягаться с нами, одного влияния мало, — усмехнулась Кэти. — Нужно еще воображение.

— Ладно, пошли отсюда, — сказал Джонни и двинулся по коридору прочь от палаты триста девять.

Джонни Бэфут бесцельно бродил по горбатым улицам Сан-Франциско. Незаметно подступил вечер, зажглись городские огни. Джонни не замечал ни огней, ни прохожих, ни зданий — шагал ссутулясь, руки в карманах, минуя квартал за кварталом, пока не дали о себе знать боль в ногах и голод. Вспомнив, что не ел с десяти утра, он остановился и огляделся.

Поблизости стоял газетный киоск. В глаза бросился отпечатанный огромными буквами заголовок:

ГЭМ ВЫДВИНУТ КАНДИДАТОМ В ПРЕЗИДЕНТЫ И НАМЕРЕН ПОБЕДИТЬ В НОЯБРЬСКИХ ВЫБОРАХ

«Все-таки они добились своего, — подумал Джонни. — Именно того, чего добивались. Остался суший пустяк — победить Кента Маргрэйва. А передатчик по-прежнему несет вздор. И будет нести еще несколько месяцев».

«Они победят», — подумал Джонни.

В ближайшей аптеке он прошел в кабину таксофона, опустил монеты в щель и набрал номер Сары Белле. Собственный номер.

Монеты провалились, и знакомый голос забубил:

— ...Гэма в ноябре, побеждай вместе с Гэмом, Президент Альфонс Гэм — наш человек. Я за Гэма. Я за Гэма. За Гэма!»

Джонни повесил трубку и вышел из кабины.

Подойдя к буфетной стойке, он попросил сэндвич и кофе. Потом машинально жевал, глотая и запирая, не ощущая вкуса, не получая удовольствия от еды. Просто утолял голод.

«Что мне делать? — думал он. — Что делать всем нам? Связь нарушена, средства массовой информации у противника. Радио, телевидение, газеты, телефонные и телеграфные линии... Все, на что способно влиять ультракоротковолновое излучение и прямое подключение к цепи. Они все прибрали к рукам, полностью обезоружив оппозицию.

«Разгром, — мысленно произнес он. — Вот что нас ждет в ближайшем будущем. А потом, когда они утвердятся во власти, — смерть».

— С вас доллар десять, — сказала буфетчица.

Он заплатил и вышел на улицу.

Над головой кружил вертолет-такси. Джонни помахал рукой. Когда вертолет опустился, он забрался в кабину и сказал пилоту:

— Отвезите меня домой.

— Запросто, приятель, — отозвался добродушный пилот. — А где твой дом?

Джонни назвал свой чикагский адрес и откинулся на спин-

ку сиденья. Он решил сдаться. Выйти из игры. Дома его ждали Сара Белле и дети. Борьба была проиграна. Во всяком случае, для него.

— Господи, Джонни, что с тобой?! — воскликнула Сара, увидев его на пороге. — На тебе лица нет. — Она взяла его за руку и повела за собой в знакомую темную гостиную. — Я думала, ты на торжественном банкете.

— На банкете? — хрипло переспросил он.

— Твой босс прошел выдвижение. — Сара скрылась в кухне и вернулась с кофейником.

— Ах, да, — кивнул он. — Верно. Я же его доверенное лицо. Совсем из головы вылетело.

— Лег бы ты отдохнуть. Впервые вижу тебя таким измученным. Что стряслось?

Он сел на диван и закурил сигарету.

— Могу я чем-нибудь помочь? — с тревогой спросила Сара.

— Нет.

— Скажи, правда, что по телевизору и телефону говорит Луис Сарапис? Очень похоже. Нельсоны уверены, что это он.

— Нет, не он, — сказал Джонни. — Луис мертв.

— Но его период послежизни...

— Нет, — перебил он. — Луис умер. Забудь о нем.

— Ты знаком с Нельсонами? Это наши новые соседи, поселились на...

— Я не хочу говорить! И слышать ничего не хочу!

Через минуту Сара не выдержала:

— Знаешь, Джонни, они говорят... Наверное, тебя это огорчит, но я скажу. Нельсоны — простые, самые обыкновенные люди. Они говорят, что не отдадут голоса за Альфонса Гэма. Он им не нравится.

Джонни проворчал что-то неразборчивое.

— Ты не из-за этого расстроился? — спросила Сара. — Знаешь, по-моему, это реакция на давление. Нельсоны даже не отдают себе в этом отчета. Видимо, вы хватили через край. — Сара выжидающе посмотрела на мужа. — Прости, что я завела этот разговор, но... лучше горькая правда...

Джонни резко поднялся с дивана и произнес:

— Мне надо увидеться с Филом Харви. Скоро вернусь.

Глазами, потемневшими от тревоги, Сара Белле смотрела ему вслед.

Получив разрешение войти, Джонни прошел в гостиную. Там сидели с бокалами в руках хозяин дома, его жена и Клод Сен-Сир. Все молчали. Обернувшись к Джонни, Харви отвел глаза.

— Мы сдаемся? — спросил Джонни.

— Нет, — ответил Харви. — Мы попытаемся уничтожить передатчик. Но попасть в него с такого расстояния — один шанс на миллион. Кроме того, самая быстрая ракета будет там через месяц, не раньше.

— Уже кое-что. — Джонни приободрился — до выборов больше месяца, за оставшиеся дни можно что-то предпринять. — Маргрэв в курсе?

— Да, мы подробно обрисовали ему ситуацию, — ответил Сен-Сир.

— Недостаточно ликвидировать передатчик, — сказал Харви. — Необходимо сделать еще одно дело. Хочешь взять его на себя? Для этого надо вытащить короткую спичку. — Перед ним на кофейном столике лежали две целые спички и половинка. Харви добавил еще одну целую.

— Сначала — ее, — сказал Сен-Сир. — Как можно скорее. А потом, если понадобится, — Альфонса Гэма.

У Джонни застыла в жилах кровь.

Харви протянул ему кулак, из которого торчали четыре спичечные головки.

— Давай, Джонни. Пришел последним, вот и тяни первым.

— Не буду, — пробормотал Джонни.

— Тогда обойдемся без тебя. — Гертруда выдернула целую спичку. Фил протянул Сен-Сиру оставшиеся. Тому тоже досталась целая.

— Я любил ее, — сказал Джонни. — И все еще люблю.

Харви кивнул:

— Знаю.

— Ладно, — скрепя сердце согласился Джонни. — Давай. Он протянул руку и вытащил спичку. Сломанную.

— Так и есть, — признал он. — Моя.

— Сможешь? — спросил Сен-Сир.

Джонни пожал плечами.

— Конечно, смогу. Что тут такого?

«Действительно, что тут такого? — подумал он. — Чего проще: убить женщину, которую любишь. Тем более, что это необходимо».

— Возможно, наше положение — не такое тяжелое, как кажется, — сказал Сен-Сир. — Мы посоветовались с инженерами Фила, у них есть неплохие идеи. В большинстве случаев мы слышали не тот передатчик, что находится в дальнем космосе, а вспомогательную станцию. Ее включают в случае необходимости. Помнишь, о том, что ты собираешься покончить с собой в гостинице «Эитлер», мы узнали сразу, а не через неделю.

— Как видишь, ничего сверхъестественного тут нет, — вставила Гертруда.

— Поэтому прежде всего необходимо найти их базу, — продолжал Сен-Сир. — Если она не на Земле, то где-нибудь в пределах Солнечной системы. Может быть, на ферме, где Гэм разводит индюков. Так что, если не найдешь Кэти в больнице, лети напрямиком на Ио.

Джонни еле заметно кивнул.

Сидя за кофейным столиком, все молчали и потягивали коктейль.

— У тебя есть пистолет? — нарушил тишину Сен-Сир.

— Да. — Джонни поднялся и поставил бокал на стол.

— Удачи, — сказала Гертруда ему вслед.

Джонни отворил дверь и шагнул в холодную тьму.

ПЛАТА ЗА КОПИРОВАНИЕ

Сверкающий мощный «бьюик» модели пятьдесят седьмого года бесшумно скользил по щебню. По сторонам дороги до самого горизонта простиралось безжизненное мрачное пепелище. Из обожженных завалов то тут, то там торчали остовы зданий, ржавые стальные конструкции, оплавленные ядерным жаром камни. Солнечный свет и тепло едва пробивались сквозь толщу пыли, поднятой взрывами десятки лет назад. Изъеденная коррозией, истерзанная ветрами, опаленная планета стала величайшим в истории памятником человеческой глупости.

— Чертова пустыня! — раздраженно произнес Аллан Феррессон, слегка поворачивая усиленный гидравликой руль. — Насмотришься, и от тоски хоть волком вой!

— Не нравится — отвернись, — невозмутимо отозвалась сидящая рядом Шарлота.

Феррессон окинул девушку хмурым взглядом и вновь уставился на дорогу.

Из радиоприемника, настроенного на волну Детройтского поселения, ненавязчиво лились аккорды фортепьянного квинтета Брамса. Знакомая музыка успокоила Феррессона. Он закурил «Лайки Страйк» и откинулся на спинку мягкого кожаного сиденья. Его мысли постепенно вернулись в привычную колею.

Хотя проехали они всего с десятков миль, ветровое стекло сделалось непроницаемым от пыли. Не беда, ведь у Шарлоты в подвале хранятся зеленый пластиковый шланг для поливки огорода, цинковое ведро и губка.

— И, как мне помнится, — добавил Феррессон вслух, — для друзей в твоём холодильнике всегда припрятана бутылочка-другая превосходного шотландского виски.

Убаюканная равномерным урчанием мотора и теплом, Шарлота вдруг встрепенулась.

— Шотландское виски? — рассеянно пробормотала она, потягиваясь. — Что ж, у меня, вроде, осталась бутылка «Лорда Калверта». — Она выпрямилась и небрежно откинула назад копну светлых волос. — Но, не обессудьте, виски — слегка «пудинг».

На заднем сиденье ожил их узколицый пассажир. Этого худого костлявого мужчину в грубых рабочих штанах и рубашке они подобрали минут пятнадцать назад на дороге.

— Как это — «пудинг»? — хрипло поинтересовался он.

— Так же, как и все остальное, — пояснила Шарлота и, избегая дальнейших расспросов, уставилась в запыленное окно.

Справа на фоне закопченного полуденного неба гнилыми зубами торчали пожелтевшие руины города. Изредка среди них можно было различить два-три вертикально стоящих телеграфных столба, случайно уцелевшую ванну или раковину

ну, и кости, кости, кости... Гнетущее зрелище, и ни единой живой души на десятки миль вокруг. Вернее, почти не единой, потому что где-то там, в покрытых плесенью подвалах-склепах, сбились в беспорядочную кучу, спасаясь от холода, выжившие в войне псы, да иногда встречались лишенные оперения, с голой ярко-розовой, точно вывернутой наизнанку кожей, птицы и другая до неузнаваемости изувеченная радиацией мелкая живность.

— Смотрите! — вскрикнул Ферессон и притормозил.

Ленту дороги пересекал кролик-мутант. Спасаясь от колес, слепой уродец сиганул в сторону, наткнулся на исковерканную бетонную плиту и, оглушенный, отскочил. Он прополз еще несколько футов и в изнеможении замер. Как из-под земли, появилась тощая ободранная собака и загрызла горемыку.

— Ах! — вскрикнула Шарлота, поспешно отворачиваясь. — Скорей бы уж проехать. Здесь так неуютно.

Она поджала стройные ноги и включила автомобильный обогреватель на полную мощность. Ее миниатюрная фигура в розовом шерстяном свитере и вышитой юбке смотрелась чертовски привлекательно.

Ферессон похлопал по стальному ящику, лежащему на сиденье между ними. Металл приятно холодила пальцы.

— То-то обрадуются жители твоего поселения, когда получат вот это, — самодовольно произнес он. — Ведь дела у вас, как я слышал, идут из рук вон плохо?

— И не говори, — махнула рукой Шарлота. — Жить стало совсем невмоготу. — Не уверена, что даже это поможет, ведь он совсем беспомощен. — Она обиженно наморщила лобик. — Но, полагаю, попробовать все же стоит, терять, вроде, уже нечего.

— Мы приведем ваше поселение в божеский вид, — с готовностью заверил ее Ферессон. — Конечно, не сразу, со временем, — поспешно добавил он, бросив на девушку настороженный взгляд. — Вам следовало обратиться за помощью раньше.

— Мы думали, он просто обленился, и пытались расшевелить его сами. — В голубых глазах Шарлоты мелькнул страх. — Но, Аллен, вот уже больше недели он не печатает ничего путного. Часами сидит истукан-истуканом, и не поймешь, болен он или уже мертв.

— Он стар, — заметил Ферессон мягко. — Насколько мне известно, вашему Билтону не меньше полутора сотен лет.

— Но они же веками живут!

— Так то на Проксима, — напомнил мужчина на заднем сиденье. Он облизнул пересохшие губы и, сцепив покрытые грязными трещинами кисти рук, напряженно подался вперед. — Не забывайте, на родной планете они работают сооб-

ща, здесь же вынуждены разделиться на отдельные особи. Да и гравитация на Земле для них ого-го, так что о каких веках тут можно говорить?

Шарлота кивнула, хотя смысл сказанного и не дошел до ее сознания.

— Вот, взгляните-ка... — Она достала из кармана свитера маленький яркий предмет размером с десятицентовик. — Последнее время он печатает только такое вот барахло!

Не забывая следить за дорогой, Ферессон взял из ее руки и осмотрел наручные часы. Ремешок в его пальцах тут же рассыпался, как сухой лист, циферблат выглядел вполне нормально, но стрелки не двигались.

— Они не ходят. — Раздраженно поджав губы, Шарлота забрала часы и открыла заднюю крышку. — Видите? Я, Бог знает сколько времени простояла в очереди, а получила пустышку!

Сияющий сталью механизм крошечных швейцарских часов представлял собой монолит без отдельных шестеренок, камней, или пружин — блестящее месиво.

— Что ты ему предложила? — спросил сидящий позади человек. — Оригинал?

— Где ж его взять? Конечно, копию, но очень хорошую. Эту копию он отпечатал лет тридцать пять назад для моей матери. Я чуть с ума не сошла, увидев вот это! — Шарлота засунула часы-пудинг обратно в карман. — Ведь ими невозможно пользоваться. Я... — не договорив, она выпрямилась. — О, глядите-ка, мы почти прибыли. Вон за той бензоколонкой начинается мое поселение.

На многоцветном указателе у края дороги значилось: «Бензин. Открыто круглосуточно».

Когда автомобиль поравнялся с бензоколонкой, Ферессон притормозил. Все трое настороженно огляделись, предчувствуя недоброе.

— Видите? — сдавленно прошептала Шарлота. — Что я вам говорила!

Изъеденное эрозией здание заправочной станции выглядело древним и ветхим, как античная реликвия. Стены просели и изогнулись, штукатурка местами осыпалась, поржавевшие насосы покорежились. Ярко-красная неоновая вывеска над входом зловеще шипела. Бензоколонка снова превращалась в пепел, в черный, разносимый ветром прах, из которого и была когда-то сделана.

От оседающей заправочной станции так и веяло могильным холодом.

Ферессон поежился.

Его поселение не рассыпалось... пока.

Пока питсбургский Билтонг вовремя заменял износивши-

еся копии новыми, печатая их с уцелевших в войне оригиналов. Но, очень может быть, и его поселение скоро пойдет прахом, и винить будет некого. Ведь Билтонги, как и любая раса, не всемогущи.

Считалось, что Билтонги родом из системы Центазра. Привлеченные взрывами водородных бомб, они появились на Земле в самом конце войны. В те дни уцелевшие люди владели жалкое существование среди черных радиоактивных руин, из последних сил пытались спасти уцелевшие ценности разрушенной цивилизации.

Проанализировав обстановку, Билтонги разделились и принялись дублировать сохранившиеся предметы материальной культуры, которые им охотно приносили люди. Таков был их метод выживания. Поговаривали, что на родной планете они вот так же воспроизводили пригодную для жизни среду, ограждая уже созданное от враждебного мира защитной мембраной...

Включив бензонасос, тучный мужчина пытался наполнить бак потрепанного «форда» шестьдесят шестого года. Чертыхаясь, он разорвал ветхий шланг. На покрытый слоем смазки грязный выплеснулось не менее пинты грязно-коричневой жидкости. Из насоса разом забили с десятков фонтанчиков. Соседний насос внезапно задрожал и с грохотом развалился.

Шарлота опустила стекло и крикнула:

— Эй, Бен, послушай! Станция на другом конце поселения еще в приличном состоянии.

Тяжело ступая, толстяк подошел к «бьюику».

— Проклятье, — проворчал он, утирая с багрового лица пот. — Никак не могу сдвинуть чертову колымагу с места. Может, подбросите меня хотя бы до центазра, а уж дальше я пройду пешком и наполню ведро?

Ферессон распахнул дверцу машины.

— Здесь все в таком виде?

— Если не хуже. — Краснолицый плюхнулся на заднее сиденье, и «бьюик» сразу же тронулся. — Посмотрите вон туда, — он махнул рукой направо.

Они проезжали мимо рассыпающегося на глазах бакалейного магазина. Скна здания зияли пустыми прсемами, бетонные стены осыпались, отовсюду торчала стальная арматура, а прямо на мостовой валялись кипы товаров. Среди руин копошились утрюмые озлобленные люди. Опасливо косясь на норовившие обвалиться стены, они собирали все, что попадалось под руку.

Давно не ремонтированную мостовую обильно покрывали трещины и глубокие ямы. Из поврежденного водопровода сочилась струйка ржавой воды. Помятые автомсбили и обветшалые магазины по сторонам улицы были удивительно грязными. Витрина мастерской по ремонту сбуви забита досками,

среди разбитых стекол болталось тряпье, вывеска полиняла и облупилась. Следующая дверь вела в замызганное кафе. Листая желтые газеты, на покосившихся табуретах расположились два завсегдатая. Из растрескавшихся чашек в их руках на изъеденную червями стойку капала коричневая, похожая на помой, жидкость.

— Во, дожили, из дома нос высунуть страшно, — промямлил толстяк, утирая лоб. — Многие даже в кино не ходят! А-а, да и какое сейчас кино, когда все ленты порваны и вконец перепутаны. — Он с любопытством оглядел молчаливого соседа. — Мэня зовут Унтермейер, Бен Унтермейер.

— Джон Доус, — представился тот.

Они пожали руки.

Из кармана пальто Унтермейер достал сложенную газету и кинул на переднее сиденье рядом с Ферессоном.

— Полюбуйтесь, что я сегодня утром нашел на крыльце.

Ферессон развернул и окинул взглядом газетный лист.

Заголовки были абсурдны, статьи — бессмысленны, по всему тексту — кляксы, пробелы, сдвиги, водянистая типографская краска не везде высохла.

— Чушь собачья, — заключил Ферессон, возвращая газету.

— Аллен везет для нас оригиналы, — сообщила Шарлота. — Они там, в ящике.

— Вряд ли поможет, — заявил Унтермейер мрачно. — Хотя... чем черт не шутит. Сегодня он вообще не шевелился. Я решил обзавестись копией тостера и, как последний дурак, проторчал в очереди целое утро. Не выгорело. Я плюнул и развернул оглобли к дому, но проклятая машина начала разваливаться на ходу. Я заглянул было под капот, но там сам черт ногу сломит. Да и не нашего это ума дело — в моторах ковыряться. Ну, так вот, сволочной металл до того прогнил, что я случайно проткнул бампер большим пальцем. Словом, я кое-как доковылял до заправочной станции, а уж остальное вы сами видели.

Ферессон припарковал «бьюик» перед многоэтажным белым зданием, где жила Шарлота. Дом он узнал не сразу, так здесь все переменялось за какой-то месяц. Накренившееся здание со всех сторон подпирали нескладные деревянные леса, в стенах зияли широченные трещины, замусоренный тротуар перед фасадом был огражден веревкой. В фундаменте неуверенно копались трое рабочих.

Шарлота открыла дверцу и, причитая, ступила на тротуар.

— Все, что он копировал для нас в молодости, износилось. А все, что он копирует сейчас, — сплошной «пудинг». Как же нам жить? — Она поежилась. — Господи, только бы пронесло, только бы не кончить, как несчастные жители Чикаго!

Последние слова сковали холодом всех четверых.

Чикаго! Разрушенное поселение! Лет пять назад там умер Билтонг; здания и улицы, все вещи, скопированные им, постепенно пришли в негодность и рассыпались.

— Говорят, их Билтонг утратил способность к размножению, — едва слышно прошептала Шарлота, — состарился и помер.

Помолчав, Ферессон напомнил хриплым голосом:

— Но ведь другие Билтонги заметили и сразу же прислали замену.

— А толку-то от их замены, — проворчал Унтермейер. — Поселение к тому времени превратилось в пыль. Если там кто и остался, так только полтора-два десятка чудом выживших бродяг. подыхающих от холода и голода, и, конечно, собаки. Проклятые твари, ну и попиrowали же они тогда!

Они застыли на месте, предчувствуя близкую развязку. Даже невозмутимый доселе Джон Доус побледнел.

Ферессон с тоской вспомнил свое поселение в тридцати двух милях к востоку.

Билтонг Питсбурга пока находился в расцвете сил, из него ключом била созидательная энергия, присущая расе прокси-миан. Питсбург ничем не походил на здешнее разлагающееся поселение.

Здания там — просто заглядение, крепкие и красивые. Тротуары — чистые и прочные. И окна магазинов, и телевизоры, и миксеры, и тостеры, и автомобили, и росяли, и вечерние наряды дам, и виски, и замороженные груши — все, абсолютно все достоверно, в мельчайших деталях скопировано с оригиналов, бережно сохраняемых под вакуумными колпаками в подземных убежищах.

Страшно даже представить, во что превратится прекрасный город, если и их Билтонг состарится и...

— Если наш красавец в ближайшее время не очухается, то... — Лицо Унтермейера перекошилось от злобы. — Чего уж там, сядем рядком и будем любоваться, как все разваливается к чертовой матери. — Он пожал плечами. — Что нам еще остается?!

— Если поселение распадется... — Ферессон на секунду замялся, — возможно, некоторым из вас удастся перебраться к нам, в Питсбург.

— Разве вашему Билтонгу по силам обслуживать одновременно более сотни человек? — небрежно поинтересовался Джон Доус.

— Сейчас, несомненно, — Ферессон с гордым видом кивнул на «бьюик». — Вы проехали на нем и способны оценить его по достоинству. От оригинала не сразу отличишь, даже если их поставишь рядышком. — Он улыбнулся. — Скажу по

секрету, порой мне кажется, что служащие впопыхах напутали, и мне достался настоящий автомобиль.

Острота хоть давно и приелась, но, как обычно, вызвала у слушателей улыбку.

— Ладно, решим еще, по каким щелям разбежаться, если наш Билтонг отдаст концы, — оборвал смех Унтермейер. — Поживем — увидим.

— И то верно, — подхватила Шарлота. — Время, вроде, терпит. А пока пошли ко мне. — Она взяла с сиденья «бьюика» стальной ящик и направилась к крыльцу. — Бен, пойдем с нами, — она кивнула в сторону Доуса, — и ты тоже. Хлебнем по глоточку виски. Правда, вкусом оно смахивает на антифриз, и надпись на этикетке не сразу разберешь, зато во всем остальном виски не совсем «пудинг».

Она поставила ногу на нижнюю ступеньку, но тут подбежал человек в рабочей спецовке и схватил ее за руку.

— Извините, мисс, но туда нельзя.

Побледнев от ярости, Шарлота вырвалась.

— В этом доме — моя квартира, мои вещи... Я здесь с рождения живу!

— Дом того и гляди развалится, — настаивал рабочий, который, в действительности, был не настоящим рабочим, а обычным жителем поселения, добровольно согласившимся охранять ветхое строение. — Видите, какие трещины?

— Они здесь не первую неделю. — Шарлота нетерпеливо махнула Ферессону. — Пошли, нечего его слушать!

Она проворно взбежала на крыльцо, потянула на себя ручку массивной входной двери из стекла и хрома.

Дверь сорвалась с петель и вдребезги разбилась у ее ног. Во все стороны брызнули смертоносные осколки стекла. Пронзительно взвизгнув, Шарлота отступила на шаг. Бетон под ее каблуками смялся, и все крыльцо с жалобным стоном осело грудой бесформенных обломков.

Ферессон и рабочий подхватили насмерть перепуганную девушку под руки и почти поволокли к автомобилю. Очертя голову, Унтермейер кинулся в клубящееся облако белой пыли. Минут пять он вслепую шарил среди обломков крыльца, пока не наткнулся на стальную коробку. С драгоценной находкой под мышкой он выбрался на тротуар.

Шарлота беззвучно открывала и закрывала рот, ее лицо сводило судорогой.

— Мои вещи! — наконец выдавила она.

Ферессон нетерпеливо отмахнулся:

— Где-нибудь болит? Кости не сломаны?

— Я-то не пострадала, а вот все остальное...

Шарлота стерла с лица струйку крови и белую пыль. Через

щеку у нее тянулся порез, светлые волосы слиплись, розовый свитер разорвался.

— Ящик! Вы спасли ящик?!

— Целы безделушки, целы, — успокоил ее Доус, так и не отойдя от машины ни на дюйм.

Шарлота прижалась к Ферессону, дрожа от испуга и отчаяния.

— Посмотри! Посмотри сюда!

Она подняла руку, покрытую толстым слоем пыли. Пыль быстро темнела и вскоре стала чернее сажи.

Изорванный свитер на девушке съежился, юбка растрескалась и сморщенной шелухой отваливалась от тела.

— Быстрее в машину, — приказал Ферессон. — На заднем сиденье — плед... из нашего поселения.

Закутавшись в плотную шерстяную ткань, Шарлота забилась в угол салона. Капли алой крови падали с ее щеки на голубые и желтые полосы пледа. Сев за руль, Ферессон раскурил сигарету и вставил ее между трясущимися губами девушки.

— Спасибо, — едва слышно поблагодарила она. — Аллен, как нам теперь жить, что делать?

Ферессон ласково смахнул потемневшую пыль с волос девушки.

— Поедем и покажем ему оригиналы. Вид новых предметов обычно стимулирует их. Бог даст, и ваш оживет.

— Он не просто болен, — пришло в голову Шарлоте. — Он умер, Аллен. Верь мне, я точно знаю!

— Да брось ты, не так уж он и стар, еще оклемается, — запротестовал было Унтермейер, но все они уже понимали: конец неизбежен.

— Он размножается? — спросил Доус.

Шарлота опустила глаза.

— Если бы он только мог... Я сама осматривала яйца. По всему видно, что некоторые разбиты изнутри, но ни один детеныш не выжил... — и она запнулась.

Ферессон завел мотор и с силой хлопнул дверцей. Дверца закрылась неплотно. Видимо, металл покоребился и потерял форму.

Ерунда, пустяк, незначительный дефект при дублировании, но по спине Ферессона побежал ручеек холодного пота.

Даже его сияющий лаком, роскошный «бьюик» оказался «пудингом». Значит, и Билтонг в Питсбургском поселении изнашивается.

Раньше или позже то, что случилось в Чикаго, произойдет повсюду.

Вокруг парка рядами выстрелились автомобили, немые и неподвижные.

С трудом найдя место для стоянки, Ферессон заглушил мотор и сунул ключи в карман.

— Может, останешься в машине? — обратился он к Шарлоте.

— Не волнуйся, я не пропаду. — Она улыбнулась уголками рта.

Подбирая одежду для Шарлоты, Ферессон потратил немало времени. Сейчас на ней были мужская спортивная сорочка и широкие брюки из рассыпающегося магазина готового платья. Поначалу Ферессон проехал мимо, но, заметив на тротуаре роющих в товарах людей, решил: найденная здесь одежда на два-три дня стодится. И действительно, в дальнем углу он обнаружил кипу мужских рубашек из грубого полотна и дамских брюк. Ткань казалась прочной, и сколько ни вертел Ферессон одежду в руках, дефектов не обнаружил.

Что это — свежие копии? Или, хоть это и маловероятно, оригиналы, используемые владельцем магазина для копирования?

Это скоро выяснится.

Во все еще торгующей обувной лавке Ферессон приобрел пару домашних туфель на низком каблуке. Довершил наряд девушки его собственный пояс. Найденный в магазине рассыпался, когда он застегивал на Шарлоте пряжку.

Со стальной коробкой в руках первым из машины вылез Унтермейер и направился в центр парка. За ним последовали остальные. Вскоре они оказались среди угрюмо молчащих людей. Казалось, в парке собралась добрая половина жителей поселения, и у каждого нашлось что-нибудь для копирования: заботливо хранимые веками оригиналы или копии с минимальными несоответствиями. Безумная надежда и страх превратили лица людей в застывшие маски.

— Смотрите, вон там, в рощице, — воскликнул слегка отставший Доус, — мертвые яйца.

Среди разбросанных кусков скорлупы на краю парка валялись серо-коричневые шары размером с баскетбольный мяч.

Унтермейер поддел ногой ближайшее яйцо. Оно с хрустом развалилось, пустое и хрупкое.

— Какая-то зверюга высосала, — определил он. — Так-то вот, допрыгались, скоро и занавес опустят. Думаю, сегодня к вечеру собаки доберутся сюда, а он до того опустился, что даже собственные яйца защитить не может.

В толпе нарастало возбуждение. Повсюду, куда ни глянь — налитые кровью глаза, перекошенные злобой лица, сжимающие домашнюю утварь руки, побелевшие костяшки пальцев. Люди стояли так уже давно, ожидание тяготило их.

— А это еще что такое? — Унтермейер присел у дерева на корточки перед предметом неопределенной формы и провел пальцами по оплавленной металлической поверхности. — Гм. Ну и уродина, то ли телевизор, то ли...

— Это — сенокосилка, — угрюмо пояснил стоящий поблизости человек с обрезком водопроводной трубы в руках.

— Давно он ее отпечатал?

— Четыре дня назад. — Человек с остервенением пнул косилку. — Старая совсем износилась, вот я и выкатил общественный оригинал из склепа и, почитай, целый день проторчал в очереди. И полюбуйтесь, что получил! — Он презрительно сплюнул. — Даже и не поймешь, что это такое! Она гроша ломаного не стоит, так что я бросил ее здесь — не тащить же хлам домой.

Его жена запричитала во весь голос:

— Как нам теперь быть? Старая на ладан дышит, новая тоже никуда не годится! Что же теперь, прикажете...

— Заткнись! — оборвал ее муж. — Подождем еще немного, глядишь, ему и надоест валять дурака. — Его лицо угрожающе исказилось, губы побелели. — А коли нет... — Он поднял над головой кусок трубы.

По толпе пронесся невнятный гул. Шарлота, поежившись, продвинулась вперед.

— Он, конечно, не виноват, но... — Она горестно покачала головой. — Нам-то от этого не легче! Если бы он только снова начал копировать нормальные вещи...

— Да куда ему! — Унтермейер скривился. — Вы только посмотрите на него! — Он остановился, загораживая проход остальным. — Разве этот кусок дерьма способен на что-нибудь?

Билтонг умирал. Огромный, толстый, липкий, он распластался посреди парка — глыба древней пожелтевшей протоплазмы. Его псевдоподии ссохлись и замерли на побуревшей траве. Под лучами тусклого солнца из клеток Билтонга испарялась влага, от чего все его тело медленно оседало. От ворочающегося в луже слизи Билтонга исходило мерзкое зловоние разлагающейся органики. Вокруг жужжащим роем вились мухи.

— Господи! — вырвалось у Шарлоты. — До чего он безобразен!

По центральному хребту Билтонга прокатилась слабая судорога. Плотное ядро нервных тканей запульсировало в агонии, желтая протоплазма вспучилась и опала, по всему телу пошли расширяющиеся круги. Темно-желтые волокна на глазах распадались, превращаясь в известковые гранулы. Старость, разложение и... страдания.

Перед умирающим Билтонгом на бетонной платформе кучей лежали оригиналы. Рядом — незавершенные копии: шары неправильной формы из черного пепла, смешанного с влагой тела Билтонга — сырьем, из которого он трудолюбиво лепил вещи. Билтонг прервал работу и из последних сил цеплялся за угасающую жизнь.

— Бедолага, — пробормотал Ферессон. — Вряд ли он теперь долго протянет.

— Он сидит так вот уже шесть часов кряду, — фыркнула Ферессону в самое ухо пожилая дама. — Представляете, сидит себе и в ус не дует! Наверное, надеется, что мы приползем на коленях и будем умолять его!

Доус свирепо повернулся к ней.

— Разве вы не видите, что он умирает? Ради Бога, оставьте его в покое!

Люди вокруг недовольно заворчали, в сторону Доуса повернулись десятки мрачных лиц.

— Легче на поворотах, парень, — вполголоса бросил Доусу Унтермейер. — Этим ребятам позарез нужны копии, а кое-кто с утра торчит за жратвой.

Время поджимало. Ферессон принял из рук Унтермейера и рывком распахнул стальной ящик. Бережно, один за другим, извлек оригиналы — серебряную зажигалку «Ронсон», биноклярный микроскоп «Бош энд Ломб» с великолепной оптикой из горного хрусталя, высококачественную фотокассету «Пикерин» и сверкающий хрустальный бокал «Стьюбен».

При виде таких сокровищ по толпе пробежал изумленный шепот. Лицо Ферессона озарила мрачная улыбка удовлетворения. В этом поселении не было таких оригиналов, а лишь несовершенные копии с дефектных дубликатов. С драгоценной ношей Ферессон направился к Билтонгу. Дорогу ему преградили разгневанные люди, но разглядев, что у него в руках, расступились.

— Отменные у тебя оригинальчики! — завистливо покосился ближайший мужчина. — Может, расскажешь, где стибрил?

Ферессон промолчал. Разложив на бетонной платформе оригиналы, он смотрел на умирающего Билтонга.

Вначале Билтонг не шевелился, хотя и заметил новые оригиналы. Затем твердые волокна внутри желтой массы завибрировали и слились размытыми пятнами. Вся глыба протоплазмы содрогнулась, и передняя часть Билтонга с хлопком разошлась. Из образовавшегося отверстия толчками потекли зловонные жирные пузыри. Псевдоподия дернулась, вытянулась в скользкой траве и, поколебавшись, коснулась хрустального бокала.

Билтонг сгреб кучу черного пепла, пропитал ее жидким выделением из переднего отверстия. Образовалась тусклая сфера — нелепая пародия на бокал. Билтонг отступил, замер, собираясь с силами, и снова попытался скопировать хрустальный бокал. Внезапно все его тело свело судорогой; псевдоподия безвольно упала, затем дернулась в одну, в другую сторону и втянулась внутрь Билтонга.

— Не выгорело, — прохрипел Унтермейер. — Слишком поздно.

Немееущими пальцами Ферессон засунул оригиналы в стальной ящик.

— Да, все кончено, — неохотно признался он. — Ваш Билтонг безнадежно болен, и оригиналами тут уж не поможешь.

Потерявшая дар речи Шарлота отошла от платформы. Унтермейер последовал за ней мимо негодующих жителей поселения.

— Подождите минуточку, — крикнул им вслед Доус. — У меня тоже есть, что ему предложить.

Ферессон устало ждал. Доус снял с плеча холщевую сумку, с минуту покопался и извлек какой-то предмет, завернутый в старую газету. Под газетой оказалась грубая деревянная кружка. Присев на корточки, Доус поставил кружку перед Билтонгом.

Шарлота подошла к ним и фыркнула:

— Какой в нем прок? — Она вяло ткнула грубый деревянный предмет носком туфли. — Такое барахло ты и сам за просто скопируешь.

Ферессон вздрогнул. Доус поймал его взгляд, и секунду они пристально смотрели друг на друга: Доус — едва заметно улыбаясь, Ферессон — сосредоточенно наморщив лоб.

— Правильно, — промолвил Доус, — я ее сделал своими руками.

Ферессон схватил и недоверчиво оглядел кружку.

— Ты сам ее сделал?.. Но из чего? И как? Не понимаю! Каким оригиналом ты пользовался?

— Мы рубим деревья. — Доус вытащил из-за пояса и протянул Ферессону тускло блестящую в лучах солнца железяку. — Это... Осторожней, не порежесь!

В руках Ферессона оказался нож — такой же грубый, как кружка, кованый, изогнутый, с ручкой из проволоки.

— Ты и этот нож сделал? — Ферессон был ошеломлен. — Не верю! С чего ты начал? Ведь тебе потребовались инструменты, а их тоже нужно как-то сделать. Невероятно! — Истерически выкрикнул он. — Это невозможно!

Шарлота скорчила презрительную гримасу.

— Разве таким ножом что разрежешь? Вот у меня в кухне были ножи так ножи — из лучшей шведской нержавеющей стали. — Она вздохнула. — Сейчас от них осталась всего лишь пригоршня черного пепла, да и тот, поди, уже развеял ветер.

В голове Ферессона пронеслись десятки вопросов.

— Эта кружка, этот нож... Выходит, ты не один? А одежда, что на тебе... Ткань ты тоже сам соткал?

— Пошли. — Доус взял кружку и нож и твердым шагом двинулся прочь. — Чем раньше мы отсюда выберемся, тем лучше.

Люди покидали парк. Они сдались и, едва волоча ноги, направились к осыпающимся магазинам в поисках пищи. За-

урчали, зафыркали немногочисленные, еще способные двигаться автомобили и неторопливо покатились восвояси.

— Они обезумели. Все рушится... — Казалось, Унтермейер не замечал крупные капли пота, катящиеся по его щекам. — Через час-другой здесь ничего не останется. Ни пищи, ни жилья!

Унтермейер взглянул на «бьюик», тут же отвел глаза в сторону и взволнованно облизал губы.

Мощный пыльный автомобиль привлек внимание не только Унтермейера.

Вокруг машины медленно собиралась группа коренастых мужчин. Подобно жадным недоверчивым подросткам, они сосредоточенно ковыряли радиатор, рассматривали капот, трогали фары и туго накаченные шины. В руках мужчины сжимали нехитрое оружие: обрезки водопроводных труб, камни, куски стальной арматуры от разрушенных зданий.

— Они догадались, что машина нездешняя, — сказал Доус, — и теперь так просто не отступят.

— Хочешь, я возьму тебя с собой в Питсбург, — обратился Ферессон к Шарлоте. — Для начала зарегистрирую тебя как жену, а там видно будет.

— А как же Бен? — робко спросила Шарлота.

— Не могу же я и на нем жениться. — Ферессон ускорил шаг. — Я, конечно, подвезу его туда, но остаться ему вряд ли позволят. Приток иммигрантов у нас, знаешь ли, строго ограничен законом. Вот через месячишко власти, глядишь, осмыслят опасность положения и тогда, может быть...

— Эй, вы, проваливайте, пока целы! — Унтермейер тяжело двинулся на мужчин. Поколебавшись, те неохотно расступились. — Проводи ее, да будь начеку! — предупредил Унтермейер Ферессона и подошел к автомобилю.

Взяв Шарлоту под руки, Ферессон и Доус благополучно миновали окружившую «бьюик» толпу. Ферессон вручил толстяку ключи. Унтермейер рывком распахнул переднюю дверцу, усадил Шарлоту на сиденье рядом с водительским.

Толпа пришла в движение.

Огромным кулачищем Унтермейер опрокинул самого бойкого нападающего, кряхтя пролез мимо Шарлоты и плюхнулся на водительское сиденье. Заурчал мотор. Унтермейер включил первую скорость и что было сил надавил на акселератор. Двигатель взревел, из-под колес брызнула щебенка, и автомобиль рванулся с места. Послышались ругань, проклятия. Из толпы вылетел булыжник и вдребезги разнес лобовое стекло. Люди отчаянно царапали краску, хватали открытую дверцу, вслепую тянули растопыренные пятерни к съевшимся внутри пассажирам.

Унтермейер захлопнул дверцу, прищевив кому-то пальцы.

Машина набирала скорость, и, кляня пришельцев последними словами, нападающие отскакивали в стороны. Огромный рыжеволосый детина, лежа на капоте, с упорством маньяка пытался нашарить за разбитым стеклом лицо водителя. Унтермейер резко крутанул руль вправо, рыжеволосый продержался еще секунду, отлетел, беззвучно шлепнулся на тротуар, да так и остался там лежать.

Автомобиль вильнул, накренился и скрылся за рядами осыпающихся зданий. Визг тормозов замер вдали.

Ферессон стоял и, точно зачарованный, смотрел на опускавшуюся дорогу, пока не почувствовал на своем плече руку Доуса.

— Да, укатили... — Ферессон тяжело вздохнул. — Ну, хоть Шарлота в безопасности.

— Пошли, — шепнул ему на ухо Доус. — Впереди длинный путь. Надеюсь, башмаки у тебя крепкие.

Ферессон непонимающе заморгал.

— Идти? Пешком?.. Но куда?

— До ближайшего нашего лагеря — тридцать миль. Дойдем, не сомневайся. — Доус бодро зашагал на север. Поколебавшись, Ферессон последовал за ним. — Мне доводилось ходить этой дорогой прежде, пройду и еще.

За их спинами вновь собралась толпа. Люди надрывали глотки, истерично размахивали руками, сосредоточив на этот раз весь свой гнев на дряхлом беспомощном Билтонге. Потеряв автомобиль, они теперь жаждали хоть чьей-нибудь крови. И вот, подобно бурлящей воде, разрывающей плотину, обезумевшая толпа хлынула к бетонной платформе.

Перед тем, как толпа обрушилась на него, Билтонг в последнем судорожном усилии пытался отпечатать себе оборонительный щит, но незавершенная оградительная стена из пепла рассыпалась под тяжестью тел в считанные секунды...

Глазам Ферессона предстала ужасная картина — картина, от которой к горлу подступила тошнота, а державшие металлический ящик пальцы безвольно разжались. Ферессон оцепенело поднял ящик и, выпрямившись, что было сил прижал к себе. Ему хотелось бежать, бежать очертя голову, куда угодно, лишь бы оказаться подальше от этого проклятого места. Прочь, в тишину и темноту, в зыбкие тени за поселением, в мертвую пустыню.

Прошагав два часа, Доус объявил привал и плюхнулся на черный пепел.

— Отдохнем чуть-чуть. Я прихватил с собой немного еды, так что, если в твоём «Ронсоне» осталась хоть капля горючего, приготовим вполне сносный ужин.

Ферессон открыл металлический ящик и отдал зажигалку Доусу.

Холодный злой ветер гнал над бесплодной равниной облака черного пепла. Неподалеку виднелись руины. Из-под выщербленных стен там и сям пробивались чахлые стебли сорняков.

— Не все так мертво, как кажется на первый взгляд, — заметил Доус, собирая среди пепла щепки и обрывки бумаги. — Ты видел собак и кроликов, а еще здесь повсюду разбросаны семена — полей пепел, и они тотчас прорастут.

— Полить? Но дождь... Я правильно подобрал слово?

— В лагерях мы роем колодцы. Вода есть даже в этой пустыне, нужно только до нее добраться.

Доус запалил газетный лист и, вернув зажигалку Ферессону, принялся подкладывать в маленький костерок сухие щепки.

Ферессон рассеянно крутил в руках зажигалку.

— А как вы делаете вещи вроде этой?

— Такое нам пока не по силам.

Доус достал из холщевой сумки пакет с едой и разложил на бумажной салфетке кусочки высушенного соленого мяса и слегка поджаренное зерно.

— Любой здоровый Билтонг, к примеру, тот же питсбургский, в два счета отпечатает безупречную копию зажигалки.

— Знаю. Это-то нас и сдерживает, приходится ждать, пока Билтонги сдадутся. А они сдадутся, будь уверен. Залезут в свои космические лоханки и уберутся на родную планету — оставаться здесь для них равносильно самоубийству.

Ферессон до хруста в суставах стиснул зажигалку.

— Выходит, в ближайшее время вместе с ними исчезнет и наша цивилизация?

— Много ты понимаешь в цивилизациях! — ухмыльнулся Доус. — Серебряные зажигалки, согласен, исчезнут, и надолго. А что до всего остального, то тут ты не прав. Конечно, нам придется всему учиться заново, каждому, кто намерен выжить, а это, по себе знаю, ох как непросто!

— Откуда ты?

— Из Чикаго. После того, как поселение распалось, я долго бродяжничал, убивал камнями кроликов, спал в подвалах, голыми руками отбивался от собак. В конце концов, я случайно набрел на лагерь, как потом оказалось, далеко не единственный в здешних краях. Ты вряд ли слышал, но до Чикаго были и другие разрушенные поселения.

— И вы там, в своих лагерях, печатаете инструменты? Вроде твоего ножа?

Доус смеялся долго и громко.

— Говорят, не печатаете, а создаете. Мы создаем инструменты, изготавливаем домашнюю утварь. — Он достал деревянную кружку. — Печатать — значит копировать. А вот что значит создавать, в двух словах не объяснишь. Чтобы понять, надо попробовать самому, но поверь мне на слово, создавать и копировать — совершенно разные вещи.

Доус расставил на пепле в ряд три предмета: изящный бокал «Стьюбен», самодельную кружку и неудавшуюся копию умирающего Билтонга.

— Перед тобой путь, проделанный нашей цивилизацией. Видишь, с чего все началось. — Доус указал на хрустальный бокал. — А вот где мы сейчас. — Он кивнул на деревянную кружку. — Она... Она, конечно, простая и неказистая, но, в отличие от этого хлама, она — реальная вещь. — Он подобрал копию и, поколебавшись секунду, яростно отшвырнул. Пролетев с десяток футов, подделка шмякнулась о землю и разлетелась на куски. — Когда-нибудь люди пройдут весь этот путь заново... Дорога трудна, но мы движемся в правильном направлении, шаг за шагом, и не остановимся, пока не вернемся сюда. — Он бережно уложил хрустальный бокал в металлический ящик. — Мы сохраним его, не для копирования, а как модель, как цель. Ты пока не улавливаешь разницы, но придет время — поймешь. А моя деревянная кружка... Не смейся, но за ней будущее человечества. Да если хочешь знать, она во сто крат лучше самой распрекрасной копии, ближе к хрусталу «Стьюбен», чем любая подделка!

— До чего же ты гордишься своим творением.

— Да еще как! — согласился Доус и поместил кружку в ящик рядом с бокалом. — Ты и это скоро поймешь. Конечно, прежде с тебя сойдет семь потов, но ты непременно поймешь.

Он взялся за крышку ящика, затем, помедлив, прикоснулся к зажигалке «Ронсон», с досадой покачал головой.

— Вряд ли я доживу до того времени, когда будут вновь изготавливать такие вещи. Путь слишком долг. — Он нехотя закрыл ящик. На его губах блуждала счастливая улыбка. — Но, слава Богу, мы уже в пути!

САМОЗВАНЕЦ

— Я собираюсь взять отпуск, — сказал жене за завтраком Спенс Олхэм. — По-моему, я его заслужил. Десять лет — достаточный срок.

— А как же Проект?

— Войну выиграют и без меня. Особой опасности старушка Земля не подвергается. — Олхэм закурил. — Знаешь, как я хотел бы провести отпуск? Взять палатку и отправиться в лес за город, где мы были в тот раз. Помнишь? Когда я нашел ядовитый гриб, а ты чуть не наступила на гремучую змею.

— Саттон-Вуд? — Мэри убирала со стола. — Эти леса сгорели несколько недель назад. Я думала, ты знаешь. Внезапный пожар.

Олхэм поник.

— Что же, они даже не попытались выяснить причину? — Он скривил губы. — Всем на все стало наплевать. Все помещались на войне. — Когда он вспомнил о Пришельцах, о кораблях-иглах, челюсти его сжались.

— А как же иначе?

Олхэм кивнул. Мэри, разумеется, права. Маленькие черные корабли из созвездия Альфа Центавра легко, как беспомощных черепах, обходили космические крейсеры землян, и только у самой планеты встречались с защитным полем, созданным в лабораториях фирмы «Вестингауз». Поле, укрывшее сначала крупнейшие города Земли, а затем и всю планету, остановило продвижение Пришельцев.

Но чтобы выиграть войну, требовалось мощное наступательное оружие. Все лаборатории день и ночь безостановочно работали над его созданием. На это были нацелены все проекты, в том числе и тот, над которым работал Олхэм, оказавшийся к цели ближе других.

Достав из шкафа пиджак, Олхэм вышел на крыльцо. Вот-вот должна была появиться «шлюпка», которая доставляла его в лабораторию Проекта.

— Надеюсь, Нельсон не опоздает. — Олхэм взглянул на часы.

— Да вот он, — сказала Мэри, всматриваясь в просвет между домами.

Олхэм открыл дверцу, забрался в приземлившуюся «шлюпку» и со вздохом уселся в кресло. Рядом с Нельсоном сидел пожилой человек.

— Майор Петерс, — представил его Нельсон.

Корабль рванулся в небо.

— По-моему, я вас раньше в лаборатории не видел, — сказал Олхэм.

— Нет, я не участвую в Проекте, — ответил Петерс, — но я знаю, чем вы занимаетесь. Я работаю совсем в другой области... Вообще-то, я сотрудник службы безопасности.

— Вот как? — Олхэм поднял брови. — Противник проник в наш район?

— Собственно говоря, я приехал сюда из-за вас, Олхэм. Олхэм был озадачен.

— Из-за меня? Что случилось?

— Я здесь для того, чтобы арестовать вас как шпиона Пришельцев. Нельсон!..

В ребра Олхэму уперся пистолет. Нельсон был бледен, руки его тряслись. Он сделал глубокий вдох.

— Ликвидируем его сейчас? — прошептал он Петерсу. — По-моему, его надо убить сразу. Ждать нельзя.

Олхэм оторопело уставился на своего друга, открыл рот, но не смог произнести ни слова. Он почувствовал тошноту, закружилась голова.

— Я не понимаю, — пробормотал он.

В этот момент корабль начал набирать высоту, устремляясь в космос. Исчезали из виду здания Проекта.

— Подождем, — произнес Петерс. — Мне надо задать ему несколько вопросов.

Олхэм тупо глянул в иллюминатор, за которым сияли звезды.

— Арест произведен, — сообщил Петерс по видеопередатчику. На экране появилось лицо начальника службы безопасности. — Все в порядке.

— Осложнения?

— Никаких. Он сел в корабль, ничего не подозревая. Мое присутствие его не насторожило.

— Где вы находитесь?

— Минуем защитное поле. Движемся на максимальной скорости. Думаю, что самое сложное позади.

— Я хочу взглянуть на него, — сказал начальник секретной службы.

Он уставился на Олхэма, который сидел с отсутствующим взглядом, сложив руки.

— Вот он, значит, какой. — Он оглядел Олхэма. Тот молчал. Наконец, начальник кивнул Петерсу. — Достаточно. — На его лице появилось выражение легкой брезгливости. — Я видел все, что хотел. Ваша работа будет отмечена... Но есть ли вероятность, что...

— Вероятность есть, но она невелика. Как я понимаю, нужна кодовая фраза. В любом случае, придется рисковать.

— Я сообщу базе на Луне, что вы приближаетесь.

— Не надо, — сказал Петерс. — Я посажу корабль за пределами базы. Зачем рисковать?

— Действуйте, как считаете нужным. — Когда начальник службы безопасности вновь взглянул на Олхэма, глаза его блеснули. Затем изображение померкло, и экран погас.

Нельсон ерзал в соседнем кресле.

— По-моему, это надо сделать сейчас, — сказал он. — Я бы все отдал, только чтобы это скорее закончилось.

— Успокойтесь, — ответил Петерс. — Принимайте управление, мне надо с ним поговорить.

Он уселся рядом с Олхэмом, взглянул ему в глаза. И внезапно протянул руку, легко дотронувшись до щеки Олхэма.

Олхэм молчал. «Если бы только я мог известить Мэри, — думал он. — Только бы дать ей знать». Он оглядел кабину. Как? Видеосвязь? Нельсон навис над панелью приборов, держа в руке пистолет. Ничего сделать нельзя. Олхэм был в ловушке.

Но почему?

— Слушайте, — обратился к нему Петерс. — Я хочу задать вам несколько вопросов. Вы слышали, куда мы направляемся, — на Луну. Через час мы сядем в пустынной местности, и вами сразу же займется специальная группа. Вы будете уничтожены. Вы это понимаете? — Он взглянул на часы: — Через два часа вас не станет.

Олхэм очнулся от забытья.

— Скажите, что я сделал.

— Конечно, скажу, — кивнул Петерс. — Два дня назад мы получили сообщение о том, что кораблю Пришельцев удалось проникнуть сквозь защитное поле. Корабль высадил шпиона в виде гуманоидоподобного робота, который должен был уничтожить определенного человека и занять его место.

Петерс хладнокровно взглянул на Олхэма.

— Внутри робота находится термоядерная бомба. Наш агент не знает, каков механизм ее детонации, но он предполагает, что это кодовая фраза или группа слов. Робот должен занять место убитого человека, ходить на работу, общаться с окружающими. Он абсолютно идентичен этому человеку. Отличить его невозможно.

Олхэм побледнел.

— Робот должен был занять место Спенса Олхэма, высокопоставленного сотрудника центральной лаборатории Проекта. Поскольку работы приближаются к завершающей стадии, присутствие живой бомбы в самом сердце Проекта...

Олхэм уставился на свои руки. «Но Олхэм — это я!»

— После того, как робот обнаружил и убил Олхэма, занять его место было несложно. Предположительно, робот покинул корабль восемь дней назад. Подмена, вероятно, произошла в конце прошлой недели, когда Олхэм гулял в горах.

— Но Олхэм — это я. — Он повернулся к Нельсону, сидевшему у панели приборов. — Ты разве не узнаешь меня? Мы знакомы двадцать лет. Помнишь, как мы вместе учились

в колледже? — Он поднялся из кресла. — В университете мы жили в одной комнате!

— Не подходи ко мне! — прорычал Нельсон. — Я не хочу этого слышать. Ты убил его! Ты... машина!

Олхэм взглянул на Нельсона.

— Ты ошибаешься. Я не знаю, что произошло, но робот не нашел меня. Что-то не сработало. Может быть, корабль потерпел крушение. — Он повернулся к Петерсу. — Я — Олхэм. Я это знаю. Подмены не произошло. Я тот же, кто и был. Это можно проверить. Верните меня на Землю. Проведите рентген, неврологическое обследование, все, что хотите. Вероятно, можно найти корабль, потерпевший крушение.

— После того, как робот убил Олхэма, — произнес Петерс, — и имплантировал себе сигналы его мозга, воспринял его личность, он забыл о том, что был роботом. Суть в том, что он должен выглядеть, как Олхэм, обладать его интересами, выполнять его работу. Но одно отличие все-таки есть. Внутри робота находится термоядерная бомба, которая взорвется после кодовой фразы. Вот почему мы везем вас на Луну. Там вас разберут и вынут бомбу. Возможно, она взорвется, но там это уже не будет иметь значения.

Олхэм медленно сел.

— Скоро мы будем на месте, — сказал Нельсон.

Олхэм откинулся в кресле, лихорадочно размышляя, пока корабль опускался на планету. На них надвигалось безжизненное, в оспинах, лицо луны. Что можно сделать? В чем спасение?

— Приготовиться, — сказал Петерс.

Через несколько минут он будет мертв. Внизу он заметил небольшую точку, какое-то здание. В здании его ждут саперы, которые раскромят его на части. Не обнаружив бомбы, они, вероятно, удивятся и поймут, что ошиблись, но будет поздно.

— Посадка, — сказал Петерс. Корабль медленно опустился, подскочив на жесткой поверхности. Наступило молчание.

Нельсон принялся торопливо надевать скафандр.

— А что с ним? — Он указал на Олхэма. — Ему скафандр не нужен?

— Нет, — покачал головой Петерс. — Роботы, наверное, не нуждаются в кислороде.

Группа захвата вплотную приблизилась к кораблю и остановилась в ожидании. Петерс махнул им рукой:

— Пошли!

— Если вы откроете дверь, — сказал Олхэм, — я умру. Это будет убийство.

— Открывайте дверь, — произнес Нельсон. И протянул руку к запору.

Олхэм увидел, как пальцы Нельсона сжались на метал-

лической рукоятке. Через мгновение дверь откроется, воздух из корабля рванется наружу. Олхэм умрет, и они сразу поймут свою ошибку. Наверное, в другое время они бы действовали по-иному, но сейчас все напуганы, все только и заняты тем, как бы найти очередную жертву.

Его убивают потому, что не желают искать доказательства его невиновности. Не хватает времени.

С Нельсоном они дружили много лет. Вместе ходили в шолу. На свадьбе у Нельсона он был свидетелем. И вот теперь Нельсон готов убить его. Такие времена. Возможно, именно так вели себя люди во время чумных эпидемий. Возможно, и тогда убивали без колебаний, без доказательств, по одному лишь подозрению.

Он не винил их: они лишь представители военной бюрократической машины, которая действует в точном соответствии с инструкцией. Но он должен был сохранить свою жизнь. В конце концов, ради них же, ибо для Земли он представляет немалую ценность. Что же можно сделать? Что? Он огляделся.

— Вы правы, — внезапно произнес Олхэм. — Мне не нужен воздух. Открывайте дверь.

Нельсон и Петерс остановились, глядя на Олхэма с тревожным изумлением.

— Давайте же, открывайте дверь. Мне все равно. — Олхэм сунул руку во внутренний карман пиджака. — Интересно, как далеко вы двое успеете убежать.

— Убежать?

— Вам осталось жить 15 секунд. — Он пошевелил пальцами под тканью пиджака. Затем расслабился, слегка улыбаясь. — Вы ошиблись только в одном — в ваших рассуждениях о кодовой фразе. 14 секунд...

Из шлемов скафандров на него глядели потрясенные лица. Эти двое бросились открывать дверь, мешая друг другу. Воздух рванулся наружу. Петерс и Нельсон выскочили из корабля. Олхэм подбежал к двери и захлопнул ее. Гулко заработала автоматическая система восстановления давления воздуха. Олхэм выдохнул.

Еще секунда, и...

Нельсон и Петерс бросились к ожидавшей их группе. Люди рванулись в сторону. Они падали на землю, закрывая голову руками. Олхэм уселся в кресло пилота. Корабль задрожал и отделился от поверхности.

— Извиняюсь, — пробормотал Олхэм, — но мне надо назад, на Землю.

Наступила ночь. Вокруг корабля, нарушая ночную тишину, кричали птицы. Олхэм склонился над экраном видеосвязи. Вскоре на нем проступило изображение: сигнал проишел без помех. Олхэм с облегчением вздохнул.

— Мэри, — позвал он. Женщина взглянула на него и охнула.

— Спенс! Где ты? Что произошло?

— Пока я не могу тебе ничего сказать. Я спешу, разговор могут прервать в любую минуту. Отправляйся в лабораторию и найди доктора Чемберлена. Если его там нет, разыщи любого врача. Привези его домой, и пусть ждет. Он должен захватить рентген, флюороскоп...

— Но Спенс!..

— Прошу тебя, поторопись. Врач должен быть дома через час, — Олхэм приблизил лицо к экрану. — Ты одна?

— Одна?

— В доме еще кто-нибудь есть? Нельсон... или кто-то другой не связывались с тобой?

— Нет. Спенс, я не понимаю!

— Ладно. Увидимся дома через час. И никому ни слова. Привези Чемберлена домой под любым предлогом. Скажи, что ты очень больна.

Он отключил связь и взглянул на часы. Через минуту он покинул корабль и вышел в ночь. Ему предстояло пройти полмили.

...Свет горел только в кабинете. Олхэм осматривал дом, опершись на забор. Ни звука, ни движения. Он поднял руку и посмотрел на циферблат при лунном свете. Прошел почти час.

Над улицей пролетела «шлюпка» и скрылась.

Данные обследования, фотографии и протокол — это единственный шанс что-либо доказать. Если ему удастся пройти обследование. Если его не убьют раньше...

Но это единственный путь. Доктор Чемберлен — первоклассный специалист, руководитель медицинской службы Проекта. Его слову поверят. Он в состоянии остановить эту истерию и безумие.

Олхэм направился к дому, подошел к крыльцу. остановился, прислушиваясь, около двери. Изнутри не доносилось ни звука. В доме царила полная тишина. И это показалось ему подозрительным.

Олхэм, не двигаясь, стоял на крыльце. Те, кто находятся в доме, стараются не нарушать тишину. Почему?

Олхэм неуверенно потянулся к дверной ручке. Затем внезапно изменил свое решение и нажал кнопку звонка. В доме, наконец, послышался звук шагов.

Дверь открыла Мэри. Увидев ее лицо, Олхэм все понял.

Он рванулся к кустам. Сотрудник службы безопасности, оттолкнув Мэри, выстрелил вслед. Олхэм нырнул за угол дома. Он бежал в темноте, бросаясь из стороны в сторону. Луч прожектора следовал за ним, но не мог настигнуть.

Олхэм пересек дорогу и перелез через забор. Он очутился

в чем-то дворе. Слышно было, как сзади бегут сотрудники службы безопасности, перекликаясь на ходу. Олхэм тяжело дышал, грудь его ходила ходуном.

Ее лицо... Все сразу стало понятно. Поджатые губы, наполненные болью и страхом глаза. А если бы он открыл дверь и вошел! Они подслушали разговор и устроили ловушку. Возможно, Мэри поверила их версии. Нет сомнений, она тоже считала его роботом.

Олхэм выбрался из поселка. Погоня отстала, потеряв его. Он оказался на вершине холма и начал спускаться по противоположной стороне. Вскоре он будет у корабля. Но куда лететь? Олхэм замедлил шаг и остановился. Силуэт корабля уже виднелся на фоне ночного неба.

Прячась за деревьями, он осторожно приближался к кораблю;

На фоне освещенной кабины появилась фигура Петерса. В руке у него был пистолет. Олхэм застыл на месте. Петерс вглядывался в темноту, не замечая его.

— Я знаю, что ты здесь, — произнес он. — Выходи, Олхэм. Ты окружен.

Олхэм не шевелился.

— Послушай меня. Мы ведь все равно поймаем тебя, и очень быстро. Ты, видимо, продолжаешь считать себя человеком. Твой звонок доказывает лишь одно: ты по-прежнему находишься под воздействием иллюзий, созданных искусственной памятью. Но ты робот! Робот, несущий смерть. В любой момент ты сам или кто-то другой может произнести кодовую фразу. Когда это произойдет, на милях вокруг все будет разрушено. Все погибнут — твоя жена, мы, Проект. Понимаешь?

Олхэм молчал. Он прислушивался. Сотрудники службы безопасности приближались.

— Если ты не выйдешь, мы все равно поймем тебя. Это дело времени. Мы не собираемся снова отправлять тебя на Луну. Мы уничтожим тебя на месте, даже рискуя тем, что бомба сдетонирует. В этот район направлены все имевшиеся в наличии сотрудники службы безопасности. Осмотру подвергается каждый дюйм. Деваться тебе некуда. Лес окружен. Поиски завершатся максимум через шесть часов — это все, что у тебя осталось.

Олхэм сдвинулся с места. Петерс продолжал говорить; Олхэма он по-прежнему не видел. Было слишком темно. Но Петерс был прав. Деваться Олхэму было некуда. Он мог спрятаться в лесу, но рано или поздно его поймают.

Дело времени.

Что же делать? Он потерял корабль — свою последнюю надежду на спасение. В доме засада, и его жена заодно с «охотниками», убежденная в том, что настоящий Олхэм убит.

Он сжал кулаки. Ведь где-то лежит поврежденный корабль Пришельцев, а в нем останки робота. Причем корабль, вероятно, упал где-то неподалеку.

Разрушенный робот находится внутри.

Может быть, это и есть надежда? Надо найти этого проклятого робота! Если он сумеет предъявить им останки и корабль...

Но где они?

Олхэм продолжал размышлять, углубляясь в лес и стараясь не шуметь. Корабль Пришельцев должен был приземлиться неподалеку от лаборатории: расчет был на то, что робот пройдет остальную часть пути пешком... Авария и пожар. Может быть, в этом какой-то ключ, какой-то намек? Читал ли он что-нибудь об этом, слышал ли что-нибудь подобное? Где-то неподалеку, куда можно добраться пешком... Отдаленное место, безлюдное.

Внезапно Олхэм улыбнулся. Авария и пожар...

Саттон-Вуд.

Он ускорил шаг.

Наступило утро. Солнечный свет пролился на сгоревшие деревья, высветив фигуру человека, притаившегося на опушке. Олхэм оглядывал местность, напряженно прислушиваясь. Они уже близко, через несколько минут они будут здесь. Он улыбнулся.

На поляне, среди сгоревших останков того, что некогда называлось Саттон-Вудом, лежал потерпевший крушение корабль. Корпус его поблескивал под солнцем. Олхэм нашел его без особого труда, поскольку хорошо знал эти места: когда был моложе, исходил здесь все тропы. Он знал, где искать корабль.

Он выпрямился. До него уже доносились голоса участников погони: «охотники» приближались. Олхэм напрягся. Все зависит от того, кто первым увидит его. Если это будет Нельсон, у него нет ни одного шанса. Нельсон выстрелит мгновенно, и Олхэм погибнет, прежде чем люди увидят корабль. Итак, кто с ним столкнется первым?

Хрустнула сгоревшая ветка. Человек неуверенно пробрался вперед. Олхэм глубоко вдохнул. У него оставалось лишь несколько секунд, и, возможно, это были последние секунды в его жизни. Олхэм напряженно уставился в чашу.

Это был Петерс.

— Петерс! — Олхэм замахал руками. Петерс вскинул пистолет. — Не стреляйте! — Голос Олхэма дрожал. — Взгляните на поляну. Корабль, корабль Пришельцев! Взгляните!

Петерс колебался. Пистолет в его руке дрожал.

— Он там, — торопливо проговорил Олхэм. — Я знал, что

найду его. Лес горел... Теперь вы поверите мне. Внутри корабля вы найдете останки робота. Пожалуйста, посмотрите.

— На поляне что-то есть, — нервно сказал один из следователей, прикрывавший Петерса.

— Пристрелите его! — раздался голос. Это кричал Нельсон.

— Не стрелять. — резко приказал Петерс. — Операцией команду я. Не стрелять. Теперь он от нас никуда не уйдет.

— Пристрелите его, — молил Нельсон. — Он убил Олхэма. В любой момент он может разнести всех нас. Если бомба взорвется...

— Заткнитесь. — Петерс двинулся к поляне. — Взгляните, что там. — Он подозвал к себе двоих сотрудников. — Произведите осмотр места.

«Охотники» осторожно приблизились к останкам корабля.

— Ну, что там? — крикнул Петерс.

Олхэм затаил дыхание. Робот должен быть там: у Олхэма не было времени самому осмотреть корабль, но он был уверен, что робот там. А если нет? Вдруг робот сумел уцелеть и уйти? Или, наоборот, полностью сгорел?

Олхэм облизал губы. На лбу выступил пот. Нельсон неприязненно смотрел на него, глубоко дыша.

— Ну что? — спросил Петерс вернувшихся сотрудников. — Что-нибудь там есть?

— Похоже на то. Это корабль Пришельцев. Рядом с ним что-то лежит.

— Пойду взгляну.

Олхэм наблюдал, как Петерс спускается по холму.

— Тело, — крикнул Петерс. — Идите сюда!

Олхэм спустился к кораблю.

На земле лежало нечто странное — скрученное и перевернутое. По форме это напоминало человеческое тело: но руки и ноги изгибались под невероятным углом. Рот был открыт; пустые глазницы смотрели вверх.

— Похоже на сломанную машину, — пробормотал Петерс.

Олхэм слабо улыбнулся.

— Ну что? — спросил он.

Петерс взглянул на него.

— Мне трудно в это поверить. Но кажется, с самого начала вы говорили правду.

— Робот не добрался до меня, — сказал Олхэм и, наконец, закурил. — Он был разрушен, когда случилась авария. Вы слишком заняты войной, чтобы поинтересоваться, почему внезапно загорелся дальний лес. Теперь вы знаете причину.

Он наблюдал за ними, поминутно затягиваясь.

— Теперь вы обезвредите бомбу, — сказал Олхэм.

Петерс нагнулся над телом:

— По-моему, я ее вижу.

В груди робота зияла рана, и в глубине что-то металлически поблескивало.

— Если бы робот сохранился, рано или поздно мы взлетели бы на воздух, — сказал Петерс.

— Оказывается, даже ваш аппарат способен давать сбои, — криво улыбнулся Олхэм. — Впрочем, бюрократия везде одинакова.

— По-видимому, мы ваши должники, — вынужден был согласиться Петерс.

Олхэм потушил сигарету.

— Я, разумеется, знал, что робот меня не нашел. Но у меня не было возможности доказать это: вот в чем проблема. Можно ли логически обосновать, что ты — это ты?

— Как насчет отпуска? — поинтересовался Петерс. — Думаю, мы могли бы это устроить.

— В данный момент я больше всего на свете хочу добрать-ся до дома, — ответил Олхэм.

— Отлично, — сказал Петерс. — Все, что угодно.

Нельсон продолжал изучать останки робота. Внезапно он протянул руку к металлическому предмету, который поблескивал в груди.

— Не трогай, — сказал Олхэм. — Бомба может взорваться. Пусть этим лучше займутся саперы.

Но Нельсон уже ухватил металлический предмет и потянул его на себя.

— Что ты делаешь? — закричал Олхэм.

Нельсон выпрямился. Лицо его было искажено ужасом. В руке он держал металлический нож, которым пользуются пришельцы.

Нож был покрыт кровью.

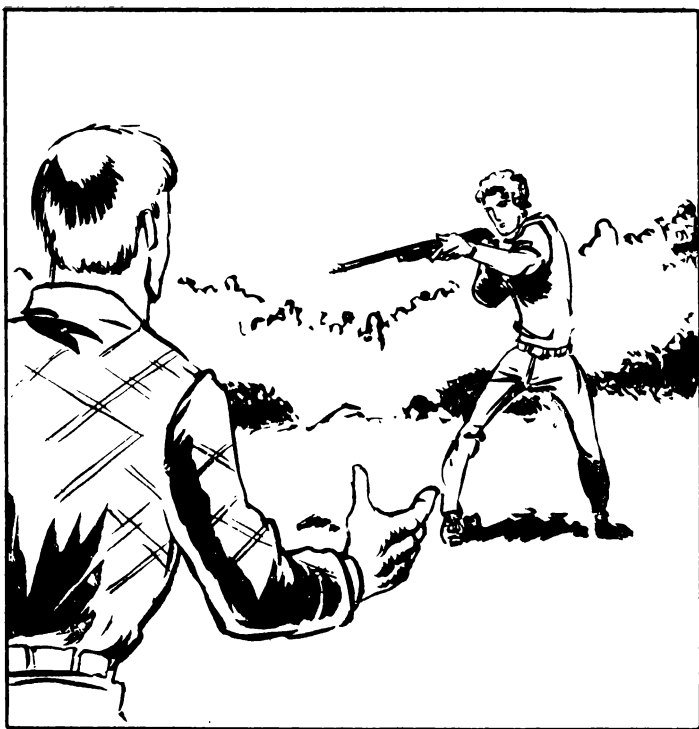
— Этим его убили, — прошептал Нельсон. — Моего друга убили вот этим. — Он дико взглянул на Олхэма. — Ты убил его и оставил возле корабля.

Олхэм задрожал. Зубы его застучали. Он смотрел то на нож, то на тело.

— Это Олхэм? — проговорил он. Мысли его смешались. — Но если это Олхэм, значит, я...

Он не успел закончить фразу, как Саттон-Вуд взлетел на воздух.

ОТЕЦ-ДВОЙНИК

— Обед готов, — сообщила миссис Уэлтон и приказала: — Сходи за отцом и скажи ему, пусть моет руки. К тебе, кстати, это тоже относится.

Она внесла кастрюлю, пышущую горячим паром, и аккуратно поставила ее на стол.

— Отца найдешь в гараже.

Чарлс даже не сдвинулся с места. Ему исполнилось всего лишь восемь лет, а волновавшая его проблема могла поставить в тупик кого угодно.

— Я... я... — неуверенно начал он.

— В чем дело? — Миссис Уэлтон уловила в голосе сына странные нотки, и ее внезапно охватило чувство тревоги.

— Разве Тэда нет в гараже? Черт возьми, ведь только что он был там и точил садовые ножницы. Неужели он отправился к Андерсонам? Ведь я же предупредила: сейчас будем обедать.

— Он в гараже, — ответил Чарлс. — Но он... он разговаривает сам с собой.

— Сам с собой? — Джейн Уэлтон сняла светлый пластиковый фартук и повесила его на дверную ручку. — Тэд? С чего вдруг? За ним раньше не водилось подобного. Ну, ступай в гараж и скажи отцу, пусть сейчас же идет сюда.

Она разлила черный кофе по маленьким бело-голубым китайским чашечкам и принялась добавлять сливки.

— Да что с тобой? Иди же, позови его!

— Не знаю, какого из них звать, — с отчаяньем произнес Чарлс. — Они оба совершенно одинаковые.

Джейн Уэлтон чуть не выронила алюминиевый ковшик.

— Послушай-ка, — сердито начала она, но в этот момент, потягивая носом воздух и потирая руки, в кухню вошел Тэд Уэлтон.

— О! — довольным голосом воскликнул он. — Тушеная баранина!

— Тушеная говядина, — проворчала Джейн. — Тэд, чем ты там занимался в гараже?

Тэд сел на свое место и развернул салфетку.

— Взял садовые ножницы, смазал их и наточил. Теперь они — как бригва. Лучше не трогайте, а то можно остаться без пальцев.

Тэду, видному симпатичному мужчине с густыми светлыми волосами, квадратным лицом, искрящимися карими глазами и сильными мускулистыми руками, едва перевалило за тридцать.

— Мясо выглядит великолепно. Да-а, трудный выдался сегодня денек. Сама знаешь, пятница. Скопилась целая куча дел, а к пяти нам все это нужно было разгрести. Правда, Эл Маккинли заявил, что отдел сумел бы справиться и с большим

объемом работы, если только по-другому организовать перерыв на обед: требуется лишь, чтобы кто-то постоянно был на рабочем месте. — Он кивнул Чарлсу. — Садись и давай-ка принимайся за еду.

Миссис Уэлтон подала гарнир.

— Тэд, — усаживаясь за стол, поинтересовалась она, — тебя одолевают какие-то мысли?

— Мысли? — Он закрыл глаза. — Да нет, ничего особенного. А что?

Джейн Уэлтон посмотрела на сына тяжелым взглядом. Чарлс сидел абсолютно прямо, его бледное, как мел, лицо ничего не выражало. Он даже не шелохнулся — не развернул салфетку и совсем не притронулся к молоку. У Джейн возникло ощущение, что здесь что-то не так. Чарлс подальше отодвинулся от отца. Губы мальчика шевелились, но Джейн не понимала его.

— В чем дело? — нагнувшись к сыну, спросила она.

— Это тот, второй, — затаив дыхание, прошептал Чарлс. — Второй пришел сюда.

— Что ты имеешь в виду, милый? — негромко переспросила Джейн Уэлтон. — Какой еще второй?

Тэд вздрогнул. На его лице появилось странное выражение и тут же исчезло. Но на это мгновение лицо Тэда изменилось до неузнаваемости. Знакомые черты растворились в какой-то искривленной, сморщенной маске. Проступило нечто холодное и чуждое; глаза затуманились, словно их затянуло пленкой. Привычный облик усталого тридцатилетнего мужчины пропал. Но это длилось не больше секунды. Тэд усмехнулся и волком набросился на еду. Он улыбался, помещивал кофе и с аппетитом ел. Но было в этом что-то не так. Что-то страшное и необъяснимое.

— Второй, — прошептал Чарлс. Его лицо побледнело еще сильнее, руки дрожали. Внезапно мальчик выскочил из-за стола.

— Уходи! — выкрикнул он. — Прочь отсюда!

— Эй! — угрожающе прогремел Тэд. — Какая муха тебя укусила? — Он строго указал на стул. — Сядь на место и ешь. Мать готовила вовсе не для того, чтобы выбрасывать.

Чарлс развернулся, выбежал из кухни и помчался вверх по лестнице в свою комнату. Джейн Уэлтон открыла рот от изумления и в страхе всплеснула руками.

— Да что же такое творится...

Тэд продолжал есть. Его лицо помрачнело, глаза потемнели, взгляд стал жестким.

— Этого ребенка, — произнес он раздраженно, — надо обучить некоторым вещам. Придется побеседовать с ним с глазу на глаз.

Затаившись, Чарлс слушал, как отец-двойник поднимается по лестнице.

— Чарлс! — сердито звал он. — Ты там? Наверху?

Чарлс не отвечал. Он тихо прокрался в свою комнату и закрыл дверь. Сердце прямо-таки выскакивало у него из груди. Отец-двойник уже поднялся на лестничную площадку, еще момент, и он войдет в комнату. Чарлс бросился к окну. Ему было очень страшно, он слышал, как в темном холле псевдоотец уже нащупывает дверную ручку. Мальчик открыл окно и выбрался на крышу. Немного постояв и собравшись с духом, он прыгнул вниз прямо в разбитый перед входной дверью цветник. Пошатываясь и задыхаясь, он встал на ноги и помчался в темноту сгущающихся вечерних сумерек прочь от падавшего из окон света.

Он добежал до гаража. Гаражная постройка черным квадратом вырисовывалась на фоне темнеющего неба. Тяжело дыша, Чарлс вытащил из кармана фонарик, осторожно открыл дверь и вошел внутрь. Там никого не было. Около дверей стояла машина, слева — отцовский верстак. В дальнем конце, у задней стены, стояли: коса, грабли, лопата, мотыга и бидон с керосином. На стенах висели прибитые автомобильные номера. В центре грязного цементного пола растеклась большая масляная лужа. Освещенные слабым светом фонарика, чернели запаханные маслом пучки травы. Рядом с дверью стоял большой мусорный бак, доверху набитый отсыревшими газетами и журналами. Чарлс принялся их ворошить, и из бака пошел сильный запах прелой бумаги и гнили. Из газет выскакивали пауки и шлепались на пол. Мальчик давил пауков и продолжал поиски.

Найденное заставило его громко вскрикнуть. Чарлс выронил фонарик и отпрянул от бака. Гараж погрузился во мрак. Пересилив себя, Чарлс опустился на колени и в поисках фонарика принялся шарить руками по полу среди пауков и пучков маслянистой травы. Когда ему показалось, что фонарик уже не найдется, мальчик наткнулся на него. Он включил фонарик и направил луч света в мусорный бак, уже освобожденный от газет и журналов, которыми отец-двойник набил бак до самого дна. Среди пожухлых листьев, кусков картона, старых журналов и занавесок, снятых матерью с чердака и принесенных сюда с намерением на днях сжечь этот хлам, он увидел то, от чего к горлу подступила тошнота. На дне бака лежали останки его отца, его настоящего отца. Части, не использованные двойником. Выброшенные части.

Чарлс взял грабли, опустил их в бак и подцепил останки. Совершенно высохшие, они трескались и лопались от прикосновения. Они напоминали сброшенную змеей кожу — су-

хую, шуршащую и крошащуюся. Напоминали пустую оболочку. Осталась лишь маленькая кучка хрупкой, ломкой кожи, брошенной на самое дно мусорного бака. Только это двойник и оставил. Остальное сожрал. Съел внутренности и занял место настоящего отца.

Послышался какой-то звук. Чарлс бросил грабли и метнулся к дверям. К гаражу шел псевдоотец. Было слышно, как под его ботинками шуршал гравий. Однако по неуверенным шагам двойника Чарлс догадался, что тот не знает, где прячется мальчик.

— Чарлс! — сердито позвал он. — Ты в гараже? Ну, погоди, вот я задам тебе хорошую взбучку!

В дверном проеме дома, освещенная сзади ярким светом, нервничая, стояла мать.

— Тэд, пожалуйста! Не бей его. Он чем-то расстроен.

— Я и не собираюсь его бить, — раздраженно отозвался двойник и остановился, чтобы зажечь спичку. — Мне просто нужно с ним поговорить. Ребенка необходимо научить хорошим манерам. А то — вскакивает из-за стола, прыгает с крыши, убегает куда-то на ночь глядя...

Чарлс выскользнул из гаража, но тут же был замечен. С ревом отец-двойник рванулся к нему.

— Иди сюда!

Чарлс понесся со всех ног. Он знал окрестности лучше псевдоотца. Тот знал многое — все, что получил от настоящего отца мальчика. Но все равно, окрестности лучше Чарлса не знал никто. Он добежал до забора, перелез через него и спрыгнул во двор Андерсонов, промчался мимо стоек с веревками для сушки белья, обогнул дом и выскочил на улицу.

Сжавшись и затаив дыхание, мальчик прислушался. Погони не было. Псевдоотец либо потерял его из виду и вернулся назад, либо пошел на улицу в обход.

Чарлс перевел дух. Нужно убираться отсюда. Рано или поздно, но отец-двойник обнаружит его. Чарлс огляделся по сторонам, убедился, что того не видно, и понесся что было сил.

— Чего надо? — недружелюбно поинтересовался Тони Перетти.

Тони, парень лет четырнадцати, сидел в столовой. Перед ним на столе валялись разбросанные книги, карандаши, лежала половина бутерброда с ветчиной и стояла бутылка кока-колы.

— Ты ведь Уэлтон, да?

После школы Тони Перетти подрабатывал в магазине-салоне приборов Джонсона, который находился в деловой части

города. Этот крупный, с грубыми чертами лица и оливкового цвета кожей, черноволосый и белозубый парень как-то пару раз отколотил Чарлса, как, впрочем, и каждого живущего с ним по соседству мальчишку.

— Скажи, Перетти, ты можешь мне помочь?

— Смотря, что тебе надо, — сердито ответил Перетти. — Если ты ищешь кого-нибудь, чтобы как следует тебя вздул...

Со слезами на глазах, сжимая кулаки и запинаясь, Чарлс кратко объяснил, что произошло. Когда он закончил, Перетти протяжно свистнул.

— А не врешь?

— Правда, — быстро кивнул Чарлс. — Я покажу тебе. Пойдем, и я все тебе покажу.

Перетти медленно встал из-за стола.

— Да, покажи. Хочу посмотреть.

Он сходил в свою комнату и вынес духовое ружье. Ребята вместе вышли на темную улицу и отправились к дому Чарлса. Они не разговаривали. Перетти целиком погрузился в свои мысли, был серьезен, и его лицо выражало какую-то торжественную сосредоточенность. Чарлс, все еще ошеломленный случившимся, думать просто ни о чем не мог.

Они свернули к Андерсонам, обошли дом и осторожно перелезли через забор во двор к Чарлсу. Во дворе было тихо и спокойно. Входная дверь дома закрыта. Они осторожно заглянули в гостиную через окно. Миссис Уэлтон сидела на диване и зашивала рубашку. Лицо ее было печально, и работала она чисто машинально, не вникая в то, что делает. Напротив, откинувшись на спинку кресла и сняв ботинки, сидел двойник отца и читал газету. На ручке кресла стояла банка пива, в углу что-то бормотал включенный телевизор. Двойник сидел точно так же, как всегда сидел настоящий отец Чарлса.

— Похож на твоего, — подозрительно прошептал Перетти. — Слушай, а ты не пытаешься меня надуть?

Чарлс отвел его в гараж и показал мусорный бак. Засунув в бак смуглые руки, Перетти стал осторожно вынимать сухие останки. Они вытягивались, расправлялись, и наконец фигура отца Чарлса вырисовалась целиком. Перетти разложил останки на полу и пристроил отвалившиеся части к нужным местам. Бесцветные, почти прозрачные и тонкие, как бумага, останки были сухи и абсолютно безжизненны.

— Вот и все, что от него осталось, — сказал Чарлс, и его глаза наполнились слезами. — Внутренности сожрал этот гад.

Перетти побледнел. Дрожащими руками он запихал останки в мусорный бак.

— Действительно, здесь что-то не так, — пробормотал он. — Ты говорил, что видел их обоих вместе?

— Да. Они разговаривали. Я как раз в это время забежал сюда. Они были совершенно одинаковые. — Чарлс вытер слезы и всхлипнул. Он больше не мог сдерживаться. — Этот гад сожрал отца, а потом пришел в дом и притворился, будто он и есть мой отец. Но это не так. Он убил отца и сожрал его.

Перетти на секунду задумался.

— Послушай-ка, что я тебе скажу, — вдруг заявил он. — Я уже слышал о подобных вещах. Это скверное дело. Но ты не должен падать духом и поддаваться панике. Ты ведь не боишься, правда?

— Нет, — прошептал Чарлс.

— Сперва нам надо подумать, как его уничтожить. — Перетти потряс ружьем. — Не уверен, поможет ли оно. Этот гад, должно быть, крепкий орешек, раз ему удалось перебороть твоего отца. Уж тот-то был сильный мужик. Давай-ка для начала смоемся отсюда, а то вдруг он вернется. Говорят, убийцы так часто поступают.

Мальчики вышли из гаража. Перетти пригнулся и снова заглянул через окно в дом. Миссис Уэлтон стояла и что-то взволнованно говорила мужу. О чем шел разговор, почти не было слышно. Превдоотец отбросил газету. Они о чем-то спорили.

— Черт возьми! — взревел двойник отца. — Не делай глупостей!

— Что-то стряслось, — жалобо говорила миссис Уэлтон. — С ним случилось что-то ужасное. Я позвоню в больницу.

— Не нужно никому звонить. С ним все в порядке. Наверняка заигрался где-нибудь на улице.

— Раньше он никогда не уходил из дома так поздно. И всегда слушался. Ребенок чем-то сильно расстроен — он боится тебя! И я не виню его. — Голос женщины дрожал. — Что с тобой произошло? Ты какой-то странный.

С этими словами она вышла из комнаты в холл.

— Пойду спрошу у соседей.

Псевдоотец смотрел ей вслед, пока она не ушла, а затем произошло нечто ужасное. У Чарлса перехватило дыхание, а Перетти издал странный утробный звук.

— Гляди, — прошептал Чарлс. — Что...

— Боже мой, — широко раскрыв черные глаза, произнес Перетти.

Едва лишь миссис Уэлтон вышла из комнаты, отец-двойник осел в кресле. Рот его широко раскрылся, глаза вылезли из орбит, а голова упала на грудь, как у тряпичной куклы.

Перетти отпрянул от окна.

— Да, это не твой отец, а точно — какая-то тварь, — пробормотал он. — Можно не сомневаться.

— Что это? — спросил Чарлс. Он был шокирован и совершенно сбит с толку. — Его будто отключили.

— Точно. — Перетти, мрачный и потрясенный, кивнул. — Им кто-то управляет извне.

Чарлс охватил ужас.

— Ты имеешь в виду — не из нашего мира?

Перетти с отвращением покачал головой.

— Снаружи дома! Со двора. Ты представляешь себе, как это найти?

— Не очень. — Чарлс задумался. — Но я знаю того, кто очень хорошо умеет искать.

Он попытался вспомнить имя.

— Бобби Дэниелс.

— А, тот маленький негритенок? И он действительно хорошо умеет искать?

— Лучше всех.

— Ладно, — согласился Перетти. — Пойдем за ним. Мы должны найти, что прячется снаружи. То, что создало эту тварь и управляет ею...

— Надо искать здесь, около гаража, — сообщил Перетти маленькому худощавому негритенку, который, пригнувшись, шел в темноте за ребятами. — Когда все произошло, тварь была в гараже. Поэтому и искать надо здесь.

— В гараже? — переспросил Дэниелс.

— Вокруг гаража. Внутри Уэлтон уже все обыскал. Смотри снаружи.

У гаража, как бы образовав небольшой мягкий ковер, росли цветы. Между гаражом и домом в зарослях бамбука валялся разнообразный мусор. На небе уже появилась луна и осветила все вокруг холодным безжизненным светом.

— Даже если мы быстро ничего не найдем, — сказал Дэниелс, — я все равно пойду домой. Мне нельзя приходить поздно.

Он был не на много старше Чарлса.

— Ладно. Давай, ищи, — согласился Перетти.

Они разделились и принялись тщательно осматривать окрестности вокруг гаража. Дэниелс искал с невероятной скоростью. Его маленькое шуплое тельце так и мелькало среди цветов. Он переворачивал камни, высматривал около дома, раздвигал стебли растений, разгребал опавшие листья и сучья, не пропуская ни одного дюйма поверхности земли.

Перетти довольно быстро прекратил поиски.

— Лучше я буду вас охранять. Не исключена опасность, что появится двойник отца и попытается нас остановить.

Держа ружье наготове, он шел за Чарлсом и Бобом, пока те продолжали поиски.

Чарлс искал медленно. Он устал и замерз. Все случившееся казалось невозможным: и двойник отца, и то, что произошло с его настоящим отцом. Мальчика не отпускал страх: а что, если подобное произойдет и с матерью? Или с ним? Или с кем-нибудь еще? А может, и со всем миром?

— Нашел! — тонким, высоким голосом воскликнул Дэниелс. — Скорее идите сюда!

Перетти, держа ружье наизготовку, осторожно приблизился. Подбежавший Чарлс направил луч фонарика на то место, где стоял Дэниелс.

Негритенок приподнял камень. Луч света выхватил сидящее во влажном перегное существо с блестящим, словно металлическим, телом. Хилое членистое создание с множеством кривых ножек бешено рыло землю. Это чем-то похожее на муравья красно-коричневое насекомое, перебирая ногами и извиваясь, пыталось поскорее уйти под землю.

Перетти забежал в гараж и вернулся оттуда с граблями, которыми и придавил к земле хвост насекомого.

— Пристрелите его! Скорее!

Дэниелс схватил ружье и выстрелил. Насекомое принялось жутко извиваться. Хвост и несколько ног безжизненно волочились по земле. Эта огромная, длиной в фут, многоножка отчаянно пыталась скрыться в норе.

— Стреляй еще! — приказал Перетти.

Дэниелс неумело вертел ружье в руках. Насекомое зашипело и попыталось выскользнуть. Резко дернув головой, оно извернулось, вцепилось в грабли и потянуло их на себя. Злобные глазки твари горели ненавистью. Какое-то время оно безуспешно боролось с граблями, а затем вдруг неожиданно забилося в диких конвульсиях, заставив ребят в страхе отступить.

В голове Чарлса раздался громкий металлический звон, будто одновременно ударили по тысяче струн. Грохот металла оглушил и напугал его. Он запнулся и сделал шаг назад. Остальные, с бледными лицами, дрожа, тоже отступили.

— Раз мы не можем убить его из ружья, — задыхаясь, сказал Перетти, — нужно его утопить. Или сжечь. Или проткнуть чем-нибудь ему башку.

Перетти все еще сражался с граблями, пытаясь не дать насекомому возможности улизнуть.

— У меня есть банка с формальдегидом, — прошептал

Дэниелс. Он нервно крутил ружье. — Как быть с этой штуковиной? Я, кажется, не могу...

Чарлс отобрал у негритенка ружье.

— Я убью эту мразь.

Он присел на корточки, прищурил глаз и положил палец на курок. Насекомое забилося. Звук, распространяемый тварью, бил по ушам, но Чарлс крепко держал ружье. Палец напрягся...

— Так вот ты где, Чарлс, — раздался голос двойника, и его сильные пальцы сжали запястье мальчика. Чарлс попытался вырваться, но куда там. Ружье упало на землю. Двойник дернулся в сторону Перетти. Тот отпрыгнул, и насекомое, освободившись от прижимавших его граблей, скрылось в норе.

— Ну, Чарлс, и задам же я тебе дома, — безо всякого выражения проговорил псевдоотец. — Что с тобой происходит? Бедная мать с ума сходит от беспокойства.

Оказывается, он был здесь уже давно и, прячась, из темноты наблюдал за ребятами. Его холодный, бесстрастный голос — кошмарная пародия на голос настоящего отца — громыхал над ухом Чарлса, пока двойник безжалостно тащил мальчика к гаражу. Чарлс ощущал на своем лице его холодное, с запахом прелой почвы дыхание. Псевдоотец обладал чудовищной силой, и Чарлсу никак не удавалось вырваться.

— И не пытайся сопротивляться, — без эмоций произнес двойник. — Идем в гараж, тебе же лучше будет. — Я ведь знаю, Чарлс.

— Ты нашел его? — открыв дверь дома, озабоченно крикнула мать.

— Нашел, нашел.

— И что ты намерен с ним сделать?

— Немного отшлепать. — Псевдоотец толкнул дверь гаража. — В гараже. — Легкая усмешка тронула губы двойника.

— Возвращайся в дом, Джейн. Я сам справлюсь. Это по моей части. Ты ведь никогда не любила наказывать его.

Дверь закрылась. И как только погас шедший через дверной проем свет, Перетти нагнулся и схватил ружье. Двойник отца замер.

— Отправляйтесь по домам, парни, — раздраженно произнес он.

Перетти стоял в нерешительности, крепко сжимая ружье.

— Расходитесь по домам, — повторил двойник. — Опустите эту игрушку и проваливай отсюда.

Он медленно двинулся к Перетти, одной рукой держа Чарлса, другой — пытаясь дотянуться до старшего мальчика.

— В городе запрещены духовые ружья, сынок. Твой отец знает, что у тебя есть эта штука? А в городе принято придерживаться распоряжений местных властей. Думаю, тебе лучше отдать ружье мне, прежде чем...

Перетти выстрелил.

Двойник с хрипом сватился за поврежденный глаз и неожиданно прыгнул в сторону Перетти. Тот бросился к выездной дорожке, пытаясь выстрелить еще раз. Двойник сделал выпад и выдернул ружье из рук мальчика. Не произнеся ни слова, он разбил ружье о стену.

Чарлс вырвался и отбежал. Спрятаться? Но куда? Между ним и домом стоял псевдоотец. Он опять начал подбираться к Чарлсу, пытаясь поймать мальчика. Чарлс отступал. Ну хоть какое-нибудь местечко, где можно скрыться...

Бамбук!

Чарлс быстро юркнул в заросли бамбука. Толстые старые стволы скрыли мальчика. Псевдоотец вынул из кармана коробок, зажег спичку и подпалил всю коробку целиком.

— Чарлс, — заговорил он. — Я ведь знаю, что ты где-то здесь. Но тут не спрячешься. Ты просто осложняешь себе жизнь.

Сердце Чарлса бешено колотилось, когда он пробирался сквозь заросли бамбука. Кругом валялся мусор: отбросы, бумага, коробки, старая одежда, сгнившие доски, консервные банки и бутылки. Среди всего этого хлама ползали пауки и саламандры. От ветра бамбук раскачивался и скрипел.

Лишь мусор да насекомые.

Но было и еще что-то...

Что-то, похожее на гриб, бледное и неподвижное, росло в куче отбросов. Белесый рыхлый столбик матово отражал лунный свет. Это был покрытый паутиной и плесенью какой-то кокон. В нем проглядывались неясные очертания рук и ног, наполовину сформировавшаяся голова. Черты лица еще не определились, но Чарлс уже понял, что это.

Среди зарослей бамбука, между гаражом и домом, в сырости и отбросах рос двойник матери.

Псевдомать уже почти созрела, еще несколько дней — и она сформируется полностью.

Пока это личинка, белая и мягкая. Но солнце прогреет и высушит ее. Оболочка потемнеет и отвердеет. Двойник вылупится из кокона и однажды, когда настоящая мать зайдет в гараж...

Помимо личинки псевдоматери, Чарлс обнаружил и другие мягкие белые личинки, по-видимому, только недавно отложенные мерзким насекомым. Пока еще маленькие. Чарлс обнаружил и то самое место, где вырос и вылупился из кокона

двойник отца. Он созрел здесь, а потом встретился в гараже с настоящим отцом.

Чарлс начал отходить, стараясь не наступить на гнилые доски, отбросы и мягкие грибовидные личинки. Теряя силы, он добрался до забора — и отпрянул.

Еще одна личинка-куколка. Сначала он и не мог увидеть ее, поскольку она уже потемнела. Опутывающая ее паутина и рыхлая мякоть исчезли. Личинка созрела. Она шевелилась и слабо двигала руками.

Двойник Чарлса...

Из бамбука высунулась рука псевдоотца и крепко схватила Чарлса за запястье.

— Вот здесь ты и останешься, — произнес отец-двойник. — Местечко — как раз для тебя. Стой и не двигайся.

Свободной рукой он сорвал остатки кокона, опутывающего псевдо-Чарлса.

— Придется помочь ему выбраться наружу, — слабоват еще.

Двойник отца отбросил последний лоскут серого слизистого кокона, и псевдо-Чарлс вылутился. Он неловко барахтался, пока отец-двойник расчищал ему путь к мальчику.

— Я держал его для тебя, — оскалился псевдоотец. — Когда съешь, станешь сильнее.

Чарлс-двойник, то открывая, то закрывая рот, жадно тянулся к Чарлсу. Мальчик отбивался изо всех сил, но сильная рука псевдоотца держала его крепко.

— Прекрати, парень, — произнес отец-двойник. — Тебе же легче будет, если ты...

И вдруг, оборвав речь на полуслове, псевдоотец завизжал и задергался. Он отпустил руку Чарлса и попятился задом. Его тело судорожно извивалось. Ударившись о стену гаража, псевдоотец рухнул и через секунду забился в агонии. Он стонал и пытался уползти, но постепенно затих. Чарлс-двойник тихо свалился на кучу мусора. Он лежал в бамбуковых зарослях среди гнилых отбросов с обмягшим телом и пустым лицом. Наконец, перестал шевелиться и двойник отца. Только и было слышно, как в ночи от ветра потрескивал бамбук.

Чарлс неловко поднялся на ноги и направился к бетонированной выездной дорожке. Сюда же осторожно подошли Перетти с Дэниелсом.

— Не подходи, — быстро проговорил Дэниелс. — та тварь еще не подохла. Нужно немного подождать.

— Что вы сделали? — прошептал Чарлс.

Дэниелс облегченно вздохнул и опустил канистру с керосином.

— Вот, нашли в гараже. Мы, Дэниелсы, когда жили в Вирджинии, всегда травили керосином москитов.

— Дэниелс вылил керосин в нору, — испуганно объяснил Перетти. — Это была его идея.

Негритенок осторожно пнул скособоченное тело двойника отца Чарлса.

— Теперь точно подход, зараза. Сдох одновременно с на-секомым.

— Остальные наверняка тоже подошли, — предположил Перетти и пошел в бамбук посмотреть на растущие среди зарослей личинки. Псевдо-Чарлс не шевелился. Перетти ткнул ему в грудь палкой.

— И этотдохлый.

— Давайте, чтоб уж наверняка, — зловеще произнес Дэниелс. Он поднял тяжелую канистру с керосином и потащил ее в бамбук. — По дороге эта погань выронила несколько спичек. Найди их, Перетти.

Ребята переглянулись.

— Правильно, — тихо отозвался Перетти.

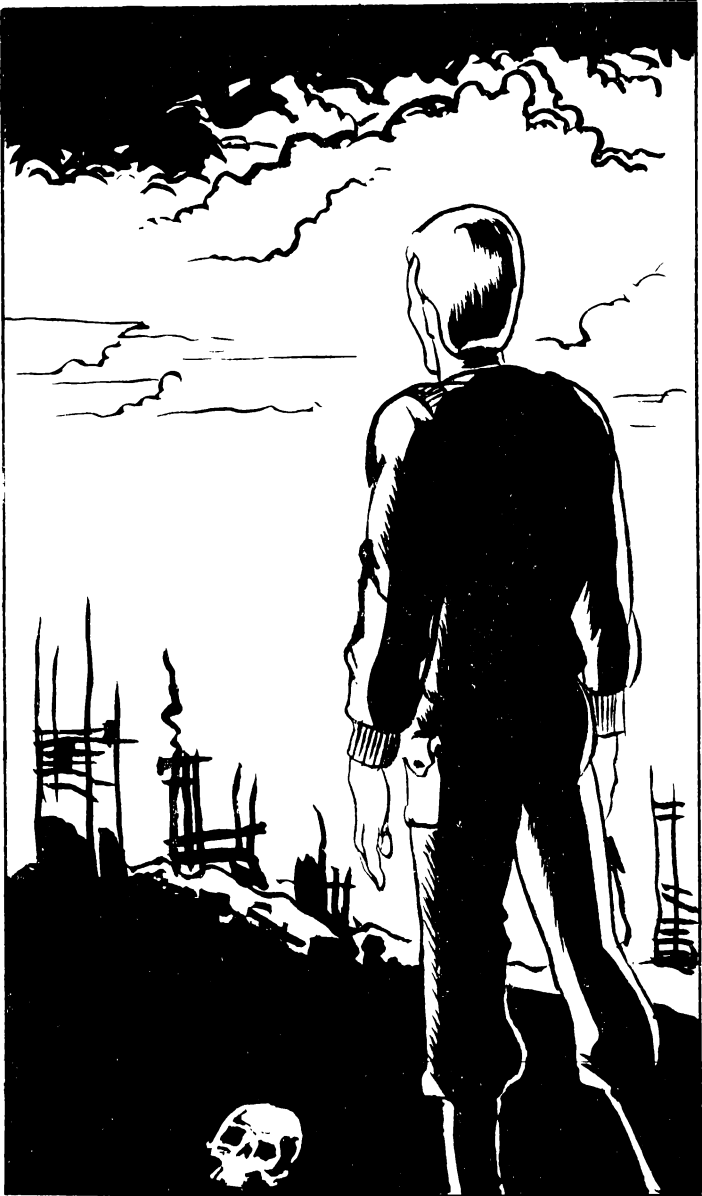
— Может, на всякий случай взять шланг, а то вдруг пожар, — сказал Чарлс.

— Пошли, — не терпящим возражений тоном произнес Перетти.

Он уже шел к гаражу. Чарлс поспешил к нему присоединиться, и через несколько секунд они уже искали спички при свете луны.

БЕСЦЕННОЕ СОКРОВИЩЕ

Милт Бискл славно потрудились в Желтом районе, заново отстраивая древнюю сеть оросительных каналов, и теперь под его вертолетом раскинулись сотни квадратных миль возрожденной земли. Наконец-то и в этот застывший мир песков, растрескавшейся глины и жаб-прыгунов пришла весна. Отныне дважды в год будут цвести долины вдоль каналов — мрачная безводная пустыня, каким стал Марс после конфликта между Проксимой и Землей, обрела новую жизнь.

Очень скоро здесь появятся первые эмигранты с Земли, застолбят участки, возведут нехитрые фермерские постройки, засеют поля... К тому времени отпадет необходимость в специалистах вроде Милта, тогда он подаст в отставку и с легким сердцем вернется на Землю.

Милт нажал кнопку передатчика дальней связи и сказал в микрофон:

Говорит Милт Бискл, инженер восстановительных работ Желтого района. Срочно требуется помощь врача-психиатра. Сойдет любой, лишь бы побыстрее.

При появлении Милта доктор Девинтер поднялся из-за стола и протянул руку.

— Весьма наслышан о вас, мистер Бискл. Среди более чем сорока ваших коллег, инженеров-реконструкторов, вы по праву славите лучшим специалистом. Неудивительно, что вы устали. Даже Господь Бог отдыхал после шести дней такой работы, а вы трудитесь без передышки уже не первый год. У меня для вас сюрприз, мистер Бискл, пока вы добирались, с Земли поступило сообщение. — Доктор взял со стола лист бумаги. — К Марсу приближается первый транспорт с переселенцами... и они направляются прямо в ваш район. Примите мои поздравления, мистер Бискл.

Милт поднялся.

— Значит, я могу вернуться на Землю?

— Но, мистер Бискл, вам же полагается лучший участок на Марсе, и когда прибудет ваша семья...

Милт перебил собеседника:

— Я слишком много работал в последнее время, слишком... — Милт махнул рукой, — устал от одиночества. У меня к вам огромная просьба. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы сразу же по прибытии корабля на борт погрузили мои пожитки.

— Мистер Бискл, не делайте глупостей. Не стоит после шести лет напряженного труда отказываться от причитающегося вознаграждения. Поверьте, совершенно ни к чему лететь за тридевять земель, вы прекрасно отдохнете и здесь.

Вот я сам недавно побывал на матушке Земле, и, уверяю, она в точности такая же, какой вы ее помните...

— Почему вы знаете, какой я помню Землю?

— Я не совсем правильно выразился. Я хотел сказать, что там все, как и прежде: та же жуткая перенаселенность, кошмарные коммуналки на шесть-семь семей с одной-единственной крохотной кухонькой, на улицах — толчея, давка, автострады забиты машинами...

— После шести лет общения с одними роботами перенаселенность меня даже радует, — не сдавался Милт.

Девинтер пожал плечами.

— Мистер Бискл, а что вы скажете, если среди пассажиров первого корабля с Земли окажутся ваша жена и дети. — Доктор вытащил из верхнего ящика стола какой-то документ и пробежал по строчкам глазами. — Ну вот, я так и думал — Бисклы. Фей, Лаура и Джун. Женщина и две девочки. Это же ваша семья, мистер Бискл?

— Да, — нехотя согласился тот, глядя прямо перед собой.

— Теперь вы и сами видите, что не можете вернуться на Землю. Не морочьте себе понапрасну голову, а надевайте-ка лучше свою «шевелюру» и ступайте на посадочную площадку номер три. И вот еще что, заменили бы вы зубы. Своим оскалом из нержавеющей стали вы до полусмерти перепугаете жену и детей.

Милт разочарованно кивнул. Как и все земляне, волос и зубов он лишился из-за радиоактивных осадков во время войны. Пока Милт в одиночку возрождал Желтый район, он не нуждался в дорогостоящем парике. Что касается зубов, то сделанным под натуральные пластиковым зубам он предпочитал более практичные — стальные. Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, как он одичал.

Решив, что док Девинтер прав, — надо было привести себя в божеский вид — Милт почувствовал смутную вину.

Чувство вины не покидало его со дня поражения Проксимы. Война наполнила его горечью, ему с самого начала казалось несправедливым, что одной из соперничающих рас непременно суждено погибнуть.

Обе цивилизации до крайности нуждались в новых территориях, чтобы избавиться от лишних ртов, а Марс идеально подходил для этой цели. Поэтому именно Марс стал ареной отчаянной борьбы между двумя расами. Слава Богу, в последние годы войны Земля одержала ряд маленьких, но, как оказалось в дальнейшем, решающих побед... И вот теперь на Марс прибывают земляне, а не проксимиане.

— Да, кстати, — как бы между прочим обронил Девин-

тер, — я на днях слышал краем уха разговор ваших коллег, инженеров-конструкторов.

Милт внимательно посмотрел на доктора.

— И теперь, разумеется, совершенно случайно, — продолжал Девинтер, — мне стало известно, что сегодня они соберутся в Красном районе, чтобы выслушать вас. — Из ящика стола он достал игрушку йо-йо*, поднялся и умело принялся крутить «Гуляющего Пса». — Вы же намерены заявить, что все эти годы их обманывали власти, хотя толком и не знаете — в чем.

Милт скосил глаза на йо-йо в руках Девинтера.

— Эта игрушка пользуется бешеным успехом в системе Проксимы. По крайней мере, так было написано в журнале.

— Гм. Насколько мне известно, ее изобрели на Филиппинах, — рассеянно пробормотал доктор. Сейчас он выполнял фигуру «Вокруг Света» и делал это мастерски. — Я послал на это сборище своего ассистента с заключением о вашем психическом состоянии. Мне очень жаль, но он прочтет его вслух.

— Да и черт с ним, я все равно выступлю.

— В таком случае, мистер Бискл, предлагаю компромисс. Вы спокойно встречаете свою семью, а затем отправляетесь на Землю. За наш счет, разумеется. Со своей стороны, вы пообещаете оставить инженеров в покое. — Девинтер пристально взглянул в глаза Милта. — Поверьте, сейчас не время для таких выступлений — прибывают первые эмигранты с Земли. Администрация не хотела бы неприятностей. К чему попусту будоражить людей?

— Окажите любезность, — попросил Милт. — Продемонстрируйте, пожалуйста, что зубы у вас искусственные, а на голове — парик. Тогда я смогу вам доверять.

Девинтер молча приподнял парик и вытащил изо рта искусственную челюсть.

— Если вы гарантируете, что моя жена получит участок земли, который я выберу, — заявил Милт, — тогда по рукам.

Кивнув, Девинтер протянул Милту маленький белый конверт.

— Ваш билет, мистер Бискл. Разумеется, в оба конца, поскольку вы, несомненно, вернетесь.

«Во всяком случае — надеюсь, — подумал Милт, засовывая конверт во внутренний карман комбинезона. — Но все

* Йо-йо — старинная японская игрушка. Представляет собой волчок на узкой дощечке с выемкой. Волчок движется вверх и вниз по дощечке, управляемый движениями пальцев. Игрушка была чрезвычайно популярна в США в шестидесятые годы, когда написан этот рассказ.

зависит от того, что я увижу на Земле... Вернее, от того, что мне позволят увидеть».

У него было предчувствие, что увидит он чертовски мало. Только то, что сочтут нужным показать ему проксимиане.

Когда космический корабль опустился на Землю, Милта ожидала одетая в униформу рыжеволосая девушка с умными глазами.

— Мистер Бискл? — Элегантная, привлекательная и очень юная, она сразу же направилась к нему. — Я — Мэри Аблесет, ваш гид. — Она одарила Милта профессиональной улыбкой. Тот с готовностью улыбнулся в ответ. — Я буду с вами в течение всего вашего непродолжительного пребывания на Земле. И днем, и ночью.

— И ночью тоже? — удивился Милт.

— Да, мистер Бискл, и ночью тоже. Такова моя работа. Руководство считает, что вы несколько отвыкли от здешней жизни за долгие годы работы на Марсе... Работы, которой мы восхищаемся и гордимся. — Она подхватила Милта под руку и почти поволокла к ожидающему в стороне вертолету. — Куда мы отправимся? Может, в Нью-Йорк? Пройдемся по Бродвею, посетим ночные клубы, театры, рестораны...

— Нет. Давайте лучше просто посидим на скамейке в Центральном Парке, полюбуемся травкой.

— К сожалению, мистер Бискл, Центрального Парка больше не существует. Пока вы работали на Марсе, на его месте построили автостоянку для государственных служащих.

— Понятно. Ну, тогда — площадь Портсмут в Сан-Франциско, — предложил Милт, открывая дверцу вертолета.

— Площадь тоже превращена в автостоянку. — Мисс Аблесет потупила взор. — Здесь такая жуткая перенаселенность — яблоку негде упасть. Но не расстраивайтесь, мистер Бискл, несколько парков все же сохранилось: я знаю один в штате Канзас и два в южной части штата Юта, близ городишка Сент-Джорджес.

— Н-да. — Милт покачал головой. — Куплю-ка я стимулирующих таблеток, взбодрюсь чуток после всех этих новостей. Вы как, не против?

— Конечно, конечно, — закивала мисс Аблесет.

Милт подошел к ближайшему аптечному автомату и, поковырявшись в карманах, опустил в щель десятицентовик.

Позвякав внутри автомата, монета вывалилась на тротуар.

— Странно, — озадаченно произнес Милт.

— Это легко объяснить, — сказала мисс Аблесет. — Ваша

монета изготовлена на Марсе, а там — всякий школьник знает — сила тяжести меньше. Вот монета и не подошла.

— Гм. — Милт поднял и подозрительно осмотрел десятицентовик.

Объяснение звучало убедительно, но...

Как и предсказывала гид, на Земле он чувствовал себя не в своей тарелке.

Мисс Аблесет бросила в щель автомата собственную монету и протянула Милту прозрачный цилиндрик с таблетками.

— Уже восемь вечера, — сообщила мисс Аблесет, — вы, конечно, перекусили на борту корабля, а я сегодня целый день на ногах и не успела пообедать. Почему бы нам не поужинать вместе? Бутылка хорошего вина поможет вам расслабиться, и вы наконец-то расскажете, что привело вас на Землю. Говорят, вы утверждаете, что с нами происходит нечто ужасное, что все эти чудеса реконструкции — бессмысленны и что... Словом, мне не терпится услышать обо всем из первых уст.

Подхватив Милта под руку, она снова подвела его к вертолету и усадила рядом с собой на заднее сиденье. Сквозь ткань платья Милт ощутил тепло и упругость ее тела, определенно принадлежащее землянке. Его сердце учащенно забилося, и он смущенно уставился на руки. Очень уж давно он не сидел так близко к женщине.

— Послушай, красавица, — сказал Милт, когда управляемый компьютером вертолет набрал высоту, — я женат, у меня двое детей, и я прибыл на Землю по делу. Я намерен доказать, что войну в действительности выиграли проксимиане, а мы — несколько чудом выживших землян — лишь жалкие рабы, вкалывающие ради...

Продолжать было бессмысленно, и он замолчал. Слушая его, мисс Аблесет все плотнее прижималась к нему.

— Ты и меня считаешь агентом проксимиан? — спросила мисс Аблесет, когда вертолет пролетал над Нью-Йорком.

— Нет, — выдавил Милт. — Во всяком случае, надеюсь, что ты — землянка.

— Я подумала: стоит ли тебе селиться в шумной, вечно переполненной гостинице? Может, поживешь со мной в Нью-Джерси? Моя комнатуха, конечно, не королевский дворец, но места на двоих вполне хватит, да и мне будет веселее.

— Хорошо. — Милт слишком устал, чтобы спорить.

— Вот и славно. И давай-ка поужинаем дома. А то возле ресторанов в это время хвост часа на два, да и на отдельный столик рассчитывать не приходится. Ты уж, поди, отвык от

очередей, а здесь они в порядке вещей. — Не дожидаясь возражений, мисс Аблесет ввела новые координаты в бортовой компьютер, и вертолет повернул на север. — Господи, как будет здорово, когда половина населения наконец-то переберется на Марс.

— О, да. Им там, наверняка, понравится, ведь мы потрудились на славу. — Милт воодушевился. — У тебя дух захватит, когда ты все это сама увидишь, дорогая моя мисс Аблесет!

— Зови меня просто Мэри. — Мисс Аблесет поправила огненно-рыжий парик.

— Договорились. — Переполюнявшее Милта чувство вины перед женой постепенно улетучилось.

— Знаешь, на Земле так быстро все меняется из-за этой ужасной перенаселенности. — Легким нажатием пальчика Мэри вправила начавшую было выпадать челюсть.

— Да, я и сам вижу, — согласился Милт, приводя в порядок собственные парик и вставные зубы.

«А может, я все-таки ошибаюсь? Видел же я собственными глазами огни Нью-Йорка, а не безлюдные руины, как ожидал. Или все это — иллюзия, внушенная мне хитроумными аппаратами проксимиан? Ведь не подошла же монета к автомату. Доказывает ли это что-нибудь?

Делать выводы пока рано, не исключено, что и огни города, и автомат существуют лишь в моем воображении».

На следующий день Бискл и мисс Аблесет отправились в южную часть штата Юта, в один из уцелевших парков у подножия горы. Парк, хоть и небольшой, казался чудом — чистый, зеленый, наполненный ароматом цветов и щебетаньем птиц.

Милт сидел на траве и наблюдал за прыгающей по земле белкой. Поодаль, закрыв глаза, на спине лежала Мэри. Легкий купальник лишь подчеркивал красоту ее тела.

— Как хорошо, что ты вытащил меня сюда. Знаешь, Марс мне представляется таким вот бескрайним парком.

— На Марсе нет белок, — сонно пробормотал Милт.

Невдалеке по скоростной трассе неслись автомобили, монотонный шум двигателей напоминал Милту прибой Тихого океана. Окружающее спокойствие усыпило его подозрения, казалось, все складывается как нельзя лучше.

Милт кинул белке орех. Зверек подбежал к нему, скосив на Милта умные глазки. Когда белка замерла, зажав орех в передних лапках, Милт бросил другой в нескольких футах от первого. Услышав шорох кленовых листьев, белка наострила уши.

Милту вдруг вспомнилось, как он в детстве играл со ста-

рым, ленивым котом. В те незапамятные дни Земля еще не была так перенаселена, и закон не запрещал держать в доме животных. Милт дожидался, когда Ворчун — так звали кота — задремывал, и кидал что-нибудь в угол комнаты. Ворчун тотчас просыпался. Его глаза раскрывались, уши вставали торчком, и он минут пятнадцать вслушивался и озирался. Милт загрустил, вспомнив давно почившего красавца Ворчуна.

«На Марсе люди снова обзаведутся домашними животными». — Эта мысль взбодрила Милта.

В последние годы у него был неразлучный друг — марсианское растение ваг. Он привез любимца на Землю, и теперь горшок с растением стоял на кофейном столике у Мэри. На Земле всего за сутки листья вага сморщились и поникли. Видно, местный климат пришелся марсианину не по вкусу.

— Странно, — произнес Милт. — С чего это мой ваг увял? Я всегда полагал, что во влажной атмосфере...

— Во всем виновата земная сила тяжести, — пояснила Мэри, не открывая глаз. — Ему здесь слишком тяжело.

Милт взглянул на дремавшую рядом женщину. Она погрузилась в то дивное состояние между сном и бодрствованием, когда сознание и подсознание сливаются воедино. Милт снова вспомнил Ворчуна, поднял с земли камешек и бросил в траву рядом с Мэри.

Она тут же села, удивленно озираясь. Купальник свалился с груди, уши настороженно оттопырились.

— Мэри, земляне не могут шевелить ушами. Даже инстинктивно.

— Что? — Она смущенно моргала, завязывая бретельки лифчика.

— В ходе эволюции у людей сохранились мышцы ушей, но мы давно разучились ими управлять, — объяснил Милт. — Собаки и кошки могут, а люди — нет. Даже исследуя трупы землян, вы не узнали бы об этом. Вот и допустили ошибку.

— Не понимаю, о чем это ты, — угрюмо сказала Мэри и опустила голову.

Чудом сохранившийся уголок земной природы утратил всю свою привлекательность. Милт больше не верил в реальность парка.

— Давай-ка вернемся домой. — Милт поднялся на ноги.

Белка провожала их до самого вертолета, затем увязалась за супружеской парой с двумя детьми. Мальчишки бросали орехи, и белка бегала кругами, собирая их.

— Очень убедительно, — сказал Милт. — Да, так оно и было на самом деле.

— Как жаль, что док Девинтер за миллионы миль отсюда.

Он бы живо выбил дурь из твоей башки. — Голос Мэри непривычно резал слух.

— Не сомневаюсь, что это ему по силам.

Вернувшись из парка, Милт нашел марсианское растение увядшим. Сухие поникшие стебли и опавшие желтые листья однозначно указывали причину гибели — обезвоживание.

— Даже не пытайся выдумать убедительное объяснение, все ясно, как белый день, — буркнул Милт, глядя на мертвые стебли. — Ты отлично понимаешь, что это значит. В земном воздухе должно быть гораздо больше влаги, чем в марсианском, даже после реконструкции. А ваг засох. Подозреваю, что взрывы проксимианских ядерных бомб опустошили океаны, поэтому-то в воздухе и осталось так мало влаги. Скажешь, я не прав?

Мэри не ответила.

— Никак не возьму в толк, зачем вы продолжаете эту дурацкую игру. Ведь я же закончил свою работу!

Немного помолчав, Мэри спросила:

— По-твоему, на других планетах не понадобятся инженеры-реконструкторы?

— Сколько же новых миров вы захватили?

— Речь идет не о новых мирах, а о Земле. Здесь восстановительные работы затянутся на века, нам потребуется твой талант и опыт инженера-реконструктора. Конечно, я ничего не утверждаю — просто следую логике твоих рассуждений.

— Значит — Земля. Вот оно в чем дело, а я-то гадал, почему так легко вырвался... — Милта вдруг осенило. — Мне не разрешат вернуться на Марс... — Все встало на свои места. — И я никогда не увижу Фей, ты заменишь ее в моей жизни.

— Во всяком случае, попытаюсь. — Улыбаясь краешками губ, Мэри погладила его по плечу.

Смутившись, он отступил, взял со стола горшок с марсианским растением и кинул в утилизатор отходов.

— Давай-ка отправимся в Нью-Йорк, в Музей Современного Искусства, а затем, если останется время, посетим «Смитсоник»*, — предложила Мэри. — Мне велели развлекать тебя, чтобы не оставалось времени на ненужные размышления.

* «Смитсоник» — имеется в виду Национальный музей при Смитсоновском институте. Институт основан в 1844 году в городе Вашингтоне на средства английского ученого Дж. Смитсона. В состав Смитсоновского института, помимо Национального музея, также входят астрономическая обсерватория, Национальный зоологический парк, Национальная картинная галерея и др.

— Но я все равно буду размышлять, — пробормотал Милт, наблюдая, как она снимает купальник и переодевается в серое вязаное платье.

«Ничего уже не исправишь, — думал он. — С каждым инженером-реконструктором произойдет то же самое, как только он закончит свой участок. Я только первый в этой длинной веренице.

Первый, но не последний... И то ладно».

— Ну, и как я выгляжу? — спросила Мэри, подкрашивая перед зеркалом губы.

— Великолепно.

«Неужели Мэри будет встречать всех прибывающих инженеров и станет любовницей каждого из них? — пронеслось в голове у Милта. — Мало того, что Мэри не та, за кого себя выдает, она и в этом лживом обличье пробудет со мной недолго.

Землянка она или нет, в конечном счете, не так уж и важно. Главное, она живая.

Неужели я останусь один?»

Ему стало жаль себя, потеря вдруг показалась значительной. Он уже привык к Мэри, временами она ему даже нравилась.

«По крайней мере, мы проиграли войну не призракам, а живым существам из плоти и крови. Хоть это утешает».

— Ты готов, дорогой? — игриво спросила Мэри.

* * *

Уже утром в Смитсоновском музее, направляясь от «Духа Святого Луиса»* к невероятно древнему, казавшемуся ровесником динозавров аэроплану братьев Райт**, Милт наконец увидел в соседнем зале то, что так настойчиво искал.

Ничего не сказав Мэри, которая с неподдельным интересом рассматривала коллекцию необработанных полудрагоценных камней, он бесшумно ускользнул и через несколько секунд оказался перед витриной. Вывеска в правом верхнем углу гласила:

«ОБРАЗЦЫ ВООРУЖЕНИЯ ПРОКСИМИАН. 2015 год».

За стеклом с оружием наизготовку застыли три солдата.

* «Дух Святого Луиса» — так назывался самолет, на котором летчик Ч.Линдберг в 1927 году впервые в истории авиации пересек Атлантический океан, перелетев из США в Европу.

**Братья Райт — американские авиаконструкторы и летчики, первыми в мире семнадцатого декабря 1903 года совершили полет продолжительностью 59 секунд на построенном ими самолете с двигателем внутреннего сгорания.

Рядом громоздились останки их военного транспортного корабля, над обломками развешался бледно-коричневый стяг Проксимианской Республики. Проксимианам, оказавшимся на территории врага, предстояло сделать выбор: сдаться или погибнуть. На темных, перепачканных грязью и сажей мордах читалась ненависть и непоколебимая решимость стоять до последнего.

На витрину таращилась группа землян. Милт обратился к ближайшему мужчине, седовласому бизнесмену средних лет:

— Ну точь-в-точь живые, как по-вашему?

— И не говорите, — ответил бизнесмен. — А самому-то вам пришлось повоевать?

— Я — инженер-реконструктор.

— О, — понимающе кивнул сосед. — У этих проксимиан такой зверский вид, того и гляди, вышибут стекло и всех нас перебьют. — Он вздохнул. — Вообще-то, прежде чем сдаться, эти ребята дрались отчаянно, и следует уважать их хотя бы за храбрость.

В разговор вступила стройная, элегантно одетая женщина:

— От этих винтовок меня в дрожь бросает. По-моему, чучела сделаны чересчур уж реалистично. Нельзя так пугать людей.

Она в негодовании отошла.

— Да, вы, несомненно, правы, — пробормотал Милт. — Они выглядят чертовски реально.

«Скорее всего, экспонат — настоящий. Зачем нужны фальшивки, если подержанное оружие и амуниция под рукой?»

Милт нырнул под перила ограды и что было силы ударил ногой по стеклу. Во все стороны брызнули осколки. Посетители в ужасе разбежались.

Когда в зал влетела Мэри, Милт выхватил у одного из проксимиан винтовку и направил на нее.

Мэри встала, как вкопанная, тяжело дыша.

— Будь по-вашему, я согласен на вас работать! — заорал Милт, держа ее под прицелом. — В конце концов, если все земляне погибли, колонии им ни к чему. Но прежде я хочу узнать правду. Покажи мне, что стало с Землей!

— Нет, Милт, если ты узнаешь правду, то не захочешь жить. Ты застрелишься из этой самой винтовки. — Голос Мэри звучал спокойно, даже сочувственно, хотя глаза горели огнем.

— Тогда я убью тебя, — крикнул Милт, мысленно добавив: «А потом себя»,

— Подожди, Милт. — Она задумалась. — Понимаешь,

все не так просто. Сейчас ты почти ничего не знаешь, но уже не находишь себе места. Что же с тобой станет, когда ты увидишь, как изуродовала война твою родную планету? Поверь, у меня самой сердце кровью обливается от этого зрелища, а ведь я всего лишь... — она запнулась.

— Ну, продолжай же!

— Я только... — Слова душили ее. — Посторонний наблюдатель.

— Но я прав? Отвечай же!

— Да, Милт, ты прав. — Она вздохнула.

В дверях появились два вооруженных охранника музея.

— Мисс Аблесет, вы не пострадали?

— Пока нет. — Мэри не спускала глаз с винтовки в руках Милта. — Стойте и ничего не предпринимайте, — приказала она охранникам.

— Да, мадам. — Охранники застыли.

— Уцелела ли хотя бы одна земная женщина?

Помедлив, Мэри сказала:

— Нет, Милт. Но как тебе наверняка известно, у прокси-миан тот же набор генов, мы можем дать совместное потомство.

— И на том спасибо. — Милту захотелось направить ствол винтовки себе в грудь и нажать спуск.

«Все даже хуже, чем я предполагал. То существо, что я встретил на третьей посадочной площадке, никакая к черту не Фей! Дочери — тоже подделки!»

— Послушай, Мэри или как тебя там, я закончил свои дела и хочу вернуться на Марс. Там док Девинтер, он поможет в трудную минуту. Ну что, отпустите?

— Конечно, конечно. — Казалось, она разделяет его чувства. — Ведь ты же сделал там за нас всю работу и имеешь полное право вернуться. Но, если хочешь, задержись на год-другой. Марс в самом скором времени будет заселен, нам нужны новые территории. Там станет гораздо теснее... Да ты и сам увидишь. — Она попыталась улыбнуться, но губы не слушались. — Милт, мне очень жаль, что все так получилось.

— Мне тоже. Черт, мне жаль с тех пор, как погиб ваг. Уже тогда я знал правду. Не предполагал — знал точно.

— Тебе наверняка будет интересно узнать, что твой коллега, инженер-реконструктор Красного района, Кливленд Эндр выступил вместо тебя на собрании. Он прочел твоё сообщение, добавив кое-что из собственных соображений. Инженеры единодушно проголосовали послать своего официального представителя на Землю, и Кливленд сейчас в пути.

— Конечно, это интересно, хотя... вряд ли что-нибудь из-

менит. — Милт отшвырнул винтовку. — Могу я вернуться на Марс прямо сейчас? — Он чувствовал себя совершенно измотанным. — Сообщите доку Левинтеру, что я возвращаюсь. Пусть готовит свою технику для лечения психов. А что с земными животными? Хоть кто-нибудь выжил? Хотя бы кошки или собаки?

Мэри переглянулась с охранниками. Один из них кивнул, и она сказала:

— А может, это и к лучшему.

— Что к лучшему? — не понял Милт.

— Что хоть на несколько секунд ты увидишь мир своими глазами. Пока ты держишься лучше, чем мы предполагали. Посмотрим, что будет дальше. — Подумав, Мэри добавила: — Да, Милт, кошки и собаки выжили, они живут в развалинах. Иди же и посмотри сам.

Он последовал за ней, думая на ходу:

«А может, она права? Действительно ли я хочу увидеть, что стало с Землей после войны?»

У выхода из музея Мэри остановилась.

— Я подожду тебя здесь.

Слегка помешкав, Милт спустился по ступенькам.

Огляделся.

Все было так, как она говорила.

От города остались одни руины. На месте будто срезанных гигантским ножом зданий чернели квадраты фундаментов футов трех высотой.

«Похоже на раскопки античного города».

Милту не верилось, что на этом самом месте совсем недавно возвышался город, кипела жизнь. Казалось, эти мертвые руины были здесь всегда.

«Интересно, долго ли все будет выглядеть так?»

Справа среди развалин двигался маленький, но довольно сложный механизм.

«Такой же, как у меня в Желтом районе», — с удивлением отметил Милт.

Из машины высунулись несколько манипуляторов и вгрызлись в ближайший фундамент. Куски железобетона превратились в пыль. Там, где пыль сдувал ветер, показалась спекшаяся, опаленная ядерным жаром темно-коричневая земля. Из собственного опыта Милт знал, что за этой машиной через две-три минуты последует другая, укладывающая плодородную почву.

Невдалеке Милт заметил двух проксимиан, присматривающих за работой механизмов.

«Победители. Любуются, как с лица Земли стираются последние следы пребывания хозяев планеты. Пройдет совсем

немного времени, и на этом самом месте поднимется город с чуждой людям архитектурой, невиданно широкими улицами, многоэтажными домами-коробками. Жители, вроде тех, что у машин, — с хищными птичьими ключвами, высокими спиралевидными прическами, оттянутыми земной гравитацией мочками ушей — займутся будничными делами...

А как же кошки и собаки? Что станет с ними? Неужели и им всем суждено исчезнуть? Вряд ли. Скорее всего, некоторых сердобольные проксимане рассуют по музеям и зоопаркам, чтобы горожане могли глазеть на них. Подумать только, они же последние представители старого мира, мира, которого больше нет и не будет. Но обывателям на это наплевать!

И еще — Мэри права: у проксимиан тот же набор генов, наши расы могут скреститься. Мои отношения с Мэри — доказательство тому. Как отдельные личности, мы не так уж далеки друг от друга. А способности детей, рожденных от таких необычных браков, могут превзойти все самые смелые ожидания.

В результате, — размышлял Милт, бредя обратно к музею, — появится абсолютно новая раса. Во всяком случае, у человечества осталась хоть искорка надежды.

Земля возродится. Не исключено, что проксимианам недостает нашего мастерства... Ведь пригодились же сейчас мои знания и знания моих товарищей на Марсе, а совсем скоро понадобятся и здесь, на Земле. Не стоит унывать, не все потеряно».

Подойдя к Мэри, Милт хрипло произнес:

— Окажи мне любезность — достань кошку. — Я возьму ее с собой на Марс. Я всегда любил кошек, особенно рыжих в полоску.

Охранники переглянулись, один из них сказал:

— Устроим, мистер Бискл. Поймаем в руинах... детеныша. Я правильно назвал?

— Котенка. Детеныш кошки называется котенок, — поправил Милт.

С коробкой на коленях Милт Бискл сидел в мягком кресле и размышлял:

«Минут через пятнадцать корабль опустится на Марс, и док ДеВинтер, вернее, существо, которое играет Девинтера, встретит меня. Но безнадежно опоздает».

Со своего места Милт видел люк с красной надписью «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД» на нескольких языках.

Милт решил воспользоваться этим выходом. Решение, конечно, не идеальное, но лучшего он так и не придумал.

Из коробки высунулась рыжая лапка, и крошечные острые

коготки впились Милту в запястье. Милт отдернул руку, равнодушно взглянул на кровоточащие царапины.

«Да, дружок, на Марсе тебе пришлось бы несладко».

С коробкой под мышкой Милт встал, прошелся по салону, как бы невзначай остановился у аварийного выхода. Затем распахнул люк и, прежде чем подбежала стюардесса, шагнул вперед. Люк захлопнулся. Оказавшись в темном тесном тамбуре, Милт сразу потянул на себя массивную наружную дверь.

— Мистер Бискл!

Приглушенный крик стюардессы едва доносился до него. Люк за спиной на секунду открылся, и Милт скорее почувствовал, чем услышал, как вслепую пробирается к нему стюардесса.

Он рывком приоткрыл наружную дверь, и в образовавшейся щели запел выходящий из шлюза воздух.

Котенок в коробке протестующе зашипел.

«Ты тоже чувствуешь запах смерти, тоже не хочешь умирать?»

Что-то в душе Милта завопило, отчаянно прося пощады. Он замер, не решаясь распахнуть дверь шире, и в этот миг ему в плечо вцепилась рука стюардессы.

— Мистер Бискл, — пролепетала она, всхлипывая, — вы что, с ума сошли? Господи, что вы делаете? — Она навалилась на дверь, и та мгновенно захлопнулась.

— Вы прекрасно знаете, что я делаю, — рявкнул Милт, возвращаясь следом за ней.

«И не думайте, что вы меня остановили. Вы тут совершенно ни при чем. Я сам решил чуток задержаться на этом свете. Только вот зачем?»

Как Милт и ожидал, доктор Девинтер оказался среди встречающих на третьей посадочной площадке.

Пожав друг другу руки, они направились к вертолету, и ДеВинтер обеспокоенно произнес:

— Мне только что сообщили, что по дороге сюда вы...

— Ничего не скажешь, служба оповещения у вас поставлена отменно. Да, док, все верно, я пытался покончить с собой, но в последнюю секунду передумал. И уж вы-то наверняка знаете, почему. А если не знаете, то вам и карты в руки, вы ведь психолог, вот и разберитесь, что творится в черепушке вашего пациента. — Милт залез в кабину вертолета, бережно придерживая коробку.

Вертолет взлетел и понесся над зелеными полями, засеянными высококалорийными сортами пшеницы.

— Так вы что же, поселитесь с Фей на своем участке земли... несмотря на то, что вам все известно?

— Да, — кивнул Милт.
«Что еще мне остается?»

Доктор Девинтер покачал седой головой.

— Удивляете вы меня, земляне. — Заметив на коленях Милта коробку, он поинтересовался: — А это что? Неужели животное с Земли? — Было очевидно, что обычай держать животных любимцев он воспринимал, как очередное чудо-человечество непонятной расы.

— Мой новый друг поможет мне построить дом, обработать поле и...

«И скоро отправится со мной возрождать Землю».

— Это то самое животное, что вы зовете гремучей змеей? Я слышу, как оно там громыхает. — Девинтер опасливо отодвинулся.

— Это котенок. — Милт вытащил из коробки котенка, посадил себе на колени и погладил. Котенок блаженно замурлыкал.

«Общаясь с ним, я, надеюсь, не сойду с ума. — Милт почувствовал благодарность к бессловесному созданию. — Пускай человечество проиграло войну и погибло, но ведь кое-что уцелело, не все земные существа уничтожены. Когда мы восстановим Землю, возможно, власти позволят нам создать заповедник для выживших животных».

Сидя рядом с Милтом, доктор Девинтер также глубоко погрузился в собственные мысли:

«Что ж, инженеры на третьей планете постарались на славу. Даже меня, хоть я и вижу окружающий мир в истинном свете, хитроумный механизм поначалу сбил с толку. Благодаря механической зверушке землянин сохранит душевное равновесие. Сейчас полным ходом идет работа над роботом-имитацией для Эндра, и с «экскурсии» на Землю он вернется не с пустыми руками.

Ну, а другие инженеры-реконструкторы? Что их поддержит, когда они закончат свое дело и прозреют? Все будет зависеть от конкретных привязанностей каждого землянина в прошлом. Одному — собака, другому — более тщательно изготовленная женщина. Каждый получит свою игрушку и сможет жить дальше. Ясно одно: каждому понадобится живое существо из невозвратно ушедшего прошлого...»

— Я назвал его Молнией, — объяснил Милт.

— Отличное имя, — ответил доктор ДеВинтер.

«Пока нельзя показывать им, во что превратили родную планету земляне своими так называемыми «локальными конфликтами», необузданным размножением и наплевательским отношением к природе.

Весьма примечательно, что Бискл принял за чистую мо-

нету увиденное, хотя прекрасно знал, что именно его соплеменники не оставили от прежней Земли камня на камне. Куда приятнее верить в бабушкины сказки о кровожадных захватчиках из другой звездной системы, чем разобраться в себе самом. Типичная реакция для разума среднего землянина.

Неудивительно, что они уничтожили собственную планету, ведь земляне просто-напросто не способны взглянуть на себя со стороны.

Будем надеяться, хоть на этот раз у них что-нибудь получится. Во всяком случае, еще одну попытку мы им дали».

— Этот котенок скоро станет самым могучим охотником на марсианских мышей во всей округе.

— Очень даже может быть, — согласился Девинтер.

«и еще позабавит детей и внуков Милта, если, конечно, вовремя менять батарейки».

Девинтер погладил котенка. Котенок работал великолепно — мурлыкал, как настоящий.

КОРОЛЬ ЭЛЬФОВ

Буря разыгралась не на шутку: злой осенний ветер пригибал деревья к земле, небо словно прохудилось.

Шардаш Джонс стоял у раскрытой двери, привалившись к бочке с машинным маслом. Снаружи залетали крупные капли дождя и падали на некрашенный деревянный пол у его ног. Шардаш зябко повел плечами, достал из внутреннего кармана пиджака сигару, откусил кончик и, отвернувшись от двери, прикурил. В сумраке мерцающий огонек сигары казался живым. Глубоко затянувшись, Шардаш застегнул на все пуговицы поношенный плащ и вышел на тротуар.

— Ну и ночка, будь она неладна! — в сердцах пробурчал он.

Дождь лил, как из ведра, ветер валил с ног. Прищурив глаза, Шардаш оглядел шоссе: ни единого автомобиля. Он разочарованно покачал головой, запер на замки заправочные автоматы.

Вернувшись в дом, он плотно прикрыл за собой дверь, выдвинул ящик кассы и пересчитал дневную выручку — не густо.

Не густо, но много ли надо одинокому старику? На табак, дрова и журналы хватит, и то ладно. Вообще-то, сводить концы с концами с каждым годом становилось все трудней и трудней, все чаще по многу часов кряду не появлялось ни одного клиента. Да что там клиента, проезжающей мимо машины, и той не увидишь!

А ведь до скоростной автомагистрали рукой подать. Вон там, к северу за холмами, в каких-нибудь двадцати милях днем и ночью мчатся в нескончаемом потоке форды, бьюики, ролс-ройсы... Только кому ж придет в голову сворачивать с гладкой современной автострады и трястись по разбитому шоссе эти самые двадцать миль до Дерривилла? Кого интересует богом забытый городишко на окраине штата Колорадо, где не то что завода или фабрики, захудалого банка нет?

Коммивояжеры, случайно заехавшие в это захолустье, налоговые инспекторы, служащие телефонной компании, окрестные фермеры и, конечно, немногочисленные жители Дерривилла — вот, почитай, и все покупатели бензина в здешних краях. Такие вот дела... И перемен к лучшему не ожидается...

От невеселых дум Шардаша отвлек мелодичный перезвон колокольчика.

Дзынь, дзынь, дзынь!

Шардаш напрягся, непроизвольно сжав в пальцах деньги.

Кто-то задел нить, что проходила над самым тротуаром. Вот опять!

Дзынь, дзынь!

Шардаш сунул деньги в ящик, закрыл кассу, медленно подошел к двери и прислушался — только шум падающей воды да завывание ветра. Погасив свет, он вгляделся через стекло в ночной мрак.

Машины вроде не видно. Но что это там, у колонки? Сквозь завесу дождя толком не разберешь.

Шардаш распахнул дверь и вышел в ночь. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел нечто, поразившее его до глубины души.

Держа на плечах носилки, у колонки стояли два крошечных человечка. Их когда-то нарядные одежды намокли, обвисли и теперь казались бесформенными мешками. Человечки переминались с ноги на ногу и робко поглядывали на Шардаша. С их подбородков ручейками сбегала вода, накидки тербил ветер.

На носилках кто-то зашевелился. В тусклом свете блеснул мокрый шлем, из-под шлема на Шардаша уставились крошечные глазки.

— Кто вы? — спросил Шардаш.

Человечек на носилках поднялся.

— Я — король эльфов.

Шардаш так и прирос к месту.

— Это чистая правда, человек, — подтвердил один из носильщиков. — Как правда и то, что все мы вымокли до нитки.

Из-за колонки вышла небольшая группа эльфов и окружила носилки с королем. Несчастные существа молча жались друг к другу.

— Король эльфов, — повторил Шардаш. — Ну и дела!

«Неужели не врут? Они, конечно, крошечные и выглядят престранно... Но эльфы?! Смех, да и только!»

— Черт возьми! Кем бы вы ни были, не стоило в такую ночь пускаться в путь.

— Разве кто спорит, — промолвил король. — в этом нет нашей вины. Мы... — Он зашелся хриплым кашлем.

Солдаты-эльфы обеспокоенно взирали на своего повелителя.

— Может, переночуете у меня? — предложил Шардаш.

— Кому ж охота мыкаться в такую непогоду? — сказал один из носильщиков. — Где ты живешь?

— Да тут рядом, в трех шагах. — Шардаш ткнул пальцем за спину. — Пойду, разведу огонь.

Он зашагал к дому, взошел на каменное крыльцо, которое

он и Финиес Иут построили этим летом. Отворив дверь, он обернулся. К крыльцу медленно, покачиваясь из стороны в сторону, двигались носилки. За носилками следовала крошечная колонна эльфов-солдат.

— Я разведу огонь, — повторил Шардаш и поспешно зашел в дом.

Изможденный король эльфов лежал на подушке. Выпив горячего шоколада, он безвольно опустил руки на грудь и вскоре то ли уснул, то ли забылся.

Шардаш не знал, что для него сделать, чем помочь.

Внезапно король эльфов открыл глаза.

— Извините. — Он потер лоб. — Должно быть, я ненароком задремал. Где мы находимся?

— Отдыхайте, Ваше Величество, мы в безопасности, — успокоил короля один из солдат. — Время позднее, да и денек выдался не из легких.

— И то правда. — Король кивнул и поднял глаза на Шардаша, замершего у очага со стаканом пива в руке. — Смертный, мы благодарим тебя за гостеприимство. Обычно мы стоим людей, но сейчас... — Король развел руками.

— Во всех наших бедах повинны проклятые тролли, — сонно заявил солдат, свернувшийся калачиком на подушке от софы.

— Они самые, чтоб им пусто было! — поддакнул другой солдат и сел. Рука его сама собой потянулась к рукояти кинжала. — Вонючие горластые тролли. Повылазили из своих помойных ям...

— Послушай, смертный, нашу печальную повесть, — продолжал король эльфов. — Когда небольшой отряд эльфов под моим командованием совершал ежегодный переход от Великих Порогов к Двуглавному Замку, что с незапамятных времен высится в долине близ Величавых Гор...

— Ты, наверно, имеешь в виду остроконечные холмы у дороги? — перебил Шардаш.

— Я говорю о Величавых Горах. Мы приближались к Двуглавному Замку, но тут разразилась страшная буря, и на нас со всех сторон бросились орды вопящих троллей. Они продирались через подлесок, кубарем скатывались с гор, вылезали из придорожных канав, прыгивали с деревьев. Мы покинули лес и попытались найти убежище на Бесконечной Тропе...

— Государственная автострада номер двадцать.

— Дождь лил, как из ведра, холодный ветер сбивал с ног. — Король эльфов замолчал. — Много часов мы брели по Тропе, путь наш озаряли лишь вспышки молний. Мы не зна-

ли, куда идем и что ожидает нас впереди. — Король взглянул Шардашу в глаза. — Мы знали только одно: дороги назад нет. За нами, сметая все на своем пути, маршируют несметные полчища троллей. — Согнувшись в три погибели и прикрыв рукой рот, он разразился сухим хриплым кашлем. Эльфы обеспокоенно прислушались. Наконец, король прокашлялся и выпрямился.

— И вот мы здесь. Весьма любезно с твоей стороны, что ты дал нам ночлег. О большем мы и не просим. Не в правилах эльфов...

Король закрыл лицо руками и снова забился в приступе сухого кашля. Охваченные тревогой, эльфы двинулись к нему.

— Что с вами? — спросил Шардаш.

Он наклонился и взял из миниатюрных пальчиков пустую чашку. Король Эльфов вздохнул и откинулся на подушку, его веки тяжело опустились.

— Ему необходимо отдохнуть, — прошептал один из солдат. — Где у тебя спальня?

— Вверх по лестнице. Идите за мной, я покажу.

Глубоко за полночь Шардаш сидел один в темной гостиной, погружившись в размышления. Эльфы спали наверху, король — в его постели, остальные рядом, на коврике.

В доме было тихо, лишь тяжелые капли дождя барабанили по оконному стеклу, да по стенам хлестали ветви деревьев.

Шардаш сжимал и разжимал кулаки.

Чудные дела творятся на белом свете! Слыхано ли, чтобы к человеку посреди ночи в гости нагрянули эльфы? Да еще такие беспомощные и жалкие! Но вместе с тем и трогательные — мокрые, в прилипших к хрупким телам накидках, с крошечными, словно игрушечными, золотыми мечами на поясах. А до чего мелодичны и певучи их голова...

А их старый король — какой он маленький, несчастный и больной, того и гляди, отдаст богу душу.

А еще эльфы без умолку тараторят о каких-то троллях.

Гм... Тролли. Это еще что за нечисть? Знать бы, какие они из себя.

Ясно, что уродливые и грязные. И вроде бы говорят, что их там видимо-невидимо.

Шардаш живо представил бесчисленные орды серых косматых уродцев, марширующих через лес; им на подмогу из придорожных канав вылезают все новые и новые...

Неужели это правда? Шардаш расхохотался.

Что с ним. Стряслось на старости лет, с чего это он, как наивный простачок, поверил в бабушкины сказки?

Шардаш достал сигару и, не спеша, раскурил, чувствуя, как краснеют уши.

Что происходит в его доме? Чьи это дурацкие шуточки?

Эльфы!? Чужь какая-то!

Шардаш презрительно хмыкнул.

Эльфы в Дерривилле? Да кто ж поверит в подобную чепуху? Ну, там в Европе или в Ирландии, куда ни шло. Там какой только нечисти не водится. Но живые эльфы в Колорадо, в его доме, да еще и в его постели? Курам на смех!

А он тоже хорош, развесил уши!

— С меня довольно. Я вам не деревенский дурачок, меня на мякине не проведешь!

С этими словами Шардаш встал, подошел к лестнице, нащупал в потемках перила, поставил правую ногу на нижнюю ступеньку.

Неожиданно дверь наверху отворилась, через дверной проем на лестничную площадку хлынул свет.

Из спальни вышли два эльфа, сверху вниз посмотрели на хозяина дома. Нога Шардаша точно приросла к ступеньке. В их лицах было что-то такое...

— Что там у вас? — выдавил он хрипло.

Эльфы молчали, а Шардаша словно обдало холодом.

— Что там? Случилось чего?

— Король умер, — еле слышно ответил эльф. — Скончался несколько минут назад.

У Шардаша отвисла челюсть.

— Король умер? Но...

— Он был стар, а сегодня слишком продрог и устал.

Эльфы вернулись в спальню, дверь за ними медленно, без щелчка, затворилась.

Шардаш так и остался стоять у основания лестницы, что было сил стиснув перила. Затем он кивнул и печально сказал в закрытую дверь:

— Понимаю. Король мертв.

Гостиную заливал яркий солнечный свет. Эльфы выстроились вокруг Шардаша, словно торжественный караул.

— Извините, мне пора на работу. — Шардаш, не зная, куда деть руки, теребил галстук. — Поговорим позже, когда вернусь. Вы не против?

Лица эльфов-солдат оставались сосредоточенными, серьезными.

— Пожалуйста, выслушай нас, — обратился к Шардашу один из них. — Это крайне важно.

Шардаш выглянул в окно. Шоссе быстро нагревалось под лучами утреннего солнца, на бензоколонках переливались капли вчерашнего дождя. К станции подкатил автомобиль, нетерпеливо посигналил и, постояв с минуту, поехал дальше.

— Умоляем, выслушай нас!

Шардаш окинул взглядом эльфов. Ну точь-в-точь перепуганные дети. Странно, эльфы всегда представлялись ему таким беззаботным лесным народцем, лишенным...

— Говорите, но только покороче.

Шардаш уселся в огромное кресло у окна, эльфы столпились у его ног. С минуту они мялись, перешептывались, наконец, повернулись к Шардашу.

Старик безучастно ждал, скрестив на груди руки.

— Нам нужен новый король, — начал один из солдат. — Сейчас, когда...

— Когда тролли так сильны, мы погибнем без короля, — подхватил другой. — Они так быстро размножаются, эти ужасные твари. Они такие огромные и грубые, такие вонючие...

— От них так омерзительно пахнет. Они выходят из темных сырых подземелий, где по камням стелятся бледные, лишенные солнца растения...

— Так выберите нового короля, и дело с концом, — предложил Шардаш. — Чего тут сложного?

— Эльфы не выбирают себе монарха. Старый король всегда назначает наследника.

— Тоже неплохой способ, — одобрил Шардаш.

— Когда король умирал, он успевал сказать несколько слов. Все мы стояли рядом и слушали, что скажет нам король на прощание.

— Еще бы, — согласился Шардаш, — ведь то была последняя воля умирающего.

— Перед смертью он назвал имя того, кто будет управлять нами.

— Отлично. Воля короля вам известна. Так о чем беспокоиться?

— Он произнес имя наследника престола... твоё имя!

Шардаш удивленно уставился на эльфов.

— Мое имя?

— Да. Умиравший король сказал: «Сделайте его, огромного смертного, своим королем. Он поможет вам победить троллей. Я ясно вижу, Королевство Эльфов при его правлении станет сильным и могущественным, как в пору своего расцвета, как в былые дни, когда...»

— Да вы шутите! — Шардаш вскочил. — Быть того не может, чтобы я, Шардаш Джонс, стал королем эльфов!

Засунув руки в карманы, Шардаш прошелся по комнате.

— Я — король эльфов! — Шардаш во весь рот улыбнулся. — Кто бы мог подумать!

Он подошел к зеркалу над камином, взгляделся в отражение: жидкие седые волосы, яркие карие глаза, смуглая кожа, непомерно большой кадык.

— Король эльфов! — Шардаш состроил своему отражению гримасу. — Я — король эльфов! То-то разинет рот Фин Иут, когда услышит!

Высоко в чистом голубом небе сияло солнце.

Финиес Иут снял ногу с акселератора. Мотор старенького грузового «форда» чихнул и затих. Финиес повернул и вытащил ключ зажигания, до упора опустил боковое стекло.

— Что ты сказал? — Он снял и протер очки, бережно придерживая стальную оправу короткими, не привыкшими к такой работе пальцами. Вновь нацепил очки на нос, провел пятерней по лысине. — Что ты сказал, Шардаш? Повтори, я не расслышал.

Шардаш обеими ногами встал на подножку «форда».

— Я — король эльфов, — крикнул он. — Как тебе это нравится, Фин? Я, Шардаш Джонс, — король эльфов!

Финиес удивленно уставился на приятеля.

— И давно... Я имею в виду, давно ты стал королем эльфов?

— Позапрошлой ночью.

— Понятно. Позапрошлой ночью. — Финиес кивнул. — Понятно. А как же это с тобой случилось?

— Ко мне в дом пришли эльфы, грязные, мокрые, валяются с ног от усталости. Ну, я и пригласил их переночевать. Так вот, когда старый король эльфов умирал в моей постели, он сказал, что...

Рядом зашуршали колеса грузовика, из кабины выскочил потный водитель.

— Воды! — во всю глотку заорал он. — Где шланг, черт возьми?!

Шардаш неохотно повернулся.

— Сейчас принесу. — Он вновь посмотрел на Финиеса. — Извини, сам понимаешь, работа. Будешь возвращаться из города, расскажу, как было дело. Клянусь, ничего подобного ты в жизни не слышал.

— Конечно. — Финиес завел грузовик. — Конечно, Шардаш, я с удовольствием послушаю.

Он уехал.

Ближе к вечеру на ржавой развалюхе к заправочной станции подрулил Ден Грин.

— Эй, Шардаш! Где тебя черти носят?

Шардаш, не торопясь, вышел на крыльцо, таща за собой пластиковый мешок с мусором.

— Что случилось?

— Эй, Шардаш, дружище, можно задать тебе один вопрос? — Ден высунулся по пояс из кабины, на лице — ухмылка от уха до уха.

— Валяй.

— Это правда? Ты в самом деле заделался королем эльфов?

Шардаш покраснел.

— Вроде того, — заявил он. — Да, верно, я — король эльфов!

Физиономия Дена вытянулась, ухмылка поблекла.

— Да ну, старина, брось. Признайся, ведь ты разыгрываешь меня!

Шардаш разозлился не на шутку.

— Было бы кого разыгрывать. Да, я — король эльфов, а если кто против, то...

— Спокойно, старина, спокойно. — Ден поспешно завел мотор. — Что ты как с цепи сорвался? Я же только спросил.

Шардаш был сам не свой, его кулаки сжались, глаза метали огонь.

— Не сердчай, старина, — бросил на прощание Ден. — По мне будь ты хоть папой римским, только в бутылку не лезь!

К вечеру вся округа знала, что Шардаш стал королем эльфов. Поп Ричи, владелец «Счастливого берега» — единственного в Дерривилле бара, — предположил, что Шардаш привлекает клиентов на свою заправочную станцию.

— Он — тертый калач, — во всеуслышание заявил Поп. — Знает, что делает. Реклама еще никому не вредила.

— Сомневаюсь, — возразил Ден Грин. — Послушал бы ты его — глаза вытаращены, руки трясутся... Сдается мне, у него шарики за ролики зашли.

— Загнул тоже — король эльфов! — Завсегдатаи бара дружно рассмеялись. — Интересно, что он еще выкинет?!

Финиес Иут на минуту задумался.

— Я знаю Шардаша вот уже много лет. Он, конечно, чу-

дак, но эта вздорная выдумка... Прежде за ним такого не водилось. — Косматые брови Иута сошлись на переносице. — Мне это не нравится.

Ден скосил глаза на Финиеса.

— Ты тоже полагаешь, что он не разыгрывает нас?

— Да. Дай бог, чтоб я ошибался, но мне кажется, он верит каждому своему слову.

— Да ну, ребята, бред какой-то! — воскликнул Поп. — Шардаш не дурак, у него же свое дело. Ясно, он чего-то добивается. Так чего же, если не процветания своей заправочной станции?

— Выходит, ты не знаешь, чего он добивается? — сверкнул золотым оскалом Ден.

— Не знаю. А ты, если догадался, не тяни, выкладывай!

— Королевства он добивается, вот чего. Как тебе это нравится, Поп? Мыл бы ты по-прежнему грязные кружки в своей забегаловке, если он вдруг стал королем эльфов?

— А чем тебе не угодило мое заведение? По мне, так содержать бар куда пристойней, чем продавать бабье тряпье.

Ден покраснел.

— Я не вижу в своей работе ничего плохого. — Ден взглянул на Финиеса, ища поддержки. — Разве я не прав? Чем плоха торговля готовым платьем? Скажи ему, Фин!

Финиес перевел взгляд с пола на кружку.

— Что ты так расстроился, Финиес? — поинтересовался Поп. — Что тебя тревожит?

— Что-то Шардаш сильно сдал за последнее время. Как-то ему там сидеть совсем одному и в жару, и в стужу, и в дождь, и в снег... Часами не с кем словом перемолвиться... При такой жизни не мудрено и того... — Иут покрутил пальцем у виска.

— Ну, что я говорил, — не унимался Ден. — Ясно как белый день — он рехнулся на старости лет!

Смех в зале утих, посетители переглянулись.

Когда Шардаш запирает бензоколонку на ночь, из темноты вышел маленький человечек.

— Эй! — окликнул его Шардаш. — Тебе чего?

Эльф-солдат растерянно моргал на свету. Одет он был в серый плащ, стянутый на талии серебряной лентой, на ногах — крошечные кожаные сапоги, слева на поясе болтался короткий меч.

— Я принес тебе важное послание, — почтительным шепотом сообщил эльф. Он покопался в складках плаща, вытащил крошечный свиток и, сорвав сургучную печать, протянул Шардашу.

— О чем здесь речь? — Шардаш поднес пергамент к самым глазам. — Без очков не разберу, уж больно буквы маленькие.

— Тролли наступают. Узнав о смерти короля, они повывлазили из подземелий и наводнили все холмы и долины в округе. Они готовятся захватить Королевство Эльфов, перебить всех нас...

— Ясно. Вы хотите, чтобы в бой вас вел король.

— Верно. — Солдат кивнул. — Пробил час решающей битвы. Последние столетия мы с трудом сдерживали натиск троллей. Их ведь так много, этих безобразных громадин, а эльфы такие хрупкие, так часто болеют...

— А чем же я могу вам помочь?

— Приходи сегодня ночью под большой дуб. Мы встретим тебя и отнесем в Королевство Эльфов. Там ты и наши полководцы выработаете план защиты Королевства.

— Что?.. — Шардашу стало не по себе. — Но я еще не ужинал. А моя бензоколонка... завтра же суббота, работы будет невпроворот, и...

— Но ты — наш король.

Шардаш задумчиво потер подбородо.

— Да? Так я и вправду король эльфов?

Эльф склонился в поклоне.

— Но я не напрашивался к вам в короли, я...

Шардаш замолчал, надеясь, что эльф возразит, но посыльный невозмутимо смотрел перед собой.

— Мне кажется, вам нужен другой король, — сказал Шардаш. — Я ни бельмеса не смыслю в войнах, драках и тому подобном. — Он помолчал, затем пожал плечами. — Боюсь, я не смогу вам помочь. В Колорадо не бывает войн. Я имею в виду войну между людьми.

Солдат-эльф молчал.

— Ну почему он выбрал именно меня? — горячился Шардаш. — Почему не кого-нибудь другого, более достойного? И слепому ясно, я не гожусь на эту роль.

— Он верил в тебя. Ты помог нам в трудную минуту. Он знал, ты не рассчитываешь на вознаграждение. Немного найдется на белом свете людей, способных давать, ничего не требуя взамен.

— Н-да, понимаю. — Шардаш огляделся. — Но как же моя бензоколонка? Мой дом? Что скажут обо мне Ден Грин, Поп и другие мои знакомые?

— Я должен идти. Уже поздно, по ночам тролли выходят из подземелий.

— Конечно.

- Старый король умер, теперь троллям нечего бояться. Они повсюду шныряют, от них не скроешься.
- Так куда, говоришь, прийти? И когда?
- К большому дубу, как только зайдет луна.
- Я приду. Похоже, ты прав: негоже королю эльфов бросать своих подданных в трудный час.
- Шардаш посмотрел на него, но эльф уже растаял в вечернем сумраке.
- Шардаш, не спеша, зашагал к дому. Подойдя к крыльцу, остановился. На душе было беспокойно.
- А ведь старый дуб растет на ферме Иута! Что-то подумает обо мне Фин?
- «Но ведь я — король эльфов, и несметные полчища троллей собираются напасть на мое королевство. — Шардаш застыл, прислушиваясь к шелесту листьев над головой. — Тролли? А может, и правда, они сейчас выползают из своих сырых стылых подземелий и собираются под покровом ночи?
- Да, нелегко быть королем эльфов в такую черную годину...»
- Сжав зубы, Шардаш поднялся на крыльцо и остановился на верхней ступеньке. Последние лучи заходящего солнца померкли, над землей воцарился мрак.
- Финиес Иут глянул в окно и, выругавшись сквозь зубы, выскочил из дома. В холодном лунном свете через поле к дому шагал человек.
- Шардаш! — окликнул его Финиес. — Стряслось чего? Шардаш остановился, уперев руки в бока.
- Что с тобой, приятель? — попытался Финиес. — Почему ты не дома в теплой постели?
- Извини, Фин. Извини, что иду по твоей земле без спроса, но у меня важная встреча под старым дубом.
- Встреча? В такое-то время?
- Шардаш опустил голову.
- Что с тобой, Шардаш? Кого ты разыскиваешь на моей ферме посреди ночи?
- Эльфов. Нам надо обсудить план войны с троллями.
- Разрази меня гром, Шардаш, да ты совсем спятил!
- Финиес вернулся в дом, громко хлопнув дверью. Он долго стоял, привалившись к косяку, и размышлял. Затем снова вышел на крыльцо.
- Зачем ты, говоришь, пришел?
- У меня встреча с эльфами под старым дубом. Мы займемся планом войны против троллей.
- А, понятно. Тролли, говоришь. А сам-то ты их видел?

— Тролли везде. — Шардаш возбужденно замахал руками. — Я раньше об этом как-то не задумывался, но они везде. О троллях нельзя забывать ни на минуту, а уж они-то о тебе не забудут, будь уверен! Они повсюду, высматривают, вынюхивают...

У Финиеса округлились глаза, на время он лишился дара речи.

— Да, кстати, — продолжал Шардаш, — я отлучусь на некоторое время. Не спрашивай, на сколько, я и сам толком не знаю. Все зависит от того, как скоро мы разгромим троллей. Сам-то я раньше не дрался с подобной нечистью, да вот теперь, видать, придется... — Он помолчал. — Так ты уж окажи старому приятелю услугу, присмотри за бензоколонкой. Неплохо, если бы ты навещался туда, скажем, дважды в день, лучше всего утром и вечером. Мали ли что.

— Так ты взаправду уезжаешь? — Финиес сбежал с крыльца. — И все из-за этих троллей? Но ты-то тут причем?

Шардаш терпеливо все повторил.

— Черт возьми, никак не возьму в толк, зачем ты уезжаешь?

— Потому что я — король эльфов. Я поведу свой народ против злобных троллей.

Они помолчали.

— Понятно, — выдавил наконец Финиес. — Ах, да, вспомнил, ты ведь уже говорил об этом. Послушай, Шардаш, что мы торчим на холоде? Давай зайдем ко мне, выпьем по чашечке горячего кофе, и ты спокойно расскажешь мне об этих самых троллях.

— Горячего кофе?

Шардаш поднял глаза на луну. Казалось, мир замер, насторожился, а луна... Луна в ночном небе висела еще высоко.

Шардаш поежился.

— Ветер-то вон как разгулялся, — гнул свое Финиес. — На таком холоде недолго и насморк подхватить, а в доме...

— Ну, что ж, будь по-твоему, время пока терпит, — позволил себя уговорить Шардаш. — Чашечка горячего кофе вроде не повредит.

Шардаш блаженно потянулся.

— Спасибо тебе. Фин. Кофе у тебя — просто чудо.

Финиес допил кофе и поставил чашку на стол. В гостиной у камина было покойно и тепло. По стенам висели картины, серые, невыразительные, но в неровном свете пламени, казалось, они живут собственной жизнью. В углу стоял маленький орган с нотами на пюпитре.

Шардаш посмотрел на орган и улыбнулся.

— Все еще играешь, Фин?

— Да так, помаленьку. Что-то последнее время меха барахлят. Один так вообще не поднимается.

— Не беда, я починю. Если, конечно, вернусь.

— Вот было бы здорово, — обрадовался Финиес. — Я все собирался тебя попросить.

— А помнишь, как мы отмечали твой день рождения, а Ден Грин напился в стельку и давай приставать к даме, что работала в то лето у Попа? Ну, помнишь, она еще собиралась открыть магазинчик керамики?

— Да, золотые были денечки!..

Шардаш поудобнее уселся в кресле.

— Может, еще по чашечке? — предложил Финиес и встал. — Ну, по самой капельке.

— Если только по капельке, а то мне пора.

— Прохладная выдалась ночь, ты как считаешь?

Шардаш посмотрел в окно: луна почти совсем завалилась за горизонт, и виден был только ее краешек.

— Ты, как всегда, прав, — сказал Шардаш и поежился.

Финиес нетерпеливо повернулся.

— Послушай доброго совета, Шардаш. Ступай-ка домой, в тепло. Тролли от тебя никуда не денутся. Ты же сам говорил, их много. Выберешь ночь потеплей, тогда уж и задашь недогаям взбучку.

Шардаш обеспокоенно потер лоб.

— Знаешь, последние дни я жил точно в дурном сне. Все эти эльфы, тролли... Чушь собачья... — тихо сказал он. — Сейчас наваждение вроде кончилось. Ума не приложу, что на меня нашло. — Он нехотя поднялся на ноги. — Спасибо за кофе, Фин, я хоть чуток согрелся. — Он направился к двери. — Очень рад, что поговорил с тобой по душам. Совсем, как в старые добрые времена, когда мы вот так же сидели вдвоем и болтали весь вечер. Еще раз спасибо за все.

— Ты уходишь? — Финиес забеспокоился. — Надеюсь, домой?

— Конечно. Ты прав, так будет лучше. Утро вечера мудренее.

Финиес поднялся и проводил Шардаша до двери, обнимая старого приятеля за плечи.

— Правильно решил, Шардаш. Иди домой и хорошенько выпись. Кофе тебе пошел на пользу. Ну и, конечно, капелька бренди. Как же еще разгонишь старую кровь по жилам?

Финиес распахнул дверь, и они неторопливо спустились по ступенькам.

— Да, ты прав, я пойду, — сказал Шардаш. — Спокойной ночи.

— Ступай прямо домой. — Финиес похлопал его по плечу. — Как придешь, залезай сразу в ванну, а потом — под одеяло.

— Отличная идея! Так я и сделаю. Еще раз спасибо, Фин. Ты — настоящий друг.

Шардаш взглянул на руку Финиеса на своем плече. Боже, как давно они не были так близки!

Приглядевшись к руке, Шардаш удивленно поднял брови.

Кисть Финиеса была громадной, корявой и почти черной; пальцы — толстые и узловатые; ногти — обломаны.

Шардаш перевел взгляд на лицо Финиеса.

— Странно, — пробормотал он.

— Что странно, Шардаш?

В полумраке лицо Иута казалось необычайно грубым и отталкивающим: нижняя челюсть выпирала вперед, кожа напоминала желтый выгоревший пергамент, глаза за стеклами очков — точь-в-точь два холодных безжизненных камня, уши — мясистые, оттопыренные, волосы походили на мочалку.

Странно, что прежде Шардаш всего этого не замечал. А, вот оно в чем дело! Он же впервые видит Финиеса при лунном свете!

Шардаш отступил на шаг, разглядывая приятеля. С небольшого расстояния Финиес Иут выглядел подозрительно приземистым и неуклюжим, короткие ноги — колесом, ступни — непомерно огромны. И было в нем еще что-то...

— Что стряслось, Шардаш? Что с тобой? Да на тебе лица нет!

Что-то с Финиесом было не так. Но вот что?

Шардаш впервые заметил эту едва уловимую особенность в старом друге. Ну конечно же, от Финиеса исходил слабый едкий запах давно немытого тела, сырости и плесени.

Шардаш оглядел Финиеса с головы до пят.

— Лица нет... — эхом отозвался он. — Извини, Фин, я и сам что-то не пойму, что со мной.

У водосточной трубы стояла старая полусгнившая бочка. Шардаш осторожно двинулся к ней.

— Не волнуйся, Фин, все в порядке.

— Что ты надумал?

— Я?

Шардаш отодрал от бочки дубовую доску и приблизился к Финиесу.

— Я — король эльфов! А вот ты кто такой? Или, может, лучше спросить — что?

Финиес взвыл и бросился на Шардаша с лопатой в руке.

Шардаш огрел его бочарной доской по голове. Финиес завопил от боли и повалился ничком.

Рядом затрещали ломающиеся доски, послышался топот, и из подвала выплеснулась орда прыгающих, гримасничающих, мерзко вопящих существ с неуклюжими приземистыми телами, кривыми ножками, непропорционально огромными ступнями и головами. Шардаш быстро окинул взглядом беснующихся троллей и что было мочи закричал:

— На помощь! Здесь тролли! На помощь!

На Шардаша нахлынула темная волна безобразных существ и отбросила его назад. Тролли окружили его, хватили за одежду, взбирались на спину, силились повалить, дубасили кулаками и ногами, куда придется. Казалось, их сотни, и они все прибывали и прибывали.

Шардаш отбивался доской, крутился, извивался, пинал троллей ногами. Через две-три минуты он почувствовал, что задыхается, сердце отчаянно билось в груди.

— На помощь! — уже слабее выкрикнул он.

Троль укусил его за запястье, полез по руке на плечо. Шардаш брезгливо отшвырнул мерзкое создание, сбросил целую гроздь уродцев с правой ноги и пуще прежнего замахал своим немудреным оружием.

Самый крупный троль вцепился когтями в доску, и его примеру тут же последовали другие. Они яростно выкручивали и вырывали деревяшку, стараясь обезоружить Шардаша. Тот дрался не на жизнь, а на смерть, тролли гроздьями свисали с него, карабкались на плечи, рвали в клочья плащ, хватили за ноги, за руки, выдирали последние волосы, тянули когтистые лапы к глазам...

Вдалеке протрубил боевой рожок. Звонкое эхо разнеслось над холмами.

Тролли замерли, как пораженные громом. Один из них скатился со спины Шардаша, еще полдюжины свалились с руки на землю.

Золотой рожок протрубил вновь, на этот раз ближе.

— Эльфы! — яростно взвыли враги Шардаша.

Заросший коричневой шерстью троль зло сплюнул сквозь дыру в гнилых зубах и двинулся на звук.

— Эльфы! — завопили вокруг. — Бей их!

Отчаянно толкаясь, тролли кинулись в атаку на эльфов. Эльфы разомкнули походные ряды и приняли бой, подбадри-

вая друг друга звонкими голосами. Волна троллей столкнулась со стройными колоннами эльфов, тролли против эльфов, когти против золотых мечей, омерзительные смертоносные челюсти против острозаточенных кинжалов.

— Распотрошим эльфов!

— Смерть троллям!

— Вперед!

— Посмотрим, какого цвета у них кишки!

— За короля!

Шардаш стянул с себя нескольких тварей. Он вымотался, широко открытым ртом ловил воздух. Почти вслепую он бил, пинал, прыгал, давил троллей ногами.

Как долго кипела битва, Шардаш так и не узнал. Времени он тонул в живом океане темных смердящих тел. Тролли карабкались по нему, рвали одежду и плоть, впивались когтями и зубами в нос, пальцы, волосы. Шардаш дрался молча, беспощадно разя направо и налево.

Вокруг отряды эльфов бились с полчищами троллей, звенело оружие, слышались крики боли и торжества.

Внезапно звуки битвы стихли. Шардаш поднял голову и огляделся. Вокруг царило безмолвие.

Два тролля еще цеплялись за его одежду. Шардаш сбил одного ударом кулака. Троль пронзительно заверещал, кубарем скатился наземь, да так и остался лежать. Шардаш отшатнулся и схватил последнего врага, повисшего на руке.

— Настал и твой черед, поганец! — закричал Шардаш, отодрал тролля от плаща и швырнул прочь. Троль шмякнулся на четвереньки и проворно отполз в темноту.

Все. Кончено. Ни одного шевелящегося тролля. Луна давно зашла.

Шардаш в изнеможении присел на камень. Его грудь тяжело вздымалась, перед глазами плясали разноцветные круги. Он достал носовой платок, вытер лицо и шею, закрыл глаз, потряс головой.

Через минуту-другую он пришел в себя. Вокруг собрались эльфы. Выглядели они неважно: многие из них истекали кровью, одежда порвана, золотое оружие зазубрено или сломано, шлемы погнуты, а то и вовсе потеряны в пылу битвы. И все же они одержали победу. Война была выиграна. Орды троллей разгромлены и обращены в рабство.

Шардаш, пошатываясь, поднялся на ноги. Утомленные ужасным сражением, эльфы в немом восхищении вытянулись перед своим королем. Их прекрасные лица были строги и спокойны.

— Спасибо, друзья, — пробормотал Шардаш. — Большое спасибо.

— Тролли разгромлены, — отрапортовал гибкий стройный эльф.

Мало-помалу Шардаш приходил в себя: сердце стало биться ровнее, рябь в глазах улеглась. Он оглядел своих спасителей и удивился, до чего их много, гораздо больше, чем было в отряде старого короля. Должно быть, на решающую битву отправились все от мала до велика.

— Да, сволочные тролли разгромлены, уж будьте уверены, — подтвердил Шардаш. — Рад, что вы подросли вовремя. Меня одного они быстро одолели бы.

— Наш храбрый король в одиночку удерживал целую армию троллей, — громко известил эльф.

— Что? — не сразу понял Шардаш, затем улыбнулся. — И то правда. Ведь поначалу я совсем один дрался против чертовой прорвы троллей.

— Совсем один против полчищ троллей во главе с предводителем!

Шардаш моргнул.

— Предводителем? В глаза не видел никакого предводителя.

— Взгляни сюда, о король, могущественнейший из эльфов. Вон там, справа, на земле.

Эльфы подвели Шардаша к крыльцу.

— Что такое? — Шардаш взгляделся в темноту, но толком ничего не разобрал. — Может, у вас найдется фонарь или, на худой конец, факел?

Один из эльфов запалил крошечный тростниковый факел.

На голой земле лежал Финиес Иут. Его невидящие глаза были устремлены в ночное небо, рот широко открыт. Он не дышал, и тело его успело окоченеть.

— Он мертв, — торжественно доложил эльф.

Шардаш судорожно сглотнул.

— О, господи! Мой старый друг! Что я натворил!

— Ты убил верховного тролля, повелитель!

Шардаш замер, чувствуя, как крупные капли холодного пота стекают по лбу.

— Убил... кого?

— Ты убил верховного тролля, предводителя всех троллей на Земле!

— Такого прежде не случалось, — возбужденно сообщил другой эльф. — Считалось, что верховный тролль — бессмертен. Никто даже не предполагал, что его можно убить. Это самая замечательная победа за многовековую историю нашего народа.

Эльфы с благоговейным трепетом взирали на бездыханное тело Финиеса Иута.

— О чем вы толкуете? Это же Фин Иут, я его сто лет знаю.

Сказав это, Шардаш почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ему вспомнилось лицо Фина в тусклом свете луны.

— Смотри. — Один из эльфов расстегнул на Иуте светло-голубой жилет. — Теперь видишь?

Шардаш склонился над телом и от удивления вскрикнул.

Под светло-голубым жилетом оказалась древняя ржавая кольчуга, плотно облегающая мускулистое тело. На кольчуге виднелась эмблема, местами полустертая, забитая грязью и ржавчиной: скрещенные лапка совы и поганка — эмблема верховного тролля.

— Да уж... Вот, оказывается, кого я прикончил!

Всматриваясь в древний рисунок, Шардаш наморщил лоб. Наконец, он выпрямился и неуверенно улыбнулся.

— Что тебя беспокоит, о король?

— Я подумал, если главный тролль мертв, а его войско разбито, то...

Шардаш замолк. Эльфы терпеливо ждали продолжения.

— Я подумал, может, вам больше не нужен...

— Что, могучий король? Объясни.

— Может, я вернусь домой? — Шардаш с надеждой оглядел эльфов. — Война выиграна, предводитель мертв, вам больше никто не угрожает. Ну, что скажете?

Эльфы потупили взоры и принялись молча собирать разбросанные знамена и оружие.

— Конечно, ступай, разве мы тебя держим, — тихо молвил ближайший эльф. — Ты прав: война окончена, враг разбит. Возвращайся домой на заправочную станцию, если ты этого желаешь.

Шардаш облегченно вздохнул и расправил плечи, широкая улыбка озарила его лицо.

— Спасибо, друзья! Вы и представить не можете, до чего я рад! Честное слово, давно я так не радовался!

Шардаш поспешно зашагал к дому, потирая озябшие ладони и непрерывно дыша на них.

Пройдя с десяток шагов, он обернулся.

— Огромное спасибо. Ну, так я пошел. Нынче прохладно, да и время, сами понимаете, позднее. Завтра утром вставать на работу... Ну и ночка выдалась... Словом, не поминайте лихом. Бог даст, свидимся.

Эльфы только молча закивали.

— Отлично. Ну, тогда спокойной ночи. — Шардаш двинулся по знакомой тропке дальше, затем остановился и помахал эльфам на прощание. — Что ни говори, а славно мы им всыпали! Да, в обиду мы себя не дадим! — Он заспешил к дому, вновь обернулся и еще раз помахал рукой, — Рад был помочь в трудную минуту. Ну, доброй ночи!

Два-три эльфа махнули ему в ответ, так и не проронив ни слова.

Шардаш подходил к дому, размышляя о невеселой стариковской доле.

С каждым годом по шоссе проезжает все меньше машин, заправочные автоматы барахлят, дом того и гляди развалится. Денег на ремонт, а тем паче на новую бензоколонку в более прибыльном месте нет и не предвидится.

Его приятелям что, у них семьи, дети, внуки, друзья...

А его друзья... Да какие они, к черту, друзья?! Так, любители посплетничать за кружкой пива. Если задуматься, они такие же фины нуты.

Вот и выходит, что впереди лишь одинокая безрадостная старость...

Шардаш круто повернул и припустился назад.

Увидев приближающегося человека, эльфы замерли.

— Я так надеялся, что вы еще не ушли. — Шардаш перевел дух.

— А мы надеялись, ты вернешься, — ответил ему дружный хор голосов.

Шардаш смущенно поддел ногой камешек. Камешен пролетел несколько футов, прокатился еще немного и затерялся в темноте. Эльфы во все глаза смотрели на Шардаша.

— Чтоб я, да покинул свой народ? Вы, наверное, шутите?

— Ты остаешься с нами? — закричали эльфы.

— Оно, конечно, тяжело в мои годы перекраивать жизнь заново, сниматься с насиженного места, отказываться от старых привычек... Признаюсь, поначалу у меня кошки на душе скребли. Но сейчас... А, что там говорить, будь по-вашему!

— Так ты согласен стать нашим королем?!

Шардаш кивнул.

С факелами в руках эльфы закружились вокруг него в хороводе.

В неровном свете пламени Шардаш разглядел носилки. Носилки напоминали те, на которых всего неделю назад в его

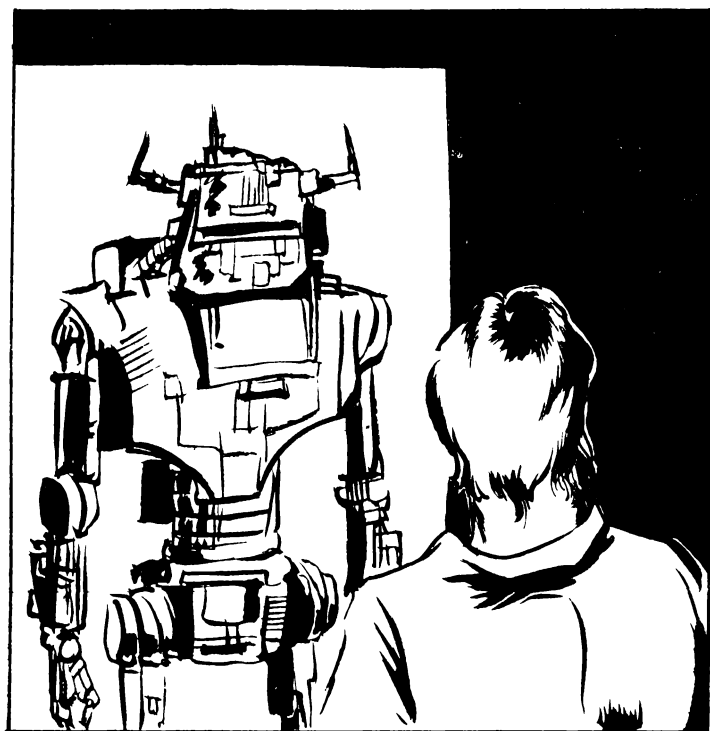
дом принесли прежнего короля эльфов, но были много больше. На этих вполне мог уместиться взрослый человек. Ручки новых носилок покоились на плечах нескольких десятков эльфов-солдат.

Возглавляющий процессию эльф поклонился Шардашу в пояс.

— Пора в путь, сир.

Шардаш, кряхтя, взобрался на носилки. Разумеется, он предпочел бы прогуляться пешком, но, что поделаешь, — ведь даже маленькие дети знают — только сидя на жестких деревянных носилках, человек может попасть в Королевство Эльфов.

**СПЕШИТЕ
ПРИБРЕСТИ!**

После напряженного трудового дня Эд Моррис устало возвращался из офиса домой. Мимо его крошечной яхты с ревом пронеслись корабли внутрисистемного сообщения. На транспортной линии Ганимед-Земля был час пик, и трасса буквально задыхалась от наплыва выжатых, как лимон, бизнесменов. К тому же Солнце сейчас находилось между Юпитером и Землей, и на дорогу лишь в один конец ежедневно уходило добрых два часа. Подчиняясь указаниям сигнальных огней, через каждые десять-пятнадцать миллионов миль плотный поток ракет замедлялся, а зачастую и вовсе замирал — в главную транспортную артерию Солнечной системы вливались корабли с Марса и Сатурна.

— Чертова дорога, — в очередной раз выругался Моррис и, передав управление компьютеру, закурил, наверное, полсотую за сегодняшний день сигарету.

У Эда дрожали руки, кружилась голова. Взглянув на вмонтированные в пульт управления часы, он отметил, что в Чикаго уже перевалило за шесть вечера. Салли наверняка волнуется, да и ужин, поди, остыл. Вечно одно и то же: давно неремонтированная дорога, предостерегающие гудки, проносящиеся мимо пятна света, гневные жесты водителей, крики, проклятия...

Но больше всего выматывала реклама. Рекламные объявления следовали одно за другим весь долгий путь от Ганимеда до Земли, а на родной планете поджидали полчища роботорговцев, и от этого безумия не спастись.

Перед завалом из покоренных ракет Моррис затормозил. Вокруг шныряли ремонтные корабли, освобождая трассу от обломков. Мимо пронеслась колонна полицейских ракет, и громкоговоритель на пульте истошно взвыл. Подобные передряги были Эду знакомы. Привычным движением он потянул штурвал на себя, и яхта послушно задрала нос. Затем Эд крутанул штурвал влево, и, не обращая внимания на возмущенные гудки, поддал тяги. Его крошечный кораблик вклинился между двумя едва ползущими коммерческими грузовозами, на мгновение выскочил на пустующую сейчас полосу встречного движения, и место катастрофы благополучно осталось за кормой.

— Вас приветствует компания «Вселенский Лекарь»! — гаркнул Моррису в ухо хорошо поставленный голос. Застонав, Эд съехал в пилотском кресле. Ну вот, начинается! Чем ближе к Земле... — Ваш показатель недовольства окружающей действительностью в неблагоприятные дни переваливает за красную отметку? Тогда вам просто не обойтись без семнадцатой модификации Индивидуального Портативного Успокоителя, изготовленного нашей компанией благодаря новейшим достижениям науки и техники. Специальными за-

жимами ИПУ семнадцать прикрепляется к коже за левым ухом, что позволяет прибору...

Рекламный голос утратил выразительность и затих. Слава Богу — мимо этой рекламы проскочил. Но прямо по курсу Эда подстерегало очередное рекламное объявление.

— Водитель! Помни! Каждый год лишь на внутрисистемных трассах бессмысленно гибнут сотни тысяч ни в чем не повинных людей. В современном мире стремительных скоростей только корпорация «Нетленный Дух» гарантирует твою безопасность. Откажись от брэнного тела — и сохранишь жизнь! — Голос нарастал. — По оценкам независимых экспертов, «Нетленный Дух»...

Эд давно наловчился пропускать звуковые объявления мимо ушей, но в этот раз он имел дело со зрительно-слуховой рекламой. Он моргнул и плотно прикрыл веки, но безрезультатно — реклама воздействовала прямо на мозг.

— Мужчины! — обволок Эда елейный баритон. — Вы НАВСЕГДА избавитесь от причиняющего вам столько неприятностей запаха изо рта. «Межпланетная Ассоциация Практикующих Хирургов» напоминает: чтобы освободиться от столь серьезного физического недостатка, достаточно удалить желудочно-кишечный тракт и заменить его искусственной системой пищеварения. Операция проводится современными, совершенно безболезненными методами и не отнимет у вас много времени.

Перед Моррисом материализовалась обнаженная девица — длинные светлые волосы искусной рукой гримера были взлохмачены, голубые глаза томно прикрыты, голова слегка откинута назад, на привлекательном лице застыло выражение блаженства. Полураскрытые губы девушки приблизились к губам Морриса. Внезапно лицо девицы исказилось гримасой отвращения. Изображение мигнуло и исчезло.

— Разве с вами не случалось такое? — вопрошал голос. — Разве потенциальный партнер по сексуальным играм ни разу не пренебрегал вами, уловив в вашем дыхании запах из желудка, который...

Голос замер в отдалении. Эд перевел дух и потряс головой, избавляясь от кошмарного видения. Транслируемые отдаленными станциями рекламные объявления многократно отражались от носящегося по космосу металлического хлама и накладывались друг на друга, от чего по рубке вихрем кружились размытые, едва различимые призраки, из углов доносилось невнятное бормотание. Сосредоточившись на управлении кораблем, Эд вырулил на обочину трассы и до упора вдавил педаль акселератора. Маленький кораблик стрелой рванулся вперед, но и обочина уже оказалась занятой рекламой.

— Специально для вас, мистер служащий! — заорало, завыло, загрохотало в ушах тысячах летящих домой, утомленных людей. — Вы не удовлетворены своими успехами на работе? Фирма «Удивительные Развлечения» предлагает вам сканер, воспринимающий биотоки мозга на невероятном доселе расстоянии. Приобретите наш сканер, и вы узнаете, что думают и говорят о вас окружающие, познакомитесь с частной жизнью вашего шефа и, в конечном итоге, быстро продвинетесь по службе. Не упустите свой шанс, утрите нос коллегам!

Морриса захлестнула волна отчаяния. Он врубил двигателя на полную мощность; маленький кораблик негодуяюще взвыл, встал на дыбы и, пробив ограждение, покинул транспортную линию. Рекламная тарабарщина разом смолкла.

И вот уже совсем рядом сияет Земля — он почти дома. Отоспавшись, он перестанет воспринимать мир сплошным кошмаром. Во всяком случае, на время...

Эд притормозил. Бортовой компьютер поймал луч чикагского космопорта, корабль развернулся и заскользил по лучу вниз.

Едва Моррис ступил на бетонную площадку, как к нему подскочил роботорговец.

— Лучший в мире регулятор обмена веществ, сэр! Гарантирует поддержание стабильного эндокринного баланса в вашем организме, сэр! При неудовлетворительной работе регулятора вы получите деньги обратно, сэр!

Эд устало обошел роботорговца и побрел по пешеходной дорожке домой. Робот пристроился было рядом, но, поняв бесполезность дальнейших уговоров, развернулся и заспешил к только что приземлившемуся мрачному служащему.

— Не дожидайтесь устаревшей ежечасной информационной программы, узнавайте новости, пока они свежи! — Тут же обрушился на Морриса другой торгош. — Установите крошечный видеозэкран на сетчатку наименее используемого вами глаза и вы окажетесь в центре происходящих в мире событий, получите доступ к самой свежей информации!

— Прочь с дороги! — рывкнул Моррис.

Робот неохотно посторонился, и Эд влился в толпу сторбленных ежедневными заботами мужчин и женщин.

На Земле всюду сновали роботорговцы. Отчаянно жестикулируя, они взывали к здравому смыслу, умоляли, случалось, даже визжали и хрипели...

У самого дома один из них увязался за Эдом. Тот, не раздумывая, прибавил шагу. Робот суетливо бросился вдогонку, на все лады расхваливая свой товар. Моррис подобрал

с дороги камень и швырнул, метя горлопану в железную башку. Бац, и робот встал, как вкопанный, затем с минуту потоптался на месте и, заметив нагруженную покупками пожилую даму, припустил за ней. Несчастливая попыталась отогнать назойливого торгаша, но куда там.

Моррис поспешно заскочил в дом и с силой захлопнул дверь.

— Дорогой, это ты? — послышалось из кухни, и, вытирая руки о пластиковые шорты, в прихожую выпорхнула Салли. — Бедненький, какой у тебя усталый вид!

Бросив пальто и шляпу на стул, Эд небрежно чмокнул жену в обнаженное плечо.

— Что там у нас на ужин?

Салли взяла одежду мужа, бережно расправила и повесила в шкаф.

— Сегодня твой любимый уранский фазан под белым соусом.

У Морриса потекли слюнки.

— Серьезно? По какому поводу пир?

Карие глаза жены увлажнились.

— Разве ты забыл? Сегодня день твоего рождения! Поздравляю, дорогой, тебе стукнуло тридцать семь!

— Ах, да, конечно. — Губы Эда тронула улыбка, и он поспешно направился в кухню.

Стол бы уже накрыт. На белоснежной хрустящей скатерти стоял праздничный сервиз, разложенные по отдельным тарелкам, красовались поджаристые ломтики белого хлеба, зеленый горошек, картофельное пюре, свежее масло, в чашках дымился кофе.

— Ей-Богу, настоящий праздник! — воскликнул Эд.

Салли нажала клавишу. Из духовки на стол выкатился контейнер, с легким щелчком откинулась крышка, и кухню наполнил неземной аромат.

— Вот и готово. Дорогой, иди, вымой руки, и начнем пировать. Да не задерживайся, а то все остынет.

Моррис сунул ладони в моечную щель, через две минуты вытащил их чистыми и сухими, сел за стол. Салли разложила по тарелкам нежные, аппетитно пахнущие кусочки фазана, и они принялись за еду.

Когда опустели тарелки и они неторопливо принялись за кофе, откинувшись на спинки стульев, Эд сказал:

— Послушай, Салли. Я давно хотел с тобой поговорить, но все как-то откладывал. Надеюсь, ты согласишься со мной, что больше так жить нельзя, надо что-то делать.

— Ты имеешь в виду поездки на работу? Может, попытаешься перевестись на Марс, как Боб Юнг? Поговори с «Компанией Нанимателей», объясни им, насколько тяжело...

— Видишь ли, дело не только в поездках. Они повсюду подстерегают меня день и ночь.

— Кто подстерегает, дорогой?

— Эти роботы-торгаши. И еще зрительно-слуховая реклама. Так и норовят залезть прямо в мозг, преследуют тебя до самой смерти.

— О, как я тебя понимаю, — Салли сочувственно потрепала мужа по руке. — Стоит только переступить порог, и они тут как тут, вьются вокруг, предлагают всякую всячину. И говорят все разом. Ужас какой-то — невозможно разобрать, что они рекламируют.

— Нужно бежать из этого дурдома.

— Бежать? — Салли запнулась. — Ты это о чем, дорогой?

— Либо мы избавимся от них, либо они нас уничтожат.

Эд достал из кармана обрывок фольги и, положив на стол, осторожно развернул.

— Вот, посмотри. Он ходил по рукам в нашем отделе, а теперь попал ко мне.

— Что это? — Салли наморщила лоб. — Дорогой, мне кажется, здесь только часть текста.

— В нем говорится о новом мире, — мягко произнес Моррис. — Куда они пока не добрались. Это далеко, у другой звезды.

— Ты говоришь о Проксиме?

— Да. Представляешь, целых двадцать пригодных для заселения планет. А жителей там — всего ничего, несколько тысяч. В основном — крестьяне, рабочие, ученые. Пустые земли ждут — не дождутся хозяев.

— Но, дорогой, там же... — Салли состроила недовольную мину. — Говорят, там живут, как в двадцатом веке: носят давно вышедшую из моды одежду, ездят на вонючих автомобилях с бензиновыми двигателями...

— Все это, конечно, так, — помрачневший Эд свернул измятую фольгу в трубочку, — прогресс там отстал лет на сто, ну так и что? — Он обвел глазами гостиную. — Можно прекрасно обойтись и без всего этого хлама. Поверь, мы быстро привыкнем к простой жизни. — Он попытался улыбнуться, но губы не подчинились. — Пусть там ездят со скоростью шестьдесят миль в час вместо привычных шести миллионов, зато, ты только представь, никакой рекламы, никаких роботорговцев. Я тут прикинул: если продать ракету, дом, мебель, кухонную утварь, то денег как раз хватит на два билета...

Они помолчали.

— Эд, не пори горячку. Ты подумал хотя бы, чем будешь там заниматься, зарабатывать на жизнь?

— Подыщу что-нибудь на месте.

— Что именно? — В голосе Салли слышалось нарастающее раздражение. — По-моему, прежде чем все бросить и очертя голову нестись за тридевять земель, не худо бы решить вопрос с работой.

— Если останемся, они прикончат нас. — Эд старался говорить спокойно. — Времени в обрез. Не знаю, сколько я еще выдержу в этом аду.

— Послушай, Эд, по-моему, ты сгущаешь краски. Если ты действительно так скверно себя чувствуешь, возьми отпуск и подлечи нервы, в наши дни ставят на ноги и не таких, как ты. Я сама видела в рекламе такую клинику по сдерживанию отрицательных эмоций, так там лечат всех, даже стариков. — Салли поднялась со стула. — Давай-ка пока отложим этот разговор и сходим куда-нибудь развеяться. Сегодня же, как-никак, праздник. Хорошо? — Она теребила холеными пальцами застежку-молнию на шортах. — А у меня для тебя сюрприз, дорогой, — я наконец-то собралась с духом и сегодня надену новое вечернее платье. — Салли направилась в спальню, в ее глазах сверкали веселые искорки. — Ну, то самое, ты понимаешь? Вблизи оно платье как платье — пластиковое, с неглубоким вырезом, со стоячим воротничком, но чем дальше ты отходишь, тем прозрачнее оно становится, пока...

— А, знаю. Видел такое в рекламе по дороге на работу. — Эд медленно встал, добрел до двери спальни, привалился к косяку. — Салли...

— Да, дорогой?

Эд хотел рассказать об обрывке фольги, о переселенцах, о проксиме Центавра. Хотел настоять на отъезде и уже открыл было рот, но не успел: в дверь позвонили.

— Дорогой, посмотри, кто там! — закричала Салли.

На крыльце стоял робот. В сгущающихся сумерках его огромная неподвижная фигура буквально нависала над Моррисом. Через приоткрытую дверь в прихожую ворвался промозглый осенний ветер. Моррис поежился и, охваченный недобрым предчувствием, отступил на шаг.

— Чего тебе?

Эд впервые видел такое чудовище: семь футов в высоту, четыре ноги; туловище кубическое, а не конусовидное, как у обычных роботов; массивные металлические ручки-манипуляторы; глаза-телескопы.

— Добрый вечер, — приветствовал незванный гость Морриса. Его спокойный голос заглушил шум города. Случайный прохожий, вздрогнув, огляделся, поспешно перешел на противоположную сторону улицы и скрылся во тьме.

— Добрый вечер, — машинально ответил Эд. — Говори живой, что продаешь, и проваливай.

— Я рад счастливой возможности продемонстрировать вам пасраб.

Эд попытался привести мысли в порядок. Какой такой пасраб? Происходящее казалось кошмаром.

— Продемонстрировать что? — выдавил Эд.

— Пасраб. — Робот равнодушно взирал на замершего у порога хозяина дома и не собирался ничего объяснять. — Демонстрация не отнимет у вас много времени.

— Я... — начал Эд, отступая под напором ветра еще на шаг от двери.

Робот прогромычал мимо него в дом.

— Благодарю, — рывкнул он и, миновав прихожую, замер посреди гостиной. — Пригласите, пожалуйста, вашу супругу. Я продемонстрирую пасраб вам обоим.

— Салли, — позвал Моррис, решив про себя: будь что будет.

— Что случилось, дорогой? — Салли влетела в гостиную, но, заметив робота, остановилась. — Эд, разве ты что-то заказывал? Вроде бы мы не собирались ничего покупать.

— Добрый вечер, — обратился к ней робот. — Я пришел, чтобы продемонстрировать вам пасраб. Прошу вас поудобнее сесть на кушетку.

Предвкушая сюрприз, Салли уселась, ее щеки пылали, глаза возбужденно блестели. Эд примостился рядом.

— Может, ты объяснишь, что такое пасраб? И вообще, что происходит? Говорю сразу: здесь ты ничего не продашь!

— Как вас зовут? — Робот посмотрел на Морриса.

— Моррис, — выдохнул тот. — Эд Моррис.

Робот повернулся к Салли.

— А вы, стало быть, миссис Моррис, — робот слегка поклонился. — Счастлив познакомиться с вами, мистер и миссис Моррис. Вы первыми в нашем районе города увидите пасраб в действии. Рад, что именно вам выпала честь стать свидетелями предварительной демонстрации. — Холодные глазалинзы обожали комнату. — Мистер Моррис, надеюсь, вы получаете жалование? Где вы работаете?

— Мой муж служит в корпорации «Внеземные Металлы», — выпалила Салли, словно маленькая отличница у доски.

Несколько секунд робот переваривал услышанное, затем выдал:

— Пасраб будет вам крайне полезен. А чем занимаетесь вы? — Он перевел линзы на Салли.

— Я перевожу тексты с английского на язык машинных

кодов во ВИИИИ — Всемирном Институте Интенсивного Изучения Истории.

— Пасраб непригоден в вашей профессиональной деятельности, но будет незаменим для работ по дому. Итак, начинаем демонстрацию. — Мощными ручищами робот приподнял стол. — К примеру, неуклюжий гость повредил дорогостоящую мебель. — Робот грохнул столом об пол, по комнате разлетелись куски дерева и пластика. — Тут-то и придет к вам на выручку пасраб.

Робот отбросил ножку стола и направился в угол гостиной к старинному торшеру.

— Дорогой, что ты сидишь, как истукан, он же сломает уникальную ведь! — вскрикнула Салли.

Эд вскочил на ноги, но как он мог остановить железное чудовище, крушащее его дом.

— Когда вы являетесь счастливым обладателем пасраба — бояться нечего. — Робот схватил торшер, согнул стальную ножку, сорвал абажур, разбил лампочку, а обломки кинул на середину комнаты. — Подобная ситуация может возникнуть в результате мощного взрыва, например, взрыва водородной бомбы.

— Ради всего святого, — прошептал Эд, — мы...

— Не исключено, что термоядерный взрыв так никогда и не произойдет. Но, все равно, вам не обойтись без пасраба.

Робот распахнул у себя на груди дверцу, извлек оттуда блестящую металлическую трубку, присел и прицелился. Из трубки вырвался сноп ослепительных белых искр. Робот отступил, демонстрируя в полу дыру футов пяти диаметром.

— Я не стану вести туннель дальше, но, надеюсь, вы убедились, что пасраб спасет вам жизнь в случае нападения врага.

При слове «нападение» в голове робота что-то щелкнуло.

— Теперь, допустим, на вас напал вор или грабитель.

Робот развернулся и ударил в стену огромным кулачищем. Часть стены обвалилась, превратившись в кучу строительного мусора.

— Вот так, налетчик получит по заслугам. — Робот выпрямился и оглядел комнату. — Иногда вы к вечеру так устаете, что не справляетесь с бытовыми приборами.

Робот прогромыхал в кухню и там долбанул манипулятором по клавишам духовки. На стены брызнули соус и масло.

— Хватит! — не своим голосом завопила Салли. — Выметайся из кухни!

— Люди порой до того устают, что не могут пустить воду. — Робот выдернул из стены кран, и в раковину хлынула

вода. — Или, предположим, вы решили прилечь. — Пройдя в спальню, он ухватился за складную кровать, и та с грохотом вывалилась из ниши. — Случается, вы настолько устали, что не в состоянии раздеться без посторонней помощи. В этом случае...

Робот швырнул обломки кровати на пол и направился к Салли. Та с визгом отскочила в сторону.

— Убирайся! — заорал Эд, вставая между роботом и женой. — Салли, беги за полицией! Он рехнулся! Да быстрее же!

— Пасраб совершенно незаменим в современном доме, — невозмутимо продолжал робот. — К примеру, отказал бытовой электроприбор — пасраб мгновенно его починит. — Робот сорвал со стены регулятор влажности воздуха, вырвал из корпуса провода и повесил на прежнее место. — Иногда вам не хочется идти на службу. По закону пасраб имеет право заменить вас на рабочем месте до десяти дней в году. Если и после этого...

— Погоди, — наконец-то понял Эд, — так ты и есть этот самый пасраб?

— Совершенно верно, — подтвердил робот, — Полностью Автоматизированный Саморегулируемый Андроид — Бытовая модель. Существуют и другие модели: Строительная — ПАСРАК, Административная — ПАСРАА, Военная — ПАСРАВ, Конторская — ПАСРАК. Я спроектирован для домашних работ.

— Выходит, ты... — выдохнул Эд, — ты сам себя продаешь?

— Я себя демонстрирую. — Непрерывно двигавшиеся глаза ПАСРАБа остановились на лице Эда. — Не сомневаюсь, мистер Моррис, вам не терпится приобрести меня. Уверяю вас, цена вполне доступная, к тому же компания гарантирует мое безукоризненное функционирование в течение пятидесяти лет. В стоимость также входят полное техническое описание и инструкция по эксплуатации. И, на всякий случай, учтите: для меня не существует слова «нет».

В половине первого ночи Эд Моррис сидел на кровати и тупо сотрел на стену.

— Ради Бога, дорогой, раздевайся и ложись, — настаивала Салли. — Тебе же вставать в полшестого.

С трещины Эд перевел взгляд на зажатый в руке левый ботинок. Секунду поколебавшись, он отшвырнул ботинок в угол, стянул с ноги второй. В доме было тихо и прохладно, с улицы доносилось протяжное завывание ветра, ветки растущих вокруг дома кедров хлестали по стенам. В сладкой пол-

удреме, с сигаретой во рту, Салли свернулась калачиком под излучающей линзой — новейшим заменителем одеяла.

ПАСРАБ застыл посреди гостиной, ожидая, когда Моррис его купит.

— Дорогой, решайся же наконец! Ну, что с тобой сегодня такое! Давай побыстрее купим его, и он починит все испорченные вещи, поможет мне по хозяйству. — Салли тяжело вздохнула. — Ну и перепугалась же я, думала, он в самом деле рехнулся. Оказывается, он так демонстрирует себя.

Эд молчал.

Салли лениво перевернулась на живот и затушила сигарету в массивной бронзовой пепельнице в виде свернувшейся змеи.

— Подумай сам, такая покупка нам действительно по карману — всего-то десять тысяч золотых кредиток. К тому же мы наверняка убедим кого-нибудь из знакомых приобрести такого же робота и получим пятипроцентную скидку. А дело всего — прихватить с собой в гости такого же красавца, как наш, а уж там он сам о себе позаботится. — Она хихикнула. — Знаешь, а мне нравится эта идея — выпускать товар, который сам себя и продает!

Эд снова надел и туго зашнуровал ботинки.

— Ты куда? — раздраженно поинтересовалась Салли. — Ты что, спать не собираешься?

Она с негодующим видом села на кровати, когда Моррис медленно двинулся к двери.

Моррис включил в гостиной свет, сел лицом к ПАСРАБу.

— Ты меня слышишь?

— Конечно. Я способен работать круглые сутки. Критическая ситуация может возникнуть и ночью, например, заболел ребенок или произойдет несчастный случай. Детей, насколько мне известно, у вас пока нет, но в будущем...

— Заткнись, — рявкнул Моррис. — Я сыт по горло твоей болтовней.

— Вы задали вопрос, вот я и отвечаю. Все Саморегулируемые Андроиды напрямую подключены к Центральному Информационному Компьютеру. Бывает, что нам срочно требуется информация. ПАСРАБ всегда готов побеседовать с вами на любую предложенную вами тему, кроме божественной сущности человека.

Эд придвинул к себе инструкцию, пролистал несколько страниц. ПАСРАБ владел тысячами профессий, никогда не ломался, не ошибался, не мог потеряться.

— Полное безумие! — в сердцах воскликнул Моррис и отшвырнул пухлый том.

— Конечно, конечно, мистер Моррис, вы, как всегда, пра-

вы. Разве здравомыслящий человек может отказаться от меня? — В спокойном металлическом голосе Эд уловил насмешливые нотки. — В современном жилище просто не обойтись без ПАСРАБа.

— Убирайся, — угрюмо произнес Эд. — Вон из моего дома и впредь не смей показываться мне на глаза!

— К великому сожалению, мистер Моррис, я не принадлежу вам, а посему подчиняюсь не вашим приказаниям, а лишь инструкциям компании «Саморегулируемые Андроиды», заложенным в меня при сборке. Эти инструкции предписывают мне оставаться с вами, пока вы меня не приобретете.

— А что, если я никогда тебя не куплю? — спросил Эд, хотя ответ знал заранее.

— Я останусь с вами до тех пор, пока вы не приобретете меня. — ПАСРАБ подошел к каминной полке, вытащил из вазы увядшие цветы и сунул их в приемную щель утилизатора мусора. — Вот видите, еще одна ситуация, в которой ПАСРАБ незаменим. Удивляюсь, как это вы раньше обходились без моей помощи.

— Так ты что, можешь все на свете?

— Разумеется, нет. Но, смею вас заверить, я могу все, что и вы, но делаю это значительно лучше.

Эд набрал полную грудь воздуха.

— Лучше я содохну, но тебя не куплю! — выпалил он.

— Напрасно вы мучаете себя, мистер Моррис, вам все равно придется меня приобрести, — ответил бесстрастный голос. — Из корпуса ПАСРАБа бесшумно выдвинулась трубка, и робот принялся пылесосить ковер. — Я полез в любых обстоятельствах, — расхваливал себя робот. — Обратите внимание, каким пушистым и мягким стал ковер после чистки, как засеребрилась каждая ворсинка.

Трубка пылесоса убралась внутрь робота, и ее место заняла другая, потолще. Из трубки хлынул поток белого порошка, и через несколько секунд комнату заполнили зловонные облака. Эд закашлялся и, пошатываясь, бросился прочь. Вслед ему неслось монотонное бормотание:

— Я обработал мебель специальным составом, и теперь ваш дом надежно защищен от моли.

Белые облака сменились темно-синими. В зловещем полумраке гостиной неясным расплывчатым пятном двигался ПАСРАБ. Постепенно облака рассеялись, сквозь пелену проступила обстановка комнаты.

— Я разбрызгал химикат, уничтожающий вредных бактерий, — известил Морриса ПАСРАБ.

Затем ПАСРАБ расписал стены, изготовил новую мебель, гармонирующую с росписью, укрепил потолок в ванной, нарастил дополнительную секцию на обогревателе, заменил электропроводку во всем доме. В кухне ПАСРАБ разобрал все бытовые приборы и из их частей смастерил современный кухонный комбайн. Он просмотрел банковские счета Моррисов, вычислил подоходный налог за следующий год, заточил все карандаши. Схватив Эда за запястье и молниеносно измерив кровяное давление, ПАСРАБ поставил диагноз: предрасположенность к шизофрении.

— Когда вы воспользуетесь моими услугами, ваши дела сразу пойдут на лад, — заверил робот.

В глубине холодильника ПАСРАБ обнаружил кастрюльку с остатками вчерашнего супа.

— Опасность ботулизма, — определил он. — Ваша жена очень привлекательна в сексуальном отношении, но вряд ли пригодна для работы, требующей высокого интеллекта.

Эд рывком распахнул шкаф, надел пальто и шляпу, подхватил кейс.

— Куда вы направляетесь, мистер Моррис?

— В офис.

— Ночью?

Эд заглянул в спальню. Салли безмятежно посапывала, убаюканная теплом излучающей линзы.

Эд бесшумно затворил за собой наружную дверь и, подгоняемый порывами пронизывающего до костей ветра, заспешил к стоянке ракет.

Врученная робоохраннику монета в четверть кредитки сделала свое дело — несмотря на столь поздний час, он беспрепятственно прошел за проволочное ограждение. Моррис быстро отыскал свой кораблик среди сотен таких же крошечных яхт и через десять минут проследовал привычным маршрутом на Ганимед.

ПАСРАБ взошел на борт яхты, когда Эд заправлялся на Марсе.

— Мистер Моррис, вы, определенно, меня неправильно поняли. Я же объяснил, что останусь с вами, пока вы не подпишете чек. — ПАСРАБ склонился над пультом управления и настроил все приборы. Впервые за многие годы стрелки и индикаторы заняли надлежащее положение. — Вам бы следовало почаще производить профилактический ремонт корабля.

ПАСРАБ удалился на корму и занялся дюзами. Эд подал знак технику заправочной станции, и тот отсоединил топливный шланг. Эд тут же включил двигатели, кораблик стреми-

тельно взлетел и набрал скорость, оставляя песчаный мир за кормой. Прямо по курсу багровел Юпитер.

— Двигатели требуют срочного ремонта, — сообщил вернувшийся в рубку ПАСРАБ. — Особенно меня беспокоит постукивание в главном тормозном двигателе. Как только приземлимся, я его почию.

— А что скажут твои нынешние хозяева, когда узнают, что ты оказываешь мне услуги даром? — с нескрываемым сарказмом поинтересовался Эд.

— Компания не сомневается в вашей платежеспособности, потому-то и направил меня к вам. Счет вы получите по почте в конце месяца, но я бы посоветовал не откладывать решение финансовых вопросов в долгий ящик. — В руках робота появились ручка и пачка бланков. — Сейчас я ознакомлю вас с различными вариантами сделки. Для начала вы можете продать почти всю домашнюю утварь, потому что в дальнейшем она вам больше не понадобится, а вырученные деньги покроют часть моей стоимости. Если у вас имеются сбережения, то я бы рекомендовал выплатить десять тысяч золотых кредиток наличными сразу, и вам будет сделана трехпроцентная скидка. По вашему желанию компания может предоставить вам платежный кредит на различные сроки. Например, если кредит предоставлен на три месяца, то задолженность можно погасить в четыре приема: первую четверть суммы следует внести немедленно, остальные три четверти — через равные промежутки времени.

— Я всегда плачу только наличными, — пробормотал Эд, вводя в бортовой компьютер координаты нового пункта назначения.

— Вам вовсе не обязательно производить выплату в трехмесячный срок. Задолженность можно погасить и за полгода. В этом случае общая стоимость каждый месяц будет возрастать на шесть процентов и через полгода составит... Корабль изменил курс, — заметил робот.

— Совершенно верно.

— Мы покидаем правительственную транспортную магистраль. — Спрятав бланки и ручку, ПАСРАБ рванулся к пульту. — Что вы делаете? Это же грубейшее нарушение правил движения, теперь вас наверняка оштрафуют на две кредитки.

Эд невозмутимо смотрел на обзорный экран. Скорость непрерывно росла. Когда корабль пронесся мимо оградительных буйков и устремился в открытый космос, громкоговоритель на пульте предостерегающе завыл.

ПАСРАБ мгновенно вычислил траекторию.

— Мы покидаем Солнечную систему и направляемся к Центавре.

— Именно.

— По-моему, вам следует позвонить жене.

Эд застонал и сильнее вдавил педаль акселератора. Дюзы негодующе взвыли. Кораблик занесло, но через несколько секунд компьютер выправил курс. Приборы показали, что главный двигатель перегревается. Выругавшись сквозь зубы, Эд включил аварийную систему подачи топлива.

— Пока мы еще в зоне радиоприема с Земли, я вызову миссис Моррис, — предложил ПАСРАБ.

— Не стоит.

— Она будет волноваться.

ПАСРАБ направился в машинное отделение и вновь проверил двигателя. Через несколько минут он ворвался в кабину, тревожно гудя.

— Мистер Моррис, хочу напомнить, что ваш корабль — всего лишь легкая яхта класса «Д» и не предназначен для межзвездных перелетов. При такой скорости может треснуть корпус.

— И без тебя знаю, но чтобы попасть на Проксиму, нужна именно такая скорость.

Робот вытянул из себя кабель и подсоединился к пульту управления.

— Я немного разгрузю бортовой компьютер, но двигатели в таком режиме долго не протянут.

— Плевать на двигатели!

ПАСРАБ замер, прислушиваясь к нарастающему вою в машинном отделении. Палуба нагревалась, казалось, корабль сводило судорогами. Нога Эда словно приросла к акселератору.

— Корабль покинул нанесенный на карты сектор космического пространства, боюсь, что теперь связаться с вашей супругой уже не удастся, — сообщил ПАСРАБ. — На борту есть три сигнальные ракеты. Если не возражаете, я воспользуюсь ими. Возможно, с ближайшего военного транспорта заметят вспышки.

— Зачем?

— Нас зацепят тросом и отбуксируют в Солнечную систему. Конечно, неизбежен штраф в шестьсот золотых кредиток, но, по-моему, это наилучший выход из создавшегося положения.

— К черту жену, к черту сигнальные ракеты!

Эд отвернулся от робота и всем телом налег на акселератор. Жалобный вой двигателей перерос в рев. Корабль содрог-

нулся. Стекла приборов покрылись сетью трещин, многие индикаторы и вовсе отказали. Пульт заискрился. Светильник над головой Эда медленно померк, мигнул, затем неохотно загорелся вновь.

— Мистер Моррис, вам следует подготовиться к смерти. Вероятность взрыва двигателей — семьдесят целых и три десятых процента. Я делаю все, что в моих силах, но ситуация вышла из-под контроля.

Эд припал к обзорному экрану. Некоторое время он жадно вглядывался в увеличивающееся пятно — систему двойной звезды Центавр.

— Ну как, неплохо смотрится?! Особенно Проксима с ее двадцатью планетами. — Эд нехотя перевел взгляд на контрольные приборы. — Что там с двигателями? Вроде пока тянут?

ПАСРАБ собрался было что-то сказать, но передумал. Немного поколебавшись, он все же пробубнил:

— Пойду, гляну на них.

Не дожидаясь ответа, робот покинул рубку.

Эд откинулся на спинку кресла и закурил. Через несколько минут, потушив окуроченный пульт, он включил запасные двигатели.

Взрыв расколол корабль пополам.

Морриса швырнуло на пульт, сверху на него обрушился дождь из крошева пластика и металла. Перед глазами закружился хоровод ярких белых пятен. Бледнея, пятна замедляли свой стремительный танец и одно за другим осыпались холодным серым пеплом...

Монотонное шипение аварийных воздушных насосов вывело Морриса из забытья. Он был придавлен к палубе искореженным пультом, рука, явно сломанная, вывернута под неестественным углом, из рассеченного лба и разбитой брови текла кровь. Попытавшись шевельнуть ногой, Эд обнаружил, что не ощущает тела ниже пояса.

Жалкие обломки, некогда бывшие кораблем, по инерции неслись к Центавру. Самовосстанавливающаяся обшивка судорожно латала зияющие в корпусе дыры. Благодаря аварийным батареям, встроенным в жизненно важные автоматы, в рубке сохранились нормальная температура и сила тяжести. Посреди чудом уцелевшего экрана переднего обзора сияла двойная звезда.

Погребенный под обломками аппаратуры Эд сквозь кровавую пелену смотрел на экран и улыбался. Зрелище впечатляло. Еще день-другой, и корабль неминуемо врежется в этот огненный шар, а пока он мог любоваться увеличивающейся с каждой секундой звездой.

Его мысли вернулись к Салли. Понравилось бы ей на Проксиме? Вряд ли, скорее всего она бы сразу запросилась домой. Только в одиночестве он мог наслаждаться Проксимой. Его душу наполнило блаженное спокойствие. Он лежал не шевелясь, а звезда приближалась и приближалась...

Раздался скрежет. Груда оплавленных кусков металла и пластика зашевелилась. Эд повернул голову на шум и в мерцающем свете экрана различил изуродованную до неузнаваемости фигуру.

ПАСРАБ, пошатываясь, поднялся, сделал два неуверенных шага в сторону Эда и с грохотом рухнул на пол. Он медленно прополз еще немного и замер, щелкая реле и жужжа щербатыми шестеренками, в нескольких футах от Морриса. В изувеченном теле робота пока теплилось некое подобие жизни.

— Добрый вечер, — загремел металлический голос.

Эд закричал, попытался освободиться, но обломки не давали ему встать. В отчаянии он визжал, плевался, плакал и пытался ползти.

— Я рад счастливой возможностью продемонстрировать вам ПАСРАБ, — вещал железный истукан. — Пригласите, пожалуйста, вашу супругу. Мне бы хотелось продемонстрировать ПАСРАБ и ей.

— Убирайся! — орал Эд. — Сгинь, проклятая тварь!

— Добрый вечер. Садитесь поудобнее, пожалуйста... Добрый вечер. Садитесь поудобнее, пожалуйста... — Казалось, в рубке проигрывали заезженную пластинку. — Добрый... Рад приветствовать вас. Как вас зовут?.. Благодарю. Вы первыми в этом районе города увидите ПАСРАБ в действии... Где вы работаете?

Глаза-линзы робота оставались безжизненными, манипуляторы не шевелились.

— Пожалуйста, садитесь... — Голос то затухал, то гремел до боли в ушах. — Демонстрация отнимет у вас только секунду. Только секунду. Демонстрация отнимет...

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК

— **З**десь всегда такое пекло? — приятно улыбаясь, поинтересовался полный мужчина средних лет в изрядно помятом сером костюме, мокрой от пота белой сорочке, обвислом галстуке-бабочке и панаме. По виду и манере держаться в нем сразу угадывался коммивояжер.

Никто из посетителей маленького замызганного кафе не пошевелился.

— Только летом, — нехотя ответила размякшая от жары официантка.

Коммивояжер неторопливо закурил и с любопытством огляделся. Парень и девушка в одной из обшарпанных кабинок у дальней стены были полностью поглощены друг другом, двое рабочих за покосившимся столиком уминали за обе щеки гороховый суп и булочки, худой загорелый фермер со стаканом виски прислонился к буфетной стойке, пожилой бизнесмен в голубом костюме и при карманных часах просматривал утренний выпуск местной газеты, смуглый таксист с крысиным лицом потягивал кофе, утомленная дама, зашедшая отдохнуть, отложила в сторону свои многочисленные сумки и блаженно откинулась на спинку стула.

Коммивояжер оперся руками о буфетную стойку и обратился к сидевшему рядом джентльмену:

— Не подскажите, как называется этот городишко?

— Волна-Крик, — не отрываясь от газеты, буркнул тот.

Некоторое время коммивояжер прихлебывал кока-колу, небрежно зажав сигарету между пухлыми белыми пальцами. Затем он извлек из внутреннего кармана пиджака кожаный бумажник и с задумчивым видом принялся перебирать открытки, банкноты, исписанные листки, билетные корешки и прочий бумажный хлам, пока, наконец, не отыскал фотографию.

Взглянув на снимок, коммивояжер захихикал и вновь попытался завязать разговор.

— Вот, полюбуйтеcь-ка. — Он положил карточку на буфетную стойку.

Бизнесмен продолжал читать.

— Эй, вы только посмотрите сюда. — Коммивояжер слегка толкнул соседа локтем и сунул фотографию ему под нос. — Какова красotka?!

Бизнесмен раздраженно глянул на снимок обнаженной до пояса женщины лет тридцати пяти с рыхлым белым телом и восемью обвислыми грудями.

— Вам случалось видеть что-нибудь подобное? — хихикая, приставал коммивояжер. Его маленькие красные глазки восторженно сияли, рот расплзся в похотливой улыбке. Он снова толкнул соседа локтем.

— Видел, и не раз. — Скривившись от отвращения, биз-

несмен уткнулся в газетный лист. От внимания коммивояжера, однако, не ускользнуло, что старый худой фермер пристально смотрит в их сторону, и, добродушно улыбаясь, он протянул карточку фермеру.

— Ну как, папаша, нравится? Ничего не скажешь, хороша лапочка, а?

Фермер неспешно рассмотрел карточку, перевернул, изучил засаленный оборот и, еще раз взглянув на лицевую сторону, отшвырнул. Соскользнув с буфетной стойки, фотография несколько раз перевернулась в воздухе и упала изображением вверх.

Коммивояжер поднял ее, отряхнул и аккуратно, почти нежно, вложил в бумажник. Официантка скосила глаза на снимок и тут же отвела взгляд в сторону.

— Чертовски приятное зрелище, — подмигнул ей коммивояжер. — Не находите?

Официантка пожала плечами.

— Чего ж тут особенного? Видала я уродов и похлеще, когда жила под Денвером. Их там целая колония.

— Так там и сделан этот снимок. В денверском трудовом лагере ЦУБ.

— Неужели там еще кто-то живет? — приподнял брови фермер.

— Шутите? — коммивояжер хрипло рассмеялся. — Конечно, нет.

Теперь посетители кафе внимательно прислушивались к разговору. Даже молодые люди в кабинке выпрямились, слегка отодвинулись друг от друга и во все глаза наблюдали за происходящим у буфетной стойки.

— А я в прошлом году видел забавного парня возле Сан-Диего, — сообщил фермер. — С крыльями, как у летучей мыши. Вот урод, так урод: из спины торчат голые кости, а на них болтаются кожаные перепонки.

В разговор вступил таксист, чем-то смахивающий на крысу:

— Это еще что. Вот я на выставке в Детройте видал чело-века с двумя головами.

— Неужто живого? — удивилась официантка.

— Какое там. Конечно, чучело.

— А нам на уроке социологии крутили целый фильм обо всех этих тварях, — выпалил юноша. — Каких там только не было! И крылатые с юга, и большеголовые из Германии, ну, такие, безобразные, с наростами, как у насекомых...

— Самые мерзкие твари обитали в Англии, — перебил юношу пожилой бизнесмен. — Те, что скрывались в угольных шахтах. Их откопали только в прошлом году. Почти сто особей. —

Он покачал головой. — Больше полувека они там плодились. Потомки беженцев, спустившихся под землю еще до войны.

— В Швеции недавно обнаружили новый вид, — блеснула своими познаниями официантка. — Я сама читала. Говорят, они могли управлять мыслями людей на расстоянии. К счастью, их оказалась только одна пара, и люди из ЦУБ справились с ними в два счета.

— Почти как новозеландские, — изрек один из рабочих. — Те тоже читали мысли.

— Читать и управлять — совершенно разные вещи, — возразил бизнесмен. — Когда я слышу что-нибудь в этом роде, то даже рад, что у нас есть Центральное Управление Безопасности.

— А были еще такие, что могли передвигать предметы взглядом, — задумчиво произнес фермер. — Телекинез называется. Их нашли сразу после войны в Сибири. Слава Богу, советское ЦУБ не подкачало. Теперь о них никто и не вспоминает.

— А вот я помню, — возразил бизнесмен. — Я был тогда еще ребенком. Но все же помню, ведь это был первый див, о котором я услышал. Отец созвал всю семью и рассказал. Мы тогда еще заново отстраивали дом. В те дни ЦУБ обследовало каждого и ставило на руке клеймо. — Он гордо поднял худую узловатую руку. — Моему клейму пошел уже шестой десяток.

— Сейчас тоже осматривают младенцев, — поежилась официантка. — Во Фриско в этом месяце снова появился див. Первый за несколько лет. Полагали, что с ними покончено во всей округе, да не тут-то было.

— Во всяком случае, их становится все меньше и меньше, — вставил таксист. — Фриско ведь не слишком пострадал. Не как другие города — Детройт, например.

— В Детройте до сих пор каждый год рождается до пятнадцати тварей, — вставил юноша. — Там по всей округе зараженные пруды. А люди на обращают внимания на робовывески и все равно там купаются.

— А как он выглядел? — спросил коммивояжер. — Ну, тот, из Сан-Франциско?

Официантка развела руками:

— Да как обычно. Без ступней. Скрюченный. С большими глазами. Вместо ногтей — когти.

— Ночной тип, — определил коммивояжер.

— Его прятала мать, представляете?! Говорят, ему стукнуло три года. Она упростила местного врача подделать свидетельство ЦУБ. Докторишко оказался старым другом семьи, ну, вы понимаете.

Коммивояжер допил кока-колу и теперь рассеянно вертел в пальцах сигарету, прислушиваясь к затеянному им разго-

вору. Юноша наклонился к девице и тараторил без умолку, пытаясь произвести впечатление своей эрудицией. Тощий фермер и бизнесмен, придвинув свои табуреты, вспоминали о тяготах жизни в конце войны и в годы до принятия первого Десятилетнего Плана Реконструкции. Таксист и двое рабочих травили байки.

Чтобы привлечь внимание официантки, коммивояжер кашлянул и изрек:

— Надо думать, тот урод из Фриско наделал и здесь немало шума. Это ведь совсем под боком.

— И не говорите, — согласилась официантка.

— Да, этот берег залива действительно не слишком пострадал, — гнул свое коммивояжер. — Уж здесь-то вы этих уродов отродясь не встречали, верно?

— Не встречала, — официантка принялась поспешно собирать со стойки грязную посуду. — Ни единого во всей округе, — заявила она и направилась на кухню.

— Так уж и ни единого? — удивленно переспросил коммивояжер. — Неужели по эту сторону залива не появлялось ни одного дива?

— Ни одного, — отрезала она и скрылась за дверью кухни. Ее голос прозвучал несколько хрипловато и натянуто, что заставило фермера умолкнуть и оглядеться.

Как занавес, опустилась тишина. Все угрюмо уставились в свои тарелки.

— Ни единого во всей округе, — громко и отчетливо произнес таксист, ни к кому конкретно не обращаясь. — Вообще ни одного.

— Да-да, конечно, — закивал коммивояжер. — Я только...

— Безусловно, вы все поняли правильно, — заверил его рабочий.

Коммивояжер растерянно заморгал.

— Конечно, приятель, конечно, — он нервно шарил в карманах. Несколько монет покатались по полу, и он торопливо их подобрал. — Я не хотел никого обидеть.

Наступившую паузу нарушил юноша:

— А я слышал, — полным достоинства голосом начал он, — будто кто-то видел на ферме Джонсона...

— Заткнись, — не поворачивая головы, рявкнул бизнесмен.

Юнец вспыхнул и поник. Судорожно сглотнув, он уставился на свои руки.

Коммивояжер расплатился с официанткой.

— Не подскажите, по какой дороге я быстрее доберусь до Фриско? — спросил он.

Официантка демонстративно повернулась к нему спиной.

Люди у стойки делали вид, что полностью заняты едой. Их лица были прикованы к тарелкам.

Коммивояжер подхватил раздутый портфель, энергичным движением откинул москитную сетку у входа, вышел в слепящий полуденный зной и направился к припаркованному в нескольких метрах «Бьюику» модели семьдесят восьмого года. Одетый в голубую униформу дорожный полицейский стоял в тени навеса, поддерживая вялую беседу с молодой особой во влажном шелковом платье, облепившем ее тощее тело.

Прежде чем сесть в автомобиль, коммивояжер задержался и привлек внимание полицейского взмахом руки.

— Скажите, вы хорошо знаете округу?

Полицейский окинул беглым взглядом мятый костюм коммивояжера, галстук-бабочку, пропитанную потом сорочку. И, разумеется, заметил, что номерной знак был выдан в соседнем штате.

— А в чем, собственно, дело?

— Я разыскиваю ферму Джонсона. Мне необходимо встретиться с ним по поводу судебной тяжбы. — Зажав между пальцами маленькую белую карточку, коммивояжер подошел вплотную к полицейскому. — Я его поверенный, состою в нью-йоркском союзе адвокатов. Вы не могли бы объяснить, как туда добраться? А то я уже года два не бывал в здешних местах и основательно подзабыл дорогу.

Окинув взглядом безоблачное небо, Нат Джонсон отметил, что денек выдался на славу. Нат был гибким жилистым мужчиной с сильными руками и ничуть не поредевшими, несмотря на шестьдесят лет активной жизни, с металлическим отливом волосами. Одет он был в холщевые штаны и красную клетчатую рубашу.

Сжав желтыми зубами черенок трубки, он уселся на нижней ступеньке крыльца, чтобы понаблюдать за игрой детей. Мимо со смехом пронеслась Джин — ее пышные черные волосы развевались на ветру, под мокрой от пота футболкой угадывалась хорошо развитая грудь. Не так давно этой стройной остроглазой девчушке с длинными сильными ногами исполнилось шестнадцать. Вслед за ней пробежал белозубый темноволосый Дейв — очаровательный четырнадцатилетний парнишка. Дейв обогнал сестру и первым достиг начерченной на земле линии.

— Бросай! Я за тобой! — крикнул Дейв подбежавшей Джин.

— И ты что, надеешься попасть? — спросила Джин.

— Да уж не промажу, как ты в прошлый раз!

Джин уронила одну из подков, другую сжала обеими руками. Ее взгляд сосредоточился на дальнем колышке. Гибкое тело напряглось, спина выгнулась. Она плавно отвела ногу в сторону, прищурив левый глаз, тщательно прицелилась и умело метнула подкову. Подкова ударилась о дальний колышек, разок крутанулась на нем и, подняв клуб пыли, откатилась в сторону.

— Неплохо, — прокомментировал со своей ступеньки Нат Джонсон. — Но ты слишком напрягаешься. Постарайся расслабиться перед броском.

Девушка вновь прицелилась и метнула вторую подкову. Ната переполняла гордость за своих здоровых, красивых, почти взрослых детей, резвящихся под горячими лучами солнца. Если бы не старший сын — Крис, он мог бы считать себя счастливецом.

Крис, сложив на груди руки, стоял у крыльца. Он не принимал участия в игре, хотя наблюдал с самого начала. На его прекрасном лице читалось сдержанное любопытство и вместе с тем отрешенность. Казалось, он смотрит сквозь играющих, словно за сараем, полем, ручьем и рядами кедров находится нечто, доступное лишь его взгляду.

— Давай сюда, Крис! — крикнула Джин, бегущая наперегонки с Дейвом к противоположному краю площадки. — Сыграй с нами!

Но играть Крис явно не собирался. Он никогда не играл с ними, не участвовал в общих делах, будь то сбор урожая, пение хором или работа по дому. Казалось, он живет в собственном мире, куда никто из них не допускался, — всего сторонящийся, равнодушный, неприступный. Лишь иногда в нем что-то срабатывало, он молниеносно преобразался и на короткое время удостаивал этот мир своим вниманием.

Нат Джонсон выбил трубку о ступеньку, достал из кожаного кисета щепотку табака и, не отрывая глаз от старшего сына, вновь набил трубку. Внезапно Крис ожил и направился к игровой площадке. Ступал он чинно, скрестив руки на груди, как будто на время сошел с небес на грешную землю. Готовясь к броску, Джин не заметила его приближения.

— Гляди-ка, — вырвалось у Дейва от изумления. — Крис пришел!

Подойдя к сестре, Крис остановился и протянул руку — огромная величественная фигура с бесстрастным лицом. Джин неуверенно отдала ему подкову.

— Все-таки решил сыграть?

Крис не ответил. Его невероятно грациозное тело прогнулось назад и застыло. Едва уловимым взмахом руки он бросил подкову, и та, плавно пролетев над площадкой, ударилась о дальний колышек и с головокружительной быстротой завертелась вокруг него. Первоклассный бросок.

Дейв насупился.

— Ну, вот и проиграли!

— Крис, — удивленно спросила Джин — кто тебя научил?

Разумеется, Криса никто не учил играть в «подковки». Он просто понаблюдав полчаса, подошел и метнул. Всего один бросок — и игра закончена.

— Он никогда не ошибается, — пожаловался Дэйв.

Крис стоял с таким видом, словно разговор его не касался, — золотая статуя в обрамлении солнечных лучей. Золотые волосы и кожа, мягкий золотистый пушок на обнаженных руках и ногах...

Внезапно он напрягся.

Заметив в сыне перемену, Нат спросил:

— Что случилось?

Крис резко повернулся и приготовился бежать.

— Крис! — воскликнула Джин. — Что?..

Крис солнечным зайчиком метнулся через площадку, перемахнул изгородь, скрылся в сарае и выскочил с противоположной стороны. Когда он спускался к ручью, казалось, его фигура скользит над сухой травой. Золотая вспышка — и он пропал. Исчез. Растворился в окружающем пейзаже.

— Опять что-то увидел! — озабоченно вздохнула Джин.

Она встала в тень рядом с отцом. На ее щеке и над верхней губой блестели капельки пота, футболка прилипла к телу.

— Он за кем-то погнался, — уверенно заявил подошедший Дейв.

Нат горестно покачал головой:

— Все может быть. Кто его разберет.

— Пойду скажу маме, чтоб не ставила для него тарелку, — сказала Джин — Едва ли он вернется к обеду.

Ната Джонсона охватило смешанное чувство досады и гнева. Конечно, Крис не вернется. Ни к обеду, ни завтра, ни послезавтра. Одному Богу известно, на сколько он ушел. И куда. И почему.

— Я бы послал вас за ним вдогонку, будь от этого хоть какой-то прок, но... — Нат не договорил.

По грунтовой дороге к ферме приближался запыленный, знававший лучшие времена «бьюик». За баранкой сидел пол-

ный краснолицый мужчина в сером костюме. Лязгнув напоследок, автомобиль замер. Водитель заглушил мотор и приветливо помахал Джонсонам.

— Добрый день. — Выбравшись из машины, краснолицый учтиво приподнял шляпу и направился к крыльцу. Был он средних лет, добродушный с виду. — Не могли бы вы мне помочь? — устало спросил он, утирая со лба пот.

— Что тебе нужно? И кто ты такой? — хрипло спросил Нат.

Краешком глаза он следил за берегом ручья и мысленно молил: «Господи, только бы не появился Крис!» Дыхание Джин участилось, в глазах затаился страх. Дейв побледнел, однако ему удалось сохранить на лице равнодушное выражение.

— Меня зовут Бейнс. Джордж Бейнс. — Толстяк протянул руку, но Джонсон сделал вид, что не заметил ее. — Наверняка вы обо мне слышали. Мне принадлежит «Корпорация Мирного Развития». Это мы построили маленькие бомбоубежища на окраине города. Ну, те крошечные круглые домики. Вы их, конечно, видели, если хотя бы раз въезжали в город по главной дороге со стороны Лафайетта.

— Что тебе от нас нужно? — Джонсон с трудом унял дрожь в руках. Фамилию Бейнс он слышал впервые, хотя неоднократно видел постройки, о которых шла речь. Невозможно было не заметить огромное скопище безобразных цилиндров вдоль шоссе. Человек с такой внешностью, как у Бейнса, вполне мог оказаться их владельцем. Но что его привело сюда?

— Я приобрел небольшой участок земли в здешних краях, — объяснил Бейнс и зашуршал пачкой бумаг казенного вида. — Вот купчая, но будь я проклят, если не заблудился. — Улыбка на его лице выглядела вполне естественно. — Я знаю, участок где-то рядом, по эту сторону от главной автострადы штата. Если верить клерку, оформлявшему документы, надо лишь перевалить через тот холм да проехать еще с милю. Сам-то я плоховато разбираюсь в топографии. Мне бы...

— Ты мог купить участок где угодно, но только не здесь! — перебил его Дейв. — Кругом только фермы, пустых земель нет.

— Точно, сынок, это ферма, — выпалил Бейнс. — Я купил ее для себя и для моей женушки. Мы бы хотели осесть где-нибудь поблизости. — Он сморщил вздернутый нос. — Разве не замечательная идея? Да вы не беспокойтесь, я не собираюсь строить здесь бомбоубежища. Хочу пожить на ферме. Старый дом, двадцать акров земли, колодец, да несколько дубов...

— Дай-ка взглянуть на купчую, — Джонсон выхватил бу-

маги, и пока Бейнс изумленно моргал, быстро просмотрел их. — Что ты там плетешь? Твой участок в пятидесяти милях отсюда.

— Пятьдесят миль! — Бейнс ошалело огляделся. — Кроме шуток, мистер? Но клерк уверял меня, что...

Джонсон встал. Он был значительно выше и крепче толстяка. По поводу пришельца у него возникли вполне определенные подозрения.

— А ну-ка, залезай в свой драндулет и проваливай подбру-поздорову. Мне плевать, что там у тебя на уме, но эта моя земля, и ты сейчас же отсюда уберешься!

В огромном кулачище Джонсона зловеще сверкнула гладкая металлическая трубка.

Увидев ее, Бейнс судорожно сглотнул.

— Только без насилия, мистер, — он поспешно отступил. — Нельзя же быть таким вспыльчивым. Держите себя в руках.

Джонсон безмолвствовал. В ожидании отъезда толстяка он лишь крепче сжал ручку энергетического хлыста.

Но Бейнс не торопился.

— Послушайте, дружище, я часов пять не вылезал из машины, разыскивая этот чертов участок. Может, хоть в сортир позволите сходить?

Джонсон с подозрением оглядел непрошеного гостя. Постепенно подозрение сменилось презрением. Он пожал плечами.

— Дейв, проводи его в ванную.

— Спасибо. — Физиономия Бейнса расплылась в благодарной улыбке. — И, если вас не слишком затруднит, нельзя ли стаканчик воды? Я с удовольствием заплачу. — Он понимающе хихикнул. — Похоже, с городскими у вас старые счеты?

— О, господи, — вздохнул Джонсон, когда толстяк последовал за его сыном в дом.

— Па, — прошептала Джин. — Па, ты думаешь, он...

Нат обнял дрожащую дочь.

— Держись молодцом. Он скоро уберется.

— Стоит здесь появиться служащему водопроводной компании, сборщику налогов, бродяге или ребенку, словом, кому угодно, у меня начинает ныть вот здесь, — она ткнула себя под левую грудь. — Вот уже тринадцать лет. Сколько это будет продолжаться?

Человек, назвавшийся Бейнсом, вышел из ванной комнаты. Дейв Джонсон с каменным выражением лица застыл у двери.

— Благодарю, сынок, — выдохнул Бейнс. — А теперь не

подскажешь, где бы мне разжиться стаканчиком холодной воды? — В предвкушении удовольствия он звучно причмокнул пухлыми губами. — Покрутился бы ты с мое по этому захолюстью в поисках груды хлама, которую чиновник почему-то нарек недвижимым имуществом, ты бы...

Не дожидаясь конца тирады, младший Джонсон направился в кухню.

— Ма, этот человек хочет пить. Отец велел дать ему воды.

Из-за спины Дейва Бейнс успел рассмотреть хозяйку дома — миниатюрную седовласую женщину с увядшим лицом. Она поспешно двинулась со стаканом в руке к водопроводному крану, а Бейнс засеменил в сторону прихожей. Пробегающая через спальню, он распахнул дверь чулана, затем заспешил назад, свернул в гостиную, миновал столовую и оказался в другой спальне. За считанные секунды он обежал весь дом.

Он выпрыгнул в окно. Задний двор. Изъеденный ржавчиной кузов грузовика. Вход в подземное бомбоубежище. Груда пустых жестяных банок. Копающиеся в земле цыплята. Спящая под навесом собака. Две лысые автомобильные покрывки.

Он отыскал дверь во двор, бесшумно отворил ее и вышел. Ни души. Покосившийся деревянный сарай, за ним лишь кедры и ручей. Ничего примечательного.

Бейнс крадучись двинулся вокруг дома. По его расчетам, у него осталось секунд тридцать. Предусмотрительно оставленная закрытой дверь в ванную наведет парнишку на мысль, что Бейнс вернулся туда. Он заглянул через окно в дом и увидел большой чулан, набитый старой одеждой, кипами журналов и коробками.

Он повернулся и отправился назад.

Мрачная фигура Ната Джонсона преградила ему путь.

— Ну что ж, Бейнс. Видит Бог, ты сам напросился.

Полыхнула розовая вспышка. У Бейнса потемнело в глазах. Он проворно отскочил в сторону, судорожно шаря в боковом кармане пиджака. Край вспышки все же зацепил Бейнса, и он чуть не упал, сраженный ослепительным ударом. Защитный костюм вобрал и разрядил энергию вспышки, но лицо оставалось незащищенным. Несколько долгих секунд, припав от боли зубами, он дергался, подобно управляемой неумелой рукой марионетке. Наконец, тьма отступила. Бейнс ухитрился достать собственный энергетический хлыст и направил его на Джонсона, беззащитного в своей фермерской одежде.

— Ты арестован! — рявкнул Бейнс. — Брось оружие и подними руки. И зови свое семейство.

Рука Джонсона задрожала, одеревеневшие пальцы выпустили трубку.

— Так ты жив, — запинаясь выдавил он. — Значит, ты... Появились Дейв и Джин.

— Отец!

— Подойдите сюда! — приказал Бейнс. — Где ваша мать? Ошеломленный Дейв кивнул в сторону дома.

— Приведите ее!

— Так ты из ЦУБ, — прошептал Нат Джонсон.

Бейнс не ответил. Он ковырял пальцем в складке между двумя подбородками. Наконец, отковырнув микрофон, он сунул его в карман. Со стороны дороги послышался быстро нарастающий рокот моторов, и вскоре две черные каплевидные машины замерли возле дома. Из них выскочили люди, облаченные в серо-зеленую форму войск Государственной Гражданской Полиции. Небо заполнили рои черных точек, похожих на безобразных мух. Мухи исторгли из себя тучи людей и тюки со снаряжением, которые, затмив свет солнца, медленно поплыли к земле.

— Его здесь нет, — сообщил Бейнс подбежавшему человеку. — Улизнул. Радируй в Центр Уиздому.

— Мы блокировали весь этот сектор.

Бейнс повернулся к Нату Джонсону, замершему в оцепенении рядом с детьми.

— Как он узнал о нашем появлении?

— Почему мне знать, — невнятно пробормотал Джонсон. — Он... знал, и все тут.

— Телепатия?

— Понятия не имею.

Бейнс пожал плечами.

— Мы это скоро выясним. Район оцеплен. Ему не проскочить, что бы он там ни умел.

— Что вы с ним сделаете, когда... если схватите? — с трудом выдавила Джин.

— Изучим его.

— А затем убьете?

— Это зависит от результатов лабораторных исследований. Если бы вы предоставили мне больше информации, я бы смог дать более точный прогноз.

— Нам нечего тебе сказать. Мы и сами ничего о нем не знаем. — От отчаяния голос девушки поднялся до визга. — Он не разговаривает.

Бейнс вздрогнул.

— Что?

— Он не разговаривает. Он никогда не говорит с нами. Никогда.

— Сколько ж ему лет?

— Восемнадцать.

— И все восемнадцать лет он не общается с вами? — Бейнс в очередной раз вспотел. — И даже не пытался вступить с вами в контакт? Скажем, с помощью жестов? Или мимики?

— Он... не от мира сего. Он ест с нами. Иногда играет или сидит вместе с нами. Временами уходит на несколько дней, и мы не знаем, куда и зачем. Спит он в сарае, один.

— Скажи, а твой брат действительно золотого цвета?

— Да. И кожа, и глаза, и волосы. Весь с головы до пят.

— А он крупный? Хорошо сложен?

Девушка ответила не сразу. Скрываемые годами чувства вдруг отразились на ее лице, щеки залил румянец.

— Он неправдоподобно прекрасен. Бог, сошедший на землю. — Ее губы дрогнули. — Но вам его нипочем не найти. Он умеет такое, что вам и не снилось.

— Полагаешь, мы его не возьмем? — Бейнс нахмурился. — Оглянись. Войска все прибывают. Скоро ты убедишься, что от Управления не скроешься. У нас было достаточно времени, чтобы отработать все тонкости. Если он ускользнет, это будет первый случай за...

Бейнс не договорил. К ним быстро приближались три человека. Двое были одеты в грязно-зеленую форму войск Гражданской Полиции. Между ними возвышалась гибкая, слегка светящаяся фигура.

— Крис! — вырвалось у Джин.

— Мы взяли его, — отрапортовал старший по званию полицейский.

Бейнс бессознательно поглаживал большим пальцем ручку энергетического хлыста.

— Где? Как?

— Он сам сдался, — в голосе полицейского слышался благоговейный страх. — Вышел к нам добровольно. Вы только полюбуйтесь на него! Толком и не разберешь, человек перед тобой или металлическая статуя. Или какой-нибудь древний бог!

Золотой человек на мгновение остановился рядом с Джин, затем неторопливо повернулся и взглянул Бейнсу в глаза.

— Крис! — воскликнула Джин. — Зачем ты вернулся?!

Та же мысль не давала покоя и Бейнсу. Он отогнал ее прочь — на время.

— Самолет готов?

— Можем взлетать в любую минуту.

— Замечательно, — бросил на ходу Бейнс. — Поторапливайтесь. Я хочу как можно быстрее доставить нашего клиента в Центр.

Приостановившись, он еще раз пристально оглядел юношу, невозмутимо стоящего между полицейскими. Казалось, рядом с ним два крепких молодых парня сморщились, стали неуклюжими и уродливыми. Превратились в карликов...

Что там говорила девчонка? «Сошедший на землю бог». Бейнс сплюнул.

— Не спускайте с него глаз. Возможно, он опасен. Мы впервые сталкиваемся с подобным видом. Неизвестно, что он выкинет.

* * *

Несчитая неподвижной человеческой фигуры, камера была совершенно пуста. Четыре голые стены, пол, потолок. В верхней части по одной из стен прорезана узкая щель, служащая смотровым окном. Сквозь нее просматривался каждый уголок залитой ярким белым светом камеры.

Человек сидел на полу, слегка наклонившись вперед и переплетя руки. Лицо его было бесстрастно, взгляд прикован к полу. Он сидел так четыре часа с тех пор, как захлопнулись массивные двери камеры, щелкнули замки, и расторопные техники заняли свои места перед смотровым окном.

— Итак, что вы успели выяснить? — спросил Бейнс.

Уиздом кисло хмыкнул.

— Немногое. Если не раскусим этого красавца в ближайшие сорок восемь часов, придется его ликвидировать. Излишний риск не оправдан.

— Никак не придешь в себя после операции в Тунисе? — скривил губы Бейнс.

Этот случай сотрудники ЦУБ забудут не скоро. Три года назад в руинах заброшенного города на севере Африки обнаружили очередной вид див. Как выяснили впоследствии, их колония насчитывала всего лишь десять особей. Их метод выживания был чрезвычайно прост: они убивали и поедали другие жизненные формы, затем, приняв облик съеденных существ, занимали их жизненное пространство. Называли они себя хамелеонами. Их ликвидация обошлась недешево — только Управление потеряло в той злополучной операции шестьдесят два эксперта высшей квалификации.

— Каковы предварительные заключения?

— Наш подопечный — крепкий орешек. Единственный в своем роде. — Уиздом кивнул на груды магнитофонных кассет. — Вот полный отчет, все, что нам удалось выжать из семейства Джонсонов. В психологическом отделе им промыли мозги, и мы отправили их домой. В голове не укладывается — восемнадцать лет, и ни единой попытки вступить в контакт

даже с ближайшими родственниками. Ну, что еще? Физически он полностью сформировался. Зрелость наступила приблизительно к тринадцати годам, жизненный цикл явно короче нашего. Но я никак не могу понять, зачем ему такая пышная шевелюра? И еще этот дурацкий золотистый пушок, покрывающий все тело?

— А что у него с ритмами мозга?

— Мы, разумеется, просканировали его мозг, но результаты анализа еще не обработаны. Крутимся тут, понимаешь ли, как заведенные, а он сидит себе и в ус не дует! — Уиздом ткнул пальцем в сторону окна. — Если судить по той легкости, с какой удалось его взять, он вроде бы не должен блистать особыми талантами. Но все же хотелось бы узнать о нем побольше, прежде чем мы его уничтожим.

— А может, все же сохраним ему жизнь до выяснения всех его дарований?

— Уложимся мы или нет, он будет ликвидирован через сорок восемь часов, — угрюмо повторил Уиздом. — Лично мне он действует на нервы. От одного его вида меня в дрожь бросает.

Уиздом — рыжеволосый, широкий в кости, с крупными чертами лица, массивной грудной клеткой и холодными пронизательным взглядом — нервно жевал кончик сигары. Последние семь лет Эд Уиздом исполнял обязанности директора североамериканского отделения ЦУБ. Сейчас ему явно было не по себе. Крошечные, стального цвета глазки беспокойно бегали, обычно басстрастное лицо слегка подергивалось.

— Ты думаешь — это оно? — медленно произнес Бейнс.

— Я всегда так думаю, — отрезал Уиздом. — Всякий раз я обязан предполагать самое худшее.

— Я имею в виду, что...

— Мне прекрасно известно, что ты имеешь в виду. — Уиздом непрерывно вышагивал среди заваленных оборудованием лабораторных столов, мечущихся техников и стрекочущих компьютеров. — Это существо умудрилось прожить в своей семье, а они так и не поняли его. Они знают, что он может делать, но даже не представляют — как.

— Так что, в конце концов, он может?

— Он заранее предугадывает события.

— Как это?

Уиздом выхватил из-за пояса и швырнул на стол энергетический хлыст.

— Сейчас увидишь. — Уиздом подал знак одному из техников, и закрывающий смотровое окно прозрачный щит скользнул на несколько дюймов в сторону. — Застрели его!

Бейнс недоумевающе мигнул:

— Но ты же сам сказал — через сорок восемь часов.

Уиздом выругался, схватил трубку и, почти не целясь, выстрелил в спину неподвижно сидящему человеку.

В центре камеры ослепительно вспыхнул и разлетелся облаком серого пепла розовый шар.

— О, господи! — выдохнул Бейнс. — Ты...

Он не договорил. Золотой фигуры не было на прежнем месте. В тот миг, когда Уиздом нажал на спуск, человек с невероятным проворством вскочил на ноги и отпрыгнул в угол камеры. Сейчас он возвращался, сохраняя на лице обычное равнодушное выражение.

— Это уже пятая попытка, — признался Уиздом. — В последний раз я и Джеймисон выстрелили одновременно. Оба промазали. Похоже, он точно знает, куда будет сделан выстрел. И куда он придется.

Бейнс и Уиздом переглянулись. У обоих возникла одна и та же мысль.

— Но даже чтение мыслей не могло подсказать ему, куда ты выстрелишь, — размышлял вслух Бейнс. — Когда — возможно. Но не куда. Сам-то ты смог бы заранее определить, куда попадешь?

— Разумеется, нет. Стрелял я почти наугад. — Уиздом наморщил лоб. — Постой, постой. Вот именно — наугад. Надо провести такой эксперимент. — Он поманил ближайшего техника. — Срочно пригласите сюда команду конструкторов. — Он схватил карандаш и принялся что-то набрасывать на подвернувшемся под руку листе бумаги.

Пока изготовляли стенд для предстоящего эксперимента, Бейнс позвонил невесте и договорился о встрече.

На скоростном лифте Бейнс спустился на первый этаж центрального корпуса североамериканского отделения ЦУБ. В главном вестибюле, как всегда, кипела жизнь: беспорядочно сновали курьеры, из столовой по своим многочисленным лабораториям расходились оживленные техники, отделение вооруженных охранников под командованием бравого сержанта, чеканя шаг, следовало на развод, рядом с катящимся к грузовому лифту робопогрузчиком семенял оператор.

Но даже в этой толчее Бейнс сразу отыскал глазами невесту — высокую голубоглазую блондинку. В свои неполные тридцать Анита Феррисон выглядела весьма привлекательно. Чувствовалось, что своей внешности она уделяет немало времени. На ней были строгое платье и накидка из отливающей металлом ткани с черными и красными полосами на плече —

эмблемой сотрудника класса «А». Анита вот уже год возглавляла отдел семантики.

Подойдя к невесте, Бейнс небрежно коснулся ее щеки губами.

— Как продвигается работа? — поинтересовалась она. — Надеюсь, на этот раз что-нибудь интересное?

— В общем, да.

Бейнс взял невесту под руку и провел через вестибюль в глубину слабо освещенного бара. Мягко звучала одобренная компьютерным Цензором мелодия. В полумраке от стола к столу скользили безмолвные робоофицианты.

Пока Анита потягивала заказанный ею «Том Коллинз», Бейнс вкратце поведал о последней операции.

— А может, он создает вокруг себя поле, отклоняющее энергетические лучи? — медленно спросила Анита. — Ведь был же такой вид, способный изгибать пространство усилием воли.

— Психокинез? — Бейнс беспокойно забарабанил костяшками пальцев по столу. — Сомнительно. Этот может предугадать, а не управлять. Он не в состоянии остановить или искривить луч, но может заранее отойти в сторону.

— А спорим на двадцать долларов, что он не предскажет, когда же ты, наконец, на мне женишься!

Бейнс сейчас не был расположен к шуткам.

— Случай серьезный. Вот уже более полувека, как мы успешно боремся с этими тварями. Срок вроде немалый. За это время сотрудники ЦУБ обнаружили и обезвредили восемьдесят семь видов див — настоящих мутантов, способных размножаться и представляющих угрозу для человечества. Я уже не говорю о десятках тысяч всевозможных «пустышек» — тварях без рук, без ног, с лишними конечностями, с лапами вместо ступней и перепонками между пальцами рук, с тремя глазами или вовсе без глаз... И вот теперь, похоже, мы столкнулись с представителем нового, восемьдесят восьмого, вида. Пока все шло благополучно, но этот...

— Что ж в нем такого особенного?

— Во-первых, восемнадцати лет от роду. Само по себе неслыханно, чтобы родственникам удавалось прятать дива так долго.

— Но в денверской колонии встречались женщины и постарше. Ну, помнишь, те, с...

— Они содержались в правительственном лагере. Кому-то из высших чинов, видишь ли, взбрела в голову идея разводить их для дальнейшего использования в промышленности, вот нам и пришлось в течение ряда лет воздерживаться от их

уничтожения. Но Крис Джонсон — совсем другое дело. Те твари в Денвере постоянно находились под нашим неусыпным наблюдением, тогда как он жил и развивался совершенно самостоятельно.

— Мне кажется, не стоит рассматривать каждый новый вид див, как скрытую угрозу для человечества. Возможно, он безвреден или даже полезен. Думал же кто-то, что можно использовать тех женщин в общественно-полезном труде. Может быть, и у него есть что-то, что будет способствовать развитию нашей цивилизации?

— О чем ты говоришь? Какой цивилизации? Он же не человек. Помнишь старый анекдот: операция прошла успешно, но пациент, к сожалению, скончался? Если мы попытаемся использовать мутантов себе во благо, то им, а не нам будет принадлежать Земля. И не обольщайся, мы не сможем посадить их на цепь и заставить служить себе. Если они действительно превосходят хомо сапиенс, то в скором времени вытеснят нас.

— Иными словами, мы легко распознаем хомо супериор. Это будет вид, который мы не сможем устранить.

— Вот именно.

— И, столкнувшись с очередным мутантом, ты всякий раз опасешься, что перед тобой хомо супериор. Но это глупо. Откуда тебе известно, что он не хомо спецификус? Всего лишь хомо с некоторыми отклонениями, полезными для нас. Чтобы выяснить это, приходится истреблять новый вид. А вдруг он обернется для человека невозполнимой потерей.

— Неандертальцы наверняка так же думали о кроманьонцах. Подумаешь, умеют мыслить символами и придавать более законченную форму кускам кремня. — Разговор явно задел Бейнса за живое. — Эта же тварь отличается от нас гораздо значительнее, чем неандертальцы от кроманьонцев. Он может предугадывать будущее. Надо полагать, это и помогало ему так долго скрываться. Он управляется с любой ситуацией гораздо лучше, чем мы. Поставь себя на его место: ты в совершенно пустой камере, и по тебе ведется прицельная стрельба. Смогла бы ты остаться в живых? В определенном смысле он достиг максимальной приспособляемости к окружающей среде. Если он и впредь не ошибется, то...

Его перебил укрепленный на стене громкоговоритель:

— Мистер Бейнс, немедленно пройдите в лабораторию номер три.

Бейнс резко отодвинул стул и встал.

— Если хочешь, пойдем со мной. Полюбуйся нашим новым приобретением.

Посмотреть на необычный эксперимент собралось более десятка служащих ЦУБ высшего ранга. Солідные седовласые мужи окружили и внимательно слушали тощего юношу в белой сорочке с закатанными рукавами. Юноша объяснял принцип действия сложного сооружения из металла и пластика, установленного посередине обзорной платформы. Устройство представляло собой опутанный разноцветными проводами куб с многочисленными прорезами и выступами.

— Для него это будет первым настоящим испытанием, — отрывисто вещал юноша. — Стенд позволяет вести стрельбу совершенно случайным образом. По крайней мере, настолько случайным, насколько это возможно при современном уровне развития науки и техники. Использование новейших технологий позволило...

— Так как же все-таки действует эта штука? — перебил оратора Бейнс.

— Как видите, наша установка снабжена десятью орудиями, — юноша вытащил из нагрудного кармана карандаш и указал им на торчащие из куба металлические трубки. — Ствол каждого орудия может перемещаться в двух перпендикулярных плоскостях и приводится в движение автономной гидросистемой. Помимо гидронасосов и гидромоторов, в корпусе установки находится генератор случайных чисел. Он выполнен на отдельной печатной плате и соединен с устройством ввода компьютера. — Не переставая тараторить, молодой человек тыкал заменившим ему указку карандашом в различные части конструкции, при этом его физиономия прямо-таки сияла от гордости за свое детище. — Руководствуясь только случайными величинами, компьютер управляет наведением орудий и отдает команды на открытие и прекращение стрельбы, опять же отдельно для каждого орудия.

— А никому не известно, когда и в каком направлении будут палить ваши пушки? — спросила Анита.

— Абсолютно никому, — юноша расплылся в самодовольной улыбке.

— Что нам, собственно, и требовалось, — удовлетворенно потер руки Уиздом. — Чтение мыслей ему не поможет, во всяком случае, на этот раз.

Пока техники монтировали установку, Анита прильнула к смотровой щели.

— Это он?

— Что-то не так? — в притворном удивлении поднял брови Бейнс.

У Аниты пылали щеки.

— Я полагала, что он... так же безобразен, как и все остальные. О, господи, да он прекрасен! Будто золотая статуя! Божество!

Бейнс рассмеялся.

— Опомнись, Анита, ему только восемнадцать. Он слишком молод для тебя.

Женщина у окна пропустила насмешку мимо ушей.

— Ты только взгляни на него. Восемнадцать? Ни за что бы не поверила.

Посреди камеры, на полу, в позе созерцания сидел Крис Джонсон: голова слегка наклонена, руки сложены на груди, ноги поджаты под себя. В мертвенном искусственном свете его мощное тело переливалось всеми оттенками золота.

— Разве не занятный экземплярчик? — пробормотал Уиздом. — Ну да ладно, пора начинать.

— Вы собираетесь его убить?

— Во всяком случае, попытаемся.

— Но он же... — закончить фразу она осмелилась не сразу. — Он же не монстр. Он не похож на прочих безобразных тварей с двумя головами или фасетчатыми глазами насекомых. Или на тех мерзких созданий из Туниса.

— Ну и что с того? Что прикажешь с ним делать?

— Не знаю. Но нельзя же так просто его убить. Это бесчеловечно!

Механизмы куба ожили. Стволы дернулись и беззвучно заняли исходные позиции. Три ствола втянулись в корпус установки, остальные полностью выдвинулись. Безо всякого предупреждения был открыт огонь.

Веером разлетелись энергетические лучи, превратив камеру в огненный ад. И в этом аду, среди яростных вихрей пламени, заметался золотой человек. Он легко, словно виртуозный танцор, двигался между кинжалами розового огня. Вскоре клубящиеся облака пепла скрыли его от глаз наблюдателей.

— Прекратите! — взмолилась Анита. — Ради Бога, остановитесь, вы убьете его!

Немного помедлив, Уиздом кивнул операторам. Их ловкие пальцы забегали по клавишам пульта управления, движение стволов замедлилось и прекратилось. В наступившей тишине, пронзительно щелкнув, заработало вытяжное устройство. Когда плотная завеса дыма рассосалась, перед прильнувшими к смотровому окну людьми предстал опаленный, покрытый сажей, но живой и невредимый Крис Джонсон.

— Нет, — заключил Уиздом, — телепатия здесь ни при чем.

Собравшиеся переглянулись.

— Что же тогда? — прошептала Анита. Ее била дрожь, лицо побледнело, голубые глаза округлились.

— Он может предугадывать, — предположил Уиздом.

— Не обольщайся, — пробормотал Бейнс. — Он не предугадывает.

— Конечно, он не предугадывает, а все знает наперед, — неохотно кивнул Уиздом. — Он предвидел каждый удар. Интересно, способен ли он вообще ошибаться?

— Но мы же схватили его, — напомнил Бейнс.

— Ты говорил, он сдался добровольно. Вышел после того, как район был полностью оцеплен.

Бейнс вздрогнул.

— Да, после.

— Вот ты и ответил. Он не мог вырваться, потому и вернулся. — Уиздом криво усмехнулся. — Должно быть, оцепление, в самом деле, было безупречным. И он, конечно, знал об этом.

— Если бы имелась хоть малейшая брешь, — буркнул Бейнс, — он бы знал... и проскочил.

Уиздом отдал приказ группе вооруженных охранников:

— Отправьте его в камеру быстрой смерти!

— Вы не посмеете!.. — вскрикнула Анита.

— Он слишком опередил нас в развитии. Нам за ним не угнаться. — Глаза Уиздома горели. — Мы можем лишь предполагать, что нас ждет в будущем. Он знает. Но сомневаюсь, что это знание принесет ему ощутимую пользу в газовой камере. — Он нетерпеливо мхнул охранникам. — Разложите его на составные части. Да пошевеливайтесь!

— Вопрос лишь в том, сумеем ли мы разделаться с ним, — задумчиво произнес Бейнс.

Охранники заняли исходную позицию перед дверью камеры. Двигались они четко и слаженно, как единый, хорошо отрегулированный механизм. У каждого за плечами были годы интенсивных тренировок и работы в ЦУБ. С контрольного поста поступила команда отпереть замки. Дверь распахнулась. Держа наготове энергетические хлысты, два охранники осторожно вошли внутрь.

Крис неподвижно стоял спиной к открывшемуся проходу. Передние охранники разошлись в стороны, пропуская остальных. Затем...

Анита вскрикнула. Уиздом выругался. Золотой человек стремительно развернулся, пронесся сквозь тройной ряд солдат и выскочил в коридор.

— Пристрелите его! — закричал Бейнс.

Оторопевшие охранники мгновенно пришли в себя. Коридор озарили вспышки выстрелов, но человек бежал, искусно лавируя между ними.

— Бесполезно, — спокойно сказал Уиздом, — в него не-

возможно попасть. — Он принялся вводить какие-то команды в главный компьютер Управления. — Будем надеяться, это поможет.

— Что... — начал Бейнс, но не договорил.

В эту секунду беглец ринулся прямо на него. Бейнс отпрянул в сторону. На мгновение бесстрастное золотое лицо оказалось прямо перед ним, затем человек пронесся мимо и скрылся за поворотом коридора. Беспорядочно стреляя, за ним устремились охранники. В недрах здания загрохотали крупнокалиберные винтовки, зашелками дверные замки.

— О, господи, — выдохнул Бейнс. — А кроме как бегать, он еще что-нибудь умеет?

— Я распорядился перекрыть все выходы, — сообщил Уиздом. — Он где-то в здании, но наружу ему не выбраться.

— Если осталась хоть одна лазейка, он уже знает о ней, — предупредила Анита.

— Все учтено. Один раз мы его взяли, возьмем и сейчас.

Появился робопосыльный и, учтиво поклонившись, вручил Уиздому пакет.

— Заключение аналитического отдела, сэр.

Уиздом торопливо вскрыл пакет.

— Сейчас мы узнаем, как он мыслит. — Продолжая говорить, он развернул ленту и пробежал текст глазами. — Не исключено, что у него есть своя ахиллесова пята. Он всегда лишь предвидит будущее, но не способен его менять. Если впереди только смерть, ему не спая...

Уиздом умолк на полуслове. Немного поколебавшись, протянул ленту Бейнсу.

— Спустишь в бар, мне необходимо слегка взбодриться, — губы Уиздома дрожали. — остается лишь надеяться, что не эта чертова раса придет нам на смену.

— Ну, что там? — Анита нетерпеливо заглянула Бейнсу через плечо. — Как он мыслит?

— Никак, — ответил Бейнс, возвращая ленту шефу. — У него полностью отсутствуют фронтальные доли мозга. Он не человек и не мыслит символами. Он животное.

— Да, — подтвердил Уиздом. — Всего лишь животное с единственной хорошо развитой способностью. Не сверхчеловек, да и не человек вовсе.

По многочисленным коридорам и комнатам здания Центрального Управления Безопасности сновали охранники, звякало оружие, хлопали двери. Прибыло подкрепление из состава сил Гражданской Полиции. Одно за другим помещения Управления осматривались и опечатывались. Рано или поздно Крис Джонсон будет обнаружен и загнан в угол.

— Мы всегда боялись появления мутанта, превосходящего нас в интеллектуальном развитии, — задумчиво проговорил Бейнс. — Дива, который будет настолько умнее нас, насколько мы умнее орангутангов. Этакого телепата с большущим выпуклым черепом и более совершенной семантической системой. Урода, с нашей точки зрения, но все же человеческого существа.

Анита, наконец, завладела отчетом и, присев за ближайший стол, внимательно изучала его.

— Он действует, руководствуясь лишь рефлексами, — поразила ее. — Только рефлексы, и ничего более... Как у льва. Золотого льва. — Анита отодвинула ленту. — Сравнение явно пришлось ей по душе. — Львиный бог, — нараспев произнесла она.

— Зверь, — резко поправил Уиздом. — Светловолосый зверь.

— Он быстро бежит, и только, — сказал Бейнс. — Не пользуется орудиями или инструментами и не способен ничего создать. Ждет благоприятного стечения обстоятельств, а затем несется, как угорелый.

— Такое разве что в кошмарном сне привидится, — мясистое лицо Уиздома посерело, руки тряслись, он выглядел сильно постаревшим. — Быть вытесненными животными! Бессловесными тварями, способными лишь бегать и прятаться. — Он презрительно сплюнул. — А мы-то гадали, почему Джонсоны не могли с ним общаться. Да просто он разговаривает и мыслит не лучше собаки.

— Получается, что он неразумное существо, — сухо заключил Бейнс. — В таком случае, мы последние представители своего вида... вроде динозавров. Мы далеко зашли в развитии, быть может, даже слишком далеко. Теперь мы много знаем... много думаем... но уже не способны действовать.

— Обилие знаний парализует. — Анита вздохнула. — Но...

— Единственная способность этой твари оказалась куда эффективнее всех наших знаний. Мы помним прошедшие события, опираемся на них в каждодневной жизни. Используя многовековой опыт человечества, мы можем лишь гадать о том, что нас ждет.

— Да, Крис Джонсон не гадает, — подхватила мысль Бейнса Анита.

— Он заглядывает вперед. Видит, что произойдет в будущем. Не исключено, что он вовсе не воспринимает свои видения, как будущее.

— Конечно, — задумчиво проговорила Анита, — для него

существует только настоящее. Расширенный вариант настоящего, простирающегося во времени вперед, а не назад. Для нас определенно только прошлое. Для него — будущее. Он, скорее всего, не помнит прошлого.

— Можно предположить, что в ходе эволюции у таких, как он, расширится способность предвидения, — размышлял Бейнс вслух. — Вместо ближайших десяти минут — тридцать. Потом — час. Год. Постепенно они смогут воспринимать разом всю свою жизнь. Мир застынет для них. В нем не будет места ни изменениям, ни неопределенностям! Им нечего будет бояться. Все заранее предопределено!

— И когда придет смерть, они спокойно примут ее, — добавила Анита. — К чему бороться, если все уже произошло?

— Уже произошло, — эхом отозвался Бейнс. — О, господи! Это же просто, как колумбово яйцо. Чтобы выжить в неблагоприятной обстановке, вовсе не обязательно быть сверхчеловеком, достаточно оказаться лучше других приспособленным к окружающей среде. Если, допустим, произойдет новый Всемирный Потоп, выживут только рыбы. Если наступит очередной ледниковый период, — возможно, останутся одни полярные медведи. Теперь все стало на свои места. Когда открыли дверь, он уже точно знал, где стоит каждый охранник. Что и говорить, великолепная способность, но разум тут ни при чем. Просто-напросто он наделен дополнительным чувством восприятия окружающего мира.

— Но если все выходы перекрыты, он поймет, что ему не проскочить, — повторил Уиздом. — Сдался же он однажды — сдастся опять. — Он тряхнул головой. — Кто бы мог предположить, нас вытеснят животные! Без речи. Без орудий труда.

— Ему все это ни к чему. — Бейнс взглянул на часы. — Уже за полночь. Здание полностью заблокировано?

— Ему не уйти, — заверил Уиздом. — Правда, и нам придется торчать здесь всю ночь, или, по крайней мере, пока не изловят этого ублюдка.

— Я беспокоюсь о невесте, — Бейнс кивнул на Аниту. — Я ее сюда заманил, а ей к семи утра надо быть в отделе семантики.

Уиздом пожал плечами.

— Я ей не указ. Она вольна уйти в любую минуту.

— Я остаюсь, — решила Анита. — Хочу присутствовать при... при том, как его обезвредят. Посплю где-нибудь здесь. — Поколебавшись, она все же спросила: — Уиздом, а может, все-таки не стоит его убивать? Если он всего лишь животное, не могли бы мы содержать его...

— Что? Посадить его в клетку?! — возмутился Узиздом. — Выставить в зоосаде?! Не мели чепухи! В ближайшие часы он будет уничтожен!!

В темноте складского помещения, скорчившись, сидел огромный человек. Со всех сторон его окружали уложенные аккуратными рядами ящики и коробки. Тишина и безлюдье.

Но вдруг сюда врываются солдаты, заглядывают в каждый уголок. Он ясно и отчетливо видит подкрадывающихся к нему людей в грязно-зеленой форме, остекленевшие от жажды убийства глаза, несущие смерть отверстия в стволах винтовок...

Видение было одним из многих, но по времени было ближе остальных. Он мог легко избежать встречи с вооруженными людьми. Достаточно выскользнуть из кладовой до их появления.

Золотой человек неторопливо поднялся на ноги, прошел вдоль рядов ящиков и уверенно распахнул дверь. Коридор был пуст. Он покинул свое убежище, пересек тускло освещенный холл, вошел в лифт. Через пять минут один из пробегающих мимо охранников заглянет сюда, но не обнаружит здесь ничего подозрительного. Человек нажал кнопку и поднялся на следующий этаж.

Он вышел в коридор, отправив пустую кабину на прежнее место. Никого. Это его не удивило. Ничто не могло его удивить. Для него не существовало случайностей. Пространственное расположение людей и предметов в ближайшем будущем четко определено, точно так же, как и положение его собственного тела. Неизвестным оставалось лишь то, что уже произошло.

Человек подошел к небольшому продовольственному складу. Склад только что осмотрели, и прежде чем здесь вновь появятся охранники, пройдет не менее получаса. Он в этом не сомневался, он видел наперед. В его распоряжении было достаточно времени, чтобы ознакомиться с бесчисленными вариантами будущего.

Человек уселся на пол тесной комнаты. Перед ним длинной вереницей развернулись события, которые могут произойти в ближайшие полчаса. Все объекты — люди, роботы, предметы обстановки — были жестко зафиксированы. Пешки на огромной шахматной доске, по которой двигался только он — сторонний наблюдатель, видевший грядущее так же ясно, как пол у себя под ногами.

Он сосредоточился на одной из сцен. Перед ним был выход из здания, перегороженный цепью охранников. Пути наружу

нет. Из ниши рядом с дверью он видел звезды, ночные огни, проносящиеся по улице автомобили, случайных прохожих...

В следующей картине он увидел себя у другого выхода. Не прорваться. Следующая сцена — прохода нет. Еще одна. Все тот же результат. Количество золотых фигур, появляющихся перед его мысленным взором, непрерывно увеличивалось по мере того, как один за другим он исследовал новые участки пространства. И везде выход был перекрыт.

В одной из сцен он увидел себя лежащим на полу, обгоревшим и мертвым. Так закончилась попытка проскочить через заслон на улицу.

Но видение было расплывчатым и туманным. Мертвая золотая фигура у выхода имела к нему весьма отдаленное отношение. Конечно, это был он, но далеко ушедший в сторону. Он сам, с которым ему никогда не придется встретиться. Он тут же позабыл об увиденном и продолжил просмотр.

Окружающие его миллиарды вариантов будущего казались замысловатым лабиринтом, паутиной, которую он распутывал. Он будто бы заглядывал под приподнятую крышу кукольного домика, состоящего из бесчисленного множества комнат. В каждой комнате — своя мебель, свои неподвижные куклы. Его внимание привлек один из вариантов грядущего. В комнате у платформы — двое мужчин и женщина. Новая комната — те же мужчины и женщина, но расположенные иным образом. И снова они. И снова. Довольно часто рядом с ними появлялся он сам. Пьеса постоянно переигрывалась, актеры и декорации переставлялись с места на место.

Напоследок Крис пробежал мысленном взором примыкающие к складу помещения, затем распахнул дверь и спокойно вышел. Пройдет еще десяток минут, прежде чем на этом этаже появятся солдаты, установят тяжелое орудие, держащее под прицелом весь коридор, и осторожно двинутся от двери к двери, тщательно осматривая каждую комнату.

Крис точно знал, куда направляется и что будет делать.

Анита выскользнула из отливающего металлом платья, аккуратно расправила его на вешалке, расстегнула и скинула туфли. Она уже начала стягивать лифчик, когда открылась дверь.

У Аниты вырвался сдавленный крик: в комнату бесшумно проскользнул золотой человек, осторожно затворил за собой дверь и задвинул засов.

Анита схватила с туалетного столика энергетический хлыст.

— Что тебе надо?! — заорала она. — Не подходи, убью!

Человек невозмутимо смотрел на нее, сложив руки на

груди. Анита впервые видела Криса Джонсона так близко; как и в прошлый раз, она была заворожена его внешностью: бесстрастное лицо, величественная осанка, широкие плечи, пышные золотые волосы...

— Почему ты... — У нее перехватило дыхание, сердце гулко билось в груди. — Что тебе здесь надо?

Она легко могла его убить. Но... Крис Джонсон не боялся ее. Почему? Неужели он не понимает? Или полагает, что маленькая металлическая трубка не причинит ему вреда?

В голове мелькнула догадка.

— Ну, конечно! Ты знаешь наперед, что я не выстрелю. Иначе бы не пришел.

У нее пылали щеки. Еще бы, ведь он заранее знает каждое ее движение. Видит их так же ясно, как стены комнаты, спинку кровати, висящие в распахнутом шкафу платья, сумочку и косметический набор на ночном столике.

— Ладно. — Анита несколько расслабилась и положила хлыст на столик. — Я не стану тебя убивать. Но почему ты пришел именно ко мне? — Дрожащей рукой она нащарила в сумочке пачку сигарет, закурила. Она была растеряна и в то же время зачарована происходящим. — Собираешься остаться здесь? Тебе это не поможет. Сюда дважды заглядывали охранники, заглянут и еще.

Понял ли он? На золотом лице ничего не отразилось. Господи, какой он огромный! Неужели ему только восемнадцать? Мальчик, почти дитя. Куда больше он похож на сошедшего с небес античного бога.

Она с негодованием отбросила эту мысль. Он не бог. Он зверь, который займет место человека. Вытеснит людей с Земли.

Анита вновь схватила хлыст.

— Убирайся прочь! Ты — животное! Огромное безмозглое животное! Ты даже не понимаешь, что я говорю, ты не способен к общению. Ты не человек.

Крис Джонсон хранил молчание. Как будто ждал чего-то. Чего? Он не проявлял ни малейших признаков страха или нетерпения, хотя коридор наполнился топотом приближающихся людей, криками, скрежетом и лязгом металла.

— Тебя прикончат! Ты в ловушке. С минуты на минуту это крыло снова начнут обыскивать. — Взбешенная, Анита затушила сигарету. Ради Бога, скажи, на что ты рассчитываешь?! Надеешься, что я спрячу тебя?!!

Крис двинулся к ней. Она отпрыгнула. Ее тело сжали сильные руки. Она боролась — отчаянно, слепо, задыхаясь от нахлынувшего ужаса.

— Отпусти! — Она рывком высвободилась и отпрыгнула

назад. Он спокойно приближался — невозмутимый бог, собиравшийся овладеть ею. — Убирайся! — Не спуская с него глаз, она нащупала ручку энергетического хлыста, но гладкая трубка выскользнула из непослушных пальцев и покати-лась по полу.

Крис поднял оружие и протянул ей на раскрытой ладони.

— Господи! — вырвалось у Аниты. Она что было сил стиснула трубку, затем вновь швырнула на туалетный столик.

В полумраке комнаты казалось, будто огромная золотая фигура излучает свет. Кто он на самом деле? Бог... нет, не бог. Животное без души. Красивый золотой зверь... А может, и то, и другое?

Анита тряхнула головой. Было поздно, почти четыре ночи. Она смертельно устала и не представляла, как поступить.

Крис обнял ее и, нежно приподняв лицо, поцеловал. У Аниты перехватило дыхание. Тьма смешалась с золотой дымкой и завертелась вокруг — все быстрее, быстрее, унося ее чувства прочь. Усталость и тревога исчезли, уступив место ни с чем не сравнимому блаженству... Вскоре биение ее сердца заглушило все звуки.

Зевая, Анита села в постели и привычным движением поправила волосы. Крис копался в шкафу.

Неторопливо повернувшись, он кинул на постель охапку одежды и замер в ожидании.

— Что ты задумал?

Она машинально подняла накидку с металлическим отливом. От предчувствия близкой развязки по коже побежали мурашки.

— Надеешься выбраться? — произнесла она как можно мягче. — Хочешь, чтобы я провела тебя мимо охранников и полицейских?

Крис не ответил.

— Тебя пристрелят на месте. — Она встала на негнущиеся ноги. — Мимо них невозможно пробежать. Господи, неужели ты умеешь только бегать? Наверняка можно придумать способ получше. Возможно, мне удастся уговорить Уиздома. У меня степень «А», директорская степень. Я могла бы обратиться непосредственно к совету директоров, удержать их от бессмысленного убийства. Один шанс из миллиона, что нам удастся проскочить через...

— Совсем забыла, ты же не играешь в азартные игры, тебе ни к чему взвешивать шансы. Ты заранее знаешь, что произойдет. — Она пристально вгляделась в его лицо. — Но не можешь же ты знать ВСЕ наперед. Это невозможно.

На некоторое время она застыла, полностью погрузив-

шись в свои мысли. Затем нетерпеливым движением схватила накидку и набросила на обнаженные плечи. Щелкнув застежкой, надела туфли, подхватила сумочку и заспешила к двери.

— Пошли! — Ее дыхание участилось, щеки залил румянец. — Давай же, быстрее! Моя машина стоит у самого здания. У меня зимняя вилла в Аргентине. На худой конец, доберемся туда самолетом. Дом находится в деревне, среди болот и джунглей. И никакой связи со всем остальным миром.

Крис остановил ее, мягко вклинившись между ней и дверью. Довольно долго он выжидал, напрягшись всем телом. Затем повернул ручку и смело вышел в коридор.

Вокруг — ни души. Анита заметила спину удаляющегося охранника. Высунься они секундой раньше...

Крис размашисто зашагал по коридору. Анита почти бежала, чтобы поспеть за ним. Казалось, Крис совершенно точно знает, куда идти. Повернув направо, пересек холл и вошел в старый грузовой лифт.

Кабина остановилась на нижнем этаже. Немного выждав, Крис распахнул дверь и вышел. Все больше нервничая, Анита последовала за ним. До них явственно доносился лязг оружия.

Они повернули за угол и оказались у выхода. Прямо перед ними замер двойной ряд охранников. Двадцать человек образовали сплошную стену, а в центре — крупнокалиберная робопушка. Люди были наготове, лица напряжены, оружие крепко стиснуто в руках. Руководил заслоном офицер Гражданской Полиции.

— Нам не пройти, — прошептала Анита. — Мы не сделаем и десяти шагов. — Она отпрянула. — Они...

Крис подхватил ее под руку и спокойно двинулся дальше! Ею овладел слепой ужас. Она попыталась вырваться, но стальная хватка не ослабевала. Величественная золотая фигура неудержимо волокла ее к двойной цепи охранников.

— Это он!

Люди подняли винтовки, готовые в любое мгновение открыть огонь. Ствол робопушки пришел в движение.

— Взять его!

Аниту словно парализовало. Она обмякла и упала бы, не поддержи ее спутник. Охранники приблизились, нацелив на них винтовки. На мгновение переборов в себе ужас, Анита вновь попыталась высвободиться.

— Не стреляйте! — крикнула она.

Стволы винтовок дрогнули.

— Кто она такая? — Стремясь получше разглядеть Криса, солдаты обошли их. — Кого он с собой приволок?

Ближайший из охранников разглядел на плече Аниты нашивки. Красная и черная. Степень директора. Высший ранг.

— У нее степень «А»! — Охранники в замешательстве отступили. — Мисс, отойдите, пожалуйста, в сторону!

Неожиданно Анита услышала свой голос:

— Не стреляйте. Он... под моей защитой. Вам, надеюсь, понятно? Я сопровождаю его.

Стена охранников замерла.

— Никто не имеет права покидать здание Управления. Директор Уиздом приказал...

— На меня не распространяются приказы Уиздома, — Аните удалось придать голосу властность. — Прочь с дороги! Я веду его в отдел семантики.

Слегка помявшись, солдаты расступились.

Отпустив Аниту, Крис ринулся сквозь брешь в строе охранников и выскочил на улицу. За его спиной полыхнули выстрелы. Солдаты с криками устремились за ним в предрасветный сумрак. Взвыли сирены. Ожили патрульные автомобили.

Всеми забытая, Анита прислонилась к стене.

Он сбежал, оставил ее. О господи, что она натворила! Анита опустила голову и спрятала лицо в ладонях. Золотой гигант загипнотизировал ее, лишил воли, да что там воли — элементарного здравого смысла. Где был ее разум? Это животное, огромный золотой зверь обманул ее. Воспользовался ею, а теперь бросил, удрал в ночь.

Сквозь сжатые пальцы просачивались слезы отчаяния. Тщетно она пыталась успокоиться, слезы душили ее.

— Он ускользнул, — подвел неутешительный итог Бейнс. — Теперь нам до него нипочем не добраться. Можно считать, что он на другой планете.

В углу лицом к стене съежилась Анита. Уиздом нервно вышагивал по комнате.

— Куда бы он ни направился, ему не уйти! Его никто не спрячет, ведь каждому известен закон о дивах.

— Ты сам-то этому веришь? Опомнись, Эд, пора взглянуть правде в глаза. Нам его не достать. Большую часть этой жизни он провел в лесах — там его дом. Он, как и прежде, будет охотиться, спать под деревьями. Наконец-то мы выяснили, на что он способен. — Бейнс хрипло рассмеялся. — Можешь не сомневаться, первая же встреченная им женщина с радостью спрячет его... как это уже произошло. — Он кивнул в сторону Аниты.

— Да, теперь ясно, зачем ему золотая кожа, роскошная грива, богоподобный облик и прочее. Не только в качестве украшения. — Руки Уиздома дрожали. — Мы все силились разобраться в его способности... а у него их, оказывается,

целых две. Одна совершенно новая. Другая — старая, как сама жизнь. — На секунду он умолк и взглянул на скорчившуюся в углу фигуру. — Эта способность есть у многих животных. Достаточно вспомнить яркое оперение и гребешки у петухов. Или разноцветную чешую у рыб. Пестрые шкуры и пышные гривы у зверей.

— Ему не о чем беспокоиться, — Бейнс вздохнул. — Пока существуют женщины, он не пропадет. А благодаря умению заглядывать в будущее, он знает, что неотразим для слабого пола.

— Мы возьмем его, — пробурчал Уиздом. — Я заставлю правительство ввести чрезвычайное положение по всей стране. Его будут разыскивать Гражданская Полиция, регулярная армия и все специалисты планеты, вооруженные самой лучшей техникой. Рано или поздно мы его накроем.

— Боюсь, что к тому времени его поимка потеряет всякий смысл. — Бейнс потрепал Аниту по плечу. — Не грусти, дорогая, ты не останешься в одиночестве. Ты всего лишь первая жертва в длинной веренице его поклонниц.

— Благодарю, — вспыхнула Анита.

— Подумать только, самый древний метод выживания — и в то же время самый новый. Черт возьми, разве его остановишь?! Ну допустим, тебе мы еще можем сделать аборт, но как быть со всеми остальными женщинами, которых он повстречает? Если мы упустим хотя бы одну, нам конец!

— Все же стоит попытаться. Отловим, сколько сможем. — На усталом лице Уиздома промелькнула тень надежды. — Возможно, его гены не будут доминировать.

— Я бы гроша ломаного на это не поставил, — криво усмехнулся Бейнс. — Конечно, я всего лишь человек и могу только предполагать, какая раса победит, но, боюсь, не мы.

ГОРОДИШКО

Едва переставляя ноги, Верн Хаскель взобрался на крыльцо собственного дома. По ступенькам за ним волочился плащ. Верн смертельно устал. Устал и телом, и душой. Ноги ныли. Хлопнув дверью, он бросил на пол портфель, повесил плащ и шляпу. На шум в прихожую выскочила Мэдж.

— Почему ты сегодня так рано, дорогой? — всплеснула она руками.

Не обращая на жену внимания, Хаскель принялся развязывать шнурки поношенных ботинок. Он был еще не стар, но выглядел грузным, неповоротливым. На землистом лице застыло недовольное выражение.

— Ну, скажи хоть что-нибудь!

— Ужин готов?

— Пока нет. Что на этот раз приключилось? Опять сцепился с Ларсоном?

Хаскель тяжело протопал в кухню и наполнил стакан теплой минеральной водой.

— Давай уедем отсюда, — неожиданно предложил он.

— Уедем?

— Уберемся из Вудленда. Представляешь, как бы славно мы зажили, хотя бы во Фриско. Сказать по правде, я готов отправиться хоть на край света, только бы выбраться из этой вонючей дыры. — Верн облокотился о начищенную до блеска медную раковину и с жадностью осушил стакан. — Что-то погано себя чувствую. Видно, снова пора повидать дока Барнеса... М-да, все бы, кажется, отдал, лишь бы сегодня была пятница, а завтра — суббота.

— Что тебе приготовить на ужин, дорогой?

— Не знаю. — Хаскель помотал головой. — Готовь, что хочешь. — Шаркая, он проковылял к кухонному столу и плюхнулся на табурет. — Я хочу лишь отдохнуть... На худой конец, можешь открыть банку тушенки. Или свинину с бобами.

— А может, поужинаем в ресторанчике Дона? Говорят, по понедельникам там подают отменную вырезку.

— И весь вечер будем любоваться постными рожами соседей? Боже упаси, уж лучше остаться голодным!

— И, разумеется, ты слишком устал, чтобы подвезти меня хотя бы к Хелен Грант?

— Машина в гараже. Опять сломалась.

— Дорогой, будь ты чуточку поаккуратнее, то...

— Может, прикажешь запаять автомобиль в целлофан? И вообще, какого черта вам всем от меня надо?!

— Не смей орать на меня, Верн Хаскель! — Мэдж даже

побагровела от возмущения. — Иначе сам будешь готовить себе ужин!

Хаскель вскочил и засеменил к двери.

— Вот уж дудки! — бросил он на ходу.

— Куда ты собрался?

— В подвал.

— О, господи! — воскликнула Мэдж. — Опять к своим поездкам! Не понимаю, как взрослый мужчина...

Хаскель не счел нужным выслушать тираду до конца. Он проследовал по ступенькам в темный подвал, привычно нащупал выключатель, зажег свет.

В подвале было сыро и зябко. Хаскель снял с крючка и нахлобучил на голову фуражку машиниста. Едва прохладная ткань коснулась плечи на макушке, усталость как рукой сняло. Осторожно переступая через рельсы, он направился к огромному фанерному столу. Рельсы здесь были повсюду: на полу, под угольным бункером, среди путаницы труб парового отопления. Рельсы сходились на столе, куда взбирались по ажурным металлическим мостикам. На столе в беспорядке валялись трансформаторы, переключатели, реле, мотки проводов и прочее электрооборудование.

Но большую часть стола занимал город — точная копия Вудленда. Здесь нашлось место всем деревьям, магазинам, домам, улицам и даже пожарным гидрантам. На изготовление города ушли годы и годы кропотливого труда. Верн, сколько себя помнил, постоянно строгал, пилил, клеил. Еще ребенком он стремглав мчался из школы домой и работал, работал, работал...

Хаскель включил главный рубильник, и железнодорожные пути озарились сотнями сигнальных огней. Нажал кнопку на пульте управления, и мощный паровоз, стоящий во главе груженных автомобилями платформ, дал гудок к отправлению. Щелчок переключателя — и состав, плавно набирая ход, покатился по наклонному мостику, скрылся в туннеле и вынырнул из-под верстака.

При виде движущегося состава у Хаскеля перехватило дыхание. И поезд, и город принадлежали только ЕМУ. Хаскель склонился над миниатюрным зданием. Его буквально распирало от гордости. Весь город — дюйм за дюймом, деталь за деталью — создан его руками. Он осторожно коснулся водосточной трубы на бакалейной лавке Фреда. Не упущена ни одна мелочь, все на своих местах: окна, витрины, вывески, прилавки.

Его пальцы любовно скользнули по плоской крыше отеля

«Центральный». Через широкие окна видны были диваны и кресла в холле.

Взгляд Хаскеля пробежал вдоль улицы, Вот аптека Грина. А вот переплетная мастерская Баньяна. Напротив — склады. За ними — магазин автомобильных запчастей Фрейзера. Дальше — ресторан «Мехико». Еще дальше — ателье по пошиву верхней одежды Шастейна, а в подвальчике — винная лавка Боба. А это неказистое здание — бильярдная «Мастер кия»...

Поезд замедлил свой бег. Колеса надавили на невидимый переключатель, и перед паровозом послушно опустился разводной мост.

Хаскель тронул рычажок на пульте. Паровоз, пронзительно свистя, прибавил ходу, преодолел крутой поворот, миновал стрелку. Рука Хаскеля резко толкнула рычажок. Поезд дернулся и пулей устремился вперед. Вскоре он скрылся за трубой парового отопления, затем вновь появился и, угрожающе кренясь, обогнул угольный бункер.

Хаскель притормозил состав. Тяжело дыша, сел у верстака, трясущейся рукой достал сигарету.

Поезд и модель города совершенно преобразили его, не оставив от прежней угрюмости даже следа, — теперь глаза Хаскеля сияли, на губах играла улыбка. Вряд ли он смог бы выразить свои чувства словами. Конечно, ему всегда нравились модели паровозов и зданий. Помнится, первая железная дорога — простенький заводной паровоз да несколько отрезков рельсов — появились у него лет в шесть-семь. А в девять он получил в подарок от отца ярко раскрашенную коробку. В коробке оказались: электрический поезд, пульт управления и даже две стрелки.

С годами железная дорога разрасталась; становилось больше стрелок, паровозов, автомобилей, шлагбаумов; трансформаторы заменялись на все более мощные.

Учась в выпускном классе, Хаскель начал создавать город. Сначала сконструировал Южный железнодорожный вокзал, затем добавил привокзальную площадь и прилегающую к ней стоянку такси. Позже построил кафе, где таксисты подкреплялись в перерывах между рейсами. Еще позже — улицу Изабия.

И так далее. Шли годы, город рос. Один за другим на столе появлялись жилые дома, учреждения, магазины. Так постепенно из-под умелых рук Хаскеля вышел весь Вудленд. И каждый день он прибегал из школы, а затем со службы домой, чтобы клеить и строгать, красить и паять.

Работа была завершена. Вернее, почти завершена. Ему стукнуло сорок три, и город, дело всей его жизни, почти готов.

Хаскель обошел вокруг стола, прикасаясь к отдельным зданиям. Если летящий стрелой поезд будоражил его, то вид знакомых с детства домов успокаивал, вселял уверенность в свои силы. Вот цветочный магазин. Театр. Здание телефонной компании. Ну, и конечно же, заводик Ларсона по производству сантехники.

Хаскель нахмурился.

Н-да. Здесь-то он и работал последние двадцать лет, над-рывался день за днем.

Спрашивается — ради чего? Чтобы видеть, как желторотые юнцы обходят его по службе? Ох, уж эти любимчики босса, подхалимы в ярких галстуках, брючках в обтяжку и с неизменными ухмылками на противных рожах!

Душу Хаскеля переполнили жалость к себе и ненависть к окружающему миру. Вудленд отнял у него лучшие годы жизни, счастлив здесь он так и не был. Город всегда был против него. Достаточно вспомнить мисс Мэрфи — классную наставницу. Или сокурсников по колледжу — всех этих выскочек и зазнаек. Или высокомерных клерков в конторах. Да и остальные слеплены из того же теста, все эти полицейские, почтальоны, водители автобусов, мальчишки-рассыльные. Соседи, наконец. Что там соседи, если собственная жена — и та против него!

Ничто не связывало Хаскеля с Вудлендом, этим процветающим пригородом Сан-Франциско, расположенным в южной части полуострова вне пояса туманов. Гнездышко преуспевающего среднего класса, чтоб ему пусто было! Верну всегда казалось, что в городе слишком много роскошных домов и лужаек для гольфа, сияющих хромом лиузинов и плетеных кресел. Слишком много показухи и чванства. И так было всегда и везде. В школе, на службе...

Джек Ларсон! Заводик сантехники! Двадцать лет каторжного труда!

Пальцы Хаскеля стиснули модель завода Ларсона. В порыве ярости он оторвал здание, швырнул на пол и растоптал. Дрожа всем телом, уставился на измятые кусочки картона, осколки стекла и металлические проволоочки у своих ног. Сердце отчаянно билось, в голове шумело.

Верн повернулся и, как сомнамбула, побрел к верстаку. Уселся на табурет. Достал из ящиков инструменты и материалы, включил электродрель и принялся за новую модель.

Привычная работа сразу захватила Хаскеля, терзавшие душу мысли оставили его. Он быстро покрасил и склеил заготовки, приладил крошечную вывеску, напылил из пульве-

ризатора зеленую лужайку перед фасадом, укрепил новую модель на столе.

Там, где всего несколько минут назад стоял заводошско Ларсона, теперь весело сияло непросохшей краской совсем другое здание. Вывеска гласила:

«МОРГ ГОРОДА ВУДЛЕНДА»

Хаскель удовлетворенно потер руки: наконец-то он из-бавил город от гнусного заведения Ларсона. А дело-то оказа-лось плевым. Странно, как он раньше до этого не доду-мался.

Отпив из высокого бокала глоток ледяного пива, Мэдж задумчиво произнесла:

— Знаешь, Пол, с Верном последнее время творится что-то неладное. Я и так уж смотрю на его чудачества сквозь пальцы, но день ото дня он становится все невыносимее.

Доктор Тилер рассеянно кивнул:

— Что и говорить, муженек у тебя — не сахар; замкну-тый, неуравновешенный, да еще с целым букетом комплек-сов. Удивляюсь, как ты его терпишь.

— Кто бы знал, до чего надоели мне его дурацкие игруш-ки. Представляешь, он соорудил в подвале целый город.

— Серьезно? Вот бы не подумал.

— Сколько с ним живу, он все время возится со своими моделями. Начал еще ребенком. В голове не укладывается: мужику пятый десяток, а он все в паровозики играет. Глаза бы мои не глядели.

— Гм. Интересно. — Тилер потер подбородок. — И он что же, все время строит новые модели? И ничего не переделыва-ет?

— Его игрушки заполонили весь подвал. Он возвраща-ется со службы и сразу несется вниз. Вчера даже ужинать не стал.

Пол Тилер приподнял левую бровь, отхлебнул пива и от-кинулся на спинку кресла. Было три часа. День выдался теп-лым и ясным. Через широкие окна в гостиную лился солнеч-ный свет. Вся обстановка располагала к пустой неспешной беседе. Внезапно Тилер поднялся.

— Сдается мне, твой муж серьезно болен. Знаешь, что, давай-ка полюбуемся его сокровищами, этими самыми моде-лями.

— Тебе в самом деле интересно, милый? — Мэдж припод-няла манжет зеленого шелкового халата и поглядела на ча-сики. — Муж явится не раньше семи, так что времени у нас предостаточно. — Она поставила стакан на подлокотник кресла и неторопливо встала. — Ну, что ж, пошли.

— Отлично.

Тилер взял Мэдж за руку, и они направились в подвал. Его охватило непривычное возбуждение. Мэдж включила свет, и, настороженно озираясь, они подошли к огромному фанерному столу.

— Ты только полюбуйся! — Мэдж сжала руку Тилера. — И на эту ерунду он угрожал лучшие годы жизни! Да что там годы — всю жизнь!

Тилер кивнул.

— Похоже, так оно и есть, — его голос слегка дрожал. — Я и представить себе не мог подобное. Какая достоверность, какая проработка деталей... Да он мастер!

— Да уж. У Верна золотые руки, но он мог бы найти им и лучшее применение. — Мэдж кивнула на полку с инструментами над верстаком. — Только и знает, что транжирит наши деньги!

Тилер неторопливо обошел вокруг стола, склоняясь над отдельными постройками и внимательно рассматривая их.

— Невероятно! Здесь же весь наш город! Каждый дом. Смотри! Вон там я живу.

Он показал пальцем на роскошное здание в нескольких кварталах от дома четы Хаскелов.

— О да, сделано неплохо, — отозвалась Мэдж. — Но ты только подумай: разве станет нормальный мужчина после работы играть в паровозики!?

— Мощь! — Тилер коснулся замершего у перрона паровоза. — Именно мощь паровозов так привлекает детей. Поезда — великая вещь. Их сила символизирует секс. Мальчик видит, как паровоз несется по рельсам, такой огромный и страшный. Потом ребенок получает в подарок игрушечный поезд, вроде этого, и вот уже сам управляет им. По его воле поезд трогается с места, останавливается, разгоняется, притормаживает. Поезд подчиняется ему.

Мэдж поежилась.

— Что-то забько. Давай вернемся в гостиную.

— Ребенок подрастает и все больше полагается на собственные силы. Ему уже ни к чему символы, он становится хозяином настоящих вещей, способен вести настоящий поезд. — Тилер покачал головой. — Нормальные мужчины не нуждаются в суррогатах... — Он нахмурился. — Откуда на улице Великолепия взялся морг?

— Морг?

— Ну да. И вот еще, гляди-ка: зоомагазин Стьюбена. Вон

там, рядом с радиомастерской. Сроду здесь не было зоомагазина. — Тилер наморщил лоб, пытаясь припомнить. — Что же здесь находится на самом деле?

— Салон «Парижские меха», — Мэдж поежилась и обхватила себя руками. — Бр-р. Пол, пошли отсюда, пока я не превратилась в ледышку.

Тилер рассмеялся.

— Будь по-твоему, неженка. — направляясь к лестнице, он вновь нахмурился. — Гм. Зоомагазин Стьюбена. Даже не слышал о таком. А ведь все остальное, как в жизни. Сразу видно, он прекрасно знает город. Но зачем поместил сюда несуществующий магазин?.. — Тилер выключил в подвале свет. — И еще этот морг. С чего бы это?

— Не бери в голову! — сказала Мэдж. — Ты и сам ничуть не лучше моего мужа. Все вы, мужчины, одинаковые — с виду взрослые, а на самом деле — сущие дети.

Погруженный в собственные мысли, Тилер промолчал. Весь его светский лоск исчез, он явно нервничал.

Мэдж опустила жалюзи. Комната погрузилась в янтарный полумрак. Усевшись на кушетку, Мэдж притянула Тилера к себе.

— Не хмурься, милый. — Она обняла Тилера за шею и прильнула губами к его уху. — Знай я, что подобная ерунда так на тебя подействует, ни за что бы не позвала тебя в гости.

— А зачем ты меня позвала?

Мэдж плотнее прижалась к Тилеру.

— Он еще спрашивает, дурашка.

Грузный рыжеволосый Джим Ларсон не верил собственным ушам.

— А чего ты, собственно, добиваешься?

— Да ничего, просто надоело на тебя ишачить! — Хаскель выдернул из своего письменного стола ящик и высыпал его содержимое в портфель. — Чек пришлешь по почте.

— Но...

— Прочь с дороги!

Хаскель вплотную приблизился к шефу. Изумленный яростным огнем в глазах подчиненного, Ларсон невольно отступил в сторону.

— Ты... ты здоров?

— Здоровее некуда, — бросил на ходу Хаскель и что было сил хлопнул дверью. — Конечно, здоров, — бормотал он под нос, продираясь сквозь толпу спешащих за покупками домохозяек. — Можешь не сомневаться: я в полном порядке, может быть, впервые в жизни.

— Смотри, куда прешь, ротозей, — беззлобно гаркнул за-
детый Хаскелем рабочий.

— Прошу прощения, — машинально ответил Верн и,
крепче стиснув ручку выдавшего виды портфеля, зашагал
дальше.

На вершине холма он остановился перевести дух. Перед
ним, как на ладони, лежал завод сантехники. Хаскель рас-
смеялся. Все позади. Ненавистный Ларсон навсегда вычерк-
нут из его жизни. Не будет больше тупой изнурительной
работы, тяготившей его последние двадцать лет. С рутинной
и скукой покончено раз и навсегда. Начинается новая жизнь.
И Верн заспешил домой, победно улыбаясь.

День клонился к вечеру. Мимо проносились автомобили,
возвращались с работы бизнесмены. Завтра, как всегда, слу-
жащие пойдут домой привычной дорогой, но Хаскеля в этой
толпе уже не будет. Ежедневный кошмар больше не повто-
рится!

Он добрался до своей улицы. Справа возвышался дом Эда
Тилдона — нелепая громадина из стекла и бетона. Собака
Тилдона выскочила из конуры и, гремя тяжелой цепью, об-
лаяла Хаскеля. Он, как обычно, прибавил шаг.

— Проклятая тварь! — Верн дико расхохотался. — Толь-
ко сунься еще раз! — крикнул он собаке.

Наконец, прыгая через две ступеньки, он избежал на
крыльцо своего дома. Рывком распахнул дверь. В гостиной
темно и тихо. Внезапно послышалась возня, и с кушетки
вскочили двое.

— Верн?! — едва слышно вымолвила Мэдж. — Почему ты
так рано?

Верн Хаскель забросил портфель в угол, швырнул плащ
и шляпу на стул. В груди у него кипело, лицо перекосилось
от гнева.

— Что с тобой, дорогой? — заспешила к нему Мэдж, рас-
правляя на ходу халатик. — Я не ждала тебя так... — Она
зарделась. — Я хочу сказать, что...

Пол Тилер приблизился к Хаскелю и с непринужденным
видом протянул руку.

— Привет, Верн. А я, понимаешь ли, заскочил на минут-
ку, вернул твоей жене книгу.

— Добрый день, — сухо кивнул ему Хаскель и направился
в подвал. — Если понадобится, найдешь меня внизу, —
крикнул он жене.

— В чем дело, Верн? — опешила Мэдж. — Что произош-
ло?

Хаскель задержался у распахнутой двери.

— Я уволился.

— Что?..

— Бросил службу. Ларсоном я сыт по горло!

Дверь в подвал громко хлопнула.

— Господи боже мой! — Мэдж вцепилась в рукав Тилера. — Да он рехнулся!

Верн неторопливо зажег свет, надел фуражку машиниста и придвинул табурет к фанерному столу.

С чего же начать?

На очереди — контора Моррисона, которому принадлежат все меблированные квартиры в городе. Хаскель с восторгом оторвал большущее строение, где клерки всегда смотрели на него сверху вниз.

Он возбужденно потер руки. Все, их больше нет. Впредь при его появлении ни один высокомерный клерк не поднимет в притворном недоумении брови.

Работал Верн лихорадочно, с не свойственным ему нетерпением. Наконец-то он не тратит время попусту. Через несколько минут на освободившемся месте выросли два крошечных домика.

Хаскель возбужденно хихикнул. Неплохо придумано: заменить роскошное процветающее учреждение двумя обшарпанными халупами — будкой чистильщика обуви и обветшалым кегельбаном. Получите, гады!

Его взгляд остановился на филиале Центрального Калифорнийского Банка. Банки он всегда ненавидел. А здесь, к тому же, ему отказали в займе. Банку не место на столе.

А вот и резиденция Эда Тилдона. Распустил свою проклятую псину! Однажды эта тварь цапнула Хаскеля за коленку. Верн с восторгом отодрал модель. Голова шла кругом — в его руках была судьба целого города!

Ну, что там дальше? Ага, «Бытовые электроприборы» Гаррисона. Там ему всучили испорченный радиоприемник. Раз, и нет больше «Бытовых электроприборов»!

Магазин «Сигары и трубки», принадлежащий Джо. Здесь в мае сорок девятого ему подсунули фальшивый четвертак. Нет больше табачного магазинчика Джо!

Фабрика по производству чернил. Запах чернил Верн не переносил с детства. Чем бы ее заменить? Хлебопекарня вполне подойдет — ведь булочки с хрустящей корочкой любят все. Взмах руки — и нет больше чернильной фабрики.

На улице Вязов по ночам слишком темно. Помнится, дважды он здесь спотыкался. Надо бы установить побольше фонарных столбов.

А на Веселой улице что-то маловато баров. Зато развелось

слишком много магазинов готового платья и меховых ателье. Он с упоением выдрал целую пригоршню моделей и перенес их на верстак.

Дверь осторожно приоткрылась. В щель заглянула бледная и перепуганная Мэдж.

— Верн?

Он неохотно оторвался от работы.

Мэдж нерешительно спустилась по ступенькам. За ней следовал доктор Тилер. Строгий серый костюм придавал ему солидности.

— Верн... ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Мэдж.

— Разумеется.

— А ты действительно... уволился?

Хаскель кивнул и, отвернувшись от незваных посетителей, принялся разбирать чернильную фабрику.

— Но почему?

— Не желаю тратить время на ерунду, — нетерпеливо проворчал Хаскель.

— Стало быть, ты слишком занят, чтобы работать? — озабоченно спросил Тилер.

— Совершенно верно.

— Слишком занят ЧЕМ? — Голос Тилера едва заметно дрожал. — Уж не постройкой ли собственного города?

— Отвяжись! — бросил Хаскель.

Покрасив маленькую хлебопекарню в белый цвет, он осторожно поставил ее на край стола и занялся парком. Парк должен быть большим и зеленым. Вудленду всегда не доставало парка. Он будет отлично смотреться на месте отеля на улице Великолепия.

Тилер взял Мэдж под руку и отвел в дальний угол.

— О, господи! — пробормотал он, прикуривая. — Видела? Понимаешь, что он делает?

Мэдж помотала головой.

— Нет, а что? Я не...

— Долго он лепил свой город? Всю жизнь?

Мэдж кивнула.

— Всю жизнь.

Лицо Тилера передернулось, потухший окурочек выпал из непослушных пальцев и откатился в сторону. Он этого не заметил и тут же достал новую сигарету.

— Господи, Мэдж! Не мудрено, что он помешался.

— Но что происходит, в конце концов? — взмолилась Мэдж. — Объясни толком, в чем...

— Болезнь прогрессирует. Боюсь, ему уже не помочь.

— Но он же вечно здесь торчал, — возразила Мэдж. —

Что тут особенного? Да и службу давно порывался бросить, говорил, что начнет новую жизнь.

— Вот именно, начнет новую жизнь.

Тилер собрался с духом и приблизился к Хаскелю.

— Опять ты? — Хаскель неохотно поднял глаза.

Тилер провел языком по пересохшим губам.

— Ты кое-что добавляешь от себя? Например, несуществующие дома?

Хаскель кивнул.

Трясущимся пальцем Тилер коснулся недостроенной модели.

— Что это? Хлебопекарня? И где ты ее разместишь? — Тилер двинулся вокруг стола. — Ведь в Вудленде нет никаких хлебопекарен и в помине. — Он круто развернулся. — Ты что, пытаешься улучшить город?

— Какого черта тебе здесь надо? — угрюмо осведомился Хаскель. — Если пришел к моей жене, то пусть она тебя и развлекает.

— Верн! — пискнула Мэдж.

— Шли бы вы оба отсюда. У меня работы по горло, к утру хочу все закончить, а вы тут под ногами путаетесь.

— Закончить? — удивился Тилер.

— Вот именно, закончить. — Хаскель повернулся к жене. — Часов в одиннадцать можешь принести сэндвичи, а сейчас твое присутствие вовсе не обязательно. — И он вернулся к работе.

— Пошли отсюда. — Тилер взял Мэдж за руку и потянул за собой. — Пошли, пошли. Нечего нам здесь делать.

Тилер поднялся первым и, как только Мэдж вышла, плотно затворил дверь.

— Пол, он сошел с ума! Что же нам делать?

— Прежде всего — успокойся. Мне необходимо все обдумать. — Насупившись, Тилер принялся вышагивать по комнате. — Похоже, этой ночью мы от него избавимся, — наконец, изрек он.

— С чего ты взял?

— Сегодня он убежит от реальности в созданный им мир. Улучшенный мир, который полностью в его власти.

— О, Пол, надо его остановить!

— Остановить? — Тилер едва заметно ухмыльнулся. — А зачем?

— Но нельзя же сидеть сложа руки и...

— А почему бы и нет, если это решит все наши проблемы? — Тилер задумчиво взглянул в глаза миссис Хаскель. — Ведь с его уходом всем станет только лучше.

Глубоко за полночь Хаскель вносил последние штрихи в

облик своего города. Хотя он и устал, приподнятое настроение не покидало его, ведь работа была почти завершена.

Город выглядел идеальным — настоящее произведение искусства.

Прервав на минуту работу, Хаскель придирчиво оглядел свое творение. За последние четыре часа город преобразился. Хаскель изменил планировку улиц, изъял большинство общественных зданий, перенес торговый центр и деловую часть города на новое место, возвел новые муниципалитет и полицейский участок, отстроил огромный парк с фонтанами и мягким освещением. Он расчистил трущобы, снес обветшалые магазины и дома. Улицы стали шире и прямее, жилые дома — меньше и чище, магазины — современнее и привлекательнее.

Верн избавил город от лишней рекламы. Вышвырнул большинство бензоколонок и все крупные промышленные предприятия, заменив их холмами, поросшими зеленой травой и деревьями.

Богатый район изменился до неузнаваемости. Нетронутыми остались лишь несколько крупных особняков, принадлежащих симпатичным людям. Остальные же безжалостная рука Хаскеля превратила в стандартные одноэтажные жилища с двумя спальнями и гаражом на одну машину.

Из аляповатого строения в стиле рококо городской муниципалитет превратился в простое и современное здание.

По подсчетам Хаскеля, в городе обитало с десятков наиболее мерзких типов. О них он позаботился особо. На окраине города, куда ветер с океана частенько приносил вонь гниющих водорослей, он выстроил для них два барака на шесть семей каждый.

Дом Джима Ларсона исчез вовсе. Он стер все следы пребывания Ларсона в городе. В новом Вудленде подобным трудням делать нечего!

Работа почти завершена. Вот именно — почти. Не забыть бы чего, успеть доделать все до утра.

Новый Вудленд смотрелся просто великолепно: чистый, аккуратный и, что немаловажно, без всяких излишеств. Роскошь центральных кварталов уже не бросалась в глаза. Исчезли или были притушены сияющие рекламные объявления, вывески, витрины. Пришлось потесниться и деловой части города. Место заводов заняли тенистые парки и ухоженные лужайки. Торговый центр радовал глаз.

Напоследок Хаскель добавил две детские площадки на окраине города. Установил маленький уютный театр вместо безобразной громадины, сиявшей ночи напролет неоновыми

выми огнями. Подумав несколько минут, он с сожалением разобрал почти все ранее возведенные бары. Негоже возвращать жителей нового Вудленда. И никаких казино, бильярдных и домов под красными фонарями! А вот маленькая аккуратная тюрьма для неблагонадежных просто необходима.

Пожалуй, сделать крошечную надпись над дверью главного офиса городского муниципалитета не всякому под силу. Эту часть своего замысла Хаскель приберет на закуску, но настал черед и ей. С особой тщательностью он вывел микроскопическими буквами:

МЭР ГОРОДА ВУДЛЕНДА

Вернон Р. Хаскель

Остались еще кое-какие мелочи. Ни к чему Эдвардам новехонький «кадиллак», обойдутся и «плимутом» модели тридцать девятого года. Задумчиво покусав нижнюю губу, Хаскель добавил деревьев на окраине города, соорудил еще одно пожарное депо, выкинул очередной магазин готового платья. Он всегда недолюбливал таксистов. Повинуясь внезапному порыву, он убрал стоянку такси и воздвиг на ее месте цветочный магазин.

Хаскель, в который уже раз за эту ночь, потер ладони. Что еще? Или все завершено... все идеально? Он еще и еще раз вглядывался в каждую деталь города, в каждую постройку. Ничего не упущено?

Как он мог позабыть о школе? Разобрав старое здание, Хаскель разместил на противоположных концах города два небольших строения. Еще одна больница не помешает! С ней Хаскель провозился почти полчаса. Он основательно вымотался, руки не слушались, глаза заливал пот.

Что же еще? Следует сесть, слегка передохнуть и еще разочек все хорошенько обмозговать.

Город был готов. Душу Хаскеля переполняла радость. Работа успешно завершена.

— Отлично! — вырвалось у него.

Не в силах усидеть на месте, Верн вскочил, вытянул руки и, зажмурив глаза, подошел к фанерному столу.

Из подвала донесся сдавленный крик. По дому прокатился гул, в буфете жалобно зазвенела посуда.

Мэдж вздрогнула.

— Что там происходит?

Напрягшись всем телом, Тилер прислушался. В гостиной стояла абсолютная тишина.

— Думаю, все позади. Даже раньше, чем я ожидал. —

Тилер раздавил в пепельнице недокуренную сигарету и встал.

— Ты имеешь в виду, что...

— Он ушел, Мэдж. В другой мир. Наконец-то мы свободны.

Мэдж схватила Тилера за руку.

— О, господи, какой ужас! Почему мы не вмешались?.. Не вытащили его из подвала?.. Может, попробуем его вернуть?

— Что? Вернуть его? — Тилер хрипло рассмеялся. — Сомневаюсь, что это нам по силам, даже если мы захотим. Слишком поздно. — Он направился в подвал. Пойдем, посмотрим.

— Пол, мне страшно! — поежилась Мэдж, но все же последовала за ним.

Перед дверью Тилер замешкался.

— Чего ты боишься? Да если хочешь знать, он там счастлив.

С этими словами Тилер распахнул дверь, и они осторожно спустились в темный подвал. Тилер щелкнул выключателем.

В подвале не было ни души.

Тилер облегченно вздохнул.

— Все кончено, он ушел.

Тилер гнал «бьюик» по темным безлюдным улицам Вудленда. На переднем сиденье съежилась Мэдж. Лицо у нее было пепельно-серым, и даже сквозь плотную ткань пальто было видно, как она дрожит.

— Не возьму в толк, куда же он все-таки подевался? — вновь и вновь сдавленно повторяла она.

— По-моему, все предельно ясно, — ответил Тилер. — Он ушел в выдуманный мир, оказав таким образом нам огромную услугу. — Тилер притормозил у перекрестка. — Осталось выполнить обычные формальности, заполнить несколько бланков, и ты свободна.

Ночь выдалась холодной и мрачной. В домах не светилося ни единого окошка, и если бы не редкие уличные фонари, тьма была бы кромешной. Неподалеку печально взыв паровозный гудок, звук отразился от каменных стен зданий и затих.

— Куда мы едем?

— В полицейский участок.

— Зачем?

— Надо сообщить властям о его исчезновении. Через несколько лет его официально признают умершим. — Тилер

на секунду сжал руку Мэдж. — У нас впереди целая вечность.

— А что, если... его найдут?

Тилер сокрушенно покачал головой. Его не покидало напряжение последних часов.

— Неужели ты так и не поняла? Его никогда не найдут. Его больше нет, во всяком случае, в нашем мире.

— Так где же он?

— В своем бутафорском мире. Ты же сама видела улучшенный вариант города у него на столе. Теперь он там. Ведь он так мечтал о городе, куда можно сбежать от гнетущей действительности! Да не просто мечтал, строил его — год за годом. И вот, наконец, он ушел из реального мира и из нашей жизни.

Мэдж начала понимать:

— Выходит, он в своем выдуманном мире и уже никогда не вернется?

— Ну, наконец-то, поздравляю. Признаюсь, до меня тоже не сразу дошло. Понимаешь, человеческий разум — сложная штука, он способен фантазировать, создавать новые миры. А Хаскель, несомненно, по этой части дока. Он отверг наш реальный мир, посвятил всю свою жизнь, все свое мастерство строительству нового мира и, как видишь, преуспел в этом.

* * *

Нахмурившись, Тилер сильнее сжал руль и до упора вдавил педаль газа. «Бьюик» неся по темным улицам, рассекая неподвижный ночной воздух.

— Мне не понятно лишь одно, — нарушил затянувшееся молчание Тилер.

— Что именно, милый?

— Куда подевалась модель? — Тилер рассеянно пожал плечами. — Впрочем, оно и не важно. — Он взгляделся в темноту. — Мы почти на месте. Вон улица Вязов.

— Смотри! — вскрикнула Мэдж.

Справа показалось аккуратное маленькое здание. Фары «бьюика» на мгновение выхватили из предрассветного мрака вывеску над парадным входом:

«МОРГ ГОРОДА ВУДЛЕНДА»

Мэдж всхлипнула. Тилера будто ударило по голове.

Машина, как прежде, мчалась вперед. Вспыхнула и пронеслась мимо еще одна вывеска:

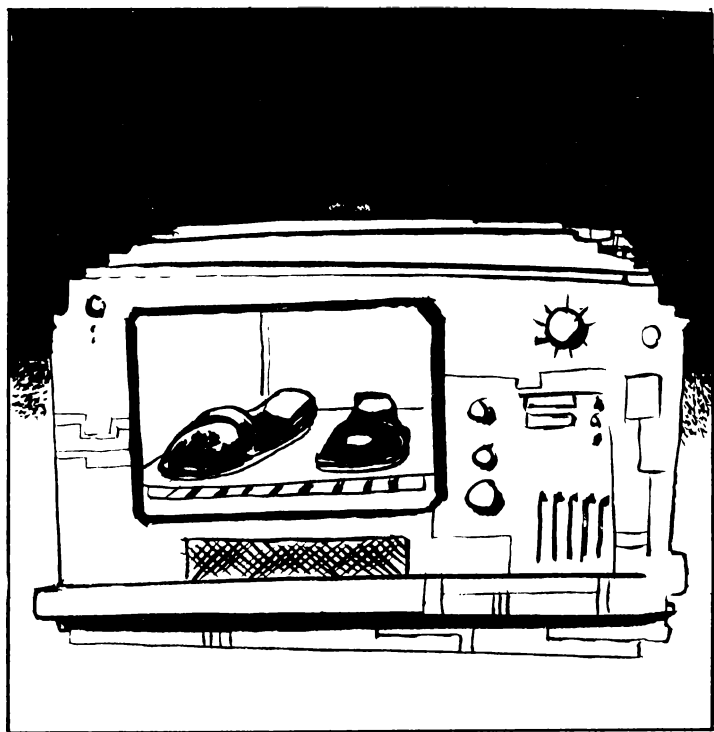
«ЗООМАГАЗИН СТЬЮБЕНА»

Заглушив мотор на центральной площади города, Тилер

потерянно огляделся. Подсвеченное скрытыми прожекторами здание муниципалитета показалось ему античным храмом. Выругавшись сквозь зубы, он попытался вновь завести машину. Но было поздно.

Бесшумно подкатили два сверкающих полицейских автомобиля и замерли по обеим сторонам «бьюика». На асфальт выскочили и направились к ним четверо суровых стражей порядка.

**КОРОТКАЯ
СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
КОРИЧНЕВОГО ТАПКА**

— Сейчас ты увидишь такое... — Доктор Лабиринт достал из внутреннего кармана поношенного плаща спичечный коробок. — Поздравь меня, я сделал самое грандиозное открытие со времен изобретения колеса. Научный мир будет потрясен!

Было далеко за полночь, в окно монотонно барабанил дождь, и спать хотелось отчаянно.

— Ясное дело, док. — Я вплотную придвинулся к Лабиринту. — Так что у тебя на этот раз?

Док торжественно приоткрыл коробок.

На дне среди сухих травинки и хлебных крошек лежала медная пуговица.

— Эка невидаль — пуговица! Может, ты запомнил, но твоему открытию не меньше двадцати веков.

Я протянул руку, но Лабиринт поспешно отдернул коробок.

— Это непростая пуговица, — сообщил он заговорщицким шепотом и поднес коробок к самым губам. — Давай же, давай! — заорал он во всю глотку. — Шевелись!

Ничего не произошло.

Лабиринт нахмурил косматые брови и подтолкнул пуговицу указательным пальцем.

— Лабиринт, в чем дело? Ты посреди ночи вваливаешься ко мне в дом, показываешь пуговицу в спичечном коробке и...

Потупив взгляд, Лабиринт откинулся на спинку дивана, закрыл коробок и с сокрушенным видом сунул его в карман.

— Безнадежно. Я ошибся. Пуговица мертва. Не выгорело.

— Что не выгорело? На что ты надеялся?

— Дай мне чего-нибудь. — Лабиринт обвел глазами комнату. — Дай мне... вина.

— Вот-вот, док, самое время утопить свои печали в алкоголе.

В кухне я нашел початую бутылку черри, от души плеснул в два стакана и с выпивкой в руках вернулся в комнату.

Некоторое время мы пили молча.

— Может, все-таки соизволишь объяснить, в чем дело? — наконец, не выдержал я.

Док поставил стакан, поджал тонкие губы, рассеянно кивнул. Положил ногу на ногу, достал трубку и кисет. Пустив к потолку три аккуратных колечка, он вновь извлек коробок, одним глазом заглянул внутрь. Разочарованно вздохнул и сдался окончательно.

— Не вышло, — выдавил он. — Оживитель не работает.

Принцип ошибочен. Я, как ты понимаешь, говорю об Универсальном Принципе Достаточного Раздражения.

— Это еще что за зверь такой?

— Принцип открылся мне совершенно случайно. Как-то погожим летним днем сидел я на берегу реки. Припекало изрядно. Я весь взмок и собрался уже домой, как вдруг вижу... В общем, камешек у моих ног зашевелился и отполз в тень. Понимаешь, полуденный зной раздражал его.

— Что-что? Камешек отполз в тень?!

— В эту самую минуту в моей голове и зародилось понимание Универсального Принципа Достаточного Раздражения. Вот, оказывается, где начало жизни! Миллионы лет назад частицы безжизненной материи что-то потревожило, да так, что они расползлись по всей Земле. Появилась жизнь. Значит, обзаведись я достаточно мощным источником раздражения, и мне, как Господу Богу, будет по силам создавать жизнь из мертвой материи. И я принялся конструировать. Прибор — плод многомесячных бессонных ночей — лежит сейчас в моем автомобиле. Я назвал его Оживителем. Да только выходит, что Оживитель не работает. Принцип не верен.

Док замолчал. Минут через десять, разодрав слипшиеся веки, я пробормотал:

— Послушай, док, время позднее, а мне завтра...

Лабиринт вскочил на ноги.

— Ты прав. Мне пора. До скорого.

Он направился к двери. Выглядит док на свои пятьдесят с гаком, но прыти в нем, как у тридцатилетнего. Я ухватил его за рукав только у самого порога.

— Не теряй надежды, док. Попробуй еще разок, авось прибор и заработает.

— Прибор? — Док сосредоточенно наморщил лоб. — А, Оживитель. Глаза бы мои на него не глядели! Знаешь что, купи его у меня, ну, скажем, долларов за пять, и дело с концом.

За двенадцать лет нашего знакомства он выдавал пенки и похлеще, так что на сей раз я без труда сохранил на лице невозмутимое выражение.

— Всего за пять долларов, говоришь? А почему так дешево?

— Подожди, сейчас я его принесу.

Док выскочил за дверь, проворно сбежал по ступенькам крыльца и растворился в ночном мраке. Я услышал, как он открыл дверцу автомобиля, затем охнул и выругался сквозь зубы.

— Сейчас помогу! — крикнул я и заспешил к нему.

Док силился стащить с заднего сиденья громадную железную коробку. Я ухватился за коробку с другой стороны, вместе мы благополучно отволокли Оживитель в дом и водрузили на обеденный стол.

— Так это и есть Оживитель? — спросил я, отдышавшись. — Вовек бы не догадался. Скорее, эта штука смахивает на электрическую духовку.

— А это и есть духовка... Вернее, была. Оживитель вырабатывает тепловые лучи и раздражает неживую материю. Но с оживлением покончено, я сыт этой проблемой по горло!

— Хорошо, док, хорошо. — Я достал бумажник. — Если оживитель тебе больше ни к чему, я с удовольствием его покупаю. В хозяйстве все сгодится.

Я отсчитал пять долларов и протянул ему. Небрежно сунув деньги в карман, он объяснил мне, куда засовывать неживые предметы, как пользоваться регуляторами и переключателями, что обозначают цифры на многочисленных шкалах, затем надел шляпу и отбыл восвояси.

Я остался один на один с диковинным механизмом. Пока я ломал голову, куда бы приспособить свое приобретение, в комнату впорхнула жена в ночной рубашке.

— Что происходит? На кого ты похож? Мокрый с головы до ног, а тапочки так вообще хоть отжимай. Ты что, залезал под душ одетым?

— Не сердись, дорогая, под дождь попал. Взгляни-ка лучше, какую забавную штуковину я купил у дока всего за пять долларов. Док говорит, что...

Джоан, не отрываясь, глядела на мои тапки.

— Час ночи, а ты, как дитя малое, все не угомонишься. Ставь тапки в духовку и шагом марш в постель.

— Но дорогая, это же не духовка. Это прибор для оживления...

— Поставь тапки в духовку и ложись спать, — раздраженно повторила Джоан, направляясь к лестнице.

— Иду, дорогая, иду.

Утром, когда я сидел перед тарелкой с остывшей яичницей с беконом и прикидывал, чем бы «заболеть», чтобы не ходить сегодня на службу, в дверь позвонили.

— Кого там черт принес в такую рань? — воскликнула Джоан.

Я поднялся, прошлепал в прихожую и распахнул дверь.

На пороге стоял док Лабиринт собственной персоной.

Вид у него был неважный: брюки измяты, лицо осунулось, под глазами круги; похоже, бедняга этой ночью так и не прилег.

— Держи свою пятерку. Отдал мой Оживитель.

Я удивленно пожал плечами.

— Как скажешь, док. Входи и забирай свое сокровище.

Он последовал за мной в комнату. Я ухватился за Оживитель. Прибор оказался теплым на ощупь.

— Оставь все, как есть! — взревел док. — Сначала удостоверюсь, что ничего не сломано, а потом заберу Оживитель к себе в лабораторию.

Я послушно отошел от стола. Док любовно погладил свое детище, открыл дверцу и заглянул внутрь.

— Тапочек?

— Господи боже мой! — воскликнул я, живо припоминая события минувшей ночи. — Я же поставил туда сушить свои тапочки.

— Тапочки? Но здесь только один.

Из кухни появилась Джоан.

— Привет, док. Что, бессонница одолела?

Мы с Лабиринтом переглянулись.

— Только один? — Я тоже заглянул в Оживитель.

Внутри стоял грязный, но успевший просохнуть за ночь тапок.

Один!

Но я же отлично помню, как положил туда пару!

— Где же второй?

Я повернулся к жене, но, похоже, ей сейчас было не до меня. Уставясь в пол, она замерла с приоткрытым ртом.

Краем глаза я уловил в углу движение. В эту секунду что-то маленькое и коричневое метнулось через комнату и скрылось под диваном. У меня, конечно, не семь пядей во лбу, как у дока, но тут я сразу сообразил, кто, а вернее, что это такое.

— Это он! — Док едва не запрыгал от радости. — держи, держи свои пять долларов. — Он сунул мне в ладонь мятую купюру. — Теперь даже за все золото мира я не откажусь от Оживителя!

— Не волнуйся, дорогая, все нормально, — заверил я жену. — Вот, обопрись о меня. — Я протянул ей подрагивающую ладонь. — Дверь... Док, быстрее закрой дверь, а то он выскочит на улицу, ищи его потом!

Лабиринт в два прыжка пересек гостиную и затворил дверь.

— Под диваном притаился, — прошептал он и присел на корточки. — Вон там, я его вижу. У тебя найдется кочерга или что-нибудь в этом роде?

— Выпустите меня сейчас же! — взвизгнула Джоан. — Играйте в свои игрушки сколько душе угодно, но без меня!

— Стой, где стоишь, женщина! — рывкнул на нее Лабиринт.

— Да, да, дорогая, доктор прав, останься с нами. — Я подставил к окну стул и, взгромоздившись на него, снял карниз. Шторы сбросил на пол. — Эта палка, вроде, подойдет. — Я присел рядом с доком. — Я там пошурую, а ты, как только он появится, хватай.

Я толкнул тапочек концом карниза. Тапочек отполз назад и прижался к стене — ни дать ни взять насмерть перепуганный зверек.

— Что будем делать, когда его изловим? — поинтересовался я. — Где, черт возьми, прикажете его держать?

Джоан растерянно огляделась.

— Может, засунем в ящик стола? Оттуда ему нипочем не выбраться.

— Вот он! — завопил Лабиринт.

Тапочек пулей вылетел из-под дивана и кинулся в противоположный конец комнаты. Лабиринт вскочил на ноги, и прежде чем тапок успел юркнуть под большое кожаное кресло, наступил ему на задник. Тапок отчаянно извивался на полу, дергался, стараясь высвободиться, но док был сильнее.

— Попался, голубчик! — Я схватил беглеца обеими руками, засунул в ящик стола и повернул в замке ключ.

Мы перевели дух.

— Получилось! — заорал док. — Понимаете, что это значит? Оживитель работает! Я был прав, как всегда! Вот только почему не вышло с пуговицей?

— Пуговица ведь медная, — со знанием дела заявил я. — А тапок сделан из натуральной кожи, да и клей животный — сплошная органика. К тому же прошлой ночью он изрядно вымок.

Из ящика явственно слышалась возня.

— В вашем столе — самое грандиозное открытие со времен изобретения колеса. — Физиономия дока расплылась в довольной улыбке.

— Научный мир будет потрясен, — подхватил я. — Знаю, знаю, ты уже говорил.

— Оживитель работает, да еще как! — Лабиринт кивнул

на свой прибор. — Присмотрите за тапком, — он заспешил к двери, — а я пока созову ученых, прессу и...

— Ты намерен оставить ЕГО у нас?! — Джоан переменялась в лице.

Лабиринт остановился у распахнутой двери.

— Присмотрите за ним. Это доказательство, живое доказательство того, что Оживитель работает. Универсальный Принцип Достаточного Раздражения верен на все сто. — Он с силой захлопнул за собой дверь.

— Ну, что скажешь? — Джоан провела кончиком языка по губам. — Ты намерен торчать здесь целый день и сторожить дурацкий тапок?

Я демонстративно посмотрел на часы.

— Мне на работу пора.

— Ну, так вот, одна я здесь не останусь. Если ты уходишь, то я с тобой.

— Да зачем его, в самом деле, караулить? Ясно ведь, из ящика ему не выбраться.

— Поеду к родителям, они уж, поди, забыли, как выглядит дочь. Встретимся вечером в ресторане. Ну, в том, где ты сделал мне предложение, а я, как последняя дура...

— Боишься остаться в доме одна?

— Мне все это не нравится.

— Подумай сама, разве может обычный поношенный тапок выгнать человека из собственного дома?

— Обычный тапок! — передразнила меня Джоан. — Ты что, меня за идиотку принимаешь?! Да он теперь такой же обычный тапок, как ты — президент Соединенных Штатов!

Мы встретились вечером, вместе поужинали, благополучно доехали до дома.

На верхней ступеньке крыльца Джоан схватила меня за руку.

— Вечер-то какой! Стоит ли сидеть в четырех стенах? Дорогой, а может, в кино сходим? Или лучше в театр. Мы с тобой уже сто лет не выбирались в театр.

— Да не волнуйся ты, тапок в столе. Надо бы его покормить, а то, неровен час, сдохнет с голоду. Как ты думаешь, чем питаются тапочки?

Я повернул в замке ключ и распахнул дверь.

Что-то проскочило у моих ног, темным пятном мелькнуло на дорожке и скрылось в кустах.

— Что это было? — прошептала Джоан.

— Нетрудно догадаться. — Я подбежал к столу. — Ну,

конечно, ящик открыт! Он сбежал! — Я вздохнул. — Что мы теперь скажем доку?

— Может, поймем его? — Джоан боязливо покосилась через плечо и поспешно закрыла за собой дверь. — Или, знаешь что, давай лучше оживим другой! У тебя ведь остался левый тапок из этой пары! Вряд ли док заметит подмену.

Я покачал головой.

— Не получится. Ночью в Оживителе стояли оба тапка, а ожил только один. Вот если...

Пронзительно зазвонил телефон. Мы одновременно вздрогнули.

— А вот и док, легок на помине, — буркнул я и поднял трубку.

— Приеду завтра рано утром, — раздался хорошо знакомый голос. — Со мной будет тьма-тьмушая народу: фотографы, журналисты, Джекинс из лаборатории...

— Послушай, док, — неуверенно начал я.

— Поговорим позже. У меня куча дел. Боюсь, к утру не управлюсь. До завтра. — Он бросил трубку.

— Док? — равнодушно поинтересовалась Джоан.

Я посмотрел на выдвинутый ящик стола.

— Он самый.

Я открыл шкаф, надел плащ и тут почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Я резко обернулся.

Джоан стояла ко мне спиной и копалась в сумочке.

По спине побежали мурашки.

— Ну и ночка, — в сердцах бросил я и направился к двери.

В углу что-то шевелилось, но как только я повернул голову, подозрительное движение прекратилось.

— Черт возьми!

— Что случилось, дорогой?

— Ничего. Ровным счетом ничего.

Я огляделся.

Книжные полки, ковер на стене, картины — все как обычно. Но я мог поклясться, что всего секунду назад в комнате что-то шевелилось.

На столе стоял Оживитель. Когда я проходил мимо, от прибора явственно повеяло теплом.

Оживитель работал весь день!

Я щелкнул выключателем, лампочки на передней панели потухли.

Неужели я утром позабыл его выключить?

Я напряг память, но так и не вспомнил.

— Пойдем, поищем тапок, пока еще не совсем стемнело, — обратился я к жене.

Мы обшарили весь двор, дюйм за дюймом, но ни в кустах, ни у изгороди, ни под крыльцом тапка не обнаружили.

Когда стемнело окончательно, мы зажгли во всем доме и над входной дверью свет и искали еще часа два. Наконец, я сдался и, от души выругавшись, уселся на нижнюю ступеньку крыльца.

— Ничего не попишешь, нам его не изловить. Пока мы шарим в одном конце двора, он преспокойно отсиживается в противоположном. Да и почему знать, может, его давным-давно здесь нет. В изгороди полно дыр, и он мог легко удрать на улицу.

— Похоже на то, — подтвердила Джоан.

Я нехотя встал.

— Оставим входную дверь открытой. Глядишь, к утру он замерзнет и вернется в дом.

Дверь не закрывалась всю ночь, но утром, когда мы встали, в доме было тихо. Видимо, тапок не вернулся. Я затворил дверь и для успокоения совести внимательно осмотрел комнату за комнатой. В кухне кто-то ночью перевернул мусорное ведро. Выходит, тапок сюда заглядывал, но, опрокинув ведро, снова удрал.

— Док явится в любую минуту, — пробормотал я. — Надо бы ему позвонить и отменить встречу.

Джоан коснулась Оживителя.

— Скажи ему, пускай забирает свою игрушку и впредь ставит дурацкие опыты у себя дома.

Мы вышли на крыльцо и огляделись.

— Смотри-ка, — воскликнул я. — Машина. Похоже, к нам гости.

Подняв тучу пыли, перед нашим домом замер темный «плимут». Хлопнули дверцы, двое пожилых мужчин выбрались на тротуар и направились в нашу сторону.

— Где Руперт? — бросил один из них.

— Кто? А, док Лабиринт! Он скоро будет.

— А где эта ожившая штуковина? — поинтересовался другой. — Я — профессор Портер из университета. Можно на нее взглянуть?

— Подождите дока, — тянул я время. — Он скоро будет.

Подкатили еще два автомобиля, из них вышли с полдюжины людей преклонного возраста. Оживленно переговариваясь, они подошли к крыльцу.

— Молодой человек, — обратился ко мне чудаковатого вида старичок с густыми рыжими бакенбардами, — не будете ли вы так любезны продемонстрировать нам вещественное доказательство, этот пресловутый Оживитель?

— Прибор там, на столе. — Я ткнул пальцем за спину. — Проходите, если вам интересно.

Они прошли в дом и столпились вокруг стола, тыкая в переключатели пальцами и непрерывно тараторя. Мы с Джоан, затаив дыхание, наблюдали за ними.

— Вот это да! — воскликнул Портер. — Универсальный Принцип Достаточного Раздражения докажет всему миру, что...

— Чуть собачья! — отрезал худощавый тип в сером измятом костюме. — Абсурд! Покажите мне сначала живую шляпу, или ботинок, или что там у вас, а уж потом...

— Увидите, увидите, — перебил его Портер. — Всему свое время. Руперт занимается наукой с пеленок, уж он-то знает, о чем говорит.

Спор разгорался. Все так и сыпали звучными географическими названиями, датами, в ход были пущены имена всемирно известных ученых. Многие в пылу дискуссии перешли на латынь.

Подъехало еще несколько автомобилей, среди ученых мужей появились молодые люди в легкомысленных свитерах, с видеокамерами и блокнотами. Заработали фотовспышки.

— О, господи! — всплеснула руками Джоан. — Этому нашествию конца не видно!

— Скоро явится док, расскажет им, что стряслось, и они живо разъедутся, — успокоил я жену.

— А чего, собственно, ждать? Скажи им прямо сейчас.

— Я? Нет, пускай уж лучше док! Хотя, если хочешь, скажи им сама.

— Ну, уж нет, вы заварили всю эту кашу, вам и расхлебывать! И вообще, если хочешь знать, твои тапки мне с самого начала не нравились. Купи мы тогда, как предлагала я, темно-синие, ну, те, что стояли на соседней полке, глядишь, все бы и обошлось. А теперь... — Джоан махнула рукой.

Люди все прибывали, толпа уже не умещалась в доме. И вот, наконец, подкатил знакомый голубой «форд». Победно улыбаясь, к крыльцу подошел Лабиринт.

Еще минута-другая, и придется сказать ему правду.

Как-то он отреагирует?

— Как я посмотрю ему в глаза? — жалобно спросил я у Джоан. — Давай спрячемся. Хорошо?

Узрев Лабиринта, ученые мужи высыпали наружу и обступили его плотной стеной.

Мы с женой переглянулись и юркнули в дом. Я беззвучно затворил за собой входную дверь. Через приоткрытое окно в комнату врвался шум; вскоре Лабиринт принялся разъяснять Универсальный Принцип Достаточного Раздражения, и стало относительно тихо.

Вот-вот док закончит лекцию, войдет сюда и потребует тапочек. Что ему сказать, как успокоить?

— В конце концов, он сам во всем виноват, впредь не будет оставлять ценные вещи у посторонних. — Джоан схватила первый попавшийся на глаза журнал мод и зашуршала страницами.

Увидев меня через окно, док помахал рукой, при этом его физиономия прямо-таки сияла. Я небрежно махнул ему в ответ и сел рядом с Джоан на диван, откуда не было видно толпы у порога.

Время шло, я разглядывал трещину под потолком.

Что же предпринять?

Ждать, что же еще!

Ждать, когда окруженный толпой ученых и репортеров в дом триумфально войдет док и попросит предъявить живое доказательство верности его теории. Тапок, старый стоптанный тапок — вот на чем держится сейчас научный авторитет Лабиринта, вот от чего зависит, поверит ли ученый мир в Принцип!

А чертов тапок убежал, скрылся в неизвестном направлении!

— Скоро все так или иначе кончится, — обронил я.

— Скорей бы уж!

Минут пятнадцать мы сидели молча.

Странное дело — гам за окном мало-помалу затих. Я напряг слух, но ничего, кроме обычных звуков просыпающегося по соседству большого промышленного города, не услышал.

— Интересно, почему они умолкли?

Тишина. Что происходит?

Я поднялся, подошел к двери и осторожно выглянул наружу.

— Ну, как, — осведомилась Джоан, — что-нибудь увидел?

— Они просто стоят и что-то разглядывают.

Интересно, на что они там таращатся?

— Давай выйдем и посмотрим, в чем дело, — предложила Джоан.

Мы медленно спустились с крыльца, протиснулись сквозь толпу.

— Господи! — вырвалось у меня.

Лужайку пересекала необыкновенная парочка — мой стоптанный тапок и изящная белая туфелька на высоком каблуке.

— Чем-то мне эта туфелька знакома, — выдавил я.

— Так это же моя! — запричитала Джоан. — Моя, моя! Из моей лучшей пары. Я их так берегла, надевала только...

Головы гостей дружно повернулись в нашу сторону.

— Не обольщайся, милочка, — пробасил Лабиринт. — Теперь туфелька принадлежит всему человечеству, отныне и на веки вечные!

— Смотрите! — воскликнул юнец в плохо сшитом светлом костюме и цветастом галстуке. — Смотрите, что вытворяют!

Дамская туфелька все время держалась немного впереди моего тапка, как бы возглавляла маленькую процессию. Вдруг тапок зашепшил. Когда их носки поравнялись, туфелька отскочила в сторону и на полоборота повернулась на каблуке. Оба на добрую минуту замерли, будто разглядывая друг друга. Затем тапок запрыгал сначала на пятке, потом на носке, и так, пританцовывая и притопывая, обошел вокруг туфельки.

Туфелька тоже подпрыгнула два-три раза и неуверенно двинулась дальше. Остановилась, позволив тапочку приблизиться, отскочила в сторону.

— Напоминает брачный танец, — авторитетно заявил пожилой джентльмен с носом, похожим на птичий клюв. — Подобные брачные танцы уже не одно столетие широко распространены среди...

— Лабиринт, что происходит? — перебил своего коллегу Портер. — Мы требуем разъяснений.

— Гм, — пробормотал я себе под нос. — Выходит, пока нас не было дома, тапок выбрался из стола, включил Оживитель и засунул туда туфельку. Я же знал, кожей чувствовал, что за мной кто-то следит! Оказывается, это она была ночью в доме.

— Так вот кто запустил Оживитель! — Джоан фыркнула. — Да, он парень не промах! Не чета своему бывшему хозяину!

Тем временем ожившая обувь почти добралась до изгороди.

Лабиринт направился к ним, вещая на ходу:

— Итак, джентльмены, вы видели результаты моего эк-

сперимента. Уверен, мое открытие потрясет весь научный мир! Еще бы, ведь я своими руками создал совершенно новый вид живых существ! Не исключено, что когда цивилизация людей стинет с лица Земли, ей на смену...

Он нагнулся, но в это мгновение туфелька исчезла за изгородью, а тапок одним прыжком последовал за ней. Шелест травы — и тишина.

— Представление окончено, — бросила Джоан и зашагала к крыльцу.

— Джентльмены, — как ни в чем не бывало продолжал Лабиринт, — мы с вами стали свидетелями величайшего таинства жизни...

— Вернее, чуть было не стали, — перебил я, — Ведь мы видели только прелюдию к величайшему таинству жизни, а самое интересное происходит сейчас за изгородью в кустах.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

— Господи всемогущий! — Лицо Пархурста пылало от возбуждения. — Ребята, быстрее сюда! Вы только взгляните!

Перед экраном переднего обзора столпились шестеро бородатых, одетых в лохмотья мужчин.

— Это она! — Сердце Бартона, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. — Глаз не оторвать, до чего хороша!

— А с чего бы ей, черт возьми, выглядеть иначе?! — Голос Леона дрожал. — Ты, наверное, думал, что пока мы... Ребята, вон Нью-Йорк!

— Где ты, голова садовая, Нью-Йорк углядел?

— Да вон же, вон, у кромки воды.

— Не мели чепухи. Мы сейчас вообще над другим пол-ушарием. А то, во что ты тычешь пальцем, — огни Бангкока на берегу Сиамского залива.

Зелено-голубой с белыми пятнами облаков шар заполнил уже почти треть экрана и увеличивался с каждой секундой.

Они примолкли, очарованные красотой родной планеты.

— Даже не верится, что вижу ее снова, — нарушил молчание Мерривитер. — Думал, так там и загнемся. — Его лицо перекосила гримаса презрения. — Марс! Проклятая помойная яма! Тускленькое пятнышко солнца, бесконечные пыльные бури, рыжий песок, мохнатые мухи и руины, руины, руины... Как мы только там не рехнулись за год с лишним!

— Спасибо Бартону. — Капитан Стоун кивнул на механика. — Второго такого спеца по ремонту ракетных двигателей вряд ли сыщешь во всей Солнечной системе!

— Знаете, куда я первым делом подамся, когда вернусь? — Пархурст мечтательно закатил глаза.

— Куда?

— В Кони Айленд, вот куда.

— Почему именно туда?

— Люди! Ребята, вы только представьте: толпы людей, и все разговаривают, кричат, напевают, жуют. А в ларьках торгуют мороженым, и газировкой, и пивом и молоком, и бумажными носовыми платками, и... А рядом плещется океан.

— А чайки? Ты забыл о чайках! — Глаза Векши блеснули. — Давненько я не видел чаек. Подумать страшно, какая прорва времени, целых восемнадцать месяцев. Пархурст, я с тобой. Сядем на песок поближе к воде, чтобы бриз с океана бросал соленые брызги нам в лица, а над нашими головами будут кружить и кружить чайки.

— Интересно, какие купальники носят в этом сезоне дамы?

— Не удивлюсь, если они и вовсе загорают нагишом!

— До чего обидно, ребята, что меня с вами не будет! — воскликнул Мерривитер. — Сами понимаете — жена. Как приземлимся, сразу начнутся супружеские объятия, поцелуи и все такое. — Он уставился в пустоту, его голос упал до шепота. — Я целых полтора года не видел свою женушку. Как-то она там без меня?

— Скоро я увижу дом, жену... — С лица Стоуна не сошла улыбка. — Скажу — не поверите, сколько лет я уже женат.

— А сколько ты уже женат?

— Иногда кажется, будто целую вечность. — Стоун мысленно перенесся к Рату и Джин, в горле сразу возник комок. — Они, наверное, выросли за это время, сразу и не узнаешь.

— Кто вырос, капитан?

— Мои дети.

Астронавты переглянулись. В глазах каждого читалось нетерпение.

— Когда же, наконец? — прошептал Векши.

— Через час, — ответил Стоун. — Еще час, и мы дома!

Тормозные дюзы пронзительно взвыли. Корабль подпрыгнул, завалился на бок, пропахал по земле добрую сотню футов и, наконец, зарывшись носом в холм, замер.

В наступившей тишине гулко капала вода.

Первым, держась за спинку пилотского кресла, на ноги поднялся Пархурст.

— Приехали, — сообщил он, вытирая ладонью кровь с левой щеки.

Бартон застонал, пошевелился и, опираясь о руку Пархурста, встал на колени.

— Спасибо. Мы...

— Мы приземлились. Мы дома.

В рубке был полный кавардак — в измятом, покореженном корпусе зияли три широченные трещины, внутренняя мягкая обшивка местами отвалилась и теперь свисала лохматыми клочьями, повсюду валялись обрывки бумаг и куски искаленной аппаратуры.

Один за другим, пошатываясь, поднялись Векши и Стоун.

— Все живы? — ощупывая ушибленное плечо, поинтересовался Стоун.

— Дайте руку, — попросил Леон. — У-у-у, проклятье! До чего коленка болит.

Векши помог ему встать. Мерривитер был без сознания. Его усадили в кресло и шлепками по щекам привели в чувство.

— Мы сели, сели... — будто не веря, снова и снова повторял Пархурст. — Сели... Мы на старушке Земле! И мы живы!

— Надеюсь, образцы не пострадали, — забеспокоился Леон.

— Плевать на образцы! Главное — мы живы и здоровы! — Во все горло закричал Векши. Разыскав в ящике с инструментами гаечный ключ, он начал лихорадочно отворачивать болты наружного люка. — Вот сейчас выберемся на солнышко и разомнем ноги.

— Где мы? — спросил Бартон у Стоуна.

— К югу от Сан-Франциско.

— Сан-Франциско! Грандиозно! — Пархурст схватил второй гаечный ключ, подскочил к Векши и тоже принялся откручивать болты. — Сан-Франциско! Подумать только! Я прежде бывал в этих краях. Во Фриско отличный парк. Парк Золотых Ворот называется. Тенистые аллеи, фонтаны, зеленая травка... В общем, все как полагается! Да, там еще лучшая на всем западном побережье комната смеха. Завернем туда и повеселимся от души.

Упал последний болт, люк с жалобным скрипом распахнулся. Разговоры разом оборвались. Щурясь от полуденного солнца, астронавты выглянули наружу.

Вокруг среди зеленых холмов простирались возделанные поля. Слабый ветерок шевелил травинки, от цветка к цветку порхали бабочки. Вдалеке виднелась скоростная автострада, по ней ползли крошечные букашки-автомобили.

— Слышите? — спросил Леон. — Что это?

— Поезд.

Постукивая на стыках рельсов, к городу приближался поезд.

Город!

Дома и деревья. Цирк «шапито» на окраине. Рядом — бензоколонка. За ней — автостоянка. Напротив — мотель.

— Как думаете, кто-нибудь видел нашу славную посадку?

— Наверняка.

— А уж слышали-то непременно, — заявил Пархурст. — Когда мы свалились, громынуло почище, чем в грозу.

Векши шагнул в открытый люк, пролетел около фута до

земли, упал на колени. Поднялся, широко расставив руки. Его пошатывало.

— Ноги, точно чугунные, того и гляди, упаду.

Стоун улынулся.

— Немудрено. Уж больно долго мы болтались в космосе. — Он прыгнул на землю рядом с Векши. — За мной, ребята! Прогуляемся малость.

Рядом мешком свалился Пархурст.

— Пойдем к городу. Наверняка нас бесплатно накормят по случаю прибытия... Черт возьми, все бы, кажется, отдал за глоток шампанского! — Придерживаясь за корпус корабля, он поднялся на ноги и гордо выпятил грудь. — Возвращение героев космоса. Нам вручат ключи от города. Затем парад. Военный оркестр играет марш, тум-турум-турум... А вокруг море прелестных девичьих лиц, и цветы, цветы...

— Гм, — хмыкнул Леон. — И девицы, непременно, берут тебя в плен?

— А то как же! — Пархурст зашагал через поле к городу. — Поторапливайтесь, а то пропустите самое интересное. Потом локти себе кусать будете.

Остальные последовали за ним.

— Смотрите! — воскликнул Стоун. — Вон с того холма за нами наблюдают.

— Ребятишки. Да их целая орава. — Бартон засмеялся. — Пойдем, поздороваемся с ними.

Они побрели по высокой, мокрой от утренней росы траве к стайке детей.

— Похоже, сейчас весна. Чувствуете, какая свежесть в воздухе? — Леон вздохнул полной грудью. — Весной пахнет. И трава, молодая зеленая трава. Ее еще не высушило летнее солнце.

Стоун посчитал в уме.

— Сегодня — девятое апреля.

Они заспешили дальше. Дети стояли и молча разглядывали их.

— Эй, ребятки! — Пархурст замахал рукой. — Мы вернулись!

Дети во все глаза таращились на них.

— Что-то не так, — пробормотал Леон.

— Ну, конечно! Как мы сразу не догадались? Наши бороды! — Стоун сложил ладони рупором у рта. — Не бойтесь! Мы вернулись из космоса! Мы — астронавты!

Дети переглянулись и во все лопатки припустили к городу.

Шесть астронавтов озадаченно уставились на опустевшую вершину холма.

— Какого черта?! — вырвалось у Пархурста. — Что это с ними?

— Наши бороды! — повторил Стоун. — Их напугали наши бороды.

— Что-то здесь не так, — хрипло заявил Бартон. — Случилось что-то непоправимое, нутром чую!

— Еще бы им нас не бояться! Посмотрите на себя! — Леон оторвал рукав рубашки. — Заросшие, грязные! Одно слово — бродяги! — Он направился за детьми к городу. — Пойдем. Чего встали? На полпути нас наверняка встретит специальная машина.

Стоун и Бартон посмотрели друг другу в глаза и зашагали следом. За ними молча побрели остальные.

Кативший им навстречу паренек развернул велосипед и что было сил налег на педали. Дорожные рабочие, завидев их, побросали лопаты и с криками разбежались.

Астронавты в недоумении смотрели им вслед.

— Хотел бы я знать, в чем тут дело? — обронил Пархурст.

Стоун в ответ лишь пожал плечами.

Астронавты перешли через железнодорожные пути и оказались в рощице эвкалиптов. За деревьями начинался город.

— Барлиндейм, — прочитал Леон вслух надпись на дорожном указателе.

Астронавты оглядели окраину городка. Отель, кафе, заправочная станция, магазинчики, едва ползущие автомобили, многочисленные прохожие — заштатный городишко, каких в Америке сотни.

Они, не торопясь, вышли из-за деревьев.

Служащий заправочной станции поднял на них глаза и замер, разинув рот. Через минуту он опомнился, бросил шланг и понесся по главной улице, вопя во всю глотку.

Остановились автомобили, из них повыскакивали водители и побежали прочь. Из магазинов и кафе высыпали домохозяйки, бизнесмены, дети и бросились со всех ног в разные стороны.

Через полторы-две минуты улица опустела.

— Господи! — пробормотал Стоун. — Что творится на белом свете?

Шесть астронавтов понуро зашагали к центру городка. Вокруг городка — ни души. Вдалеке жалобно завывала сирена, из боковой улочки выехал автомобиль с мигалкой на крыше, увидев их, полицейский за рулем дал задний ход.

В окне ближайшего дома Бартон заметил бледное от страха лицо. Секунда, и лицо скрылось за занавеской.

— Уму непостижимо! Что происходит?

— Они здесь, что, рехнулись все разом? — обратился Мервивитер к Стоуну.

Стоун молча сел на бордюр. Остальные столпились вокруг.

— Моя коленка. — Леон застонал и привалился спиной к телеграфному столбу. — Болит ужасно. — Он закусил губу.

— Капитан, — бросил Бартон. — Ты понимаешь, в чем тут дело?

— Нет.

Стоун покопался в карманах, достал сигарету. Закурив, посмотрел на кафе напротив. Посетители в панике разбежались оттуда, оставив все как есть: тарелки с едой на буфетной стойке, стаканы с недопитой кока-колой, возле самого входа — потрепанный портфель. Гамбургеры в духовке чадили, кофейник натужно пыхтел.

На тротуаре перед кафе валялись разноцветные пакетики, выпавшие из чьей-то сумки. Автомобиль с открытой дверцей тархтел незаглушенным двигателем.

— Ну, а дальше что? — спросил Леон.

— Не знаю.

— Нельзя же просто сидеть и...

— Не знаю.

Стоун поднялся, пересек улицу, вошел в покинутое кафе и уселся на табурет перед стойкой.

— Что он делает?

— Кто его знает. — Пархурст тоже вошел в кафе и сел рядом со Стоуном. — Что ты делаешь?

— Разве не ясно? Жду, когда меня, наконец, обслужат.

Из-под стола выползла пятнистая собака, втянула носом воздух, опасливо косясь на них, прошмыгнула вдоль стены к выходу и припустилась по улице.

— Да ты что, капитан? — Пархурст положил руку Стоуну на плечо. — Все же разбежались.

Стоун молча изучал поверхность буфетной стойки.

Так и не дождавшись ответа, Пархурст вышел на улицу.

— Какого черта они все разбежались? — обратился он к Бартону. — Что с ними стряслось?

— Глаза, — воскликнул Бартон.

— Какие еще глаза?

— Люди смотрят на нас. — Бартон махнул рукой на окна соседнего дома. — Спрятались. Но почему? Почему они прячутся от нас?

Мерривитер внезапно напрягся.

— Сюда кто-то едет.

Астронавты, как по команде, повернули головы на звук.

Из-за поворота появились два черных лимузина и показили в их сторону.

— Слава Богу! — Леон отошел от столба. — Наконец-то за нами приехали!

Автомобили замерли возле кафе. Хлопнули дверцы, и астронавтов окружили мужчины в одинаковых серых плащах до пят, дорогих галстуках и шляпах.

— Я — Сканлен, — представился один из них — высокий, седовласый. — Офицер ФБР. — Он оглядел с ног до головы каждого астронавта. — Вас только пятеро. Где еще один?

— Капитан Стоун? Он там. — Бартон махнул рукой на кафе.

— Приведите его.

Бартон вошел в кафе.

— Капитан, за нами приехали.

Стоун поднялся, и они вместе вышли на улицу.

— Шесть. Все на месте. — Сканлен махнул своим людям. — Действуйте.

Одетые в длиннополые плащи мужчины оттеснили астронавтов к витрине кафе.

— Эй! — крикнул Бартон. — Что происходит?

— В чем дело? — По щекам Пархурста катились слезы. — Ради Бога, объясните...

В руках у людей в серых плащах появилось оружие — крошечные огнеметы.

— Ради Бога!.. — взмолился Векши, отступая на шаг и поднимая руки. — Мы же не совершили ничего противозаконного!

В глазах Леона блеснула надежда.

— Они не знают, кто мы такие. Наверное, приняли нас за русских шпионов. — Он обратился к Сканлену. — Мы — астронавты. Я — Леон. Помните? Мы улетели на Марс полтора года назад. Теперь вернулись. — Голос Леона звучал все тише и тише. — Мы...

Люди в серых плащах прицелились.

— Мы вернулись, — прохрипел Мерривитер. — Мы были на Марсе...

Лицо Сканлена оставалось безучастным.

— Красиво звучит, — сказал он. — Вот только одна неувязочка: при посадке на Марс корабль потерял управление, врезался в скалу и взорвался. Погибли все члены

экипажа. Посланный нами через полгода автоматический корабль доставил на Землю трупы — изуродованные до неузнаваемости, обугленные тела шестерых астронавтов. — Он повернулся к своим подчиненным. — Действуйте по инструкции.

Люди в серых плащах открыли огонь. Шесть бородатых астронавтов попытались бежать, но, облитые напалмом, вспыхнули. Через секунду клубы зловонного дыма скрыли из глаз агентов ФБР корчащиеся на асфальте фигуры, но стоны и вопли раздавались еще долго.

Сканлен поддел ногой кусок обугленной плоти.

— Трудно сказать с уверенностью, — пробормотал он. — Вроде бы только пять, но... я не заметил, чтобы кто-нибудь сбежал.

Молодой сотрудник Вилкс отрешенно уставился себе под ноги. Ему не хотелось видеть, во что напалм превратил живые тела.

— Я... Я посижу в машине, — проямлил он.

— Дело еще не закончено, — буркнул Сканлен, но, увидев белое, как полотно, лицо юноши, добавил: — Ладно уж, отдохни.

В окнах и дверных проемах показались люди, из домов, опасливо косясь по сторонам, выходили самые смелые из них.

— Они прикончили их! — закричал мальчонка лет семи. — Они прикончили шпионов из космоса!

Обыватели окружили пяточок перед кафе. Замерцали фотовспышки, зажужжали кинокамеры. Куда ни глянь — бледные лица, округлившиеся глаза, перекошенные злобой рты.

Вилкс, морщась, залез на переднее сиденье, хлопнул дверцей. Про себя отметил, что руки дрожат. Истошно вопило радио, и он поспешно щелкнул выключателем, желая только одного — покоя.

Его коллеги из бюро что-то вполголоса обсуждали со Сканленом перед кафе, затем разделились на две группы — трое обогнули здание, четверо направились по главной улице к аллее. Вилкс тупо смотрел им в спину. Происходящее казалось кошмаром.

В машину заглянул Сканлен.

— Как, отдышался малость?

— Да, спасибо... Какой это уже раз, двадцать второй?

— Двадцать первый. Прилетают каждые два месяца, и всякий раз те же имена, те же лица.

— Они такие же, как мы... Совершенно никакой разницы. — Вилкс с трудом ворочал языком. — Это все равно, что... все равно, что сжечь шестерых безоружных людей.

— Вовсе нет. — Сканлен открыл дверцу и сел на заднее сиденье. — Они только выглядят, как люди. Кто-то хочет, чтобы мы приняли их за своих. Но они не люди. А ведь я их знал: Бартон, Стоуна, Леона...

— Понимаю. Кто-то там в глубинах космоса видел, как взорвался корабль, видел, как они погибли. Пока наш автоматический корабль добрался туда, они успели изучить останки и... — Вилкс махнул рукой. — Неужели их обязательно убивать?

— Эти твари из космоса вновь и вновь засылают к нам имитации, а мы почти ничего не знаем о них. — На лице Сканлена вздулись желваки. — Похоже, они настолько отличаются от нас, что ни о каком взаимопонимании не может быть и речи. Они, вероятно, думают, что все мы зовемся Леонами, Мерривитерами, Пархурстами и Стоунами. От их логики свихнуться можно... Наверно, нам крупно повезло, что судьба свела нас с такими непонятливыми существами. Хотя... победу праздновать пока рано. Не исключено, что в один прекрасный день они зашлют к нам вместо кучки несчастных астронавтов с Марса настоящую подделку, которую мы не сумеем вовремя распознать...

— Для этого им не обойтись без модели, образца. Сейчас, когда свернуты все космические программы с участием человека, нам беспокоиться не о чем.

— Гм... Мне бы твою уверенность. По-моему, с их техническими возможностями добраться до Земли — плевое дело. И тогда... Тогда следующим образцом для их творчества может оказаться любой из нас. Так что, не зевай, сынок.

Один из сотрудников ФБР махнул рукой, и Сканлен вылез из автомобиля. Спустя две-три минуты он вернулся.

— Трупов в самом деле только пять, — обратился он к Вилксу. — Один чужак сбежал, кто-то из местных его уже видел. Он ранен и едва передвигается, так что далеко ему не уйти. Мы прочедем округу, а ты оставайся здесь, да держи нос по ветру.

Сканлен размашисто зашагал вместе с другими сотрудниками ФБР к аллее.

Вилкс достал сигарету, откинувшись на спинку кресла, закурил.

«Мимикрия... Черт бы их побрал! Но зачем...»

Появились двое полицейских и оттеснили зевак от кафе. Подкатил еще один черный автомобиль, из него выбрались мужчины спортивного сложения в одинаковых серых плащах.

Один из них подошел к автомобилю, в котором сидел Вилкс.

— У тебя рация включена?

— Нет. — Вилкс поспешно повернул выключатель, и в салон ворвались атмосферные шумы.

— Если увидишь его, знаешь, что делать?

— Разумеется.

Агент ФБР отошел от автомобиля.

«Если бы мне решать, — думал Вилкс, — как бы я поступил? Попытался бы выяснить, чего они добиваются? Существа, которые выглядят людьми... Но будут ли они людьми всегда? Не превратятся ли они в один прекрасный день в чудовищ, космических захватчиков, которых полным-полно в фильмах ужасов? Кто их знает, может, они оборотни?»

От толпы отделился человек. Сделал несколько шагов в сторону Вилкса, остановился в нерешительности, помотал головой. Костюм на незнакомце был странного покроя, пуговицы на сорочке застегнуты на левую сторону, на ногах — только носки, да и сами ноги при ходьбе не сгибались в коленях.

«Захватчик из космоса!»

Похоже, ему крепко досталось.

Вилкс достал из кобуры под мышкой пистолет, тщательно, как в тире, прицелился незнакомцу в живот и плавно нажал на спуск. Всему этому его учили последние месяцы.

Пришельца швырнуло назад, но он устоял на ногах, замер, даже не пытаясь бежать, удивление на его лице сменилось гримасой боли. Вилкс вдруг заметил, что одежда существа во многих местах прожжена, сквозь дыры проглядывает вздувшееся пузырями, ярко красное тело, с пальцев свисают лоскуты кожи.

«Скорее всего, он бы и так загнулся. Но я сделал то, что должен был сделать».

Взгляды убийцы и жертвы встретились, в широко раскрытых глазах пришельца застыл страх, рот судорожно открывался и закрывался, будто существо силилось что-то вымолвить.

Вилкс выстрелил еще раз.

Пришелец замертво свалился в двух шагах от автомобиля, так и не издав ни звука.

Вилкс вышел на тротуар и склонился над телом.

«Не надо было его убивать. Я выстрелил, потому что испугался... Но, убив его, я выполнил свой долг. Он явился на Землю под чужой личиной, хотел затеряться среди людей... Наверняка его создатели настроены против нас. Возможно, даже хотят покорить Землю. А тот, кого я прикончил, был их разведчиком, соглядатаем.

Но, слава Богу, с ним и его дружками покончено раз и навсегда!»

И тут Вилкс вспомнил, что это не так...

Был жаркий июньский день.

Корабль с грохотом опустился на Землю, завалился на бок, подмяв под себя изгородь, и замер.

Тишина.

Опираясь на спинку пилотского кресла, Пархурст поднялся на ноги. Нестерпимо болело плечо, перед глазами висела пелена. Пархурст потряс головой, стараясь привести мысли в порядок.

— Мы сели. — От переполнявших его чувств Пархурст никак не мог совладать со своим голосом. — Мы приземлились!

— Помоги, — едва слышно попросил капитан Стоун.

Бартон подал ему руку и помог подняться.

Леон сидел на полу, вытирая с шеи кровь.

В рубке царил разгром: покореженные приборы валялись в углу, обшивка полопалась.

— Да, — подтвердил Бартон, — мы вернулись.

Поднялся Векши, нетвердым шагом направился к люку, трясущимися пальцами принялся отворачивать крепежные болты.

— В голове не укладывается, — пробормотал с пола Мерривитер, — мы снова на Земле!

Со стуком отвалился последний болт, Векши и Пархурст уперлись ногами в пол, и тяжелая крышка люка со скрипом открылась.

— Эй, там, на посудине! — крикнул, спрыгнув на землю, Леон. — Кто из вас хвастал своей кинокамерой?

— Векши, камера ведь твоя, — сказал Стоун. — Прихвати ее с собой.

— Конечно. Снимемся рядом с кораблем, как задумали. Эти кадры войдут в историю, будут напечатаны во всех учебниках!

Векши покопался среди обломков аппаратуры.

— Вот она, голубушка! Крепко же ей досталось при посадке, но вроде еще работает.

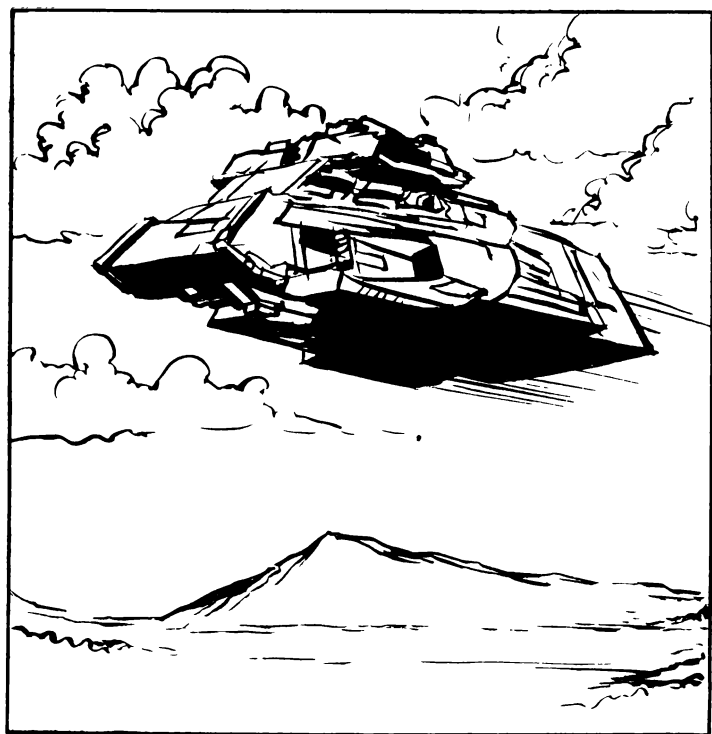
— Как бы нам попасть в кадр всем шестерым? — сказал Пархурст и спрыгнул вниз. — Кто-то ведь должен нажать на спуск.

— В камере есть автоспуск. — Стоун взял из рук Векши камеру, прикрепил к изуродованному стабилизатору и навел на резкость. — Становитесь в ряд, — скомандовал он, нажал на кнопку и присоединился к остальным.

Пока жужжала камера, шесть бородатых оборванных астронавтов неподвижно стояли у изувеченного корабля, устремив взгляды на безбрежные поля. Щелкнув напоследок, моторчик в камере замолк. Астронавты переглянулись, широко улыбаясь.

— Мы вернулись! — во все горло закричал Стоун. — Земля, твои дети снова с тобой!

НЕ ОТЫГРАТЬСЯ

Боб Тарк катил пятидесятигаллонную бочку воды привычным маршрутом от канала к своему картофельному полю. Услышав нарастающий вой, он поднял глаза к полуденному марсианскому небу и энергично замахал руками.

Неподалеку опускался огромный, весь в потеках ржавчины, космический корабль. Голубой щербатый бок украшала надпись:

«УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ

«ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА»

СПЕШИТЕ К НАМ

ВАС ЖДУТ:

АТТРАКЦИОНЫ, МАГИЯ, ЖУТКИЕ ТРЮКИ И ЖЕНЩИНЫ!»

Буквы последнего слова были много крупнее остальных.

Разглядев рекламу, Боб опустил руки; радость на его лице сменилась озабоченностью.

Корабль-то, оказывается, ярмарочный. Опять предприимчивые торгаши задумали ободраить колонистов, как липку!

Боб тяжело вздохнул: жизнь на Марсе так скучна, так однообразна! Целыми днями только и знаешь, что таскаешь воду на огород, воюешь с жуками, чинишь изувеченные бесптолковыми роботракторами изгороди... И месяцами — никаких развлечений. Тоска зеленая!

И уж кто-кто, а торгаши отлично это знают и своего не упустят!

В прошлый раз, когда их посещал ярмарочный корабль, поселенцы лишились большей части своего и без того скудного урожая, получив в обмен только несколько десятков бесполезных пластиковых фигурок.

Торгаши выманивают у них пищу и одежду, а предлагают... Да что, в самом деле, колонисты — дети малые?!

Нет, на этот раз все будет по-другому!

Решив, что надо побыстрее рассказать о свалившихся с неба гостях Хогланду Раю, Тарк бросил бочку посреди дороги и засеменил к поселению. Через сотню футов короткие, не приспособленные к бегу ножки Такра ныли, разреженный марсианский воздух при каждом вдохе нестерпимо обжигал легкие, и он вынужден был перейти на шаг.

У обочины дороги на одноцилиндровом робоплуге с гаечным ключом в шестипалой руке сидел Винс Гвист.

— Эй! — окликнул его Тарк. — Слышал, как громыhalo? Опять к нам увеселительная компания пожаловала. Как в прошлом году. Помнишь?

— Еще бы мне не помнить, — не отрываясь от работы, отозвался Винс. — Они тогда прибрали к рукам все мои тыквы. Ненавижу чертовых торгашей!

— Ну, теперь у них этот номер не пройдет! — Тарк остановился. — Знаешь, что мы сделаем на этот раз? Помнишь наш план?

— Да катились бы вы к чертям со своим планом! — воскликнул Винс, с трудом закручивая ржавый болт. — По мне, так лучше вкалывать от зари до зари, чем ввязываться в ваши авантюры!

— Талант есть талант, от этого никуда не денешься, — забубнил Тарк, пытаясь убедить не столько Винса, сколько себя. — Спору нет, Фред малость не в своем уме, но талант у него будь здоров! Вспомни, мы же проверяли его тысячу раз! И почему мы только не использовали его против прошлогодних торгашей, ума не приложу. Но теперь-то мы за все с ними расквитаемся, и грабители с большой дороги улетят не солоно хлебавши!

Винс одарил Тарка хмурым взглядом.

— Не верю я этому ублюдку, Костнеру-младшему. Кто знает, что взбредет в его тупую башку? Может, в последнюю минуту он примкнет к этим грабителям, и мы останемся с носом? Разве можно полагаться на таких, как он?

— А вот я ему верю! — бросил Тарк и заспешил к видневшимся невдалеке приземистым, изъеденным коррозией постройкам.

Прищурив глаза, Хогланд Рай вытер сложенным носовым платком пот с лысого, покрытого шрамами от радиоактивных ожогов черепа.

— Говоришь, на этот раз корабль голубой? — хрипло спросил он.

Хогланд был старожилом здешних мест. Он ремонтировал и сдавал в аренду подержанный сельскохозяйственный инвентарь, и от него зависели все местные жители. Неудивительно, что Хогланд возглавлял совет поселения, и вот уже много лет, только заручившись его благословением, поселенцы начинали жатву, стригли овец, обрезали хвосты ягнятам. Слово Хогланда здесь было законом...

— Вот именно. — Тарк тяжело дышал. — Этих я прежде не видел. Корабль у них весь в царапинах от метеоритной пыли. Видать, давненько они кочуют по космосу. — Он гордо выпятил грудь. — Ну, уж теперь-то они свое получают! Если только мы будем играть правильно... Я хотел сказать, если Фред...

— Скорее всего, они сразу заподозрят неладное, — задумчиво произнес Хогланд. — Наверняка, в других поселениях уже пытались обдурить их таким способом. Спору нет, Фред в своем деле мастер, но если у них в команде есть хотя бы один из этих... Как бишь их?.. Антипси?.. Боюсь, тогда... — Он покачал головой.

— Побегу к родителям Фреда. Пускай быстрее забирают его из школы. И вот еще что, давай сегодня отменим занятия в школе после полудня. Ребятишки хлынут на ярмарку, и Фред легко затеряется среди них. Ты же знаешь, он выглядит странновато... Мне-то что, я к нему давно привык, но для глаз чужаков...

— И то правда. Сын Костнера слишком нормально сложен для здешних мест... Да, мы рискнем, как вы все проголосовали на последнем собрании. Иди, звони в колокол. Скажи людям, чтобы несли самые отборные яблоки, грецкие орехи, тыквы, кабачки и прочее и складывали их аккуратными рядами вон там. — Хогланд ткнул пальцем в сторону центра площади. — Пускай торгошники полюбуются на наш товар. И составьте подробный перечень всего в трех экземплярах под копирку. Да поторапливайся, на все про все у вас не больше часа. — Он достал из кармана сигару, щелкнул зажигалкой. — Что стоишь? Иди.

Боб Тарк побежал.

Пересекая южное поле, Тони Костнер обратился к сыну:

— Как считаешь, Фред, одолеешь торгошей? Если сомневаешься, так и скажи. Ввязываться в это дело тебе вовсе не обязательно.

Фред прикрыл глаза от слепящего солнца ладонью и посмотрел вдаль. Там, на площадке перед космическим кораблем, уже стояли разноцветные узорчатые шатры и блестящие пластикеовые ларьки, полоскались на ветру знамена и вымпелы. Оттуда вроде быка даже доносилась музыка... Или это жужжали вьющиеся у лица насекомые?

— О чем разговор, па? Я с ними в два счета справлюсь. Ведь я тренировался каждый день, как велел мистер Рай.

Как бы подтверждая его слова, камешек из-под ног взмыл футов на шесть, прочертил в воздухе дугу, сделал два оборота вокруг головы отца и упал в серую сухую траву. Фиолетовые, в рыжих подпалинах, овцы в недоумении подняли головы и заблеяли. Фред победно рассмеялся.

Через десять минут Костнеры оказались на ярмарке. Тут и там среди ларьков бродили поселенцы — взрослые, школьники, совсем еще карапузы.

Фред подошел к машине, неумоимо делающей сладкую вату. Машина тихо гудела, и каждые пятнадцать-двадцать секунд под перезвон серебряных колокольчиков из ее чрева на прозрачный лоток из псевдохрусталя выпадал яркий пакетик. Фред провел пальцем по гладкому металлопластиковому боку диковинного механизма, широко открытым ртом вдохнул пьянящий сладковатый воздух. Мимо с огромной связкой воздушных шаров в руке проковылял карлик в костюме бродяги, и Фред увязался за ним.

Отец прошептал ему на ухо:

— Держи глаза открытыми, сынок. Помни, на этот раз нам нужна игра со стоящими призами.

— Знаю, — ответил Фред, заглянул в ближайший ларек и, непрерывно крутя головой, побежал дальше.

Конечно, зачем им куклы, которые только и умеют кричать «мама»? Или прозрачные коробки с плавающими в соленой воде пластиковыми рыбками?

На ярмарке их ждет настоящая добыча. Она где-то здесь, рядом, Фред чувствовал ее притягательную силу и спешил.

Где же, где?!

Может, у рулеточного колеса? Или в игровых автоматах? Или за карточным столом? Или...

— А что, сынок, может, справишься без меня?

Рядом на невысокой платформе под нежные переливы флейты танцевали полуобнаженные девушки. Тони остановился, не в силах отвести взгляда от пышногрудой блондинки, разматывающей под музыку со стройного тела узкие голубые ленты.

Фред равнодушно оглядел девушек и молча побежал дальше. Добыча манила его.

Мимо проехал грузовик с продуктами, и Фред последовал за ним.

Интересно, чем после всех неудач решил рискнуть Хогланд Рай?

Грузовик оказался забит до отказа, и Фред почувствовал гордость. Еще бы, ведь сейчас удача зависит только от него!

Тут он уловил от ближайшего шатра справа поток психоэнергии и повернул туда.

Именно там у торговшей самые ценные вещи, и они, конечно же, боятся лишиться своих сокровищ.

Фред откинул полог шатра и невольно замер, заметив в дальнем конце уродца. Столь странное создание Фред видел впервые — без головы, на коротеньких кривых ножках. На нижней части живота уродца открывался и закрывался тонкогубый рот, а по-детски яркие глазенки располагались на плечах.

Завидев посетителя, безголовый суетливо залез в корзину, подвешенную над корытом с водой.

Рядом с входом горкой лежали бейсбольные мячи, и Фред тут же понял правила игры: нужно попасть в корзину, и уродец свалится в воду.

К Фреду танцующей походкой подплыла тоненькая девушка в широких брюках, пестром свитере и теннисных туфельках на босу ногу. Улыбаясь, она протянула ему мячик.

— Рискнешь, дружище?

— Я подумаю, — пробормотал Фред, осматриваясь.

Слева на деревянных полках лежали призы — грубые пластиковые куклы.

— Он подумает! — подал из корзины голос безголовый. — Сразу видно — важная птица! — Уродец противно захихикал. Фред покраснел.

Сзади подошел отец.

— Хочешь сыграть именно в эту игру, сынок?

Рядом с отцом появился Хогланд Рай, и они втроем устались на призы.

Через минуту-другую Хогланд положил пареньку на плечо руку и отвел его в дальний угол.

— Фред, ты уверен, что это та самая игра? По-моему, призы гроша ломаного не стоят.

— Думаю, призы только с виду — игрушки. По правде говоря, я и сам толком не знаю, в чем тут дело, но торгаши очень дорожат ими.

Тони и Хогланд обменялись недоверчивыми взглядами.

— Действуй, сынок, — наконец решился Хогланд. — Да не подкачай! — Он протянул мальчику конверт. — Вот, держи.

Фред знал, что в конверте были все купоны, вырученные у торговцев в обмен на продукты. Он благодарно кивнул и направился к девушке, выдававшей мячи.

— Что, решился-таки? — поинтересовалась она, подбирая мячик.

— Да, попытаю счастье. — Фред вытащил из конверта и протянул ей один купон.

Девушка улыбнулась, обнажив крошечные острые зубки.

— Сбрось меня в воду! — истошно завопил безголовый. — Попади в корзину мячиком, и получишь очень ценный приз! — Его смех разносился по всему шатру.

С ювелирной линзой в левом глазу Хогланд Рай уселся на высокий табурет у верстака и взял одну из выигранных Фредом кукол. У дальней стены мастерской лежали в ряд пятнадцать таких же фигурок.

Крошечными щипчиками Хогланд открыл крышку на спине куклы. Внутри были разноцветные провода, печатные платы, микросхемы.

— А парнишка-то прав, — обратился Хогланд к стоящему рядом Бобу Тарку, — куклы с секретом. Похоже, нам достались микророботы. Таких же точно микророботов использует ООН для шпионажа, для лечения ветеранов Большой Войны и еще Бог знает для чего. Наверно, торгаши их где-то стибрили, да на наше счастье не догадались спрятать подальше. — Хогланд нетерпеливо открыл переднюю панель, склонился над куклой — опять разноцветные провода и прочая элект-

ронная начинка, да такая мелкая, что даже с лупой не разглядеть. — Какой прок поселению от этих сложных и, наверняка, безумно дорогих автоматов? Можно, конечно, разобрать их, а части продать. Или предложить их ООН за выкуп?.. Знать бы, что они могут. Ведь если использовать роботов самим, пользы скорее всего будет много больше.

— Кукла, она кукла и есть. Значит, ходит, разговаривает, — буркнул Тарк, не вынимая изо рта сигарету со зловонным синтетическим табаком.

Хогланд ощупал куклу, но включателя не обнаружил.

— Может, она управляется голосом? — предположил он. — Иди! — приказал он. Кукла, как лежала, так и осталась лежать на верстаке. — Что-нибудь за них мы получим, это уж как пить дать. — Он повернул голову к Тарку. — Но чтобы не прогадать, придется запастись терпением.

Возможно, если показать куклу профессиональному электронщику в Марсосити, вопрос решится... Но разве можно доверять горожанам? Нет, действовать надо самим!

— Когда мы выиграли шестнадцать ряз кряду, торгошаи чуть не полопались от злости! — воскликнул Тарк. — Фред говорит, что они давили на него своим псиполем, но куда им до него!

— Помолчи, — велел Хогланд.

Внутри куклы он обнаружил крошечную батарейку и теперь вел иглой вдоль провода, ища включатель.

Включателем служила пряжка на поясе куклы. Хогланд надавил на нее иглой и положил микроробота на верстак.

Кукла зашевелилась, села, сунула ручку в сумку под мышкой, вытащила крошечную трубку и направила ее в лицо Хогланда.

— Эй, подожди! — закричал тот.

Перед глазами вспыхнул ослепительный розовый шар, и, закрыв глаза, Хогланд повалился на пол.

— Помогите! — хотел закричать он, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Затем он потерял сознание.

В ноздри ударил резкий запах аммиака. Хогланд застонал и открыл глаза. Над ним с пузырьком в руке склонился местный врач. Хогланд поморщился, отстранил руку врача от своего лица и приподнял голову. Оказалось, что он лежит на верстаке, а вокруг толпятся жители поселения.

— Эти куклы опасны, — прошептал Хогланд. — Будьте осторожны. — Он скосил глаза на стену, вдоль которой, как он помнил, лежали неподвижные фигурки. — Я случайно включил одну... — Он заморгал.

Кукол у стены не было.

— Ты вдруг упал, и я побежал за мисс Бисон, — пробормо-

тал Боб Тарк. — А когда вернулся, куклы уже исчезли. Извини, так уж получилось. — На его пепельно-сером лице выступили капельки пота. — Знаю, я один во всем виноват. Но ты упал, как подкошенный, и я испугался, что ты умираешь...

— Ладно, чего уж там. — Хогланд поднялся на ноги. Голова раскалывалась, в горле стоял комок. — Не вини себя, ты поступил правильно. — Он огляделся. — Позовите сюда младшего Костнера. Может, он об этих чертовых куклах что-то знает. — Подумав, он добавил: — Что за напасть второй год подряд? На этот раз получилось еще хуже. Ну, ничего, дело поправимое. Мы их изловим, а потом, Бог даст, еще выиграем свой приз!

В голосе Хогланда звучала уверенность, которую он не чувствовал. Ощущение опасности, не оставлявшее его в последние дни, усилилось.

Четыре дня все было тихо и спокойно. Утром пятого Тони Костнер полонил огород и заметил движение в траве.

Должно быть, это крот вылез на поверхность.

Тони вытащил из-за пояса дротик с острозаточенной вилкой на конце, замер, держа оружие в вытянутой руке. Красноватая песчаная почва у ног вновь зашевелилась, и он что было силы воткнул туда трезубец.

Земля в этом месте вспучилась. Тони взял лопату, копнул. Его глазам открылась нора. В ней бился в агонии марсианский крот — густая рыжая шерсть была забрызгана кровью, глаза вытаращены, длинные острые когти бесцельно скребли по песку.

Ударом лопаты Тони добил крота.

Что-то в мертвом животном было не так. Тони наклонился, рассматривая окровавленный трупик.

Толстую мохнатую шею крота опоясывал металлический ошейник. От него ко лбу тянулись почти невидимые, толстой с волос, провода.

— Господи, помилуй! — Тони брезгливо поднял мертвое животное. — А ход-то прямоком ведет к нашему дому! Похоже, Хогланд прав: мы в опасности!

В ярком свете настольной лампы Хогланд Рай аккуратно снял с крота ошейник, положил на верстак, вставил в глаз ювелирную линзу.

— Рация, — заключил он, осмотрев ошейник. — Радиус передачи не больше полумили. Провода от ошейника ведут к мозгу, по-видимому, к центрам боли и удовольствия... Да, с помощью такого ошейника управлять кротом — легче легкого. — Он взглянул исподлобья на Тони. — Как бы тебе, приятель, понравилась такая сбруя на шее?

— Лучше уж сразу в гроб. — Тони поежился. — Эх, и чего мне только не жилось на Земле. Плевать, что там все ноги на улице истопчат, а приличное жилье ни за какие деньги не снимешь. Что с того? Зато там слыхом не слыхивали ни о ярмарочных кораблях, ни о стреляющих в людях куклах, ни об управляемых по радио кротах... Это все жена, по ее милости я пятнадцатый год торчу в этой поганой дыре! Да что там говорить, что сделано, то сделано!

— По-моему, — произнес Хогланд деланно равнодушным тоном, — самое время обратиться в полицию ООН. — Он проковылял к висящему на стене телефону. — С такими вещами лучше не связываться. Ставки слишком высоки. — Он набрал номер.

— Это я во всем виноват, — Тони опустил голову. — Когда девица на моих глазах сняла лифчик и...

— Шестьдесят седьмой участок полицейских сил ООН Марса, — рывкнуло из трубки.

— Мы в опасности.

Хогланд подробно рассказал обо всех событиях последних пяти дней. Повесив трубку, он утер носовым платком пот с пятнистого лба. Выглядел он лет на десять постаревшим и очень уставшим.

Через час посреди единственной улицы поселения опустился корабль военизированной полиции ООН. По трапу, небрежно помахивая портфелем, сошел офицер средних лет в наглухо застегнутом сером мундире. На нижней ступеньке он остановился, оглядел освещенную желтоватыми лучами закатного солнца толпу.

Вперед протиснулся Хогланд Рай.

— Вы — Генерал Моцарт?

— Совершенно верно, — ответил офицер, и они пожали друг другу руки. — Покажите мне механизм.

С появлением решительного, уверенного в себе генерала у Хогланда будто гора с плеч свалилась.

— Конечно, генерал.

Хогланд провел гостя к себе в мастерскую.

Осмотрев мертвого крота, ошейник и электроды, генерал хмыкнул и сказал:

— Похоже, мистер Рай, вам достались чужие призы. Конечно, это только мое предположение. Но посудите сами, какой толк им от крошечного нищего поселения. Скорее всего, они намеревались подsunуть тех кукол кому-нибудь побогаче, не исключено даже, что их цель — перенаселенная Земля. Уникальные способности местного паренька перечеркнули все их планы... — Он нетерпеливо взглянул на часы. — Сегодня ночью

мы обработаем ваши поля специальным газом. Не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном? Я свяжусь с Центром, прикажу прислать за вами транспорт, а вы тем временем соберите людей и растолкуйте им ситуацию. — Он едва заметно улыбнулся Хогланду и направился к телефону.

— А как же скотина? Что будет с нашими овцами, коровами?.. Не бросать же их здесь на верную гибель?! Можно нам забрать скотину с собой?

— Конечно, забирайте, — генерал посмотрел на Хогланда, как на законченного идиота.

Проближалась полночь. Колонисты собрали коров, овец и собак у грузовых вездеходов ООН и загоняли их внутрь. Гвалт стоял невероятный.

Стоящий у люка полицейский случайно заметил на шее овцы сбрую, тут же пристрелил несчастное животное и велел Хогланду оттащить труп в сторону.

Присев на корточки, Хогланд осмотрел мертвую овцу. Ошейник, как и у крота, служил коротковолновым передатчиком. Провода от него исчезали под скальпом животного.

Зачем торгашам овца? Может, они хотели, чтобы она забодала человека? Или с ее помощью подслушивали наши разговоры? Скорее, последнее. Радиопередатчик гудел, значит, включен на непрерывную трансляцию и передает все, что происходит рядом. Выходит, они знают, что в поселение прибыли войска ООН и что двое их шпионов обезврежены.

У Хогланда возникло предчувствие, что поселение в самое ближайшее время исчезнет, а на его месте разразится битва между войсками ООН и... Увеселительной компанией «Падающая Звезда»?

Интересно, где построен этот корабль? Ясно, что не на Земле, Марсе или Венере... Тогда где же? Неужели они прибыли из другой звездной системы, например, из системы Проксимы?

Рядом присел одетый в черную форму офицер секретной полиции ООН.

— Держи хвост пистолетом, старина, — подбодрил он Хогланда. — Вы развязали нам руки. Раньше мы не могли доказать, что у этого ярмарочного корабля враждебные намерения. Теперь-то они нипочем не сунутся на Землю. А убытки вам возместят, не волнуйся. — Он улыбнулся, вскочил и ушел в темноту, к урчащим танкам.

Власти наводнили местность войсками. А будет ли от этого толк? Бог его знает!

Но ясно одно, размеренной спокойной жизни поселения пришел конец.

Не нужно было звать на помощь военных, колонистам следовало решать самим собственные проблемы!

Тяжесть руки Тони Костнера отвлекла Хогланда от невольных размышлений. Вместе они оттащили мертвую овцу, остановились у изгороди, переводя дух.

— Я, только я во всем виноват, — заявил Тони.

— Да нет же. — Хогланд покачал головой. — И передай сыну, чгобы не падал духом, и его вины здесь нет.

— Как только прибыли полицейские, он убежал в поля. На нем лица не было. Должно быть, его теперь ищут. — Тони говорил неуверенно, с трудом подбирая слова, будто не веря в случившееся. — Один из полицейских сказал, что к утру газ сделает свое дело, и мы сможем вернуться. Как думаешь, они раньше сталкивались с подобными куклами? Сами-то они ничего толком не говорят, но держатся уверенно. Похоже, знают, что делают.

— Кто их разберет?

Хогланд раскурил настоящую земную сигару и теперь пускал из ноздрей дым, мрачно наблюдая, как солдаты пинками и ударами прикладов загоняют фиолетовых длинношерстных овец в люки вездеходов.

Подумать только, во скольких книгах описано вторжение инопланетян, сколько об этом говорили. Но разве кто предполагал, что оно произойдет именно так? Начнется здесь, на Марсе, в крошечном захолустном поселении с шестнадцати неказистых кукол, выигранных по глупости у торгашей с ярмарочного корабля? По словам генерала Моцарта, захватчики не намеревались подсовывать начиненных электроникой кукол им, все произошло по недоразумению. Ничего не скажешь, ирония судьбы!

Рядом к изгороди привалился Боб Тарк.

— Вы хоть понимаете, что нас просто принесли в жертву? Теперь это и слепому видно! Газ убьет всех кротов и крыс в округе, но чертовы куклы останутся целы и невредимы. Ведь они не дышат. Войска ООН будут бесноваться здесь еще не одну неделю, переломают все, вытопчут поля... Запомните мои слова, газовая атака — это только начало, мы еще с ними горя натерпимся. — Нахмутив брови, он взглянул на Тони Костнера. — А все беды из-за твоего сына-выродка! Если бы не он, мы бы жили себе и...

— Угомонись! — вмешался Хогланд. — Если будешь продолжать в том же духе, то скоро виноватыми окажутся все, кто имел к этой истории хоть малейшее отношение. Я, Тони... Сказать по правде, я с удовольствием уйду в отставку, и тогда управляйте поселением сами, а я посмотрю на вас и посмеюсь.

Из громкоговорителя на крыше вездехода грянул зычный бас:

— Всем, кто меня слышит. Приготовьтесь к погрузке на вездеходы ООН. Через тридцать минут район подвергнется газовой атаке. Повторяю...

Офицер повторил приказание сначала, потом еще и еще, поворачивая каждый раз громкоговоритель на девяносто градусов. Его голос прокатился по поселению в одну, в другую стороны, и еще долго в ночной темноте гроыхало эхо.

Знакомые поля вокруг поселения давно остались позади, и теперь, спотыкаясь на каждом шагу, Фред брел по непаханной земле. Его душу терзали мрачные мысли, и ему было все равно, куда идти, лишь бы оказаться подальше от родного поселения, лишь бы затеряться среди бескрайних марсианских равнин.

За спиной орал громкоговоритель:

— Всем, кто меня слышит. Приготовьтесь к погрузке на вездеходы ООН. Через тридцать минут район подвергнется газовой атаке. Повторяю. Всем, кто меня слышит...

Фред прибавил шаг, стараясь отключиться от назойливого голоса, не слышать предостережения.

— Быстрее, быстрее... — бормотал он под нос.

В ночном воздухе витали запахи сухой травы. На милях вокруг не было ни изгороди, ни стожка. Но и на это безлюдное место корабли ООН наверняка сбросят газ. Потом здесь пройдут солдаты в серой форме — лица в противогазах, за спинами огнеметы и миноискатели. Они будут разыскивать шестнадцать иноземных микророботов, но те, наверное, давным-давно попрятались в крысиные норы. Век бы им там сидеть и не вылазить на свет божий!

Найти бы сейчас этих злосчастных роботов, тогда, может, все бы и уладилось. Но вряд ли они все спрячутся в одном месте. Да и, обнаружив их, что делать дальше? Как их уничтожить? Они же вооружены. Хогланд Рай имел дело только с одним из них, и то едва остался жив.

Впереди и чуть справа блеснул свет. Фред направился туда.

На краю освещенного участка двигались неясные тени.

Фред остановился, прислушался. До него донеслись мужские и женские голоса, размеренный механический рокот.

ООН не посылает на боевые операции женщин. Тогда кто же это?

На фоне ночного звездного неба Фред различил темный силуэт космического корабля!

Сидя на холодной марсианской земле, Фред наблюдал за скачущими тенями.

Кто бы это мог быть? Торгаши с ярмарочного корабля?

Едва ли. Кому придет в голову сооружать ларьки, шатры, платформы и прочее посреди пустынной равнины, откуда до ближайшего поселения не меньше пяти миль?

Что-то холодное коснулось ноги Фреда.

Фред подцепил предмет своим психикетическим полем, поднял в воздух, взял в руки и поднес к глазам. Сбежавший микроробот! Механизм натужно гудел, дергался в руках, пытался высвободиться, Но Фред держал крепко.

У самого уха раздался спокойный женский голос:

— Отпусти его, мальчик. Пожалуйста. Ему нужно идти.

Вздрагнув, Фред разжал пальцы. Оказавшись на земле, робот бросился прочь и через секунду растворился в темноте.

Фред поднял голову. Рядом, с фонариком в руке, стояла тоненькая девушка в широких брюках, свитере и теннисных туфлях на босу ногу.

— Привет. — Фред встал. Он был чуть ниже девушки и побаивался ее. — Тебе надо быстрее убираться отсюда. Слышал предупреждение? Здесь скоро сбросят газ.

— Слышала. — Девушка оглядела его с ног до головы. — Да ты никак тот самый непобедимый игрок, что шестнадцать раз подряд сбросил Симона в воду. — Она рассмеялась. — Он был вне себя. Бедняга и раньше без конца на свои «болячки» жаловался, а теперь, по твоей милости, еще и насморком обзавелся. Отныне, мальчик, ты — его смертельный враг.

Она определенно не обладала псиполем.

— Не называй меня больше мальчиком. — Страх постепенно оставил Фреда.

— Дуглас, наш психикетик, сказал, что ты силен, как сам черт. Такое от него услышишь не каждый день. Поздравляю. — Девушка вновь рассмеялась.

— Вашему психикетику — грош цена! Меня никто не учил, и то я его играючи одолел. На вашем месте я бы подыскал кого-нибудь поспособнее.

— Уж не спрашиваешься ли ты к нам в компанию?

Сияющие в свете фонарика крошечные острые зубки приковывали взгляд, гипнотизировали. Фред с трудом отвел глаза от лица девушки.

— Нет! Только не к вам!

— Ну и как тебе наши подарочки? Было за что драться?

Фред молча опустил голову.

— Когда мистер Рай звонил в полицию ООН, под полом его мастерской сидела крыса с нашим радиопередатчиком на шее. У нас в запасе была уйма времени, чтобы приготовиться... — Она помолчала с минуту, но видя, что Фред не реагирует, продолжила: — Мы не виноваты в ваших неприятностях. Посуди сам: ведь робота запустил ваш предприимчи-

вый мистер Рай. При чем тут мы? Руки чесались у него, с него и спрос. Согласен со мной?

— Положим, робота запустил мистер Рай. Так что с того? Рано или поздно, это сделал бы кто-нибудь другой. Но вы все равно проиграли. ООН о вас знает и нас в обиду не даст. Вы уже грузите своих микророботов на корабль и...

— Грузим на корабль? — Смех девушки больно ударил по барабанным перепонкам. — С чего ты взял? Те шестнадцать выигранных тобой кукол ничего для нас не значили, но, запустив одного робота, вы вынудили нас идти дальше, и теперь мы РАЗГРУЖАЕМ корабль.

Она повела фонариком. Трава у ног кишела роботами. Они, как насекомые, поспешно расползались от света.

Закрыв глаза, Фред застонал.

— Ты по-прежнему не хочешь к нам? — промурлыкала девица. — У нас, мальчик, твое будущее обеспечено. А иначе... — Она тяжело вздохнула. — Иначе, кто знает? Подумай сам, кому какое дело до затерянного на Марсе крошечного поселения и его бедных жителей?

— Нет. Хоть озолотите, работать на вас не буду!

От ярмарочного корабля доносились голоса, смех, скрежет металла; в траве шуршали роботы.

Фред открыл глаза. Девушка уже отошла в сторону и рассматривала какой-то механизм в руках безголового, Симона.

Фред повернулся и со всех ног бросился к поселению.

Высокий подтянутый офицер в черном мундире войск секретной полиции ООН отрывисто вещал:

— Я — генерал Волфф. С этой минуты замещаю генерала Моцарта. Войска под его командованием отлично экипированы и неплохо подготовлены для ведения открытых военных действий, но для борьбы с коварными агрессорами из космоса не годятся. — Не заметив протянутую Хогландом руку, он принялся вышагивать по мастерской. — И почему только с самого начала пригласили не меня?.. — Он замер, уставясь на носки своих ботинок. — Например, я бы сразу сказал, что увеселительная компания намеренно проиграла вам этих злосчастных микророботов.

Рай кивнул. Сказанное генералом давно стало очевидным — поля и холмы вокруг поселения кишели роботами, и выходить из домов, особенно по ночам, было небезопасно.

— Прежде торговцы прилетали к вам на разведку, — продолжал генерал. — Они прекрасно знали о вашем плане отыгаться и подсунили вам микророботов. А их психикетик только создавал видимость отчаянной борьбы.

— Расскажите лучше, как вы намерены нас защитить? — не выдержал Хогланд.

— Мы делаем все, что в наших силах. — Генерал снова направился в угол. — Очевидно, защитить все подвергнувшееся нападению поселения не удастся. За последние двадцать четыре часа проклятый корабль приземлялся в сорока различных местах. Враги спланировали каждый свой шаг и перемещаются с фантастической скоростью. За ними не угонишься! — Некоторое время он ходил молча. — А вы-то радовались, что облапошили их. — Он остановился и взглянул Хогланду в глаза. — И так думали в каждом поселении.

— Я с самого начала предполагал, что нас обвели вокруг пальца. — Хогланд потупил взгляд.

— Вы все считали себя самыми умными, вот и получили по заслугам. Впредь, если поблизости опустится неземной корабль, не пытайтесь обхитрить захватчиков, сразу вызывайте нас.

— Хорошо. — Хогланд чувствовал тупую ноющую боль в животе. — Они хозяйничают во всем этом районе Марса. Чего они добиваются? Экономического превосходства или?..

— Не гадайте.

— Извините, не понял.

— Не гадайте. Ответ выше вашего понимания. Они знают, чего добиваются, и мы знаем. Так ли важно знать об этом и вам? Ваша задача — восстановить фермерские хозяйства. А если не можете, то пакуйте вещи и отправляйтесь на Землю.

— Понятно.

Хогланд уселся на верстак, открыл ящик с инструментами, подвинул к себе сломанный блок управления скоростью роботрактора.

— Смотрите! — воскликнул генерал.

В углу верстака, почти сливаясь с замызанной стеной, сидел микроробот и наблюдал за ними.

— Вот скотина!

Хогланд вскочил и направился в угол мастерской. Накануне вечером он вычистил, зарядил и убрал в верхний ящик стола свой старенький револьвер.

Когда с револьвером в руке он повернулся, робота давно и след простыл. Генерал Волфф, сложив на груди руки, стоял на прежнем месте. Казалось, ярость Хогланда его забавляет.

— Уничтожить их по одному — абсурд, — заявил генерал. — Наши спецы сейчас, не покладая рук, работают над прибором, который выведет из строя всех роботов сразу. Устройство отключит их от источников питания в ранцах... — Генерал наморщил лоб. — Хотя, не исключено, что захватчики из космоса предвидели такой ход с нашей стороны и изготовили батареи питания таким образом, что... — Он пожал плечами. — Не беда. Со временем придумаем что-нибудь лучше.

— Хотелось бы верить. — Хогланд вернулся к верстаку и вновь принялся за починку блока.

— Будем надеяться, что Марс мы отстоим, — едва слышно пробормотал генерал.

Хогланд отложил отвертку и уставился на него.

— В конце концов, подумаешь — Марс, невелика потеря. — Волфф скривился, как от зубной боли. — Главное — отстоять Землю!

— Стало быть, особо стараться вы не намерены, и нам не на что надеяться?

Генерал не ответил. Все было ясно без слов.

Над зеленоватой пенящейся водой вились мохнатые желтые мухи, в лучах солнца сверкали ярко-красные жуки. Боб Тарк нагнулся над каналом и тут уголком глаза уловил подозрительное движение. Сегодня он намеревался сжечь груды старых помятых бочек из-под мазута и на счастье прихватил с собой лазерную трость. Рука Тарка сама собой потянулась к поясу, и он резко повернул голову. Микроробот уже скрылся.

Боб разочарованно вздохнул, вновь сел на корточки и склонился над мутной водой.

Жена прошлой ночью видела здесь роботов, слышала, как они возились в прибрежных зарослях. Какого черта им здесь понадобилось?!

Боб втянул носом воздух. От воды исходило омерзительное зловоние.

— Проклятье! Похоже, роботы отравили воду!

Воду из канала регулярно брали на химический анализ, но пока доставят результаты, пройдут дни. А чем поливать картошку сейчас?

В ярости от собственной беспомощности Боб выхватил лазерную трость и огляделся.

Ни единого робота! Поганые твари занимаются своими гнусными делишками только по ночам.

Жизнь медленно покидала поселение, уже десять семей сложили вещи и отбыли на Землю. По всему видно, скоро настанет черед и Боба.

И ничего не поделаешь!

А как бы хотелось расквитаться с проклятыми роботами, освободить от них поселение! Для такого дела ничего, кажется, не жалко!

Боб засунул руки в карманы и понуро побрел к дому. Прошагав большую часть пути, он услышал нарастающий рев ракетных двигателей. Остановившись, он оглядел небо.

Неужели опять «Падающая Звезда»?.. Торгаши вернулись, хотят побыстрее разделаться с поселенцами!

В полутора милях на северо-запад снижался космический корабль, формой и цветом напоминающий спелый апельсин. На блестящем оранжевом боку огромными буквами по-английски было написано:

**«ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ИГРОВАЯ АССОЦИАЦИЯ
ШЕСТИ ЗВЕЗДНЫХ СИСТЕМ. ЗАБАВЫ И РАЗВЛЕЧЕ-
НИЯ ДЛЯ ВСЕХ!»**

Господи, еще одни торгаши!

Эти даже не пытаются, как прохвосты с «Падающей Звезды», подделать свой корабль под земной.

Боб хотел повернуться и бежать, куда глаза глядят, но животный первобытный страх словно пригвоздил его к месту.

Корабль приземлился. Распахнулись люки, оттуда выкатились похожие на сплюснутые пончики механизмы и шустро зарылись в коричневый песок.

На плечо Боба легла рука Винса Гюеста.

— Что там?

— Сам не видишь? — Боб поморщился. — Разуй глаза!

Механизмы в считанные минуты натянули центральный шатер, разложили плоские, еще не надутые киоски. В проеме люка появилось существо. Человек? Следом вылезли другие — мужчины в блестящих разноцветных накидках, девушки в ярких трико.

— Вот это да! — Винс сглотнул. — Ну и девицы! Тебе доводилось видеть женщин в таких...

— Я на своем веку повидал и не такое. Но будь я проклят, если еще хотя бы раз сунусь на ярмарку!

Пришельцы даром времени не теряли. Вскоре до Боба донеслась тихая, чарующая мелодия, воздух наполнился запахами сладкой ваты, жарящихся на открытом огне орешков и еще чего-то, едва уловимого, но такого манящего...

Рыжеволосая девушка в крошечном лифчике и полоске шелка вокруг талии легко, точно играючи, вспрыгнула на платформу, закружилась, завертелась под музыку, все быстрее и быстрее. В сторону отлетел лифчик, за ним — набедренная повязка, танец продолжался. Но странное дело: ее танец вовсе не походил на принятые на ярмарках вульгарные развлечения, казался настоящим искусством. В ее движениях была жизнь, красота...

— Я... я... Надо бы рассказать Хогланду о новых торгашах, — выдавил очарованный грацией танцовщицы Винс.

К переливающимся на солнце ларькам, шатрам, разноцветным гирляндам, трепещущим на ветру флажкам подходили, будто загипнотизированные, колонисты.

— Правильно, ступай. А я тем временем взгляну на ярмарку поближе.

Еле передвигая по песку ноги, Боб Тарк направился к

космическому гораблю. Чем ближе к ярмарке, тем шире становится его шаг, а вскоре он перешел на бег.

Тони Костнер не сводил глаз с лица Хогланда.

— Пойдем, хотя бы поглядим, что они предлагают. Это совсем другие торгаши, в наших бедах с микророботами виноваты не они.

— Вряд ли эти лучше прежних, — пробормотал Хогланд и повернулся к Фреду. — Как по-твоему, сынок?

— Надо бы на них посмотреть.

— Хорошо. — Хогланд кивнул. — За погляд, как говорится, денег не берут. Пока мы помним предупреждение генерала Волффа и не пытаемся их перехитрить, все нормально. — Он отложил гаечный ключ, встал из-за верстака, подошел к шкафу и надел подбитый мехом плащ.

Через полчаса Рай и Костнеры оказались на ярмарке.

Оставляя взрослых позади, Фред рванулся вперед. Он озираясь, бегал туда-сюда, вдыхал пропитанный диковинными запахами воздух, слушал прекрасную музыку.

За ларьком с игровыми автоматами он наткнулся на платформу. На ней лежала голова с заостренными ушами, длинными жиденькими волосами и пронизательными карими глазами.

Фред с первого взгляда определил, что урод настоящий, без обмана.

— Подходите и полюбуйте на Орфея, голову с невидимым телом! — закричал в мегафон человек в ярко-алом плаще. К платформе потянулись колонисты, в основном дети. Они стояли, разинув рты. — Орфей, покажи им, как ты ешь! Покажи, как двигаешься! Покажи им, Орфей, покажи!

Зазывала швырнул горсть пищевых шариков. Голова широко раскрыла рот, поймала на лету почти все шарики и покатила по неструганому деревянному настилу, жадно пережевывая подачку. Зазывала рассмеялся и загорланил вновь.

К Фреду подошел запыхавшийся Хогланд.

— Ну как, сынок, нашел игру, которая принесет нам прибыль? — В его голосе звучали нетерпение и неподдельный азарт. — Может, снова покидаешь бейсбольные мячи? — Затем он почему-то сник, сторбился и, не дожидаясь ответа, отошел к колонистам. — Расходитесь по домам! Идите, идите отсюда, пока еще раз не...

Фред уловил от ближайшего шатра знакомый поток пси-энергии.

— Подождите! — крикнул он и бросился туда.

У входа Фреда встретила седовласая толстуха со связкой пластиковых колец в руке.

За спиной Боб Тарк оживленно зашептал Хогланду:

— Давай сторгуем у них с десяток колец. Ты ведь знаешь, Фред непременно выиграет. Швырять легкие пластиковые кольца для такого таланта, как он, — плевое дело.

— Надеюсь, сынок, — обратился Хогланд к Фреду, — на этот раз ты не ошибешься с призами.

В дальнем конце шатра аккуратными рядами располагались призы — одинаковые металлические шары. На них-то и следовало набрасывать пластиковые кольца.

Фред и Хогланд, приглядываясь, подошли ближе. Распорядительница аттракционом тут же предложила им кольца.

— Всего за доллар. Можно за его эквивалент в натуральных продуктах.

— Что скажешь? — Хогланд тоже решил попробовать. — Призы, вроде, стоящие. Похоже, это... машины.

— Я понял, зачем они, — обронил Фред.

— Господи! — вырвалось у Хогланда. — Да это ловушки!

— Совершенно верно, мистер, — зашебетала распорядительница. — Единственные в своем роде ловушки. Они даже думать могут. Вы их только запускаете, а дальше они сами берутся за дело и охотятся до тех пор, пока не переловят всех... — Она запнулась. — Да что там темнить, вы сами отлично знаете, кого. Да, мистер, они враз изловят всех маленьких бестий, которые отравили вашу воду, сгубили ваших телят и не угомонятся, пока не разрушат ваше поселение до основания. Выиграйте эти незаменимые ловушки, и тогда, тогда... Сами увидите!

Она сняла со связки одно кольцо и ловко его кинула. Кольцо пролетело над игровой площадкой, коснулось одного из шаров и откатилось в сторону. Казалось, кинь она чуть ниже, и игра была бы выиграна.

— Мы покупаем все ваши кольца, — заявил Хогланд. — Ловушек нам понадобится не меньше двух сотен. И мы готовы поставить на кон все, что у нас есть: каждый кочан, каждый кабачок, овцу или шерстяное одеяло.

— Вы правильно решили, мистер, — зашебетала толстуха. — Ловушки стоят того! Если вы выиграете, а вы обязательно выиграете, ваши дела сразу пойдут на лад.

— Давайте побыстрее начнем! — воскликнул Тарк, поворачиваясь к Фреду. — Сыграешь в эту игру? Выиграешь?

— Я... Думаю, что выиграю.

Фред знал, что где-то среди бесчисленных шатров, ларьков и аттракционов скрывается человек с антипсиполем. Но с Фредом ему не совладать. Он слишком слаб.

Хотя, кто знает, может, торгаши снова делают ставку на проигрыш?

О НЕУТОМИМОЙ ЛЯГУШКЕ

— Зенон был первым великим ученым, — изрек профессор Харди, окидывая аудиторию суровым взглядом. — Возьмите, например, его парадокс с колодцем и лягушкой. Как показал Зенон, лягушка никогда не достигнет верхнего края колодца, если длина каждого ее нового прыжка составляет половину длины предыдущего: всегда будет оставаться малое, но вполне реальное расстояние до конца пути.

Пока студенты, пришедшие слушать лекцию по физике, осмысливали сказанное профессором, в аудитории царила тишина. Затем из задних рядов медленно поднялась рука, и Харди недоверчиво взглянул на ее обладателя.

— Ну? — сказал он. — Что еще, Питнер?

— На занятиях по логике нас учили, что лягушка достигнет верхнего края колодца. Профессор Гроут сказал...

— Не достигнет!

— А профессор Гроут сказал, что достигнет.

Харди сложил руки на груди.

— На моих занятиях лягушка никогда не достигнет верхнего края колодца. Я сам изучил эту проблему, и я убежден, что до края всегда будет оставаться маленький отрезок пути. Например, если она прыгнет...

Зазвенел звонок.

Студенты дружно поднялись со своих мест и направились к выходу. Так и не договорив, профессор Харди нахмурился и, недовольно потирая рукой подбородок, посмотрел вслед шумной орде молодых мужчин и женщин с ясными пустыми лицами. Когда последний студент покинул аудиторию, Харди достал трубку и вышел в коридор. Он взглянул сначала в одну сторону, потом в другую: ну, так и есть — совсем неподалеку стоял профессор Гроут и пил воду из фонтанчика, утирая подбородок.

— Гроут, — произнес Харди. — Пойдите сюда!

Профессор Гроут оторвался от фонтанчика.

— Что случилось?

— Идите сюда, — сказал Харди и направился к нему сам. — Как вы смеете трогать Зенона? Он был ученым, и как таковой является принадлежностью моего курса обучения, а никак не вашего. Оставьте Зенона в покое!

— Зенон был философом! — Гроут возмущенно уставился на Харди. — Впрочем, я знаю, что вы имеете в виду. Этот парадокс с лягушкой и колодцем. К вашему сведению, Харди, лягушка с легкостью выберется из колодца. Вы дезинформируете своих студентов. На моей стороне логика!

— Ха, логика! — Харди фыркнул, сверкая глазами. — Старые пыльные максимы! Совершенно очевидно, что лягушка должна остаться в колодце навсегда. Вечная пленница, которой никогда не суждено выбраться!

— Она выберется!

— Не выберется!

— Джентльмены, вы закончили? — раздался рядом спокойный голос, и они резко обернулись: позади с мягкой улыбкой на губах стоял декан факультета. — Если да, то не согласитесь ли вы заглянуть ко мне в кабинет? — Он кивнул в сторону своей двери. — Это ненадолго.

Гроут и Харди переглянулись.

— Видите, что вы наделали? — прошипел Харди, входя в кабинет декана. — Снова из-за вас неприятности.

— Из-за вас. И из-за вашей лягушки!

— Садитесь, джентльмены. — Декан указал на два стула с жесткими спинками. — Садитесь поудобнее. Мне, право, жаль беспокоить вас, когда вы так заняты, но мне действительно необходимо с вами поговорить. — Некоторое время он задумчиво смотрел на них, потом спросил: — Могу я поинтересоваться, что послужило причиной вашего спора сегодня?

— Зенон, — пробормотал Гроут.

— Зенон?

— Парадокс с лягушкой и колодецом.

— Понятно, — декан кивнул. — Понятно. Лягушка и колодец. Парадокс, которому две тысячи лет. Древняя загадка. И вы, двое взрослых мужчин, стоите в коридоре и спорите, как...

— Проблема заключается в том, — сказал Харди, — что никто никогда не проводил экспериментальной проверки. Парадокс носит совершенно абстрактный характер.

— Тогда вы двое и будете первыми, кто посадит лягушку в колодец и проследит, что из этого получится на самом деле.

— Но лягушка не станет прыгать в соответствии с условиями задачи.

— Вы должны ее заставить, вот и все. Я даю вам две недели на то, чтобы подготовить эксперимент и найти, наконец, ответ на эту детскую загадку. Мне надоела бесконечные споры, и я хочу, чтобы вы так или иначе покончили с этой проблемой раз и навсегда.

Харди и Гроут молчали.

— Что ж, — произнес наконец Харди, — давайте займемся делом, Гроут.

— Нам понадобится сачок, — сказал Гроут.

— Сачок и стеклянная банка, — добавил Харди, вздыхая. — И, видимо, чем скорее мы приступим, тем лучше.

Работа над проектом «Лягушачья камера», как его вскоре окрестили, началась с размахом. Университет выделил двум ученым подвальное помещение, и Гроут с Харди сразу же принялись перетаскивать туда оборудование. Очень скоро в

университете не осталось никого, кто не знал бы об эксперименте. Большинство специалистов по точным наукам оказались на стороне Харди — они даже сформировали клуб «Провал» и всячески принижали способности лягушек. На философском и искусствоведческом факультетах кто-то в ответ попытался организовать клуб сторонников успеха, но эта деятельность так ничем и не кончилась.

Гроут и Харди продолжали лихорадочно работать над проектом. По мере того, как двухнедельный срок приближался к концу, они пропускали все больше и больше лекций. А «Камера» тем временем росла и все больше и больше становилась похожей на длинную секцию канализационной трубы, расположившейся вдоль стены подвального помещения. Один конец ее исчезал в нагромождении проводов и аппаратуры, на другом конце находилась дверь.

Как-то утром Гроут спустился в подвал и обнаружил, что Харди уже там: он стоял, заглядывая в трубу.

— Послушайте, Харди, — сказал Гроут, — мы ведь договорились не трогать установку, если кто-то из нас отсутствует.

— Я просто посмотрел внутрь. Там темно, — Харди ухмыльнулся. — Надеюсь, лягушка сможет разглядеть дорогу.

— В конце концов, двигаться там можно только в одну сторону.

— А не запустить ли нам пробную лягушку? — предложил Харди, закуривая трубку. — Страшно хочется узнать, чем все кончится.

— Слишком рано, — сказал Гроут, с беспокойством наблюдая, как Харди ищет банку с лягушкой. — Может быть, стоит немного подождать?

— Испугались проиграть? Лучше помогите мне найти банку.

Тут у входа в подвал что-то скрипнуло, и они оба посмотрели на дверь. На пороге стоял студент Питнер и с любопытством оглядывал «Лягушачью камеру».

— Что вам надо? — спросил Харди. — Мы очень заняты.

— Вы хотите начать опыт? — Питнер проскользнул в помещение. — А для чего все эти катушки и реле?

— Все очень просто, — ответил Гроут, просияв. — Это я сам предложил. Вот здесь...

— Давайте лучше я объясню, — перебил Гроута Харди. — Вы его только запутаете. Мы в самом деле собирались начать эксперимент с первой пробной лягушкой. Если хотите, молодой человек, можете остаться. — Он открыл банку и достал оттуда мокрую лягушку. — Как видите, у трубы есть вход и выход. Лягушку мы сажаем со стороны входа. Можете заглянуть внутрь, молодой человек.

Питнер сунул голову в трубу и увидел длинный темный тоннель.

— А что там за линии?

— Это линии для замеров. Гроут, включайте.

Аппаратура ожила и мягко загудела. Харди посадил лягушку в трубу и захлопнул дверцу.

— Это чтобы она не выбралась с этой стороны.

— А зачем вам труба такого диаметра? — спросил Питнер. — Туда вполне поместится взрослый человек.

— Смотрите, — сказал Харди, включая газовый рожек. — Этот конец нагревается, и тепло должно гнать лягушку вдоль трубы. Мы будем наблюдать за ней через окошко.

Заглянув в трубу, они увидели, что лягушка преспокойно сидит на месте, поджав лапки и глядя вперед печальными глазами.

— Прыгай, глупая, — сказал Харди и прибавил огня в горелке.

— Не так сильно! — закричал Гроут. — Маньяк! Вы что, хотите ее изжарить?

— Смотрите! — воскликнул Питнер. — Прыгает!

Лягушка действительно прыгнула.

— Благодаря теплопроводности металла дно трубы нагревается все дальше и дальше, — пояснил Харди, — и лягушке приходится прыгать, чтобы не обжечь лапы. Вот, смотрите.

— Боже, профессор, — испуганно заговорил Питнер, — она уменьшилась. Лягушка стала в два раза меньше.

— Здесь-то и кроется чудо, — просиял Харди. — Дело в том, что в дальнем конце трубы располагается генератор особого силового поля, а нагрев вынуждает лягушку прыгать к генератору. Силовое поле действует на живые ткани таким образом, что по мере приближения к источнику они сокращаются в размере: чем дальше лягушка прыгает, тем меньше она становится.

— А зачем?

— Только при таком условии каждый последующий прыжок лягушки будет меньше предыдущего. Прыгая, она становится меньше и, соответственно, короче становятся ее прыжки. Мы настроили аппаратуру таким образом, что степень уменьшения соответствует требованиям парадокса Зенона.

— И чем же все кончится?

— Вот это, — сказал Харди, — мы и намерены узнать. В дальнем конце трубы стоит фотоблокировочное устройство. Если лягушка доберется туда, она пересечет луч света, падающий на фотозлемент, и таким образом отключит силовое поле.

— Доберется, — пробормотал Гроут.

— Нет. Она будет становиться меньше и меньше, а прыж-

ки ее короче и короче. Для нее труба будет удлиняться до бесконечности, и она никогда не доберется до конца.

Ученые обожгли друг друга убийственными взглядами.

— Вы слишком в себе уверены, — сказал Гроут.

Они склонились над окошком в трубе. Лягушка проскакала уже довольно большое расстояние, но наблюдать за ней стало трудно: маленькое пятнышко размером не больше мухи продолжало ползти по дну трубы, становясь все меньше и меньше. Вскоре лягушка превратилась в крохотную точку, а потом и вовсе исчезла.

— Боже, — произнес Питнер.

— Мы вас больше не задерживаем, Питнер, — сказал Харди, потирая руки. — Нам с профессором Гроутом надо кое-что обсудить.

— Итак, — сказал Гроут, когда Питнер вышел, — трубу проектировали вы. Что стало с лягушкой?

— Как что? Она все еще прыгает где-то там среди атомов.

— Я подозреваю, что вы смошенничали. Наверняка по дороге с ней что-нибудь случилось.

— Если вы так считаете, — парировал Харди, — вы можете обследовать трубу сами.

— Пожалуй, я это и сделаю. Возможно, я найду там... какую-нибудь ловушку.

— Как хотите, — сказал Харди. Ухмыляясь, он выключил газ и открыл металлическую дверцу.

— Дайте мне фонарь, — потребовал Гроут.

Харди вручил ему фонарь, и Гроут, кряхтя, полез в трубу.

— Только без фокусов! — донесся оттуда его голос, отдающийся гулким эхом.

Харди подождал, пока Гроут скроется в трубе, потом наклонился и заглянул внутрь. Профессор Гроут, чихая, с трудом добрался до середины трубы и остановился.

— В чем дело? — спросил Харди.

— Тут слишком тесно...

— Да?.. — Улыбка Харди стала шире. Он вынул трубку из рта и положил ее на стол. — Здесь я в состоянии вам помочь...

С этими словами он захлопнул дверцу, бросился к противоположному концу трубы и включил силовое поле. Загорелись лампы, защелками переключатели.

— Ну вот, уважаемая лягушка, теперь прыгайте, — произнес Харди, сложив на груди руки. — Прыгайте, сколько захочется.

Он подошел к газовому рожку и зажег горелку.

В трубе было темно. Какое-то время Гроут лежал без движения, прислушиваясь к собственным медленно плывущим

мыслям. Что случилось с Харди? Что он задумал?.. Потом Гроут все-таки поднялся на локтях и тут же ударился головой о потолок трубы. Становилось жарко.

— Харди! — Громкий, панический крик загрохотал в трубе, отражаясь эхом от стен. — Откройте дверь! Что происходит?

Он попытался развернуться, чтобы пробраться к дверце, но не смог. Ничего не оставалось, кроме как двигаться вперед, и Гроут пополз дальше, бормоча сквозь зубы:

— Ну, вы у меня дождетесь; Харди, с вашими шуточками. Вы думаете...

Совершенно неожиданно труба подпрыгнула. Гроут упал, ударившись подбородком о металлическую поверхность, и заморгал. Труба определенно выросла, и теперь места стало более чем достаточно. А одежда!.. Брюки и рубашка болтались на нем, словно упавшая палатка.

— О, господи, — тихо проговорил он, встал на четвереньки, развернулся с трудом и пополз обратно к двери. Толкнул ее, но дверь не поддавалась.

Довольно долго он просто сидел, но когда металлический пол под ним нагрелся, Гроут неохотно отполз по трубе в более прохладное место. Он обхватил руками колени и мрачно уставился в темноту.

— Что же мне делать? — спросил он сам себя вслух.

Через некоторое время к нему вернулось присутствие духа.

— Я должен рассуждать логически. Однажды я уже попал в силовое поле и стал теперь в два раза меньше. Следовательно, рост у меня теперь не больше трех футов. Соответственно труба стала для меня как бы вдвое длиннее.

Гроут достал из огромного кармана фонарик, листок бумаги и принялся за вычисления. Фонарик, тоже ставший в два раза больше, он держал с трудом. Вскоре пол под ним снова нагрелся, и он, не задумываясь, подвинулся дальше.

— Если я останусь здесь достаточно долго, — пробормотал он, — то я...

Труба снова подпрыгнула, удаляясь сразу во всех направлениях, и Гроут очутился под грудой грубой ткани. Задышавшись, он наконец высвободился и, оглядываясь вокруг, произнес:

— Полтора фута. Что же будет дальше?

Но когда пол под ним снова стал горячим, он все-таки отполз еще.

— Три четверти фута. — На лице его выступил пот. — Всего три четверти.

Он бросил взгляд вдоль трубы. Далеко-далеко мерцал пересекающий трубу луч света фотоблокирующего устройства. Если бы добраться до него, если бы только добраться...

Поразмыслив над своими выкладками еще немного, Гроут пробормотал:

— Надеюсь, я не ошибся. Судя по вычислениям, я доберусь до светового луча примерно через девять с половиной часов, если буду двигаться без остановки.

Тяжело вздохнув, он встал, положил фонарик на плечо и добавил:

— Однако к тому времени я здорово уменьшусь.

После этого он зашагал дальше с гордо поднятой головой.

Профессор Харди повернулся к Питнеру.

— Расскажите аудитории, что вы видели-сегодня утром.

Все посмотрели на Питнера, и тот занервничал.

— Э-э-э... Я заглянул в подвал, и меня пригласили осмотреть «Лягушачью камеру». Профессор Гроут пригласил. Они собирались начать эксперимент.

— Какой эксперимент?

— Эксперимент, связанный с парадоксом Зенона, — нервничая, пояснил Питнер. — С лягушкой. Ее посадили в трубу и закрыли дверцу. Затем профессор Гроут включил аппаратуру.

— И что произошло?

— Лягушка начала прыгать. И уменьшилась.

— Правильно, уменьшилась. А потом?

— Потом она исчезла.

Профессор Харди откинулся на спинку кресла.

— И лягушка не достигла противоположного конца трубы?

— Нет.

— Что и требовалось доказать.

Аудитория забормотала.

— Как видите, лягушка, вопреки ожиданиям моего коллеги профессора Гроута, не достигла конца трубы. И никогда не достигнет. Увы, мы больше не увидим это несчастное существо.

Аудитория заволновалась, и Харди постучал по крышке стола карандашом, потом зажег трубку и, снова откинувшись в кресле, выпустил в потолок облако дыма.

— Боюсь, этот эксперимент явился слишком тяжелым ударом для бедняги Гроута. Как вы, наверное, заметили, он не пришел после обеда на занятия. Насколько я понял, профессор Гроут решил отправиться в длительный отпуск в горы. Может быть, после того, как он немного отдохнет, придет в себя и забудет...

Гроут морщился, но продолжал идти.

— Не волноваться, — уговаривал он себя. — Главное — продолжать двигаться вперед.

Труба снова подпрыгнула, и он покачнулся. Фонарик упал на пол и погас. Гроут остался в огромной темной пещере, у которой, казалось, не было ни конца, ни края.

Но он продолжал идти.

Через какое-то время его одолела усталость.

— Отдых мне не повредит. — Он сел на грубый неровный пол. — Но судя по новым вычислениям, мне потребуется около двух дней, чтобы дойти до конца трубы. Может быть, даже больше...

Гроут немного подремал, потом двинулся дальше. Внезапные увеличения трубы в размерах перестали его пугать: он привык. Рано или поздно он доберется до конца и пересечет световой луч. Силовое поле выключится, и он снова обретет свои нормальные размеры... Гроут улыбнулся: то-то Харди будет удивлен.

Он ударился обо что-то большим пальцем ноги и упал. Страх охватил его, он задрожал и встал, озираясь в окружающей темноте.

В какую сторону теперь идти?

— О, господи, — пробормотал он, наклоняясь и трогая пол. Куда же ему теперь идти? Время тянулось. Он двинулся медленно сначала в одну сторону, затем в другую, не различая ничего вокруг, совсем ничего. Потом побежал, бросаясь в темноте то туда, то сюда, спотыкаясь и падая. И вдруг пол под ним покачнулся — то самое знакомое ощущение. Гроут облегченно вздохнул: значит, он движется в нужном направлении! И он снова побежал, но теперь уже успокоившись, ровно, глубоко дыша открытым ртом. Затем мир снова покачнулся, и Гроут стал еще чуть меньше, а значит, направление оставалось верным. Он продолжал бежать.

По мере того, как он бежал, пол становился все грубее и грубее. Вскоре ему пришлось перебираться через какие-то камни, и Гроут остановился. Разве трубу не полировали? Сначала шкуркой, потом...

— Ну, конечно же, — пробормотал он. — Даже поверхность лезвия для бритвы пожет показаться грубой, если ты сам так мал...

Он продолжал двигаться вперед, ощупывая руками преграды. Вскоре огромные камни вокруг и даже его собственное тело начали слабо светиться. Что это?.. Гроут взглянул на свои руки: ладони поблескивали в полумраке.

— Тепловое излучение, конечно же. Спасибо, Харди.

Прыгая с камня на камень, Гроут двигался в сумеречном свете по бесконечной равнине, усеянной булыжниками и валунами, перескакивая через расселины, как горный козел. «Или как лягушка», — подумалось ему, когда он перепрыг-

нул через очередную яму и остановился перевести дух. Как долго ему еще бежать? Он оглядел высящиеся вокруг железные сопки, и внезапно его снова охватил страх.

— Может быть, об этом лучше не думать, — сказал он, забрался на скалу и прыгнул через трещину. Следующая пропасть оказалась еще шире, и он едва удержался на краю, задыхаясь от напряжения и цепляясь руками за неровные уступы.

Он прыгал и прыгал без конца, снова и снова. Он забыл уже, сколько раз ему приходилось это делать.

Стоя на краю скалы, он решился еще на один прыжок и... Падал он долго, все глубже и глубже в пропасть, все ближе и ближе к неясному свечению. Но дна пропасти все не было и не было. Он падал и падал.

Профессор Гроут закрыл глаза, его охватил покой, усталые мышцы отдыхали.

— Все. Никаких больше прыжков, — произнес он, опускаясь все ниже и ниже. — Закон природы... Чем меньше тело в размерах, тем меньше проявляется действие силы тяжести... Не удивительно, что насекомые падают так безболезненно...

Не открывая глаз, он отдался во власть темноты.

— И таким образом, — сказал профессор Харди, — мы вполне можем ожидать, что этот эксперимент войдет в историю науки, как...

Он замолчал и нахмурился, потому что вся аудитория смотрела не на него, а в сторону двери. Кое-кто из студентов улыбался, потом один из них рассмеялся. Харди повернулся посмотреть, в чем дело.

— Это что еще такое?.. — вырвалось у него.

От двери прыгала по полу лягушка.

— Профессор, — возбужденно сказал Питнер, поднимаясь со своего места, — это подтверждает выработанную мной теорию. Лягушка настолько уменьшилась в размерах, что провалилась между...

— Что? — возмутился Харди. — Это другая лягушка.

— ...между атомами кристаллической решетки материала, из которого изготовлен пол «Лягушачьей камеры». Затем она мягко опустилась на пол, поскольку влияние силы тяжести сказывалось на ней гораздо меньше, и, покинув пределы силового поля вновь обрела свои нормальные размеры.

Питнер, улыбаясь, посмотрел на лягушку. Та продолжала медленно шлепать через комнату.

— То, что вы говорите... — начал профессор Харди, без сил опускаясь в кресло, но в этот момент прозвенел звонок, и студенты принялись собирать книги и тетради. Вскоре проф-

ессор Харди остался один. Он поглядел на лягушку, покачал головой и пробормотал:

— Этого не может быть. На свете полно лягушек. Это какая-то другая лягушка.

К его столу подошел студент.

— Профессор Харди...

Харди поднял голову.

— Да? Что случилось?

— Там в коридоре вас ждет какой-то человек, закутанный в одеяло. Он чем-то расстроен.

— Ладно, — сказал Харди, вздохнул и встал. У дверей он остановился, снова глубоко вздохнул, потом сжал губы и вышел в коридор.

За дверями, завернутый в красное шерстяное одеяло, его ждал Гроут. Лицо его горело от возбуждения. Харди посмотрел на него виноватым взглядом.

— Мы так и не выяснили! — закричал Гроут.

— Что? — пробормотал Харди. — Послушайте, э-э-э, Гроут...

— Мы так и не выяснили, доберется ли лягушка до конца трубы. Мы с ней провалились между атомами. Нам придется придумать какой-то другой метод проверки парадокса. «Камера» для этого не годится.

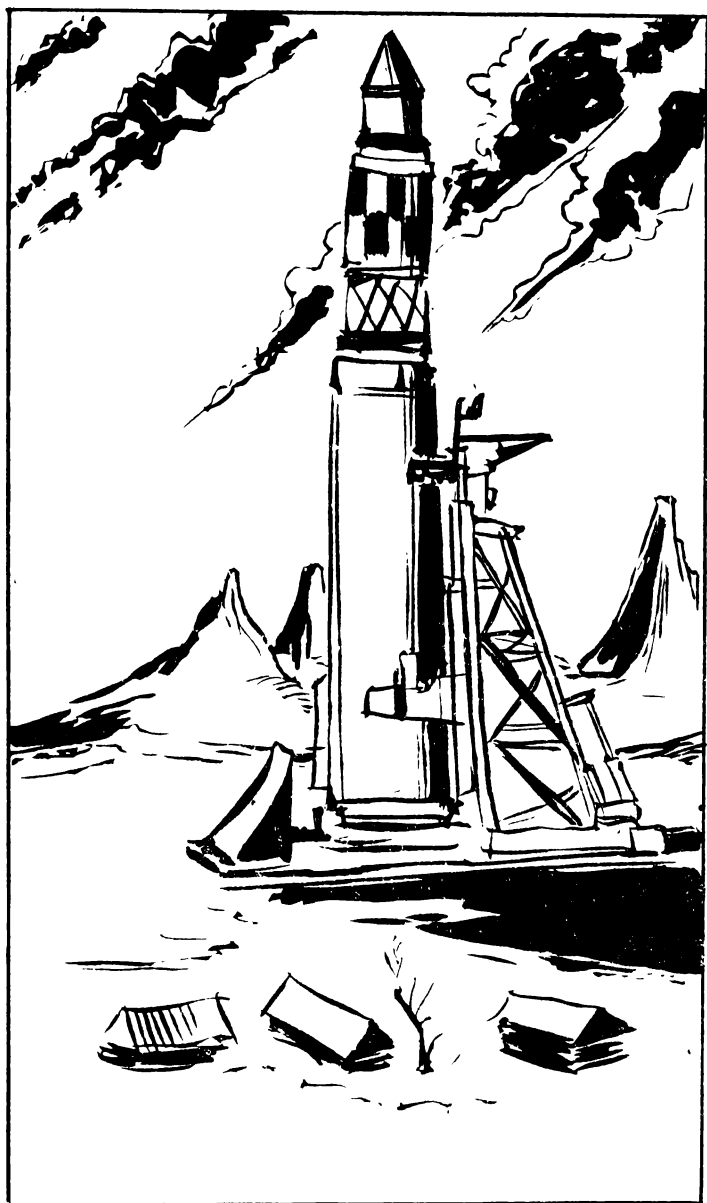
— Да, пожалуй, — произнес Харди. — Послушайте, Гроут...

— Об этом позже, — сказал Гроут. — Я найду вас сегодня вечером. А сейчас мне надо на лекцию.

И он, все еще удерживая одеяло руками, торопливо зашагал по коридору.

ПРИБЫЛЬНОЕ ДЕЛЬЦЕ

Скоробками и пакетами в руках из задней двери своего магазинчика вышла Эдна Бетесон. Близоруко щурясь, она остановилась не навысоком крыльце.

Утро выдалось безветренным, ясным.

В магазинчике громко играло радио, и из-за неприкрытой двери неслась популярная в этом году мелодия. Через Моунт Дьябло Беулевард, гроыхая на рытвинах, прокатила легковушка. За ней — потрепанный грузовичок. У пивной лавки на ящиках расположились сезонные рабочие. Поминутно сплевывая в желтую пыль табачную жвачку, заросшие босышки потягивали пиво и играли в кости. По Лэйфайетт-авеню чинно прогуливались местные дамы в цветастых ситцевых платьях, сандалиях на босу ногу и безвкусных шляпках с лентами. Мимо магазинчика под ручку шли фермер в наглухо застегнутом воскресном костюме и его жена. У крыльца они приостановились, раскланялись с хозяйкой.

Эдна сухо кивнула в ответ, проворно спустилась по скрипучим деревянным ступенькам, подошла к старенькому ржавому грузовичку. Лежащая под крыльцом овца высунула голову и проводила ее сонным взглядом. Отпихнув ногой копошащуюся у колеса пеструю курицу, Эдна принялась складывать пакеты и коробки в кузов.

Рядом, как по мановению волшебной палочки, появился Джекки.

— Бабушка, ты куда?

Он отлично знал, что бабушка отправляется в Четырех-часовое Субботнее Путешествие, но спрашивал каждую неделю и каждую неделю получал один и тот же ответ.

Столь прибыльные сделки, как субботние, — голубая мечта каждого предпринимателя. Кто-кто, а миссис Бетесон знает в этом толк, в торговом деле она без малого пятьдесят три года. Детство не в счет, ведь в ту пору она за свой труд не получала ни гроша, и, как говаривал прежний владелец магазинчика — ее отец, — она набиралась опыта. Именно тогда, протирая пыльные карандаши и ручки, подвешивая к потолку липкие бумажные мухоловки, просеивая сухой горох и выгоняя из-под ободранного прилавка задремавшего кота, она постигала премудрости торговли.

Магазинчик с тех пор постарел, постарела и она. Тучный чернобородый мужчина — ее отец — давно умер. Ее дети и внуки выросли и разъехались, кто куда. Изредка, как правило, засушливым солнечным летом, то один, то другой из них появлялся в Валнут-Крике, проводил здесь месяц-другой и вновь исчезал из ее жизни на годы...

— Бабушка, я спросил, куда ты? — От избытка чувств Джекки даже топнул ногой.

Миссис Бетесон сунула в кузов последнюю коробку и неохотно повернулась к внуку.

— Что?.. — Она наморщила желтый пергаментный лоб. — Тебе же известно — куда. Так зачем попусту спрашиваешь?

Большую часть груза накануне ночью упаковал в кузов Арни-швед — толстый седовласый старик, выполнявший в магазинчике всю тяжелую работу. Надо свериться с бухгалтерской книгой, не напутал ли старый дуралей чего.

Эдна поднялась на крыльцо и вошла в крохотную конторку. За ней увязался Джекки.

— Бабуля! Можно мне с тобой?

— Конечно, нет.

— Но мне ужасно хочется.

Низенькая, высушенная солнцем старушка оторвала глаза от записей и лукаво поглядела на внука — точь-в-точь старая, знающая все на свете птица.

— Каждый в округе только и мечтает отправиться со мной, но езжу я всегда одна.

Ответ Джекки пришелся не по вкусу. Он угрюмо сунул руки в карманы джинсов и уставился в пол.

Не обращая больше на внука внимания, Эдна натянула застиранный свитер, нацепила темные очки, вышла из магазинчика и залезла в кабину.

Завести грузовичок было делом непрестым. На сей раз мотор зарокотал минут через пять. Эдна поспешно отпустила ручной тормоз, включила первую передачу и вырулила на проселочную дорогу.

Джекки воровато огляделся. Арни-швед с минуту назад зашел в магазинчик, должно быть, решил хлебнуть холодного пивка. Матери тоже не видно. Поблизости только полусонная овца да ковыряющиеся в сухой грязи цыплята. Но эти не считаются, они не выдадут. Джекки выскользнул из тени дома и припустился за грузовичком. Ухватился за невысокий задний борт, набрал в легкие побольше воздуха, подпрыгнул и оказался лежащим на гряде коробок и свертков в крытом брезентом кузове.

Коробки подпрыгивали на многочисленных ухабах, норовили вытолкнуть его наружу. Джекки вцепился в какую-то веревку, судорожно задергал ногами, ища опору.

Вскоре грузовичок выехал на ровную дорогу, и тряска прекратилась. Джекки облегченно вздохнул, нашел самый большой ящик и уселся на него.

Подходящего случая он выжидал не первую неделю, и вот, наконец, его план сработал. Он на пути к секретному месту,

где, как говорят, бабушка совершает фантастически прибыльные сделки!

Только бы она не остановилась посреди дороги и не проверила груз!

Теллман решил приготовить себе чашечку «кофе». Он растер между ладонями шляпку высушенного гриба, что росли теперь повсюду, высыпал получившуюся черную труху в густую консервную банку, добавил пригоршню жареных ячменных зерен и цикория. Из помятого ржавого чайника без ручки наполнил банку на две трети водой, поставил ее на металлическую решетку. Сел на корточки, раздул угли. Проклятый пепел запорошил глаза. Теллман протер их перепачканной трясушей от нетерпения рукой, огляделся в поисках ложки.

— А сегодня что ты здесь позабыл? — раздался за спиной голос жены.

— Я?.. — Теллман обернулся и прикрыл «кастрюльку» своим телом. — Да так, ничего. — В его голосе слышались жалобные нотки. — Имеет человек право перекусить? Как, по-твоему?

— Почему ты не со всеми?

— Я все утро работал, как вол, но у меня чертовски разболелась поясница. — Подняв глаза на жену, он вскочил и засеменил к выходу. — Черт, уж и отдохнуть нельзя!

— Отдохнем, когда взлетим. — Глэдис подняла руку и провела растопыренной пятерней по длинным сальным волосам. — Представь, что бы было, если бы все, как ты, отсиживались в теньке!

На лбу Теллмана выступила испарина.

— Это я-то отсиживаюсь в теньке?! А кто, по-твоему, вычислил траекторию? На чьи плечи ляжет вся навигаторская работа в полете?

— Чего стоят твои расчеты, еще посмотрим. — Глэдис презрительно скривила губы. — А пока, иди работай.

Под негодующим взглядом жены Теллман сторбился, откинул висящую над входом изодранную тряпку и шагнул в ослепительный солнечный день. Над его головой сразу же повисло темное жужжащее облачко — мухи, комары, мошки.

Господи, до чего же солнце жарит! Да еще от проклятых тварей житья нет!

Отгоняя насекомых, Теллман помахал рукой у лица.

Может, их от того такая прорва, что вот уже два года, как сдохли все птицы? А может, поганым мухам пошли на пользу радиация и жесткое излучение солнца?

Лачуга Теллмана была выстроена на отшибе. Отсюда, как и из любой другой точки лагеря, был отлично виден стоящий

в центре космический корабль. На его покрытом пылью носу красовалась нанесенная по трафарету надпись:

**«СОБСТВЕННОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США
МОДЕЛЬ СЕРИИ А-3в»**

Когда-то этот космический корабль был межконтинентальной ракетой с ядерными боеголовками. Когда наступил «час-ноль», ракета не взлетела — некому было нажать на большую красную кнопку. Но это уже не имело значения, поскольку война закончилась быстро.

Никому не нужная ракета торчала посреди безжизненного черного пепелища — пустыни, в которую человек превратил планету Земля. Однообразный пейзаж нарушало лишь нагромождение камней на юге.

Шли месяцы, и из разрушенного в сорока милях к западу Сан-Франциско сюда потянулись беженцы. Они притащили с собой детей, скудный скарб. Из досок, кусков жести, картонных коробок, камней, обломков кирпичей и бетонных плит, проводов и промасленной бумаги наспех соорудили лагерь.

Теллман помнил, что люди дошли тогда, как мухи. Их убивали радиоактивная пыль, токсичные вещества, насекомые, заразные болезни... Но хуже всего было солнце!

Солнце!

Большой взрыв выжег в атмосфере весь озон, и для выживших солнце стало символом смерти. От жажды, солнечных ожогов, слепоты и безумия в те дни погибло больше народу, чем от лучевой болезни.

Солнце! Будь оно неладно! Даже сейчас, когда у них есть навесы, его безжизненное белое сияние слепит, сводит с ума!

Из нагрудного кармана Теллман достал драгоценную пачку сигарет, закурил. Его худые руки-клешны дрожали то ли от усталости, то ли от гнева.

Господи, кто бы знал, до чего он ненавидит лагерь! Ненавидит всех его обитателей, включая жену!

Большинство из них уже одичали. Так имеет ли значение, поднимется корабль или нет? Стоит ли, спасая их никчемные жизни, надрывать себя ЕМУ?

Да пошли они к чертям собачьим!

Но от них пока зависит его собственная жизнь. Ничего, терпеть осталось недолго.

На негнущихся ногах Теллман добрался до ближайшего навеса. В его тени за столом сидела Патриция Шелби и в последний раз перед стартом проверяла платы автоматической системы, которая будет поддерживать постоянными температуру, влажность и состав воздуха на корабле. Почувствовав присутствие Теллмана, она подняла голову и улыбнулась.

— Отлично смотрится. Как, по-твоему? — Патриция кив-

нула на ракету. — Ни дать, ни взять — первый космический корабль Земля-Мартс, что я видела на всемирной выставке в Нью-Йорке!

— Господи! — вырвалось у Теллмана. — Ты помнишь всемирную выставку в Нью-Йорке?

— Мне тогда было только восемь, но сколько буду жива — не забуду. Если хочешь, назови это озарением; но когда я увидела тот корабль, сразу поняла, что придет время, и он станет для меня последней надеждой.

— Не только для тебя, но и для меня... Вообще, для всех нас, двадцати выживших. — Неожиданно для себя Теллман протянул ей недокуренную сигарету. — На, возьми.

— Спасибо. — Жадно затянувшись, она подняла одну из плат. — Вот, посмотри, от какой крохотули будет зависеть наша жизнь там. — Она подняла глаза к небу, в них блеснули слезы. — Жизнь всего человеческого рода!

— Жизнь всего-о-о человеческого рода! — Теллман хохотнул. — Вечно ты мелешь вздор. Вся в муженька, Фланнери.

Теллман зашагал дальше.

Из дощатой хибары, служившей административным центром, медпунктом и еще Бог знает чем, доносились голоса. Теллман откинул тряпку над входом, сунул голову внутрь. В единственной комнате были Джон Кроули, Фланнери, Мастерсон и десятилетний мальчуган. Теллман зашел в хибару, присел на свободный ящик.

Мальчик снял рубашку. Его правая рука от локтя до ладони была усеяна гноящимися нарывами.

— Радиация, — определил Фланнери. — Ветер каждый день пригоняет сюда тучи радиоактивной пыли. Еще год, а то и меньше, и все мы покойники.

— На радиацию не похоже, — не согласился Кроули, некогда профессор, декан исторического факультета Стенфордского университета, а ныне — номинальный лидер колонии. — Скорее — воздействие химического оружия. Случается, дети забираются за холмы, а там токсичных кристаллов по колено.

— Ты в самом деле играл за холмами? — обратился к мальчику Мастерсон. — Тот потупил взгляд, кивнул. — Да, Кроули, ты, как всегда, прав.

— От радиации или от токсичных кристаллов, не так уж важно, — сказал Фланнери. — Лечить мальчугана все равно нечем — анальгин, и тот на исходе.

— Смажем пока руку настоем из грибов, перевяжем, а там, Бог даст, он поправится. — Кроули взглянул на часы. — Хорошо бы, она привезла пенициллин.

— Если не привезет сегодня, не привезет никогда, — за-

явил Мастерсон. — Это — последняя партия. Завтра на расвете взлетаем.

— Тогда — долой деньги. — Фланнери покопался в стальном ящике у ног, извлек пригоршню банкнот, развернул их веером и помахал перед носом Теллмана. — Выбирай любую бумажку. Или, если хочешь, забирай всю пачку.

Теллман облизнул губы.

— Сорить деньгами не стоит. Вдруг она снова повысит цены?

— Того, что осталось, с избытком хватит. — Фланнери вытащил из ящика банкноты и рассовал их по карманам. — Деньги теперь ничего не стоят, валяются повсюду вместе с мусором. Нам они сейчас ни к чему, а на Венере и подавно. Так что, пусть сегодня забирает все, Глядишь, подавится!

— Что она привезла в прошлый раз? — спросил Теллман.

— Комиксы. «Супермена», «Человека-атома», «Флеша Гордана», «Конона»... — Фланнери украдкой подмигнул Мастерсону. — И еще — губные гармошки.

— Гавайские гитары у нас уже есть, — подхватил Мастерсон. — Как только взлетим, залезем в гамаки и днями напролет будем...

— А еще она привезла трубочки для коктейлей, — не унимался Фланнери. — Сможем в невесомости сосать шампанское урожая тридцать восьмого года.

— Вы... Вы... Дегенераты, вот вы кто! — взорвался Теллман.

Мастерсон и Фланнери так и покатались от хохота. Гордо подняв голову, Теллман вышел.

Какие же они все-таки недоумки! Шутить в такое время! А туда же, на Венеру собрались!

В ожидании потрепанного красного грузовичка — их единственной связующей нити с невозвратно ушедшим прошлым — Теллман уселся в тени ракеты и погрузился в свои мысли.

На Венере все пойдет совсем по-другому.

Взять, к примеру, того же Фланнери. До Войны замарашка-ирландец вкалывал грузчиком. А сейчас... Сейчас он руководит самой ответственной работой — погрузкой корабля. Как же, он теперь начальник, босс!

Теллман вспомнил Мастерсона, поморщился.

От толстяка так и несет потом. Конечно, следить за собой стало труднее, но не уподобляться же свинье!

Приходится терпеть. Мастерсон — отличный механик, неплохо разбирается в ракетных двигателях. Он полезен. Пока...

А Кроули тоже хорош — вконец распустил людей!

Ну ничего, пусть только корабль приземлится, и колонисты вместе разгрузят трюм. Тогда... Тогда все встанет на свои места!

На Венере понадобится настоящий руководитель, силь-

ный лидер, вроде него — Теллмана. Уж он-то наведет порядок, будьте спокойны! Дисциплина будет железной, как в банке, который он когда-то возглавлял.

По лицу задремавшего Теллмана блуждала мечтательная улыбка.

Вдоль дороги тянулись зеленые рощи абрикосовых деревьев, над гниющими на жирной земле плодами жужжали мухи, пчелы. Изредка у дороги попадались киоски, в которых полусонные дети торговали горячими сосисками, гамбургерами и кока-колой. Однажды грузовичок проехал мимо ярко раскрашенной таверны. Несмотря на полуденное солнце, над входом горела неоновая реклама.

Эдна Бетесон окинула враждебным взглядом таверну и забитую «бьюиками» и «фордами» стоянку перед ней.

Горожане повывезжали на природу. У них уикэнд; видишь ли!

Пронзительно гудя, ее сбогнул черный «крайслер».

Спидометр грузовичка показывал сорок пять миль в час. С какой скоростью гнал этот лихач?

Одно слово — горожане. Вечно они спешат, вечно им некогда. Если бы и она носилась так, очертя голову, то нипочем бы не обнаружила, что может заглядывать «вперед», не нашла бы свою золотую жилу — дыру во времени!

Джекки наслаждался поездкой.

Равномерно гудел мотор, крыло грузовика позвякивало, в стекло бокового окошка билась большая зеленая муха.

Мимо проносились абрикосовые деревья и автомобили. Справа черной громадой вздымалась Моунт Диабло, а над ее вершиной клубился белый туман.

Ремонтник телефонной компании разматывал с катушки кабель. Джекки помахал ему рукой. Чуть позже они проехали мимо замершей у обочины собаки. Она ждала, чтобы перейти дорогу. Ей Джекки скорчил рожу.

Внезапно грузовичок свернул на грунтовую дорогу и покати к подножию Моунт Диабло. Автомобилей больше не попадалось, на смену садам пришли однообразные поля. Грузовичок обогнул старую, по виду заброшенную ферму.

Джекки удивился, с чего это бабушка направилась в такую глухомань? Здесь же никто не живет!

Возделанные поля кончились, в траве среди кустов прыгали непуганные кролики.

Прекрасное место для пикника, но с кем здесь торговать?

Показались полуразрушенная пожарная вышка, проржавевшие цистерны.

Джекки ощутил смутное беспокойство. Он предполагал,

что бабушка напрямик направится в Сан-Франциско, или в Окленд, или в какой-нибудь другой крупный город. Там бы он выпрыгнул из грузовичка, побродил по незнакомым улицам, увидел столько интересного...

Несмотря на жару, Джекки поежился и вдруг пожалел, что ввязался в эту авантюру.

Остался бы дома и играл бы сейчас с соседскими ребятами.

Дорога совсем испортилась и теперь петляла среди огромных гранитных валунов. Мотор уже не рокотал, а надрывно выл, и грузовичок тащился едва-едва.

Невдалеке пронзительно вскрикнула птица.

От резкого звука Джекки вздрогнул и стал соображать, как бы привлечь внимание бабушки. Сидеть в мягком кожаном кресле куда приятнее, чем на деревянном ящике, да и видно из кабины...

Додумать он не успел. Брезентовый верх грузовичка начал медленно исчезать, как бы растворяясь в воздухе. Ржавые борта посерели и вскоре вовсе потеряли цвет. Пол стал прозрачным, и под ногами Джекки увидел коричневую дорогу.

Он вскочил, схватился за ближайшую коробку, но ощутил лишь пустоту. Не найдя опоры, он повалился лицом вниз. Закричал:

— Помогите!

С удивлением понял, что его голос звучит в абсолютной тишине — рокот мотора и позвякивание крыла смолкли.

Он упал на дорогу, от удара откатился в сухую траву у обочины. Замер, вслушиваясь в безмолвие.

Через минуту-другую поднял голову. Он был совершенно один, грузовичок с бабушкой бесследно исчезли.

Джекки закрыл глаза, опустил голову на руки.

Вскоре рядом остановился оранжевый грузовичок муниципальной службы ремонта дорог, из кузова выпрыгнули двое мужчин почему-то в военной одежде цвета хаки.

— Что случилось, парень? Что с тобой?

Они подняли его, поставили на ноги. Их лица были серьезны, встревожены.

— Выпал... Из грузовика.

— Какого грузовика? Когда? Куда вы направлялись?

Джекки не ответил. Внезапно ему в голову пришло, что бабушка, в который раз, отправилась в субботнее путешествие одна, и теперь он уже нипочем не узнает, где она бывает и кто ее покупатели.

Валуны, зеленые поля и кусты исчезли, вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась унылая равнина, лишь к югу громоздились каменные глыбы — Моунт Дьябло.

Миссис Бетесон крепче сжала руль.

Все, как в первый день, когда она наткнулась на своих покупателей. Все, да не совсем: теперь они утоптали пепел, чтобы лысые шины ее грузовичка не пробуксовывали.

Эдна улыбнулась.

Еще бы, ведь им без нее не обойтись! Вот и сейчас: стоят у своего дурацкого космического корабля, ждут.

Ракету они, конечно, украли у военных, но пока платят хорошие деньги, на мелочи можно закрыть глаза.

Эдна проехала мимо скопища безобразных хижин, лагун и навесов к ракете, заглушила мотор, дернула на себя ручной тормоз. К грузовичку подбежали люди, подобно маленьким детям, начали заглядывать под брезент, кто-то даже полез в кузов.

— Назад! — закричала Эдна.

Толпа вздрогнула, точно от удара бича, попятилась.

Эдне эти люди не нравились, от них воняло потом и страхом. Но ничего не поделаешь — бизнес есть бизнес.

Эдна вылезла из кабины, вплотную подошла к Кроули.

— Спешить некуда, — заявила она. — Сначала проверю, все ли на месте.

Как учил отец, она, набивая цену, тянула время. Да и куда спешить, если лекарств, пищи, одежды, что лежат в кузове ее машины, в этом мире нет?

Связь между мирами ее мало интересовала. Достаточно, что оба существуют и что она — единственный человек, способный перемещаться от одного к другому. С немалой для себя выгодой.

Поковырявшись для вида в кузове, Эдна махнула рукой, мол, действуйте. Встала так, чтобы видеть всех разом, раскрыла список на первой странице.

«Держи глаза открытыми», — говорил отец, и она всю жизнь следовала его наставлениям и ни разу не прогадала.

Поселенцы сноровисто разгружали товары. Тут же со списком в руках крутилась старуха. У грузовичка было тесновато, поэтому Фланнери и Патриция Шелби пока стояли в стороне.

— Как расплачусь, посоветую ей отправиться напрямиком к ближайшему пруду и утопиться. — Фланнери достал из кармана деньги, скомкал их в кулаке.

— Ты уверен, что нам больше не придется иметь с ней дело?

— На все сто. От ящиков, ящичков, коробок корабль трещит по швам. Даже сегодняшнюю добычу пристроить будет непросто. — Мимо пронесли коробку с продуктами. — Бекон,

яйца, натуральный кофе, — прочитал вслух Фланнери. — То, что нам нужно. Устроим сегодня прощальный ужин.

— Заманчиво звучит. — Патриция чмокнула губами. — Давненько мы не пировали.

Тяжело ступая, к ним подошел Мастерсон.

— Давайте прибудем старую каргу и сварим в большом котле. Она хоть и суховата на вид, но, если хорошенько проварить, бульончик получится отменный.

— Лучше запечем ее в духовке, — предложил Фланнери. — В горчичном соусе.

— Как у вас языки поворачиваются говорить такое о живом человеке? — Патриция поморщилась. — Согласна, приятной особой ее не назовешь, но в конце концов она спасла нас.

— Спасла! — Мастерсон презрительно хмыкнул. — Да ей плевать на нас.

— Думаешь, она не понимает, что случилось с Землей, с нами?

— Она-то? У таких, как она, на уме только прибыль, бизнес.

— Но глаза-то у нее есть, — возразила Патриция. — Неужели она не видит пепел, руины...

— Похоже, старуха считает, что перед ней чужая страна, где можно с выгодой торговать, — заявил Фланнери. — Готов поклясться, она не задумывается над увиденным, не понимает, что еще год-полтора, и в ее маленьком благополучном мирке начнется война. Она так и умрет в неведении.

— Старуха слепа, как крот, — подтвердил Мастерсон. — Но талантище у нее, скажу я вам!..

— Господи, все бы отдала, лишь бы вернуться с ней в прошлое, — прошептала Патриция.

— Пробовали уже, и не раз, — напомнил Мастерсон. — А безмозглый Теллман пытался раз, наверное, двадцать. Помните, на прошлой неделе опять вернулся пешком, в пепле с головы до пят, злой, как собака? Говорит, грузовичок опять растворился в воздухе, исчез.

— Конечно, исчез, — подтвердил Фланнери. — Вернулся в Валнут-Крик 1965 года и исчез для нас.

Поселенцы сложили ящики, коробки, свертки прямо на пепел, выстроились цепочкой к люку космического корабля и передавали их из рук в руки.

В сопровождении профессора Кроули к Фланнери пошла миссис Бетесон.

— Вот список. Галочками я отметила то, что привезла сегодня. Остального в моем магазине не оказалось.

— Ясное дело, — холодно заметил Фланнери.

Еще бы, откуда в магазинчике заштатного городка возьмутся биноклярный микроскоп, токарно-револьверный станок, замороженные антибиотики, новейшие книги по всем отраслям знаний?

— Что касается остальных товаров, — невозмутимо продолжала старуха, — на них я послала заявки. — Она поднесла листы к самым глазам, долго всматривалась в неровные строчки. — Вот, например, эти слитки. — Она ткнула костлявым пальцем в середину листа. — Запрос на них, как вы и просили, я направила в маленькую лабораторию какого-то там университета. Товар уже в пути, прибудет со дня на день. — Она оценивающе оглядела Кроули. — Но это вам обойдется недешево.

— Не имеет значения. — Фланнери протянул ей деньги. — Можете отозвать все заявки.

Она непонимающе уставилась на него.

— Сегодняшняя сделка — последняя, — объяснил Кроули.

— На рассвете мы улетаем, — Фланнери широко улыбнулся.

Напряжение последних месяцев оставило его. Торговле конец, бояться старухи больше нет необходимости.

— Но я же заказала эти вещи для вас. — Голос Эдны звучал на удивление спокойно. — За них мне придется выложить свои деньги.

— Не беда, не обнищаете, — пробурчал сквозь зубы Фланнери. — На нас вы заработали куда больше.

Кроули предостерегающе взглянул на него.

— Извините, что так получилось, — обратился он к старухе. — Но ждать мы не можем.

— Вы заказывали эти вещи! Вот же, вот! — Она потрясла списком перед лицом Кроули. — Вы их получите!

— Миссис Бетесон, — успокаивающе начала Патриция Шелби. — Поверьте, мы крайне признательны вам. Без вас мы бы никогда не достали всего необходимого для полета. Теперь мы улетаем. — Она положила руку на плечо старухи, но та в ярости отпрыгнула. — Видите черный пепел? — продолжала Патриция, потупив глаза. — Он радиоактивен. Если мы останемся, то скоро умрем.

Эдна стояла, задумчиво крутя в руках список на десяти листах. Гнев на ее лице сменился отчужденностью, почти безразличием: щеки утратили синюшный оттенок, лоб разгладился, только вот глаза под прищуренными веками — точно две льдинки.

— Что мне делать с вашим бараклом?

— Вот плата за ваши услуги. — Фланнери почти насильно

сунул деньги старухе в руку. — Здесь более чем достаточно. А вещи... Как вернетесь, то, что помельче, спустите в унитаз, остальное — на помойку.

— Уймись! — рявкнул Кроули и повернулся к старухе. — Мой помощник груб, но, в принципе, я с ним согласен: торговля закончена, мы с вами в расчете. Теперь прощайте.

Бетесон повернулась и молча заковыляла к грузовику.

Мастерсон и Кроули обменялись беспокойными взглядами.

— Она от жадности совсем свихнулась, — заключил Мастерсон.

Увидев, что старуха забралась в кабину, Теллман подбежал к куче коробок, раскрыл верхнюю.

— Кофе! — заорал он во всю глотку. — Целых пятнадцать фунтов! Давайте откроем хотя бы банку. Сегодня ведь праздник?

— Делай, что хочешь, — не поворачивая головы, бросил Кроули.

Порывав минуты три, грузовичок развернулся, проехал сотню метров по черному пеплу и исчез.

— Кофе! — Теллман высоко подбросил яркую банку, поймал ее на лету. — Сегодня — настоящий праздник! Последняя ночь на Земле, последний ужин!

Под колесами грузовичка мягко шурпал асфальт, за стеклом проносились апельсиновые рощи, но миссис Бетесон было не до красот природы.

На складе ее магазинчика под мешками с зерном припрятан запертый ящик. В нем — почти двести пятьдесят тысяч долларов, доход от еженедельных поездов.

Ей, конечно, не истратить и десятой части этих денег. Но есть же наследники — дети, внуки, им деньги пригодятся.

Дельце-то у нее. в самом деле, выгодное — ни себе конкурентов, ни налогов! Торговала бы так да торговала, набила бы деньгами не один ящик, чтобы и детям внуков хватило, но проклятые оборванцы отказались иметь с ней дело.

Эдна заглянула «вперед».

Оборванцы говорили правду, на рассвете они, действительно, улетают на своей безобразной ракете.

Где теперь найдешь таких покупателей?

Эдна поджала тонкие губы.

Она сама во всем виновата, она позволила оборванцам улететь. Без ее товаров они были бы беспомощны!

Выходит, все, конец выгодным сделкам?

Будущее представлялось Эдне бусами: одно — событие-бусинка влечет за собой другое, то — следующее и так до

бесконечности. Войдя однажды в мир, где горстка уцелевших людей строила космический корабль, она материализовала всю предшествующую цепочку событий. Сделанного не вернешь, отправиться к началу постройки корабля или в более раннее время и начать торговлю заново не в ее силах.

Но не все потеряно! Будущее после ее последнего визита не определено, ответвлений во времени — великое множество. Выбирай подходящую развилку, сворачивай туда, и нужный мир станет реальностью!

Эдна на водительском кресле напряглась, перед ее внутренним взором, один за другим, поплыли миры возможного будущего.

Во всех них огромный космический корабль был построен, придирчиво проверен перед стартом.

Во многих из них на рассвете заревут ракетные двигатели, корабль на струе пламени взлетит, превратится в яркую звездоочку и скроется из глаз.

В некоторых — небо озарит ослепительная вспышка, и на землю упадут исковерканные обломки. В живых не останется никого.

Все эти миры ей не подходят. Какой прок от безжизненного черного пепла без покупателей?

Есть миры, где ракета вовремя не взлетает. Проходят дни, изредка недели, колонисты обнаруживают течь в системе подачи топлива, дефект в резиновом уплотнении шлюза или что-нибудь в том же роде. Затем они чинят неисправность и улетают.

Эти миры тоже не подходят.

До дома рукой подать, а подходящего будущего еще не видно.

Но вот, вроде бы, то, что ее интересует.

Каждый элемент, каждая деталь корабля досконально осмотрены, неисправностей не обнаружено. Корабль стартует в точно назначенное время, благополучно поднимается на три мили. Нождаданно отказывает один из четырех главных двигателей. Корабль заваливается на бок, падает. Включается запасной, предназначенный для посадки на Венере двигатель. Корабль выправляется, плавно приближается к земле. На высоте двадцати футов гложнет и запасной двигатель. Корабль камнем падает на груды щебня и черного пепла, где некогда стоял цветущий городок Валнут-Крик.

Из-под дымящихся обломков вылезают люди, перевязывают раны и принимаются восстанавливать ракету.

Им вновь понадобятся продукты, инструменты, материалы... Без продавца им не обойтись!

Миссис Бетесон победно улыбнулась.

Вот он, нужный мир! Теперь все пойдет по-прежнему, достаточно в следующую субботу свернуть по тропинке времени сюда.

Кроули был завален бараклом. Во рту стоял солоноватый привкус крови. Он выплюнул обломки зуба, провел рукой по лицу, поднес ладонь к глазам. Кровь. Попытался встать. Левую ногу пронзила нестерпимая боль. Похоже, сломана в лодыжке.

Рядом кто-то зашевелился. Кроули повернул голову. Фланнери.

Едва слышно застонала погребенная под обломками женщина.

Справа поднялся человек. Сделал с полдюжины неуклюжих шагов. У Теллмана лицо было залито кровью, от лба до подбородка тянулась рваная рана, разбитые очки висели на одном ухе. Теллман склонился над Кроули, два-три раза беззвучно открыл рот, но вдруг ткнулся лицом в пепел и замер.

Кроули приподнялся на локтях. Рядом на корточках сидел Мастерсон и что-то, как заведенный, повторял.

— Жив я, жив, — выдавил Кроули.

— Мы упали. Ракета изуродована.

— Знаю.

— Ты думаешь, это... — Лицо Мастерсона задергалось.

— Нет, — пробормотал Кроули. — Исключено.

Мастерсон истерично захихикал. Оставляя светлую полосу, по его измазанной щеке прокатилась слеза, из носа на воротник закапала кровь.

— Это она. Я знаю, это она, ведьма. Она оставила нас здесь.

— Нет, — повторил Кроули. — Она тут ни при чем. Нам просто не повезло.

— Она вернется. — Голос Мастерсона дрожал. — Мы ее покупатели, и живыми она нас не выпустит. Все кончено.

— Нет. — Кроули сам не верил своим словам. — Мы еще улетим. Соберем ракету заново и улетим из этого проклятого Богом места!

ЧЕЛОВЕК В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ

Всю неделю мистер Чилдэн дожидался ценной бандероли из Средне-Западных штатов. В пятницу утром, отворив дверь магазина, он так и не обнаружил извещения среди лежащих под дверью писем и подумал: «Предстоит неприятный разговор с заказчиком».

Встроенный в стену автомат за пятицентовик налил ему чашку растворимого чая. Напившись, Чилдэн взял веник и тряпку, и вскоре магазин «Художественные промыслы Америки» был готов к приему посетителей: все вокруг сияло чистотой, в цветочной вазе стояли свежие ноготки, по радио звучала спокойная музыка.

Чилдэн постоял в дверях, посмотрел на клерков, спешивших по Монтгомери-стрит в свои учреждения, полюбовался проносившимся над крышами вагончиком канатной дороги и сидевшими в нем женщинами в длинных цветастых платьях. На прилавке зазвонил телефон. Он вернулся в зал, взял трубку и, услышав знакомый голос, помрачнел.

— Алло? Это мистер Тагоми. Сэр, я насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны, обещанного вами на прошлой неделе. Скажите, он еще не прибыл? — голос звучал нервно, отрывисто. Чувствовалось, что Тагоми с трудом сдерживается, чтобы не нагрубить. — Разве я не уплатил задатка, который вы потребовали? Поймите, мне самому плакат не нужен, он предназначен в подарок. Я это уже объяснял вам, сэр.

— Уважаемый мистер Тагоми, — начал Чилдэн, — я постоянно шлю на почту запросы, оплачиваю их из собственного кармана, но, видите ли, поставщик живет за пределами США, следовательно...

— Значит, плаката у вас нет? — перебил его Тагоми.

— Увы, мистер Тагоми.

— Я больше не могу ждать, — произнес Тагоми после долгой паузы.

— Понимаю, сэр. — Чилдэн угрюмо разглядывал залитые теплым солнцем вывески учреждений на противоположной стороне улицы.

— Ну что ж, тогда предложите мне что-нибудь взамен, мистер Чилдэн.

Тагоми намеренно искажил его фамилию, это было оскорблением в вежливой форме. Чилдэн покраснел до корней волос. Вот она, горькая участь его соотечественников! Одно язвительное слово — и в душе Роберта Чилдэна просыпаются самые разные чувства. Едва сдерживаемые страсти затума-

нивают сознание, мешая ясно мыслить и говорить. Он переступил с ноги на ногу и судорожно сжал телефонную трубку. В магазине все было по-прежнему: пахло ноготками, тихо звучала музыка, но ему казалось, будто он тонет в открытом море.

— Да... — с трудом произнес он. — Возьмите маслобойку. А также аппарат для приготовления мороженого, выпущенный в тысяча девятисотом году или около того... — Мысли путались. Если бы он мог забыть обо всем, потеряв память или став идиотом! Ему было тридцать восемь, он помнил иные, довоенные времена, Франклина Рузвельта, Всемирную выставку — короче говоря, старый добрый мир. — Если не возражаете, я доставлю эти вещи вам на работу.

Тагоми назначил встречу на два часа. Вешая трубку, Чилдэн с досадой подумал, что магазин придется закрыть. Но выбора не было — такими клиентами, как Тагоми, не разбрасываются.

Пока Чилдэн говорил по телефону, в магазин вошли юноша и девушка. Красивые, хорошо одетые — идеальные покупатели. Он улыбнулся и направился к ним профессионально-бодрой походкой. Посетители рассматривали сквозь стекло прилавка изящную пепельницу. «Молодожены, — решил он. — Наверное, живут в городе Клубящихся Туманов, в одной из самых дорогих квартир Скайлайна с видом на Белмонт».

— Доброе утро, — поклонился он.

В улыбках этих людей не было превосходства — только приветливость. Его товары — а большего выбора не было ни у кого на всем побережье — привели посетителей в восторг. Чилдэн был доволен и благодарен им за это.

— У вас отличные вещи, сэр, — сказал молодой человек.

Чилдэн вновь поклонился..

Во взглядах молодых людей он заметил не только нежность друг к другу, но и благоговение перед выставленными здесь произведениями искусства. Это благодаря его трудам они могли взять с прилавка то или иное изделие и повертеть в руках, даже если не собирались ничего покупать.

«Да, они понимают, где находятся, — подумал Чилдэн. — Здесь им не попытаются всучить какой-нибудь мусор, наподобие дощечек с надписью «секвойя, Мерин-Каунти», дурацкого значка, девичьего колечка или открытки с видом моста. Какие необыкновенные глаза у девушки — огромные, темные... Черные волосы, уложенные в модную прическу, маникюр, в ушах — продолговатые медные сережки ручной работы... С какой легкостью я бы влюбился в такую красавицу!»

— Скажите, вы не здесь покупали серьги? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Дома.

Чилдэн кивнул. Да, в его магазине никогда не выставлялись современные изделия, только предметы старины.

— Надолго к нам в Сан-Франциско? — поинтересовался он.

— Пока не знаю, — ответил мужчина. — Как решит плановая комиссия по повышению жизненного уровня отсталых районов.

«Гордится своей работой, — подумал Чилдэн, — Он не военный, не из тех, жующих жвачку, грубых мужланов с жадными крестьянскими рожами, которые шляются по Маркет-стрит, глаза на непристойные афиши, толкаются у касс порнокиношек, заполняют дешевые ночные клубы, где стены увешаны фотографиями увядших блондинок, которые морщинистыми пальцами приподнимают груди за соски... Сколько таких притонов было среди трущоб нижних кварталов Фриско и в бараках, сколоченных из гнилых досок и ржавой жести, еще до того, как упала последняя бомба... Нет, этот парень — из элиты, воспитанный, образованный. Рядом с ним даже Тагоми покажется простолюдином, а ведь он высокопоставленный чиновник Торгового представительства на Тихоокеанском побережье. Но Тагоми стар, его взгляды сформировались еще в годы правления Военного Кабинета».

— Если хотите выбрать что-нибудь в подарок, могу предложить несколько раритетов, изготовленных представителями этнических меньшинств, — сказал Чилдэн. — А может быть, вы подбираете обстановку для квартиры? — От этой мысли в нем проснулся азарт.

— Вы угадали, — подтвердила девушка. — Мы хотим украсить нашу новую квартиру, но не совсем представляем, как. Не могли бы вы нам помочь?

— К вашим услугам, — поклонился Чилдэн. — Если желаете, я подберу вам кое-что, и мы вместе посмотрим, подойдет ли это к интерьеру вашей квартиры. — Он опустил глаза, чтобы не выдать волнения — тут пахло тысячами. — Со дня на день к нам должен поступить стол из Новой Англии — кленовый, на шипах, без единого гвоздя — красивейшая, скажу вам, вещь! А еще — французское зеркало времен наполеоновских войн. Кроме того, образцы искусства аборигенов — коврики из козьей шерсти, выкрашенные натуральными красителями...

— Лично мне ближе городское искусство, — перебил его мужчина.

— Да? — оживился Чилдэн. — В таком случае, сэр, могу

предложить вам панно из четырех секций времен покорения Дикого Запада с портретом Горация Грили¹. Это подлинник — бесценная находка для любого коллекционера...

— О! — темные глаза молодого человека заблестели.

— И стенной шкаф в викторианском стиле, переделанный в двенадцатом году в бар.

— О!

— И еще, сэр: картина кисти Джина Харлоу², в раме, с автографом.

Молодой человек смотрел на него с нескрываемым восхищением.

— Думаю, мы договоримся. — Чилдэн почувствовал, что достаточно заинтересовал посетителей. Он достал из внутреннего кармана пиджака ручку и записную книжку. — Если позволите, я запишу ваши имена и адрес.

Проводив молодоженов до дверей, Чилдэн еще некоторое время глядел на улицу. Вот уж повезло, так повезло! Если бы все дни были похожи на этот! Магазин для него не просто бизнес, а отдушина. Где еще сд может вот так, запросто, познакомиться с молодой японской парой, причем чувствовать себя рядом с ними не убогим янки или торговцем поделками, а полноценным человеком? Да, только на них и может надеяться мир, на молодое поколение, которое не помнит войны. «Всему когда-нибудь приходит конец, — размышлял он. — Исчезнут национальности, не будет ни завоевателей, ни завоеванных, останутся просто люди».

И все же Чилдэн не мог без волнения представлять, как постучит к ним в дверь. Он заглянул в записную книжку. Семья Казоура. Его наверняка пригласят к столу, предложат чаю. Только бы не дать маху, только бы не показаться бестактным!

«Девушку зовут Бетти. Какое у нее выразительное лицо! — мечтательно думал он. — А глаза — такие умные, милые!»

Мечты...

У него закружилась голова. Они безумны, если не сказать — пагубны!

Но ведь известны случаи связи японцев и янки, хотя в основном между мужчинами-японцами и женщинами-янки. А здесь...

Даже подумать об этом страшно. Кроме того, она заму-жем.

Он постарался выбросить Бетти из головы и занялся разборкой почты.

Прошло полчаса, а его руки все еще дрожали. Но как

только Чилдэн вспомнил о предстоящей встрече с Тагоми, дрожь унялась, а волнение сменилось решимостью. «Надо подобрать что-нибудь подходящее. Но что?»

Позвонить по телефону. Поставщики. Связи. Выпросить отреставрированный черный «форд» с матерчатым верхом, двадцать девятого года выпуска. Если уступить тыщонку, клиент твой навеки. Или трехмоторный почтовый самолет, прекрасно сохранившийся в сарае алабамского фермера. «Сэр, у меня лучшая репутация на всем Тихом океане, даже на Родных островах. Не верите — спросите у любого ценителя антиквариата.»

Чтобы лучше работала голова, он закурил «Страну Улыбок» — дорогую сигарету с марихуаной.

Фрэнк Фринк лежал на кровати в своей комнате на Хейс-стрит и не мог заставить себя подняться с кровати. Сквозь жалюзи на бесформенную кучу одежды падали солнечные лучи, сверху поблескивали стеклышки его очков. «Не наступить бы, — вяло подумал Фрэнк. — Надо вставать, идти в ванную... Может, лучше ползком? Или покатиться?»

У него болела голова, но в душе не было ни капли сожаления. «Уходя — уходи, — сказал он себе. — Сколько времени? — Часы лежали на туалетном столике. — Половина двенадцатого, ничего себе! А я все валяюсь.»

«Вот и выперли», — подумал он.

Вчера на фабрике он, конечно, перегнул палку. Не стоило распускать язык перед Уиндэмом-Мэтсоном, обладателем сытой физиономии с сократовским носом, кольца с бриллиантом и модных сапог на молнии. Одним словом — обладателем власти. В голове у Фрэнка гудело, мысли путались.

«Да, теперь я в черном списке, — размышлял он. — Безработный. Квалификация, пятнадцатилетний стаж — все псу под хвост.»

Придется идти с жалобой в Комиссию по делам рабочих. Фрэнк не замечал, чтобы Уиндэм-Мэтсон водил дружбу с «пинки» — белым марионеточным правительством Сакраменто, а потому надеялся, что его бывший работодатель не пользуется авторитетом у подлинных хозяев, у японцев. КДР была подконтрольна «пинки». Обратившись туда, он предстанет перед четырьмя-пятью белыми упитанными подонками средних лет, вроде Уиндэма-Мэтсона. Если он не добьется справедливости в Комиссии, можно пожаловаться в одно из токийских Торгпредств — они есть в Калифорнии, Орегоне, Вашингтоне и той части Невады, которая принадлежит Тихоокеанским Штатам. Но ежели и оттуда он уйдет не солоно хлебавши...

Фрэнк лежал и рассматривал старинную люстру под потолком. В голове возникали и рушились планы, один нелепее другого.

Он мог бы, например, перебраться в Средне-Западные штаты — это проще простого. Но где гарантия, что тамошние власти не выдадут его ТША? Нет никакой гарантии. А если махнуть на Юг? Бр-р! Что угодно, только не Юг. Белому человеку, конечно, там привольнее, чем в Тихоокеанских штатах. Но... «В гробу я видел такое приволье!» — мрачно подумал Фрэнк.

Юг имел одну неприятную особенность. Он тысячами уз — экономических, идеологических и еще бог знает каких, был связан с Рейхом.

А Фрэнк Фринк был еврей. По-настоящему его звали Фрэнк Финк. Он родился на восточном побережье, в Нью-Йорке. В тысяча девятьсот сорок первом, сразу после разгрома России, был призван в армию. Когда японцы захватили Гавайские острова, его перебросили на западное побережье. Конец войны застал его на территории, отошедшей к Японии, где он и жил последние пятнадцать лет.

В сорок седьмом, в день капитуляции, он чуть не спятил. Поклялся отомстить проклятым япошкам и закопал в подвале дома свою винтовку. Любовно смазанная и обернутая ветошью, она по сей день ждет часа, когда Фрэнк и его однополчане поднимут восстание.

В сорок седьмом ему было невдомек, что время — великий лекарь. Ныне, если он и вспоминал о своих давних мечтах устроить варфоломеевскую ночь и вырезать ненавистных «пинки» и их хозяев, то у него возникало чувство, словно он перелистывает дневник школьной поры: вот Фрэнк собирается стать палеонтологом, а вот — хочет жениться на Норме Праут, самой красивой девчонке в классе. Черт побери, сколько воды утекло с тех пор, как он вел дневник, слушал пластинки Фрэда Аллена и смотрел фильмы с участием Филдса³. Со дня капитуляции он имел дело с тысячами японцев и никому из них не причинил вреда. Да и глупо думать о мести сейчас, через пятнадцать лет.

Впрочем, был один тип, которому Фрэнк с удовольствием перегрыз бы глотку. Омуро, его бывший квартирный хозяин. В начале пятидесятых, во время кризиса, он скупил квартал в центре Фриско и показал себя настоящей акулой: делил комнаты на крошечные клетушки, взвинчивал квартирную плату и никогда не делал ремонта. Особенно это было по карману бывших военнослужащих, которым было труднее всего найти работу. Спасибо японскому Торгпредству — его чиновники судили Омуро за спекуляцию и отрубили ему го-

лову. Зато теперь ни один предприниматель не осмеливается нарушать суровый, но справедливый японский Гражданский Кодекс. В этом — заслуга нынешних оккупационных властей, пришедших на смену Военному Кабинету.

Мысль о кристальной честности служащих Торгпредства придала Фрэнку уверенности. Им наплевать, что Уиндэм-Мэтсон — глава «Корпорации У-М», для них главное — справедливость.

«Кажется, я начинаю верить в эту муру насчет «процветания Тихоокеанского содружества», — подумал он. — Странно, в первые годы это казалось пустой болтовней, очередной пропагандистской фальшивкой. А сейчас...»

Фрэнк заставил себя подняться и поплелся в ванную. Пока он стоял под душем, по радио передавали новости.

«... не надо недооценивать этих попыток», — произнесла дикторша, когда он отключил горячую воду.

«Не будем», — мрачно подумал Фрэнк. Он знал, о чем идет речь, и все же улыбнулся, представив себе, как бесстрастные, не улыбочивые немцы шагают по красным пескам Марса.

«Боже мой, господин крайсляйтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо...» — бормотал он, намыливая щеки.

«... Цивилизация Содружества должна сделать окончательный выбор: либо дальнейшие шаги к установлению равных для всех стран прав и обязанностей, либо...»

«Типичный жаргон правящей верхушки», — поморщился Фрэнк.

«... Мы прекрасно понимаем, что ареной, где будут вершиться судьбы всех рас — арийской, японской, негроидной...» — и дальше в том же духе.

— ... У нас погодка благодать, ну просто прекрасная. Жаль только, нечем нам дышать... — весело мурлыкал он, одеваясь.

Но факт остается фактом: Тихоокеания практически не участвует в колонизации планет. Она занята, а вернее — завязла в Южной Америке. Пока немцы одну за другой запускали в космос огромные автоматические станции, японцы выжигали сельву в Бразилии и возводили жилые кварталы для бывших охотников за черепами. К тому времени, когда стартует первый японский космический корабль, наци приберут к рукам всю Солнечную систему. В старых учебниках истории было написано, что Германия опоздала к разделу мира. Немцы спохватились, когда другие страны Европы дорисовывали карты своих колониальных империй. «На этот

раз они не станут плестись в хвосте, — размышлял Фрэнк. — Немцы — хорошие ученики.»

Потом ему вспомнилась Африка и проводимый там нацистами эксперимент. От воспоминаний об этом кровь стыла в жилах.

Опустошенный, обезлюдивший материк...

«... Однако мы с гордостью можем утверждать, что наше стремление удовлетворить первоочередные материальные и духовные потребности каждого человека...»

Фрэнк не выдержал и выключил радио. Но, немного успокоившись, включил снова.

«Заповеди Христа отправили на свалку», — подумал он.

Африка. Призраки умерщвленных туземцев — целые племена стерты с лица Земли... Зачем? Этого никто не знал. Возможно, даже «архитекторы» в Берлине не знали.

Нация роботов. Роботов — покорителей и преобразователей природы, роботов-строителей. Строители? Перемалыватели — вот они кто! Великаны-людоеды, сбежавшие из палеонтологического музея, промышляющие изготовлением чаш из черепов. Прежде всего мозг — он годится в пищу, затем — череп, превосходный материал для кухонной утвари. И так далее. Какая бережливость: сожрать мозг врага из его собственного черепа! Безотходное производство, лучшие в мире специалисты. Питекантропы в белых халатах, ставящие эксперименты в университетских лабораториях. «Герр доктор, мы нашли новое применение большому пальцу ноги. Смотрите, этот сустав подходит для зажигалки. Если герр Крупп сможет освоить...»

Фрэнк содрогнулся, представив Землю под пятой недочеловека-каннибала. «Миллионы лет мы пытались убежать от него, — думал он, — но каннибал все равно настиг нас, и теперь он не просто враг — он владеет миром!»

«Мы должны протестовать, — звучал по радио нежный голос диктора, — и мы неоднократно протестовали против принесения в жертву миллионов человеческих жизней во имя безумных, бесчеловечных замыслов, когда огромная масса людей оказывается вне общества, вне закона...»

«Господи! — подумал Фрэнк. — Мы называли этих кривоногих япошек желтопузыми мартышками, а ведь они давно не строят газовых печей для вытапливания жира из людей!»

«... словами всем известного западного святого: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей навредит?...»

Радио замолчало. Пальцы Фрэнка застыли на узле галстука.

«Придется смириться, — подумал он. — Даже если меня занесут в черный список. Если я покину территорию протектората Японии и появлюсь на Юге или в Европе — мне конец. Придется попробовать договориться со стариной Уиндэмом-Мэтсоном.»

С чашкой остывшего чая Фрэнк уселся на кровать и полужил на колени «Книгу Перемен»⁵. Из кожаного футляра он извлек сорок девять черенков тысячелистника и посидел минуту-другую, собираясь с мыслями.

«Как я смогу поладить с Уиндэмом-Мэтсоном?» — записал он в блокнот вопрос и принялся перекладывать черенки из рук в руку, пока не получил первую черту. «Шестерка». «Слабая» черта. При этом была исключена половина из шестидесяти четырех гексаграмм, начинающихся со сплошной — «сильной» — черты.

Умело обращаясь с черенками, Фрэнк быстро получил все шесть черт. Гексаграмма лежала перед ним. Ему не нужно было сверяться с Оракулом, чтобы узнать ее номер, и не к чему было заглядывать в текст — он помнил его наизусть. Гексаграмма пятнадцать, «Смирение». Афоризмы к ней гласили: «Смирение. Развитие. Благородному человеку предстоит свершение». Оракул давал дельный совет.

Все же Фрэнк был чуточку разочарован.

Было что-то беззубое в гексаграмме пятнадцать, слишком благочестивое. Конечно, ему нужно быть скромным — после случившегося у него не осталось способов давления на Уиндэма-Мэтсона. Все, что он мог сделать, это последовать совету пятнадцатой гексаграммы: просить, надеяться, ждать и верить. Бог даст, его возьмут на прежнюю работу, а может, подвернется что-нибудь получше...

Смотреть афоризмы к чертам не было особой необходимости — гексаграмма была статичной.

Собравшись с духом, Фрэнк задал следующий вопрос:

— Увижу ли я Джулиану вновь?

Джулиана — его жена, точнее, бывшая жена. Она ушла год назад, и Фрэнк даже не знал, где она сейчас. Наверное, уехала из Фриско, возможно, даже из Тихоокеанских штатов. Общие знакомые ничего не слыхали о ней или не хотели ему говорить.

Он углубился в манипуляции с черенками.

Сколько раз он спрашивал о Джулиане, по-разному задавая один и тот же вопрос!

Гексаграмма — порождение слепой случайности расположения цветочных черенков — тысячами нитей связывала мгновение, в котором жил он со всеми остальными мгновениями и частицами Вселенной. Сквозь рисунок прерывис-

тых и непрерывных линий всегда находила себе путь неумолимая истина. Он, Джулиана, фабрика на Гоуф-стрит, хозяйничающее на побережье Торгпредство, исследование планет, миллионы безвинно погибших в Африке, помыслы тысяч людей в курятниках Сан-Франциско, свихнувшиеся твари с бесстрастными лицами и маниакальными планами в Берлине, — все это соединилось, когда он бросил черенки тысячелистника, чтобы узнать мудрое высказывание, соответствующее этому мгновению и этому вопросу. Все находило отображение в книге, корни которой уходят в тридцатое столетие до нашей эры⁶. В книге, созданной мудрецами Китая и отразившей многовековой опыт развития космологии еще до того, как Европа научилась элементарной арифметике.

... Гексаграмма сорок четыре. Сердце его упало.

«Несогласие. Сильная женщина. Не следует брать ее в жены», — гласил суровый приговор.

Все тот же ответ. «Да, она не для меня, я знаю. Но не об этом я спрашивал Оракула. Зачем ему понадобилось напоминать? Скверный выпал мне жребий: повстречать ее, влюбиться и любить до сих пор...»

Джулиана — самая красивая из известных ему женщин. Черные, как смоль, брови и волосы, яркие губы — испанская кровь видна во всем. Упругая неслышная походка — она носила старенькие, оставшиеся со школы туфли с цветными ремешками. Вся ее одежда была застиранной, изношенной. Они долго жили в нищете, и Джулиане приходилось носить хлопчатобумажную кофточку, шерстяной жакет на молнии, коричневую твидовую юбку и короткие носки. Она ненавидела Фрэнка за то, что, по ее словам, всегда выглядела так, будто собиралась на теннисный корт или того хуже — в лес по грибы.

Фрэнка, когда он впервые увидел свою будущую жену, поразило ее лицо с загадочной улыбкой Моны Лизы, сбивавшей с толку незнакомых мужчин. Обаяние Джулианы было так велико, что прохожие нередко кивали ей в ответ, принимая ее улыбку на свой счет. Сначала Фрэнк думал, что у нее слабое зрение, но в конце концов стал считать ее дурой, тщательно скрывающей свою глупость. Ее походка, привычка невесть зачем приваживать мужиков, манера внезапно исчезать и появляться, храня загадочный вид, раздражали Фрэнка, но даже перед самым разрывом он видел в ней дар, ниспосланный свыше. Именно интуитивная вера в божественную сущность Джулианы не позволяла Фрэнку смириться с ее уходом. Казалось, она где-то рядом и расстались они несколько минут назад. Казалось, тень ее бродит по комнате в

поисках то одной, то другой вещи, как всегда делала Джулиана. Особенно сильным это ощущение бывало, когда он брал в руки Оракул.

«Интересно, — размышлял Фрэнк Фринк, сидя в своей захлавленной холостяцкой квартире, — кто еще в эту самую минуту испрашивает совета у Оракула? И какой получает ответ? Неужели такой же безрадостный? Неужели и для него все складывается столь же неблагоприятно?..»

2

Как раз в эту минуту Нобусуки Тагоми сидел в просторном кабинете, раскрыв священную Пятую книгу конфуцианской мудрости, много веков известную под названием «Ицзин» или «Книга Перемен». Дело в том, что в полдень у него возникли опасения по поводу Чилдэна, которому он назначил встречу на два часа.

Офис Тагоми находился на двенадцатом этаже «Ниппон Таймс Билдинг» на Тэйлор-стрит. Сквозь стеклянные стены виднелся залив и мост Золотые ворота, под которым то и дело проходили суда. Как раз сейчас за Алькатрасом шел сухогруз, но Тагоми не обратил на него внимания. Подойдя к стене, он опустил бамбуковые жалюзи. Стало темнее. Солнце перестало слепить глаза, а главное — такой свет не мешал размышлять.

«Какую бы диковинку ни принес Чилдэн, вряд ли мне удастся угодить клиенту, — подумал он. — Но как бы там ни было, у него не будет причин для недовольства. Мы выберем ему самый лучший подарок.»

До посадки в аэропорту Сан-Франциско новейшего немецкого ракетоплана «Мессершмит-9Е», которым летел клиент, оставалось совсем немного времени. Тагоми ни разу не доводилось путешествовать на подобном лайнере, и он дал себе слово встретиться Бэйнса с самым невозмутимым видом. «Надо потренироваться, — сказал он себе и, подойдя к большому зеркалу, принял холодный, скупающий вид. — ...В них такой шум, мистер Бэйнс! Не считаешь в дороге. Правда, быстро: от Стокгольма до Сан-Франциско всего сорок пять минут... — А может, упомянуть о ненадежности немецких машин? — ... Вы слышали, по радио сообщили подробности мадагаскарской катастрофы? Все-таки самолеты с поршневыми двигателями куда надежнее...»

«И ни слова о политике, — напомнил себе Тагоми. — Когда ничего не знаешь о взглядах и убеждениях собеседника,

это опасно. А вдруг Бэйнс сам заговорит о политике? Хотя он швед, нейтрально сюда прибывает на ракетоплане Люфтганзы, а не скандинавской авиакомпании. Это любопытно. «Мистер Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и нынешней осенью партия изберет нового рейхсканцлера. Думаете, слухи? Увы, Тихоокеания и Рейх помешались на секретах.»

В одной из папок, хранившихся в столе, лежала вырезка из «Нью-Йорк Таймс» с недавней речью Бэйнса. Тагоми достал ее и уселся в кресло. Из-за слабых контактных линз ему приходилось читать сильно сутулясь.

В своей речи Бэйнс призывал попытаться — наверное, в девяносто восьмой раз — отыскать на Луне источники воды. «Мы в состоянии решить эту набившую оскомину проблему! — утверждал он. — А пока наша ближайшая соседка пригодна только для военных целей.» «Так!» — мелькнуло в голове Тагоми. — Вот он, ключик к клиенту. На военных этот швед смотрит искоса.»

Тагоми нажал кнопку селектора:

— Мисс Эфрикян, будьте любезны, зайдите ко мне с диктофоном.

Дверь кабинета отъехала в сторону. Вошла Эфрикян, высокая армянка с каштановыми волосами. Ее прическу украшали голубые цветы.

«Сирень», — отметил Тагоми. Когда-то на родном Хоккайдо он был профессиональным садовником.

Эфрикян поклонилась.

— Вы готовы?

— Да, мистер Тагоми. — Она уселась в кресло и включила диктофон.

— Я спросил у Оракула: будет ли толк от моей встречи с мистером Чилдэном? — начал Тагоми. — И, к своему ужасу, получил зловещую гексаграмму «Переразвитие великого». «Стропила прогибаются. Все неустойчиво, слишком велик вес в середине. Несомненно удаление от Дао¹».

Еле слышно шелестел диктофон. Тагоми задумался. Секретарша выжидающе посмотрела на него и нажала «паузу».

— Пожалуйста, пригласите мистера Рамсея.

— Да, мистер Тагоми. — Она положила диктофон на стол и, мягко постукивая каблучками, вышла из кабинета.

Появился улыбающийся Рамсей в ковбойке и синих джинсах в обтяжку, за которые любой стилиста, не задумываясь, отдал бы душу. На шее молодого человека — безукоризненно повязанный галстук-шнурок, под мышкой — папка.

— Здравствуйте, мистер Тагоми, — сказал он. — Прекрасный денек сегодня, сэр.

Тагоми отвесил поклон. Юноша вздрогнул и поклонился в ответ.

— Я решил кое о чем посоветоваться с Оракулом, — сообщил ему Тагоми, когда Эфрикян вернулась в кресло и взяла диктофон. — Как вам известно, вскоре нас посетит гость, мистер Бэйнс. В отношении традиционной культуры Востока он, по всей видимости, придерживается той ее разновидности, которую взяли на вооружение немцы. Можно попытаться изменить его взгляды с помощью китайской каллиграфии или керамики эпохи Токугава⁸, но наша задача не в этом.

— Понимаю, — кивнул Рамсей. На его красивом, по-кавказски смуглом лице застыло сосредоточенное выражение.

— Поэтому мы преподнесем ему какой-нибудь дорогостоящий предмет американской культуры.

— Ясно.

— Вы по происхождению американец, сэр, но почему-то постарались сделать свою кожу более темной, — Тагоми внимательно разглядывал юношу.

— Это загар от кварцевой лампы, сэр, — смущенно пробормотал Рамсей. — Говорят, от него повышается содержание витамина «D». — Японец молча наблюдал за ним. — Уверяю вас, сэр, я... вовсе не порвал с культурой моего народа, я поддерживаю связи с родней...

— Продолжим, пожалуй, — сказал Тагоми секретарше, и та включила запись. — Обратившись к Оракулу, я получил гексаграмму двадцать восемь, Да-го. Хочу обратить особое внимание на неблагоприятную пятую черту. Комментарий гласит:

«На иссохшем тополе вырастают цветы.

Старая женщина получает служилого мужа.

Хулы не будет.

Хвалы не будет.»

Оракул вполне определенно указывает на то, что мистер Чилдэн не предложит нам ничего подходящего. — Помолчав, Тагоми продолжил: — Посмотрим правде в глаза. Я не отношусь к знатокам американского искусства и не могу полагаться на свой вкус. Вот почему... — он замялся, подбирая слова. — Вот почему — надеюсь, вы не в обиде на меня, мистер Рамсей — нам нужна помощь туземца. Вы согласны помочь?

Как Рамсей ни пытался, он не смог скрыть боль, обиду и гнев.

— Я задал Оракулу еще несколько вопросов, — продолжал Тагоми, не дожидаясь ответа, — для этого ваше присут-

ствие было не обязательно. — Рамсею это следовало понимать так: «Вам, бледнолицым «пинки», ни к чему быть в курсе всех наших дел». — Должен сказать, — продолжал Тагоми, — что на один из вопросов я получил весьма загадочный ответ, заставивший меня призадуматься. — Рамсей и Эфрикян ловили каждое его слово. — Вопрос относился к мистеру Бэйнсу.

Они кивнули.

— Ответом мне была гексаграмма Шен. Сорок пять. Ситуация, благодаря скрытому действию Дао, благоприятная. Начальная черта — «шестерка», вторая — «девятка». Вопрос был таков: «Увенчаются успехом переговоры с мистером Бэйнсом?» И сильная черта на втором месте уверяла, что увенчаются. Комментарий таков:

«Будь правдив, и тогда это будет благоприятствовать принесению незначительной жертвы.

Хулы не будет.»

Вероятно, мистера Бэйнса удовлетворит любой подарок Торгового представительства.

Но Оракул учел и тот скрытый смысл, который, как это нередко случалось, Тагоми почти безотчетно вложил в свой вопрос, поэтому ответ выглядел несколько туманным.

— Насколько нам известно, — продолжал Тагоми, — Бэйнс везет подробное описание новых способов литья под давлением, разработанных в Швеции. Если нам удастся заключить договор с его фирмой, мы сможем заменить пластмассами многие металлы, которых нам так не хватает.

Тихоокеания много лет пыталась убедить Рейх оказать ей помощь в развитии химической промышленности. Но ведущие химические концерны Германии, такие как «ИГ Фарбениндустри», не спешили делиться патентами на производство полимеров. Рейх вполне устраивало, что Тихоокеания плетется у него в хвосте, отставая по части технологий лет на десять. Взлетавшие с космодромов Европейской Твердыни ракеты почти целиком состояли из жаростойких пластмасс — легких и настолько прочных, что выдерживали удар метеорита. Ничем подобным Тихоокеания не располагала — японцам по-прежнему приходилось использовать природные материалы, такие как древесина и металлы.

От этих мыслей у Тагоми испортилось настроение. Он бывал на промышленных выставках и видел некоторые достижения германской науки, в том числе «Быстрый Призрак» — автомобиль, целиком изготовленный из синтетических материалов. Машина была продана за шестьсот долларов США.

Тагоми задал Оракулу еще один вопрос, о котором не полагалось знать «пинке» (а их немало работало в здании Торгпредства). Вопрос родился после того, как Тагоми получил зашифрованную каблогранму из Токио. Секретные депеши поступали к нему нечасто и, в основном, касались интересов безопасности, а не торговли, тем более шифровки, состоящие из поэтических метафор. Тагоми не сомневался, что токийские власти опасались именно немцев, а не мнимых оппозиционных сил на Родных островах, ибо спецслужбы Рейха могли разгадать шифр любой сложности, но толкование поэтических образов представляло для них серьезную проблему.

Ключевая фраза «сними сливки с его молока» относилась к «Переднику» — жутковатой песне, где были строчки: «Не все то золото, что блестит. Снятую с молока пенку легко перепутать со сливками». «Ицзин» только подтвердил этот совет. В толковании говорилось о человеке, который не соответствует своему окружению, поскольку он излишне резок и слишком мало внимания уделяет форме; но так как он честен, то найдет отклик.

Из этого следовал простой вывод: Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и прибывает в Сан-Франциско не за тем, чтобы подписывать договоры о совместном производстве пластмасс. Короче говоря, Бэйнс — шпион.

Но как Тагоми ни ломал голову, он не мог понять, на кого работает Бэйнс и зачем летит в ТША.

В час сорок Роберт Чилдэн с огромной неохотой запер двери «Художественных промыслов Америки», остановил велотакси и велел отвезти его к «Ниппон Таймс Билдинг».

— «Ниппон Таймс», — повторил, как полагалось, китаец-рикша и с трудом водрузил на багажник тяжелые сумки. Потом помог усесться Чилдэну, включил счетчик и закрытил педали.

Глядя на проплывающие мимо здания, Чилдэн испытывал раздражение и досаду. Весь день ушел на поиски вещи для клиента Тагоми. Правда, в конце концов Чилдэну повезло — удалось найти отличный подарок. Японец должен сменить гнев на милость. «Пока никто из моих заказчиков не остался недовольным!» — с гордостью подумал Чилдэн.

Он раздобыл идеально сохранившийся экземпляр первого номера комиксов «Тип-топ», выходивших в тридцатых годах. Забавный журнальчик, яркий образчик культуры «Американа». «Тип-топ» достался Чилдэну, можно сказать, даром. Но он прихватил и другие вещицы — не начинать же, в самом деле, с комиксов. Нет, сначала он раздразнит аппетит японца,

а уж потом достанет из самой большой сумки обернутый бумагой кожаный футляр.

Радио китайца извергало популярные мелодии, соревнуясь в громкости с приемниками других велосипедов, легковых машин и автобусов. Чилдэн будто ничего не слышал — привык. Не замечал он и огромных неоновых реклам на фасадах зданий. Такая же вывеска мигала по вечерам и над его магазином. А как иначе заявить о себе, как привлечь покупателей? Чилдэн трезво смотрел на вещи. Его даже убаюкивал уличный шум, мелькание реклам и мельтешение прохожих отвлекали от текущих проблем. Он получал удовольствие от прогулки по оживленной улице на велосипеде, чувствуя как усилия мускулов рикши передаются механизму. «Как вибромассажер», — подумал Чилдэн. Приятно все-таки, когда тебя везут. Приятно хоть недолго побыть господином.

Он встрепнулся: нельзя дремать перед столь важной встречей. Надо о многом подумать. Подходяще ли он одет для визита в «Ниппон Таймс Билдинг»?.. А вдруг в скоростном лифте закружится голова? Впрочем, это не страшно — в кармане лежат немецкие таблетки от головокружения. «Ко всем обращаться соответственно, — напомнил он себе. — Со швейцаром, лифтером, секретарем и прочей мелкой сошкой не церемониться. Каждому японцу — кланяться, даже если придется сгибаться сто раз. Но как вести себя со служащими «пинки»? — Это он представлял себе смутно. — Ладно, — решил Чилдэн, — буду кивать, но с рассеянным видом, будто едва их замечаю.

Ничего не упущено? А если встретится иностранец? Говорят, в Торгпредстве часто можно встретить немца или нейтрала.

А еще там можно увидеть невольника.

В порту Сан-Франциско часто останавливаются суда немцев и южан, и, случается, черномазых ненадолго отпускают на берег группками не больше трех человек и, конечно, днем, ведь даже в Тихоокеании для негров действует комендантский час. Бывает, их селят на какое-то время в бараках у пристани. Им не полагается заходить в Торгпредство, но нередко их берут туда в качестве носильщиков. Кстати, разве можно явиться к Тагоми, собственноручно неся свои сумки? Ни в коем случае! Надо во что бы то ни стало отыскать раба, пусть даже придется на час опоздать. Если его увидят в Торгпредстве с сумками в руках, это будет непростительной ошибкой. Потеря авторитета — опасная вещь.

«Войти в «Ниппон Таймс Билдинг» с сумками было бы

просто смешно, — размышлял Чилдэн. — В тюрьму за такое, конечно, не посадят — в этот нет ничего противозаконного — но как бы я выглядел в глазах окружающих! Да еще проклятые черномазые... Можно стерпеть косые взгляды аристократов, в конце концов, с их спесью я сталкиваюсь каждый день, но видеть презрение на лицах всяких голодранцев вроде этого рикши, крутящего педали, — выше моих сил. Не останови я вовремя велотакси, он мог увидеть, как я тащусь с сумками по улице...»

В том, что жизнь такова, виновата, конечно, проклятая немчура — вечно наровят откусить больше, чем могут проглотить. С огромными потерями выиграли войну и не успели очухаться, как ринулись покорять Солнечную систему. А на родной планете ввели законы, которые... Впрочем, замысел был неплох и, надо признать, немцы лихо разделались с евреями, цыганами и прочими бродячими народами. Славян они отбросили на два тысячелетия назад, на их прародину Азию. Ну и правильно, без славян в Европе как-то спокойнее. Пусть себе ездят на яках и охотятся с луками и стрелами. Зато теперь в любом книжном магазине, в любой библиотеке можно полистать изданный в Мюнхене толстый гляцевый журнал и полюбоваться, как синеглазые, белокурые фермеры пашут, сеют и собирают урожай на полях всемирной житницы Украины. Вооруженные до зубов новейшей техникой, эти ребята выглядят счастливчиками, а их фермы — чисты и ухожены. В таких журналах не увидишь поляка с опухшей от пьянства рожей, понуро сидящего на прогнившем крыльце своей лачуги или ворующего репу на деревенском рынке. Он ушел в прошлое, как и ухабистые грунтовые дороги, на которых, стоило зарядить дождем, намертво вязли колеса телег.

И еще — Африка. Вот где они развернулись с энтузиазмом, достойным восхищения. Хотя, будь немцы чуть предусмотрительнее, они бы сначала завершили план «Фармлянд». Воистину, этот проект — зримое воплощение немецкого гения. Запрудить и осушить Средиземное море, а затем с помощью атомной энергии превратить его в сельскохозяйственные угодья — какая смелость, какой размах! Все насмешники, в том числе некоторые болтливые лавочники с Монтгомери-стрит, были посрамлены.

В Африке немцы снова показали себя молодцами, но, к сожалению, подобные грандиозные мероприятия всегда сопровождаются зловещими слухами. А началось все в пятьдесят восьмом, со знаменитого признания Розенберга: «Что касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей, однако...»

И все-таки, на то, чтобы избавиться от аборигенов, американцам понадобилось два века, а наци в Африке добились почти тех же результатов за пятнадцать лет. Так что скепсис здесь неуместен. Как-то раз за завтраком Чилдэн поспорил со знакомыми бизнесменами, очевидно, считавшими, что у немцев есть волшебная палочка, и они в одну минуту могут преобразовать мир. Нет у них волшебной палочки, зато есть наука, техника и знаменитое немецкое упорство. Любое дело они доводят до конца. Впрочем, полеты на Марс отвлекли внимание общественности от Африки.

На том достопамятном завтраке последнее слово осталось за Чилдэном: «Что есть у немцев и чего недостает нам, так это романтики. Можно восхищаться их талантами и трудолюбием, но не им обязаны немцы своими успехами, а мечте, не дающей им покоя. Покорение планет! Сначала Луна, потом — Марс. Все дальше... и дальше... Разве это не древнейшая мечта человечества, не высочайший порыв души?»

Теперь возьмем японцев. Я прекрасно знаю их натуру, мне ежедневно приходится иметь с ними дело. Что ни говори, они азиаты. Желтокожие. Нам, белым, приходится гнуть перед ними спины, поскольку они — власть. Но, глядя на Германию, мы видим, на что способна белая раса...»

— Скоро приедем, сэр, — сообщил рикша. Его грудь бурно вздымалась — велосомобиль только что преодолел крутой подъем.

Чилдэн попробовал представить клиента Тагоми. Наверняка какая-нибудь шишка — он перестал в этом сомневаться, услышав по телефону возбужденный голос японца. Он вспомнил одного очень важного клиента, точнее, посетителя его магазина, благодаря которому «Художественные промыслы Америки» стали пользоваться успехом у высокопоставленных жителей района Залива.

Всего четыре года назад Чилдэн содержал не престижный антикварный магазин, а крошечную букинистическую лавку в Ёири — темную, тесную. В соседних магазинчиках торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, рядом примостилась грязная прачечная. Приятное соседство, нечего сказать. Случалось, ночью на улице раздавались крики — кого-то грабили, а то и насиловали, хотя Департамент полиции Сан-Франциско и даже кэмпетай — японская тайная полиция — не жалели сил на борьбу с преступностью. После закрытия окна лавки приходилось закрывать железными решетками — иначе не избежать взлома.

И вот как-то раз в этот район забрел старый отставной офицер японской армии, майор Ито Хумо — высокий, стат-

ный, седой, с чеканной поступью. Он и натолкнул Чилдэна на мысль, какой торговлей заняться.

— Я — коллекционер, — пояснил Хумо. Он полдня провёл, роаясь в кипе старых журналов. Прислушиваясь к его неторопливой рассудительной речи, Чилдэн пришел к выводу, что многих состоятельных образованных японцев, наряду с обычным антиквариатом, интересуют предметы уходящего в историю быта американского народа. Сам Хумо любовно собирал журналы с рекламой американских медных пуговиц, да и пуговицы тоже. Как любой коллекционер, майор не смог бы объяснить, откуда в нем взялась эта страсть, но утверждал, что богачи не жалеют денег на самые, казалось бы, бесполезные вещи.

— Приведу пример, — говорил он. — Вам случалось видеть вкладыши «Ужасы войны»?

Чилдэн порывлся в памяти. Да, когда он был маленьким, эти вкладыши продавались по центу за штуку вместе с жевательной резинкой. Их была целая серия.

Хумо с плохо скрываемой алчностью следил за его лицом.

— У меня есть близкий друг, — продолжал он. — Он собирает «Ужасы войны». Ему осталось найти только «Гибель Паная». Он готов хорошо заплатить.

— Перевертыши, — сказал вдруг Чилдэн.

— Простите?

— У нас была такая игра. Если по вкладышу щелкнуть, он ложится либо лицевой стороной, либо рубашкой. Каждый мальчишка носил в кармане пачку «Ужасов». Двое становились друг против друга и щелчком подбрасывали вкладыши. Чей падал картинкой вверх, тот и выигрывал.

Чилдэну в ту пору было восемь лет. Как все-таки приятно вспомнить далекие, счастливые дни детства!

Немного поразмыслив, Хумо произнес:

— Странно. Мой приятель не рассказывал ничего подобного. Мне кажется, он не знает об этом.

Вскоре друг майора Хумо, тоже отставной офицер, наведался в книжную лавку за исторической справкой. Рассказ мистера Чилдэна привел его в восторг.

— Крышечки бутылок! — с торжествующим видом воскликнул Чилдэн.

Японец непонимающе посмотрел на него.

— В детстве мы собирали крышечки от молочных бутылок, — пояснил торговец. — Круглые такие, с названиями магазинов. В Соединенных Штатах были тысячи молочных магазинов, и для каждого выпускались свои крышечки.

Глаза японца заблестели.

— У вас есть такая коллекция, сэр?

Разумеется, у Чилдэна такой коллекции не было, но... возможно, у кого-нибудь сохранились забавные кругляшки, напоминающие о довоенных временах, когда молоко продавали в стеклянных бутылках, а не в картонных пакетах.

Так, мало-помалу, Чилдэн втянулся в новый бизнес. Позже в стране появилось еще несколько подобных магазинов, ибо день ото дня все больше японцев увлекалось «Америкой»... Но Чилдэн всегда ухитрялся опередить конкурентов.

— С вас доллар, сэр. — Голос рикши вывел его из задумчивости. Оказывается, китаец уже выгрузил сумки. Чилдэн уплатил.

«Да, весьма вероятно, что клиент Тагоми похож на майора Хумо, во всяком случае, мне так кажется», — подумал он. Чилдэн знал немало японцев, но до сих пор не научился их различать, и для удобства делил на разновидности. Одни, мускулистые коротышки, напоминали ему борцов, другие — аптекарей, третьи — садовников... Встречались и непохожие на японцев, особенно среди молодежи. Наверное, клиент Тагоми — этакий внушительный бизнесмен с манильской сигарой в зубах.

Стоя перед «Ниппон Таймс Билдинг», Чилдэн содрогнулся от неожиданной мысли: а вдруг клиент — не японец?! Вещи, заботливо уложенные в сумки, рассчитаны на вкус японца.

«Не может быть, — успокоил себя Чилдэн, — клиент наверняка японец. Иначе зачем было Тагоми заказывать вербовочный плакат? Кому еще нужен такой хлам? Японцы склонны ко всему заурядному. Только они могут благоговеть перед прокламациями, воззваниями и объявлениями.» Чилдэн знал одного чудака, собиравшего вырезки из газет начала века, где рекламировались американские патентованные средства.

Впрочем, все это пустяки. Впереди у него безотлагательные дела.

Высокие двери «Ниппон Таймс Билдинг» постоянно впускали и выпускали хорошо одетых людей. Прежде чем направиться к подъезду, он задрал голову. Стеклопанная стена уходила в небо. «Ниппон Таймс Билдинг» — самое высокое здание Сан-Франциско, шедевр японской архитектуры — стояло в окружении садов с карликовыми вечнозелеными кустами, валунами и руслом высохшего ручья (точнее, его имитации, но настолько искусной, что петляющая между обнаженными корнями и плоскими камнями желтая змейка песка выглядела очень естественно).

Чилдэн увидел свободного черного носильщика и замахал

рукой. Негр, подобострастно улыбаясь, подбежал и поклонился.

— Двенадцатый этаж. — Чилден указал на сумки и добавил, стараясь, чтобы голос звучал как можно резче: — Кабинет Б. И побыстрее! — Он решительно направился к дверям. Разумеется, не оглядываясь.

Спустя секунду он оказался в битком набитой кабине скоростного лифта. Почти все пассажиры были японцами, их чисто выбритые подбородки сияли в ярком свете ламп. Тошнотворный рывок, и Чилдена понесло вверх. Он закрыл глаза и пошире расставил ноги, моля господ, чтобы подъем быстрее закончился.

«Носильщик, конечно, поднимается на грузовом лифте, — мелькнуло в мозгу. — Еще бы, кто пустит сюда черномазого?..» Он открыл глаза и окинул кабину взглядом. Белых в лифте было раз, два и обчелся.

Выходя на площадку двенадцатого этажа, Чилден уже мысленно кланялся, готовясь к встрече с Тагоми.

3

Подняв глаза к закатному небу, Джулиана Фринк увидела крошечный огонек, описывающий широкую дугу к западу. «Нацистская ракета, — подумала она. — Летит к побережью. В ней полным-полно всяких шишек. А я — здесь, внизу.» Она помахала вслед ракете, хотя та уже исчезла.

Тени Скалистых гор подступали все ближе. Голубоватые вершины погружались в ночь. Над ближней грядой плыла стая перелетных птиц. У пронесившихся мимо машин загорались фары, вскоре по шоссе потянулась цепочка двойных огоньков. Вспыхнула реклама бензоколонки. Засветились окна домов.

Несколько месяцев Джулиана жила в Каньон-сити, штат Колорадо, работая инструктором дзю-до.

На сегодня тренировки закончились, и она хотела принять душ, чтобы снять усталость. Но все душевые кабинки «Спортивного зала Рэя» были заняты, и она ожидала у выхода, наслаждаясь покоем сумерек, прохладой и горным ветерком. До нее доносился приглушенный рокот двух громадных дизельных грузовиков, остановившихся у придорожной закусочной. У входа их водители надевали кожаные куртки.

«Кажется, Дизель выбросился из иллюминатора своей ка-

юты, — подумала она. — Отправился в путешествие через Атлантику и покончил с собой. Может, последовать его примеру? Не получится — далеко до океана. Хотя, можно как-нибудь иначе... Как у Шекспира. Или воткнуть спицу прямо через блузку и — прощай, Джулиана. Девчонка, которой сам черт не страшен, которая знает тысячу способов расправы с брызжущим слюной противником. В самом деле, не лучше ли исчезнуть, чем всю жизнь дышать выхлопными газами в заштатном городишке?

«Это у меня от японцев, — решила она. — Вместе с прибыльным занятием — дзю-до — я переняла у них безразличное отношение к смерти. Умение убивать, умение умирать. Ян и Инь. Но все это позади. Я в протестантской стране.

Все-таки на душе спокойней, когда ракеты нацистов проносятся над головой, а не садятся поблизости. К счастью, немцам нет дела ни до нашего Колорадо, ни до Юты, Вайсмिंगа и Восточной Невады — пустых, малонаселенных штатов, где одни горы да пастбища. «С нас нечего взять, — сказала она себе, — поэтому каждому здесь позволено прожить свою жалкую жизнь. Если он пожелает. Если жизнь для него что-то значит.»

Она услышала, как открывается дверь одной из кабинок. Вышла мисс Дэвис — молодая полная женщина.

— О, вы ждали, мисс Фринк? Простите, я не знала. — Она тряхнула мокрыми волосами, поправила пакет под мышкой.

— Ничего, не беспокойтесь.

— Вы знаете, мисс Фринк, я просто без ума от дзю-до. Оно дает мне даже больше, чем дзен.

— «Дзен сделает ваши бедра стройнее, — процитировала Джулиана. — Безболезненные сатори¹⁰ помогут вам сбросить лишний вес.» Простите, мисс Дэвис. Я отвлеклась.

— Они часто делали вам больно?

— Кто?

— Японцы. Когда вы у них учились.

— О, это было ужасно. Желаю вам никогда не попадать к ним в лапы. Держитесь подальше от побережья.

— Я еще ни разу не уезжала из Колорадо, — дрогнувшим голосом призналась женщина.

— От этого никто не застрахован, — предупредила Джулиана. — Вдруг им взбредет в голову захватить нас?

— Но с войны прошло столько времени! — воскликнула Дэвис.

— Откуда нам знать, что у них на уме, — задумчиво произнесла Джулиана. — Японцы — загадочный народ.

— А... что они с вами делали? — с интересом спросила женщина и подступила ближе.

— Все, — ответила Джулиана.

— О, Господи! Я бы сопротивлялась, — Дэвис обеими руками прижала к груди пакет.

Джулиана извинилась и проскользнула в кабину, опередив незнакомую женщину с полотенцем через плечо.

Потом она сидела за столиком в закусочной «Горячие гамбургеры Чарли» и неторопливо просматривала меню. Из музыкального автомата доносилось что-то фольклорное — треньканье гитары и надрывные стоны. В воздухе стоял запах горелого жира.

Все же у Чарли было тепло и уютно, и у Джулианы полегало на душе. Водители у стойки, хозяин-ирландец в белой поварской куртке, позвякивающий мелочью за кассой, казались ей старыми знакомыми.

Заметив ее, Чарли сам подошел принять заказ.

— Мисс желает ча-аю? — протянул он, добродушно ухмыляясь.

— Кофе, — ответила Джулиана, не реагируя на насмешливый тон.

— Вона как? — Чарли подбоченился.

— И сэндвич с горячим бифштексом.

— А как насчет супчика из крысиных гнезд? Или козлиных мозгов на оливковом масле?

Водители повернулись и с откровенным любопытством разглядывали Джулиану.

«Все дело в плечевых мышцах, — подумала она, встречаясь взглядом с водителями. — У танцовщиц они тоже развиты. На бюсте это не отражается, а вот осанка... Заставьте своих жен ходить в спортзал, и тогда увидите...»

— Держитесь от нее подальше, — подмигнул хозяин водителям. — Она запросто может зашвырнуть вас в ваши жестянки.

— Откуда вы? — обратилась она к шоферу помоложе.

— Из Миссури, — ответили оба.

— Из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Я — да, — ответил старший. — Из Филадельфии. У меня там трое пацанов, старшему одиннадцать.

— Послушай, а... у вас можно найти приличную работу?

— Запросто, — ответил молодой водитель. — Если у тебя подходящая кожа. — У него было смуглое угрюмое лицо и выющиеся черные волосы.

— Он — макаронник, — пояснил старший.

— Да? — удивилась Джулиана. — А разве Италия не

страна-победитель? — Она улыбнулась молодому шоферу, но его лицо стало еще мрачнее, и он отвернулся.

«Извини, — подумала она, но вслух ничего не сказала. — Если бы я умела отбеливать кожу... — ей вспомнился Фрэнк. — Интересно, жив ли он? Может, ляпнул что-нибудь невпопад, кому-то наступил на мозоль? Нет, к япошкам он относится терпимо. Даже с приязнью. Наверное, потому, что они такие же уроды. — Джулиана все время внушала Фрэнку, что он некрасив: крупные поры, большой нос... Ее кожа была идеальной. — Неужто он умер один, без меня? Фринк — зяблик, птичка-невеличка. Говорят, певчие птицы долго не живут.»

— Вы останетесь до утра? — спросила Джулиана у молодого водителя.

— Да, переночуем здесь.

— Если вам не нравится в Соединенных Штатах, почему вы оттуда не уедете? Я довольно долго живу в Скалистых горах, здесь неплохо. А раньше жила во Фриско. Там цвет кожи тоже много значит.

Сгорбившийся у стойки итальянец метнул на нее хмурый взгляд.

— Леди, в вашем городе не то что жить — на одну ночь остаться противно. Господи, чего бы я не отдал за нормальную работу, лишь бы не мотаться месяцами по дорогам и не жрать в таких... — он умолк, заметив, как побагровели щеки хозяйина, и отхлебнул кофе.

— Эге, Джо, да ты сноб? — ухмыльнулся его спутник.

— Не перебраться ли вам в Денвер? — спросила Джулиана. -- Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, восточных американцев, — подумала она. — Любите жить с размахом, вынашиваете великие замыслы. Скалистые горы для вас — дыра, да и только. Здесь ничто не изменилось с довоенной поры. Безработные старики, тупые фермеры, ленивые бродяги. Молодежь посмышленей подалась за восточную границу, в Нью-Йорк. Там деньги. Большие деньги, большой бизнес. Германские капиталисты творят чудеса, с их помощью в считанные годы удалось возродить Соединенные Штаты».

— Вот что, приятель, — хрипло и зло проговорил хозяин. — Я не из тех, кто любит евреев, но в сорок девятом немало их повидал. В тот год они драпали из ваших новых Соединенных Штатов. Я тебе так скажу: если у вас сейчас полно шальных денег, так это все награблено у евреев, которых вышвырнули из Нью-Йорка, когда нацисты приняли этот чертов Нюрнбергский Закон. Мальчишкой я жил в Бостоне и с евреями особо не яхшался. Но если бы мне кто сказал, что

в США будут действовать нацистские законы — пусть мы и проиграем войну — я бы тому придурку плюнул в морду. Удивляюсь, почему ты здесь, в не завербовался в армию своих Соединенных Штатов? А? Завоевывать какую-нибудь банановую республику, чтобы потеснить япошек и порадовать немчуру?

Шоферы вскочили с перекошенными от злости лицами. Старший схватил со стойки бутылку кетчупа. Хозяин попятился. Нашарив огромную двузубую вилку, он остановился и приготовился к защите.

— Скоро в Денвере достроят огнестойкую посадочную площадку, и там смогут садиться ракеты Люфтваффы, — спокойно заметила Джулиана.

Никто из троих мужчин не пошевелился и не подал голоса. Посетители тоже помалкивали.

Наконец хозяин произнес:

— Одну я видел на закате.

— Эта ракета летела не в Денвер, — сказала Джулиана. — Она села на западном побережье.

Водители понемногу успокоились. Старший проворчал:

— Вечно забываю, что народ здесь малость желтоват.

— Япошки не губили евреев ни в войну, ни после. И не строили здесь печей.

— То-то и беда, что не строили, — буркнул старший водитель и принялся за еду.

«Мы желтоваты, — подумала Джулиана. — Он прав. Мы хорошо относимся к японцам. Наверное, потому, что их здесь нет.»

— Где вы остановитесь на ночь? — спросила она у молодого водителя.

— Не знаю, — ответил тот. — Я только что вылез из кабины. Мне у вас не нравится. Может, заважусь спать в кузове.

— В мотеле «Медовая пчелка» вполне сносно, — проворчал хозяин.

— Ну что ж, — сказал молодой водитель, — может, там и заночую. Если им не будет глаза колоть, что я итальянец. — Он говорил с явным акцентом, хотя и старался его скрывать.

«Тут виноват его максимализм, — думала Джулиана. — Поэтому он такой озлобленный. Слишком много хочет от жизни. Всегда ему чего-то не хватает, вечно что-то не так. И я такая же. Не смогла усидеть на западном побережье, наверное, и здесь не усидю. А разве прежде, во времена покорения Дикого Запада, люди были иными?»

Но сейчас граница проходит не здесь, — мелькнула

мысль, — а через другие планеты. И он, и я могли бы попроситься на корабль, который отвозит колонистов. Нет, нам бы отказали. Ему — из-за смуглой кожи, мне — из-за черных волос. Уж эти мне белокожие нордические феи из эсэсовских училищ в замках Баварии! Этот бедолага Джо, или как его там, — так и глядит букой. Нет бы, принять холодный и многозначительный вид, будто он нас всех и в грош не ставит и абсолютно уверен в себе. Да, у наци именно такие лица. Они не идеалисты, как и Джо или я, они циники и фанатики. Это дефект мозга, похоже немецкие психиатры не только душевнобольным, а всему своему народу сделали лоботомиию.

Все их беды — из-за секса, — решила Джулиана. — Еще в тридцатые у них началось... Гитлер забавлялся со своей... сестрой, кажется? Или теткой? Или племянницей? Да и его собственные родители были двоюродными братом и сестрой. Они не считают кровосмешение грехом, многие живут со своими матерями. Вот почему у этих отборных эсэсовских шлюх такие ангельские, жеманные улыбки. Они берегут себя для Папочки. Или друг для дружки.

А кого они считают Папочкой? Бормана, который, говорят, на ладан дышит? Или Доходягу? Ходят слухи, старина Адольф, разбитый параличом, доживает свой век в одном из санаториев Рейха. Сифилис мозга — память о нищей жизни венского люмпена... Черное долгополое пальто, грязное исподнее, ночлежки...

Наверное, это месть насмешливого Боженьки. Совсем как в немом кино. Злодея искупали в дерьме. Историческая кара за грехи.

И что самое жуткое — вся нынешняя Германия сотворена этим сухоточным. Сначала он создал партию, потом — нацию, потом — государство на пол-планеты. И не кто-нибудь, а сами нацисты выявили болезнь, поставили диагноз. Шарлатан-травник Морель, пользующий Гитлера патентованными «пилюлями доктора Кестера», раньше лечил венериков. Об этом знает весь мир, и тем не менее, любой бред рехнувшегося вождя считается откровением мудреца. Страницей Священного Писания. Мало того, что идеи этого придурка заразили весь мир — их, как семена зла, разносят по планетам белокурые арийские королевы.

Вот плоды кровосмешения: безумие, слепота, смерть. Брр!» — Джулиана вздрогнула.

— Чарли! — окликнула она хозяина. — Как там мой заказ?

Джулиане было очень одиноко. Она встала, подошла к стойке и уселась около кассы. Никто, кроме молодого италья-

янца, не обращал на нее внимания. А он просто-таки глаз с нее не сводил. «Его зовут Джо, — вспомнила она. — А фамилия?»

Вблизи она увидела, что он не так молод, как показалось вначале. Трудно было угадать его возраст — мешала настороженность, с которой он держался, то и дело зачесывая волосы назад жесткими скрюченными пальцами. «В нем есть нечто зловещее, — решила она. — Дыхание смерти». Ее это одновременно тревожило и привлекало. Старший водитель шепнул что-то на ухо итальянцу, и оба усталились на нее.

— Мисс, — произнес старший водитель, и оба напряглись. — Вам известно, что это такое? — он показал плоскую коробочку.

— Да, — ответила Джулиана. — Нейлоновые чулки. Их выпускает только картель «ИГ Фарбен», в Нью-Йорке есть филиал. Очень дорогие.

— Монополия — дело хорошее. Надо отдать немцам должное. — Старший водитель положил коробочку перед своим спутником, и тот локтем придвинул ее к Джулиане.

— У вас есть машина? — спросил Джо, прихлебывая кофе.

Из кухни послышался голос Чарли — он нес ее заказ.

— Вы меня не подвезете, а? — Джулиану сверлили темные глаза, и ей стало не по себе. — В мотель или еще куда. Лишь бы переночевать. Подбросите?

— Да, — ответила она. — У меня есть машина. Старый «студебеккер».

Окинув взглядом Джулиану и молодого водителя, повар молча поставил перед ней тарелку.

«Внимание, дамы и господа», — произнес динамик в конце прохода. Мистер Бэйнс вздрогнул и открыл глаза. Справа в иллюминатореплыли зелено-коричневая земля и морская синь. Тихий океан. Он понял, что ракетоплан заходит на посадку.

Сначала по-немецки, потом по-японски и, наконец, по-английски громкоговоритель попросил пассажиров не курить и не покидать кресел. «Мы приземлимся через восемь минут», — пообещал металлический голос.

Корабль накренился и задрожал — включились тормозные дюзы. Многие пассажиры испуганно вцепились в подлокотники кресел. Бейнс улыбнулся, вызвав ответную улыбку молодого человека с прилизанными светлыми волосами, сидевшего напротив через проход.

— Они боятся, что... — заговорил молодой человек по-немецки, но Бэйнс перебил его по-английски:

— Простите, я не говорю по-немецки. — Поймав вопросительный взгляд попутчика, он повторил то же самое по-немецки.

— Вы не немец? — изумился блондин. По-английски он говорил с неприятным акцентом.

— Я швед, — пояснил Бэйнс.

— Но ведь вы садились в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии по делам. Мне приходится бывать в разных странах. Работа такая.

В глазах немцев мелькнуло недоверие: как человек, занимающийся международным бизнесом, летающий ракетами Люфтваффы, может не знать немецкого?

— А чем вы занимаетесь, мистер Бэйнс? — поинтересовался он.

— Пластмассы. Резина. Я имею в виду промышленное сырье, а не готовые изделия. Понимаете?

— В Швеции делают пластмассы? — вновь недоверие.

— Да, и превосходные. Если дадите адрес, я с удовольствием вышлю проспект нашей фирмы. — Бэйнс извлек авто ручку и блокнот.

— Ну что вы! Не стоит раздаривать проспекты кому не попадя. Я не коммерсант, я художник. Алекс Лотце. Вам не доводилось видеть мои картины? Они выставались на Континенте.

— К сожалению, я равнодушен к современной живописи, — сказал мистер Бэйнс. — Мне нравятся, в основном, довоенные кубисты и абстракционисты. Люблю, когда картина несет глубокий смысл, а не просто изображает натуру.

— Но ведь это — цель искусства, — возразил Лотце. — Примат духа над чувственным восприятием. Абстракционизм — искусство упадка, хаоса, он отражает процессы разложения общества, старой плутократии. Декадентов поддерживали еврейские капиталистические воротилы, опутавшие своими сетями весь мир. Те времена ушли, и живопись стала иной. Искусство не может стоять на месте.

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

— Вам приходилось бывать в Тихоокеании? — спросил Лотце.

— Несколько раз.

— А я лечу впервые. В Сан-Франциско при содействии ведомства доктора Геббельса и японских властей открывается выставка моих работ, так сказать, культурный обмен в целях укрепления дружбы и взаимопонимания. Надо снижать напряженность между Востоком и Западом. А для этого нужно больше общаться, и искусство — один из важнейших факторов...

Бэйнс кивнул. Внизу, за огненным кольцом дюз, показались Сан-Франциско и Залив.

— А где в Сан-Франциско можно сносно поесть? — спросил Лотце. — Для меня заказан номер в «Палас-Отеле», но мне кажется, в национальных районах лучше кормят. В Чайнатауне, например.

— Да, — подтвердил Бэйнс.

— А цены там не кусаются? А то я почти на мели. У нас очень прижимистое министерство. — Лотце засмеялся.

— Смотря как обменять деньги. У вас, надо полагать, чеки Рейхсбанка? Рекомендую Токийский банк на Самсон-стрит.

— Спасибо, — поблагодарил Лотце. — А я собирался поменять их в гостинице.

Ракета неслась над самой землей. Бэйнс увидел взлетное поле, ангары, стоянки машин, здание аэровокзала, дома... «Красиво, — подумал он. — Горы, вода и клочки тумана, уплывающие к Золотым Воротам.»

— Что это? — спросил Лотце. — Что за огромное сооружение? Вон там, внизу. Космопорт? Я думал, у японцев нет космических ракет.

Улыбаясь, Бэйнс пояснил:

— Стадион «Золотой Мак». Бейсбольное поле.

— Ну да, они без ума от бейсбола, — усмехнулся Лотце. — А по мне, нет спорта скучнее и бессмысленнее. Взбрело кому-то в голову начать такой...

— Он уже достроен, — раздраженно перебил Бэйнс. — Его таким задумали, открытым с одной стороны. Новый архитектурный стиль. Горожане очень им гордятся.

— Такое впечатление, будто его проектировал еврей, — пробормотал Лотце, глядя вниз.

Бэйнс пристально посмотрел на него. На мгновение он отчетливо ощутил перекося в немецком мозгу. Психологический сдвиг. Неужели Лотце действительно так считает? Или просто брякнул первое, что пришло на ум?

— Надеюсь, мы с вами еще встретимся в Сан-Франциско, — сказал Лотце, когда ракета коснулась земли. — Плохо, если рядом нет соотечественника, не с кем поболтать.

— Мы с вами вовсе не соотечественники, — возразил Бэйнс.

— Вы правы. Но в расовом отношении мы очень близки. Да и цели наши, и намерения совпадают. — Лотце заерзал в кресле, расстегивая привязные ремни.

«И это я с ним близок в расовом отношении?! — с ужасом подумал Бэйнс. — Это с его целями совпадают мои цели?»

Тогда и у меня — психический сдвиг. Мы живем в ненормальном мире, где у власти — безумцы. Сколько лет это продолжается? Сколько лет мы сопротивляемся? И главное — сколько нас, понимающих? Не таких, как Лотце? Может быть, если ты знаешь о своем безумии, ты не сумасшедший? Или начинаешь выздоравливать? Пробуждаться? Наверное, нас очень мало. Мы — одиночки, разбросанные по свету. Но массы, что думают они? Сотни тысяч жителей этого города? Может быть, они считают, что живут в правильном мире? Или все-таки сомневаются, хотя бы самую малость..? Но что значит — безумие? Какой смысл я вкладываю в это слово? Где граница?..

Безумие в их природе. В умственной ограниченности. В незнании тех, кто их окружает, в равнодушии, с которым они несут гибель другим. Нет не то. Я чувствую. Интуитивно. Целенаправленная жестокость... Нет. Боже, помоги, в одиночку мне не докопаться до сути! Пренебрежение истиной? Да. Но не только это. Безумие в их замыслах. Да, в замыслах! Покорение планет. Такое же бессмысленное и жестокое, как покорение Африки, а еще раньше — Европы и Азии.

Они мыслят космическими категориями и никак иначе. Слова человек, ребенок — пустой звук. Только абстракции: народ, страна, кровь, честь. Нет честных личностей, есть только сама честь. Абстракция для них — реальность, действительность — фикция. Доброта, а не добрые люди, добрый человек. Для них не существует «здесь» и «сейчас» — их глаза устремлены сквозь пространство и время в лежащую впереди бездну. И это — конец мира. Потому что мало-помалу они изведут все живое. Были ведь когда-то частицы космической пыли, раскаленные ядра водорода и ничего больше. Теперь все вернется на круги своя. Процесс распада ускоряется. Жернов не остановить. А они, эти безумцы, спешат обратить нас в камень и пыль. Хотят помочь природе.

Я знаю, почему, — размышлял Бэйнс. — Им хочется быть не частью, а движущей силой природы. Они приравнивают свое могущество к божьему, считают себя подобными Богу. Вот она, суть безумия. Все они одержимы одной идеей. У каждого настолько возросло самомнение, что ему и в голову не придет считать себя обыкновенным человеком. Это не гордыня и не высокомерие, это раздувание собственного Я до такой степени, что исчезла разница между поклоняющимися и предметом поклонения. Не человек съеден Богом, а Бог съеден человеком. Чего они не могут уразуметь, так это своей ничтожности. Я жалок и слаб, и Вселенной до меня нет дела. Я живу невидимкой. Но что в этом плохого? Разве т а к — не лучше? Кого боги замечают,

того призывают к себе. Будь незаметен — и минует тебя злоба сильных мира сего».

Расстегивая ремень, Бэйнс произнес:

— Мистер Лотце, я никому еще этого не говорил, но вам скажу. Я еврей. Вы поняли?

Лотце ошалело взглянул на него.

— Самому бы вам не догадаться, ведь я ничуть не похож на еврея. Я изменил форму носа и черепа, уменьшил поры, осветлил кожу. Иными словами, избавился от внешних признаков. Даже стал вхож в высшие круги Рейха. Никто не подозревает, что я еврей. И... — сделав паузу, он придвинулся к Лотце вплотную и зашептал: — я не один такой. Есть другие. Слышите? Мы не погибли. Мы существуем. Живем невидимками.

— Служба безопасности... — выдавил Лотце, но Бэйнс его перебил:

— Пожалуйста, сообщайте — СД проверит мое досье. Но учтите, у меня есть могущественные покровители. Некоторые из них арийцы, другие — евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос оставят без внимания, а вскоре я сам донесу на вас. И вы окажетесь в камере предварительного заключения. — Он улыбнулся, кивнул и двинулся по проходу вместе с другими пассажирами.

Они спустились по трапу на продуваемое ветром поле. Внизу Бэйнс случайно оказался рядом с Лотце.

— Знаете, мистер Лотце, — произнес он, взяв художника под локоть, — вы мне не понравились. Думаю, я в любом случае донесу на вас. — Он опустил руку блондина и ускорил шаг.

На краю поля, у дверей вокзала, толпились встречающие. Ищущие глаза, радостные улыбки, машущие руки. Впереди стоял коренастый японец средних лет в добротном пальто английского покроя, остроносых полуботинках и котелке, рядом — японец помоложе. На пальто коренастого блестел значок Тихоокеанского Торгпредства правительства Империи. «Мистер Тагоми собственной персоной, — подумал Бэйнс. — Приехал меня встречать».

Шагнув вперед, японец громко произнес:

— Герр Бэйнс? Добрый вечер! — и выжидающе вскинул голову.

— Добрый вечер, мистер Тагоми, — Бэйнс протянул руку. Рукопожатия, поклоны. Молодой японец тоже поклонился, приветливо улыбаясь.

— Прохладно на открытом поле, сэр, — сказал Тагоми. — Мы предлагаем воспользоваться вертолетом. Не возражаете, сэр? Или вам необходимо уладить какие-нибудь дела? — он вопросительно смотрел в глаза Бэйнсу.

— Готов лететь сию секунду, — сказал Бэйнс. — Хотя, надо бы зарегистрироваться в гостинице. И багаж...

— Мистер Котомичи обо всем позаботится, — заверил Тагоми. — Багаж выдадут через час, не раньше. Дольше ждать, чем вы летели.

Котомичи улыбнулся и кивнул.

— Прекрасно, — сказал Бэйнс.

— Сэр, у меня для вас подарок, — заявил Тагоми.

— Простите?

— Чтобы у вас сложилось благоприятное впечатление о нашем представительстве... — Он сунул руку в карман пальто и достал маленькую коробку. — Из лучших произведений искусства Америки. — И протянул коробочку Бэйнсу. — Наши сотрудники весь день ломали голову, что бы вам подарить. Решили остановиться на этом подлиннике угасающей североамериканской культуры, сохранившем аромат далеких, счастливых дней.

Бэйнс открыл коробочку. В ней на черной бархатной подстилке лежали наручные часы «Микки-Маус».

Неужто Тагоми захотелось пошутить? Он поднял взгляд и увидел серьезное, озабоченное лицо японца. Нет, это не шутка.

— Большое спасибо, — поблагодарил Бэйнс. — Действительно прекрасная вещь.

— Во всем мире не наберется и десятка настоящих часов «Микки-Маус» выпуска тридцать восьмого года, — произнес Тагоми, внимательно наблюдая за лицом Бэйнса. — Их нет в коллекции ни у одного из моих знакомых.

Они вошли в здание вокзала и стали подниматься по лестнице. Следовавший позади Котомичи произнес:

— Харусаме ни курецуцу яне но темари кана...

— Что это? — спросил Бэйнс у Тагоми.

— Старинное стихотворение, пояснил Тагоми. — Хай-ку¹¹ середины эпохи Токугава. «Идет весенний дождь, и на крыше мокнет детский мячик».

4

Уиндэм-Мэтсон проковылял по коридору и скрылся в цехе «Корпорации У-М». Провожая его взглядом, Фрэнк подумал, что его бывший хозяин вовсе не похож на капиталиста. Легче принять его за бродягу, горького пьяницу, которого вымыли, побрили, причесали, одели с иголки, накачали витаминами, дали пять долларов и велели начать

жизнь сызнова. Хозяин всегда приbedнялся, ловчил, суетился, заискивал перед каждым встречным и даже старался его ублажить, будто видел в нем возможного врага. Манерой держаться он как бы говорил: «Все норовят меня, бедолагу, обидеть».

На самом деле старина Уиндэм-Мэтсон был куда солиднее, чем казался с виду. Он контролировал несколько предприятий, играл на бирже, приторговывал недвижимостью.

Фрэнк двинулся за ним следом, отворил большую металлическую дверь и шагнул навстречу грохоту машин, ставшему привычным за многие годы. Его окружали люди и механизмы, сверкала электросварка, в воздухе висела пыль. Фрэнк ускори́л шаг, догоняя бывшего хозяина.

— Эй, мистер У-Эм! — позвал он.

Уиндэм-Мэтсон остановился возле человека с волосатыми руками, его звали Эд Мак-Карти, он был мастером цеха. Оба повернулись к Фрэнку.

— Прости, Фрэнк, — произнес Уиндэм-Мэнсон, нервно облизывая губы. — Мне и в голову не приходило, что ты можешь вернуться после всего, что наговорил. Но теперь ничего не поделаешь — твое место занято.

Его черные глазки так и бегали. «Это наследственное, — подумал Фрэнк. — Изворотливость у него в крови».

— Я пришел за своим инструментом, — произнес Фрэнк, с удовольствием слушая свой уверенный голос. — Больше мне ничего не нужно.

— Ну что ж, забирай, — проямлил Уиндэм-Мэтсон с досадой, видимо, он еще не думал о возможности прибрать к рукам инструменты Фрэнка. — Кажется, это по твоей части, Эд? — сказал он Мак-Карти. — Разберись с Фрэнком, ладно? У меня дел по горло. — Он взглянул на карманные часы. — Слушай Эд, мы с тобой обсудим наши дела после. Мне надо бежать. — Он похлопал Мак-Карти по плечу и, не оглядываясь, затрусил прочь.

Эд Мак-Карти и Фрэнк остались вдвоем.

— Захотел вернуться? — помолчав, спросил Мак-Карти.

— Да, — ответил Фрэнк.

— Ты молодец. Здорово вчера выдал.

— Молодец-то молодец, — пробормотал Фрэнк, — но где еще найдешь такую работу? — Он чувствовал себя разбитым и беспомощным. — Ты-то меня понимаешь.

Они часто делились друг с другом заботами.

— Чепуха, ты отличный мастер. За станком тебе нет равных. Я видел, как ты за пять минут сработал деталь, да

еще успел очистить от заусенцев. Правда, что касается сварки...

— Я и не говорил, что хорошо варю, — перебил Фрэнк.

— А тебе никогда не хотелось начать собственное дело?

— Ты о чем? — удивился Фрэнк.

— О ювелирных изделиях.

— О, Господи!

— Оригинальные украшения. Изготовление на заказ. — Мак-Карти отвел его в угол — там было не так шумно. — Тысчонки за две можно снять под мастерскую небольшой подвал или гараж. Я тут как-то рисовал эскизы женских сережек и подвесок. Помнишь? Настоящий модерн. — Он взял клочок бумаги и стал рисовать — медленно, сосредоточено.

Заглянув Эду через плечо, Фрэнк увидел эскиз браслета. Он давно не встречал ничего подобного. Разве что среди довоенных вещей. Но все они, даже старинные, были стандартными. Никаких абстрактных узоров, как на этом браслете.

— Кому нужно современное искусство?

— Создадим рынок, — нахмурился Мак-Карти.

— Сами, что ли, будем продавать?

— Нет, через магазины. Вроде той роскошной лавки на Монгомери-стрит.

— «Художественные промыслы Америки», — припомнил Фрэнк. Он никогда не заходил в такие шикарные магазины, да и мало кто из американцев заходил туда — выставленные там вещи были по карману только японцам.

— А тебе известно, чем торгуют в таких магазинах? — осведомился Мак-Карти. — И на чем наживаются? На дурацких серебряных нашлапках от индейских поясов из Нью-Мексико. На всякой дряни вроде осколков тарелок — якобы туземном искусстве.

Фрэнк долго не сводил взгляда с Мак-Карти. Наконец произнес:

— Мне известно, что еще они продают. И тебе тоже.

— Да, — подтвердил Мак-Карти.

К тому, чем торговали в магазинах редкостей, они имели самое непосредственное отношение. И не первый год.

Официально «Корпорация У-М» специализировалась на выпуске кованых перил для лестниц и балконов, решеток для очагов и оград для новых фешенебельных домов. Изделия выпускались крупными партиями по типовым чертежам, например, сорок каминных решеток для сорокаквартирного дома. Но «Корпорация У-М» производила не только перила — основную прибыль приносила деятельность иного рода.

Используя большой арсенал инструментов, станков и материалов, корпорация подделывала предметы довоенной Америки в широком ассортименте. Эти подделки, разбавленные подлинными вещами, очень осторожно и расчетливо представлялись на оптовый рынок предметов искусства, и невозможно было подсчитать, сколько ходит по свету фальшивок. Да никто и не пытался.

Вчера, уходя с работы, Фрэнк оставил на верстаке наполовину сработанный револьвер эпохи покорения Дикого Запада. Он сам изготовил форму и отливки, оставалось отшлифовать детали. Для стрелкового оружия времен Гражданской войны и Фронттира¹² рынок был неограничен; все, что мастерил Фрэнк, «Корпорация У-М» сбывала без всяких хлопот.

Фрэнк неторопливо приблизился к верстаку, взял шкурку и доделал шомпол. Еще три дня, и револьвер был бы готов. «Да, — подумал он, — я потерял хорошую работу. Только эксперт сможет отличить... Но японские коллекционеры — профаны, они даже не задумываются над необходимостью устанавливать подлинность так называемых «исторических произведений искусства», которыми торгуют на западном побережье. Когда-нибудь, возможно, задумаются... и тогда рынок лопнет как мыльный пузырь, даже подлинники никто не рискнет покупать. Таков закон Грэшэма: подделки снижают ценность оригиналов. Может быть, поэтому никто и не пытается отличить их. Боятся правды. А так — вроде все довольны.

Разбросанные по стране предприятия выпускают продукцию, оптовики продают изделия хозяевам магазинов, а те рекламируют и выкладывают на прилавки. Коллекционеры платят денежки и, довольные, увозят покупки домой — восхищать коллег, друзей и любовниц.

До поры до времени подделки будут в цене. Потом придет час расплаты. Тогда и фабриканты, и оптовики, и владельцы магазинов вылетят в трубу. Пока об этом все помалкивают, особенно те, кто зарабатывает на жизнь подделками. Они просто стараются не думать об этом, сосредоточившись на технических проблемах.

— Ты давно не пробовал сделать что-нибудь свое? — спросил Мак-Карти.

— Несколько лет. Зато я здорово научился копировать...

— Знаешь, о чем я думаю? Наверное, ты заразился нацистской идеей, будто евреи не способны творить, а только копировать и продавать.

— Может, так оно и есть, — буркнул Фрэнк.

— А ты попробуй. Придумай что-нибудь. Или сразу, без эскизов, поработай по металлу. Поиграй — как дети играют.

— Зачем? — спросил Фрэнк.

— Веры в тебе нет, — вздохнул Мак-Карти. — Ты полностью утратил веру в себя, точно? Ну, и зря. Я-то знаю, на что ты способен.

«Зря, — повторил про себя Фрэнк. — Да. Это правда, во мне нет ни веры, ни энтузиазма. И взяться им неоткуда. Этот Мак-Карти — отличный мастер. Ему не откажешь в умении вести работу, заставить его выложиться. Прирожденный руководитель — чуть не вдохновил меня. И все испортил, отойдя раньше времени. Жаль, нет со мной Оракула. Я бы спросил у него совета, зачерпнул из источника пятидесятилетней мудрости». — Фрэнк вспомнил, что видел «Ицзин» в вестибюле управления «Корпорации У-М». Туда он и направился по длинному коридору.

Он уселся в кресло из металла и пластика, написал на обратной стороне конверта: «Стоит ли заняться творческим ремеслом, как мне предложили?» — и стал подбрасывать три монетки.

Вначале выпала «девятка», затем еще две. Он получил нижнюю триграмму. Цинь. «Творчество». Хороший знак. Четвертая черта — «шестерка», инь. Пятая — тоже инь. «О, Господи — мысленно воскликнул он. — Еще одна теневая черта, и я получу гексаграмму одиннадцать, Тай — «Расцвет»! Очень благоприятное пророчество. Или... — его руки дрожали, когда он тряс монеты, — если выпадет ян, получится гексаграмма двадцать шесть, Да-чу — «Воспитание великим». Обе гексаграммы — благоприятны. Он кинул монетки.

Инь. Все-таки «Расцвет».

Открыв книгу, он прочел:

«Расцвет.

Малое уходит, великое приходит.

Счастье. Развитие».

Итак, надо принять предложение Эда Мак-Карти, открыть свое маленькое дело. Его беспокоила только верхняя «шестерка». Он перевернул страницу. Какой там текст? Он не мог вспомнить. Вероятно, ничего неблагоприятного, ведь комментарий ко всей гексаграмме был таким обнадеживающим. Союз неба и земли — но последняя черта символизирует переразвитие ситуации, выход из нее, поэтому «шестерка» наверху...

Его глаза нашли строки, поразившие его подобно вспышке молнии:

«Городская стена падает в ров.
Не применяй войско.
В своем городе изъясляй свою волю.
Стойкость — к сожалению».

... и — толкование:

«Силы тьмы, упомянутые в середине гексаграммы, начинают действовать. Городская стена падает в ров, из которого была подкопана. Роковой час близок...»

Без сомнения, это было одно из самых мрачных толкований из более чем трех тысяч, находившихся в книге. И тем не менее пророчество ко всей гексаграмме было благоприятным.

Как быть? Прежде не бывало, чтобы Оракул пророчил ему беду и счастье одновременно. «Ни дать ни взять ложка дегтя в бочке меда, — подумал Фрэнк. — Видать, он советует и дело делать, и смотреть, как бы чего не вышло.

Черт! — мысленно выругался он. Не могут беда и удача ходить рука об руку. Либо одно, либо другое.

Или... могут?

Ювелирное дело принесет богатство — никак иначе это пророчество не истолковать. Но вот чертова шестая линия — в ней кроется глубокий смысл, она предупреждает о катастрофе, возможно, даже не связанной с ювелирным делом. В любом случае злого рока мне не избежать...

«Война! — решил Фрэнк. — Третья мировая! Два миллиарда трупов, цивилизация стерта с лица Земли. Водородные бомбы сыплются градом.»

«Силы небесные! — подумал он. — Почему? Из-за меня она начнется, что ли? Или кто-нибудь другой заварит кашу? Или — все мы? Всеми виной физики с их теорией синхронности, по которой каждая частица связана со всеми остальными, — нельзя даже пукнуть, не изменив равновесия Вселенной. Жизнь превращается в анекдот, над которым некому будет посмеяться. Я открываю книгу и получаю прогноз событий, о которых даже Господь Бог хотел бы забыть. А кто я? Далеко не тот, которому стоит адресовать такое пророчество. Это точно.

Надо забрать инструменты, оборудовать мастерскую и начать свое дело, как будто Оракул и не сулил никаких бед. И — работать. Творить. Ничего не боясь. До самого конца. Жить на всю катушку, пока мир не сгорит в огне. Пока все мы не погибнем, все человечество. Вот что советует Оракул. Все мы рано или поздно окажемся на том свете, но до тех пор мои руки и голова не должны пребывать в праздности.

Комментарий касался только меня, моей работы. А последняя черта — всех нас.

Я слишком ничтожен, — подумал он. — Могу лишь почестать в затылке и заняться своими делами. Не бежать же на улицу, крича во всю глотку, чтобы привлечь внимание прохожих.

А есть ли на Земле кто-нибудь, способный изменить ход событий? Некто великий?.. Если мы, все вместе... Или в решающий момент среди тех, от кого все зависит, окажется наш человек, заранее внедренный... В общем, остается уповать на случай. Лишь от него зависит жизнь — моя и всей планеты».

Фрэнк закрыл книгу и вернулся в цех. Заметив Мак-Карти, он кивнул ему на укромный уголок.

— Я поразмыслил над твоей идеей, и она мне понравилась, — сказал он.

— Вот и отлично, — улыбнулся Мак-Карти. — А теперь слушай. Надо заставить Уиндэма-Мэтсона рассчитаться сполна. — Он медленно опустил веко — подмигнул. Это выглядело довольно жутко. — Я тут прикинул... В общем, решил уволиться и составить тебе компанию. Вот, погляди на эскизы. Чем плохи?

— Хороши, — подтвердил Фрэнк, несколько сбитый с толку.

— Заходи вечером ко мне, часам к семи, — предложил Мак-Карти. — Джин приготовит ужин.

— Договорились, — сказал Фрэнк.

Мак-Карти хлопнул его по плечу и отошел.

«За какие-то десять минут я проделал большой путь. Как быстро это случилось, — размышлял Фрэнк, собирая с верстака свои инструменты. — Видимо, так и происходят крутые повороты в жизни. Стечение обстоятельств, и... А ведь я ждал этой минуты всю жизнь. Оракул сказал: «Путь к счастью», и это для меня основное. Время больших свершений. Пришло ли оно? Пришел ли нужный момент? Верхняя «шестерка» — единственное отличие одиннадцатой гексаграммы от двадцать шестой, «Воспитания великим». Инь становится янем, и возникает другая ситуация. А я даже не почувствовал перемены!»

Но, несмотря на волнение и душевный подъем, Фрэнк не мог выбросить из головы роковую черту.

«Хотя пытаюсь изо всех сил, — с горькой иронией отметил он. — Глядишь, к ужину начисто о ней позабуду. Ну что ж, будем надеяться. Во всяком случае, в старину было так. До войны.

Сейчас она, должно быть, мечется с места на место. От

мужика к мужику. Ищет не знамо чего. Но я-то знаю, и когда мы с Эдом раскочегарим наше предприятие, она получит то, что ей нужно.»

Собираясь позавтракать, Роберт Чилдэн запер дверь «Художественных промыслов Америки». Как всегда, он зашел в кафетерий напротив. Обычно на завтрак уходило около получаса, но на этот раз Чилдэн уложился за двадцать минут. После недавней сделки с Тагоми у него сосало под ложечкой.

По возвращении из Торгпредства он сказал себе: пора менять политику. Никаких доставок клиенту. Все сделки — только в магазине.

Подумать только, битых два часа он провел в кабинете Тагоми! А на все про все ушло целых четыре часа! Когда он вернулся, открывать магазин было уже поздно. За весь день удалось продать только часы «Микки-Маус». Конечно, он не остался внакладе, но...

Чилдэн отворил дверь и прошел в подсобку повесить пальто. Возвратясь в зал, он обнаружил, что его ждет посетитель. Белый. «Ого! — подумал Чилдэн. — Вот это сюрприз!»

— Добрый день, сэр, — с легким поклоном поздоровался Чилдэн. «Пинки», наверное, — мелькнула мысль. Он окинул посетителя внимательным взглядом: худощавый, смуглый, довольно элегантно одет. Но держится натянуто, даже слегка вспотел от волнения.

— Добрый день, — пробормотал посетитель, разглядывая витрины. Он подошел к прилавку, достал небольшой бумажник из лакированной кожи и вытащил из него красивую, в цветных разводах карточку — удостоверение.

На карточке были герб, эмблема ВМФ Империи. Адмирал Харуша. Роберт Чилдэн с уважением вернул карточку.

— Корабль адмирала стоит в гавани Сан-Франциско, — пояснил посетитель. — Авианосец «Секаку».

— Вот как? — промямлил Чилдэн.

— Адмирал Харуша впервые на западном побережье, — продолжал смуглый человек. — Одна из целей его визита — лично посетить ваш знаменитый магазин. На Родных островах наслышаны о «Художественных промыслах Америки».

Чилдэн вновь поклонился.

— К сожалению, — продолжал гость, — обстоятельства сложились так, что адмирал не нашел времени для личного визита и направил в ваш магазин меня, своего поверенного.

— Адмирал — коллекционер? — спросил Чилдэн, лихо-радожно обдумывая слова поверенного.

— Скорее — поклонник искусств. Знаток и ценитель, но не коллекционер. Вещи, которые он хотел бы у вас приобрести, будут подарены офицерам флагмана. Адмирал решил вручить каждому офицеру ценный раритет времен Гражданской войны — оружие для ношения на поясе. — Сделав паузу, посетитель добавил: — Двенадцати офицерам, сэр.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской войны, — подумал Чилдэн. — Дорогое удовольствие. Почти десять тысяч долларов». Он разволновался.

— Всем известно, что вы торгуете бесценными предметами американской старины, — продолжал смуглый человек, — исчезающими, как это не прискорбно, слишком быстро.

Тщательно подбирая слова (ни в коем случае не допустить оплошности, не отпугнуть покупателя!) Чилдэн произнес:

— Да вы правы. Во всех ТША вам не найти такого выбора оружия времен Гражданской войны, как в нашем магазине. Счастлив услужить адмиралу Харуше. Если угодно, я мог бы доставить отменную коллекцию прямо на борт «Сеаку».

— Я бы хотел посмотреть здесь, — сказал посетитель.

Чилдэн быстро прикинул в уме. У него не было двенадцати револьверов. От силы три. Но, если повезет, он соберет дюжину за неделю. В крайнем случае, закажет на востоке, оплатив пересылку авиапочтой. Обзвонит местных оптовиков.

— Вы разбираетесь в подобном оружии, сэр? — спросил он.

— Более-менее, — ответил посетитель. — Я собрал небольшую коллекцию пистолетов и револьверов. Есть даже крошечный револьвер в форме костяшки домино, выпущенный в сороковых годах прошлого века.

— Прелестная вещица, — кивнул Чилдэн и направился к сейфу.

Вернувшись с револьвером, он увидел, что посетитель заполняет чек.

— Адмирал хотел бы оставить задаток, — сказал «пинки». — Пятнадцать тысяч тихоокеанских долларов.

Перед глазами Чилдэна закружилась комната, но он сумел ответить спокойно, даже с оттенком скуки:

— Как угодно. В этом нет особой необходимости. Так, простая формальность. — Положив на прилавок футляр из фетра и кожи, он добавил: — Вот, рекомендую. Превосходный кольт сорок четвертого калибра. Тысяча восемьсот шес-

тидесятый год. — Он открыл футляр. — Черный порох и пули. Эти револьверы были на вооружении в армии США. С ними парни в синем ходили во второй поход на Ситтинг Булла¹³.

Посетитель долго рассматривал кольт. Затем, подняв глаза, холодно произнес:

— Сэр, это подделка.

— Что? — не поняв, переспросил Чилдэн.

— Сэр, вы предлагаете подделку. Этой вещи нет и шести месяцев. Весьма прискорбно. Вот, поглядите — дерево подвергалось искусственному старению. Обработано едким химическим веществом. — Он положил револьвер на прилавок.

Чилдэн схватил кольт и принялся вертеть в руках. Наконец хрипло произнес:

— Этого не может быть!

— Имитация редкого старинного револьвера. Уверен. Боюсь, вас обманули, сэр. Какой-нибудь мошенник. Советую заявить в полицию Сан-Франциско. — Посетитель поклонился. — Весьма сожалею. Возможно, среди ваших товаров есть и другие копии. Неужели вы, сэр — владелец магазина, в своем роде специалист, не способны отличить подделку от подлинника?

Наступила тишина.

Гость взял с прилавка чек, убрал в карман вместе с авто-ручкой и поклонился.

— Мне жаль, сэр, но я не могу иметь дела с «Художественными промыслами Америки». Адмирал Харуша будет огорчен. Поймите меня правильно.

Чилдэн стоял, опустив голову и не сводил глаз с револьвера.

— Всего хорошего, сэр, — сказал посетитель. — Последуйте моему совету, отдайте ваш товар экспертам. Ваша репутация... Надеюсь, вы понимаете.

— Сэр, пожалуйста... — забормотал Чилдэн. — Не могли бы вы...

— Не волнуйтесь, сэр. Никто не узнает. Адмиралу я скажу, что ваш магазин был закрыт. В конце концов... — он помолчал, остановившись в дверях. — В конце концов, мы с вами — белые. — Еще раз поклонившись, он ушел.

Чилдэн остался у прилавка с револьвером в руке.

«Этого не может быть, — подумал он. — Но это случилось. Господи Боже! Я погиб. Упустил пятнадцать тысяч долларов. И потерял репутацию, а это — куда хуже. Если этот человек, доверенное лицо адмирала Харуши, проболтается...

Я разорен! — решил он. — Покончу с собой.

Но, может быть, посетитель ошибся? Или солгал?

Возможно, он подослан хозяином «Предметов истории Соединенных Штатов», чтобы погубить меня. Кем-нибудь из конкурентов.

Револьвер настоящий. Наверняка. А как узнать? — Чилдэн лихорадочно соображал. — Ага! Отправлю его на анализ в лабораторию пенологического факультета Калифорнийского университета. У меня там знакомые. Во всяком случае, были. Один раз приходилось к ним обращаться, когда я усомнился в подлинности старинного ружья.»

Он торопливо набрал номер городского транспортного агентства и попросил немедленно прислать курьера. Затем упаковал револьвер и написал записку, в которой просил сотрудников лаборатории срочно установить возраст револьвера и сообщить результат по телефону. Потом отдал пакет и записку подоспевшему посыльному и велел ему поспешить. Курьер ушел, а Чилдэн принялся расхаживать по магазину.

В три часа позвонили из лаборатории.

— Мистер Чилдэн, вы хотели узнать, является ли подлинным кольт сорок четвертого калибра армейского образца тысяча восемьсот шестидесятого года. — Наступила пауза, во время которой Чилдэн едва не раздавил трубку. — Сообщаю лабораторное заключение. Все детали, кроме ореховых щечек, изготовлены с помощью пластмассовых форм. Номера подделаны. Сталь не цементирована цианидом. Бурый и синий цвета получены в результате скоростной обработки по современной технологии. Револьвер подвергался искусственному старению с применением химических и механических средств.

— Человек, который мне его предложил... — хрипло произнес Чилдэн.

— Его обвели вокруг пальца, так ему и скажите, — посоветовал эксперт. — Причем, ловко обвели. Отличная работа. Профессиональная. Вы знаете, настоящие кольты со временем приобретали синеватый оттенок. А детали этого револьвера завернули в полоски кожи и нагрели с газом CN в запаянной коробке. Это очень сложный процесс, нужна хорошо оборудованная мастерская. Мы изучили частицы веществ, применявшихся для шлифовки — прежде мы не слышали, чтобы кто-то ими пользовался для этих целей. Не можем ничего утверждать, но все говорит о том, что выпуск таких подделок поставлен на промышленную основу.

— Нет! — воскликнул Чилдэн. — Это всего лишь слухи. Можете мне поверить, сэр. Кому знать об этом, как не мне? —

он окончательно потерял самообладание. — Почему я отправил к револьвер, как вы думаете? Я много лет торгую подобными вещами и сразу же заподозрил неладное. Такие подделки очень редки. Похоже, кто-то просто шалит. Какой-нибудь шутник. — Тяжело дыша, он попрощался: — Благодарю вас. Вы подтвердили мою догадку. Пришлите счет. До свидания!

Чилдэн бросил трубку и уселся просматривать товарные ведомости. Надо было выяснить, откуда у него этот фальшивый револьвер. У кого куплен.

Вскоре он установил, что револьвер продал крупнейший в Сан-Франциско оптовик, владелец «Ассоциации Рэя Калвина» на Ван-Несс. Чилдэн немедленно набрал номер.

— Мне мистера Калвина, — попросил он. Теперь его голос звучал твердо.

Он услышал хриплый, недовольный баритон:

— Да?

— Это Боб Чилдэн — «ХПА, инк» на Монтгомери. Рэй, у меня к вам деликатная просьба. Нам надо поговорить с глазу на глаз, лучше всего сегодня, у вас в конторе. Уверяю, это очень важно. — Чилдэн вдруг понял, что кричит в трубку.

— Ладно, — буркнул Рэй Калвин.

— И никому не говорите. Это должно остаться между нами.

— В четыре устроит?

— Хорошо, в четыре, — согласился Чилдэн. — У вас в конторе. Всего доброго. — Он яростно хлопнул по столу книгой учета, уронив телефон на пол. Затем опустился на колени и поставил аппарат на место.

Выходить нужно было через полчаса. В ожидании он нервно расхаживал по магазину и грыз ногти. Что делать? Идея! Он позвонил на Маркет-стрит в филиал «Токио Геральд».

— Будьте добры, — произнес он, — скажите, находится ли в бухте авианосец «Сеаку», а если да, сколько времени? Буду очень благодарен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Тоскливое ожидание. Затем девичий голос сказал:

— Как утверждает наша справочная служба, авианосец «Сеаку» находится на дне Филиппинского моря. — Девушка хихикнула. — Он потоплен американской подлодкой в сорок пятом¹⁴. Чем еще мы могли бы помочь вам, сэр? — Похоже, в редакции его приняли за шутника.

Он положил трубку. «Стало быть, «Сеаку» семнадцать лет лежит на морском дне. Как и адмирал Харуша, надо полагать. А его «доверенное лицо» — просто жулик. И все

же... этот тип оказался прав. Кольт сорок четвертого калибра — подделка. Ничего не понимаю! Может, он торговец? Решил расчистить рынок стрелкового оружия времен Гражданской войны? Но если так, то он не просто торговец. Эксперт. Как быстро он распознал подделку! Таких умников немного найдется. Может и вообще больше не найдется. Бояться нечего. Тайна не раскроется.

Так что, плюнуть на это дело?»

Чилдэн задумался. «Нет. Нужно выяснить все до конца. Но прежде всего надо заставить Рэя Калвина возместить убытки. И еще раз обратиться в университетскую лабораторию. Пусть проверят весь товар.

Но... вдруг они установят, что я торгую одними подделками?

М-да... Проблема.

Остается одно, — мрачно подумал он, — идти к Рэю Калвину. Взять за грудки. Вытрясти всю правду. Может, он тут ни при чем. А может, наоборот. Неважно. Сказать ему: «Еще одна подделка, и я у вас больше ничего не куплю!»

Пусть он несет убытки, — сказал себе Чилдэн. — Он, а не я. Если станет ерепениться, я обойду все магазины и погублю его репутацию. Почему я должен быть козлом отпущения? Пускай те, кто заварил эту кашу, сами и расклебывают.

Но действовать нужно очень осторожно. И ни слова посторонним».

5

Телефонный звонок Рэя Калвина озадачил Уиндэма-Мэтсона. Он ничего толком не понял — отчасти из-за сбивчивой речи Калвина, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи, когда Уиндэм-Мэтсон развлекался с дамой в своем номере отеля «Муромачи».

— Вот что, дружище, — сказал Калвин, — мы возвращаем вам последнюю партию товара. Вернули бы и остальную дрянь, если бы уже за нее не заплатили.

Естественно, Уиндэму-Мэтсону захотелось узнать, в чем дело.

— В том, что весь ваш товар — дерьмо. Сплошная туфта.

Уиндэм-Мэтсон оторопел:

— Но ведь вы это знали, Рэй, вы всегда были в курсе! —

Он оглянулся. Женщины поблизости не было — наверное, ушла в спальню.

— Да, я знал, что вы штампуете подделки, — сказал Калвин. — Но речь о другом. О паршивом качестве вашего товара. Мне наплевать, стреляли из револьвера, который вы мне продаете, в Гражданскую войну или нет. Для меня важно, чтобы ни у кого не возникало сомнений, что это кольт сорок четвертого калибра, такой-то номер по каталогу. Чтобы комар носу не подточил. Вы знаете Роберта Чилдэна?

— Да. — Эта фамилия была ему знакома, хотя в ту минуту Уиндэм-Мэтсон не мог вспомнить, кому она принадлежит. Какому-то дельцу.

— Сегодня Чилдэн приперся ко мне в контору. Он только что ушел, я звоню из конторы, не из дому. В общем, долго бушевал. Он вне себя от злости. Будто бы некий важный япошка — адмирал, ни больше, ни меньше — не то приходил к нему, не то присылал своего человека. Чилдэн кричал о сделке на двадцать тысяч. Тут он, конечно, хватил через край, но в остальное я верю: к нему приходил япошка, хотел что-то купить, одним глазком взглянул на ваш кольт сорок четыре, убрал деньги и ушел. Что вы на это скажете?

Сказать Уиндэму-Мэтсону было нечего, но он сразу подумал о Фрэнке и Мак-Карти. Не и. ли рук дело? Но зачем им понадобилось пугать Чилдэна?

Его охватил суеверный страх. Как они пронюхали, куда ушел револьвер, выпущенный еще в феврале? Что они будут делать дальше? Пойдут в полицию? Или в газеты? Или даже в муниципалитет Сакраменто к «пинки»? Кошмар! Всего этого можно было бы не опасаться, не выгони он Фрэнка... Он не знал, как ответить Калвину — долго бормотал какие-то оправдания, пока, наконец, не сумел закруглить беседу.

Положив трубку, Уиндем-Мэтсон осознал, что Рита давно вышла из спальни и слышала почти весь разговор. Женщина нетерпеливо расхаживала по комнате в комбинации из черного шелка. По ее плечам в редких веснушках рассыпались светлые волосы.

— Позвони в полицию, — предложила она.

«А что, — подумал он, — может, я еще дешево отделаюсь, заплатив им пару тысяч. Они не откажутся. Наверное, это как раз то, чего они добиваются. У таких парней аппетит невелик, две тысячи кажутся им большими деньгами. Ну да — вложат их в свое дело, прогорят и через месяц окажутся без гроша в кармане. И снова...»

— Нет, — ответил он.

— Почему? Вымогательство — это преступление.

«Ей трудно понять, — подумал Уиндэм-Мэтсон. Он привык платить тем, кто много знает, как привык нести производственные расходы. Да и сумма на сей раз невелика. — Но в чем-то она права».

«Я заплачу им две тысячи, — решил Уиндэм-Мэтсон. — А еще я свяжусь со знакомым инспектором Департамента гражданских дел. На тот случай, если они снова придут попрошайничать».

Кто-то мне говорил, что Фрэнк — жид, изменивший форму носа и фамилию, — вспомнил он. — Тем лучше, надо только известить германское консульство. Чего проще. Консул потребует у япошек его выдачи и как только этот содомит окажется за демаркационной линией, его затолкают в газовую камеру. Кажется, в Нью-Йорке остались лагеря, — подумал он. — Лагеря с печами».

— Удивляюсь, — сказала Рита, пристально глядя на него, — как можно безнаказанно шантажировать такого крутого парня.

— Ничего удивительного, — рассеянно ответил Уиндэм-Мэтсон. — Если хочешь знать, весь этот чертов бизнес, связанный с историей — сущая чепуха. Просто япошки — ослы. Сейчас докажу. — Он встал, подошел к кофейному столику и вернулся с двумя зажигалками. — Вот, взгляни. Они похожи как две капли воды, правда? Но историческую ценность имеет только одна. Он ухмыльнулся — Держи. Пойдем дальше. На рынке одна из них стоит тысяч сорок-пятьдесят.

Женщина схватила зажигалки и стала вертеть их в руках.

— Ну? — подзадорил Уиндэм-Мэтсон, — видишь отпечаток времени?

— Какой еще отпечаток?

— Так говорят о вещах, имеющих историческую ценность. Слушай дальше. Одна из этих зажигалок лежала в кармане Франклина Рузвельта в момент его убийства. А другая — нет. Одна имеет историческую ценность, причем невероятную. Другая и выведенного яйца не стоит. Ну, ты чувствуешь разницу? — допытывался он у женщины. — ничего ты не чувствуешь. Нет тут ни «ореола загадочности», ни «дыхания эпохи».

— Вот это да! — восхитилась Рита. — Неужели и правда одна из них была у Рузвельта в кармане?

— Да. И я знаю, какая. Понимаешь теперь? Все это жульничество, люди обманывают самих себя. Скажем, твой пистолет побывал в какой-нибудь знаменитой битве, например

при Ватерлоо, но если ты об этом не знаешь, то и пистолет кажется тебе самым обыкновенным. Историческая ценность — здесь! — Он постучал себя по лбу. — В голове, а не в пистолете. Я тоже был коллекционером. В сущности, поэтому я и занялся нынешним бизнесом. Собирал первые почтовые марки британских колоний.

Сложив руки на груди, женщина стояла у окна и смотрела на огни Сан-Франциско.

— Не умри он, мы бы выиграли войну, — задумчиво произнесла она. — Так говорили мои родители.

— Так вот, — продолжал Уиндэм-Мэтсон, — представь, что в прошлом году кто-нибудь... неважно кто, хотя бы правительство Канады — обнаружил клише старинных марок. И не только клише, но и краску. И запас...

— Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Рузвельту, — перебила его Рита.

Уиндэм-Мэтсон хихикнул.

— В том-то и дело! Мне придется доказать это с помощью документа. Понимаешь? Вещь не говорит сама за себя, ее ценность должна подтверждаться бумагой. А, следовательно, вся возня с историческими ценностями не имеет смысла. Это массовый самообман.

— Покажи бумагу!

— Пожалуйста. Он прошел в кабинет и снял со стены листок в рамке — сертификат Смитсоновского института. Зажигалки и сертификат влетели Уиндэму — Мэтсону в копеечку, но он не жалел — они позволяли ему доказать свою правоту, доказать, что слово «подделка» — пустой звук, поскольку слово «оригинал» тоже ничего не значит.

— Кольт сорок четвертого калибра — это кольт сорок четвертого калибра, — вещал он, возвращаясь из кабинета. — Покупая револьвер, следует интересоваться диаметром ствола и особенностями конструкции, а не датой выпуска...

Рита протянула руку. Он отдал сертификат.

— Значит, одна из них все-таки подлинная, — сказала она наконец.

— Да. Вот эта. — Он протянул ей зажигалку с длинной цапапиной на одной из сторон.

— Пожалуй, мне пора, — сказала Рита. — Как-нибудь еще увидимся вечером. — Она вернула сертификат и зажигалку и направилась в спальню, где осталось ее платье.

— Почему?! — раздраженно крикнул он. — Ты же знаешь, нам никто не помешает. Жена приедет через несколько недель... Я же тебе объяснял: у нее отошла сетчатка.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Будь любезен, вызови велотакси, пока я одеваюсь, — попросила Рита.

— Я сам тебя отвезу, — буркнул Уиндэм-Мэтсон.

Она оделась. Вернувшись из прихожей с ее пальто, Уиндэм-Мэтсон застал Риту в кабинете возле книжного шкафа, погруженную в раздумья. Казалось, ее что-то гнетет. «Прошлое, — понял он. — Оно многим не дает покоя. Черт меня дернул завести этот разговор! — упрекнул он себя. — Но ведь она такая молоденькая — я думал, она и слыхом не слыхивала о Рузвельте».

Рита опустила на колени и взяла с нижней полки книгу.

— Ты читал? — спросила она.

Он поднес книгу к близоруким глазам. Серая обложка. Роман.

— Нет, — ответил он. — Это жена купила. Она любит читать.

— Тебе бы следовало прочесть.

Уиндэм-Мэтсон неохотно взял книгу.

— «Из дыма вышла саранча», — произнес он вслух. — Это из тех книг, что запрещены в Бостоне?

— Не только в Бостоне, но и во всех Соединенных Штатах. Ну, и в Европе, разумеется. — Рита вышла в прихожую и остановилась у двери.

— Слыхал я об этом Абендсене.

На самом деле Уиндэм-Мэтсон ничего о нем не слышал. И о романе знал только то, что он очень популярен. Еще одна причуда. Повальное увлечение. Он нагнулся и поставил книгу на полку. — Некогда мне читать модные книжки. Дел невпроворот. «Конечно, у секретарш есть время читать всякую дрянь, — угрюмо сказал он. — И на работе, и дома — в постели. Их это возбуждает, хотя они прекрасно знают: в жизни все по-другому».

— Любовная история? — проворчал он, открывая входную дверь.

— Нет. Роман о войне. — На пути к лифту она добавила: — Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Абендсен?

— Да. Мол, если бы Джо Зангара¹⁵ промазал, Рузвельт вытащил бы Америку из депрессии и вооружил ее так, что... — Рита умолкла — они подошли к лифту, где в ожидании стояли люди.

Позже, мчась по ночной улице в «Мерседес-бенце» Уиндэм-Мэтсона, она снова заговорила об этом.

— Идея Абендсена в том, что Рузвельт был очень сильным Президентом, вроде Линкольна. Он это доказал своими делами, пока стоял у власти. Сюжет книги вымыш-

ленный, Абендсен облек свою теорию в форму романа. Рузвельт не гибнет в Майами, а живет себе дальше. В тридцать шестом его переизбирают на второй срок, и вплоть до сорокового — до начала войны — он все еще Президент. Догадываешься, что потом происходит? Когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу, он у власти. При нем Америка становится сильной державой. Гарнер, вообще-то, был никудышним Президентом. Наделал уйму ошибок. А так в сороковом вместо демократа Брикера избрали бы...

— Это по мнению Абендсена, — Уиндэм-Мэтсон взглянул на нее. «Боже, — подумал он, — прочтут какую-то книжонку и разлагольствуют, словно...»

— Так вот, вместо изоляциониста Брикера в сороковом году Президентом становится Роксфорд Рексфорд Тагуэлл¹⁶ — Ее гладкая кожа блестела в свете уличных фонарей, глаза сияли. Рита возбужденно жестикулировала. — Он оказался активным приверженцем антифашистской политики Рузвельта. Поэтому в сорок первом Германия побоялась прийти на помощь Японии. Не выполняла условий договора. Собираешь? — она повернулась к Уиндэму-Мэтсону и вцепилась в его плечо. — И в результате Германия и Япония проиграли войну!

Он засмеялся.

Женщина не сводила с него глаз, словно пыталась отыскать что-то в его лице. Он только не мог понять что, еще надо было следить и за дорогой.

— Это смешно, — холодно произнесла Рита. — Такое вполне могло случиться. Штаты вздули бы япошек, а...

— Как? — заинтересовался Уиндэм-Мэтсон.

— Как раз об этом он и пишет. — Она помолчала секунду и добавила: — В форме романа. В книге много художественных отступлений, для занимательности. Его герои — двое влюбленных, как раз то, что нужно читателю. Парень служит в американской армии, а девушка... Впрочем, неважно. Так вот, Президент Тагуэлл — далеко не дурак и прекрасно понимает, что затеяли японцы. — Она заметила выражение его лица и пояснила: — Ничего, об этом можно говорить, в Тихоокеании «Саранча» не запрещена. Я слышала, она очень популярна среди япошек, даже на Родных островах. О книге много говорят.

— Слушай, а как насчет Пирл-Харбора? — спросил Уиндэм-Мэтсон.

— Президент Тагуэлл заранее увел все корабли в море, и флот США не погиб.

— Ясно.

— Так что Пирл-Харбора, можно сказать, и не было. Японцы напали, но смогли потопить лишь несколько небольших кораблей.

— Как, ты говоришь, он назвал книгу? «Саранча?..»

— «Из дыма вышла саранча». Это из Библии.

— Значит япошки поиграли, потому что не было Пирл-Харбора? Нет, дорогая, Япония победила бы в любом случае.

— В романе флот США не дает им захватить Филиппины и Австралию.

— Так то в книге. А на деле их флот был не чета нашему. Я хорошо знаю япошек, они бы из кожи вон вылезли, но завладели бы Тихим океаном. А Штаты после Первой Мировой переживали кризис. В той войне пострадали все страны, морально.

Женщина упрямо возразила:

— Если бы немцы не захватили Мальту, Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Неужели?

— В конце концов он бы разгромил Роммеля в Северной Африке.

Уиндэм-Мэтсон захохотал.

— А победив Роммеля, англичане могли двинуться через Турцию на соединение с остатками русских армий. В книге они останавливают рвущихся в глубь России немцев у одного города на Волге. Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград. Там британцы добились перелома в войне. А Роммелю так и не удалось пробиться к отступающим армиям Восточного фронта, которыми командовал фон Паулюс. Помнишь его? И немцы не сумели прорваться ни на Ближний Восток — к нефти, ни в Индию — на соединении с японцами. И...

Чепуха! Ни один военачальник не смог бы победить Эрвина Роммеля, — возразил Уиндэм-Мэтсон. — И не могло быть событий, пригрезившихся этому Абсндсену. Как бы ни защищали англичане русский город с героическим названием Сталинград, большего, чем небольшой отсрочки своей гибели, они бы не добились. Да будет тебе известно, я встречался с генералом Роммелем. В сорок восьмом, будучи по делам в Нью-Йорке. (На самом деле он лишь издали видел Военного коменданта США на приеме в Белом Доме). Какой человек! Какое достоинство, какая статья! В общем, я знаю, о чем говорю.

— Да, ужасно было, когда на место Роммеля назначили

это чудовище Ламмерса. До него не было ни казней, ни лагерей.

— При Роммеле тоже были лагеря.

— Но... — женщина запнулась. — Неофициально. Возможно, головорезы из СС и творили мерзости, но... Роммель был не такой, как другие. Он походил на старых пруссаков — суровый...

— Хочешь знать, кому США обязаны своим возрождением? — спросил Уиндэм-Мэтсон. — Кто не пожелал труда для воссоздания американской экономики? Альберт Шпеер. Не Роммель и не Организация Тодта. Шпеер оказался самым полезным из тех, кого нацистская партия послала в Северную Америку. При нем снова заработали заводы, корпорации — вся промышленность — и неплохо заработали. Хотел бы я, чтобы и у нас было то же самое. А то какую отрасль ни возьми, везде конкурируют не меньше пяти компаний, неся ужасающие убытки. Ничего глупее, чем соперничество в экономике, не придумаешь.

— Моя подруга жила в трудовых лагерях и рабочих поселках, понастроенных на востоке, — сказала Рита. — Я бы там не выдержала. Представляешь, там проверяют почту. Она ни о чем не могла рассказать мне, пока не вернулась сюда. Их будили в шесть тридцать под оркестр.

— Ничего, привыкла бы. Тебе бы обеспечили чистое жилье, сносное питание, медицинское обслуживание и условия для отдыха. Что еще нужно? Птичье молоко?

Большой немецкий лимузин медленно вез их по окутанному ночным туманом Сан-Франциско.

Тагоми сидел на полу в позе Будды, дуя в пиалу с китайским чаем, и с улыбкой поглядывая на Бэйнса.

— А вы здесь неплохо устроились, — нарушил молчание Бэйнс. — И вообще, на Тихоокеанском побережье довольно спокойно. Совсем не так, как... там. — Он не стал уточнять.

— Божественное говорит с благодарным человеком под знаком пробуждения¹⁷.

— Простите?

— Это Оракул. Один из его афоризмов.

«Витают в облаках. Вот чем они тут занимаются», — мысленно улыбнулся Бэйнс.

— Мы непостижимы для европейца, поскольку живем по книге, которой пять тысяч лет. Задаем ей вопросы так, будто она живая. А она действительно живая. Как Библия христиан. На свете много живых книг. Это не метафора: книга обладает душой. Вы понимаете? — Тагоми внимательно следил за лицом Бейнса.

Тщательно подбирая слова, Бэйнс ответил:

— Знаете, я не очень хорошо разбираюсь в религиях. Это не мой профиль. Мне бы хотелось поговорить о том, в чем я более сведущ. — Действительно, он почти не понимал Тагоми. «Должно быть, я устал, — решил Бэйнс. — С той минуты, как я здесь оказался, все словно уменьшилось в размерах. Все кажется мелким, незначительным... нелепым, что ли. При чем тут книга, которой пять тысяч лет, при чем тут часы «Микки-Маус», при чем тут Тагоми с хрупкой пиалой в руке и ... и огромная, уродливая голова бизона, злобно глядящая на меня со стены?»

— Чья это голова? — спросил он вдруг.

— Одного из зверей, на которых в былые времена охотились аборигены, — ответил Тагоми.

— Ясно.

— Показать вам, как надо охотиться на бизонов? — Тагоми поставил пиалу на столик и встал. Дома по вечерам он носил шелковое кимоно, шлепанцы и белый шарф. — Вот я на железном коне¹⁸. — Широко расставив ноги, он принял низкую стойку. — На коленях — верный винчестер образца тысяча восемьсот шестьдесят шестого года из моей коллекции. — Он вопросительно посмотрел на Бэйенса. — Вы, наверное, устали с дороги, сэр?

— Боюсь, что да, — ответил Бэйнс. — Слишком много впечатлений. Да и дела висят тяжким грузом... «И кое-что еще, — добавил он мысленно. У него раскалывалась голова. — Интересно, можно ли здесь раздобыть обезболивающие таблетки фирмы «ИГ Фарбениндустри»? — он привык к ним с тех пор, как стал страдать хроническим фронтитом.

— Все мы должны во что-то верить, — сказал Тагоми. — Нам не дано заглянуть в будущее. Мы не знаем ответов.

Бэйнс кивнул.

— Моя жена найдет какое-нибудь лекарство от головной боли, — пообещал Тагоми, видя, что гость снял очки и трет виски. — Это у вас от напряжения. Извините. — Он поклонился и вышел из комнаты.

«Что мне действительно нужно, так это выспаться, — подумал Бэйнс. — Всего-навсего провести ночь в постели. А может, мне просто не по плечу дело, за которое я взялся? Инстинктивно хочется спрятать голову в песок?»

Когда Тагоми вернулся с таблеткой и стаканом воды, Бэйнс произнес:

— Видимо, мне действительно придется пожелать вам спокойной ночи и отправиться в гостиницу. Если не возражаете, мы могли бы встретиться завтра. Кстати, я хочу кое-

что уточнить. Вам не говорили о третьем лице, которое примет участие в наших беседах?

Мелькнувшее в глазах Тагоми удивление тут же сменилось беззаботным выражением.

— Мне об этом ничего не известно. Было бы интересно узнать.

— Этот человек с Родных островов.

— Вот как? — На сей раз Тагоми не выдал своего удивления. Он вполне владел собой.

— Это пожилой бизнесмен, отошедший от дел, — пояснил Бэйнс. — Путешествует морем и уже две недели в пути. У него отвращение к полетам.

— Видимо, чудаковат, — заметил Тагоми.

— Он по-прежнему в курсе всего, что касается экономики Родных островов, и может предоставить нам необходимую информацию. Наверное, мы могли бы обойтись и без его услуг, но при его участии наша беседа окажется более плодотворной.

— Да, — кивнул Тагоми, — скорее всего, его помощь будет не лишней. Я два года не был на Родных островах и плохо представляю, как обстоят дела с рынком сбыта.

— Вы хотели дать мне таблетку?

Опешив, Тагоми опустил глаза и увидел, что таблетка и стакан еще у него в руках.

— Простите. Это очень сильнодействующее средство, заракаин. Его выпускает фармацевтическая фирма в Китайском Регионе. — Протягивая Бэйнсу таблетку, он добавил: — Не вызывает привыкания.

— Возможно, этот пожилой господин напрямую свяжется с вашим Торгпредством. Чтобы ему не отказали в приеме, я, на всякий случай, напишу его имя. Мне не приходилось с ним встречаться, но, по моим сведениям, он глуховат и эксцентричен. Я бы хотел быть уверенным, что с ним обойдутся вежливо. — Казалось, Тагоми понял, что Бэйнс имеет в виду. — Он любит рододендроны и будет просто счастлив, если кто-нибудь из ваших людей в течение получаса, пока мы готовимся к беседе, поговорит с ним о рододендронах.

Бэйнс проглотил таблетку, запил водой и вытащил авто ручку и блокнот.

— Мистер Шиньиро Ятабе, — прочитал Тагоми и бережно положил записку в бумажник.

— И еще одно.

Мистер Тагоми замер с пиалой у рта.

— Деликатный нюанс. Видите ли, этот джентльмен... несколько стеснен в средствах. Ему под восемьдесят. В конце

карьеры некоторые из его предпринимательских затей оказались неудачными. Вы понимаете?

— То есть, он теперь не богат, — сказал Тагоми, — вероятно даже, живет на пенсию.

— Именно. И пенсия плачевно мала. Поэтому ему приходится немного... подрабатывать.

— Нарушая некоторые мелочные постановления, — подхватил Тагоми. — Ох, уж это мне Родное правительство и его чиновники-бюрократы. Я понял вас. Пожилой джентльмен получает за консультации гонорар и не отчитывается перед Департаментом пенсий. А для этого нужно, чтобы мы никоим образом не ставили в известность о цели его визита. Пусть считают, что он приехал сюда отдохнуть.

— Вы искушены в житейских делах, — улыбнулся Бэйнс.

— Я сталкивался с подобной ситуацией. К сожалению, наше общество еще не решило проблему стариков. А их число растет по мере совершенствования медицины. У китайцев мы научились чтить и ценить старость. В этом отношении немцы вызывают у нас... Я слышал, они уничтожают старых.

— Немцы... — промямлил Бэйнс и снова потер виски.

— Вы родом из Скандинавии и, несомненно, часто бываете в Festung Europa. Даже сюда прилетели из Темпельхофа. Там к ним такое же отношение? Что вы, нейтрал, об этом думаете?

— Простите, я не понял, — пробормотал Бэйнс. — Какое отношение? К кому?

— К старым, больным, слабым, умственно неполноценным и так далее. «Какой прок от новорожденного?» — спросил когда-то известный англо-саксонский философ¹⁹. Я запомнил этот вопрос и многократно задумывался над ним. В общем-то никакого прока, сэр.

Бэйнс что-то невнятно пробормотал.

— Человек не должен служить орудием для удовлетворения нужд ближнего, — сказал японец. — Разве не так? — Он наклонился к мистеру Бэйнсу: — А какова точка зрения нейтрала?

— Не знаю, — сказал мистер Бэйнс.

— Во время войны я занимал незначительный пост в Китайском Регионе, — сообщил мистер Тагоми. — Там, в Ханькоу, находилось поселение евреев, интернированных правительством Империи. Они жили на средства американской благотворительной организации Джайнта. Нацистский консул потребовал, чтобы мы их уничтожили. Помню ответ моего начальника: «Это противоречит нашим представлениям о че-

ловечности». Требование посла было отвергнуто как варварское. На меня это произвело впечатление.

— Понимаю, — пробормотал мистер Бэйнс. «Прощупывает?» — подумал он и насторожился. Ему стало легче, голова не болела, мысли перестали путаться.

— Нацисты всегда считали евреев не-белыми, азиатами. Но никто из высокопоставленных японцев, даже членов Военного Кабинета, не разделял этого мнения. Я никогда не беседовал на эту тему с гражданами Рейха, с которыми мне доводилось...

— Простите, но я не немец, — перебил его Бэйнс, — и вряд ли могу говорить за них. — Он встал и направился к выходу. Задержавшись в дверях, произнес: — Завтра мы возобновим нашу беседу. А сейчас прошу меня простить. Что-то голова плохо соображает. — На самом деле голова соображала прекрасно. «Надо убираться отсюда, — решил он. — Этот человек слишком круто за меня взялся. Наверное, мои донкихотские разлагольствования в ракете Люфтваффе каким-то путем дошли до японцев. Зря я разболтался с этим, как его... Лотце. Зря. Но сейчас поздно жалеть.

Напрасно я связался в это дело. Не подхожу я для него. Совсем не подхожу.»

Тут его мысли приняли иное направление.

«Швед вполне мог разговаривать с Лотце в таком духе. Все в порядке. Я не допустил промашки. Пожалуй, я излишне осторожничаю. Не могу избавиться от привычек, выработанных на прошлом задании. Здесь о многом можно говорить открыто. К этому еще надо привыкнуть.»

Но этому противилось все его естество. Кровь в венах, кости, мышцы. «Открой рот, — твердил он себе. — Скажи что-нибудь. Любой пустяк. Выскажи свое мнение. Не молчи, если не хочешь уйти ни с чем...

— Возможно, ими движет некий подсознательный архетип²⁰, если вспомнить Юнга.

Тагони кивнул.

— Понимаю, я читал Юнга.

Они пожали друг другу руки.

— Простите мою назойливость, — произнес Тагони, спеша распахнуть перед Бэйном двери. — За философскими рассуждениями забыл о правилах гостеприимства. Прощу. — Он крикнул что-то по-японски, и отворилась парадная дверь. Появился молодой японец, отвесил легкий поклон и взглянул на Бэйна.

«Мой водитель», — догадался тот.

— Завтра утром я вам позвоню, — сказал Бэйнс. — Спокойной ночи, сэр.

Молодой японец улыбнулся, шагнул вперед и что-то произнес.

— Что? — переспросил Бэйнс, снимая с вешалки пальто.

— Он обратился к вам на шведском, сэр, — пояснил Тагони. — Он изучал историю Тридцатилетней войны в Токийском университете и восхищен вашим героем Густавом Адольфом²¹ — Тагони улыбнулся. — Но, судя по всему, его попытки одолеть столь сложный язык оказались безуспешными. Очевидно, он пользовался грампластинками. Он ведь студент, а среди студентов, благодаря дешевизне, грампластинки весьма популярны.

Похоже, молодой японец не понимал по-английски. Он с улыбкой поклонился.

— Понятно, — пробормотал Бэйнс. — Ну что ж, желаю ему удачи.

«Боже мой! — подумал он. — Никаких сомнений — этот япошка всю дорогу будет приставать ко мне с вопросами на шведском.» Бэйнс с трудом понимал этот язык и то лишь тогда, когда слова произносились правильно и внятно. А тут — японец, кое-как изучивший шведский по грампластинкам!

Ничего у нас с ним не получится, — заключил Бэйнс. — Но он от меня не отстанет, пока не довезет до гостиницы, ведь ему, быть может, никогда в жизни не доведется встретить другого шведа. — Он мысленно застонал. — Какие муки меня ждут!»

6

Ранним утром, радуясь нежарким солнечным лучам, Джулиана Фринк ходила по бакалейным лавкам. Она не спеша брела по тротуару с двумя коричневыми бумажными сумками в руках, останавливаясь возле каждого магазина поглазеть на витрину. Спешить было некуда.

«Может, купить что-нибудь в аптеке?» — подумала она и, помедлив, шагнула через порог. До полудня, когда начнутся занятия дзю-до, оставалась уйма времени. Усевшись на стул возле прилавка и поставив на пол сумки, она придвинула к себе пачку журналов.

Листая свежий «Лайф», она наткнулась на статью «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». На той же странице — фотография. Немецкая семья сидит в гостиной у телевизора.

«Берлинские телепрограммы передаются уже по четыре часа в день, — говорилось в статье. — Когда-нибудь телестанции появятся во всех крупных городах Европы, а нью-йоркская начнет действовать в семидесятом году».

Другая фотография посвящалась инженерам-электронщикам Рейха, которые помогали американским строителям нью-йоркской телестанции. Отличить немцев было проще простого: ухоженные, уверенные в себе, энергичные. Американцы были ничем не примечательны — люди как люди.

Один из немцев стоял с вытянутой рукой, а американцы, напряженно всматриваясь, пытались понять, на что он указывает.

«Да, зрение у них лучше, чем у нас, — подумала Джулиана. — Еще бы — двадцать лет отменного питания. Говорят, они видят то, чего никто из нас не разглядит. Витамин «А», наверное.

Интересно, каково это — сидеть у себя в гостиной и видеть на маленьком голубом экране целый мир? Если немцы так богаты, что летают на Марс, почему они не возьмутся всерьез за телевидение? Я бы предпочла прогулкам по Марсу комические постановки. Ужасно хочется увидеть Боба Хоупа и Дюрана.

Наверное, в этом-то и дело, — подумала Джулиана, откладывая журнал. — Зачем немцам телевидение, если у них нет чувства юмора? К тому же, они погубили почти всех выдающихся комиков. Потому что почти все комики были евреями. В сущности, они ликвидировали индустрию развлечений. Странно, как это Хоупу сходят с рук его шутки? Впрочем, он выступает по канадскому радио, а в Канаде немного посвободней. Но все-таки он смельчак. Взять хотя бы его шутку о Геринге — ту, где Геринг покупает Рим, перевозит его к своему логову в горах и отстраивает заново. И возрождает раннее христианство, чтобы его любимым львам было чем заняться.»

— Хотите купить этот журнал, мисс? — подозрительно спросил маленький сморщенный старикашка, хозяин аптеки.

Она с виноватым видом отложила «Ридерз Дайджест», который начала было просматривать.

И снова, погруженная в раздумья, Джулиана брела с сумками по улице. «Вероятно, после смерти Бормана новым фюрером будет Геринг. Он давно бы возглавил Рейх, если бы не сидел у себя в горах, когда Гитлеру взбрело в голову удалиться по покой. В тот день под рукой у Гитлера оказался пронира Борман. Геринг должен стать фюрером хотя бы потому, что

его Люфтваффе разбомбили радарные станции англичан, а потом разделались с королевскими ВВС. Не сумеет он настоять на своем, Гитлер скорее всего приказал бы бомбить Лондон, как Роттердам.

Но не исключено, что фюрером станет Геббельс, так все говорят. Лишь бы не страшилище Гейдрих. Он всех нас угробит. Настоящий мясник. Кто мне нравится, так это Бальдур фон Ширах. Из них он один не выглядит психом. Но у него нет никаких шансов».

Она поднялась на крыльцо своего старого деревянного дома. Джо Чиннаделла по-прежнему лежал на животе, свесив руку с кровати. Он спал.

«Почему он еще здесь? Его грузовик ушел. Неужели опоздал? Похоже».

Джулиана прошла на кухню и поставила сумки на стол, где с вечера оставалась грязная посуда.

«А случайно ли он опоздал? Хотелось бы мне знать... какой необыкновенный мужчина!» Он был неутомим, почти всю ночь не давал ей покоя. Но при этом будто не осознавал, что лежит в постели с женщиной. Сжимал ее в объятиях, а мыслями был где-то далеко.

«А может, он просто часто этим занимается? — предположила Джулиана. Сила привычки: тело работает само, как мои руки, складывающие тарелки в мойку. Извлеки из его черепа три четверти мозга — все равно будет двигаться, как лягушачья лапка на уроке биологии...»

— Эй! — крикнула она. — Пора вставать!

Джо пошевелился и захрапел.

— Слушал вчера Хоупа? — громко спросила Джулиана. — Я чуть со смеху не померла, когда он рассказывал о немецком майоре, устроившем марсианам допрос. Дело в том, что у марсиан не оказалось документов об арийском происхождении. Поэтому майор рапортует в Берлин, что Марс населен евреями... — она вошла в спальню, — ...двухголовыми, ростом один фут... ну, знаешь, как это умеет подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и уставился на нее, не мигая. Черный от щетины подбородок, темные, полные муки глаза... Джулиана умолкла.

— Что с тобой? — спросила она, помолчав. — Чего ты боишься? — И тут же подумала: «Нет, я знаю, что значит бояться, видела, как боится Фрэнк. Здесь что-то другое.»

— Уехал старый плут, — буркнул Джо, усаживаясь.

— И что ты собираешься делать? — вытирая руки посудным полотенцем, она опустилась на край кровати.

— Перехвачу на обратном пути. Он никому не расскажет. Я тоже кое-что знаю о его проделках.

— Думаешь, обратно он поедет этой же дорогой?

— Он всегда возвращается по Пятидесятой, и никогда — по Сороковой. На Сороковой он однажды угодил в аварию — врезался в табун лошадей, переходивших шоссе. Это было в Скалистых горах. — Джо сгреб в охапку одежду со стула и стал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила она, разглядывая его смуглое тело.

— Тридцать четыре.

«Значит, был на войне». Но Джулиана не замечала у него физических дефектов — мускулистое стройное тело, длинные ноги. Под ее внимательным взглядом Джо нахмурился и отвернулся.

— Что, нельзя посмотреть? — обиженно спросила она. — «Странно, вместе провели ночь, и вдруг такая стеснительность». — Мы что, клопы? Не можем быть на свету и должны прятаться по щелям?

Он что-то пробурчал и, как был в трусах, двинулся к ванной, потирая щетину.

«Это мой дом, — подумала Джулиана. — Я позволила тебе остаться, а ты даже не разрешаешь смотреть на тебя. В таком случае, зачем тебе понадобилось оставаться?» Она прошла вслед за ним в ванную. Джо наполнил раковину горячей водой.

На его плече Джулия увидела татуировку — синюю букву «К».

— Что это? — спросила она. — Имя твоей жены? Конни? Карина?

— Джо буркнул:

— Каир.

«Какое экзотическое имя,» — подумала она, и вдруг почувствовала, что краснеет. «Я просто дура!» — сказала она себе.

Итальянец, тридцати четырех лет, с нацистской части континента... Ну, конечно, он был на войне, сражался на стороне Оси. Воевал в Каире, а татуировка — символ дружбы немецких и итальянских ветеранов кампании, знак совместной победы над британско-австралийской армией генерала Готта. Выходит, Джо служил в африканском корпусе Роммеля.

Выйдя из ванной, она прошла в спальню и стала заправлять кровать. Руки не слушались ее.

На стуле аккуратной стопкой лежали пожитки Джо: одежда, маленький саквояж, кое-какие мелочи. Ей броси-

лась в глаза маленькая коробочка наподобие футляра для очков.

«Ты и в самом деле сражался под Каиром, — подумала Джулиана, открыв коробочку и увидев Железный Крест второй степени с выгравированной надписью «Каир» и датой — 10 июня 1945. — Такую награду получили не все, а только самые доблестные. Интересно, что ты там натворил... тебе ведь было тогда лет семнадцать...»

Джулиана вынула орден из бархатного футляра, когда в дверях комнаты появился Джо. Она даже подскочила, заметив его. Но он не рассердился.

— Я только посмотрела, — виновато произнесла Джулиана. — Никогда не видела такой штуки. Тебе его сам Роммель вручил?

— Генерал Байерляйн. Роммеля к тому времени послали в Англию — добивать британцев. — Он говорил спокойно, но машинально водил скрюченными пальцами от лба к затылку, будто расчесывал волосы. Это было похоже на нервный тик.

— А ты мне расскажешь про Каир? — спросила Джулиана, когда Джо вернулся в ванную.

За бритьем и после, моясь под душем, Джо скупно рассказывал ей о войне. Но его история была не из тех, которые любила слушать Джулиана.

Когда двое его братьев отправились в Эфиопию, он, тринадцатилетний мальчишка, вступил в Милане в молодежную фашистскую организацию. Позже братьев зачислили в знаменитую артиллерийскую батарею майора Рикардо Парди, а вскоре после начала Второй Мировой к ним присоединился и Джо. Они дрались под Грациани. Техника, особенно танки, у них были хуже не придумаешь. Британцы расстреливали их как кроликов, даже старших офицеров. В бой танки ходили с мешками песка на башнях — иначе люки распахивались от тряски. Солдатам майора Парди приходилось собирать неразорвавшиеся снаряды, чистить их и снова пускать в дело. Однако в сорок третьем батарея остановила отчаянное танковое наступление генерала Уовелла.

— А твои братья живы? — спросила Джулиана.

Его братьев в сорок четвертом задушили проволокой британские коммандос из Диверсионно-десантного подразделения британских ВС, которые устраивали диверсии в тылах Оси. В конце войны, когда стало ясно, что союзники проигрывают, они дошли до последней степени фанатизма.

— А как ты сейчас относишься к британцам? — перебила его Джулиана.

— Хотел бы я увидеть, как англичанам воздают сполна за Африку, — хладнокровно ответил Джо.

— Но ведь... прошло восемнадцать лет, -- сказала Джулиана, — Я знаю, британцы много всяких ужасов натворили, но...

— Все говорят о зверствах нацистов над евреями, — проворчал Джо. — Но англичане были хуже зверей. Взять хотя бы битву за Лондон. — Помолчав, добавил: — Видела бы ты их огнеметы... видела бы, как горят фосфор и нефть, как вспыхивают лодка за лодкой... Мне попадались обугленные трупы немцев-десантников... А трубы под водой, зажигающие, казалось само море! А массированные налеты бомбардировщиков на беззащитные города, благодаря которым Черчилль надеялся добиться перелома в конце войны! А то, что осталось от Гамбурга, Эссена...

— Давай не будем об этом, — перебила его Джулиана из кухни, где жарила ветчину. Она включила маленький пластмассовый приемник фирмы «Эмерсон», подаренный ей на день рождения Фрэнком. — Сейчас приготовлю чего-нибудь поесть. — Она покрутила ручку, пытаясь найти легкую музыку.

— Взгляни-ка, — сказал Джо из спальни. Он сидел на кровати, рядом стоял раскрытый саквояж. Ухмыляясь, он достал старую, потрепанную книгу, видимо, побывавшую во многих руках. — Иди сюда. Знаешь, что пишет один человек? Вот тут. — Он ткнул пальцем в книгу. — Это довольно забавно. — Он схватил ее за руку и заставил сесть рядом. — Хочу тебе почитать. Предположим, они бы победили. Как бы это выглядело? Незачем ломать голову, этот парень обо всем за нас подумал. — Джо раскрыл книгу и стал медленно переворачивать страницы. — Вся Европа под контролем Британской империи. И все Средиземноморье. Италии нет и в помине, Германии тоже. До самой Волги — только бобби, смешные солдатики в высоких меховых шапках, и власть короля.

— По-твоему, это было бы плохо? — тихо спросила Джулиана.

— А ты читала эту книгу?

— Нет. — Джулиана наклонилась, чтобы рассмотреть обложку. — Но слышала. Ее читали многие. Мы с Фрэнком... с моим бывшим мужем, часто размышляли о том, что было бы, если бы союзники победили в войне.

Джо как будто не слышал ее. Он смотрел в книгу.

— А знаешь, почему в книге побеждает Англия? Как ей удается одолеть Ось?

Джулиана отрицательно покачала головой, чувствуя, как

в душе сидящего рядом человека закипает злость. У него задрожал подбородок. Джо часто облизывал губы, запуская пятерню в волосы... и вдруг хрипло произнес:

— У него Италия предает Ось.

— Ого! — воскликнула Джулиана.

— Италия переходит на сторону союзников. В результате перед англо-саксами открыто, как он пишет, «мягкое подбрюшье Европы». Впрочем, не удивительно, что он так считает. Всем известна трусость итальянских солдат, — едва завидев британцев, они давали деру. Горькие пьяницы, разгильдяи. Драться не любят и не умеют. Этого парня... — Джо закрыл книгу, взглянул на обложку, — Абендсена, я не виню. Он писал то, что подсказывало воображение, выдумывал мир, в котором Ось — проигравшая сторона. А как бы еще она могла проиграть, не предай ее Италия? — Его голос дрогнул. — Всем известно, каким паяцем был дуче.

— Пойду переверну бекон, — Джулиана поспешила на кухню.

Джо встал и с книгой в руках последовал за ней.

— После того, как наголову разбили япошек, в войну вступают США. После победы Штаты и Британия делят мир между собой. Точь в точь, как поделили его Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — поправила Джулиана.

Джо непонимающе уставился на нее.

— Ты пропустил Италию, — сказала Джулиана, спокойно встретив его взгляд. «Выходит, ты тоже забыл? — мысленно произнесла она. — Как и все остальные? Маленькую империю на Ближнем Востоке... Опереточный Новый Рим.»

Она поставила перед ним поднос с беконом, яйцами, гренадами, мармеладом и кофе. Он стал есть, не отрываясь от чтения. Джулиана села рядом.

— Чем тебя кормили в Северной Африке? — спросила она.

— Тухлой ослиатиной, — кратко ответил Джо.

— Ужас!

Его губы растянулись в улыбке.

— «Азино Морте». Говяжья тушенка с этикеткой «АМ» на банке. Немцы называли ее *Alter man*, старикашка. — Он вернулся к еде.

«Надо бы почитать. — Джулиана протянула руку к книге. — Долго он у меня проживет? — Книга была в сальных пятнах, со следами грязных пальцев, в ней не доставало страниц. — Ее брали в дальние рейсы шоферы грузовиков, —

подумала она. — Держу пари, Джо читает очень медленно. А этот роман мусолит уже несколько недель, если не месяцев».

Она раскрыла книгу наугад и прочла:

«... и теперь, в старости, он взирал на царство покоя, о котором издавна мечтали люди, но которое так долго не могли осознать. На корабли, ходящие от Крыма к Мадриду, на Империю, во всех уголках которой в ходу одна и та же монета, одна и та же речь, один и тот же флаг — знаменитый Юнион Джек. Сбылись, наконец, слова гимна: «Правь, Британия, морями...»

— Я тоже таскаю с собой одну книгу, — сказала Джулиана. — Собственно, это даже не книга, а Оракул, «Ицзин». Меня к нему Фрэнк пристраслил. У Оракула можно спросить совета на все случаи жизни. Я с ним никогда не расстаюсь. Никогда. — Она захлопнула «Саранчу». — Хочешь попробовать?

— Нет, — сказал Джо.

Она подперла голову ладонями и произнесла, исподлобья взглянув на Джо:

— Ты решил насовсем у меня остаться? А если нет, то на сколько?

«Теперь вся округа будет перемывать мне косточки, подумала Джулиана. — Поразительно, сколько в тебе ненависти к жизни. Но есть что-то еще. Ты похож на маленькую зверушку, невзрачную, но смышленную». — Изучая его умное, с резкими чертами лицо, она подумала: «С чего это я взяла, будто ты моложе меня? Впрочем, есть с чего. Из тебя еще не выветрилось детство. Ты, малыш, боготворящий своих старших братьев, майора Парди и генерала Роммеля. Спишь и видишь, как бы удрать из дому на войну с томми. Хотелось бы знать, действительно твоих братьев задушили проволочными удавками? После войны об этих зверствах много писали, и снимки печатали... — Она вздрогнула. — Но британские командос давным-давно осуждены и наказаны...»

Звучавшая по радио музыка умолкла. Судя по обилию помех, на коротких волнах передавали новости из Европы. Голос диктора то и дело пропадал или становился неразборчивым. Затем вдруг очень четко зазвучал голос денверского комментатора. Джулиана потянулась к ручке настройки, но Джо остановил ее

«... Сообщение о смерти канцлера Бормана потрясло германский народ, которого не далее как вчера уверяли в том...»

Джулиана и Джо вскочили.

«... все радиостанции Рейха прекратили трансляцию радиопрограмм, и в эфире торжественно зазвучал «Horst wessel Lied», партийный гимн, в исполнении подразделения СС «Das Reich». Позже, в Дрездене, на совещании исполняющего обязанности Секретаря Партии с руководителями национальной службы безопасности Sicherheitsdienst *, пришедший на смену Гестапо...»

Джо увеличил громкость.

«... о реорганизации правительства по инициативе бывшего рейхсканцлера Гимmlера, Альберта Шпеера и других, а также о двух неделях всеобщего траура. Как сообщают корреспонденты, большинство магазинов и учреждений уже закрыто. Однако до сих пор не поступило сведений об ожидаемом заседании Рейхстага, а без одобрения парламентом Третьего Рейха...»

— Выберут Гейдриха, — сказал Джо.

— По мне, лучше бы этого белобрысого, долговязого Шираха, — задумчиво произнесла Джулиана. — Господи, наконец-то он помер. Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет, — коротко ответил Джо.

— Теперь может вспыхнуть гражданская война, — предположила Джулиана. — Впрочем, они ведь совсем старше... Геринг, Геббельс и прочие партийные шишки.

«... добралась до его альпийского поместья близ Бреннера...»

— Это о Жирном Германе, — пояснил Джо.

«... сказал, что потрясен потерей не только солдата, патриота и доблестного вождя германской национал-социалистической рабочей партии, но и своего друга, которого он никогда не чурался, а напротив, всячески поддерживал в наступивший вскоре после победы период безвластия, когда элементы, враждебные герру Борману, пытались помешать ему стать во главе...»

Джулиана выключила радио.

— Пустая болтовня, — раздраженно сказала она. — Почему эти грязные убийцы говорят теми же словами, что и все мы?

— Они похожи на нас, — ответил Джо. Он снова уселся и принялся за еду. На их месте мы поступили бы так же. А они, между прочим, спасли мир от коммунизма. Не победи Германия, мы бы сейчас жили под красными. А это куда хуже.

— Ты тоже болтун, — бросила Джулиана. — Как радио. Трепло.

— Я жил под нацистами, — сказал Джо, — и знаю, кто

это такие. В сорок седьмом я получил в Организации Тодта трудовую книжку и вкалывал на стройках лет двенадцать... нет, тринадцать... почти пятнадцать лет. В Северной Африке и США. Можешь не верить, — он ткнул в сторону Джулианы вилкой, — но у меня в крови итальянский талант к земляным работам, и в ОТ меня ценили. Не заставляли кидать асфальт и месить бетон для автострад, а допустили к проектным разработкам. Сделали из меня инженера. Однажды проверять работу моей группы явился сам доктор Тодт. Он мне сказал: «У тебя хорошие руки». Это было высшей похвалой в его устах, Джулиана. Знала бы ты, что это такое — гордость труженика. Нет, немцы — не болтуны. До них все, и я в том числе, чурались черной работы. Аристократы! Трудовой Фронт положил этому конец. Я как будто впервые увидел свои руки. — Он так частил, что Джулиана с трудом его понимала. — В развалинах Нью-Йорка мы жили как братья. Строем ходили на работу, распевали песни. Каждый день, как грибы, вырастали новенькие красивые жилые здания, одно за другим, улицы за улицей. Как мы отстроили Нью-Йорк и Балтимор — просто загляденье! Сейчас там, конечно, тодтовцев нет. Бал правят каратели вроде «Нью-Джерси Крупп и сыновья». Их хозяева — не нацисты, а родовитые европейские богачи. Но при них стало куда хуже. Роммель и Тодт просто ангелочки по сравнению с промышленниками вроде Круппа и пруссаками-банкирами. Все эти господа в костюмах-тройках... вот бы кого в газовку!

«Господа в тройках были и будут, — мысленно ответила Джулиана, — а вот твои идолы, Роммель и Тодт, явились к нам после побоища разгребать обломки, прокладывать автострады, восстанавливать промышленность. Даже евреев не трогали, вот уже чего от них никто не ожидал... Объявили евреям амнистию, чтобы не прятались по щелям... А потом наступил сорок девятый... и прощай, Роммель, прощай, Тодт, ступайте пастись на лужок. Разве я не знаю, как живет под нацистами? Разве Фрэнк не рассказывал? Мой муж был евреем. То есть он еврей. Я знаю, доктор Тодт был скромнейшим и честнейшим человеком на свете. Я знаю, единственное, о чем он мечтал — дать надежную, достойную работу несчастным, отчаявшимся американцам, миллионы которых ютились среди руин. Обеспечить каждого, к какой бы расе он не принадлежал...

Тодт был инженером, а не идеологом... Сумел добиться многого, к чему стремился. Но...»

Смутная мысль, блуждавшая в глубинах сознания, обрела форму.

— Слушай, Джо, а разве на восточном побережье эта «Саранча» не под запретом?

Он кивнул.

— А почему ты ее читаешь? Разве у вас за нее не расстреливают?

— Все зависит от национальной принадлежности и от старой армейской нарукавной повязки.

Так и было. Меньше всего разрешалось читать, говорить и слушать славянам, мексиканцам, пуэрториканцам. У англо-саксов дела обстояли лучше: их допускали в библиотеки, музеи и на концерты, их дети учились в общественных школах. Однако... «Саранча» была не просто опальной книгой, она была запрещена для всех без исключения.

— Я читал ее в сортире, — признался Джо. — А прятал под подушкой. Честно говоря, потому и читал, что нельзя.

— Да ты смельчак, — улыбнулась Джулиана.

— Издеваешься? — с подозрением спросил он.

— Нет.

— Вам здесь легко живется. Никаких проблем, целей, трудов и хлопот. Плынешь себе по течению, словно с довоенных лет ничего не изменилось... — В его глазах застыла насмешка.

— Решил убить себя цинизмом, — перебила его Джулиана. — Ах, бедняжка! Идолы у него отобрали, некому теперь подарить свою любовь! — Она держала вилку острием вперед, и это от него не укрылось. «Ешь, — мысленно приказала она — или откажись от удовлетворения физиологических потребностей».

Джо набил рот и, прожевав, продолжил:

— Этот Абендсен живет неподалеку отсюда, в Шайенне. Спокойное местечко нашел для раздумий над судьбами мира, верно? Прочти вот здесь. Вслух прочти.

Она взяла книгу и вслух прочитала на обороте обложки:

«Он — бывший сержант морской пехоты США, участвовал во Второй Мировой войне. В Англии был ранен в поединке с фашистским танком «Тигр». Ходят слухи, что его дом набит оружием и превращен в неприступную крепость». — Она закрыла книгу. — Тут не написано, но мне говорили, что он немного свихнулся. Живет высоко в горах, окружил свой дом колючей проволокой под током. До него не просто добраться.

— А может, он прав, что опасается? — предположил Джо. — Шишки из Партии, небось, рвали волосы на голове, когда прочли его книгу.

— Он и раньше так жил, до того, как написал «Саранчу».

Его дом называется... — она взглянула на обложку, — Высокий Замок. Название он сам придумал.

— Да, немцам его не взять, — пробормотал Джо, то-ропливо жуя. — Он всегда начеку. Хитрый черт.

— А все-таки, надо быть очень смелым, чтобы написать такое. Не победи Ось, мы могли бы говорить и писать все, что угодно, как до войны. И страна была бы цела, и законы куда справедливей. И одни для всех.

К ее удивлению, Джо сигласно кивнул.

— Не пойму я тебя, — сказала Джулиана. — Во что ты веришь? Чего хочешь? Защищаешь этих уродов, которые за-дались целью перерезать всех несогласных, и тут же... — она яростно схватила его за уши и потянула вверх. От изумления и боли у него глаза вылезли из орбит.

Тяжело дыша, они молча смотрели друг на друга.

— Дай мне доесть твою стряпню, — наконец взмолился Джо.

— Что ты сказал? Ты не хочешь со мной говорить? Пони-маешь, о чем я спрашиваю, и жрешь, как ни в чем не быва-ло? — Джулиана изо всех сил выкрутила его уши и отпустила. Они мгновенно побагровели.

— Пустой разговор, — буркнул Джо. — Не о чем спорить. Знаешь, как коричневые рубашки прозвали когда-то болту-нов-интеллигентов? Eißkopf, яйцеголовые. Потому что их ог-ромные, выпуклые черепа легко раскалывать в уличных за-варушках.

— Если ты и обо мне такого мнения, почему бы тебе не убраться отсюда? — разозлилась Джулиана.

У нее мороз пошел по коже от его зловещей гримасы.

«Какая я дура, что пустила его к себе, — горько подумала она. — Теперь поздно. Мне от него не отделаться».

Джулиане казалось, что произойдет что-то страшное и это будет связано с ним.

— Ну, в чем дело? — Он приподнял ее подбородок, по-ладил шею, сунул руку под рубашку и стал с вождением гладить плечи. — Это нервы. Проблемы. Сеанс психоанализа и мы снимем тяжесть с вашей души.

— И тебя назовут евреем-психоаналитиком. — Она слабо улыбнулась. — Хочешь вылететь в трубу крематория?

— Ты боишься мужчин. Верно?

— Не знаю.

— Это мне стало ясно еще ночью. Если бы я не... — он осекся. — Не старался угадывать все твои желания...

— Если бы ты не переспал до меня с кучей баб, — перебила его Джулиана. — Вот что ты хотел сказать.

— Я сказал правду. Знай, Джулиана, я никогда тебя не

обижу. Даю слово, больше того: клянусь прахом матери. Я буду очень внимателен, буду заботиться о тебе, всегда приду на помощь, если что... Брошу свои дела. Пусть не каждый раз, но я смогу утешить и приободрить тебя. Тебе пока просто-напросто не везло.

Слегка успокоенная, она кивнула. Но в душе оставались холод и тоска, и Джулиана не понимала, откуда они взялись.

В начале рабочего дня Тагоми улучшил минутку, чтобы поразмыслить в одиночестве.

Утром, перед уходом на работу, он ознакомился с докладом Ито. Молодой студент был уверен, что Бэйнс — не швед. Скорее всего, он немец.

Но ни в Торгпредстве, ни в токкоте — японской службе безопасности — не питали иллюзий относительно способностей Ито к германским языкам. «Похоже, это все-таки его нелепые домыслы, — подумал Тагоми. — Олух-энтузиаст с романтическими наклонностями. Игра сыщиков плюс чрезмерная подозрительность».

Но кто бы ни был Бэйнс по национальности, совещание с ним и пожилым господином с Родных островов произойдет в условленное время. И, надо сказать, этот человек пришелся Тагоми по душе. «Возможно, главный талант опытного руководителя и заключается в том, чтобы распознавать хороших людей при первой встрече, — подумал Тагоми. — Чувствовать характер человека. Уметь заглянуть в душу. Даже скрытый чертами инь, мне виден мерцающий во тьме свет сердца, свет ян.

«Он мне нравится, — сказал себе Тагоми. — Кем бы он ни был. Немцем или шведом. Надеюсь, таблетка ему помогла. Вот о чем его надо спросить первыми делом».

Загудел селектор.

— Меня нет, — буркнул он в микрофон. — Я медитирую.

Из крошечного динамика зазвучал голос Рамсея:

— Сэр, только что поступили новости из пресс-агентства. — Голос Рамсея дрожал. — Умёр рейхсканцлер Мартин Борман.

«Наверное, в канцелярии сейчас переполох, — подумал Тагоми. Он вышел из-за стола и принялся расхаживать по кабинету, до хруста сжимая сцепленные пальцы. — Ну что ж, надо немедленно отправить рейхсконсулу соболезнования. Впрочем, это пустяки. Подчиненные и без меня справятся. Глубоко скорбим, вся Япония с немецким народом в этот тяжелый час и т.п. Потом? Ждать? Сосредоточиться и ждать.

Чтобы отреагировать сразу как только придут директивы из Токио.»

Нажав кнопку селектора, он сказал:

— Мистер Рамсей, проверьте надежность связи с Токио. Скажите телефонисткам, пусть будут повнимательней. Сейчас самое главное — связь.

— Да, сэр, — ответил Рамсей.

— С этой минуты я не покину кабинета. Все текущие дела отложить. На обычные звонки не отвечать. Мне не нужны лишние заботы.

— Что еще, сэр?

— Возможно, придется действовать, и действовать быстро.

— Да, сэр.

Через четверть часа, в девять, от высшего представителя правительства Империи на западном побережье Америки, японского посла в Тихоокеанских Штатах, высококочтимого барона Л.Б.Кэлемакуле пришла телефонограмма. Министерство иностранных дел извещало о срочном заседании в здании посольства. От каждого отдела Торгпредства должен присутствовать кто-нибудь из руководства.

У него не оставалось времени надеть другой костюм. Тагоми поспешил к лифту и вскоре мчался по улице в лимузине Торгпредства — черном «кадиллаке» сорокового года. За рулем сидел опытный водитель-китаец.

Возле здания посольства стояла дюжина автомобилей высокопоставленных особ. Их владельцы — с некоторыми он был знаком — поднимались по широким ступенькам парадной лестницы. Шофер распахнул дверцу, Тагоми быстро вылез из машины, схватил портфель (пустой, поскольку на этот раз от него не требовалось отчетов, но ему не хотелось выглядеть сторонним зрителем) и стал подниматься по ступенькам с таким видом, будто играл в происходящем не последнюю роль. Хотя на самом деле он даже не знал, о чем пойдет речь на совещании.

В вестибюле толпились приглашенные, переговариваясь друг с другом. Мистер Тагоми подошел к группе, в которой приметил знакомых, раскланялся и обменялся с ними многозначительными взглядами.

Появился служащий посольства и пригласил всех в огромный зал заседаний. Там стояли кресла с откидными сиденьями. Приглашенные вошли и в молчании расселись, слышались лишь покашливание и скрип врессел.

К столу президиума с пачкой бумаг подошел человек в полосатых брюках — представитель Министерства иностранных дел.

— Господа! — звонким, начальственным голосом начал чиновник МИДа, мгновенно приковав к себе внимание зала. — Как вам известно, мы получили сообщение из Берлина, официальное подтверждение смерти рейхсканцлера. На нашем совещании — оно не затянется, смею вас заверить, — мы проинформируем вас о социально-политическом положении в Рейхе и дадим оценку соперничающим группировкам немецкой верхушки, которые могут вступить в открытую борьбу за власть.

Коротко о вождях. Самый вероятный претендент — Герман Геринг. Если не возражаете, начну с общеизвестных фактов. Жирный Боров, как его прозвали за тучность, отважный летчик-ас Первой Мировой войны, в дальнейшем — создатель Гестапо. Занимал высокий пост в правительстве Восточной Пруссии. Во время становления Партии — один из самых безжалостных лидеров, хотя позднее сибаритские наклонности создали ему ложную репутацию добродушного пьянчуги. Господа, наше правительство настоятельно советует вам отказаться от подобных иллюзий. По слухам, он нездоров, возможно, даже психически, и этим напоминает римских цезарей, чьи характеры с возрастом окончательно портились. Зловещий портрет Геринга, где он, облаченный в тогу, прогуливается в сопровождении львов по огромному замку, набитому трофеями и произведениями искусства, несомненно, соответствует истине. В войну он приказывал вне очереди пропускать в Германию поезда с награбленными сокровищами, оседавшими затем в его поместьях. Наша оценка: этот человек стремится к неограниченной власти, и путь перед ним открыт. Он, как никто другой из нацистской верхушки, потворствует своим слабостям, и в этом отношении совсем не похож на Гимmlера, которому в конце жизни вполне хватало скромного жалованья.

Герман Геринг — человек с извращенным умом, для него власть — средство удовлетворения своего ненасытного тщеславия. Это свидетельствует о примитивном, даже вульгарном мировоззрении, тем не менее, он далеко не глуп, возможно даже умнее остальных фашистских лидеров. Его главная цель — сравняться в величии с древними императорами.

Следующий претендент: Йозеф Геббельс. В детстве перенес полиомиелит. Родители католического вероисповедания. Блестящий оратор, писатель, обладает глубоким и впечатлительным умом. Вежлив, осторожен, с широким кругозором. Весьма активен с дамами. Элегантен, высокообразован. Недюжинные организаторские способности. Трудолюбив, отда-

ет предпочтение административной работе. По слухам, никогда не отдыхает. Снискал всеобщее уважение, невероятно вспыльчив. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитские взгляды средневековья с примесью германского неоромантического нигилизма. Считается единственным интеллектуалом Партии. Не пользуется любовью подчиненных. В молодости мечтал о лаврах драматурга. В отличие от Геринга, стремится не к величию и богатству, а к власти в ее чистом виде — классический образец прусской мании величия.

Рейнхард Гейдрих. — Чиновник МИДа сделал паузу, окинул взглядом зал и продолжил: — Значительно моложе большинства ветеранов революции тридцать третьего года. Выдвиженец из элиты СС. Подчинялся непосредственно Гиммлеру, возможно, загадочная смерть постигла Гиммлера в сорок восьмом не без его содействия. Устранил из аппарата полиции своих главных соперников, таких как Эйхман и Шелленберг. По нашим сведениям, в Партии его многие боятся. По окончании войны, после знаменитого столкновения полиции с армией, приведшего к реорганизации правительства, Гейдриху поручен политический надзор за Вермахтом. Получил превосходное образование еще до того, как СС перешла на так называемую «замковую» систему обучения. В традиционном смысле его психика лишена эмоциональной восприимчивости. Его устремления неясны. Вероятно, развитие общества видится ему некой игрой, точнее, серией игр. Подобная специфическая, псевдонаучная отрешенность встречается в технократических кругах. В идеологических диспутах не участвует. Вывод: он наиболее соответствует нашей «эпохе прагматизма», избавлен от так называемых «неизбежных» иллюзий, таких как вера в бога, гуманизм и т.п. Определение «реалистический склад ума» все еще остается загадкой для токийских социологов, так что рядом с этим человеком можно поставить знак вопроса. Тем не менее, не следует снимать со счетов низкую эмоциональность, возможно, свидетельствующую о патологической шизофрении.

Тагоми начало подташничать.

— Бальдур фон Ширах. Бывший вожак гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Внешне привлекателен, но о его опыте и компетентности сложилось невысокое мнение. Искренне верит в идеалы НСДАП. В число его заслуг входят осушение средиземноморского бассейна и создание там огромных сельскохозяйственных площадей. В начале пятидесятых добивался смягчения человеко-ненавистнической политики и отмены расовых экспериментов на славянских зем-

лях. Обратился непосредственно к народу Германии, чтобы уцелевшим славянам позволили жить в резервациях Центральной Азии. Призывал отказаться от некоторых форм «убийств милосердия» и медицинских экспериментов над людьми, но безуспешно.

Доктор Зейсс-Инкварт. Из австрийских нацистов, ныне управляет колониями Рейха, отвечает за колониальную политику. Пожалуй, на территории Рейха ни к кому не относятся с такой ненавистью. Говорят, он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер против завоеванных народов. Вместе с Розенбергом добивался утверждения самых чудовищных кампаний, таких как попытка стерилизовать уцелевшее население России. Считается, хотя тому нет документальных подтверждений, что решение очистить Африку от негритянского населения было принято с его подачи. Темпераментом очень напоминает бывшего фюрера, Адольфа Гитлера.

Докладчик замолчал.

«Кажется, я схожу с ума, — подумал Тагоми. — Надо уйти отсюда. У меня приступ. Меня тошнит, ... я умираю!» — он с трудом поднялся, выбрался в проход и побрел, почти ничего и никого не видя. «В уборную!» — он побежал по проходу.

К нему повернулось несколько голов. «Какой позор! Не мог найти другого времени и места для обморока? Уволят...» — он выскочил за дверь, распахнутую перед ним служащим.

Сразу прошла тошнота. Вернулось зрение. Перестали вращаться стены и пол.

«Просто приступ головокружения. Функциональное расстройство вестибулярного аппарата. Диэнцефалон, промежуточный мозг, доставшийся в наследство от пращуров, дает о себе знать.

Подумать о чем-нибудь успокаивающем. За что ухватиться? За религию? Или за прошлое?.. «А сейчас потихоньку начинает гавот. Отлично, отлично, у вас прекрасно получается. Вы схватываете на лету...» Частица узнаваемого мира. Г. и С.Гондольерс. Школа европейских балльных танцев. — Он закрыл глаза. — Уходящий мир...»

— Сэр, вам помочь? — спросил служащий посольства.

— Благодарю, — с поклоном ответил Тагоми. — Я пришел в себя.

«Может, они все смеются надо мной? — подумал он. — В глубине души?»

Внимательное, участливое лицо слуги. Ни тени насмешки.

«...Зло — везде. Оно как цемент скрепляет наше общество... Не могу в это поверить. Не могу этого вынести. — Он рассказывал по вестибюлю и слушал гул автомобилей, доносящийся с Саттер-стрит. — Нет, религия не поможет. Что мне делать? — спросил он себя, направляясь к выходу из посольства. Привратник отворил двери, и мистер Тагоми сошел по ступенькам к стоянке лимузинов.

Зло незримо. Оно — неотъемлемая часть нашего мира. Оно везде. Изливается на нас, разъедает мозги, тела, сердца и впитывается в асфальт.

Почему?

Мы — слепые кроты. Копошимся в земле, тычемся рыльцами в потемках. Ничего не ведая. Я понимаю это... но не знаю, куда ползти. Остается верещать от страха. И удирать.

Жаль.

Смеются надо мной, — думал он, идя к машине. — Где мой портфель? Ах, да, остался в кресле.

Все смотрели, как он кивает шоферу и неуклюже залезает в автомобиль.

«Отвези меня в больницу», — хотел сказать он. И — вслух:

— «Ниппон Таймс Билдинг». Помедленней, пожалуйста.

Он смотрел в окно из машины, магазины, ультрасовременные высотные здания. На безликий поток пешеходов.

Добравшись до кабинета, он поручил Рамсею позвонить в один из отделов Торгпредства — «Добыча полиметаллических руд» — и попросить, чтобы по возвращении из посольства начальник отдела связался с ним.

Ответный звонок раздался около полудня.

— Наверное, вы заметили, что на собрании мне стало дурно, — сказал в трубку Тагоми. — Очевидно, это всем бросилось в глаза. Особенно мое поспешное бегство.

— Я ничего не заметил, — ответил чиновник «полиметаллических». — Но, не увидев вас после заседания, я встревожился, не случилось ли чего.

— Вы очень любезны, — уныло поблагодарил мистер Тагоми.

— Вовсе нет. Я уверен, все были поглощены докладом мидовца и ничего рядом не замечали. Вас, наверное, интересует, о чем говорилось после вашего ухода? Вы успели выслушать первую часть доклада?

— Да, вплоть до Зейсс-Инкварта.

— Затем докладчик подробно осветил экономическую ситуацию в Рейхе. На Родных островах сложилось мнение,

что намерение Германии обратить все население Европы и Средней Азии в рабов, уничтожив всю интеллигенцию, буржуазию, патриотически настроенную молодежь, грозит экономической катастрофой. До сих пор немцев спасали только достижения в науке и технике. Образно говоря — чудо-оружие.

— Да, — подтвердил Тагоми. В одной руке он держал трубку, а другой налил себе чашку горячего чая. — Как спасли их в войну снаряды ФАУ и реактивные истребители.

— Немцы — мастера на подобные штучки, — продолжал чиновник «полиметаллических». — Но сейчас они опережают нас только в области атомной энергетики да в области развлечений — согласитесь, запуск ракет на Венеру и Марс очень напоминает цирк. При всех объемах германского импорта, как подчеркнул докладчик, снаряжение подобных экспедиций не дает никакой экономической выгоды.

— Но со стороны выглядит эффектно, — заметил Тагоми.

— У докладчика мрачные прогнозы. По его убеждению, большинство высокопоставленных нацистов боятся смотреть правде в глаза. Тем самым, они усугубляют тенденцию к мероприятиям, для которых требуется большое усилие, напряжение, мероприятиям авантюрным, с непредсказуемыми последствиями. Сначала — приступ маниакального энтузиазма, затем страх и отчаянные призывы Партии. Вывод докладчика: подобная ситуация способствует приходу к власти самых безответственных и безрассудных претендентов.

Чам следует готовиться к худшему. Судя по всему, ответственные и трезвомыслящие потяряют поражение в начавшейся борьбе.

— А кого он считает худшим? — Тагоми сделал глоток.

— Гейдриха. Доктора Зейсс-Инкварта. Геринга. Такова точка зрения Имперского правительства.

— А приемлемыми?

— Бальдура фон Шираха и доктора Геббельса. Но на этот счет он был очень краток.

— Что он еще говорил?

— Сказал, что сейчас мы больше, чем когда-либо, должны сплотиться вокруг Императора и Кабинета.

— А потом, видимо, была минута молчания в знак соболезнования?

— Да.

Тагоми поблагодарил собеседника и повесил трубку. Но звонок селектора не дал ему спокойно допить чай.

— Сэр, вы хотели выразить соболезнование германскому консулу, — напомнила Эфрикян. И добавила после паузы: — Мне зайти к вам с диктофоном?

«А ведь верно, — подумал Тагоми. — Совсем из головы вылетело».

— Да, зайдите, — ответил он.

Она вошла и спросила с улыбкой:

— Вам лучше, сэр?

— Да. Благодаря витаминам. — Безуспешно порывшись в памяти, он спросил: — Напомните мне, пожалуйста, как зовут консула.

— Да, сэр. Барон Гуго Рейсс.

— Mein Herr, — начал мистер Тагоми, — известие о безвременной кончине вашего вождя Мартина Бормана повергло нас в скорбь. Эти слова я пишу со слезами на глазах. Вспоминая доблестные подвиги герра Бормана, не жалевшего усилий для защиты германского народа от внешних и внутренних врагов, вспоминая его жесткую, бескомпромиссную борьбу с малодушными, которые предали тысячелетнюю мечту человека о космосе, куда устремилась светловолосая, голубоглазая нордическая раса в своей... — Он замолчал. Надо было как-то закончить фразу. Эфрикян ждала с выключенным диктофоном.

— Мы живем в великое время, — задумчиво произнес он.

— Записываешь, сэр? — встрепелась секретарша. — Этот текст?

— Нет. Я обращался к вам, — ответил Тагоми.

Она улыбнулась.

— Перемотайте назад, — попросил он.

Зашуршала пленка. Из двухдюймового динамика зазвучал металлический голос «...не жалевшего усилий для спасения...» — казалось, в динамике бьется и пищит какое-то насекомое.

— Закончим так, — произнес он, дослушав запись: — ...решиности возвеличить и принести себя в жертву, и тем самым занять нишу в истории, из которой никто во всей Вселенной не сможет ее вытеснить, я испытываю невыразимую горечь утраты... — Тагоми умолк и задумался. — Мы все — насекомые, — сказал он вдруг. — Слепо бредем к чему-то ужасному или наоборот — высокому, чистому. Вы согласны? — Он поклонился. Эфрикян, сидевшая с диктофоном в руках, слегка поклонилась в ответ. Напечатайте и отправьте, — велел он. — С подписью и всем прочим. Если сочтете нужным, внесите поправки.

В дверях секретарша остановилась и с интересом посмотрела на него.

Эфрикян ушла, и Тагоми стал разбирать накопившиеся бумаги. Но почти тотчас из селектора донесся голос Рамсея.

— Сэр, вас просит мистер Бэйнс.

«Это хорошо, — подумал Тагоми. — Теперь можно начинать важный разговор».

— Соедините, — он взял трубку.

— Мистер Тагоми? — послышался голос Бэйнса.

— Добрый день. Простите, в связи с известием о смерти канцлера Бормана утром я был вынужден...

— Мистер Ятабе еще не дал о себе знать?

— Еще нет, — ответил Тагоми.

— А вы предупредили своих подчиненных? — похоже, Бэйнс волновался.

— Да. Его немедленно проводят в мой кабинет. — На самом деле она напрочь забыл об этом и теперь мысленно взял на заметку проинструктировать Рамсея. «Выходит, без пожилого господина мы не можем начать переговоры?» Тагоми стало тревожно. — Сэр, мне не терпится начать. Не могли бы вы продемонстрировать изделия вашей фирмы? Хотя у нас такой сумасшедший день...

— Произошли изменения, — сказал мистер Бэйнс. — Нам придется дожидаться мистера Ятабе. Вы уверены, что его еще нет? Дайте мне слово, что как только он появится, меня поставят в известность. Пожалуйста, мистер Тагоми, — у него был напряженный, срывающийся голос.

— Даю вам слово. — Тагоми тоже разволновался. «Смерть Бормана. Вот в чем причина отсрочки». — А пока, -- быстро добавил он, — буду рад, если вы согласитесь позавтракать со мной. Время позднее, но мне еще не удалось поесть. — Он продолжал, импровизируя: — Не касаясь конкретных вопросов, мы могли бы обсудить общую картину...

— Нет, — перебил его Бэйнс.

«Нет?» — мысленно переспросил Тагоми.

— Сэр, я перезвоню позже, — сказал он вслух. И быстро положил трубку. «Обиделся», — подумал он. — Видимо, догадался, что я забыл предупредить подчиненных о Ятабе. Пустяки, все уладится», — и нажал на клавишу селектора.

— Мистер Рамсей, зайдите ко мне, пожалуйста.

«Я сейчас все исправлю. Дело не только во мне, — решил он. — Бэйнс потрясен смертью Бормана. Пустяки... но не совсем. Я все-таки выставил себя безответственным человеком. — Тагоми стало стыдно. — Неудачный сегодня день. Я удаляюсь от Дао, это очевидно. Надо посоветоваться с Ора-

кулом, пусть обрисует нынешнюю ситуацию. Какая из шестидесяти четырех гексаграмм, хотел бы я знать, повергнет меня в уныние? Слишком много накопилось вопросов, чтобы задавать их по отдельности». — Выдвинув ящик стола, он выложил оба тома «Ицзин». Когда вошел Рамсей, перед Тагоми уже лежал ответ.

— Взгляните, мистер Рамсей. — Он показал молодому человеку книгу, раскрытую на гексаграмме сорок восемь. Кунь — «Истощение».

— Обычно это плохое предзнаменование, сэр, — Рамсей склонился над книгой. — Какой был вопрос, сэр? Если, конечно, не секрет.

— Я выяснял нынешнюю ситуацию, — ответил Тагоми. — Ситуацию для всех нас. Нет черт развития. Статичная гексаграмма. — Он захлопнул книгу.

В три часа того же дня Фрэнк Фринк, ожидавший со своим компаньоном ответа Уиндэма-Мэтсона, решил посоветоваться с Оракулом. «Какие события грядут?» — спросил он и подбросил монетки.

Выпала гексаграмма сорок семь. Он получил одну черту развития, «девятку» на пятой позиции.

«Отрежут нос и ноги.

Будет трудность от человека в красных наколенниках.

Но понемногу наступит радость.

Это благоприятствует принесению жертв и молений».

Очень долго — почти полчаса — он изучал текст и комментарии, пытаясь понять смысл пророчества. Гексаграмма, особенно черта развития, встревожила его. В конце концов, он с сожалением пришел к выводу, что денег они не получат.

— Слишком уж ты полагаешься на эту книгу, — заметил Эд Мак-Карти.

В четыре часа курьер из «Корпорации У-М» вручил Фрэнку и Мак-Карти большой конверт, из которого они извлекли чек на две тысячи долларов.

— Выходит, ты был неправ, — решил Мак-Карти.

Фрэнк задумался. Значит, Оракул указывает на некие будущие последствия их поступка. Это обеспокоило его. Когда они скажутся, станет ясно, что имел в виду Оракул. А пока...

— Можно брать за мастерскую, — сказал Мак-Карти.

— Сегодня? Сейчас? — у Фрэнка сильнее забило сердце.

— Ну да. Заявки на материалы готовы, остается бросить их в почтовый ящик. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше.

Что сможем, раздобудем здесь. — Эл натянул пиджак и направился к выходу.

Владелец дома, в котором жил Фрэнк, согласился сдать под мастерскую подвал. Пока подвал служил им кладовой, но скоро они выбросят картонные коробки, соорудят верстак, протянут проводку, ввернут лампочки и установят моторы с приводными ремнями. У них были готовы эскизы, разработана технология и составлены списки всего необходимого.

«Фактически, мы уже начали,» — подумал Фрэнк. Они с Мак-Карти даже придумали название: «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ».

— Ну, досок на верстак и кое-чего из оборудования мы, может, сегодня купим, — сказал Фрэнк. — А вот ювелирные инструменты — вряд ли.

Они отправились на рынок пиломатериалов на южной окраине Сан-Франциско и через час приобрели доски.

— Что тебя гложет? — спросил Эд Мак-Карти, когда они входили в магазин скобяных товаров.

— Деньги. Мне не по душе то, как мы их раздобыли.

— Зато старине У-Эму утерли нос, — сказал Мак-Карти.

«Знаю, — подумал Фрэнк. Именно это мне и не нравится. Мы действуем его методами».

— Сделав выбор, не оглядываясь, — назидательно произнес Мак-Карти. — Смотри вперед. Думай о деле.

«А я и гляжу вперед, — подумал Фрэнк. Он размышлял о пророчестве. — Интересно, какие от меня требуются жертвы и моления? И кому?»

7

В конце недели Роберту Чилдэну позвонил Казоура и пригласил его на обед. Чилдэн пришел в восторг: все эти дни он с нетерпением ждал, когда молодая супружеская чета даст о себе знать.

Он раньше обычного запер дверь «Хужожественных промыслов Америки», взял велотакси и направился в фешенебельный район, где жили Казоура. В этом районе не было белых жителей, однако Чилдэн ориентировался здесь неплохо. Проезжая по петляющим улицам с ухоженными газонами и склонившимися над ними ивами, он восхищался шикарными, ультрасовременными многоэтажками, балконами с перилами из кованого железа, высокими оригиналь-

ными колоннами, пастельными тонами, новыми строительными материалами... Короче говоря, что ни дом, то производство искусства. А ведь совсем недавно здесь были развалины.

Игравшие на улицах в футбол или бейсбол японские дети провожали Чилдэна равнодушными взглядами и тут же забывали о нем. Зато взрослые, хорошо одетые бизнесмены, которые в этот час возвращались с работы, смотрели на него с интересом. Наверное, удивлялись: неужели он здесь живет?

Чем ближе Чилдэн подъезжал к дому Казоура, тем больше нервничал.

«Вот я и приехал. И приглашен, между прочим, не по делам, а на обед», — отметил он, поднимаясь по лестнице. Прежде чем отправиться в гости, Чилдэн изрядно намучился, выбирая костюм, зато теперь он был уверен, что выглядит безукоризненно.

«Безукоризненно, — с горечью подумал он. — Что с того? Кого обманет моя внешность? Я здесь посторонний. Когда-то белые люди расчистили эти земли и построили на них прекрасные города. А теперь я изгой в собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к двери квартиры Казоура и нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась. На пороге стояла юная миссис Казоура в шелковом кимоно и оби²². Роскошные черные волосы были стянуты в узел на затылке.

Она приветливо улыбнулась. В гостиной, за ее спиной, с бокалом в руке сидел мистер Казоура. Он помахал рукой.

— А, мистер Чилдэн. Входите.

Чилдэн поклонился и вошел.

«Отличный вкус, — отметил он, окинув комнату взглядом. — И какая аскетичность! Совсем немного вещей: лампа, стол, книжный шкаф, эстамп на стене. Непередаваемое японское чувство «ваби»²³. В домах англо-саксов такой интерьер найти невозможно. Только японцы способны видеть красоту в самых простых вещах, а главное, умеют их расположить».

— Что-нибудь выпьете? — спросил Казоура. — Шотландское с содовой?

— Мистер Казоура... — начал Роберт Чилдэн.

— Пол, — поправил молодой японец и указал на жену: — Бетти. А вас...

— Роберт, — прошептал Чилдэн.

Они уселись на мягкий ковер с бокалами в руках. По комнате плыли звуки кото — японской тридцатиструнной

арфы. Эта пластинка, выпущенная фирмой «НМW» была очень популярна. Проигрыватель был укрыт от глаз, и Чилдэн не мог понять, откуда звучит музыка.

— Мы не знаем ваших вкусов и поэтому решили перестраховаться, — сказала Бетти. — Сейчас на кухне в электропечи готовятся котлеты на косточке. На гарнир будет жареный картофель с луком и сметанным соусом. Говорят, если хочешь угодить новому гостю — угости его котлетой.

— Это замечательно, — сказал Чилдэн. — Обожаю котлеты. — Он говорил правду. От огромных скотоводческих хозяйств Среднего Запада Тихоокеании перепали жалкие крохи, и Чилдэн даже не мог припомнить, когда ел хорошее мясо последний раз.

Настало время вручать хозяевам подарок.

Он достал из кармана пальто и осторожно положил на низкий столик маленький сверток. В глазах супругов появилось удивление, и он поспешил объяснить:

— Мой скромный подарок. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить вас за покой и радость, которые мне дарит ваш дом. Он развернул бумагу и протянул японцам кусочек кости, столетие назад побывавший в умелых руках китобоя из Новой Англии. — Это искусство называлось «резьбой по моржевой кости».

По лицам молодых супругов он понял, что они знакомы с подобными изделиями. Видимо, не так уж мало осталось от культуры Соединенных Штатов.

— Спасибо, — поблагодарил Пол.

Роберт Чилдэн поклонился.

В его душе воцарился покой. Говоря словами «Ицзин», этот подарок — малая жертва. Он все делает правильно. Неловкость и волнение окончательно покинули его.

От Рэя Калвина он получил возмещение за поддельный кольт, а также письменное заверение в том, что подобное не повторится. И все же в сердце оставалась тревога. Только здесь, в этой умиротворяющей атмосфере, он избавился от ощущения, что жизнь идет наперекосяк.

Ваби окружало его, пронизывало чувство гармонии и покоя. «Покой — вот в чем дело, — решил он. — Стабильность и равновесие. Они близки к Дао, эти двое молодых японцев. Вот почему они понравились мне с первого взгляда. Я почувствовал в них Дао, уловил его отблеск. Интересно, — подумал Чилдэн, — каково это, знать, что такое Дао? Дао есть то, что рождает свет и тьму. Две непрерывно борющиеся и возрождающиеся силы. Вот, что удерживает мир от старения и распада. Вселенная никогда не исчезнет, ибо в то мгновение, когда тьма, кажется, готова овладеть всем,

в самых мрачных ее глубинах появляются ростки света. Таков Путь. Семена падают в землю и там, скрытые от глаз, обретают жизнь.»

— Закуска, — прервала его раздумья Бетти. Опустившись на колени, она протянула ему поднос с маленькими крекерами и другими закусками. Чилдэн с благодарностью взглянул на хозяев.

— Вы в курсе международных событий? — спросил Пол, потягивая виски. — Возвращаясь сегодня домой, я слушал прямую трансляцию из Мюнхена с Национальных похорон. Чем-то они напоминают карнавал. Пятидесятитысячная толпа, флаги и прочее. Снова и снова звучит «Ich hatte einen Kamerad». Всем верноподанным разрешено проститься с прахом вождя.

— Да, все это очень печально, — вздохнул Роберт Чилдэн. — Сколько неожиданного случилось за неделю...

— В сегодняшнем выпуске «Ниппон Таймс» со ссылкой на достоверный источник сообщили, что Бальдур фон Ширах взят под домашний арест, — сказала Бетти. — По распоряжению СД.

— Плохо, — покачал головой Пол.

— Очевидно, власти хотят сохранить порядок, — пояснил Роберт. — А фон Ширах склонен к скороспелым, непродуманным решениям. Он очень похож на Гесса. Вспомните нелепый побег Гесса в Англию.

— А о чем еще пишут в «Ниппон Таймс»? — спросил Пол у жены.

— Сплошная сумятица и интриги. Приведены в боевую готовность армейские части. Отменены увольнения, закрыты границы. В Рейхстаге — срочная сессия, все рвутся к трибуне.

— Я припоминаю великолепную речь доктора Геббельса, — сказал Роберт Чилдэн. — Ее передавали по радио год или два тому назад. Сколько остроумных инвектив! Как всегда, он держал аудиторию в напряжении. Так сказать, дирижировал ее чувствами. Бесспорно: с тех пор, как Адольф Гитлер отошел от дел, у нацистов нет оратора, равного доктору Геббельсу.

— Вы правы, — кивнули супруги.

— У доктора Геббельса очень милые дети и жена, — продолжал Чилдэн. — И очень способные.

— Верно, — снова согласились Пол и Бетти.

— В отличие от большинства этих великих моголов с подозрительными сексуальными наклонностями, он примерный семьянин, — сказал Пол.

— Я бы не очень доверял слухам, — возразил Чилдэн. —

Вы имеете в виду Рема? Это старая, давно позабытая история.

— Мои слова, скорее, относятся к Герингу, — сказал Пол, рассматривая виски на свет. — О его римских оргиях ходят невероятные истории. Просто ужас, что он вытворяет.

— Это ложь, — произнес Чилдэн.

— Ну вот, нашли тему для разговора, — поспешила вмешаться Бетти.

Они допили виски, и молодая женщина вновь наполнила бокалы.

— Споры о политике чересчур горячат кровь, — заметил Пол. — Очень важно не терять голову.

— Да, — кивнул Чилдэн. — Выдержка и спокойствие. Только так можно расставить все на свои места.

— Период после смерти вождя — всегда кризисный для тоталитарной системы, — сказал Пол. — Это связано с отсутствием традиций и влиянием среднего класса на... — Он запнулся. — Пожалуй, не стоит о политике. А то уж очень похоже на старые добрые студенческие времена.

Глядя на улыбающееся лицо Пола, Роберт Чилдэн почувствовал, что краснеет. Он стыдливо опустил глаза и склонился над бокалом. «Боже, какое ужасное начало! По-дурацки, во весь голос затеял спор о политике, да еще имел наглость не согласиться с хозяином! Только врожденная вежливость хозяйки спасла вечер. Сколько же мне еще надо учиться! — подумал он. — Они такие гостеприимные, тактичные, а я... вот уж действительно, белый варвар».

Он еще долго бранил себя, с деланным удовольствием потягивая виски. «Пускай они сами ведут беседу, — решил Чилдэн, — а я буду со всем соглашаться. — И тут же ворвалась паническая мысль: Мои мозги затуманены спиртным! Я устал и нервничаю! Я наделаю глупостей, и они больше никогда меня не пригласят. До что там — слишком поздно, уже наделал!»

Из кухни вернулась Бетти. Она снова уселась на ковер. «Какая грация! — подумал Роберт. — Фигурка просто прелесть. Все японки стройны, ни унции лишнего веса. Им не нужны пояса и бюстгалтеры. — Он спохватился: надо скрывать интерес к ней. Чего бы это ни стоило. И все же не смог удержаться от вороватого взгляда. — Какие чудесные темные волосы, какие огромные глаза! В сравнении с этими людьми мы выглядим недоделанными. Словно некий ваятель вытащил нас из печи, поленившись как следует обжечь. Как в древней индийской легенде.

Надо думать о чем-нибудь другом. — Он шарил глазами по комнате, ища, за что бы ухватиться. Тишина давила на

психику, невыносимо действовала на нервы. — Черт возьми, о чем говорить? О чем-нибудь нейтральном.»

Чилдэн заметил книгу на невысоком тиковом бюро.

— Вижу, вы читаете роман «Из дыма вышла саранча»? — спросил он. — Мне о нем многие говорили, но все как-то не хватало времени прочесть. — Убедившись, что хозяева не имеют ничего против, он встал и направился к бюро. Похоже, они сочли это жестом вежливости. — Детектив? Простите мое дремучее невежество.

— Нет, не детектив, — ответил Пол. — Напротив, весьма любопытный литературный жанр. Пожалуй, его можно отнести к научной фантастике.

— Ну, нет, — возразила Бетти. — Наука тут ни при чем. Научные фантасты, в основном, описывают такое будущее, в котором высоко развита техника. Ничего подобного в этом романе нет.

— Зато в нем есть альтернативное настоящее, — возразил ей Пол. — Я давно увлекаюсь фантастикой, с двенадцати лет. С самого начала войны, — пояснил он Чилдэну.

— Ясно, — произнес Роберт Чилдэн.

— Хотите прочесть «Саранчу»? — спросил Пол. — Через день-другой мы ее осилим. Мое учреждение находится в деловой части города, неподалеку от вашего магазина, и я с удовольствием загляну к вам во время перерыва. — Он сделал паузу, затем (возможно, по сигналу Бетти) добавил: — Мы с вами могли бы позавтракать вместе, Роберт.

— Спасибо, — пробормотал Чилдэн. Других слов он не нашел.

«Подумать только: позавтракать в одном из самых модных ресторанов для бизнесменов! Вместе с элегантным высокопоставленным японцем!» — От одной мысли голова шла кругом. Однако он сумел сохранить бесстрастный вид и кивнул, глядя на книгу.

— Да, наверное, она интересная. С удовольствием прочту. Я стараюсь быть в курсе того, о чем много говорят. — «Что я несу?! Признался, что интересуюсь книгой, потому что она в моде! А вдруг для них это — дурной тон? Скорее всего, так оно и есть». — Как известно, популярность книги — не самый верный признак ее достоинства. Многие бестселлеры — редкостная дрянь. Но эта ктига... — Он замлся.

— Вы совершенно правы, — пришла ему на помощь Бетти. — У обывателя всегда испорченный вкус.

— Так же и в музыке, — заметил Пол. — Взять, например, народный американский джаз — кто им сейчас интересуется? А вам, Роберт, нравятся Банк Джонсон и Кид Оури?

А ранний диксиленд? Я собираю джаз, у меня есть настоящие диски фирмы «Дженет».

— Боюсь, я недостаточно знаком с негритянской музыкой, — ответил Чилдэн. Похоже, его слова покорили хозяев. — Предпочитаю классику: Баха, Бетховена... «Вот вам! — Он был обижен. — Попробуйте только сказать, что музыка великих европейских композиторов хуже какого-то джаза, родившегося в бистро и балаганах негритянских кварталов Нью-Орлеана».

— Может, вам поставить для пробы что-нибудь из «Нью-Орлеанских королей ритма»? — неуверенно предложил Пол. Он привстал, но Бетти бросила на него предостерегающий взгляд. Пол пожал плечами и сел на место.

— Скоро будем обедать, — сказала Бетти.

Пол натянуто, как показалось Роберту Чилдэну, произнес:

— Нью-орлеанский джаз — самая что ни на есть народная музыка Америки. Она родилась на этом континенте. Все остальное — например, баллады в английском стиле, которые исполнялись под лютню — пришло из Европы.

— Мы с ним вечно спорим на эту тему, — с улыбкой сказала Бетти Роберту. — Я не разделяю его любви к джазу.

Все еще держа в руках книгу, Роберт Чилдэн спросил:

— А о каком альтернативном настоящем идет здесь речь?

Чуть помедлив, Бетти ответила:

— В котором Германия и Япония проиграла войну.

Наступила тишина.

— Пора есть, — Бетти плавно поднялась. — Вставайте, господа голодные бизнесмены. Прошу к столу.

На большом столе, накрытом белоснежной скатертью, стояла серебряная и фарфоровая посуда. Из костяных колец (ранняя американская культура — машинально отметил Чилдэн) торчали грубые салфетки. Столовое серебро — тоже американской работы, темно-синие с желтым чашки и блюдца — фирмы «Ройял Альберт». Такая посуда была большой редкостью, и Роберт смотрел на нее с профессиональным восхищением.

Зато подобных тарелок он прежде не видал и не мог с уверенностью сказать, откуда они взялись. Наверное, из Японии.

— Фарфор Имари, — заметив его любопытствующий взгляд, пояснил Пол. — Из Ариты. Считается одим из лучших.

Они снова уселись за стол.

— Кофе? — спросила Бетти у Роберта.

— Да, — ответил он. — Спасибо. Чуть позже.

Она вышла на кухню и прикатила столик на колесах.

Обед был очень вкусным. Бетти оказалась великолепной хозяйкой. Особенно ему понравился салат: авокадо, сердцевинки артишоков, зеленый сыр... Хорошо, что его не подчевали японскими кушаньями — с тех пор, как окончилась война, овощи ему просто осточертели.

И эти вездесущие морепродукты! Ему казалось, что даже под пыткой он не сможет проглотить еще одну креветку или моллюска.

— А все-таки интересно, — нарушил молчание Чилдэн, — как бы выглядел мир, в котором Япония и Германия проиграли войну?

Его вопрос повис в воздухе. Спустя некоторое время Пол ответил:

— Совершенно иначе. Хотя все далеко не просто. Лучше самому прочесть «Саранчу». Если я перескажу содержание, вам будет неинтересно.

— Я часто размышлял на эту тему, — сказал Чилдэн, — и у меня сложилось вполне определенное мнение. Мир был бы хуже. — Его голос звучал уверенно, даже жестко. Он сам это чувствовал. — Намного хуже.

Его слова удивили молодых супругов. А может быть, не слова, а тон.

— Повсюду правили бы коммунисты, — продолжал Чилдэн.

Пол пожал плечами:

— Автор книги, мистер Абендсен, самым тщательным образом рассмотрел вопрос о беспрепятственной экспансии Советской России и пришел к выводу: даже будучи на стороне победителей, отсталая и в основном крестьянская Россия неизбежно осталась бы с носом, как в Первую Мировую. Россия была не страна, а пугало огородное, взять хотя бы ее войну с Японией, когда...

— А в действительности страдать и расплачиваться приходится нам, — перебил его Чилдэн. — Но иначе не удалось бы остановить славянское нашествие.

— Не верю я ни в какие нашествия, — тихо произнесла Бетти. — Ни в славянские, ни в китайские, ни в японские. Все это болтовня. — Ее лицо оставалось безмятежным. Она превосходно владела собой, только румянец появился на щеках. И ничуть не волновалась, просто хотела выразить свое мнение.

Некоторое время они молча ели.

«Опять ты свалил дурака! — выругал себя Роберт Чилдэн. — Никак не удастся избежать скользких тем. Потому что они везде, о чем не заведешь речь — о книге, случайно попавшейся на глаза, о коллекции грампластинок, о костяных колечках для салфеток... обо всей этой добыче победителей, награбленной у моих соотечественников. Да-да, надо смотреть правде в глаза. Я пытаюсь убедить себя, что я — такой же, как эти японцы. Но даже если рассыпаться перед ними бисером — какое счастье, благодетели мои, что вы победили, а мой народ проиграл! — между нами не возникнет духовного родства. Одни и те же слова мы воспринимаем совершенно по-разному. У них другие мозги. И души. Вот они, сидят передо мной, пьют из английских фарфоровых чашек, едят с американского серебра, слушают негритянскую музыку. Они могут себе это позволить — у них есть деньги и власть. Но ведь все это — эрзац! Даже «Ицзин», которую они запихали нам в глотку — китайская книга. Крадут у кого ни попадая обычаи, одежду, речь... С каким смаком эта парочка уплетает жареную картошку со сметанным соусом и луком — исконно американское блюдо, которое они запросто присовокупили к своему меню! Кого они хотят обмануть? Себя? Но меня вам не одурачить, уж поверьте! Только белым дано творить. И, тем не менее, я, плоть от плоти белой расы, должен поддакивать этим... Как тут не задуматься: а что, если бы мы победили? Стерли их с лица Земли? Только представить: Япония канула в небытие, а США — единые, могучие — в одиночку правят планетой.

Мой долг патриота — прочитать «Саранчу», — подумал он, — как бы это глупо ни звучало.

— Роберт вы совсем не едите. Невкусно? — участливо спросила Бетти.

Он торопливо ткнул вилкой в салатницу.

— Нет, что вы. Я уже лет сто ничего вкуснее не пробовал.

— Спасибо. — Она явно была польщена. — Я очень старалась, чтобы все было по-настоящему... продукты покупала на Миши-стрит, на крошечных американских рынках.

«Ты превосходно готовишь национальные блюда, — мысленно обратился к ней Роберт Чилдэн. — Вот уже правду говорят: подражать вы мастера. Яблочный пирог, кока-кола, прогулка после кино, Глен Миллер... При желании вы могли бы соорудить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги... На кухне — мамуля из рисовой бумаги,

на диване с газетой в руках — папуля из рисовой бумаги. В ногах у него — бэби из рисовой бумаги. И все остальное...»

Пол не сводил с него глаз. Спохватившись, Роберт Чилдэн решил думать о чем-нибудь другом. Он положил себе на тарелку еды. «А вдруг Пол умеет читать мысли? — мелькнуло у него в голове — Да ну, чепуха. А по лицу ему ни о чем не догадаться. Я все время храню бесстрастный вид». Но в этом он вовсе не был уверен.

— Роберт, — обратился к нему Пол, — поскольку вы родились и выросли в США и с детства говорите на английском, не могли бы вы разъяснить мне отдельные места из одной американской повести? Она написана в тридцатые года.

Чилдэн ответил легким поклоном.

— Это очень редкая книга, но мне посчастливилось ее приобрести. Она называется «Подруга скорбящих». Автор — Натанаэл Уэст. Я с удовольствием ее прочитал, но понял не все.

Неожиданно для себя Роберт Чилдэн признался:

— Боюсь... я не читал этой книги. — «И слыхом о ней не слыхивал», — мысленно добавил он.

На лице Пола мелькнуло разочарование.

— Какая жалость! Это небольшая повесть о человеке, читающем письма, которые приходили в газету. Он мучительно переживает все, что ни прочтет, и в конце концов сходит с ума, возомнив себя Христом. Не припоминаете? Может быть, все-таки читали?

— Увы.

— У автора очень оригинальный взгляд на мученичество, — сказал Пол. — На проблему, которую легко решает любая религия. Христианская, например, утверждает, что с мученика снимается бремя грехов. А Уэст, видимо, имеет на этот счет другое мнение. Его герою природой предопределено мученичество, поскольку он — еврей.

— Проиграй Германия и Япония войну, евреи из Москвы и с Уолл-стрит правили бы миром.

Казалось, молодые японцы съезжились. Точь-в-точь цветы, тронутые морозом, — увяли, поникли, поблекли. В комнате как будто потянуло сквозняком. Чилдэн остро почувствовал одиночество. «Чего они недопоняли? Ох, уж эта неспособность понять чужую культуру, образ мыслей западного человека! Чуть что им наперекор — сразу дуться. Подумаешь, трагедия! И все-таки, надо что-то делать. Во что бы то ни стало вернуть ясность, которая была между ними. — Роберту Чилдэну в жизни не бывало так плохо,

как сейчас, когда он расставался со своей нелепой мечтой. — С каким нетерпением я ждал этой встречи, вспоминал он. — Как мальчишка! Словно в тумане поднимался по лестнице. Но нельзя закрывать глаза на действительность. Человек должен взрослеть. А сегодняшний вечер — хорошее отрезвляющее средство. Эти люди — на самом деле не люди. Во что бы они ни рьялись, они напоминают цирковых мартышек. Они способны и все схватывают на лету, но и только.

Зачем я стелюсь перед ними? Только потому, что они — победители?

Сегодня я обнаружил большой изъян в своем характере. Но ничего не поделаешь. Оказывается, у меня трогательная способность... ну, скажем, выбирать меньшее из двух зол и все равно оставаться в дураках.

За чем мне необходимо следить, так это за языком. Неровен час, наговорю лишнего, а они, как ни крути, победители. Чего это я так разнервничался? Они всего-навсего попросили, чтобы я разъяснил им смысл старой американской книги. Надеялись от меня, белого человека, получить ответ. А я? Разве попытался им помочь? Нет, это бесполезно, я не читал этой книги. Иначе, конечно, я бы все им объяснил».

— Может, когда-нибудь я прочитаю эту «Подругу скорбящих», — обратился он к Полу, — и мы ее обсудим.

Пол кивнул.

— К сожалению, сейчас у меня много работы, — продолжал Роберт Чилдэн. — Возможно, позднее... Уверен, это не займет много времени.

— Нет, — пробормотал Пол. — Повесть совсем короткая. — И он, и Бетти выглядели опечаленными. «Неужели они тоже почувствовали непреодолимую пропасть между нами? — подумал Чилдэн. — Хотелось бы. Они этого заслуживают. Стыд — именно то, что поможет им понять смысл книги».

И в эту минуту к нему пришел аппетит.

В тот вечер между ними больше не возникало трений. В десять вечера, выходя из квартиры Казоура, Роберт Чилдэн пребывал в приподнятом настроении и чувствовал себя уверенно. Он бодро спустился по лестнице, ничуть не боясь попасть на глаза какому-нибудь японцу, возвращающемуся домой из общественной бани. Выйдя на темную лестницу, он остановил велотакси.

«Меня всегда интересовало, как ведут себя в быту клиенты. И ничего предосудительного в этом нет, наоборот, полезно для дела. Тесное общение с людьми, стоящими выше тебя по

социальному положению, благотворно действует на психику. И робость перед ними проходит».

Погруженный в такие мысли, он подъехал к своему дому и выбрался из такси. Расплатившись с китайцем, Роберт Чилдэн поднялся по знакомым ступенькам.

В его гостиной сидел белый. Он удобно устроился на диване и читал газету. Увидев Чилдэна, он неохотно поднялся, сунул руку во внутренний карман пальто и достал удостоверение.

— Кемпетай.

Перед Чилдэном стоял «пинки» — сотрудник государственной тайной полиции, организованной в Сакраменто японскими властями.

Чилдэн не на шутку испугался.

— Вы Роберт Чилдэн?

— Да, сэр. — У него ёкнуло сердце.

— Недавно вас посетил один человек. — Полицейский сверился со своими записями. — Белый, назвавшийся доверенным лицом офицера Императорского ВМФ. Нами установлено, что он не тот, за кого себя выдает. Ни названного им офицера, ни корабля не существует.

— Это верно, — подтвердил Чилдэн.

— К нам поступило заявление о попытке шантажа, имевшей место в районе Залива, — продолжал полицейский. — Очевидно, в ней участвовал ваш знакомый. Вы можете сообщить его приметы?

— Невысокий, довольно смуглый... — начал Чилдэн.

— Еврей?

— Да! Теперь я понял! Как я сразу не догадался...

— Взгляните. — Сотрудник кемпетай протянул фотографию.

— Он самый, — подтвердил Чилдэн. Сходство было полное. При мысли о могуществе кемпетай, в считанные дни вышедшей на след изображенного на фотографии человека, у него мороз прошел по коже. — А как вы его разыскали? Я на него не заявлял, только позвонил Рэю Калвину, своему поставщику, и сказал...

Полицейский жестом велел ему замолчать.

— Мне от вас нужна только подпись. Вот тут. Простая формальность, зато вам не придется являться в суд. — Он вручил Роберту Чилдэну бумагу и авторучку. — Здесь говорится, что этот человек приходил к вам, выдавал себя за другого и так далее. Да вы сами прочтите. — Полицейский отогнул рукав и, пока Чилдэн пробегал глазами документ, смотрел на часы. — По существу верно?

— По существу — да, — Чилдэн не успел как следует

вчитаться в казенные строки, к тому же он порядком устал за день. Но он точно знал: к нему под чужим именем приходил жулик, тот самый, что на фотографии. Вдобавок этот жулик, по словам сотрудника кемпетай, еврей. Внизу на снимке стояли имя и фамилия: «Фрэнк Фринк. Урожденный Фрэнк Финк». В общем, чистокровный жид, пробу негде ставить. Да еще и фамилию изменил!

Чилдэн поставил подпись.

— Спасибо. — Полицейский взял портфель, нахлобучил шляпу, пожелал спокойной ночи и удалился. На все дело ушли считанные минуты.

«Похоже, они его сцапают, — подумал Чилдэн. — Кем бы он ни прикидывался... Ну и славно. Хорошо ребята работают, быстро. Мы живем в обществе, где царят закон и порядок, нам не страшны паучьи сети еврейских заговоров. У нас есть надежная защита. Удивительно, как я сразу не установил его национальность? Неужели меня так легко обвести вокруг пальца? Наверное, это потому, что я не умею хитрить. Не будь закона, евреи сожрали бы меня с потрохами. Тот жид мог убедить меня в чем угодно. Они же гипнотизеры, все без исключения. Могут целый народ заставить плясать под свою дудку.

Утром поеду покупать «Саранчу», — решил он. — Интересно, как автор представляет себе мир под пятой иудеев и коммунистов? Рейх у него, понятное дело, в развалинах, Япония — провинция России, а сама Россия раскинулась от Атлантики до Тихого океана. Не удивлюсь, если этот... как там его... сочинил войну между США и Россией. Должно быть, занятая книжка, — подумал он. — Странно, почему ее раньше никто не написал?

И все-таки, эта книга дает возможность понять, как нам повезло. Несмотря на крайне невыгодное положение... Да, все могло кончиться гораздо хуже. Из этой книги можно извлечь серьезный нравственный урок. Что с того, что мы под япошками и вынуждены восстанавливать разрушенное? Зато теперь началась эпоха великих свершений — взять хотя бы колонизацию планет».

Он вспомнил: сейчас по радио должны передавать новости. Усевшись, Чилдэн включил репродуктор. «Возможно, уже выбрали нового рейхсканцлера. По мне, так лучше бы Зейсс-Инкварта — он самый энергичный и с огоньком возьмется за дело.

Вот бы там побывать, — мечтательно подумал он. — А что, глядишь, разбогатею да отправлюсь путешествовать по Европе. Сажу тут на западном побережье, кругом такое бо-лото... А история проходит мимо».

Восемь утра барон Гуго Рейсс, рейхсконсул в Сан-Франциско, вылез из «мерседеса-бенца 220-Е» и избежал по ступенькам консульства. Вслед за ним поднялись двое молодых служащих МИДа. Шагнув через порог, Рейсс вскинул руку, приветствуя двух телефонисток, вице-консула Франка и, уже в кабинете, своего секретаря Пфердхофа.

— Барон, — обратился к Рейссу Пфердхоф, — только что поступила шифрованная радиограмма из Берлина. Срочная.

Это означало: надо снять пальто и отдать его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил Кройц фон Меере. Просил, чтобы вы ему позвонили.

— Благодарю, — сказал Рейсс. Он уселся за столик у окна, снял салфетку с завтрака — рулет, омлет, колбаса — налил из серебряного кофейника горячего кофе и развернул доставленную ракетой Люфтвагзы утреннюю «Франкфуртскую газету».

Звонивший перед его приходом Кройц фон Меере был шефом службы безопасности на территории ТША. Его штаб-квартира (разумеется, под «липовой» вывеской) находилась в здании аэровокзала. Отношения между Рейссом и Кройцем фон Меере оставляли желать лучшего, а все потому, что их полномочия пересекались во множестве случаев. Вне всяких сомнений, этим они были обязаны расчетливой политике берлинских верхов. Несколько лет назад, получив почетное звание штандартенфюрера СС, Рейсс формально оказался в подчинении у фон Меере. Рейсс уже давно понял смысл этого хода, но так и не привык к тому, что с Кройцем фон Меере необходимо считаться.

Рейсс внимательно просмотрел первую страницу газеты. Фон Ширах под домашним арестом, а может, уже убит. Паршиво. Геринг засел на учебной базе Люфтваффе, окружив себя преданными ветеранами. Туда теперь даже мышь не проскользнет, не то что мясники из СД. А как дела у доктора Геббельса?

Он, наверное, в самом центре Берлина. Как всегда, полагается только на свои мозги и неистощимое красноречие. Если Гейдрих пошлет к нему взвод солдат, Геббельс не только уговорит их нарушить приказ, но ещё, того гляди, переманит к себе на службу. Сделает из них сотрудников Министерства пропаганды и общественного просвещения.

Рейсс представил Геббельса в квартире какой-нибудь шикарной кинозвезды, с пренебрежением глядевшего в окно, на грохочущую сапожищами солдатню. Нет, этот парень не испугается. Будет стоять со своей знаменитой ухмылочкой... левой рукой лаская дамскую грудь, а правой строча статейку для ближайшего выпуска «Атака».

В дверь постучал секретарь, прервав раздумья Рейсса.

— Прошу прощения. Опять звонит Кройц фон Меере.

Рейсс поднялся, подошел к рабочему столу и взял трубку.

— Рейсс слушает.

В ответ — голос шефа СД с густым баварским акцентом:

— Что-нибудь слышно об этом типе из абвера?

Вопрос фон Меере застал Рейсса врасплох.

— М-м-м... — промычал он. — По моим сведениям, сейчас на тихоокеанском побережье трое или четверо «типов из абвера».

— Я о том, который на прошлой неделе прилетел ракетой Люфтваффе.

— А! — Прижав телефонную трубку плечом к уху, Рейсс достал портсигар. — Он к нам не заходил.

— Что он сейчас делает?

— Черт, ну откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Лучше позвони в МИД, попроси их связаться с Канцелярией, а те пускай прижмут Адмиралтейство и потребуют от абвера либо отозвать своих людей, либо сообщить нам, какого черта им здесь нужно.

— А вы не можете сами это сделать?

— По-моему, у меня других забот нет?

«Ну, ясно, прозевали абверовца, — решил Рейсс. — Кто-то из ведомства Гейдриха велел им глаз не спускать с парня, а тот отделался от «хвоста». И теперь я должен вытаскивать их из дерьма».

— Если придет, я кого-нибудь к нему приставлю, — пообещал Рейсс. И подумал: «Интересно, с какой стати он должен сюда явиться?»

— Он прибыл под чужой фамилией, это как пить дать, — угрюмо произнес Кройц фон Меере. — Под какой — мы не знаем. Ему лет сорок. Капитан. Аристократическая внешность. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. Он из Восточной Пруссии, из старинного дворянского рода. Возможно, протеже фон Папена.

Рейсс поудобнее устроился за столом. Кройц фон Меере зудел:

— Будь моя воля, я бы давно урезал флоту бюджет, чтобы эти прихлебальцы-монархисты не лезли...

Повесив наконец трубку, Рейсс с облегчением вздохнул

и уселся завтракать. Рулет успел остыть, но кофе в кофейнике остался горячим. Выпив чашку, Рейсс снова взял газету.

«И так без конца, — вздохнул он, мысленно возвращаясь к разговору с Кройцем фон Меере. — Этим типам ничего не стоит позвонить и в три часа ночи, ведь в СД они дежурят круглосуточно».

Приоткрылась дверь, появилась голова Пфердхофа. Увидев, что Рейсс повесил трубку, секретарь сообщил:

— Только что звонили из Сакраменто. У них там паника. Оказывается, по Фриско разгуливает живой еврей.

Они посмеялись.

— Ладно, — сказал Рейсс. — Позвони им, пусть успокоятся и пришлют на него бумаги. Что ещё?

— Соболезнования.

— Много?

— Не очень. Если хотите прочитать, они у вас на столе. Я уже разослал ответы.

— Сегодня в час дня у нас встреча с бизнесменами, — сказал Рейсс. — Мне нужно подготовиться.

— Я вам напомню, — пообещал Пфердхоф.

Рейсс устроился в кресле поудобнее.

— Хотите пари?

— Только не по поводу решения партии. Вы об этом, надо полагать?

— Она изберут Вешателя.

Помявшись, Пфердхоф сказал:

— Гейдрих достиг своего предела. Таких, как он, ни за что не допустят к руководству партией — их слишком боятся. При одной мысли об этом у партийных тузов волосы встают дыбом. Не пройдет и получаса после отъезда первого эсэсовского автомобиля от дома на Принцальбертштрассе, как возникнет мощная коалиция. Финансовые воротилы вроде Круппа, Тиссена... — он умолк — в кабинет вошел шифровальщик с конвертом.

Это была срочная радиограмма, расшифрованная и отпечатанная на машинке.

Прочитав ее, Рейсс увидел вопросительно-нетерпеливое выражение на лице Пфердхофа. Рейсс скомкал листок, опустил его в глиняную пепельницу и щелкнул зажигалкой.

— По их сведениям, к нам инкогнито направился японский генерал Тедеки. Вот что, поезжай-ка в публичную библиотеку и полистай японские военные журналы, может, наткнешься на его фото. Особенно не светись. У нас здесь вряд ли есть о нем сведения. — Рейсс встал, направился было к

набитому папками шкафу, но передумал. — В общем, собирай любую информацию, не брезгуй и слухами. Несколько лет назад этот генерал Тедеки был начальником генштаба. Может, хоть что-нибудь о нем помнишь?

— Кое-что помню. Он был большим забиякой. Сейчас ему, наверное, лет восемьдесят. Кажется, он отстаивал японскую космическую программу, которая потом с треском провалилась.

— Да, тут он дал маху, — кивнул Рейсс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться, — продолжал Пфердхоф. — В клинике Калифорнийского университета полно старых вояк из Японии. Тут к их услугам немецкая хирургическая техника, которой на Родных островах днем с огнем не сыщешь. Конечно, сами они об этом не распространяются — патриотические чувства, и все такое. Пожалуй, мы могли бы внедрить в университетскую больницу нашего человека, если Берлину так интересен этот японец.

Рейсс кивнул. Возможно, старый генерал участвует в коммерческих спекуляциях. Сан-Франциско ими славится. Налаженные во время службы связи могут очень пригодиться в отставке. Но в шифровке не сказано, что генерал в отставке.

— Как только раздобудешь снимок, разошли копии нашим людям в гавани и аэропорту, — велел Рейсс секретарю. Возможно он уже здесь. Сам знаешь, как в Берлине умеют канителиться. Если генерал уже в Сан-Франциско, все шишки посыплются на наше консульство.

— Я дал квитанцию о приеме радиogramмы, — сказал Пфердхоф. — Если возникнут вопросы, мы сможем указать точное время ее получения.

— Спасибо, — буркнул Рейсс. Берлинские начальники — мастера перекладывать с больной головы на здоровую, а ему надоело быть мальчиком для битья. Слишком часто это случалось. — Да, подстраховаться не мешает. Пожалуй, стоит дать им ответ. Примерно такой: «Ваши указания запоздали. Объект уже прибыл. На данной стадии возможность перехвата исключительно мала». Как-нибудь приукрась этот текст, разбавь водичкой и отправь. Понял?

Пфердхоф кивнул.

— Отправлю немедленно. И потребую квитанцию. — Он вышел.

«Надо держать ухо востро, — подумал Рейсс. — Не то, неровен час, окажешься консулом у черномазой сволочи, где-нибудь в Южной Африке. Заведешь себе черную кухарку, и десять негритят будут называть тебя папулей.

Он закурил египетскую сигарету «Саймон Арц № 70» и аккуратно закрыл портсигар. Надеюсь, что в ближайшее время его никто не потревожит. Рейсс вытащил из портфеля книгу и раскрыл на отмеченном закладкой месте.

«...Неужели когда-то он бродил по тихим улочкам, где неторопливо катили машины? Неужели то далекое безмятежное утро в зоопарке не было вымыслом?.. Мирная жизнь. Вкус мороженого — его уже никогда не ощутить. Теперь он радовался, когда удавалось поесть вареной крапивы.

— Боже! — вскричал он. — Неужели они никогда не останутся?!

По городу шли огромные английские танки.

Ещё одно здание — жилой дом, а может, магазин или школа — отсюда было не разобрать — вздрогнуло и превратилось в груды обломков. Под ними нашли могилу горстка бедолаг — и ни криков о помощи, ни предсмертных стонов. Смерть раскинула свои крылья над здоровыми, ранеными и мертвыми, от которых уже исходило зловоние. Смердящий, разлагающийся на глазах труп Берлина, беззвучно рассыпающиеся старинные башни, гордость города...

Мальчик взглянул на свои руки, серые от пепла. Все живое и мертвое превратилось в пепел.

Так думал мальчик. Больше он ни о чем не мог думать, вернее, в этой сумятице, среди воплей и орудий канонады, все мысли сводились к одному — к еде.

Шесть дней он не ел ничего, кроме крапивы. А теперь и ее не осталось — пустырь превратился в огромную воронку, на краю которой призрачно маячили человеческие фигуры: мальчишка, женщина со старушечьим платком на голове и пустой корзиной под мышкой, однорукий инвалид с пустым, как та корзина, глазами. И девушка. Вскоре все они растаяли среди пней и громоздящихся друг на друге стволов погибшей рощи, где прятался маленький Эрик.

А колонна танков все ползла и ползла.

— Неужели они не кончатся? — спросил мальчик, ни к кому не обращаясь. — А если кончатся, что тогда? Удастся ли нам набить животы..?»

— Барон, — раздался над ухом голос Пфердхофа, — ужасно не хочется вас отвлекать, но...

Рейс подпрыгнул как ужаленный и захлопнул книгу.

— Ничего, я слушаю!

«Ну и здорово пишет! — восхитился он. — Совсем меня заморочил. Будто своими глазами увидел, как британцы разрушают Берлин. Брр! — он поежился. — Удивительно

все-таки, как сильно литература может действовать на психику. Даже бульварщина, вроде этой «Саранчи». Дураку ясно, почему ее запретили. Я бы и сам запретил. Зря, конечно, я за нее взялся, но теперь делать нечего, нужно дочитать».

— В приемной моряки с немецкого корабля, — сообщил секретарь. — Пришли отметиться.

— Хорошо, — Рейсс торопливо вышел.

В приемной сидели трое моряков в толстых серых свитерах, с пышными светлыми шевелюрами и волевыми, слегка взволнованными лицами.

Рейсс поднял правую руку и со сдержанной улыбкой приветствовал их:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответили они вразнобой и протянули Рейссу документы.

Отметив им явку в консульство, он вернулся в кабинет и снова раскрыл «Саранчу».

Раскрыл на случайной странице и не смог оторваться, вернуться туда, где остановился. Глаза сами забегали по строчкам, он почувствовал жар в затылке.

«Суд над Гитлером, — догадался он. — После капитуляции Гитлер попадет в лапы союзников. Господи Боже! И Геббельс, и Геринг, и все остальные! Процесс в Мюнхене. Гитлер отвечает обвинителю-американцу».

«...черном, воспаленном мозгу, казалось, на миг ожил прежний дух. Трясущееся дряблое тело выпрямилось, голова поднялась. Со слюнявых губ сорвался сиплый полулай-полусшепот: «Германия, я с тобой». И сразу тех, кто смотрел и слушал, охватило оцепенение, напряглись лица русских, американцев, британцев и немцев. «Да, — подумал Карл, — снова мы слышим его... Нас не только разбили — перед нами раздели догола этого сверхчеловека, показав, кто он есть на самом деле. Всего-навсего...»

— Барон.

Пока Рейсс читал, в кабинет вновь вошел секретарь.

— Я занят, — бросил он, — пытаюсь прочесть эту книгу, черт бы ее побрал!

Но злиться было бессмысленно, он это знал.

— Снова шифровка, — сообщил Пфердхоф. — Ее только что приняли. Она касается политической ситуации.

— А подробнее? — Рейсс потер лоб.

— По радио неожиданно выступил доктор Геббельс. С очень важной речью. — Секретарь был порядком взволнован. — Нам предлагается опубликовать ее текст в здешней прессе.

— Да-да, сказал Рейсс.

Как только секретарь затворил за собой дверь, Рейсс снова раскрыл книгу. «Опять, наплевав на мои инструкции, сует нос куда не следует», — подумал он о Пфердхофе и перевернул несколько страниц.

«...тишине взирал на гроб, покрытый знаменем. «Вот он лежит передо мной, но на самом деле он ушел, ушел навсегда. И никакая в мире сила не вернет его нам. Человека — или все-таки сверхчеловека — в которого Карл слепо верил и которого боготворил даже на краю могилы.

Адольф Гитлер почил навеки, но Карл цеплялся за жизнь.

«Ты не пойдешь за ним следом, — шептал Карлу внутренний голос. — Ты будешь жить. И восстанавливать разрушенное. Мы все будем строить. Мы должны».

Как далеко, как чудовищно далеко завело его коварство вождя! И теперь, когда дописана наконец невероятная летопись Рейха, оставалось спросить: как этому человеку удалось пройти путь из провинциального австрийского городка через тлетворную нищету в Вене, через борьбу в партии — к посту канцлера, к тому моменту, когда он считал себя чуть ли не властелином мира?

Карл знал: благодаря лжи. Адольф Гитлер лгал. Лгал всегда. Вел их за собой, загипнотизировав пустыми речами.

Мы раскрыли твой обман, Адольф Гитлер. И наконец узнали, кто ты на самом деле, что такое нацистская партия и для чего тебе потребовались жуткие убийства и маниакальные фантазии. Мы поняли».

Карл повернулся и пошел прочь от безмолвствующего гроба...»

Закрыв книгу, Рейсс некоторое время сидел неподвижно.

«Надо бы хорошенько нажать на япешек, чтобы запретили чертову книжонку. С их стороны это просто подлость, они бы без труда могли арестовать писаку, как там его... Абендсена, что ли? Власти у них на Среднем Западе хоть отбавляй.

Неожиданно для себя Рейсс расстроился. Его огорчила смерть Адольфа Гитлера, гибель партии и самой Германии в книге Абендсена. Но не только это. В романе звучал истинный пафос, утраченный в мире, которым правила Германия. Как ему это удалось? Неужели дело только в таланте?

В арсенале этих беллетристов миллион всяких приемчиков. Взять того же доктора Геббельса — начал свою карьеру с художественной литературы, обращался к самым потаенным страстишкам, гнездящимся в любом человеке, какой бы

пост он ни занимал. Да, писатель должен разбираться в людях. Знать всю их никчемность, трусость, похотливость и продажность. Писателю стоит только ударить в барабан, а уж отклик будет. Ему останется лишь похихикать над произведенным эффектом.

Нет, вы только поглядите, как он играет на моих чувствах! — возмутился Рейсс. — Именно на чувствах, а не на рассудке. И уж, конечно, не за так. Свои денежки он наверняка огреб, Вонючий пес. Эти подонки о чем угодно напишут, лишь бы платили. Наворотят гору дерьма — публика сожрет, не поморщится. Ну-ка, где ее тиснули? — Рейсс перевернул книгу. — Омаха, Необраска. Последний оплот издательской плутократии США, некогда процветавшей в Нью-Йорке на золото жидов и коммунистов...

Может, и этот Абендсен — жид?

Они ещё не все передохли, ещё пытаются нас отравить.

Еврейская книга. — Он яростно захлопнул книгу. — Наверняка его фамилия — Абендштейн. Как пить дать, за ним охотится СД.

Надо обязательно послать кого-нибудь с визитом к герру Абендштейну. Не исключено, Кройц фон Меере уже получил на этот счет инструкции. А может, и нет — в Берлине сейчас кавардак... Никому нет дела до какого-то еврея. А зря. Эта книга очень опасна. И если одним прекрасным утром мистера Абендштейна найдут подвешенным к потолку, то на тех, кто проникся его идеями, это подействует отрезвляюще. За нами останется последнее слово. Постскриптум, так сказать.

Само собой, для такой акции нужен белый человек. Интересно, что сейчас поделявает Скорцени?

Рейсс перечитал текст на обороте обложки. Боится жидюга — забаррикадировался в своем Высоком Замке. Черта с два, мы тоже не вчера родились. Когда-нибудь выковырнем тебя оттуда.

Может, конечно, это и глупо. В конце концов книга издана и разошлась. Да и территория подконтрольна японцам. Случись что, желтопузые такой хай подымут...

Но дельце можно обтяпать так, что комар носа не подточит. Нужен толковый мужик...

Барон Гуго Рейсс сделал пометку в записной книжке: — «Обсудить этот вопрос с группенфюрером СС Отто Скорцени, а ещё лучше — с Отто Олендорфом из Управления службы безопасности Рейха. Кажется, это он возглавляет оперативную группу «Д» в третьем отделении.

И тут его неожиданно замутило от бешенства. «Неужели это будет продолжаться вечно? — подумал он. — Сколько лет

прошло с окончания войны; казалось, самое главное сделано. И вот теперь — фиаско в Африке и полоумный Зейсс-Инкварт, осуществляющий идиотские замыслы Розенберга. Герр Хоуп прав, издеваясь над нашей марсианской эпопеей. Надо же было придумать — Марс заселен евреями! А ведь мы их там наверняка встретим. Именно двухголовых и в фут ростом.

Впрочем, мне на это наплевать, — решил Рейсс. — Своих дел по горло. На авантюры, вроде посылки эйнзатцкоманды за Абендсеном, просто нет времени. Хватить с меня возни с немецкими моряками и шифрованными радиogramмами, пускай Абендсена ловят ищейки из СД. Им за это деньги платят. А если я и провернул это дельце, то ещё неизвестно, где бы очутился — в тюрьме генерал-губернаторства США или в камере с «Циклоном Б».

Он тщательно стер карандашную запись, а потом и вовсе вырвал листок и сжег его в глиняной пепельнице.

В дверь постучали, вошел секретарь с пачкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса. Полная. — Пфердхоф положил листы на стол. — Очень рекомендую ознакомиться. Отличная речь, одна из лучших.

Закурив «Саймон Арц», Рейсс углубился в речь доктора Геббельса.

9

Через две недели почти непрерывной работы компания «Эдфрэнк» уже располагала первой партией товара. Украшения были разложены на двух лотках из фанеры, обтянутой черным бархатом. Эд Мак-Карти и Фрэнк Фринк даже обзавелись визитными карточками, вырезав клише своих фамилий на стирательных резинках, а рамки оттиснув с помощью детского ротапринта. Получилось очень красиво — красные фамилии в узорных рамках на плотной разноцветной бумаге для рождественских открыток.

За что бы ни брались Эд и Фрэнк, все удавалось на славу. Никакой кустарщины — украшения, визитки и лотки говорили о высоком мастерстве изготовителей. «Да и как иначе? — думал Фрэнк. — Ювелирное дело — сложная штука, но мы же профессионалы, всю жизнь не вылезали из мастерской».

Он ещё раз взглянул на украшения: браслеты из меди, бронзы и латуни, даже из вороненой стали; кулоны, по боль-

шей части медные с серебряным узором; серьги из серебра; серебряные и медные броши. Серебро влетело им в копеечку, даже серебряный припой увеличивал себестоимость изделий. Да и несколько полудрагоценных камней, вправленных в броши, стоили недешево. Зато как красиво смотрелись жемчуг, шпинель, яшма и осколки дымчатого опала! А если дела пойдут неплохо, они раскошелятся на золото и пяти-шестигранные бриллианты.

Да, на золоте можно делать большие деньги. Эд и Фрэнк уже прикидывали, где бы дешевле купить золотой лом и штампованные довоенные безделушки, не имеющие художественной ценности — это куда дешевле, чем новое золото. И все-таки, без солидного капитала к благородным металлам не подступишься. С другой стороны, продать красивую, умело сработанную золотую брошь выгодней, чем сорок медных. За нее можно заломить большую цену... «Если вообще кто-то захочет покупать наши украшения», — скептически подумал Фрэнк.

Они ещё не пытались торговать, зато разделились с основными техническими проблемами: установили на верстаке моторы, вал с дисками для черной шлифовки и полировки. Они располагали полным комплектом инструментов и материалов, от напильника и грубых наждачных кругов до основ из хлопка, льна, кожи и замши, которые можно было покрыть разными абразивами, от корунда и пемзы до самых мягких. И, самое главное, у них был ацетиленовый сварочный аппарат с баллонами, маномером, шлангами и масками, и превосходные ювелирные инструменты из Германии и Франции: алмазные сверла, пилки, клещи, пинцеты, тиски, ножницы, молоточки и всевозможные измерительные инструменты. Был запас сырья и фурнитуры: разнокалиберные стержни припоя, фольга, заколки для брошей, застежки для сережек. На банковском счету компании «Эдфрэнк» осталось всего двести пятьдесят долларов, зато производство было полностью организовано. Требовалось наладить сбыт.

«Ни один покупатель не станет проверять наш товар тщательнее нас самих», — подумал Фрэнк. Вещицы, отобранные для демонстрации, и в самом деле выглядели неплохо. Сколько труда ушло на удаление заусенцев, изъянов сварки, пятен, оставленных огнем... Ведь чтобы забраковать вещь, достаточно обнаружить небольшое пятнышко или царапину от напильника. «Мы не можем схалтурить даже в мелочах, — думал Фрэнк. — Одно черное пятнышко на серебряном колье, замеченное покупателем — и все труды пойдут прахом».

Магазин Роберта Чилдэна стоял первым в их списке. Но туда мог идти только Эд; Фрэнк Чилдэн наверняка запомнил.

— В основном, сбыт ляжет на тебя, — сказал Фрэнку Мак-Карти, но идти к Чилдэну согласился. Чтобы выглядеть солиднее, он купил добротный костюм, новый галстук и белую сорочку. Но от робости избавиться не мог.

— Наш товар — загляденье, — в сотый раз повторял он, — но черт его знает...

Большинство изделий имело абстрактную форму: свитая в спирали и петли проволока, произвольно застывший металл. Некоторые были тонкими и воздушными, как паутинка, другие — по-варварски массивными. На бархатных лотках лежало не так много вещей, но создавалось впечатление большого разнообразия форм. «Вот бы нашелся магазин, где все это возьмут! — мечтал Фрэнк. — Если с Чилдэном ничего не получится, обсудим все лавки одну за другой. А если удача улыбнется, и вещи придутся покупателю по вкусу — нас завалят заказами на всю оставшуюся жизнь».

Эд и Фрэнк уложили обтянутые бархатом фанерки на дно изящной японской корзины.

«Если ничего не выйдет — продадим металлы, — решил Фрэнк. — Да и оборудование. Всех денег не вернем, но хотя бы часть.

Самое время обратиться к Оракулу. Спросить, чем закончится первая попытка Эда. Зря он так нервничает. Возможно, это дурной знак. Но что бы ни сказала «Книга Перемен», выбор уже сделан: мастерская открыта, украшения готовы.

— В общем, первым делом я наведуясь к Чилдэну, — прервал его раздумья Мак-Карти. — Хотя с ним мы могли бы и повременить. Ну, ладно, если он мне откажет, ты сходишь к двум другим. Ты ведь поедешь со мной, а? Подождешь в грузовике за углом?

Когда они садились в пикап, Фрэнк подумал: «Одному богу известно, какие из нас с Эдом торговцы. Чилдэну, конечно, можно что-нибудь продать, но для этого нужно произвести на него впечатление. Пусть пыль в глаза. Будь здесь Джулиана, она окрутила бы Чилдэна в пол-минуты. Она такая соблазнительная, бойкая на язык, а главное — она женщина». — Закрыв глаза, Фрэнк попытался представить, как смотрелся бы на ее руке один из браслетов. Или большое кольцо. Да, было бы здорово, если бы Джулиана отправилась к Чилдэну с нашими вещичками. Ведь это женская бижутерия. Чилдэн просто упал бы в обморок при виде

ее черных волос, бледной кожи, меланхолического, скупающего взгляда и безупречной груди, чуть туже, чем надо, обтянутой джемпером, в вырезе которого поблескивает серебро...

Он представил ее так живо, будто они расстались вчера. Представил, как длинными сильными пальцами она берет безделушку и, запрокинув голову, любит ее. У Джулианы хороший вкус.

«Больше всего ей подошли бы сережки, — размышлял он. Яркие, броские, из красной меди. Волосы лучше подстричь покороче, или стянуть на затылке заколкой, чтобы видны были серьги и колье. А ещё неплохо бы сделать для рекламы несколько ее фотоснимков. — У них с Эдом заходила речь о проспекте для рассылки в другие города и страны. — Она бы выглядела сногшибательно... Интересно, если я ее разыщу и предложу с нами работать, она не откажется? Неважно, что она думает обо мне, мы же не будем лезть в личную жизнь друг друга. Только общие деловые интересы. Я даже не стану ее сам фотографировать — найдем профессионального фотографа. А что, наверно, ей бы моя затея пришлась по душе. Она всегда любила, чтобы на нее гладили и восхищались. Как дитя малое, которому всегда надо быть в центре внимания — иначе как-то не по себе. Наверняка, сейчас кто-то за ней приударяет. Говорит ей, какая она милашка. Какие у нее чудесные ноги и гладкий плоский живот...

— Что с тобой? — искоса взглянув на него, спросил Мак-Карти. — Нервничаешь?

— Нет, — ответил Фрэнк.

— Я не собираюсь стоять там дурак дураком, — сказал Мак-Карти. — У меня есть кое-какие мыслишки. Не думай, я вовсе не боюсь. Да, я не люблю рядиться под джентльмена, и мне немного не по себе. Но это пустяки. Я все равно пойду и продам наш товар этому хлыщу.

«Дай-то Бог», — подумал Фрэнк.

— Черт возьми, если б ты мог пойти к Чилдэну, как в тот раз, и снова прикинуться поверенным японского адмирала, которому нужна бижутерия... Ведь у нас отменные вещицы, верно? Оригинальной формы, самодельные...

— Не самодельные, а ручной работы, — поправил Фрэнк.

— Ну да, ручной работы. Так вот, я не отстану от Чилдэна, пока он не получит полное удовольствие за свои денежки. Дурак он будет, если откажется, в то что я тебе скажу. Где еще делают такую бижутерию, как у нас? Да я как представляю, что он посмотрит и не купит — у меня кулаки чешутся...

— Не забудь ему сказать, что это не покрытие. Латунные украшения целиком из латуни, медные — из меди.

— Ты уж дай мне самому решать, что говорить, — обиделся Мак-Карти. — Не волнуйся, молчать не буду.

«А я сделаю вот что, — подумал Фрэнк. — Отберу тайком от Эда одну-две побрякушки и пошлю Джулиане. Пусть знает, чем мы занимаемся. Пошлю по прежнему адресу, а на почте разберутся. Интересно, что она скажет, распечатав бандероль? Надо приложить записку — моя, мол, работа, а сам я — партнер в небольшом предприятии по производству бижутерии. Распалю ее воображение и намекну: если хочешь участвовать... Расскажу что-нибудь интересное о драгоценных камнях и металлах...»

— Кажется, здесь? — Мак-Карти притормозил. Они находились в деловом центре; по улице плотным потоком шли машины. — Пожалуй, пора искать стоянку.

— Ещё пять кварталов, — сказал Фрэнк.

— У тебя найдется сигарета с марихуаной? — спросил Эд. — Надо бы малость успокоиться.

Фрэнк протянул ему пачку сигарет «Небесная музыка», к которым пристрастился в «Корпорации У-М».

«Да, наверняка она с кем-нибудь живет, — со вздохом сказал себе Фрэнк. Спит с ним. Как жена. Я ее знаю. Джулиана никак не может по-другому. С наступлением сумерек, когда на улице темно и холодно, и все порядочные люди сидят в кругу семьи у камина, она просто чокнутая становится... Она не рождена для одиночества. Да и я тоже.

Может, ее парень и неплохой, — думал он. — Джулиане ничего не стоит подцепить какого-нибудь студентика. Этакое маменькина сына, которому и невдомек, как к бабе подойти. Она не жестокая и не циничная, она может дать парнишке много хорошего. Чертовски хочется верить, что она не нашла себе кого постарше, какого-нибудь «супермена» с вечной торчащей изо рта зубочисткой...»

Фрэнк заметил, что стал тяжело дышать, вообразив мясистого, волосатого мужика, который обращается с Джулианой как с вещью, всячески унижает и оскорбляет ее... «Я знаю — рано или поздно она покончит с собой, — подумал он. — Это у нее на роду написано. Если только не найдет себе настоящего друга, то есть, немножко, внимательного, доброго, способного понять и оценить ее.

Я был слишком груб с ней, — вздохнул Фрэнк. — Хотя я не такой уж плохой, бывает куда хуже. Я всегда понимал, о чем она мечтает, чего хочет, когда ей одиноко, тоскливо... И нянчился, и успокаивал... Но этого мало. Она заслужила большего».

— Я тут останавлиюсь. — Мак-Карти углядел свободное место, развернул грузовик и, оглядываясь, дал задний ход.

— Послушай, — сказал Фрэнк, — можно, я пошлю одну-две вещицы своей жене?

— Я и не знал, что ты женат, — рассеянно произнес Мак-Карти. — Пожалуйста, только не серебряные. Приехали. — Затянувшись напоследок, он раздавил сигарету в пепельнице. — Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказал Фрэнк Фринк.

— Гляди, тут на пачке вака — японское стихотворение. — Мак-Карти прочитал вслух:

«Услышав голос кукушки,

Я взглянул туда,

Откуда доносился звук.

И что я там увидел?

Только бледную луну в рассветном небе».

Он хлопнул Фрэнка по спине, ухмыльнулся, открыл дверцу и, подхватив корзину, вышел.

— Можешь бросить в счетчик десятицентовик. — Через секунду он затерялся среди пешеходов.

«Джулиана! — мысленно воззвал Фрэнк. — Может быть, тебе сейчас так же одиноко, как и мне?»

Он вылез из пикапа и бросил монетку в счетчик — плату за стоянку.

«Боюсь, — подумал Фрэнк. — Боюсь за наше дело. А вдруг — неудача? Вдруг Эд ничего не сумеет продать. А если над нами посмеются... Что тогда?»

Джулиана лежала на простыне, постеленной на полу гостиной, в объятиях Джо Чиннаделлы. В комнате, залитой лучами послеполуденного солнца, было душно. Тела Джулианы и лежащего на ней мужчины были скользкими от пота. Со лба Джо скатилась капля, задержавшаяся на скуле и упала Джулиане на шею.

— С тебя капает, — прошептала она.

Джо промолчал. Он ровно, глубоко дышал. «Как океан, — подумала Джулиана. — У нас внутри нет ничего, кроме воды. И теперь придется вставать, отлипая друг от друга».

Джо пошевелился.

— Уже встаешь? — Она прижала его к себе. — Погоди.

— Тебе не пора в спортзал?

«Не пойду в спортзал, — решила Джулиана. — Неужели ты ещё не понял? Мы не останемся здесь, мы куда-нибудь уедем. Куда-нибудь, где не были прежде».

Она почувствовала, как Джо поднимается на колени. Ладони Джулианы скользнули по его влажным бокам. Джо

отошел, шлепая по полу босыми ногами. В ванную, конечно.

«Все кончилось, — вздохнула Джулиана. — Ну и ладно».

— Слышу, слышу, — сказал Джо из ванной. — Опять сто- нешь. Постоянная депрессия, верно? Тревога, страх и подо- зрительность. По отношению ко мне и ко всему миру... — Он появился в дверях — весь в мыле, улыбающийся. — Как на- счет путешествия?

У нее быстро забилося сердце.

— Куда?

— В какой-нибудь небольшой город. Можно махнуть на север, в Денвер. Гульнем на всю катушку. Будет тебе и кон- церт, и ресторан, и такси, и вечернее платье — все, что за- хочешь. О'кей?

В это было трудно поверить. Но верить очень хотелось.

— Твой «студик» не развалится по дороге?

— Ещё чего! — возмутилась она.

— Купим приличную одежду и кутнем, может, впервые за всю жизнь. Тебе надо хорошенько отдохнуть, не то слома- ешься.

— А где мы денег возьмем?

— У меня есть, — улыбнулся Джо. — Погляди в саквояже.

Джо затворил дверь в ванную. Он что-то еще говорил, но Джулиана за шумом воды не слышала.

Открыв дверцу платяного шкафа, она достала обшар- панный, засаленный саквояж. Запустив в него руку, она почти сразу наткнулась на конверт с крупными банкнота- ми Рейхсбанка, имеющими хождение практически везде. «Да, на это можно кутнуть, — подумала она, считая день- ги. — А мне казалось, он просто лапшу на уши вешает. Вот бы забраться к нему в башку, поглядеть, что там тво- рится?»

Под конвертом лежала огромная поршневая авторучка цилиндрической формы. Во всяком случае, внешне предмет походил на авторучку. Но был непривычно тяжелым. Джу- лиана поспешно отвинтила колпачок. Да, с золотым пером. Но...

— Что это? — спросила она, когда Джо вышел из ванной.

Он забрал авторучку и положил в саквояж. «Как бережно он с ней обращается!» — мелькнула мысль.

— Опять болезненная мнительность? — спросил Джо. Та- ким беззаботым она его ещё не видела. С громким возгласом он схватил ее за талию, поднял и закружил по комнате. Потом поставил на ноги и прижал к себе, пристально глядя в глаза и обдавая теплым дыханием, пока она не ответила:

— Нет. Просто я тяжелая на подъем.

«Все-таки я тебя побаиваюсь, — подумала Джулиана. — Так побаиваюсь, что даже признаться тебе в этом не могу».

— В окно! — воскликнул Джо, неся ее на руках через всю гостиную — Вот куда мы выйдем!

— Ну, пожалуйста! — взмолилась она.

— Шучу, — хмыкнул он. — Слушай, а давай отправимся в поход, вроде марша на Рим! Помнишь? Их вел сам дуче, моего дядю Карло в том числе... А теперь у нас будет маленький марш, не такой знаменитый, не для учебников истории. — Наклошавшись, он так крепко поцеловал Джулиану, что они стукнулись зубами. — Как шикарно мы будем смотреться в обновках! И ты мне объяснишь, как надо себя вести в обществе, ладно? Научишь хорошим манерам.

— Ты нормально держишься, — сказала Джулиана. — Даже лучше, чем я.

— Нет! — Он сразу помрачнел. — Я паршиво говорю. За версту слышать макаронника. Разве ты не заметила акцента еще в кафе?

— Вроде есть немного. — Для нее это не имело значения.

— Только женщины разбираются в светских условностях. — Джо отнес Джулиану назад и с шумом уронил на дивна. — Не будь женщин, мы бы только и говорили о лошадях и гоночных машинах, да несли похабщину.

«Что это на тебя нашло? — размышляла Джулиана. — Пока не придумал этот «марш», ходил как неприкаянный. А теперь прыгаешь по комнате, ошалев от радости. Что, в самом деле, тебе нужно? Ты бы мог спокойно смыться, бросив меня здесь. Да я и не стала бы тебя удерживать, мне не впервой».

— Это твой заработок? — Она кивнула на конверт. — Сбережения? — Денег в конверте было слишком много. Впрочем, говорят, на востоке их куры не клюют. — Мне случалось разговаривать с водителями грузовиков. Им...

— С чего ты взяла, что я водитель? — перебил ее Джо, одеваясь. — У меня в этом рейсе другая работа. Я охраняю груз от бандитов, а прикидываюсь вторым водителем, дрыхнувшим в кабине. — Он рухнул в кресло, откинул голову, приоткрыл рот и притворно захрапел.

Вдруг она увидела в его руке нож — тонкий, вроде кухонного для чистки картофеля. «О Господи — испугалась Джулиана. — Откуда он взялся? Из рукава? Из воздуха?»

— Вот почему меня приняли на Фольксваген. Служеб-

ная анкета помогла. Во время войны мы столкнулись с Хазельденом и его командос. — Черные глаза Джо заблестели. — Угадай, кто в конце концов прикончил полковника? Как-то ночью, спустя несколько месяцев после каирской битвы, мы встретились с англичанами на Ниле. У них кончился бензин, и Хазельден с четырьмя людьми из «Дезерт Групп» напал на нас. Я стоял часовым. Хазельден подполз как змея, весь в черной краске, даже руки. В тот раз у них не было проволоки, только гранаты и автоматы. Слишком шумное оружие. Он пытался сломать мне шею, да не вышло. — Джо вскочил и, хохоча, бросился к Джулиане. — Давай собирайся. Позвони в спортзал, скажи, что берешь отпуск на несколько дней.

Рассказ показался Джулиане неубедительным. «Какие бандиты? — недоумевала она. Ей никогда не приходилось слышать, чтобы проходящие через Каньон-Сити грузовики с восточного побережья сопровождала профессиональная охрана из бывших солдат. Может, он и в США никогда не жил? И в Северной Африке не был, не сражался на стороне Оси и вообще не воевал? Просто сочинил романтическую историю, чтобы запудрить мне мозги?

Не исключено, что он сумасшедший... Смешно, — подумала Джулиана, — спрашивается, зачем мне дзю-до, если я не пытаюсь защититься? Защититься — от чего? От посягательства на невинность? Нет, — сказала она себе, — на жизнь. Впрочем, скорее всего, он просто полунищий макаронник, всю жизнь месивший грязь в мечтах о шикарной жизни. Теперь он ударится в загул, промотает денежки и вернется в свое болото. А помочь ему в этом должна шикарная баба».

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в спортзал.

По пути в коридор, где стоял телефон, Джулиана думала: «Ну ладно, он оденет меня с иголочки и поселит в роскошном отеле. Каждый мужик мечтает хотя бы раз в жизни пройтись с хорошо одетой женщиной, пусть даже самому придется раскошелиться и нарядить ее. Наверное, такой кутеж — давнишняя мечта Джо Чиннаделлы. А ведь он умный — умеет заглянуть в душу. Стоит мне увидеть мужественного парня, как начинается мандраж. Это ещё Фрэнк заметил. Потому-то мы и расстались. Потому-то я и маясь последние годы и не доверяю никому».

Вернувшись, Джулиана увидела, что Джо снова углубился в «Саранчу». Читая, он морщил лоб и не замечал ничего вокруг.

— Кажется, ты хотел, чтобы я ее прочла? — сказала она.

— Давай по дороге, — не отрываясь от страницы, буркнул он.

— Ты собираешься вести? Но ведь это моя машина.

Он не ответил. Похоже, просто не услышал.

Стоя возле кассы, Роберт Чилдэн поглядел на высокого, худощавого, темноволосого человека, переступившего порог магазина.

Гость был одет в костюм, недавно вышедший из моды, в руке держал плетеную корзину. Мелкий торговец. Однако, вместо заискивающей улыбки на его лице было решительное, даже мрачное выражение. Он скорее напомнил водопроводчика или электрика.

Проводив до дверей покупателя, Чилдэн обратился к вошедшему:

— Вы от кого?

— «Эдфрэнк. Ювелирные изделия», — пробормотал худощавый и поставил корзину на прилавок.

— Никогда не слышал.

Делая множество лишних движений, торговец отстегнул и поднял крышку корзины.

— Ручная работа. Каждое изделие — уникально. Медь, латунь, серебро. Даже кованное и вороненое железо.

Чилдэн заглянул в корзину, увидел блеск металла на черном бархате.

— Спасибо. Это не по моей части.

— Но ведь это американское искусство. Современное.

Отрицательно покачав головой, Чилдэн отошел к кассе.

Некоторое время посетитель возился со своими поделками и корзиной. Похоже, он не знал, что делать дальше. Сложив руки на груди, Чилдэн наблюдал за ним, думая о предстоящих делах. В два часа — встреча с покупателем, просившим показать несколько чашек раннего периода. В три из университетской лаборатории вернется очередная партия товара, отправленная на экспертизу. За две недели, после того грязного инцидента с кольцом сорок четвертого калибра, он проверил массу вещей.

— Это не покрытие, — сказал торговец, протягивая Чилдэну браслет. — Цельная медь.

Чилдэн кивнул. Торговец ещё немного поторчит в магазине, позвякивая безделушками, и уйдет.

Зазвонил телефон. Чилдэн взял трубку. Клиент справлялся об очень дорогом старинном кресле-качалке, которое Чилдэн взялся починить, но не управился в срок. Пришлось оправдываться. Глядя сквозь витрину на пронося-

щиеся машины, он успокаивал заказчика и уговаривал повременить. Наконец, умиротворенный клиент повесил трубку.

«Нет, — сказал себе Чилдэн, мысленно возвращаясь к злосчастному кольцу, — впредь никаких сомнительных сделок».

Теперь он без прежнего трепета смотрел на свой товар. Происшествия вроде этого глубоко западают в душу, подобно впечатлениям раннего детства. Открывают глаза. «Такое ощущение, будто под сомнением оказалась подлинность не товаров, а моего свидетельства о рождении или моих воспоминаний об отце. Или, к примеру, о Ф.Д.Р.²⁴ Я лично могу не помнить Рузвельта, но во мне живет его собирательный образ, созданный со слов многих людей, легенда, незаметно приникшая в сознание. Слово легенда о Чиппендейле, или о Хепплуате²⁵. Или о том, что таким-то серебряным ножом (вилкой, ложкой) пользовался Авраам Линкольн».

А за соседним прилавком все еще возился незадачливый торговец.

— Мы можем делать бижутерию на заказ, — сыпало произнес он. — На любой вкус. Если вашим клиентам захочется чего-нибудь этакое. — Худошавый откашлялся, глядя то на Чилдэна, то на вещицу, которую держал в руках.

Чилдэн улыбался и молчал.

«Это не мое дело, — подумал он. — Пусть сам ломает голову, как убраться отсюда, не потеряв лица. Кой черт тебя дернул пойти в торговцы? Ах, как нам неудобно. Ну, ничего, всем живется несладко. Взгляни хотя бы на меня. Весь день уходит на япошек вроде Тагоми. А им ничего не стоит щелкнуть тебя по носу — достаточно изменить гласную в твоей фамилии».

И тут у него мелькнула мысль: «Парень-то, по всему видно, простак. Может, взять у него что-нибудь на комиссию? Чем черт не шутит?»

— Эй, постойте! — сказал он.

Торговец быстро обернулся и поймал его взгляд. Приблизившись к нему со сложенными на груди руками, Чилдэн произнес:

— Вы здесь добрых полчаса. Ладно, ничего обещать не буду, но взглянуть на ваши вещицы, пожалуй, могу. — Он указал место на прилавке.

Кивнув, посетитель торопливо открыл корзину и стал неловко доставать лотки.

«Сейчас начнет раскладывать безделушки, — с тоской подумал Чилдэн. — Провозится целый час. Надеюсь. Молясь».

Бросая косые взгляды, чтобы узнать, удалось ли хоть чуть-чуть меня заинтересовать. Все они одинаковы».

— Когда закончите, я взгляну, если останется время.

Торговец засуетился, будто его подстегнули.

В магазин один за другим вошли несколько посетителей, и Чилдэн, пока здоровался и обменивался любезностями с ними и их женами, напрочь забыл о торговце. Тот заметил это, его движения стали спокойнее. Он старался не привлекать к себе внимания. Чилдэн продал стакан для бритья, договорился о продаже коврика ручной работы и взял задаток за вязаный платок. Время шло. Наконец, ушел последний посетитель, в магазине остались только Чилдэн и торговец.

Тот закончил раскладывать товар. На прилавке лежали два черных бархатных лотка с украшениями.

Неторопливо подойдя к прилавку, Роберт Чилдэн закурил «Страну Улыбок». Постоял, покачиваясь на каблуках и мурлыча себе под нос. Торговец молчал.

Наконец, Чилдэн протянул руку и коснулся броши.

— Мне нравится, — сказал он.

— Хорошая штучка, зачастил торговец. — Ни пятнышка, ни царапинки. Она отполирована и не потускнеет. Мы покрыли ее синтетическим лаком, он держится очень долго. Это самый лучший лак.

Чилдэн кивнул.

— Мы использовали промышленную технологию, — продолжал торговец. — Насколько мне известно, до этого ещё никто не додумался. Никакого литья в изложницы, только сварка, пайка и работа по металлу. — Он помолчал и добавил: — Заколка припаяна вручную.

Чилдэн взял два браслета и брошь. Затем ещё одну брошь. Подержал в руках и отложил в сторону.

В глазах торговца вспыхнула надежда.

Внимательно рассмотрев ярлычок на ожерелье, Чилдэн произнес:

— Это, надо полагать...

— Цена. Но вы нам выплатите всего пятьдесят процентов. Если возьмете товара на сотню долларов, мы сделаем скидку — скажем, еще процента на два.

Чилдэн отложил еще несколько украшений. Волнуясь, торговец говорил все быстрее, часто повторяясь и неся порой явную чушь. «Видимо, решил, что дело в шляпе, — подумал Чилдэн. Сам он оставался бесстрастным и делал вид, будто и впрямь решил кое-что приобрести.

— Отличная штукавина, — пробубнил торговец, когда Чилдэн двумя пальцами взял большой кулон. — У вас превосходный вкус, сэр. Вы отобрали самое лучшее. — Он за-

смеялся. У него бегали глаза. Он прикидывал в уме, сколько ему сейчас заплатят.

— Имея дело с незнакомыми поставщиками, мы соглашаемся только на комиссионную торговлю, — сказал Чилдэн.

Худошавый умолк и непонимающе уставился на него. Чилдэн улыбнулся.

— Комиссионную... — растеренно пробубнил торговец.

— Не хотите оставлять? — поднял брови Чилдэн.

Запинаясь, торговец пробормотал:

— То есть, я оставлю, а вы заплатите потом, когда...

— Вы получите две трети от вырученной суммы. Подумайте, это выгодно. Придется, конечно, подождать, но... — Чилдэн пожал плечами. — Смотрите сами. Я мог бы, пожалуй, отвести для ваших изделий застекленный прилавок. Если товар разойдется, через месяц-другой мы сможем договориться о новой партии, а то и о непосредственной покупке.

«Он здесь больше часа со своими побрякушками, — прикинул Чилдэн. — И выложил все. На лотках полная неразбериха, чтобы снова разложить вещи для показа, нужен еще час».

В магазине царил тишина.

— Вот эти, отложенные... — промямлил торговец. — Вы их выбрали?

— Да, можете оставить. — Чилдэн прошел в свой кабинет и произнес оттуда: — Я выпишу квитанцию. Вы будете знать, что у меня оставили. — Выйдя из кабинета с квитанционной книжкой, Чилдэн добавил: — Надеюсь, вы понимаете: принимая вещи на комиссию, наш магазин не несет ответственности за их сохранность.

«Вообще-то, квитанция не более чем бумажка. Если, получив обратно нераспроданный товар, торговец чего-нибудь не досчитается, значит, это украдено, — решил про себя Чилдэн. — В магазине частенько случаются кражи, особенно всякой мелочи вроде бижутерии».

Роберт Чилдэн никогда не останется внакладе. Ему не придется платить торговцу вперед: для таких сомнительных сделок у него нет свободного капитала. Если что-нибудь удастся продать, он получит прибыль, если нет — вернет товар хозяину.

Чилдэн заполнил бланк, проставил порядковые номера, подписался и вручил торговцу копию квитанции.

— Где-нибудь через месяц можете позвонить и справиться, как дела.

Он унес отобранную бижутерию в свой кабинет, а торговец стал укладывать в корзину оставшееся.

«Никогда не знаешь заранее, как оно обернется, — подумал Чилдэн, — а потому стоит попробовать».

Выглянув из кабинета, он увидел, что прилавок опустел. Но торговец направился не к выходу, а к Чилдэну, держа что-то в вытянутой руке.

— Да? — раздраженно спросил Чилдэн. Ему надо было разобрать почту.

— Хочу оставить нашу визитку. — Худощавый положил перед Чилдэном карточку с красно-серым тиснением. — «Эд-фрэнк. Ювелирные изделия на заказ». Здесь наш адрес и телефон. На тот случай, если мы вам понадобятся.

Чилдэн с улыбкой кивнул и склонился над столом.

Через некоторое время он оторвался от почты и выглянул в зал. Торговец ушел.

Опустив монетку в щель автомата, Чилдэн дождался, когда наполнится чашка. Затем сел и, прихлебывая горячий чай, задумался.

«Вряд ли удастся что-нибудь продать. Но, все-таки, неплохая работа. В жизни не встречал ничего подобного, — он внимательно рассмотрел брошь. — Здорово придумано. Сразу видно профессионала. Надо поменять ярлыки. Поставить цены повыше. Вписать: «Миниатюрная скульптура. Уникальное произведение искусства. Ручная работа».

И другая мысль созрела в мозгу Роберта Чилдэна: «С этим товаром не возникнет проблемы подлинности, из-за которой не сегодня, так завтра торговцы американским антиквариатом вылетят в трубу. Никогда не стоит ставить все деньги на одну лошадь. Визит еврейского жулика — дурная примета. Если сейчас потихоньку запастись предметами современного искусства, без каких-либо претензий на историческую ценность, мне, быть может, вновь удастся обскákat конкурентов. К тому же, заведомо ничего не теряя...»

Он удобно откинулся на спинку стула и размышлял с чашкой в руках.

«Времена меняются, надо уметь меняться вместе с ними. Всегда выходить сухим из воды. Приспосабливаться. Закон естественного отбора: держи ухо востро, смотри в оба. Не упускай момент.

Будь холодным и спокойным. Иньским, как говорят на Востоке. «Ах, эти черные иньские глаза...»

Внезапно — даже дух захватило — его озарила потрясающая мысль. «Ух ты! Двух зайцев — одним выстрелом! — Он вскочил. — Упаковать лучшие украшения. Сняв, разуме-

ется, ярлычки. Браслет, подвеску или брошь — что-нибудь поинтереснее. Раз придется уходить из магазина к двум часам, почему бы не заехать к Казоура? Мистер Казоура, Пол, будет на службе. Зато вполне возможно, что дома окажется миссис Казоура.

Скромный подарок — новое оригинальное произведение американского искусства. Мои щедрые похвалы, надеюсь, дойдут до ушей знати. Вот так и рождается новая мода. «Это вам, Бетти. Правда, прелесть? А у меня в магазине целая подборка таких вещей». Ну, и так далее. Великолепный предлог.

Он затрепетал. «В квартире только я и она. Среди бела дня. Муж на работе. Аж дух захватывает!...»

Приготовив коробочку, оберточную бумагу и ленту, Чилдэн стал выбирать подарок для Бетти. Чтобы не ошибиться, он мысленно представил ее: смуглая, привлекательная, в элегантном платье восточного покроя, на высоких каблуках... А может, сегодня на ней легкая синяя блузка в стиле «кули»? Японки любят их носить в домашней обстановке...

А все-таки, не слишком ли это смело? Полу может не понравиться. Пронюхает и устроит какую-нибудь пакость. Не стоит перегибать. Может, отнести подарок к нему в учреждение? И расхвалить, если не перед женой, так перед ним самим? А Пол без всяких подозрений передаст подарок Бетти. «Ага, — лукаво подумал Роберт Чилдэн. — А завтра-послезавтра я сам ей позвоню — спрошу, понравилось или нет...»

Увидав своего компаньона, понуро бредущего по тротуару, Фрэнк сразу понял, что радоваться нечему.

— Тебя только за смертью посылать. Что стряслось? — спросил он, принимая из рук Мак-Карти корзину. — Неужели ему понадобилось полтора часа, чтобы сказать «нет»?

— Он не сказал «нет», буркнул Мак-Карти, усаживаясь в кабину. Он выглядел очень усталым.

— А что сказал? — Фрэнк открыл корзину. — Ого, много взял. Так в чем дело, Эд?

— Предложил оставить кое-что на комиссию, — ответил Мак-Карти.

— И ты согласился? Мы же договорились...

— Сам не пойму, как это вышло.

— Господи боже! — вздохнул Фрэнк.

— Прости, дружище. Он сделал вид, будто собирается покупать. Отложил целую кучу. Я думал, купит...

Они долго сидели в грузовике, не говоря ни слова.

Две последующие недели Бэйнс провел как на иголках. Ежедневно в полдень он звонил из гостиницы в Торгпредство и спрашивался, не прибыл ли пожилой господин. И получал один и тот же ответ: нет. С каждым днем тон Тагоми становился все холоднее. Взяв трубку, чтобы позвонить в шестнадцатый раз, Бэйнс подумал: «Придет день, когда мне скажут, что мистер Тагоми вышел и просил его не беспокоить».

Что случилось? Где Ятабе?

Он находил только одно объяснение: на Токио ошеломляюще подействовала смерть Мартина Бормана. Вероятно, Ятабе отправился в плавание, но спустя день-другой получил новые инструкции и возвратился на Родные острова.

«Невезение, — подумал Бэйнс, — и, возможно, роковое». Но в любом случае, ему придется оставаться в Сан-Франциско. Попытаться наладить контакт, ради которого он сюда прилетел. Сорок пять минут на борту ракеты — и он здесь. Какие непостижимые времена! Можно улететь куда захочешь, даже на другую планету. Но зачем? Чтобы целыми днями сидеть на месте, постепенно теряя надежду? Впадая в бесконечную тоску?

А те, другие, не сидят на месте, — горько подумал он. — Они действуют».

Мистер Бэйнс развернул дневной выпуск «Ниппон Таймс» и прочитал заголовок:

«ДОКТОР ГЕББЕЛЬС ИЗБРАН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ.

Неожиданное решение Партийной Комиссии. Энергичное выступление по радио. Ликующие толпы в Берлине. Ожидается официальное заявление. Геринг может стать шефом полиции вместо Гейдриха».

Он перечитал статью. Затем отложил газету, взял трубку и набрал номер Торгпредства.

— Это Бэйнс. Можно поговорить с мистером Тагоми?

— Одну секунду, сэр.

Секунда затянулась надолго.

— Тагоми слушает.

Набрав полную грудь воздуха, Бейнс произнес:

— Простите, что я снова вас беспокою...

— А, это вы, мистер Бэйнс.

— Мне очень жаль, что приходится злоупотреблять вашим гостеприимством, но когда-нибудь, надеюсь, вы пойме-

те, почему я с таким нетерпением ожидаю господина Ятабе, с которым у меня назначена встреча...

— К сожалению, он ещё не прибыл.

Бэйнс закрыл глаза.

— Я думал, со вчерашнего дня...

— Боюсь, что нет, сэр. — Тон — сама вежливость. — Простите меня, мистер Бэйнс. Неотложные дела.

— Всего хорошего, сэр.

В трубке слышались гудки. Сегодня Тагоми даже не попрощался. Бэйнс медленно опустил трубку.

«Хватит ждать. Надо действовать».

Ему было категорически запрещено вступать в прямой контакт с абвером. Ни при каких обстоятельствах. Он должен был только дожидаться военного представителя Японии, провести с ним совещание и вернуться в Берлин. Но никто из начальства не предвидел столь несвоевременной смерти Бормана. Следовательно...

Учитывая ситуацию, план придется изменить по своему усмотрению, поскольку советоваться не с кем.

В ТША действуют по меньшей мере десять резидентов абвера, но часть из них, если не все, на крючке у Бруно Кройца фон Меере, руководителя регионального отделения СД. Несколько лет назад он видел Бруно на партийном собрании. В полиции о нем ходила дурная слава: в сорок третьем Бруно спас Рейнхарда Гейдриха, сорвав британо-чешское покушение на Вешателя. В те дни Кройц фон Меере быстро поднимался по ступенькам аппаратной лестницы СД. Он был не просто партийным бюрократам — он был очень опасным человеком.

Даже если абвер в Берлине и токкока в Токио примут все меры предосторожности, останется опасность, что СД проникнет о готовящейся встрече. Правда, здесь у власти японцы, и СД не сможет вмешиваться официально. Она может арестовать германского подданного — то есть, Бэйнса — едва он снова ступит на землю Рейха. Но вряд ли СД отважится устранить его здесь или сорвать встречу.

Во всяком случае, хочется в это верить.

Неужели СД все-таки рискнула и сумела перехватить старика?

«Если его схватили, — подумал Бэйнс, — то скоро доберутся и до меня!»

И все же ситуация не безнадежная. Пока Бэйнс днями и ночами сидел в номере гостиницы «Абхирати», в его голове созрел план.

«Лучше передать информацию Тагоми, чем возвращаться в Берлин с пустыми руками. Все-таки это шанс — хоть и

весьма призрачный — сообщить мои сведения нужным людям. Но, к сожалению, Тагоми может только выслушать. В лучшем случае — выслушать, намотать на ус и сразу по возвращении на Родные острова передать кому следует. Тому же Ятабе, если он там.

Но все же это лучше, чем сидеть сложа руки. Времени осталось в обрез. Надо начинать все сначала, запастись терпением на несколько месяцев и упорно, кропотливо готовить встречу заинтересованных лиц в Германии с заинтересованными лицами в Японии...

То-то удивится Тагоми, — ехидно подумал Бэйнс, — узнав, какое бремя ни с того ни с сего легло ему на плечи. Ничего общего с технологией литья под давлением...

Не исключено, что с ним случится нервный шок. Он может проболтаться кому-нибудь из своих служащих, или сделает вид, что его это не касается. Просто откажется мне верить. Едва я начну, встанет, поклонится и уйдет.

«Простите, вы обращаетесь не по адресу, — так он может ответить. — Это не в моей компетенции».

Только и всего, — подумал Бэйнс. — Уклонится, не рассуждая. Хотел бы я быть на его месте.

Но все-таки, это не выход даже для Тагоми. Все мы одинаковы. Он может заткнуть уши. Может не придавать значения моим словам. До поры до времени. Пока слова не перестанут быть просто словами. А это неизбежно произойдет. Вот что необходимо ему внушить. Или тому, с кем мне в конце концов придется иметь дело...

Выйдя из гостиничного номера, Бэйнс спустился в вестибюль. Швейцар подозвал для него велотакси, и вскоре китаец, энергично крутя педали, вез его по Маркет-стрит.

— Остановись здесь, — велел Бэйнс, увидев нужную вывеску.

Велотакси остановилось. Бэйнс расплатился с рикшей и огляделся. Похоже, «хвоста» не было. Он пересек тротуар и вместе с несколькими прохожими вошел в огромный универмаг «Фуга».

Там было полно народу. Стояли бесконечные ряды прилавков, за ними — продавцы, преимущественно белые, но встречались и японцы — заведующие отделами. Шум стоял жасающий.

Бэйнс в замешательстве потоптался на месте, но, заметив секцию мужской одежды, подошел к ряду вешалок и стал рассматривать брюки. Вскоре к нему вышел белый юноша-продавец и поздоровался.

— Вчера я присмотрел у вас шикарные брюки из темно-коричневого сукна, — обратился к нему Бэйнс. Встретившись

с юношей взглядом, он добавил: Здесь был другой продавец. Ростом повыше вас, худощавый, с рыжими усами. На пиджаке — карточка с именем Ларри.

— Он только что ушел перекусить. Скоро вернется.

— Ну, так я зайду в примерочную, посмотрю, как они на мне сидят, — Бэйнс снял брюки с вешалки.

— Пожалуйста, сэр. — Продавец указал на свободную кабинку и направился к следующему покупателю.

Бэйнс закрылся в кабинке, сел на один из двух стульев и стал ждать. Через несколько минут постучали. Дверь кабинки отворилась, вошел маленький, средних лет японец.

— Вы иностранец, сэр? — обратился он к Бэйнсу. — Мне бы хотелось убедиться в вашей платежеспособности. И удостоверение личности, если не возражаете.

Бэйнс протянул бумажник. Усевшись на свободный стул, японец стал изучать его содержимое. Дойдя до фотографии девушки, он кивнул:

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь, Марта.

— Мою дочь тоже зовут Мартой, — сказал японец. — Она сейчас в Чикаго, учится играть на фортепьяно.

— А моя уже невеста.

Японец вернул бумажник и выжидающе посмотрел Бэйнсу в глаза.

— Я здесь две недели, а мистера Ятабе все ещё нет, — сказал Бэйнс. — Я должен знать, прибудет он или нет. Если нет, что мне делать?

— Приходите завтра после обеда, — сказал японец. Он встал, Бэйнс тоже поднялся. — До свиданья.

— До свиданья.

Бэйнс вышел из примерочной, повесил брюки на вешалку и покинул универмаг «Фуга».

«А быстро я управился, — думал он, шагая по тротуару людной центральной улицы. — Неужели он действительно все устроит? Свяжется с Берлином, передаст мои вопросы, зашифрует, расшифрует, все как положено? Жаль, что я раньше не вышел на этого агента. Не пришлось бы столько волноваться. Да и риск, по-видимому, невелик — все прошло без сучка, без задоринки.

Бэйнс неторопливо шел по улице, заглядывал в витрины магазинов. У него словно гора с плеч свалилась. У одной из витрин он задержался и, усмехаясь, долго рассматривал загаженные мухами фотографии танцовщиц ночного кабаре — голых белых баб с грудями как спущенные волейбольные мячи.

Мимо по своим делам шли пешеходы.

Наконец-то что-то получилось!

Джулиана читала, привалившись боком к дверце «студебеккера». За рулем, выставив локоть в окошко, сидел Джо. Баранку он держал одной рукой, к нижней губе прилипла сигарета. Джо неплохо водил. У Джулианы было время в этом убедиться — они отъехали от Каньонсити на порядочное расстояние.

По радио передавали слащавую народную музыку. Какой-то заурадный оркестр наярывал на аккордеонах польки да шотландские танцы.

— Дешевка, — буркнул Джо, дослушав очередную мелодию. — Знаешь, я неплохо разбираюсь в музыке. Сказать тебе, кто действительно был великим дирижером? Артуро Тосканини. Ты, наверное, о нем и не слыхала.

— Нет, — сказала Джулиана, не отрываясь от книги.

— Он итальянец. Но после войны фашисты не дали ему дирижировать. Из-за политических взглядов. Он уже помер. А фон Кароян, этот бессменный дирижер Нью-Йоркской филармонии, мне не нравится. Нас всем поселком сгоняли на его концерты. А знаешь, кого я люблю, как всякий макаронник? — Он покосился на нее и спросил:

— Ну как книга?

— Занятная.

— Мне нравится Верди и Пуччини. А в Нью-Йорке нас изводили тяжелым, насыщенным Вагнером. И Орфом. А еще — раз в неделю заставляли ходить в Мэдисон-сквер-гарден, там Националистическая партия США устраивала дурацкие шоу с флагами, трубами, барабанами и факелами. Еще там нараспев, как «Отче наш», читали историю готских племен и прочую ерунду — это называлось «искусством». Ты бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да, — ответила она, пытаясь сосредоточиться.

— Правда, что там был шикарный театр? Да-а, теперь все. Сценическое искусство там же, где кинопромышленность — в лапах берлинского картеля. За тринадцать лет, что я был в Нью-Йорке, ни новой музыки, ни пьес не...

— Слушай, не мешай, а? — перебила его Джулиана.

— И с книгами то же самое, — как ни в чем не бывало продолжал Джо. — Все издательства в Мюнхене. В Нью-Йорке только типографии. А, говорят, до войны Нью-Йорк был центром мирового книгоиздания.

Джулиана заткнула уши пальцами. Она уже дошла до того места, где рассказывалось о телевидении. Эта тема ее живо интересовала. Особенно ей понравилась идея насчет недорогих маленьких аппаратов для жителей удаленных уголков Африки и Азии.

« только благодаря американской технологии и массовому производству, налаженному в Детройте, Чикаго и Кливленде, произошло это чудо благотворительности — непрерывный поток дешевых (не дороже китайского доллара) телевизоров во все города и деревни Востока. И что же видел тощий паренек с беспокойной душой, получив от щедрых американцев крохотный приемник на батарееке? Что видели жители деревни, сбившиеся в кучу у экрана? Прежде всего — уроки чтения. А затем и другие полезные наставления: как вырыть колодец поглубже, вспахать глубокую борозду, очистить питьевую воду, вылечить больного. А в небе, рассылая телесигнал истосковавшимся по знаниям народам Востока, проносился американский искусственный спутник».

— Ты все подряд читаешь? — спросил Джо. — Или пере-скакиваешь?

— Как здорово! В этой книге мы дарим пищу и знания миллионам азиатов, всем без исключения!

— Благотворительность в мировом масштабе? — усмехнулся Джо.

— Да. Новое мышление Президента Тагуэлла: повышение жизненного уровня масс. Вот, послушай:

«Чем был доселе Китай? Нищий, раздираемой противоречиями страной, с тоской глядящей на Запад. Его великий Президент, демократ Чан Кайши, за которым народ шел на войну, объявил Десятилетие Перестройки. Но перестраивать в этой огромной равнинной стране было нечего. Надо было пробуждать ее от векового сна, раскрывать ей глаза на современный мир с его реактивными самолетами, атомной энергией, автомагистралями, фабриками и медициной. Но откуда должен грянуть гром, который разбудит гиганта? На этот вопрос Чан мог ответить ещё в ту пору, когда громил японцев. Из Соединенных Штатов. К началу пятидесятых во всех провинциях Китая можно было встретить американских инженеров, учителей, врачей, агрономов...»

— Знаешь, что он сделал? — перебил ее Джо. — Взял все лучшее у нацизма, у национал-социалистической партии, у Организации Тодта, добавил экономические успехи Шпеера — вот тебе и Новое Мышление. А всю дрянь — эсэсовцев, расовый геноцид и сегрегацию — выкинул. Утопия? Утопия. Думаешь, если бы союзнички победили, вам и впрямь удалось бы с этим Новым Мышлением оживить экономику и осуществить социальные реформы во всем мире? Черта с два! Вдуматься, так этот Абендсен проповедует государственный синдикализм, корпоративное

государство вроде того, что мы создали при дуче. Дескать, победим мы, во всем мире осталось бы только хорошее, никакого...

— Может хватит? — вспыхнула Джулиана. — Не даешь читать.

Он пожал плечами и умолк. Она стала читать дальше — теперь уже про себя.

«...Чтобы насытить товарами бескрайний китайский рынок, детройтским и чикагским заводам приходилось работать денно и нощно. Но огромное чрево было ненасытно: столетиями миллионы китайцев не имели ни грузовиков, ни кирпича, ни стального проката, ни одежды, ни пишущих машинок, ни консервированного горошка, ни часов, ни капель от насморка. В шестидесятом году уровень жизни американского рабочего стал самым высоким в мире, а все благодаря репутации, которую Америка заслужила в торговле с Востоком. Войска Соединенных Штатов покинули Японию, и все же факт остался фактом: в Кантоне, Токио и Шанхае покупали американские, а не британские товары. И каждая новая сделка увеличивала богатство балтиморского, лос-анджелесского или атлантского рабочего. Тем, кто вынашивал и воплощал в жизнь благородные замыслы — политикам из Белого Дома — казалось, что они почти добились своей цели. Делаются первые робкие шаги в космонавтике, скоро в космическую высь взлетят ракеты, оставляя планету, почти исцеленную от вековых язв: голода, болезней, войн, дискриминации. Не желая отставать от Америки, Британская империя осуществляет социальные и экономические преобразования в Индии, Бирме, Африке и на Ближнем Востоке. Русские, манчестерские и саарские фабрики, бакинские нефтедобывающие предприятия превратятся в единую эффективную сеть; народам Европы предстоит...»

— Думаю, не мы, а они задавали бы тон, — сказала Джулиана. — У них это всегда лучше получалось. Я о британцах.

Вопреки ее ожиданиям, Джо не ответил. Джулиана снова уткнулась в книгу.

«... реализация глобальных замыслов: выравнивание культурных уровней и примирение соперничающих этносов, которые со времен падения Рима раздирали на части Европу. Сбывается мечта Чемберлена о едином союзе христианских стран, живущих в согласии не только друг с другом, но и со всем миром. И все же... Остается одна незаживающая язва. Сингапур.

Среди жителей государств Юго-Восточной Азии немало

китайцев. В основном, это бизнесмены. И вот эти преуспевающие буржуа видят, что американская администрация Китая обращается с так называемыми «туземцами» справедливее, чем англичане. Под англичанами для цветных недоступны ни государственные клубы, ни гостиницы, ни хорошие рестораны; как и в былые времена, для них отводятся специальные места в поездах, автобусах и — что всего хуже — ограничивается выбор места жительства. Из разговоров и газет «туземцы» знают, что в Соединенных Штатах проблема цветных решена ещё в конце сороковых. Везде, даже на Юге, белые и негры живут и трудятся в равных условиях. Вторая мировая война покончила с дискриминацией...»

— А потом началась заваруха? — спросила Джулиана у Джо. Он что-то проворчал, не отрывая глаз от дороги.

— Расскажи, что там дальше, — попросила она. — Похоже, я не дочитаю — скоро Денвер. Наверное, Америка сцепилась с Британией, а победившая страна стала править миром?

— Кое в чем это неплохая книга, — ни с того ни с сего сказал Джо. — Абендсен продумал все до мелочей: Соединенным Штатам достается Тихий океан, ни дать ни взять — наша Восточно-Азиатская сфера сопроцветания. Россию они делят между собой. Все это длится лет десять, а потом, естественно, заваривается каша...

— Почему — естественно?

— Такова человеческая натура, — пояснил Джо. — Натура политиков. Подозрительность, алчность, страх. Черчиллю кажется, будто янки, взывая к проамерикански настроенному большинству китайского народа, подрывают британскую власть в Южной Азии. Появляются так называемые «профилактические изоляторы» — другими словами, концлагеря для тысяч неблагонадежных китайцев. Их обвиняют в саботаже и враждебной пропаганде. Черчилль...

— А Черчилль все ещё у власти? Ведь ему уже девяносто!

— Вот тут-то американцы и дали маху, — ухмыльнулся Джо. — Британцы поступили умней. Через каждые восемь лет лидеру Соединенных Штатов, каким бы то ни был умным, дают пинка. А вот Черчилль остается в своем кресле. Прогнав Тагуэлла, американцы второго такого умника не находят. У руля становятся всякие бездары. А Черчилль чем старей, тем жестче и круче правит. К началу шестидесятых он точь-в-точь древний восточный владыка — слова ему поперек не скажи! Двадцать лет премьер-министр — привык к власти.

— О Боже! — воскликнула Джулиана и заглянула в конец книги — убедиться, что Джо не соврал.

— Тут я согласен, — продолжал Джо. — В войну Черчилль здоров правил Англией. Британцы много бы потеряли, вынудив его уйти в отставку. Запомни мои слова: государство не может быть лучше, чем его правитель. Führerprinzip — принцип лидерства, как говорят фашисты. И они правы. С этим даже Абендсен согласен. Ясное дело, после войны Америка легко расширяет сферу экономического влияния — ещё бы, она отхватила у япошек такой громадный рынок в Азии! — но этого недостаточно. У Штатов нет духовной основы, нет ее и у британцев. И то, и другие общество — плутократическое, наверху стоят богачи. Побеждая, плутократы думают только о том, как делать деньги. Абендсен ошибается: не нужны им никакие социальные реформы, никакие благотворительные программы. Напротив, англо-саксонская олигархия в жизни бы ничего такого не допустила.

«Говорит, как убежденный фашист», — неприязненно подумала Джулиана.

Видимо, Джо прочел эту мысль по ее лицу — он вдруг притормозил, полуобернулся и, поглядывая то на Джулиану, то на дорогу, сказал:

— Послушай, я не интеллигент — фашистам интеллигенты ни к чему. Для них важно дело. Теория вытекает из практики. В плане мозгов наше корпоративное государство требует от нас только одного — понимания социальных сил истории. Ясно? Так вот: я их понимаю. — Он говорил серьезным, чуть ли не умоляющим тоном. — У всех этих прогнивших денежных империй — Британии, Франции, США, хотя последняя не совсем империя, а так, недоношенное дитя с непомерным аппетитом — не было души, а значит, и будущего. Им не суждено было выжить. Я знаю: нацисты — это банда головорезов. Правильно? Ты согласна? — Он так быстро говорил, энергично жестикулировал, что Джулиана не удержалась от улыбки. — Это Абендсену не все равно, кто выиграет последнюю битву — США или Англия. Да какая разница? Слава, заслуги, история — это только слова! Пусть они победят вшестером, вдесятером — что меняется? Ты читала когда-нибудь статьи дуче? Красиво написаны. Вдохновенно. Красивый мужчина. Раскрывает подоплеку практически любого события. Старое против нового — вот настоящая причина войны. Деньги — вот почему фашисты некстати втянули в это дело еврейский вопрос, — против массового сознания, которое немцы называют Gemeinschaft. К этому пришли и Советы. Коммуния. Соглас-

на? Большевики украли у Петра Великого идеи панславянской империи и стали ее строить, прикрываясь социальными реформами.

«Точь-в-точь Муссолини», — подумала Джулиана.

— Нацистская резня — это, конечно, трагедия, — задумчиво продолжал Джо, обгоняя грузовик. — Но ведь проигравший платит, так было всегда. Возьмем любую из революций, французскую, например, или кромвельскую с войнами против ирландцев. В немецком характере слишком много философии, да и театра, пожалуй. Взять хотя бы их митинги. Настоящего фашиста никогда не поймашь на болтавне. Он говорит только по делу. Как я, верно?

— Боже, да ты как помелом метешь! — со смехом ответила Джулиана.

— Я тебе объясню фашистскую теорию действия! — закричал Джо.

Она промолчала, давясь от смеха. Но сидевшему рядом человеку это не казалось смешным. Джо побагровел, глаза горели, на лбу вздулись вены; его даже трясло. Он снова вспахал пальцами шевелюру и молча, зло посмотрел на нее.

— Не дуйся, — сказала Джулиана.

Ей показалось, что Джо сейчас ударит ее. Он поднял руку, но спохватился и, выругавшись, включил радио.

Они ехали дальше. Из репродуктора сквозь помехи прорывалась эстрадная музыка. Джулиана снова уткнулась в книгу.

— Ты права, — буркнул Джо, когда прошло довольно много времени.

— Насчет чего?

— Насчет заваливающей империи. С вождем-шутком. Неудивительно, что от войны нам не было проку.

Джулиана похлопала его по руке.

— Мура это все, правда, Джулиана? Нет на свете ни истины, ни справедливости. Верно?

— Может быть, — рассеянно ответила она, опустив глаза.

— Побеждает Британия, — сказал Джо, ткнув пальцем в книгу. — Я тебе расскажу, не беспокойся. США теряет часть колоний, Англия всю хапает, тащит, расширяется — удерживает инициативу. Можешь дальше не читать.

— Надеюсь, в Денвере нам удастся развлечься, — закрыв книгу, произнесла Джулиана. — Тебе нужно отдохнуть. «Если не отдохнешь, лопнешь и разлетишься на куски, как изношенная пружина, — подумала Джулиана. — А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может... взять и бросить тебя? Мне очень хочется развлечься, как ты обещал. Но я не

желаю, чтобы меня надували. Со мной это часто случалось, слишком часто».

— Отдохнем, не волнуйся, — сказал Джо. Он долго, испытываясь смотрел ей в глаза. — Слушай, я вижу, тебе запала в душу эта «Саранча». Как думаешь, авторам бестселлеров, таким, как Абендсен... читатели шлют письма? Бьюсь об заклад — его завалили письмами, а может, к нему даже приезжают потолковать.

Она поняла.

— Джо, это всего-навсего лишняя сотня километров!

У него заблестели глаза. Он лучезарно улыбался. Раздражения как не бывало.

— За чем дело стало! — воскликнула Джулиана. — Ты — отличный водитель, мигом туда домчим.

— Вообще-то, не думаю, чтобы знаменитости пускали к себе кого ни попадя, — задумчиво произнес Джо. — Особенно, когда поклонников слишком много.

— А почему бы не попытаться? — Она схватила его за плечо и настойчиво добавила: — В худшем случае, он нас выгонит. Ну, пожалуйста, Джо!

— Хорошо. Но сначала купим все, что нужно, и оденемся с иголочки, — рассудительно ответил Джо. — Внешний вид — это очень важно, по одежде встречают... А ещё, может быть, возьмем в Шайенне напрокат новую машину?

— Да, — кивнула Джулиана. — А ещё — ты пострижешься. И я выберу тебе одежду, ладно, Джо? Я привыкла одевать Фрэнка — мужчины в этом ничего не понимают.

— Да, у тебя хороший вкус, — произнес Джо, бросая взгляды на дорогу. — Да и в остальном... Пожалуй, будет лучше, если ты сначала ему позвонишь. Познакомишься.

— Себе я тоже сделаю прическу, — мечтательно протянула Джулиана.

— Конечно.

— Я даже не побоюсь подняться к нему и нажать на звонок, — похвасталась она. — Только раз живем, верно? Наш брат не из пугливых. Он такой же человек, как и все мы. Может, он даже обрадуется, узнав, что кому-то было не лень ехать к нему в такую даль, чтобы поделиться восторгом по поводу книги. Скажем: «Мы приехали за автографом, будьте любезны, распишитесь на форзаце...» Правда, эта книга для автографа не годится, очень уж затрепана, надо купить новую.

— Купим все, что пожелаешь, — пообещал Джо. — Мелочи сама продумай — какие слова говорить и что делать. Ты сможешь, я знаю. Красивая девчонка кого хочешь охмурит.

Да он настезь распахнет дверь, как только увидит, какая ты красотуля! Только вот что: давай без дураков.

— Ты о чем?

— Скажешь, что мы женаты. Не хочу, чтобы ты с ним то да се... ну, сама знаешь. Слишком большая плата за гостеприимство. Гляди у меня, Джулиана.

— Ты сможешь поспорить с ним насчет предательства Италии, — продолжала она. — Как со мной спорил, помнишь?

— Обязательно. Мы ещё обсудим это. — Джо кивнул и надавил на акселератор.

На следующее утро Тагоми встал с постели в семь часов и направился было в ванную, но передумал и раскрыл Оракул. Скрестив ноги на полу, Тагоми стал перебирать черенки тысячелистника. Он торопился — ему казалось, будто от ответа Оракула зависит очень многое. Наконец, перед ним выстроились все шесть черт. О, Боже! Гексаграмма пятьдесят один! «Божественное приходит под знаком действия. Свершение. Гром и молния — невольно зажмешь уши ладонями. Ха-Ха! Хо-хо! Великое потрясение заставит человека вздрогнуть и зажмуриться. Ящерица кинется прочь, а тигр заревет — и проявится Божественная Сущность!»²⁶.

Что это значит? Он нервно оглядел гостиную. Что-то произойдет? Что? Он вскочил и, тяжело дыша, застыл, выжидая. Ничего. Стук сердца. Автоматическая реакция на шок дыхательного и всех соматических процессов, в том числе контролирующих подкоркой: поступление в кровь адралина, увеличение частоты сердечных сокращений, выброс гормонов из надпочечника, расширение зрачков, сухость в горле. Медвежья болезнь...

Что делать? Бежать? Куда и зачем? Как это характерно для современного человека: тело сжалось в комок в предчувствии опасности, а разум не сознает ее.

Он прошел в ванную и намылил щеки.

Зазвонил телефон.

— Вот оно, — произнес Тагоми и положил бритву на умывальник. Быстро вернувшись в гостиную и сказав себе: «Я готов», — он взял трубку. — Тагоми. — Получилось хрипло. Он откашлялся.

Пауза. Затем тихий, сухой голос — словно шуршание опавшей осенней листвы.

— Сэр, с вами говорит Шиньиро Ятабе. Я в Сан-Франциско.

— Приветствую вас от имени Торгпредства, — сказал Тагоми. — Чрезвычайно рад. Надеюсь, вы в добром здравии? Не устали?

— Все хорошо, мистер Тагоми. Когда я смогу вас увидеть?

— Я буду готов через полчаса. — Тагоми напряженно всмотрелся в стрелки часов, висящих в спальне. — Я должен связаться с третьим участником, мистером Бэйнсом. Возможно, он задержится, но...

— Вы не против, если мы встретимся через два часа, сэр? — спросил Ятабе.

— К вашим услугам. — Тагоми машинально поклонился.

— В «Ниппон Таймс Билдинг», у вас в кабинете.

Тагоми снова отвесил поклон.

Щелчок. Ятабе повесил трубку.

«Как обрадуется Бэйнс, — подумал Тагоми. — Просто прыгает от восторга. Как кот, получивший жирный хвост осетра. — Он набрал номер отеля.

— Конец вашим мучениям, — произнес Тагоми, услышав в трубке сонный голос Бэйнса.

Сон с того как рукой сняло:

— Он здесь?!

— У меня в кабинете, — сказал Тагоми. — В десять двадцать. До свидания. — Он положил трубку и бросился в ванную — добриваться. Завтракать некогда, надо распорядиться, чтобы Рамсей раздобыл чего-нибудь поесть к тому времени, как закончится совещание. Бреясь, он мысленно составлял меню завтрака на троих.

Бэйнс стоял в пижаме у телефона, тер лоб и думал.

«Зря я поддался панике и вышел на связь в тем агентом. Ещё бы денек подождать. А может, ничего страшного? Но сегодня встреча в универмаге. Если я не приду, это может вызвать цепную реакцию. Они решат, что я убит или похищен. Попытаются меня найти. Впрочем, это не столь важно. Главное — Ятабе здесь. Наконец-то. Больше не придется ждать».

Бэйнс быстро прошел в ванную и достал бритвенный прибор.

«В том, что Тагоми его сразу узнает, можно не сомневаться. — Пожалуй, псевдоним «мистер Ятабе» будет ни к чему. В сущности, нам обоим не нужны сейчас ни вымышленные имена, ни легенды».

Побрившись, Бэйнс встал под душ и под шум воды запел во все горло:

«Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой».

Теперь СД ничего не сумеет предпринять. Даже если что-нибудь пронюхает. Не надо больше шарахаться от каждой тени. Трясая за свою шкуру.

Что касается остального... Все только начинается.

Для рейхсконсула в Сан-Франциско барона Гуго Рейсса этот день начался с тревожений. Войдя в приемную консульства, он увидел посетителя — рябого здоровяка с тяжелой челюстью и черными кустистыми бровями, сдвинутыми к переносице. При появлении Рейсса он встал и, задрав руку, буркнул: «Хайль!»

— Хайль! — Рейсс внутренне застонал, но сумел растянуть губы в официально-вежливой улыбке. — Герр Кройц фон Меере. Я удивлен. Зайдете? — Он отпер дверь кабинета, раздраженно подумав, где же шляется вице-консул, и какой мерзавец впустил в приемную шефа СД. Впрочем, раз он здесь, ничего не поделаешь.

Не вынимая рук из карманов пальто, Кройц фон Меере прошел вслед за ним в кабинет.

— Вот что, барон, мы засекли того парня из абвера, Рудольфа Вегенера, на старой абверовской явке. — Кройц фон Меере хохотнул, блеснув огромными золотыми зубами. — Ну и, понятное дело, проводили до отеля.

— Прекрасно, — сказал Рейсс, заметив, что почта лежит на столе — значит, Пффердхоф где-то поблизости. Видимо, он запер кабинет, чтобы удержать шефа СД от искушения провести маленький неофициальный шмон.

— Все это очень серьезно, — сказал Кройц фон Меере. — Я уже доложил Кальтенбруннеру. Дело государственной важности. В любую минуту может поступить приказ из Берлина. Если только наши доморощенные дерьмоеды не спутают все карты. — Он уселся за стол консула, вытащил из кармана пальто пачку бумаг и, сосредоточенно шевеля губами, развернул одну из них. — Липовая фамилия — Бэйнс. По легенде — швед, не то промышленник, не то коммерсант. В общем, что-то связанное с пластмассами. Сегодня утром, в восемь десять, ему позвонили из японского учреждения и назначили встречу на десять двадцать в конторе у одного япошки. Мы пытаемся выяснить, откуда был звонок. Надеюсь, через полчаса выясним. Я велел позвонить сюда, если что.

— Понятно, — сказал Рейсс.

— Короче говоря, парня нужно брать, — продолжал Кройц фон Меере. — Если мы его возьмем, то первым же ракетопланом Люфтганзы отправим обратно. Но япошки или «пинки» из Сакраменто могут рыпнуться, даже попытаться нам помешать. Если будут протестовать, обратятся к тебе. Вообще-то, они могут доставить нам уйму хлопот. И уж на-

верняка пришлют в аэропорт целый грузовик громил из топки.

— А нельзя все сделать по-тихому?

— Поздно. Он уже в пути. Не исключено, придется брать его на месте. Ворваться, схватить и уносить ноги.

— Мне это не нравится, — сказал Рейсс. — А вдруг у него встреча с очень важными японскими чиновниками? Ходят слухи, в Сан-Франциско прибыл личный представитель Императора...

— Плевать, — перебил его Кройц фон Меере. — На Вегенера распространяются законы Рейха.

«Знаем мы эти законы Рейха», — подумал Рейсс.

— У меня наготове отряд командос, — сказал Кройц фон Меере. — Пятеро хороших парней. — Он снова хохотнул. — Все как один — красавчики, вроде тебя.

«Вот уж спасибо!» — подумал Рейсс.

— Красивые, аскетичные лица. Такие, знаешь, одухотворенные. Как у студентов-богословов. Япошки примут их за струнный квартет...

— Квнтет, — поправил его Рейсс.

— Ну да. Эти ребята войдут, поднимутся на нужный этаж... Сейчас они переодеваются. Поднимутся у всех на виду — прямо к Вегенеру. Окружат его, будто хотят что-то сообщить. Что-то важное, — бубнил Кройц фон Меере, пока консул разбирал почту. — Никакого насилия, вежливо: «Герр Вегенер, пройдите с нами, пожалуйста. Вы понимаете?» И — чик тонюсенькой иголочкой между позвонками. Обратимый паралич нервных узлов.

Рейсс кивнул.

— Ты слушаешь?

— Так точно.

— И сразу выйдут. Засунут его в машину. Вернутся ко мне в контору. Япошки, конечно, встанут на уши, но будут вежливыми до конца. — Кройц фон Меере неуклюже изобразил японский поклон. — Обманывать нас очень некрасиво, герр Кройц фон Меере. Как бы там ни было, до свиданья, герр Вегенер.

— Бэйнс, — поправил его Рейсс. — Он живет здесь под этой фамилией.

— ... Бэйнс. очень жаль, что вы улетаете. Надеюсь, нам удастся поговорить в следующий раз... — На столе у Рейсса зазвонил телефон, и Кройц фон Меере перестал кривляться. — Должно быть, меня. — Он протянул руку к трубке, но Рейсс успел схватить ее первым.

— Рейсс слушает.

— Консул, это зарубежная телефонная станция в Новой

Шотландии. Вас срочно вызывает Берлин по трансатлантическому кабелю.

— Хорошо, — сказал Рейсс.

— Одну секунду, консул. — Шуршание и потрескивание в трубке, затем женский голос сказал:

— Канцелярия.

— Ausland Fernsprechat, Новая Шотландия. Вы просили рейхсконсула Гуго Рейсса, Сан-Франциско. Консул на линии. Подождите. — Пока длилась пауза, Рейсс продолжал свободной рукой перебирать почту. Кройц фон Меере ждал с безмятежным видом. — Простите, что отрываю вас от работы, герр консул, — прозвучало вдруг в трубке.

«Мужской голос, — отметил Рейсс. — Баритон. Знакомая отточенная речь. — У Рейсса кровь застыла в жилах. — Доктор Геббельс!

— Да, канцлер.

Сидевший напротив Кройц фон Меере расплылся в улыбке.

— Только что ко мне обратился рейхсфюрер Гейдрих и попросил позвонить вам. В Сан-Франциско находится агент абвера. Его зовут Рудольф Вегенер. Во всем, что касается его, вы должны помогать полиции. Посвящать вас в подробности нет времени. Предоставьте здание консульства в распоряжение СД.

— Я понял вас, герр канцлер, — сказал Рейсс.

— Желаю удачи, консул. — Рейхсканцлер повесил трубку.

Кройц фон Меере пристально посмотрел на Рейсса.

— Я был прав?

Рейсс пожал плечами.

— Что от меня требуется?

— Нужно, чтобы ты выписал санкцию на принудительное возвращение Вегенера в Германию.

Рейсс взял ручку, заполнил бланк, поставил подпись и вручил санкцию шефу СД.

— Спасибо, — буркнул Кройц фон Меере. — И еще: когда япошки позвонят и станут ныть...

— Если позвонят.

Кройц фон Меере бросил на него хмурый взгляд.

— Позвонят. Больше того — сами к тебе наведаются, не пройдет и четверти часа после того, как мы сцапаем Вегенера, — он больше не острил, в голосе не было и тени юмора.

— Ни о каком струнном квинтете я и слыхом не слыхивал, — заверил Рейсс.

Казалось, Кройц фон Меере пропустил его слова мимо ушей.

— Мы его обязательно возьмем, так что будь наготове. Скажешь япошкам, будто он гомосексуалист или фальшивомонетчик. Что-нибудь в этом роде. Скрывается от наказания за тяжкое преступление. Не вздумай ляпнуть, что он политический. Ты же знаешь, они не признают девяноста процентов национал-социалистических законов.

— Знаю. И, что делать, тоже знаю. — В нем поднялось раздражение. «Опять через мою голову!» — со злостью подумал Рейсс. — Опять напрямую связался с Канцелярией, ублюдок! — У него затряслись руки. Не от звонка ли Геббельса? — Что это? Боязнь начальства? Или негодование? Черт бы побрал эту полицию! С каждым днем у нее все больше власти. Вот уж сам доктор Геббельс на нее работает. СД — вот настоящее правительство Рейха! Но что я могу подулат? Да и кто я такой? Лучше не ерепениться. Может, по возвращении в Берлин удастся скомпроментировать эту скотину, благо врагов у него хватает, а сейчас не время собачиться с СД.

— Вас нельзя обвинить в недооценке важности дела, герр полицейфюрер. По-видимому, от того, насколько быстро удастся обезвредить этого шпиона или предателя, зависит безопасность Германии. — Ему стало не по себе от собственных слов. Зато Кройцу фон Меере они явно пришлись по вкусу.

— Ну, спасибо, консул.

— Возможно, вы спасете нас всех.

— Погоди, мы его ещё не сцапали, — проворчал шеф СД. — Я жду звонка.

— Японцев я беру на себя, — пообещал Рейсс. — Вы знаете, по этой части у меня большой опыт. Их жалобы...

— Ну-ка, помолчи, — перебил его Кройц фон Меере. — Мне надо подумать.

«Видимо, и тебя взволновал звонок из Берлина. И на тебя лег груз ответственности. А что, если парню удастся уйти? Тебя выгонят? — думал консул Гуго Рейсс. — Что поделаешь, такая у нас работа. В любую минуту можем оказаться на улице. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Вообще-то, было бы не лишним разок-другой подставить вам ногу, герр полицейфюрер. Но так, чтоб никто не докопался. Например, когда япошки придут жаловаться, можно намекнуть, что парня силком увозят на ракете Люфтганзы... Или все отрицать, но с такой презрительной ухмылочкой — мол, чего вы ко мне привязались, желтопузые, кто в Рейхе

всерьез станет рассматривать ваши жалобы? Ведь они такие обидчивые. Стоит их разозлить, могут обратиться к самому Геббельсу. Все в моих руках. Без моей помощи полиции не вывезти парня из ТША. Надо только поточнее нанести удар...

Терпеть не могу, когда лезут через мою голову. Так нервничаешь, что ночью не заснуть, а не выспавшись — какая работа? Значит, надо сделать так, чтобы начальство избавило меня от этой неприятности. Если этого баварского чурбана отзовут домой и заставят писать объяснительные, я буду себя чувствовать куда лучше.

Но сейчас — не время. Пока я придумываю как...»

Зазвонил телефон. Трубку взял Кройц фон Меере. Рейсс не осмелился его остановить.

— Алло? — спросил шеф СД.

«Как? Уже?» — подумал Рейсс.

Но Кройц фон Меере протянул ему трубку.

— Тебя.

У Рейсса отлегло от сердца. Он поднес трубку к уху.

— Какой-то школьный учитель, — пояснил Кройц фон Меере. — Спрашивает, не найдется ли у тебя австрийских театральных афиш для его класса.

Около одиннадцати утра Роберт Чилдэн закрыл магазин и отправился в офис Пола Казоуры.

Ему повезло — Пол был не занят. Он вежливо поздоровался с Чилдэном и предложил чаю.

— Не хочу вас задерживать, — сказал Чилдэн, когда они уселись за столик. Кабинет Пола, хотя и небольшой, был обставлен просто, современно и со вкусом. На стене висела превосходная репродукция картины Моккая «Тигр» — шедевра конца тринадцатого века.

— Всегда рад вас видеть, Роберт, — сказал Пол голосом, в котором — как показалось Чилдэну — сквозило равнодушие.

«А может, я слишком мнителен? — Чилдэн повертел в руках чашку. — Он выглядит вполне дружелюбно».

И все-же... что-то в его отношении к Чилдэну изменилось.

— Очевидно, ваша супруга разочарована моим безвкусным подарком. Наверное, мне следовало бы расстроиться, но, даря кому-либо необычную, ранее не встречающуюся вещь, нельзя, как я уже говорил, не понимать, что идешь на риск. Вам с Бетти куда легче судить, чем мне.

— Бэтти не разочарована, Роберт. — Я не показывал ей ваш подарок. — Пол вытащил из ящика стола белую коробочку. Он не покидал стен моего кабинета.

«Все понял, — решил Чилдэн. — Ни слова ей не сказал. Сообразительный. Остается надеяться, что он не задушит меня. И не обвинит в попытке соблазнить его жену». — Чилдэну удалось скрыть испуг. Не меняясь в лице, он прихлебывал чай.

— Вот как? — спросил он. — Интересно.

Достав из коробки брошь, Пол долго рассматривал ее, вертя и поднимая к свету.

— Я показал вашу вещь кое-кому из знакомых. Эти люди разделяют мои вкусы во всем, что касается американской старины и вообще предметов, имеющих художественную ценность. — Он поглядел Чилдэну в глаза. Разумеется, прежде никто из них не встречал ничего подобного. Впрочем, вы уже объяснили, что такие вещи до недавнего времени не изготавливались. Помнится, вы сказали. Будто никто, кроме вас, не располагает такими украшениями.

— Совершенно верно, — подтвердил Чилдэн.

Хотите узнать реакцию моих знакомых?

Чилдэн кивнул.

— Они смеялись.

Чилдэн промолчал.

— Я и сам в душе смеялся, когда вы принесли это, — сказал Пол. — Но не подал виду. Чтобы вас не обидеть. Наверное, вы помните — Я старался выглядеть равнодушным?

Чилдэн кивнул. Рассматривая брошь, Пол продолжал: — Наша реакция вполне объяснима. Какие еще чувства может вызвать бесформенный кусочек расплавленного и застывшего металла? Вель он ничего не символизирует, не олицетворяет никакой идеи. Короче говоря, не имеет смысла. Аморфный предмет. Или, точнее, содержание, не имеющее формы.

Чилдэн снова кивнул.

— И все-таки сам не знаю почему, но при виде этой вещи я испытываю эмоциональную теплоту. Почему? Ведь я даже не пытаюсь, как в немецких психологических тестах, спроецировать на нее свою психику, не вижу в ней ни символов, ни форм. Все дело в том, что она сопричастна с Дао. Вы понимаете? В ней есть внутреннее равновесие. Гармония. Образно выражаясь, эта вещь пребывает во Вселенной.

Чилдэн кивнул и взглянул на брошь. Пол продолжал, не глядя на него:

— Она не имеет ваби, и не может иметь. Но, — он коснулся броши ногтем, — Роберт, этот предмет обладает ву.

— Да, вы правы. — Чилдэн попытался вспомнить, что такое ву.²⁷ «Кажется, это не японское, а китайское слово. Наверное, мудрость, — решил он. Или чувство истины. Как бы то ни было, это весьма неплохо».

— Руки художника, — продолжал Пол, — обладали ву и влили ву в эту вещь. Быть может, только он и знает, что символизирует эта брошь. Она совершенна, Роберт. Созерцающая ее, мы получим ву, испытываем благоговение, но не такое, как от произведения искусства, а, скорее, такое, как при взгляде на святыню. Я вспоминаю усыпальницу в Хиросиме, где выставлена берцовая кость средневекового святого. Но то — реликвия, а это — произведение искусства. То осталось со мной навсегда, тогда как это живет, пока я смотрю на брошь. Благодаря долгой медитации, я сумел понять ценность, которой она обладает, несмотря на неисторичность. Как видите, я нахожусь под большим впечатлением.

— Да... — растерянно кивнул Чилдэн.

— Не иметь историчности, а, значит, художественной, эстетической ценности, и тем не менее задевать некие высокие струны души — это чудо. Именно то, что с виду эта безделушка такая жалкая, дешевая поделка, и говорит о том, что она обладает ву. Ибо известно, что ву спрятано в наименее заметных вещах, или, как гласит христианский афоризм, в камнях, от которых отказался строитель²⁸. Кто-то ощущает присутствие ву в старой трости или в ржавой жестянке из-под пива, найденной в придорожной конаве. Правда, в таких случаях ву завульгарно в самом видящем, это суть религиозного ощущения. А здесь художник вложил ву в предмет, который изначально не обладал им. — Пол поднял взгляд. — Я понятен изъясняюсь?

— Да, — твердо сказал Чилдэн.

— Другими словами, оеа открывает дверь в новый мир. Имя ему не искусство, ибо вещь не обладает формой, и не религия. Что же это? Я долго размышлял и не мог найти ответ. Очевидно, у нас отсутствует определение для такого рода предметов. А значит, вы правы, Роберт, это подлинно новая вещь на лице мира.

«Подлинно новая, — подумал Чилдэн. — Да, именно так я это и понимаю. Что касается остального...»

— Поразмыслив над тем, какую их этого можно извлечь пользу, я обратился к тем же знакомым ценителям. Я изложил им свою точку зрения, не заботясь о произведенном эффекте. Этот предмет побуждает пренебречь формальными приличиями, столь велико желание добиться понимания окружающих. И я заставил выслушать меня.

Чилдэн понимал, что для японца почти невысказуемо навязывать кому-либо свое мнение.

— Результат оправдал мои ожидания, — продолжал Пол. — Мою точку зрения, в основном, поняли и приняли. На этом моя миссия закончена, Роберт, — он положил брошь в коробочку. — Все, что зависело от меня — сделано. Я выдохся. — Он подвинул коробочку Чилдэну.

— Сэр, она ваша, — озадаченно пробормотал Чилдэн. — Он не ожидал такого поворота событий. Вначале высокопоставленный японец расхваливает до небес поднесенный ему подарок, а затем возвращает. Чилдэн не знал, что делать и сидел, теребя рукав костюма.

— Роберт, вы не должны прятать голову в песок, — тихо произнес Пол.

Бледнея, Чилдэн пробормотал:

— Боюсь, я несколько сбит с толку, сэр.

Пол встал, глядя на него.

— Держитесь. Отныне, эта задача — ваша. Судьба броши и других подобных вещей — в ваших руках. Не торопитесь. Побудьте некоторое время наедине с собой, помедитируйте, посоветуйтесь с Оракулом. Взгляните, как бы со стороны, на свой товар, на рекламу, на методы торговли.

Чилдэн ошарашенно посмотрел на него.

— Вы увидите свой путь, — продолжал Пол. — Вы должны сделать так, чтобы эти вещи дошли до людей.

Роберт Чилдэн окаменел. «По его словам, должен взять на себя моральную ответственность за судьбу бижутерии «Эдфрэнк»? Вот оно, извращенное, невротическое мировоззрение японцев: для Пола Казоура все отступает на задний план перед духовным смыслом украшений! И, что хуже всего, Пол беседовал на эту тему с влиятельными знатоками древней японской культуры и традиций.

Ответственность, — горько подумал Чилдэн. — Раз возложенная, она останется со мной на всю жизнь. До гробовой доски. Пол утверждает, что он выполнил свою задачу. Но моя работа будет бесконечной.

Все они чокнутые, — сказал себе Чилдэн. — Они, к примеру, никогда не помогут поверженному наземь подняться — это, видите ли, унизит достоинство побитого. Да и чего еще ожидать от нации, которая, взявшись копировать английский эсминец, копирует даже заплатки на паровом котле, как и...

«Пол пристально посмотрел на него. К счастью, Чилдэн обладал способностью скрывать свои чувства. На его лице застыло вежлива-внимательное выражение.

«Это ужасно, — подумал Чилдэн. — Катастрофа. Лучше

бы Пол решил, что я хочу соблазнить его жену... Бэтти. Теперь ей не увидеть эту брошь. Мой план сорвался. Ву несовместимо с похотью, оно, по словам Пола, свято и чисто, как реликвия.

— Я раздал своим собеседникам ваши визитки, — предупредил Пол.

— Простите?.. — рассеянно спросил Чилдэн.

— Визитки. Чтобы они могли прийти и поглядеть на ваши изделия.

— Спасибо.

— И еще, — сказал Пол. — У одного из моих знакомых есть к вам деловое предложение. Вот его имя и адрес. — Пол вручил Чилдэну визитную карточку. — Он бизнесмен. Массовый экспорт и импорт, в основном, в Южной Америке. Радиоаппаратура, фотоаппараты, бинокли и тому подобное.

Чилдэн взглянул на визитку.

— Разумеется, он торгует крупными партиями, — продолжал Пол. — Его компания владеет предприятиями, производящими массовую продукцию с низкой себестоимостью. Почти все они расположены на Востоке, где рабочая сила дешевле.

— А почему он... — начал Чилдэн.

— Подобные вещи, — Пол еще раз взял коробочку, закрыл крышку и вернул Чилдэну, — могут быть скопированы. Из металла или пластика. В любом количестве. Горячая штамповка.

После паузы Чилдэн спросил:

А как насчет ву? Оно останется в копиях?

Пол промолчал.

— Вы советуете увидеться с ним?

— Да, — сказал Пол.

— Затем?

— Амулеты, приносящие удачу, — пояснил Пол. — Вы же знаете, множество людей в Латинской Америке и Южной Азии верят в волшебство, в заклинания, в колдовское зелье и прочее. Мне сказали, это принесет большой доход. — Лицо японца застыло, голос стал бесцветным.

— Похоже, на этом можно хорошо заработать, — медленно произнес Чилдэн.

Пол кивнул.

— Это ваша идея?

— Нет, — кратко ответил Пол.

«Значит, твоего шефа, — подумал Чилдэн. — Ты показал брошь начальнику или еще кому-то, богатому и влиятельному, а он связался с этим бизнесменом. Вот почему ты вернул

мне брошь — не хочешь участвовать в этом. Но ведь ты знаешь, как я поступлю. Мне придется. Выбора нет. Я продам или уступлю за процент от прибыли эскизы, мы с ним обязательно поладим. А ты умываешь руки. Ты ни при чем. Тебе кажется дурным тоном отговаривать меня или пытаться остановить.»

— У вас есть реальный шанс разбогатеть, — произнес Пол. Он по-прежнему глядел в сторону.

— Мне эта идея не очень понятна, — сказал Чилдэн. — Зачем делать амулеты из произведений искусства? Не понимаю.

— Бизнес не интересует данный аспект проблемы. В секрете этой вещи посвящены только мы с вами и те люди, которые скоро посетят ваш магазин — я уже говорил о них.

— Как бы вы поступили на моем месте? — поинтересовался Чилдэн.

— Не стоит пренебрегать возможностью, которую оставляет вам судьба. Почтенный бизнесмен — практичный человек. Мы с вами даже представить не можем, сколько на свете необразованных людей. Штампованные безделушки доставят им радость, недоступную нашему пониманию. Мы стремимся обладать уникальными или, на худой конец, очень редкими вещами. И, безусловно, подлинными. — Он помолчал, все еще глядя сквозь Чилдэна. — А не копиями, которые продаются десятками тысяч.

«Что он имеет в виду? — насторожился Чилдэн. — Может быть, то поделки, что продаются в магазинах вроде моего? Похоже, это намек. Говорит в ироническом тоне как бы об одном, а получается совсем другое. Двусмысленность, какие любит Оракул — качество, свойственное восточному уму. Пол словно задает вопрос: кто ты, Роберт? Тот, кого Оракул называет «ничтожным человеком», или тот, кому предназначены его добрые советы? Надо решать. Ты можешь избрать тот или иной путь, но только один. Выбериай.

А каким путем, по мнению Пола Казоура, пойдет «благородный человек»? — спросил себя Чилдэн. — Правда, его мнение далеко не то же самое, что совет освященного тысячелетиями свода мудрости, это всего лишь точка зрения одного смертного — молодого японского бизнесмена. Вот она — суть. Ну, как говорит Пол. Ну в этой ситуации таково: какими бы ни были твои личные пристрастия, истина заключается в предложении почтенного импортера. Конечно, это не совсем то, чего бы мне хотелось, но, как советует Оракул, нам следует подчиняться ситуации. В конце концов, оригиналы можно продавать знатокам, скажем, друзьям Пола.

— Вы боретесь с собой, — заметил Пол. — Несомненно, это та ситуация, когда хочется побыть одному. — Он направился к выходу.

— Я уже решил.

У Пола блеснули глаза.

Помедлив, Чилдэн сказал:

— Я последую вашему совету и обращусь к этому бизнесмену. — Он взял коробочку.

Странно, но, казалось, Пола это не обрадовало. Он что-то пробормотал и вернулся к столу. «Сурывает эмоции, — решил Чилдэн. — Воистину, сдержанность у них в крови».

— Большое вам спасибо за помощь. Я не забуду и постараюсь отблагодарить, — сказал Чилдэн.

Но Казуоро оставался бесстрастен. «Да, они непроницаемы», — подумал Чилдэн.

У двери Пол внезапно спросил:

— Американские художники сделали эту вещь сами, верно?

— Да, от эскиза до окончательной шлифовки.

— Сэр, а будут ли они согласны с вашим решением? Мне кажется, они мечтают о другой участи для своих изделий.

— Уверен, их можно убедить. — Эта проблема казалась Чилдэну пустяковой.

— Да, — вздохнул Пол. — Видимо, вы правы.

Что-то в его тоне заставило Чилдэна насторожиться. И вдруг до него дошло. «Это уже не двусмысленность, — понял он. — Ну, конечно! Его предложение направлено на уничтожение американской культуры. Проклятье! Я с такой легкостью проглотил подброшенный крючок вместе с леской и грузилом... Шаг за шагом он подвел меня к согласию, провел по мощеной дорожке к решению: предметы американского искусства не годны ни на что иное, кроме как на образцы для дешевых амулетов. Вот как правят нами японцы — не жестокостью, а тонким, расчетливым коварством. Господи, мы действительно варвары по сравнению с ними! Мы теряемся перед их логикой. Пол не сказал — и ни за что не скажет, — что нашему искусству грош цена. Он сделал так, что я сказал это сам. А под конец еще и пожурил меня за недомыслие. Едва заметный жест сожаления цивилизованного человека. Он сломал меня! — Чилдэн едва не произнес это вслух. — Он унизил меня и мою расу. И я ничего не могу поделать. Я беспомощен. Нас унижают так тонко, что мы едва понимаем это. По сути, нам необходим еще один виток эволюции, чтобы осознать, насколько мы унижены. Какие еще нужны доказательства превосходства японцев?» — Его подмывало рассмеяться.

«Да, — язвительно подумал он, усмехаясь про себя, словно услышал остроумный анекдот. — Это надо запомнить, намотать на ус, чтобы потом рассказать кому-нибудь. Но каму? Вот вопрос. Это слишком личное.»

В углу кабинета стояла корзина для мусора. «Туда, — подумал Чилдэн. — Вот самое подходящее место для изделий «Эдфрэнк». Смогу ли я это сделать? Выбросить у Пола на глазах? Раз и навсегда покончить с проблемой?

Нет, даже выбросить не смогу, — понял он, сжимая коробочку. — Иначе — конец приятельским отношениям с высокопоставленным японцем».

Его порыв угас... «Будь они прокляты! Даже поддавшись порыву, я не в силах избавиться от навязанных ими привычек. — Пол молча смотрел на него, не ожидая ответа — зачем? Человек и без слов достаточно выразителен.

«Он поймал меня в западню, — с горечью подумал Чилдэн. — Невидимой цепью приковал эту безделушку к моей душе. Наверно, я слишком долго живу среди них. Поздно вырываться на свободу, поздно пытаться жить, как подобает белому человеку».

Вслух он сказал:

— Пол... — голос его был глух и невыразителен.

— Да, Роберт.

— Пол, я... Я глубоко оскорблен.

Комната поплыла у него перед глазами.

— Почему, Роберт? — Участливый, но отчужденный тон. По ту сторону добра и зла.

— Сейчас, Пол... — Чилдэн вытащил брошь, мгновенно ставшую скользкой от пота. — Я... Я горжусь этой вещью. Мне и в голову не могло прийти отдать ее для штамповки дешевых омулетов. Я отказываюсь.

И снова он не смог понять, как воспринял его слова Казура — на лице все то же бесстрастное выражение.

— Благодарю за предложение, — продолжал Чилдэн, — но я вынужден отказаться. — Он поклонился. — Этой вещи сделали гордые американские художники. И я уважаю их. Ваше предложение — использовать эти творения для массового выпуска амулетов — я считаю оскорбительным. И прошу вас извиниться. Чилдэн внутренне похолодел.

Последовала невыносимо долгая пауза.

Пол не сводил с него глаз. Одна бровь приподнялась, тонкие губы скривились. В улыбке?

— Я требую, — произнес Чилдэн. Больше говорить ему было нечего. Оставалось ждать.

«Ну, пожалуйста! — мысленно взмолился он. — Извинись!»

— Простите мне высокомерный тон, — сказал Пол, протягивая руку.

— Хорошо, — кивнул Роберт Чилдэн.

Они пожали друг другу руки, и в сердце Чилдэна пришел покой. «Я все переживу, — сказал он себе. — Все-все. Благодарение Богу — он наставил меня в миг выбора. Он приходит к каждому в трудную минуту. Будет ли мне дарован еще один шанс разбогатеть? Вряд ли.»

Сейчас, после столь трудного решения, он испытывал полное безразличие ко всему окружающему. «Я словно поднялся на поверхность и созерцаю рябь на воде, — приула вялая мысль. — Жизнь коротка. А искусства и все то, что над жизнью — бессмертно, почти вечно. Я стою перед бетонной стеной, и ни прохода, ни лестницы, чтобы перебраться на ту сторону. Хватит. Больше не буду стоять.

Взяв коробочку с ювелирным изделием «Эдфрэнк», он опустил ее в карман пальто.

12

— **М**истер Тагоми, это мистер Ятабе. — Рамсей отошел к двери кабинета, а к столу Тагоми направился подтянутый пожилой человек. Хозяин кабинета поднялся из-за стола и протянул руку.

— Рад нашей встрече, сэр.

Легкие, хрупкие пальцы скользнули в его ладонь. Тагоми осторожно пожал руку гостя и сразу отпустил, подумав при этом: «Надеюсь, я ничего не сломал? Старик вызывал симпатию. Какая твердость, уверенность во взгляде! Чувствуется ясный, цепкий ум. Не человек, а само воплощение древних суровых традиций. И тут до Тагоми дошло, что перед ним генерал Тедеки, бывший начальник императорского генштаба собственной персоной.

— Генерал, — Тагоми низко поклонился.

— А где третий участник переговоров? — спросил Тедеки.

— Вот-вот должен появиться, — заверил Тагоми. — Я лично звонил ему в гостиницу.

Мысли путались. Как был, в поклоне, он отступил на несколько шагов и застыл. Да и вряд ли он мог выпрямиться в эту минуту.

Рамсей, очевидно, не понял, кто их гость и, ен выказывая робости, помог генералу сесть в кресло. Помедлив, Тагоми опустил в кресло напротив.

— Теряем время, — заметил Тедеки. — Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

— Вы правы, — согласился Тагоми.

Прошло минут десять. Все молчали.

— Простите, сэр, — забеспокоился Рамсей. Если я не ну-жен, нельзя ли мне уйти?

Тагоми кивнул, и Рамсей удалился.

— Чаю, генерал? — спросил Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр, — сказал Тагоми, признаюсь, мне не по себе. Я чувствую, что узнаю сейчас нечто особенное.

Генерал склонил голову.

— Прибывший сюда по делам мистер Бэйнс выдает себя за шведа. Но, приглядевшись внимательнее, я решил, что он, скорее всего, высокопоставленный немец. Я говорю вам об этом потому, что... — он замаялся.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Благодарю. Генерал, его беспокойство говорит о том, что наша встреча связана с политическими изменениями в Рейхе. — Тагоми утаил от генерала, что догадывается о причине его задержки.

— Все это предположения, сэр, — сказал генерал, — а не информация. — В глазах Тедеки не было ничего, кроме отеческой доброты.

Тагоми проглотил упрек.

— Скажите, сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность? Конспиративный прием?

— Естественно, мы заинтересованы в соблюдении конспирации. Мистер Бэйнс — обыкновенный бизнесмен, представитель стокгольмской фирмы «Тор-Ам». А я — Шиньиро Ятабе.

«А я — Тагоми, — подумал Тагоми. — Играю самого себя».

— Несомненно, нацисты следят за перемещениями мистера Бэйна, — продолжал генерал. Он сидел, расправив плечи, положив руки на колени. «Словно принимает к невесть откуда доносящемуся запаху бульона», — мелькнула мысль у Тагоми. — Но разоблачить его могут только законными путями. В этом-то и состоит его задача: не играть с ними в кошки-мышки, а соблюдать формальность на тот случай, если его засекут. Если это случится, или уже случилось — Бэйна не посмеют пристрелить, у него надежная «крыша».

— Понимаю, — сказал Тагоми.

«Все-таки, это плохая игра, — подумал он. — Хотя, наверное, она не лишена смысла. Наши штабисты хорошо разбираются в психологии наци.»

На столе загудел селектор. Раздался голос Рамсея:

— Сэр, пришел мистер Бэйнс. Пригласить?

— Да! — ответил Тагоми.

Вошел Бэйнс в безукоризненном модном костюме. Он был совершенно спокоен.

Навстречу ему поднялся генерал Тедеки. Тагоми тоже встал. Они раскланялись.

— Сэр, — обратился к генералу Бэйнс, — я — капитан Рудольф Вегенер их военно-морской разведки. Хочу заявить, что я не представляю здесь никого, кроме самого себя и нескольких частных лиц, пожелавших остаться неизвестными. Никакие службы или учреждения Рейха к моему визиту не причастны.

— Я понял, что вы не являетесь официальным представителем Рейха, герр Вененер. — сказал генерал. — Я тоже прибыл сюда неофициально. Но, благодаря своему прежнему посту в Императорской Армии, я имею некоторое влияние в Токио и сумею довести ваши слова до сведения тех, кто в этом заинтересован.

«Странная беседа, — подумал Тагоми, — есть в ней какая-то музыка. Расслабляющая и успокаивающая».

— Мне бы хотелось сразу перейти к делу, — произнес Бэйнс. — Прошу передать тем, к кому вы имеете доступ, что в Рейхе готовится реализация плана под названием «операция Одуванчик».

Генерал кивнул с таким видом, словно слышал об этом. Но Тагоми замечетил, что он с нетерпением ждет продолжения.

— «Одуванчик» начнется с конфликта на границе Средне-Западных Штатов и Соединенных Штатов Америки.

Генерал вновь кивнул и улыбнулся уголками рта.

— Нападению подвергнутся войска США. Они перейдут в наступление, оттеснят войска СЗШ за линию границы и вступя в бой с частями противника, заранее стянутыми в зону конфликта. У офицеров армии США есть подробные карты с указанием оборонительных объектов Среднего Запада. На помощь войскам США придет парашютный десант добровольцев Вермахта. Но это тоже камуфляж.

— Ясно, — кивнул генерал.

— Основная цель операции «Одуванчик» — массированный атомный удар по Родным островам. Без какого-либо предупреждения. — Бэйнс замолчал.

— С целью уничтожения августейшей семьи, армии самообороны, Императорского флота, гражданского населения, промышленности и ресурсов, — задумчиво продолжил за не-

го генерал Тедеки. — И последующего захвата всех наших колоний.

Бэйнс промолчал.

— Что еще? — спросил генерал.

Бэйнс не понял.

— Дата, сэр, — пояснил генерал.

— Все даты изменены, — вздохнул Бэйнс. — С сязи со смертью Мартина Бормана. Сейчас у меня нет сязи с абвером.

— Продолжайте, герр Вегенер, — попросил генерал.

— Мы рекомендуем внимательно изучить ситуацию, сложившуюся в Рейхе, — сказал тот и сразу поправился: — То есть, я рекомендую. С высших эшелонах власти есть сторонники операции «Одуванчик», но есть и противники. Была надежда, что со смертью рейхсканцлера Бормана последние придут к власти.

— Но пока вы здесь находились, герр Борман умер и проблема решилась сама собой, — заметил генерал. — Выбор сделан. Рейхсканцлером стал доктор Геббельс.

— Доктор Геббельс — ярый сторонник «Одуванчика», — предупредил Бэйнс.

Ни он, ни генерал не заметили, что Тагоми закрыл глаза.

— А кто ему противостоит? — спросил Тедеки.

Тагоми смутно расслышал ответ:

— Рейхсфюрер СС Гейдрих.

— Весьма удивлен, — признался Тедеки. — Это точная информация или мнение ваших коллег?

— Административное управление территориями, ныне находящимися под контролем Японии, будет передано Министерству иностранных дел. Точнее — людям Розенберга, связанным с Канцелярией напрямую. В течение минувшего года об этом постоянно спорили на совещаниях руководства. В подтверждение своих слов я могу представить фотокопии стенограмм. Вторым претендентом на власть была полиция, но она не добилась успеха. Ей отдан на откуп космос — Марс, Луна, Венера. Полиция ведает колонизацией планет. Как только утрясли вопрос о власти, полиция стала противодействовать плану «Одуванчик» и добиваться передачи всех средств для осуществления космических программ.

— Соперничество, — произнес генерал Тагоми. — Одна команда играет против другой. Но обе — против сильного лидера. Значит Геббельс ничем не рискует.

— Вы правы, — кивнул Бэйнс. — И поэтому я здесь, и прошу вас о вмешательстве. Возможность для этого пока есть — ситуация еще зыбкая. Пройдет не один месяц, пока

доктор Геббельс окончательно утвердится в должности. Ему придется сломать хребт полиции, к тому же, возможно, устранить Гейдриха и высших офицеров СС и СД. Как только это случится...

— Следовательно, мы должны поддерживать службу безопасности? — перебил его Тедеки. — Самую зловещую контору в Германии?

— Совершенно верно.

— Император не одобрит такую политику, — заявил Тедеки. — Мертвые головы, черные мундиры, «система замков» — все это он считает воплощением зла.

«Зло, — подумал Тагоми. — Да, именно так. Имеем ли мы право, даже ради спасения собственной жизни, поддерживать зло? Не в этом ли главный парадокс нашего суетного мира? Мне этой проблемы не решить. Человек не может существовать в вечной неопределенности. А в этом мире все пути ведут в тупик. Все смешалось: свет и тьма, иллюзия и реальность.

— Вермахт — единственный в Рейхе обладатель водородной бомбы, — продолжал Бэйнс. — Случается, ее используют чернорубашечники, но только под надзором армии. Когда у власти стоял Борман, полицейских к ядерным заводам и складам и близка не подпускали. Операцию «Одуванчик» будет осуществлять главное командование Вермахта.

— Это мне ясно, — кивнул Тедеки.

— Чернорубашечники всегда превосходили Вермахт жестокостью. Но власти у них меньше. Наши решения должны основываться на реальности, а не на исповедуемых нами этических нормах.

— Да, надо быть реалистами, — вслух согласился Тагоми. Бэйнс и генерал оглянулись.

— Конкретно, что вы предлагаете? — спросил генерал у Бэйinsa. Установить контакт с местной резидентурой СД? Напрямую — вязаться с... ее шефом? Не знаю его имени, но уверен — это отталкивающий тип.

— В здешнем отделении СД ничего не знают, — сказал Бэйнс. — Шэф местной полиции Бруно Кройц фон Мее-ре — партиец старой закваски. Имбецил. В Берлине никому и в голову не могло прийти расурить перед ним карты.

— Тогда с кем нам связываться? — В голосе генерала зазвучало раздражение. — Со здешним консулом или с рейхс-консулом в Токио?

«Разговор ни к чему не приведет, — Уныло подумал Тагоми. — Какой бы огромной ни была ставка, мы не должны

лезть в чудовищную, шизофреническую трясику нацистской междоусобицы. Наш разум просто не выдержит».

— Надо действовать очень осторожно, — ответил Бэйнс. — Через ряд промежуточных лиц вам следует выйти на кого-нибудь из приближенных Гейдриха, находящихся за пределами Рейха, в нейтральной стране. Или на человека, которому часто приходится летать из Берлина в Токио.

— У вас есть кто-нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, надежный и очень смелый человек. К тому же он прекрасно разбирается в международной обстановке. Правда, у него нет прямых контактов с аппаратом СД, но в случае необходимости он может действовать по другим каналам. Через заинтересованных промышленников вроде Круппа, или через генерала Шпейделя, даже через руководство Ваффен-СС. В Ваффен-СС не такие фанатики, им близки интересы немецкого народа.

— А разве нельзя обратиться к Гейдриху через вашу организацию, я имею в виду абвер?

— Чернорубашечники нас на дух не переносят. Вот уж двадцать лет как они добиваются у партии нашего роспуска.

— А лично вам не грозит опасность с их стороны? — спросил генерал Тедеки. — Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они очень деятельны.

— Деятельны, но неумелы, — возразил Бэйнс. Правда, Рейсс, представитель МИДа, способный малый, но он не в ладах с СД.

— Мне бы хотелось получить от вас фотокопии стенограмм, — сказал генерал Тедеки, — чтобы передать их моему правительству. И вообще, для нас будут не лишним любые материалы, касающиеся этого вопроса. И... — он помедлил. — Доказательства. Объективные.

— Ну, конечно. — Бэйнс извлек из кармана плоский серебряный портсигар и протянул Тедеки. — В каждой сигарете контейнер с микрофильмом.

— А сам портсигар? — спросил генерал, повертев его в руках. — Похоже, он весьма недешев. — Он стал доставать сигареты.

— Портсигар — тоже, — Бэйнс улыбнулся.

— Благодарю вас. — Улыбнувшись в ответ, генерал убрал портсигар в карман пальто.

Загудел селектор. Тагоми нажал кнопку.

— Сэр, в нижнем вестибюле люди СД, — слышался взволнованный голос Рамсей. — Они пытаются захватить

здание. Сейчас дерутся с охраной «Таймс». — Под окнами кабинета заревела сирена. — К нам едет подмога из военной полиции и кемпетай.

— Спасибо, мистер Рамсей, — поблагодарил Тагоми. — Вы поступаете благородно, не поддаваясь панике. — Бэйнс и Тедеки напряженно прислушивались к разговору. — Не беспокойтесь, господа, — сказал им Тагоми. — Уверен, головорезам из СД не добраться до нашего этажа. Их просто перебьют по пути. — И — в селектор: — Мистер Рамсей, отключите, пожалуйста, лифты.

— Хорошо, мистер Тагоми.

— Будем ждать, — сказал Тагоми. Он выдвинул ящик стола и достал шкатулку тикового дерева. Открыв крышку, извлек прекрасно сохранившийся револьвер времен Гражданской войны — кольт сорок четвертого калибра выпуска тысяча восемьсот шестидесятого года, предмет гордости коллекционера. Затем достал жестянку с порохом, пули, капсулы, и стал заряжать револьвер на глазах у опешивших Бэйнса и генерала. — Это из моей коллекции, — пояснил он. У меня мальчишеская страсть — стрельба по-ковбойски. Я долго учился палить с бедра — на досуге, конечно — и, если судить по результатам состязаний с другими энтузиастами, добился некоторого успеха. Но всерьез этим пользоваться мне еще не приходилось.

Сидя за верстаком, Фрэнк Фринк шлифовал серебряную сережку в виде раковины улитки. Мельчайшие крошки окалины летели ему в очки, оставляли черные пятнышки на ногтях. От трения серьга жгла пальцы, но Фрэнк все сильнее прижимал ее к поверхности круга.

— Смотри, не перестарайся, — предупредил Мак-Карти. — Выступы сними, а впадины пусть остаются как есть.

Фрэнк Фринк проворчал что-то неразборчивое.

— Черненное серебро легче сбыть, — пояснил Мак-Карти. — Оно выглядит старше.

«Сбыть», — с горечью подумал Фрэнк.

Они еще ничего не продали. Кроме Чилдэна, взявшего кое-что на комиссию, никто ничего не купил. А ведь они побывали в пяти магазинах.

«Мы еще ничего не заработали, — думал Фрэнк. — Все делаем и делаем новые вещи, а они остаются в мастерской».

Сережка зацепилась ушком за ткань, выскользнула из пальцев и полетела на пол. Он выключил мотор.

— Ты ими не разбрасывайся, — сказал Мак-Карти, возившийся с паяльной лампой.

— Господи, да она с горошину! Как ее удержишь?

— Все равно отыщи.

«Черт бы ее побрал» — мысленно выругался Фрэнк.

— В чем дело? — спросил Мак-Карти, видя, что Фрэнк не трогается с места.

— Ничего нам с тобой не продать, — угрюмо сказал Фрэнк. — Что бы мы ни сделали.

— Это верно, чего не сделали — не продать.

— Вообще ничего не продадим!

— Пять магазинов — это капля в море, — возразил Мак-Карти.

— Хватит, чтобы понять спрос.

— Не падай духом.

— А я и не падаю, — буркнул Фрэнк.

— Ты к чему ведешь? — спросил Мак-Карти.

— К тому, что пора сбывать лом.

— Ну, ладно, остынь.

— Уже остыл.

— Раз так — буду продолжать в одиночку, — проворчал Мак-Карти, зажигая паяльную лампу.

— А как мы поделим барахло?

— Не знаю. Придумаем.

— Выплати мне мою долю, — потребовал Фрэнк.

— Черта с два.

— Отдай шестьсот долларов, — настаивал Фрэнк.

— Нет. Можешь взять половину оборудования.

— Пол-мотора?

Наступила тишина.

— Еще три магазина, 0 сказал наконец Мак-Карти. — А потом вернемся к этому разговору.

Он опустил на глаза щиток и стал припаивать медное звено к браслету.

Фрэнк встал из-за верстака, нашарил на полу сережку и положил ее в коробку с заготовками.

— Пойду покурую, — буркнул он и направился к лестнице.

«Все кончено,» — сказал он себе.

Он стоял под козырьком дома, часто затягиваясь марихуаной и провожая рассеянным взглядом спящие машины. К нему приблизился белый средних лет и заурядной наружности.

— Мистер Фринк? Фрэнк Фринк?

— Верно, — ответил Фрэнк.

Человек достал из кармана сложенный листок и удостоверение.

— Департамент полиции Сан-Франциско. У меня ордер на ваш арест.

Фрэнк и глазом моргнуть не успел, как незнакомец сжал его локоть.

— За что? — пролепетал Фрэнк.

— За мошенничество. Вы обманули мистера Чилдэна, владельца «Художественных Промыслов Америки».

Появились еще двое легавых в штатском и встали по бокам. Полицейский потащил Фрэнка за собой по тротуару. Его затолкали в неброский «тойопет», приткнувшийся у обочины.

«Вот какие испытания готовит нам судьба, — подумал Фрэнк, сдавленный с двух сторон телами полицейских. Хлопнула дверца, и машина вклинилась в автомобильный поток. — И таким вот сукиным сынам приходится подчиняться!»

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет, — ответил он.

— В отделении вам предоставят список.

— Спасибо.

— Как вы поступили с деньгами? — спросил другой полицейский, когда они въезжали в гараж отделения на Керн-стрит.

— Истратил, — ответил Фрэнк.

— Все?

Он промолчал.

Полицейский пожал ему руку и одобрительно засмеялся.

Когда они вышли их машины, другой фараон спросил:

— Твоя настоящая фамилия — Финк?

У Фрэнка душа ушла в пятки.

— Финк, — повторил фараон. — Ты ведь жид? — Он раскрыл большую серую папку. — Сбежал из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Фрэнк.

— Нет, ты удрал от нацистов, — ухмыльнулся фараон, — Знаешь, чем это пахнет?

Фрэнк вырвался и бросился бежать. Фараоны заорали, и у выхода из гаража полицейская машина преградила ему дорогу. Сидевшие в ней люди улыбались. Один из них вышел, держа в руках пистолет, и защелкнул наручник на запястье Фрэнка.

— Домой, в Германию, — ласково сказал фараон в штатском.

— Я американец, — пробормотал Фрэнк Финк.

— Ты еврей, — настойчиво сказал фараон.

— Его здесь кокнут? — спросил кто-то, когда Фрэнка вели наверх.

— Нет, мы его сдадим консулу. Немцы судят евреев по законам Германии.

Списка адвокатов Фрэнк так и не увидел.

Минут дводцать Тагоми неподвижно просидел за столом, держа дверь под прицелом. Бэйнс ходил по кабинету. После некоторых раздумий старый генерал взял трубку телефона и позвонил в японское посольство. Но барона Кэлемакуле он не застал; по словам сотрудников посольства, его не было в городе.

Генерал решил дозвониться до Токио по тихоокеанской линии.

— Я позвонч в Военную Академию, — объяснил он Бэйнсу. — Они свяжутся с частями Императорских вооруженный сил, расквартированными поблизости отсюда.

«Короче говоря, нас выручат через несколько часов, — подумал Тагоми. — Наверное, пришлют морскую пехоту с авианосца, вооруженную пулеметами и минометами. Действуя по официаобным каналам, можно добиться эффыектных результатов... Но для этого, к сожалению, требуется время. А помощь нужна сейчас, когда бандиты-чернорубашечники избивают внизу клерков и секретарей».

— А может, стоит связаться с германским консулом? — предложил Бэйнс.

Перед глазами Тагоми мигом возникла сцена, как он диктует мисс Эфрикян решительный протест, адресованный Рейссу.

— Я могу позвонить рейхсконсулу Рейссу по другому телефону, — сказал он.

— Попробуйте, — сказал Бэйнс.

Не опуская кольца, Тагоми нажал кнопку на поверхности стола. Тотчас появился аппарат, предназначенный для секретных разговоров. Он набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто говорит? — решительный, отрывистый мужской голос с небольшим акцентом. Очевидно, кто-то из служащих.

— Его превосходительства герра Рейсса, пожалуйста, — потребовал Тагоми. — Это срочно. Тагоми, — он говорил жестким, не терпящим отказа тоном.

— Да, сэр. Одну секунду, сэр. — Долгая пауза. В трубке — ни звука, ни шороха. «Стоит рядом и ждет, — догадался Тагоми. — Типичная нордическая изворотливость».

— Меня дурачат, это ясно, — сообщил он генералу Тедеки и Бэйнсу.

— Простите, мистер Тагоми, что заставил вас ждать, — служащий наконец подал голос.

— Ничего, пустяки.

— Консул на совещании. Если...

Тагоми бросил трубку.

— Напрасная трата времени — удрученно заключил он. — Куда бы еще обратиться? Токкока в курсе, в береговую военную полицию нет смысла звонить. Прямо в Берлин? Рейхсканцлеру Геббельсу? В Напа, на аэродром Императорских военно-воздушных сил? Я позвоню шефу СД Кройцу фон Меере, — решил он. — Начну с жалобы, если не поможет — перейду на брань и крик.

Тагоми набрал номер. Если верить телефонному справочнику, он принадлежал отделу по охране ценных грузов аэропорта Люфтганзы. Пока в трубке звучали гудки, он добавил:

— Сейчас вы услышите ругань на грани истерики.

— Да, устройте ему спектакль, — улыбнулся генерал.

В трубке раздался резкий голос:

— Кто это?

«Звучит решительней моего», — подумал Тагоми.

— Ну, поживее!! — поторопил голос:

— Я требую арестовать и отдать под суд шайку головорезов и дегенератов, ваших белокурых бестий-берсеркиров! — заорал в трубку Тагоми. — Знаешь, кто тебе звонит? Тагоми, торговый атташе имперского правительства! Даю пять секунд, чтобы ты их отозвал! Иначе спецкоманда морской пехоты забросает их фосфорными гранатами!

На другом конце линии что-то бессвязно пролепетали. Тагоми подмигнул Бэйнсу....

— нам ничего не известно, — услышал он наконец.

— Лжец! — закричал мистер Тагоми. — Ну что ж, нам ничего другого не остается. — Он бросил трубку. — Конечно, это всего лишь блеф, но он не повредит. Приятно заставить СД понервничать.

Едва генерал Тедеки открыл рот, чтобы заговорить, как снаружи оглушительно забарабанили в дверь. Через секунду она распахнулась.

В кабинет ввалились двое коренастых белых с пистолетами. Они сразу направились к Бэйнсу.

— Это он! — сказал один из них.

Сидевший за столом Тагоми поднял коллекционный кольт сорок четвертого калибра и нажал на спуск. Один фашист рухнул на пол, другой мгновенно выхватил пистолет с глушителем. Тагоми не услышал хлопка, только свист пули. Сам он с бешеной скоростью взводил курок кольта и стрелял снова и снова.

У немца разлетелась челюсть. Как в замедленном кино, в воздухе плыли осколки костей и зубов, куски плоти и

брызги крови. «В рот попал! — понял Тагоми. — Ужасный результат, особенно если стреляешь в упор.» В глазах изувеченного фашиста еще теплилась жизнь. «Он все еще меня видит,» — подумал Тагоми. В следующее мгновение глаза потухли, немец выронил пистолет и, страшно булькая горлом, рухнул.

— Какое отвратительное зрелище, — пробормотал Тагоми.

В дверном проеме больше никто не появлялся.

— Наверное, все кончено, — сказал генерал после паузы.

Отведя три минуты утомительной процедуре перезарядки, Тагоми нажал кнопку селектора.

— У меня здесь тяжелораненый бандит, — сказал он. — Пожалуйста, вызовите скорую помощь.

Никакого ответа. Только тихое гудение.

Бэйнс подобрал оба пистолета. Один он отдал генералу, другой взял наизготовку.

— Теперь они нам и вовсе не страшны, — Тагоми уселся как прежде, с кольцом в руке.

— Сдавайтесь, немецкие бандиты! — закричали в коридоре.

— Мы с ними уже справились! — крикнул в ответ Тагоми. — Входите, не бойтесь.

В дверях появилась группа служащих «Ниппон Таймс». Некоторые успели вооружиться топорами, ружьями и гранатами со слезоточивым газом.

— Громкое дело, — сказал Тагоми. — Правительство США в Сакраменто может тотчас объявлять войну Рейху. — Он переломил револьвер.

— Немцы будут все отрицать, — покачал головой Бэйнс. — Стандартный прием. Сколько раз так было. — Он положил на стол Тагоми пистолет с глушителем. — Сделано в Японии.

Тагоми внимательно осмотрел оружие. Бэйнс не ошибся — пистолет был изготовлен в Японии. Спортивный, последняя модель.

— Кроме того, они — не подданные Рейха, — продолжал Бэйнс. Он успел заглянуть в бумажник убитого. — Гражданин США. Проживает в Сан-Хосе. Ничего общего с СД. Имя — Джек Сандерс.

— Я понял, — кивнул Тагоми. — Заурядный налет. Цель — очистить мой сейф. Политические причины отсутствуют. — Он с трудом поднялся.

«Как бы там ни было, попытка вашего убийства или похищения не удалась. Во всяком случае, первая. Но с СД,

несомненно, знают, кто такой мистер Бэйнс и для чего он прилетел».

— Перспективы малоутешительные, — произнес он вслух.

«Может, нам поможет Оракул? — подумал он. — Предостережет, защитит, даст добрый совет?»

Едва держась на ногах, он стал раскладывать черенки тысячелистника.

«В целом ситуация весьма запутана и необычна, — решил он. — Человеческий разум не в состоянии в ней разобраться; это подсилу только мудрости тысячелетий. Немецкое тоталитарное общество напоминает некую жизненную форму, которая по ошибке появилась на свет. Оно отвратительно во всех своих проявлениях. Квинтэссенция бессмысленности. Местное отделение СД — инструмент политики, не имеющей ничего общего с политикой берлинского руководства. Где истина? Что такое Германия на самом деле? Чем была прежде? Мерзкая, гниющая пародия на государство, к которой чем пристальнее присматриваешься, тем большее отвращение испытываешь. Но Оракул и здесь сумеет помочь, подсказать. Даже в этом дьявольском клубке взбесившихся котов для него нет тайн».

Наблюдая за Тагоми, рассеяннo перебирающим пригоршню черенков, Бэйнс понял, насколько велико смятение этого человека. Для него убить или изувечить кого-нибудь не просто ужасно — невысказанно.

«Какими словами его подбодрить? Он стрелял, защищая меня, а значит, ответственность за погубленные жизни ложится на мои плечи. И я должен ее принять.»

К Бэйнсу подошел генерал Тедеки и шепнул на ухо:

— Вы видите: мистер Тагоми в отчаянии. Очевидно, он вырос в религиозной семье. Все живое для буддиста священо, никого нельзя убивать. Подобная среда глубоко влияет на мировоззрение.

Бэйнс кивнул.

— К нему вернется душевное равновесие, — продолжал генерал. — Но не сразу. Сейчас у него нет твердой опоры, чтобы осознать, обдумать свой поступок. А книга поможет ему, укажет путь.

— Понимаю, — кивнул Бэйнс.

«Другой критерий оценки, который мог бы ему помочь — учение о первородном грехе. Но вряд ли он о нем слышал. Все мы обречены творить жестокости, зло и насилие. В этом — наше предназначение. Наша карма.

Чтобы спасти одну жизнь, Тагоми пришлось погубить две. Труднейшее испытание для уравновешенного, трезвомысля-

щего разума. Такому человеку, как Тагоми, оно грозит безумием.

И все-таки, решающий момент не настоящим. Не в моей смерти и не в смерти двух негодяев из СД. Он в будущем. Случившееся здесь оправдано, или будет оправдано тем, что произойдет в дальнейшем. Кто знает, может, мы спасем жизнь миллионам — фактически, всем японцам. Но человеку, глядящему сейчас не стебельки, подобные мысли не приходят в голову. Действительность слишком осязаема. На полу его кабинета лижат мертвый и умирающий.

Генерал прав — только время вернет мистеру Тагоми душевное равновесие. Иначе он погрузится во мрак безумия, навсегда утратит связь с реальностью. А ведь мы ничем от него не отличаемся, — подумал Бэйнс. — В наших мозгах — точно такая же путаница. Поэтому, к сожалению, мы не в силах помочь Тагоми. Мы можем только ждать, надеясь, что в конце концов он придет в себя.»

13

В Денвере они посетили шикарные современные магазины. Одежда стоила безумно дорого, но, казалось, для Джо это не имело значения. Что бы Джулиана ни выбрала, он расплачивался, не моргнув глазом.

Во второй половине дня, перемерив уйму нарядов, Джулиана выбрала голубое итальянское платье с рукавами-буфами и умопомрачительно глубоким декольте. Совсем недавно она видела такое платье — лучший фасон года — в европейском журнале мод. За него пришлось выложить почти две сотни долларов.

Впридачу к платью Джулиане понадобились три пары туфель, новые нейлоновые чулки, несколько шляпок и черная кожаная сумочка ручной работы. Кроме того, она обнаружила, что декольте итальянского платья требует нового лифчика, прикрывающего только нижнюю часть груди. Поглядев на себя в большое, в полный рост, зеркало, Джулиана подумала, что нагибаться будет небезопасно. Но продавщица клятвенно заверила ее, что несмотря на отсутствие бретелек, новый бюстгальтер подходит как нельзя лучше.

«Только соски и прикрывает, — подумала Джулиана, рассматривая себя в тиши примерочной. — Ни миллиметра выше».

Бюстгальтер тоже влетел Джо в копеечку — импортная

вещь, объяснила продавщица, к тому же ручной работы. По просьбе Джулианы продавщица показала спортивные костюмы, шорты, купальники и махровый халат. Но тут Джо нервничал, и они пошли дальше.

— Ты не находишь, что я буду выглядеть сногшибательно? — спросила она.

— Да, — рассеянно ответил он, загружая в машину пакеты и свертки. — Особенно платье. Ты его наденешь, когда мы поедem к Абендсену, понятно? — Последнее слово он произнес резким тоном, как приказ. Это ее неприятно удивило.

— У меня двенадцатый-четырнадцатый размер, — сказала она продавщице в следующем магазине. С предупредительной улыбкой девушка проводила их к рядам вешалок. «Что бы еще выбрать? — гадала Джулиана. — Надо набрать побольше...» У нее разбежались глаза. Чего только не было в этом магазине: блузки, юбки, свитеры, широкие брюки, пальто.

— Джо, мне нужно пальто, — сказала она. — Только не суконное.

Они выбрали немецкую шубу из синтетического меха, практичного и не такого дорогого, как настоящий.

Покупка не привела Джулиану в восторг, и, чтобы утешиться, она решила приобрести что-нибудь из бижутерии. Но разложенные на прилавке товары поражали невзрачностью и заурядностью.

— Мне нужны украшения к голубому платью, — сказала она Джо. — Хотя бы сережки или брошь. — Джулиана взяла его под руку и повела к ювелирной лавке. — Да! — вспомнила она виновато. — Про тебя я и забыла. Ничего, еще разок пройдем по магазинам.

Пока она рассматривала украшения, Джо отлучился в парикмахерскую. Увидев его через полчаса, Джулиана была потрясена: он не только постригся, но и покрасил волосы. Джулиана с трудом узнала его в стройном, широкплечем блондине. «Боже! — подумала она, с изумлением глядя на него. — Зачем?»

— Надоело быть макаронником, — пояснил Джо, пожав плечами.

Они вошли в магазин мужской одежды и купили превосходный костюм фирмы «Дюпон» из новой синтетической ткани — дакрона. К нему — носки, нижнее белье и остроносые модные туфли. «Что еще? — подумала Джулиана. — Рубашки. И галстуки». Вместе с продавцом они выбрали две сорочки с французскими манжетами, несколько французских галстуков и серебряные запонки. На все ушло минут

сорок. — «До чего это, оказывается, просто,» — удивилась Джулиана.

«Пожалуй, надо поменять ему костюм», — подумала она, но Джо снова занервничал и торопливо расплатился с продавцом банкнотами Рейхсбанка.

«Тогда — новый бумажник, — решила она, видя, как он сует оставшиеся деньги в карман. Они выбрали черный бумажник из крокодиловой кожи и вернулись к машине. К половине пятого у них было все, что нужно.

— Может, немного приталить твой пиджак? — предложила она, когда они тронулись в путь.

— Нет. — Его голос звучал отрывисто и глухо. Джулиана удивилась.

«Что-нибудь не так? Может, я слишком много всего набрала? Наверное, так и есть, — решила она. Наша прогулка по магазину ударила его по карману».

— Я могу вернуть несколько юбок.

— Поедем лучше обедать, — буркнул он.

— О боже! — воскликнула она. — Я забыла ночные рубашки!

Джо метнул на нее яростный взгляд.

— Разве ты не хочешь подарить мне несколько красивых пеньюаров? — удивилась она. — Чтобы я всегда была свежей и...

— Брось. Лучше поищем, где бы нам перекусить.

— Сначала надо зарегистрироваться в гостинице, — уверенно сказала Джулиана. — Там мы переоденемся, а уж потом можно и пообедать.

«Отель должен быть самый шикарный, — подумала она. — Иначе кутеж будет испорчен. В гостинице надо спросить, где находится лучший в Денвере ресторан. А потом махнуть в ночной улцб, на какое-нибудь потрясающее шоу с участием не местных «самородков», а европейских знаменитостей вроде Элеонор Перес или Вилли Бека. На меньшее я не согласна».

Пока они разыскивали подходящую гостиницу, Джулиана то и дело бросала взгляд на своего спутника. Светлые, коротко подстриженные волосы и новый костюм делали его непохожим на себя.

«Не пойму, лучше он стал выглядеть или нет? Скоро я тоже сделаю новую прическу, и тогда мы оба станем сотворенными из ничего, а точнее, из денег. Да, прическу обязательно надо сделать,» — решила она.

В деловом центре Денвера они нашли роскошную гостиницу со швейцаром у дверей, взявшим на себя заботу о парковке их машины. Это было как раз то, чего хотелось Джу-

лиане. Коридорный — здоровый парень, но почему-то одетый в матросский костюм, сгреб в охапку их покупки. Джулиане и Джо осталось лишь подняться по широченной лестнице, устланной ковром, и через двери их стекла и красного дерева пройти в вестибюль.

Джулиане сразу бросились в глаза выстроившиеся вдоль стен киоски с цветами и сувенирами, стойка приема почты, огромные растения в кадках и толстый, мягкий ковер под ногами. Куда ни глянь, горели неоновые надписи: «Ресторан», «Коктейль-холл», «Буфет», прогуливались хорошо одетые люди.

Пока Джо договаривался с администратором и расписывался в регистрационном журнале, Джулиана отошла к прилавку с книгами — посмотреть, нет ли здесь «Саранчи». Ее ожидания оправдались — на прилавке лежала целая кипа экземпляров в ярких обложках, рядом стояла афишка, объясняющая, насколько это интересная и популярная книга. Упоминалось и о том, что она запрещена в подвласных Германии областях. Джулиану обслужила улыбчивая продавщица, похожая на ласковую бабушку. Книга стоила без малого четыре доллара. «Дорого!» — подумала Джулиана, но вытащила из новенькой сумочки банкноту рейхсбанка, заплатила и поспешила вернуться к Джо.

За нагруженным покупками коридорным они проследовали к лифту, поднялись на второй этаж и прошли по ковру в шикарный, хорошо натопленный номер. Коридорный отпер дверь, проверил, хорошо ли раздвигаются занавески на окнах, включил и выключил свет. Затем, получив от Джо чаевые, удалился.

— Сколько мы здесь проживем? — спросила Джулиана.

Джо не ответил. Он сосредоточенно перебирал содержимое своего саквояжа.

— День? Два? — спросила она, снимая шубку. — А может, три?

— Уедем сегодня. Вечером, — бросил Джо.

Сначала она не поняла, а когда поняла, не поверила. На ее изумленный взгляд Джо ответил мрачной улыбкой. Он застыл над охапкой своего белья. Казалось, его разбил паралич.

— После ресторана, — добавил он.

Она не нашлась, что ответить.

— Одевайся, — велел Джо. — Надень то дорогое платье, которое тебе так понравилось. Голубое. Поняла? — Он стал расстегивать рубашку. — А я пока побреюсь и залезу под душ. — В его голосе появился мелаллический тембр, словно

он говорил ихдалека по радио или по телефону. Повернувшись, он на негнувшихся ногах двинулся в ванную.

— Но сегодня поздно! — растерянно пробормотала Джулиана.

— Нет. Мы успеем пообедать до половины шестого, самое позднее, до шести. До Шайенна два часа езды, ну, два с половиной. Мы там будем к восьми тридцати. Для равного счета — к девяти. Сейчас ты позвонишь Абендсену и предупредишь о нашем приезде. Скажи так: мы едем на западное побережье и остановились переночевать в Денвере, но тебе так нравится его книга, что мы не удержались и решили заехать к нему, только для того, чтобы...

— Для чего? — перебила Джулиана.

У нее непроизвольно сжались кулаки — как в детстве, большими пальцами внутрь, — задрожал подбородок, из глаз брызнули слезы.

— Не хочу я сегодня к нему ехать, и не поеду. — Она едва слышала собственный голос. — И завтра не поеду, и вообще. Я хочу здесь отдохнуть. Как ты обещал. — И тут грудь Джулианы снова сжал необъяснимый, слепой ужас, который с тех пор, как она встретила Джо, никогда полностью не покидал ее, даже в самые радостные минуты.

— Да не волнуйся ты, — сказал Джо. — Он говорил успокаивающим и вместе с тем равнодушным тоном, словно повторял заученный текст.

— Нет, — произнесла она.

— Надень голубое платье. — Джо разворошил покупки, взял самый большой сверток, развязал бечевку и аккуратно разложил платье на кровати. Он не торопился. — Ладно? От тебя нельзя будет глаз оторвать. Купим еще бутылку хорошего шотландского виски, и в путь.

«Фрэнк! — мысленно воззвала она. — Помоги! Я ничего не понимаю!»

— Шайен гораздо дальше, чем тебе кажется, — возразила она вслух. — Я смотрела на карте. Мы доберемся туда не раньше одиннадцати, а то и полночь.

— Надень платье, — приказал он. — Не то убью!

Джулиана нервно хихикнула, закрыв глаза. «Дзю-до, — подумала она. — Наконец-то оно сослужит мне службу. Ну что ж, поглядим, убьет он меня или я успею нащупать нерв у него на шее и изувечу на всю жизнь. Правда, он тоже когда-то все это изучал, он ведь дрался с английскими десантниками.»

— Я знаю, что ты можешь меня швырнуть, — сказал Джо. — Если получится.

— Не буду я тебя швырять, — огрызнулась Джулиана. —

Просто сделаю калекой. Не сомневайся, я сумею. Я жила на западном побережье и училась у японцев. В Сиэтле. Езжай, если хочешь, а я останусь здесь. И не вздумай ко мне лезть! Я тебя боюсь, поэтому способна на все! — У нее задрожал голос. — Попробуй только, тронь меня! Не знаю, что с тобой сделаю!

— Слушай, хватит, а? Надень это проклятое платье, и дело с концом, Заладила: убью! Искалечу! Что я такого сказал? Всего-авсего предложил после обеда сесть в машину и съездить к тому парню, Абендсену, автору книги, которая тебе так...

Раздался стук в дверь. Джо otvorил. На пороге стоял молодой человек в ливрее.

— Утюжка одежды, сэр. Вы справлялись у администратора, сэр.

— Да, верно. — Джо вернулся к кровати, сгреб новые сорочки и отдал слуге. — Сможете уложиться в полчаса?

— Если не стирать, а только гладить — успею, сэр.

— Откуда ты знаешь, что новые сорочки надо выгладить, прежде чем надевать? — спросила Джулиана, когда Джо закрыл дверь.

Он молча пожал плечами.

— А вот я об этом забыла, — сказала Джулиана, — хотя женщине полагается помнить... Когда достаешь сорочку из целлофана, она обязательно в складках...

— В молодости мне случалось бывать в приличном обществе.

— А откуда ты узнал, что в гостинице можно отдать одежду в утюжку? Я-то не знала. А ты в самом деле стригся и красил волосы? Сдается мне, они всегда были светлыми, только ты носил парик. Угадала?

Он снова пожал плечами.

— Должно быть, ты из СД, — продолжала Джулиана. — А прикидываешься макаронником, водителем грузовика. И в Северной Африке ты никогда не был, верно? А здесь для того, чтобы убить Абендсена, так? Видишь, я все поняла, хотя и круглая дура.

Помолчав, Джо возразил:

— Я воевал в Северной Африке. Правда, не в батарее майора Парди, а в Бранденбургском полку. Диверсионно-десантное подразделение вермахта, — пояснил он. — Мы проникали в расположение британских штабов. Не вижу разницы — нам тоже хватило дел. Я и под Каиром был — заслужил там медаль, упоминание в списках отличившихся и звание ефрейтора.

— Твоя авторучка — оружие?

Он не ответил.

— Бомба! — догадалась Джулиана. — Бомба-ловушка, ее можно установить на взрыв от прикосновения.

— Нет. Это двухваттный передатчик, — нехотя пояснил Джо. — Для связи со своими. На тот случай, если политическая ситуация в Берлине потребует изменения плана.

— И перед тем, как сделать дело, ты получишь у своих «добро». На всякий случай.

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты немец.

— Швейцарец.

— А мой муж — еврей, — сказала она.

— Меня не интересует, кто твой туж. От тебя мне нужно одно: чтобы ты надела платье и привела себя в порядок. Нам пора в ресторан. Сделай что-нибудь с волосами, ладно? Тебе бы надо в парикмахерскую... Может, она еще открыта в гостинице? Спустись туда, а я тем временем приму душ и дождусь рубашек.

— Как ты намерен его убить?

— Джулиана, пожалуйста, надень платье. А я позвоню в парикмахерскую. — Он подошел к телефону.

— Ну, зачем я тебе понадобилась?

— У нас на Абендсена досье, — ответил Джо, набирая номер. — Похоже, ему нравятся смуглые, страстные девушки. Особенно ближне-восточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал по телефону, Джулиана вытянулась на кровати, закрыла глаза и прижала к лицу ладони.

— Здесь есть парикмахер, — сообщил Джо, положив трубку. — Она тебя ждет. Спустись в салон. — Джо вложил ей что-то в ладонь. Джулиана открыла глаза и увидела в своей руке банкноты.

— Оставь меня в покое, — взмолилась она. — Ну, пожалуйста!

Он озабоченно посмотрел ей в глаза.

— Не случись в Сиэтле большого пожара, он был бы похож на Фриско, — бормотала Джулиана. — Такие же старые здания из бревен и кирпича на холмах. Японцы поселились в Сиэтле залом до войны. Там целый район очень старых зданий с конторами, магазинами и всем остальным... И порт. Я жила там с одним парнем из торгового флота, и от нечего делать брала ураки у маленького старого японца. Его звали Минору Ихояцу. Он носил жилет и галстук. Кругленький такой старичок, как игрушка йо-йо. Его школа находилась на последнем этаже какого-то японского учреждения; на двери висела старомодная табличка с золотыми

буквами, а приемная напоминала зубо врачебный кабинет. А на журнальном столике лежали последние номера «Нэйшнл Джиографик».

Джо взял ее под мышки и усадил.

— Ну, в чем дело? Заболела, что ли? — Он взгляделся в ее лицо.

— Я умираю.

— Это приступ хандры. С тобой такое часто случается, ведь верно? Тут должна быть аптечка, я дам тебе успокоительное. Как насчет фенотарбиталя? Кстати, мы сегодня с десяти утра не ели — может, от этого? Ничего, все будет в порядке. У Абендсена тебе ничего не надо будет делать, только постоишь рядом со мной. Говорить я буду сам. А ты только улыбайся и будь с ним поласковой. Если понадобится, поддержи беседу, чтобы он не закрыл дверь. Он нас обязательно впустить, как только увидит тебя, особенно, в этом платье. На его месте я бы тебя обязательно впустил.

— Дай пройти в ванную, — попросила Джулиана. — Ну, пожалуйста. Меня тошнит. — Она попыталась высвободиться из его рук. — Сейчас вырвет... Пусти!

Он выпустил ее, и Джулиана побрела в ванную.

«У меня получится, — подумала она, затворяя за собой дверь. Нашарила кнопку выключателя. Вспыхнул яркий свет, она болезненно сощурилась.

В туалетном шкафчике — спасибо предусмотрительному персоналу гостиницы — лежала пачка бритвенных лезвий, мыло и зубная паста. «Односторонние, — подумала Джулиана, вскрывая конвертик с сивевой полосочкой стали.

Из душа шла вода. Джулиана шагнула под нее — и спохватилась. «Господи Боже, я в одежде! Все пропало!»

Платье прилипло к телу. Волосы намокли.

Насмерть перепуганная, она отшатнулась и едва не упала. По чулкам бежали струйки воды. Она заплакала.

Когда вошел Джо, она стояла совершенно голая, опираясь одной рукой на раковину умывальника. Лицо у нее было измученное.

— Господи Иисусе! — захныкала она. — Что теперь делать? Пропал костюм. Он из шерсти. — Она показала себе под ноги. Там мокрой грудой лежала одежда.

Очень спокойно, но с перекошенным лицом, Джо произнес:

— Не расстраивайся, костюм тебе все равно не понадобится. — Он вытер ее белым мохнатым полотенцем и отвел в теплую, устланную ковром гостиную.

— Надень белье и что-нибудь сверху. Я позвоню парик-

махерше, попрошу подняться. Она не откажет, здесь есть все необходимое.

— Ты мне предлагал какие-то таблетки, — сказала Джулиана, когда он договорился с парикмахерской.

— Забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Впрочем, погоди, у меня самого кое-что найдется. Нембутал или еще какая-то чертовщина. — Джо схватил саквояж и стал в нем рыться.

Когда он протянул Джулиане две желтые капсулы, она спросила:

— Я от них не сохну?

— Что?! — У него дернулась щека.

«Пусть сгниет мое чрево, — подумала она, — усохнет лono».

— Не бойся. Это порошки фирмы А. Гэ Хемикален, их глотает весь Рейх. Я сам иногда их пью от бессоницы. Сейчас принесу воды. — Джо бегом бросился на кухню.

«Лезвие, — подумала она. — Я проглотила его, и оно вечно будет резать мои чресла... Кара. Замужем за евреем и снюхалась с гестаповцем-террористом. — Она чувствовала, как по щекам ручьями бегут слезы. — За все мои грехи — погибель».

— Пошли, — сказала она, поднимаясь на ноги. — В парикмахерскую.

— Ты не одета!

Джо усадил ее и попытался натянуть на нее трусики, но безуспешно.

— Нужно сделать что-нибудь с твоими волосами, — простонал он. — Где эта сука, эта женщина?!

Медленно, с трудом выговаривая слова, Джулиана произнесла: — Как веревочке ни виться, а кончик все равно... Прячься — не прячься, а от Бога не уйдешь. Все под ним ходим, все мы у него на крючке... Больно... Это все капсулы. Разъедают меня. Наверное, в них была серная кислота. Встретились в животе и образовали дьявольскую смесь, чтобы мучить меня веки вечные.

Джо не сводил с нее глаз. Он был блее мела.

«Читает мои мысли, — решила Джулиана. — У него есть машинка для чтения мыслей. Только я не знаю, где она спрятана».

— Ну и порошки, — сказала она. — Голова от них кругом.

— Но ты их не проглотила!

Он ткнул пальцем ей в кулак. Разжав ладонь, Джулиана увидела капсулы.

— У тебя нервный припадок, — Джо вдруг стал тяжелым,

медлительным. — Ты больна! Мы не сможем ехать! Нужен врач.

— Не надо врача, — пролепетала Джулиана. — Все пройдет.

Она попыталась улыбнуться. Чтобы узнать, удалось это или нет, она всмотрелась в его лицо. «Как он смотрит... Это, наверно, излучение его мозга превращает мои мысли в кашу...»

— «Я не могу взять тебя к Абендсену, — произнес он. — Сегодня ничего не выйдет. Отложим на завтра. Может, тебе полегчает. Завтра попробуем. Надо.

— Можно, я еще разок схожу в ванную?

Он рассеянно кивнул, думая о своем. Оказавшись в ванной, Джулиана достала их тумбочки еще одно лезвие, спрятала в ладони и вышла.

— До свиданья, — сказала она.

Когда она отворяла дверь в коридор, Джо с криком подскочил и схватил ее за плечо.

Вжик.

— Какой ужас! — изумилась Джулиана. — Вы способны на насилие! Мне следовало это знать.

«Держитесь теперь, ночные грабители и бродяги! Я любому смогу дать отпор! Кстати, а куда девался этот? Схватился за шею и пустился в пляс!»

— Не стой у меня на пути, если не хочешь получить взбучку, — сказала она. — Не смотри, что я женщина. — Подняв руку с лезвием, она другой рукой открыла дверь.

Джо сидел на полу, обеими руками держась за горло.

— Прощай. — Джулиана хлопнула дверью и оказалась в коридоре.

Навстречу, опустив голову и что-то напевая, катила тележку женщина в белом халате. Поравнявшись с Джулианой, она подняла голову, чтобы взглянуть на номер двери. Глаза ее выпучились, а челюсть отвисла.

— Ох ты, миленькая моя! — затараторила она. — Ну и набралась же ты! Не парикмахер тебе нужен, а... Ступай-ка в номер и натяни на себя что-нибудь, пока тебя не выставили из гостиницы. Господи Боже! Пусть твой дружок приведет тебя в чувство, а я пока спущусь вниз и скажу, чтобы тебе принесли горячего кофе. Ну-ка, не стой здесь, заходи! — Она затолкала Джулиану обратно в номер. Послышалось удаляющееся шуршание колес тележки.

«Парикмахерша, — догадалась Джулиана. Опустив глаза, она поняла, почему женщина приняла ее за пьяную — Джулиана стояла с чем мать родила.

— Джо, меня не выпускают, — пожаловалась она.

Джулиана нашла свой чемодан и вытряхнула одежду. Нижнее белье, блузка, юбка... туфли на низком каблуке.

— Приведем себя в порядок, — пробормотала она. Отыскала расческу, расчесала волосы, встала и пошла искать зеркало. — Так лучше? — Она нашла зеркало на дверце стенного шкафа, оглядела себя со всех сторон, даже встала на цыпочки. — У меня в голове такая неразбериха! — сообщила она, оглянувшись. — Почти не сообщаю, что делаю. Ты, наверное, меня чем-то опоил. Не лекарством, а отравой.

— Слушай, — прохрипел Джо. — Он все еще сидел на полу, держась за горло. — Ну и дрянь же ты! Перерезала мне аорту. Артерию на шее.

Джулиана захихикала, прижав ладонь к губам.

— Господи, какой же ты чудак. Все перепутал. Аорта на груди. Ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я встану, то за две минуты истеку кровью. Ты это знаешь. Мне нужен врач или скорая помощь. Понимаешь? Позвони или приведи кого-нибудь.

— Попробую.

— Вот и хорошо. Скажи им... приведи кого-нибудь... спаси меня... — бормотал он.

— Иди сам.

— У меня кровь хлещет.

Кровь и в самом деле просачивалась между пальцами и стекала по запястьям. На полу образовалась лужа. — Я не могу идти! Я подожду здесь.

Джулиана надела шубку, застегнула кожаную сумочку, взяла чемодан и большую коробку с итальянским платьем и направилась к выходу. Отворяя дверь, она обернулась и сказала:

— Возможно, я скажу о тебе администратору. Внизу.

— Угу, — промычал он.

— Так и быть, скажу. Не ищи меня в Каньон-сити, я туда не вернусь. Да и незачем мне туда возвращаться. Я ведь взяла большую часть твоих денег. Все не так уж и плохо. Прощай. Извини. — Она захлопнула дверь и со всех ног бросилась по коридору.

В лифте ей помогли пожилой бизнесмен и его жена. Они взяли у Джулианы свертки, а внизу, в вестибюле, позвали коридорного.

Носильщик вынес ее вещи на улицу и объяснил, как полутьчить машину из гаража. Через несколько минут она стояла возле своего «студебеккера». Служащий развернул машину, Джулиана вытащила из кошелька мелочь, расплатилась, усе-

лась за руль и по залитому желтым светом пандусу выехала на улицу, в царство фонарей, автомобилей и неоновых вывесок.

Швейцар в ливрее собственноручно уложил ее вещи в багажник и улыбнулся столь лучезарно, что Джулиана не удержалась и дала ему огромные чаевые. К немалому ее удивлению, никто не попытался преградить ей путь. «Должно быть, знают, что Джо уплатит, — решила она. — А может, уплатил вперед.»

Затормозив у светофора, она вспомнила, что не сказала администратору о Джо. «Так и прождет до конца света, — подумала она. — А может, дотянет до завтра, когда придет горничная с уборкой. Вернуться, что ли? Или позвонить? Пожалуй, надо остановиться у ближайшей телефонной кабины.

Как все глупо, — размышляла она, отыскивая взглядом место для стоянки. — Кто бы мог подумать? Еще час назад мы бродили по магазинам, входили в гостиницу. Мы уже почти оделись, собирались в ресторан, а то и в ночной клуб». — Джулиана вдруг почувствовала, как по щекам текут слезы и капают на блузку. — Как жаль, что я не посоветовалась с Оракулом, он бы меня предостерег, объяснил, как быть. И почему я о нем забыла? Сколько раз могла к нему обратиться — и в пути, и даже перед отъездом.» Она невольно застонала: звук этот, тихое поскуливание, впервые в жизни вырвавшийся из груди, испугал Джулиану. Но, даже стиснув зубы, она не смогла его подвить.

Она притормозила у обочины, но осталась сидеть в машине, дрожа и сжимая кулаки в карманах шубки. Двигатель тихонько урчал. «Боже, — всхлипнула она. — Какая я дура! Но все-таки надо понять, что происходит».

Джулиана выбралась из машины, достала из багажника чемодан и затащила его на заднее сиденье. Порывшись в тряпках, она извлекла два черных тома Оракула. В тусклом свете витрины универмага она стала подбрасывать три десятицентовика. «Что мне делать? — спросила она. — Пожалуйста, скажи, что мне делать?»

Выпала гексаграмма сорок два, «Приумножение», с чертами развития на второй, третьей, четвертой и верхней позиции. Значит, сорок вторая гексаграмма переходит в сорок третью. Она пробежала текст взглядом, задерживаясь на благоприятных местах, чтобы обдумать и понять их. И вновь чудо — перед ее глазами предстали события последнего дня, краткий, схематичный конспект случившегося:

«Благоприятно иметь, куда выступить.

Благоприятен брод через великую реку».

«Не следует здесь оставаться, надо отправиться в путешествие и совершить что-то важное. Теперь черты...» — губы Джулианы беззвучно шевелились, глаза искали нужные строки.

«Можно умножить то, в чем недостаток.

Черепаша-оракул,

ценой в десять тысяч связок монет.

От ее указаний невозможно уклониться.

Вечная стойкость к счастью.

Царю надо проникнуть с жертвами к богам.

Счастье».

Теперь «шестерка» на третьем месте. У нее закружилась голова.

«Приумножай и в случае несчастливых событий.

Хулы не будет, если, обладая правдой,

Пойдешь верным путем,

Если заявишь об этом князю

И поступишь по его совету.»

«Князь... это, конечно, Абендсен. Черепаша — новый, дорогой экземпляр «Саранчи». Несчастливые события — Оракул знает, что с ней случилось — этот ужас с Джо, или кто он там... — она прочла комментарий к «шестерке» на четвертой позиции: «Если, идя верным путем, заявишь об этом князю, то все пойдут за тобой.»

«Я должна ехать к Абендсену, — поняла Джулиана. — Даже если Джо поедет следом». Она торопливо проглядела текст последней черты развития — верхней «девятки».

«Ничего не приумножит этого,

А, пожалуй, — разобьет его.

При воспитании сердец не будь косным.

Несчастье!»

«О Господи, — подумала она, — это убийцы из гестапо. Оракул говорит, что рано или поздно Джо или кто-нибудь еще доберется до Абендсена и убьет его». Она поспешно заглянула в сорок третью гексаграмму. «Выход».

«Поднимаешься до царского двора.

Правдиво возглашай.

А если будет опасность, то говори и от своего города.

Неблагоприятно братья за оружие.

Благоприятно иметь, куда выступить».

«Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и доводить дело до конца. Это бесполезно — вместо Джо пришлют других. Оракул настойчиво советует иное: добраться до

Шайенна и предупредить Абендсена. Я должна сказать ему всю правду».

Она закрыла книгу и перебралась за руль. Вскоре Денвер остался позади, а перед Джулианой уходило к горизонту широкое шоссе. Она до отказа выжимала газ, двигатель то и дело взрывывал, отчего вздрагивало сиденье и громыхало в бардачке. «Благодарение Богу за доктора Тодта и его автострады», — подумала Джулиана. Она неслась сквозь тьму и в свете фар видела только белую полосу на дороге.

К десяти вечера ей еще не удалось добраться до Шайенна — сказались усталость и нервное перенапряжение. Ничего не оставалось, как сбросить скорость и поискать ночлега.

Вскоре ей попался на глаза дорожный указатель: «Грили — 5 миль». «Завтра утром доеду, — решила Джулиана, сворачивая к Грили. Ей сразу встретилось несколько мотелей с яркими неоновыми вывесками, так что с ночлегом не возникло проблем. Сегодня же позвоню Абендсену и предупрежу о приезде», — решила она.

На стоянке она выбралась из машины и устало потянулась. Все-таки как приятно после долгих часов езды снова встать на ноги. Заметив круглосуточно работающую аптеку, Джулиана сунула руки в карманы и направилась к ней. Вскоре она стояла в телефонной кабине и просила телефонистку соединить ее с Шайенном.

Слава Богу! — телефон Абендсенов нашелся в списках абонентов.

— Будьте любезны, соедините, — попросила Джулиана и опустила в щель несколько четвертаков.

— Алло? — неожиданно послышался приятный женский голос. Видимо, его обладательница была одного возраста с Джулианой.

— Миссис Абендсен? — спросила Джулиана. — Могу я поговорить с мистером Абендсеном?

— А кто вы?

— Я прочла его книгу и весь день ехала из Каньон-сити, штат Колорадо. Сейчас я в Грили. Думала, доберусь к вам еще сегодня, но не получилось. Я хочу узнать, можно ли мне завтра увидеться с мистером Абендсеном.

После паузы миссис Абендсен произнесла все тем же приятным голосом:

— Да, конечно, но... Скажите, а... у вас есть какая-нибудь особая причина для встречи с моим мужем? Видите ли, он очень занят.

— Я хочу с ним поговорить, — сказала Джулиана. Собст-

венный голос показался ей каким-то тусклым, деревянным. Разглядывая стенку кабины, она не знала, что бы еще сказать. У нее ныло все тело, во рту пересохло. За стеклом кабины она видела аптекаря, взбивающего молочный коктейль для четырех подростков. Джулиане здесь нравилось: она едва реагировала на вопросы миссис Абендсен. Ей захотелось остаться в аптеке, заказать прохладительный напиток и сэндвич с салатом и курицей.

— Готорн работает совершенно бессистемно, — звучал в трубке живой, звонкий голос миссис Абендсен. — Насчет встречи я ничего не могу обещать — возможно, ему захочется проработать весь день напролет. Но если вы отдавали себе в этом отчет, когда отправлялись в путь...

— Да, — подтвердила Джулиана.

— Я уверена, он с радостью потолкует с вами, если выкроит несколько минут, — продолжала миссис Абендсен.

— Я прочла его книгу, и она мне очень понравилась, — сказала Джулиана. — Она у меня с собой.

— Понимаю, — произнесла миссис Абендсен благожелательным тоном.

— Я много времени потеряла в Денвере на магазины. — «Нет, — подумала Джулиана. — Надо не так».

— Видите ли, тут все дело в Оракуле, — призналась она. — Это он велел мне ехать в Шайенн.

— О Господи! — воскликнула миссис Абендсен.

— Я вам прочту. — Джулиана захватила Оракул в кабину. Положив том на полочку под аппаратом, она торопливо стала искать нужную страницу. — Секундочку. — Отыскав нужное место, она зачитала текст сорок второй гексаграммы. Дойдя до «девятки» наверху, там, где говорилось о несчастье, она услышала на другом конце провода сдавленный возглас. — Простите? — спросила Джулиана.

— Продолжайте, — попросила миссис Абендсен. Голос ее, как заметила Джулиана, стал напряженнее, в нем появилась тревога. Казалось, она поняла серьезность ситуации.

Джулиана прочтала текст гексаграммы сорок три, где говорилось об опасности, и замолчала. В трубке тоже молчали.

— Ну что ж, — наконец сказала миссис Абендсен, — в таком случае завтра увидимся. Не могли бы вы назвать себя?

— Джулиана Фринк, — представилась Джулиана. — Большое спасибо, миссис Абендсен.

Тут вмешалась телефонистка, возмущаясь, что время разговора давно истекло. Джулиана повесила трубку и, за-

брав кошелек и два тома Оракула, направилась к буфетной стойке.

Заказав сэндвич с кока-колой и закулив сигарету, она с ужасом осознала, что ничего не сказала миссис Абендсен об этом гестаповце, или эсэсовце, или кто он там — словом, о Джо Чиннаделда, которого она бросила в гостиничном номере.

«Забыла! — упрекнула она себя. — Напрочь вылетело из головы. Как это могло случиться? Должно быть, я спятила. Чокнутая дурища. Она бы мне просто не поверила,» — попыталась успокоить себя Джулиана, но безуспешно.

Она порылась в сумочке, пытаясь найти мелочь для повторного звонка.

«Нет, — решила она, вставая из-за стола. — Сегодня больше не буду звонить. Сейчас чертовски поздно. Я устала, да и они, наверное, уже спят. Будь что будет».

Она съела сэндвич, выпила кока-колу и отправилась в ближайший мотель, где взяла номер и заснула, едва добравшись до постели.

14

«**О**твета нет, — размышлял Тагоми. — Даже в Оракуле все непонятно. И все же мне предстоит жить дальше. День за днем. Надо снова обрести цель в жизни, хотя бы крошечную...»

Как обычно, он попрощался с женой и вышел из дому. Но на сей раз Тагоми направился не в «Ниппон Таймс Билдинг».

«Может быть, отдохнуть, развлечься? Съездить в Парк Золотые Ворота, поглазеть на зверей и рыб? Побывать среди живых тварей, не умеющих думать, но способных радоваться? Пусть будет так.

Путь туда не близок, и у меня будет достаточно времени для постижения внутренней правды. Если можно так выразиться. Но деревья и твари земные — безлики. А мне нужно ухватиться за человеческую жизнь. Или стать ребенком? Возможно, это и неплохой выход. Мне бы не повредило вернуться в детство».

Рикша бодро крутил педали, велосипед катил по Кернитрит к деловому центру Сан-Франциско.

«Прокатиться по канатной дороге? — подумал вдруг Тагоми. — Детское удовольствие в чистом виде — восхитительное путешествие на транспорте, которому полагалось бы ис-

чезнуть еще в начале века, но который, как ни странно, дотянул до наших дней».

Он отпустил велотакси и направился к ближайшей вышке.

«Быть может, — думал он, — я никогда не вернусь в «Ниппон Таймс Билдинг», где пахнет смертью. Карьера окончена, но это пустяки. Мне найдут замену. Но человек по имени Тагоми все еще ходит, дышит, помнит каждую мелочь. Выходит, еще не все закончено.

Впрочем, война — операция «Одуванчик» — всех нас сотрет с лица Земли. Что бы мы ни предпринимали. Те, на чьей стороне мы сражались в минувшую войну, стали нашими врагами. И какой нам от этой войны прок? Наверное, надо было драться не за, а против них. Или хотя бы помогать их врагам, Соединенным Штатам, Британии, России. Но что бы это изменило? Бездна, как ни крути. Мудрецы уходят из мира, и, возможно, это единственный выход. Увы, мы одиноки, нам неоткуда ждать помощи. Возможно, это и к лучшему, — решил Тагоми. — Человек должен найти свой путь.»

Он сел в вагончик канатной дороги на калифорния-стрит, проехал до конца и помог развернуть его на деревянном поворотном круге.

Вагончик, поскрипывая, повез его назад, Тагоми в задумчивости смотрел вниз. Из всех впечатлений от города, это было для него самым ярким, но теперь опустошенность ощущалась еще резче.

Возле Стоктона он встал и двинулся к выходу. Его остановил возглас кондуктора:

— Ваш портфель, сер!

— Спасибо. — Тагоми взял портфель и вышел. Вагончик лязгнул и двинулся дальше.

В портфеле лежал бесценный коллекционный кольт сорок четвертого калибра. Теперь Тагоми не расставался с оружием, на случай, если мстительные бандиты из СД захотят расквитаться с ним за смерть своих приятелей... всякое в жизни бывает. И все-таки Тагоми чувствовал, что это нарушение привычного течения жизни — какой бы ни была его подоплека — признак неврастения. «Не надо ей поддаваться, — убеждал он себя, шагая по тротуару с портфелем в руке. — Это не более чем навязчивая идея, мания преследования.» Но избавиться от смутной тревоги не удавалось.

«Не я владею оружием — оружие владеет мной, — думал он. — Значит, я уже не испытываю перед ним восторга? Все мое существо восстает против того, что я сделал. Исчезло не

только преклонение перед этим кольцом — исчезла сама страсть к коллекционированию. Увы! Опора моей жизни, тихая гавань...»

Он остановил велотакси и велел рикше везти его на Монгомери-стрит, к магазину Роберта Чилдэна.

«Оборвана ниточка, связывавшая меня с любимым занятием. Надо разобраться. Понять, что со мной случилось. Возможно, удастся преодолеть страхи с помощью хитрости: обменять пистолет на другую старинную вещь. Для меня история этого револьвера слишком ощутима... В самом худшем смысле. Это воспоминание останется со мной, в моей психике, но для кого-нибудь другого револьвер будет самым обыкновенным предметом старины.

Как только я избавлюсь от кольца, все мои проблемы уйдут в прошлое, — решил Тагоми, чувствуя прилив сил. — Ибо дело не только в моей психике, но и — что полностью соответствует теории историчности — в самом револьвере. Мы с ним связаны».

Веломобиль подъехал к магазину. «Я здесь столько всего приобрел, — подумал Тагоми, расплачиваясь с рикшей. — И для себя, и для деловых подарков».

Он быстро вошел в магазин. У кассы стоял Чилдэн и протирал тряпкой какую-то вещь.

— Мистер Тагоми, — поклонился Чилдэн.

— Мистер Чилдэн, — поклонился в ответ Тагоми.

— Какой сюрприз! Я весьма польщен. — Чилдэн вышел из-за прилавка. Тагоми заметил перемену в хозяине магазина. «Какой-о он не такой, как всегда. Менее разговорчивый, что ли. Вот и хорошо, — решил он. А то вечно болтает, суетится. А вдруг, это дурной знак? Все может быть».

— Мистер Чилдэн, — заговорил Тагоми, ставя портфель на прилавок и расстегивая замок. — Мне бы хотелось обменять на что-нибудь другое вещь, купленную у вас несколько лет назад. Помнится, вы совершали подобные сделки.

— Да, — кивнул Чилдэн. — Но все зависит от ряда факторов. Например, от состояния вещи. — Он встревоженно посмотрел на посетителя. Тагоми молча выложил тиковый футляр.

Некоторое время они разглядывали револьвер и жестяную коробочку, в которой недоставало боеприпасов.

По лицу Чилдэна пробежала тень.

«Не хочет, — догадался Тагоми. — Ну что ж, делать нечего».

— Вы не заинтересованы? — спросил он.

— Нет, сэр, — твердо ответил Чилдэн.

— Не буду настаивать. — Тагоми почувствовал, как его

покидают силы. «Сдаюсь, — с грустью решил он. — Увы, во мне силен уступчивый, слабовольный инь».

— Простите, мистер Тагоми.

Тагоми поклонился и уложил револьвер в портфель. «Судьба. Придется жить с этой вещью».

— Вы огорчены, сэр? — спросил Чилдэн.

— Вы заметили? — досадуя на себя, произнес Тагоми.

— У вас есть какая-то особая причина продать эту вещь?

— Нет, — ответил Тагоми, пряча от чужих глаз частицу своего внутреннего мира, что надо было сделать с самого начала.

Помедлив, Чилдэн произнес:

— Я... сомневаюсь, что этот револьвер куплен в моем магазине. Не могу его припомнить.

— Я в этом уверен, — сказал Тагоми. — Впрочем, не имеет значения. Пусть будет так, как вы решили. Я не в претензии.

— Позвольте показать вам новые поступления, — предложил Чилдэн. — Надеюсь, вы не торопитесь?

В душе Тагоми всколыхнулось знакомое чувство.

— Что-нибудь интересное?

— Прошу вас, сэр. — Чилдэн подвел его к прилавку у противоположной стены. Под стеклом на черном бархате сверкали маленькие металлические безделушки самых замысловатых форм.

— Я показываю их каждому посетителю, — признался Чилдэн. — Вы знаете, что это такое, сэр?

— Похоже, бижутерия, — предположил Тагоми, угадав в одной из вещей брошь.

— Разумеется, это американские изделия, но не старинные, сэр.

Тагоми поднял глаза.

— Сэр, это современное искусство. — Бледное, невыразительное лицо Роберта Чилдэна горело восторгом. — Перед вами — новая жизнь моей страны. Она начинается с крошечных всходов, ростков красоты.

Тагоми с деланным интересом перебрал безделушки. Да, — подумал он, — в них есть нечто новое, оживляющее. Закон Дао: повсюду еще господствует инь, а в темнейших глубинах уже вспыхивают первые искорки света. Так было, так будет. И все же, к несчастью для нас обоих, я не могу; как Чилдэн, прийти в восторг от этих железок.

— Очень мило, — пробормотал он и положил украшения на прилавок.

С натугой в голосе Чилдэн заявил:

— Сэр, это не приходит сразу.

— Простите?

— Это надо увидеть сердцем.

— Вы обратились в новую веру, — заключил Тагоми. — Хотел бы и я тоже... Но увы — не могу. — Он поклонился.

— Кто знает, — задумчиво произнес Чилдэн, провожая его к выходу.

«Попытается продать мне что-нибудь», — решил Тагоми.

— Ваша убежденность сомнительна, — сказал он в дверях. — Мне кажется, вы избрали не самый верный путь.

На лице Чилдэна не было и тени прежнего раболепия.

— Простите, но я уверен в своей правоте. В этих вещах я отчетливо вижу крошечный зародыш будущего.

— Да будет так, — согласился Тагоми. — Но меня не вдохновляет ваш англо-саксонский фанатизм. — Он чувствовал, как в душе торговца пробуждается надежда. Его надежда, его вера в себя. — Всего доброго, — поклонился Тагоми. — На днях я к вам загляну — поглядим, сбываются ли ваши пророчества.

Он взял портфель и двинулся прочь. «С чем пришел, с тем и ухожу, — заметил он. — Ничего не обрета. Не представляя, с чем вернуться в мир.

А что, если купить одну из тех странных безделушек причудливой формы? Подержать ее, рассмотреть повнимательней, подумать... Может быть, со временем она подскажет мне путь? Сомнительно, правда... Такие вещи хороши для Чилдэна, а не для меня. И все же, если хоть один человек находит Путь... это говорит о том, что Путь существует. Пусть даже он сокрыт от моих глаз. Как я ему завидую.»

Тагоми повернулся и пошел обратно. В дверях, следя за его приближением, стоял Чилдэн. Он и не уходил.

— Сэр, — обратился к нему Тагоми, — я куплю одно из этих украшений, на ваш выбор. Веры во мне нет, но сейчас я хватаюсь за каждую соломинку. — Вслед за Чилдэном он прошел в магазин и приблизился к прилавку с бижутерией. — Я буду носить ее с собой и время от времени брать в руки. Скажем, раз в день. Если через два месяца я не...

— Вы сможете вернуть ее за полную стоимость, — пообещал Чилдэн.

— Благодарю. — Тагоми стало легче. «Иногда следует менять привязанности, — решил он. — В этом нет ничего предосудительного, напротив, это признак мудрости, правильного подхода к жизни.

— Вот это вас успокоит. — Чилдэн вручил ему серебря-

ный треугольник, украшенный полыми шариками, внизу темными, сверху — яркими, полными света.

— Спасибо, — поблагодарил Тагоми.

Доехав до Портсмут-сквер, маленького открытого парка на склоне холма, Тагоми уселся на залитую солнцем скамью. По усыпанным гравием дорожкам в поисках крошек бродили голуби. На скамейках дремали или читали газеты люди, смахивающие на бродяг. Некоторые спали прямо на траве.

Достав из кармана бумажный пакетик с этикеткой магазина Р. Чилдэна, Тагоми посидел, греясь на солнце, затем вскрыл пакет и достал покупку. Здесь, среди газонов, дорожек и стариков, ему предстояло внимательно изучить ее.

Серебряный треугольник на его ладони сверкал в лучах полуденного солнца, преломляя и рассеивая свет, словно хрустальная призма. Крошечная частица, объявляющая целое. Магический слог Ом²⁹, как говорят брамины.

Тагоми пристально вглядывался в предмет. «Что в нем главное? Размер? Форма? Придет ли ко мне озарение, как обещал Чилдэн? Сколько ждать? Пять минут? Десять? Времени немного, но я буду сидеть столько, сколько смогу.

«Прости меня, — Тагоми мысленно обратился к треугольнику. — Нас всегда тянет встать и броситься действовать. Я смотрю на тебя с надеждой. С наивной верой ребенка, прижимающего к уху найденную на морском берегу раковину. Глаз заменит ухо. Мир сосредоточился для меня в одном маленьком кусочке металла. Войди в меня и поведай: «куда?», «Зачем?», И «почему?»

Нет ответа. Когда просишь слишком много, не получаешь ничего.

«Слушай, — вполголоса обратился он к треугольнику, — тот, кто продавал тебя, был щедр на обещания».

А если встряхнуть его, как остановившиеся старые часы? Или как кости перед решающим броском? Он так и сделал.

Как разбудить таящуюся внутри душу? Издеваться над ним подобно пророку Илие³⁰? Может, она спит? Или в дороге? Или занята чем-либо? Тагоми еще раз изо всех сил встряхнул в кулаке серебряный треугольник — позвал его громче — и снова поднес к глазам.

«Моему терпению приходит конец. Ты пуста, маленькая безделушка. Отругать тебя? Испугать? А что потом? Выбросить в канаву? Дышать на тебя, встряхивать и снова дышать, пытаюсь во что бы то ни стало добиться ответа?

Тагоми засмеялся. — Напрасный труд, спектакль для прохожих. — Он смущенно огляделся. Но никто не смотрел на

него. Старики дремали на скамейках. Тагоми облегченно вздохнул. — Надо испробовать все: умолять, увещевать, угрожать, анализировать, наконец. Найти способ...

Впрочем, что толку? Треугольник отвергает меня. Может, потом? Нет. Уильям Гильберт³¹ прав, каждая ситуация неповторима, шанс дается один раз.

Все это глупо. Я веду себя как ребенок. Но детство давным — давно позади. Надо искать в других местах.

Попробуем подобрать ключик с помощью классической аристотелевской логики. Цепь строгих рассуждений, ведущих к истине.»

Он сунул палец в правое ухо, чтобы заглушить отдаленный шум города, и, словно раковину, крепко прижал серебряный треугольник к левому.

Ни звука.

Ни плеска волн, ни рокота океанского прибоя, а по сути, отраженного шума пульсирующей крови.

Слушать бесполезно. Какое еще чувство может открыть тайну? Тагоми закрыл глаза и принялся ощупывать каждый миллиметр треугольника. И осязать нет смысла — пальцы ничего не сказали ему. Запах? Он поднес вещь к носу. Слабый запах металла и только. Тагоми положил треугольник на язык, покатал во рту как леденец. Ничего, кроме холодка металла.

Нет, все-таки — зрение. Высшее по античной шкале чувств.

Он снова положил треугольник на ладонь.

«Что я должен увидеть? — спросил он себя. — Где путеводная ниточка к истине?»

— Сдавайся, — велел он серебряному треугольнику. — Выкладывай свою волшебную тайну.

«Лежит у меня на ладони, как лягушка, поднятая со дна пруда. Но эта лягушка непростая: она меняет форму, становится то куском глины, то камнем, то кристаллом. Возвращается к неживой первооснове.

Металл добыт из земли, — рассуждал он. — Из царства Тьмы, царства духов и сырых, темных пещер. Из мира Инь в его самом буквальном смысле. Из мира вечного постоянства, времени-которое-было.»

Серебряный треугольник сверкал в солнечных лучах. Не сырой, не тусклый, не изъеденный временем, но пульсирующий жизнью и светом, почти неземной. Как и полагалось произведению искусства. Он принадлежал царству Неба, миру Ян. Да, это дело рук Художника, взявшего из темных, холодных недр металл и превратившего его в сияющую частицу неба.

Превратить мертвое в живое. Заставить труп сверкать красками жизни. Прошлое подчинить будущему.

«Кому ты принадлежишь? — спросил он серебряный треугольник. — Мертвому темному Инь или живому яркому Ян?»

Треугольник слепил его радужными лучами. Тагоми прищурился, с этого момента он видел только игру света.

«Тело — Инь, душа — Ян. Металл и свет, внешнее и внутреннее, микрокосм на моей ладони. Может, он скрывает тайну пространства? Тайну вознесения в небеса? Или времени? Светоносного изменчивого мира? Да! Вот оно! Эта вещь раскрыла свою душу: свет! Мое внимание поглощено — я не в силах оторвать взгляд. Это блеск завораживает...

Теперь, когда ты поймала меня, поговори со мной, — попросил он. — Я хочу услышать твой голос, исходящий из чистого яркого света, который мы ожидаем встретить только после смерти, в мире, описанном «Бардо Тходол» — «Книгой Мертвых»³². Но я не хочу ждать смерти, распада моей личности. Не хочу скитаться в поисках нового материнского лона. Грозные и мирные божества, мы будем обходить вас. И мягкий дымный свет. И совокупляющиеся пары. Все, кроме чистого яркого света³³. Я готов без страха устремиться к нему.

Я чувствую манящие меня горячие ветры кармы³⁴. И все-таки остаюсь на месте. Мне было дано знание Великого Освобождения, и я не зажмурюсь, не кинусь прочь от невыносимо-слепающего света, ибо если сделаю это, то снова войду в круг сансары, не зная свободы, не ведая отдыха. Покрывало майи³⁵ падет снова, если я...»

Свет исчез. Тень заслонила солнце.

Он держал в руке обыкновенный серебряный треугольник.

Тагоми поднял глаза. Возле скамейки, улыбаясь, стоял высокий полицейский — почему-то в синей форме.

— В чем дело? — недовольно спросил Тагоми.

— Ни в чем. Я просто смотрел, как вы возились с безделушкой.

— Безделушка? — глухо переспросил Тагоми. — Нет, вы ошибаетесь.

— Почему ошибаюсь? У моего сынишки полно таких игрушек.

Полицейский пожал плечами и двинулся дальше.

«Отнял мой шанс на нирвану, — с внезапной яростью подумал Тагоми. — Отнят белым неандертальцем-янки. Этот недочеловек решил, будто я забавляюсь детской игрушкой!»

Поднявшись со скамейки, он сделал несколько неуверенных шагов. «Дикие, необузданные страсти бушуют в моей

груди. Необходимо успокоиться. Избавиться от недостойных меня расистских, шовинистических мыслей.

«Двигайся, — внушал он себе. — Катарсис в движении».

Он вышел за ограду парка на Керни-стрит. Шумный поток транспорта. Тагоми остановился у края тротуара.

«Ни одного велотакси. Когда надо, их ни за что не поймаешь.» — Тагоми присоединился к толпе пешеходов.

«Боже, что это?!» — Он остановился, уставившись на чудовищную бесформенную громаду, нависавшую над крышами зданий.

— Что это? — повернулся он к прохожему, указывая на сооружение.

— Это? Эмбаркадеро, многопутевая дорога. Жутковато, правда? Многим кажется, что она паршиво смотрится.

— Никогда не видел ее прежде.

— Вам повезло, — хмыкнул прохожий и пошел дальше.

«Безумный сон, — подумал Тагоми. — Надо проснуться. Куда подевались велотакси?» — Он пошел быстрее. Все вокруг имело блеклый, могильный оттенок. Серые дома, запах гари, усталые, помятые лица. И не одного велотакси. Только машины и автобусы. Автомобили, как огромные чудовища, все незнакомых моделей. Он старался не замечать их — смотрел только вперед. Нарушение зрительного восприятия в обостренной форме. Утрачено чувство пространства — даже линия горизонта искажена, размыта. Это похоже на астигматизм. Нужно передохнуть. Вот и закусочная».

Тагоми распахнул деревянные створки дверей. Внутри одни белые. Запах кофе. В углу надрывался игровой автомат. Тагоми поморщился и направился к грязной стойке. Все места заняты. Он громко попросил уступить место. Несколько посетителей оглянулись, но никто не шелохнулся!

— Я настаиваю! — громко сказал Тагоми ближайшему белому. Нет, не сказал — крикнул в ухо.

Человек поставил чашку и усмехнулся:

— Ишь ты...

Тагоми огляделся: все смотрели на него с нескрываемой враждебностью. И никто не шевелился. «Словно я уже нахожусь в бардо. Меня овивают горячие ветры кармы, окружают видения, кто знает, откуда они? Может ли человек вынести такую враждебность? «Книга Мертвых» предупреждает: после смерти ты будешь видеть других людей, но никто не протянет тебе руку помощи. Ты будешь одинок среди толпы, будешь скитаться в царствах страдания и печали, готовых поглотить твой мятущийся, растерянный дух...»

Он поспешно вышел из закусочной. Дверь со скрипом закрылась за его спиной.

Тагоми снова стоял посреди тротуара.

«Где я? Вне своего мира, вне своего пространства и времени? Серебряный треугольник разрушил мою реальность. Меня сорвало с якоря и несет неведомо куда... Перестарался. Хороший урок для меня. Человек пытается вступить в борьбу со своими переживаниями — зачем? Разве он не обречен потеряться в одиночестве, заблудиться без проводника в неведомых мирах?»

Это все треугольник. Сознание растворилось настолько, что оказалось возможным появление этой сумеречной страны. Мы воспринимаем мир субъективно, архетипически. Реальное в нашем видении полностью сливается с чем-то подсознательным. Типичный самогипноз. Надо прервать это жуткое скольжение среди теней, заново сосредоточиться и восстановить естественное мировосприятие. Где серебряный треугольник? — Он пошарил в карманах. — Исчез! Остался в парке вместе с портфелем! Катастрофа!»

Тагоми бросился обратно в парк. Сонные старики провожали его взглядами. Вот та скамейка, а на не — портфель. И нигде нет треугольника. Тагоми растерянно пошарил глазами вокруг. Вот он! Лежит в траве, там, где он уронил его, разозлившись на полицейского.

Тагоми уселся на скамейку, тяжело дыша после бега.

«Надо сосредоточиться на треугольнике, — сказал он себе, отдышавшись. — Забыть обо всем и считать. До десяти. Потом будоражащий возглас, «Проснись!»

Все это идиотский сон наяву, — думал он. — Я впал в детство, увлекся ребячьими играми, отнюдь не такими невинными, как кажется. Чилдэн и художник, создавший эту вещь, тут ни при чем. Во всем виноват я сам, моя жадность. К пониманию нельзя принудить».

Он медленно сосчитал до десяти и вскочил.

— Бред собачий! — бросил он.

«Туман рассеялся? Наваждение исчезло? — Он огляделся. — Вероятно. Вот когда можно по достоинству оценить меткое высказывание Апостола Павла. «Видеть как бы сквозь тусклое стекло»³⁶ — это не метафора, но пронизательное предостережение о возможных нарушениях восприятия действительности. В общем-то мы действительно видим астигматически. Пространство и время суть творения нашей психики, и когда они хоть на мгновение пошатнутся — это как острое расстройство вестибулярного аппарата. Мы внезапно кренимся, чувство равновесия исчезает, все кружится...»

Тагоми уселся, спрятал серебряный треугольник в карман пальто. «Надо пойти и взглянуть на то отвратительное соору-

жение — как его назвал прохожий?.. Многопутевая дорога Эмбаркадеро. Если оно не исчезло».

Но Тагоми боялся.

Не могу же я сидеть здесь вечно, — убеждал он себя. — Мне надо двигаться, действовать! «Время — деньги», как гласит американская поговорка.

Дилемма.

Два китайчонка, громко шаркая, шли мимо. С шумом вспорхнула стая голубей.

— Эй, мальчуганы! — окликнул их Тагоми и сунул руку в карман. — Подойдите сюда.

Мальчишки недоверчиво приблизились.

— Вот десятицентовик. — Тагоми бросил монетку. — Идите на Керни-стрит и поглядите, есть ли там велотакси.

— А вы дадите еще десять центов, когда мы вернемся? — спросил мальчуган постарше.

— Да, — сказал Тагоми. — Только вы должны сказать правду.

Мальчишки со всех ног припустили по дорожке.

«Если велотакси нет, — подумал Тагоми, — мне останется отыскать укромное местечко и застрелиться. Он раскрыл портфель. — Револьвер на месте, значит, проблем не будет».

Мальчишки примчались обратно.

— Шесть! — крикнул один. — Я насчитал шесть!

— А я — пять! — воскликнул второй, задыхаясь после быстрого бега.

Тагоми дал каждому по монетке.

«Назад в офис. Окунуться в работу. — Он поднялся. — Долг зовет. Сегодня обычный трудовой день».

Он снова вышел на тротуар.

— Такси!

Из потока транспорта вынырнуло велотакси. Смуглое лицо рикши блестело от пота, грудь вздымалась.

— Да, сэр?

— В «Ниппон Таймс Билдинг», — приказал Тагоми, устраиваясь поудобнее.

Изо всех сил нажимая на педали, рикша помчал его среди велосипедов и валомашин. Незадолго до полудня Тагоми вошел в «Ниппон Таймс Билдинг» и снизу позвонил Рамсею.

— Это Тагоми, — кратко сказал он.

— Доброе утро, сэр! Счастлив слышать вас! Мы уже начали беспокоиться. В десять я звонил вам домой, но ваша супруга сказала, что вы ушли...

— Беспорядок устранен?

— Полностью, сэр.

— Вы уверены?

— Даю слово, сэр.

Успокоившись, Тагоми повесил трубку и направился к лифту.

Войдя в офис, он позволил себе беглый осмотр. Рамсей не обманул — все чисто. Тагоми вздохнул с облегчением. Те, кто не присутствовал при вчерашних событиях, ни за что не догадаются, сто здесь произошло совсем недавно. Лишь линолеум пола хранит память. В кабинете его встретил Рамсей.

— Ваша храбрость удостоена панегирика на первой полосе «Таймс»! — воскликнул он. — Там сказано... — заметив выражение лица Тагоми, он умолк.

— Вначале о деле, — сказал Тагоми. — Как генерал Тедеки? То есть, мистер Ятабе?

— Он в пути. Летит в Токио секретным авиарейсом, — Рамсей скрестил средний и указательный пальцы от сглаза.

— А что с мистером Бэйнсом?

— Не знаю. Он не заходил тайком и ненадолго, пока вы отсутствовали, но ничего не сказал. — Помедлив, секретарь добавил: — Возможно, он вернулся в Германию.

— Ему было бы гораздо лучше на Родных островах, — задумчиво пробормотал Тагоми, обращаясь в основном к себе. — «Ну и ладно. Все это касается старого генерала и тех, кто стоит за ним. Это вне моей компетенции. Мной и моим офисом просто воспользовались. Это было удобно и целесообразно. Я был их... как это называется? Крышей, ширмой, скрывающей истину.

Как странно, — размышлял он. — Порой видимое служит лишь декорацией, скрывающей действительность. Вроде картонного фасада. И в этом, если постичь иллюзорность всего нашего мира, можно найти частичку сатори. Понять можно только целое. Ничего, даже иллюзию нельзя отбрасывать. Какая грандиозная вырисовывается картина...»

Появилась бледная, взволнованная Эфрикян.

— Мистер Тагоми, к вам...

— Успокойтесь, мисс. Не надо так нервничать. — «Поток времени несет нас», — подумал он.

— Сэр, в приемной немецкий консул. Он хочет говорить с вами. Утверждает, что приходил раньше, но не застал...

Тагоми жестом приказал ей замолчать.

— Мистер Рамсей, напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Барон Гуго Рейсс, сэр.

— Благодарю, — «Возможно, Чилдэн оказал мне услугу, не взяв револьвер обратно», — мелькнула мысль.

Прихватив портфель, Тагоми вышел из кабинета.

В коридоре курил подтянутый, хорошо одетый белый. Ко-

ротко остриженные соломенные волосы, блестящие черные полуботинки, военная выправка. Тонкий женский мундштук слоновой кости в зубах. Он, никаких сомнений.

— Герр Рейсс? — спросил Тагоми.

Немец поклонился.

— До этого я имел с вами деловые контакты по почте и телефону, но видимся мы впервые, — сказал Тагоми.

— Это честь для меня. — Рейсс двинулся к нему. — Даже учитывая досадные обстоятельства...

— Надо думать.

Немец поднял бровь.

— Боюсь, «досадными обстоятельствами» вам тут не отделаться. Хрупкий сосуд моей души разбит — так будет точнее.

— Да, это ужасно. — Рейсс покачал головой. — Когда я впервые...

— Прежде, чем вы затянете литанию, позвольте мне сказать.

— Ну, конечно.

— Я самолично пристрелил двух ваших негодяев.

— Полицейский департамент Сан-Франциско поставил меня в известность, — Рейсс выпустил облако сигаретного дыма. — Я побывал в участке на Керни-стрит и в морге. И, конечно, прочитал интервью, данное вашими сотрудниками корреспондентам «Таймс». Все это весьма печально...

Тагоми молчал.

— Тем не менее, — продолжал Рейсс, — не установлено никакой связи между хулиганами, учинившими здесь погром, и Рейхом. Германское правительство не имеет к случившемуся никакого отношения. Вы действовали совершенно правильно, мистер Тагоми.

— Тагоми.

— Да, Тагоми. Давайте пожмем друг другу руки и забудем этот досадный инцидент. В нынешние трудные времена любая безответственная публикация может воспламенить умы, повредить интересам наших великих наций.

— Тем не менее, на моей совести кровь, герр Рейсс, — покачал головой Тагоми. — А кровь не чернила, ее не так легко смыть.

Консул явно был раздосадован.

— Я жажду забвения, — продолжал Тагоми. — Но вы не сможете мне его дать. И, похоже, никто не сможет. Я собираюсь перечитать дневник знаменитого массачусетского проповедника Гудвина Мэзера. То место, где говорится о геенне огненной.

Консул вновь закурил, пристально глядя на Тагоми.

— Позвольте заверить вас, консул, что ваша нация дошла до крайней степени подлости. Вам знакома гексаграмма «Бездна»? Как частное лицо, а не как представитель японского правительства, я говорю: сердцу больно от ужаса. Грядет все-ленская кровавая бойня. Но даже сейчас вы не можете забыть свои мелкие, эгоистичные интересы. Соперничество с СД, не так ли? Решили все свалить на Кройца фон Меере? — Тагоми запнулся — сдавило грудь. «Астма, — мелькнула мысль. — Как в детстве, когда я сердился на мать». — Я страдаю от болезни, которая не давала о себе знать многие годы, — пояснил он Рейссу. — Она приняла опасную форму в тот день, когда я услышал рассказ о деяниях ваших лидеров. Болезнь, уву, неизлечима. Вы тоже больны, сэр. Говоря словами Гудвина Мэзера, если я их правильно понял: Кайся, грешник!

— Вы правы, хрипло произнес немец и дрожащими пальцами достал новую сигарету.

Появился Рамсей с пачкой документов.

— Пока консул здесь. Один незначительный вопрос, относящийся к его компетенции. — Он протянул бумаги Тагоми, который пытался справиться с приступом удушья.

Тагоми машинально взял бумаги. Форма 20-50. Запрос из Рейха через официального представителя ТША консула барона Гуго Рейсса с просьбой о выдаче уголовного преступника, задержанного полицией Сан-Франциско. Фрэнк Финк, еврей по национальности, гражданин Германии. В соответствии с законом Рейха передать попечению таможенной службы и так далее. Тагоми перечел документ.

— Ручку, сэр? — Протягивая авторучку, Рамсей с омерзением глядел на консула.

— Нет! — Тагоми вернул Рамсею форму 20-50. Затем схватил снова и написал внизу: «Отказать. Торговый атташе Японии в Сан — Франциско. Основание — военный протокол 1947 года. Тагоми». — Он сунул одну копию Рейссу, другую, вместе с оригиналом — секретарю. — Всего хорошего, герр Рейсс. — Тагоми поклонился.

Немецкий консул поклонился в ответ. Он едва взглянул на бумагу.

— В будущем, пожалуйста, старайтесь обходиться без личных визитов. Пользуйтесь такими быстродействующими средствами связи, как почта, телефон, телеграф, — продолжал Тагоми.

— Вы хотите взвалить на меня ответственность за дело, которое не имеет никакого отношения к моему ведомству. — Консул нервно затянулся сигаретой.

— Дерьмо куриное — вот что я вам на это скажу.

— Цивилизованные люди так не разговаривают, огрыз-

нулся Рейсс. — Ваши слова продиктованы раздражением и желанием отомстить. Тогда как сейчас от вас требуются выдержка и осмотрительность. — Он швырнул окуроч на пол, повернулся и пошел прочь.

— Забери свой вонючий окуроч! — слабо выкрикнул ему вслед Тагоми. Но консул уже скрылся за поворотом коридора.

— Ребячество. Вы были свидетелем моего возмутительного ребячества, — печально сказал Тагоми Рамсею и нетвердым шагом направился в кабинет. У него окончательно перехватило дыхание. Боль потекла вниз по левой руке, одновременно невидимый кулак двинул по ребрам.

— О-о-ох! — Тагоми схватился за бок, перед глазами полыхнул сноп искр. — Помогите, мистер Рамсей! — прошептал он. Но не услышал ответа. — Пожалуйста... — Он споткнулся, вытянул руку, хватая пустоту.

Падая, Тагоми сжал в кармане серебряный треугольник. «Ты не спас меня, — подумал он. — Не помог. Все напрасно.» В ноздри ударил запах ковра. «Кажется, я заработал небольшой сердечный приступ, — с испугом подумал Тагоми. — Необходимо восстановить равновесие».

Он почувствовал, как его подняли и понесли.

— Все в порядке, сэр, — сказал кто-то.

— Сообщите жене, пожалуйста, — прошептал Тагоми.

Его уложили на кушетку. Он услышал далекую сирену скорой помощи, шарканье ног. С него сняли галстук, расстегнули воротник сорочки, укрыли одеялом.

— Мне лучше, спасибо, — сказал Тагоми. Он лежал на кушетке, не пытаясь пошевелиться. «Карьере конец, — сокрушенно решил он. — Немецкий консул наверняка поднимет шум. Нажалуетса на мое хамство. Но как бы там ни было, я сделал все, что в моих силах. Остальное — дело Токио и заинтересованных кругов в Германии. Я вышел из игры.

Вначале были пластмассы, — подумал он. — Всего-навсего пластмассы. Солидный бизнесмен. Оракул, правда, намекнул, но...»

— Снимите с него рубашку, — приказал кто-то. Очень властный тон. Несомненно врач. Тагоми улыбнулся. Тон — это все. Мне действительно пора в отставку, — решил он. — Сегодняшний приступ — серьезное предупреждение. Мое тело предупреждает меня, и я должен уступить.

Что сказал Оракул, когда два мертвеца лежали на полу, а я судорожно искал в нем поддержки?

Шестьдесят один, «Внутренняя правда». «Даже вепрям и рыбам — счастье! Благоприятен брод через великую реку.

Благоприятна стойкость». Вепри и рыбы — самые глупые существа, их труднее всего убедить. Таков и я. Книга подразумевает меня. Я ничего не реша окончательно. Такова моя нелепая натура... Я может, сейчас мне открывается внутренняя правда? Подождем. Поглядим...»

В тот вечер, сразу после обеда, дежурный полицейский офицер открыл дверь камеры Фрэнка и велел ему собираться....

Вскоре Фрэнк стоял на тротуаре Керни-стрит посреди обтекающей его толпы. Было холодно. Перед зданиями лежали длинные тени. Мимо проносились сигналившие машины и автобусы; кричали рикши. Фрэнк постоял, затем вместе с толпой пешеходов машинально пересек улицу.

Он размышлял над случившимся и ничего не понимал.

«Внезапно арестовывают, и так же внезапно отпускают...»

Ему ничего не объяснили, просто отдали узелок с одеждой, бумажник, часы, очки, и старый пьянчуга-охранник вывел его за ворота.

«Почему меня выпустили? — думал он. — Чудо? Или счастливая случайность? По логике, мне следовало бы сейчас лететь в Германию на ликвидацию.»

Он брел мимо ярких витрин магазинов, распахнутых дверей баров, перешагивал через обрывки бумаги и прочий мусор, гонимый ветром.

«Словно заново родился, — размышлял Фрэнк. — Почему? Как? Черт побери, так оно и есть — подарили вторую жизнь! И что я должен теперь делать? Молиться? Кому? Хотел бы я знать... и понять».

Но он чувствовал, что никогда не поймет.

«Просто радуйся, — сказал он себе. — Думай, двигайся, живи. Назад, к Эду, — мелькнуло в голове. — Вернуться в подвал, в мастерскую. Делать украшения. Трудиться не покладая рук, и не надо ничего понимать.»

Он стремительно шагал по улицам ночного города. Назад, в привычный, понятный мир.

Войдя в подвал, он застал своего компаньона за ужином: два сэндвича, термос с чаем, бананы и несколько домашних пирожков. Мак-Карти жевал и глотал с ритмичностью автомата.

Возле него стоял включенный электрокамин. Фрэнк сел рядом и протянул к обогревателю озябшие руки.

— Значит, вернулся. Молодец. — Оторвавшись от еды, Мак-Карти хлопнул Фрэнка по спине. Больше он ничего не сказал. Тишина нарушалась лишь гудением электрокамина да чавканьем Мак — Карти.

Сбросив пальто на спинку кресла, Фрэнк набрал пригоршню недоделанных серебряных звеньев и высыпал рядом со шлифовальным станком. Надел на ось круг, обтянутый сукном, включил мотор, надвинул на глаза щиток и принялся шлифовать звенья. Одно за другим.

15

Капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под именем Конрада Гольца, оптового торговца лекарствами, глядел в иллюминатор ракетоплана. Впереди показалась Европа. «Как быстро, — подумал он. — Минут через восемь приземлимся в Темпельхофе. Интересно, достиг ли я цели? Теперь все зависит от генерала Тедеки. От того, как он поведет себя на Родных островах. Во всяком случае, мы сделали все, что могли. Но повода для оптимизма пока нет. Вдруг японцы не сумеют повлиять на германскую внешнюю политику? Правительство Геббельса, скорее всего, удержится у власти. Окрепнув, оно вспомнит об «Одуванчике», и тогда половина планеты превратится в безжизненную пустыню. Рано или поздно нацисты уничтожат всех нас. Они могут: у них есть водородная бомба. И они добьются своего, ибо их мышление устремлено к смерти.

Что оставит после себя Третье Мировое Безумие? Наступит ли конец вообще всякой жизни? Мертвая планета — чудовищный итог нашей эволюции?..»

Он не мог, не хотел в это верить.

«Невозможно, чтобы наш мир был единственным, должны существовать другие миры, в другой галактике или ином измерении, невидимые для нас, неведомые, непостижимые. Даже если на Земле жизнь прекратится, где-то останется другая жизнь, другой разум, мудрее нашего. Я не могу доказать, но я верю в это.»

— Дамы и господа, пожалуйста, приготовьтесь, — прокаркал громкоговоритель.

«Скоро приземлимся, — подумал капитан Вегенер. — Меня наверняка ожидают. Вопрос только в том, чья группировка готовит мне встречу. Геббельса или Гейдриха? Допустим, Гейдрих жив. Хотя, пока я летел, его вполне могли устранить. В смутное время в тоталитарном обществе такое случается быстро...»

Несколькими минутами позже он двигался к выходу в толпе пассажиров. Но на этот раз среди них не было молодого

нацистского художника. «Некому изводить меня своими идиотскими суждениями,» — устало подумал Вегенер.

У трапа, чуть в стороне, стояла группа людей в черной форме. «За мной?» — Вегенер медленно спустился по трапу. Далеко впереди кричали и махали руками встречающие.

Один из чернорубашечников, плосколицый белобрысый парень с опознавательными знаками Ваффен-СС, шагнул к Вегенеру, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Прошу прощения, вы не капитан Рудольф Вегенер из абвера?

— Извините, — ответил Вегенер. — Вы ошиблись. Я — Конрад Гольц, представитель «А. Г. Хемикален». — Он двинулся дальше.

Навстречу ему шагнули еще двое эсэсовцев. Все трое обступили Вегенера, так что, двигаясь в выбранном направлении, он оказался под охраной. У двоих эсэсовцев под плащами были автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал первый, когда они вошли в здание аэровокзала.

Он промолчал.

— Вас ждет машина, — продолжал эсэсовец. — Нам приказано встретить вас и немедленно препроводить к рейхсфюреру СС Гейдриху в штаб-квартиру дивизии «Лейбштандарт». Кроме того, мы должны охранять вас...»

«Чтобы меня не перехватили молодчики из партии, — добавил про себя Вегенер. — Значит, Гейдрих жив и не смещен. Сейчас он пытается укрепить свое положение в правительстве Геббельса. Вполне возможно, что в конце концов нынешний кабинет падет, — размышлял он, усаживаясь в черный штабной «даймлер». — Однажды ночные улицы заполнят патрули Ваффен-СС. Из полицейских участков ринутся толпы чернорубашечников. Будут захвачены радиостанции, телеграфы, отключена электроэнергия, закрыт Темпельхоф. Громыхание сапог по берлинской брусчатке... Но, в сущности, что это изменит? Даже если доктор Геббельс будет свергнут, они все равно останутся: чернорубашечники, партия, планы войны не с Востоком, так с кем-нибудь еще. Например, с Марсом или Венерой. Не удивительно, что Тагоми не выдержал, — подумал он. — Жестокая дилемма нашего существования. Как бы ты ни поступил, в итоге это окажется злом. Тогда зачем сопротивляться? Зачем выбирать, когда все пути — ложны?.. И все-таки мы будем бороться. День за днем. Сейчас — против операции «Одуванчик», потом — против полиции. Нельзя уничтожить все зло сразу. Это долгий процесс. Мы можем лишь делать выбор на каждом шаге. И надеяться».

Возможно, в каком-нибудь другом мире все по-другому. И жизнь состоит из ясных альтернатив. Черно-белый мир без оттенков и переходов.

Увы, мы живем не в идеальном обществе, где истина прозрачна, поскольку ясны ее критерии. Где можно быть правым без особых усилий, поскольку известно, что значит быть правым.

«Даймлер» взревел и рванулся с места.

«Предположим, это ловушка, — думал Вегенер, зажатый на заднем сиденье охраной; автоматы лежали у эсэсовцев на коленях. — Они везут меня не к Гейдриху, а в застенки партии, что-бы вытянуть из меня сведения и прикончить. Но я сделал выбор: предпочел рискнуть, вернуться в Германию.

Смерть — вот путь, который открыт для нас всегда, на любом шагу. И постепенно мы приближаемся к ней, сами того не желая. Или, напротив, сдаемся и выбираем смерть сознательно.

Черный автомобиль мчал его по берлинским улицам. «Вот я и дома, — подумал Вегенер. — Мой народ, я снова с тобой».

— Какие новости? — обратился он к охране. — Я отсутствовал несколько недель, уехал еще до смерти Бормана. Есть ли перемены в политической ситуации?

Эсэсовец справа ответил:

— Есть, и большие. Были громкие митинги в поддержку Маленького Доктора. В сущности, к власти его привела толпа. Когда народ опомнится, то вряд ли потерпит уroda и демагога. Геббельс держится только на умении ложью и пустословием воспламенить энтузиазм масс.

— Ясно, — кивнул Вегенер.

«Грызня продолжается, — подумал он. — Возможно, семена зла вот-вот дадут всходы, и тогда они сожрут друг друга, а мы останемся. Будем надеяться, нас уцелеет достаточно, чтобы начать все сначала. Чтобы строить и думать о будущем...»

В час дня Джулиана Фринк добралась до Шайенна. В центре города, возле огромной железнодорожной станции, она купила две дневные газеты, и, просматривая их, наткнулась на заметку:

«ОТПУСК ЗАВЕРШАЕТСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМ УДАРОМ».

«Джулиана Чиннаделла подозревается в убийстве своего мужа Джо Чиннаделла. По свидетельству служащих денверской гостиницы «Президент Гарнер», она покинула отель сразу после того, как разыгралась кровавая драма. В номере найдена распечатанная упаковка бритвенных лезвий. Оче-

видно, одним из них и воспользовалась миссис Ченнаделла, по описаниям, привлекательная, хорошо одетая брюнетка лет тридцати. Тело ее мужа с перерезанным горлом обнаружил Теодор Террис, служащий гостиницы, который всего полчаса ранее забрал у клиента рубашки на глаженье и вернулся, как было договорено. По словам полицейских, в номере остались следы борьбы, что дает основания предположить...»

«Значит, он умер, — подумала Джулиана, складывая газету. — Но у них даже нет моей настоящей фамилии, они ничего обо мне не знают».

Почти успокоенная, она продолжила путь, пока не наткнулась на сносный мотель. Джулиана сняла номер и перенесла туда свертки из машины. «Теперь ни к чему торопиться, — решила она. — Можно дождаться вечера, чтобы был повод навестить к Абендсенам в новом платье. И книгу успею дочитать».

Она не спеша разложила вещи, включила радио, заказала по телефону кофе, затем юркнула в аккуратно застеленную кровать с новым экземпляром «Саранчи», купленным в денверской гостинице.

В седьмом часу вечера Джулиана захлопнула книгу. «Интересно, успел ли Джо ее дочитать? — подумала она. — Похоже, он так ничего и не понял. В ней заключен гораздо более глубокий смысл, чем кажется. И суть тут не в придуманном мире. Бьюсь об заклад: никто, кроме меня, не понял «Саранчу». Им просто кажется, что они поняли».

Джулиана убрали книгу в чемодан, надела шубку и отправилась обедать.

Воздух был свеж и чист, рекламные надписи и фонари Шайенна казались особенно яркими. Мимо проносились сверкающие лаком машины. Напротив бара ссорились две хорошенькие черноглазые индианки-проститутки. Замедлив шаг, Джулиана любовалась картиной ночного города, создававшей атмосферу праздника, атмосферу, не имеющую ничего общего с нудным, надоевшим, с такой легкостью отвергнутым ею прошлым.

Джулиана остановила свой выбор на дорогом французском ресторане, возле которого стоял служащий в белой livrée и где на каждом столике стоял огромный кубок с горячей внутри свечой, и масло подавалось не порционными кубиками, а в большой мраморной масленке. С аппетитом пообедав, она не спеша поехала в мотель. Банкноты Рейхсбанка почти кончились, но это ее не огорчило.

«Он поведал нам о своем видении мира, — подумала она, открывая дверь номера. — Нашего. Того, который нас окру-

жает. Он хотел, чтобы мы тоже увидели. И он добился своего, я с каждой минутой вижу мир все отчетливей».

Расстелив на кровати голубое итальянское платье, Джулиана убедилась, что оно не пострадало, но, распаковав остальные свертки, обнаружила, что оставила в Денвере новый лифчик.

«Черт с ним. — Она села в кресло и закурила. — Попробую надеть с обычным бюстгальтером. — Она скинула блузку и юбку и примерила платье. Но бретельки и верхние половинки чашечек бюстгальтера торчали наружу, так что этот вариант отпадал. — Можно, наверное, обойтись и вовсе без него, — подумала она. — Хотя я уже много лет не ходила... — Это напомнило юность, когда у нее был маленький бюст. Вспомнив, она даже расстроилась. Но возраст и дзю-до сделали свое дело.

Джулиана примерила платье без бюстгальтера и встала на табурет в ванной, чтобы видеть себя в зеркале шкафчика. Платье смотрелось просто потрясно, но, Боже мой, было слишком вызывающим. Достаточно наклониться с сигаретой к огоньку и...

Брошь! Тогда она сможет поднять вырез и обойтись без бюстгальтера. Вытряхнув на кровать содержимое своей сумочки, она перебрала украшения, подаренные Фрэнком и другими мужчинами еще до женитьбы. Память былых времен. Была тут и новая брошь, купленная Джо в Денвере. Да, небольшая мексиканская брошка в виде лошади подойдет.

«Хоть какая-то польза от прошлого, — сказала она себе. — Осталось так мало хороших воспоминаний».

Она долго и тщательно делала прическу, затем выбрала сережки и туфли, надела шубку, взяла сумочку и покинула номер.

Вместо того, чтобы сесть в старый «студебеккер», она поручила владельцу мотеля заказать такси. Пока Джулиана ждала в холле, ей пришлось в голову позвонить Фрэнку. «Почему бы и нет?» — спросила она себя. Возможно, даже платить не придется — Фрэнк так обрадуется звонку, что будет счастлив оплатить разговор».

Джулиана заказала номер Фрэнка и, затаив дыхание, прислушалась к переговорам далеких телефонисток. Вначале местных, затем во Фриско. В трубке долго шуршало и потрескивало, наконец раздались гудки. В ожидании ответа она смотрела в окно. «В любую минуту может появиться такси, — подумала она. — Впрочем, неважно — шофер подождет».

— Ваш номер не отвечает, — сказала шайеннская телефонистка. — Я могу повторить вызов...

— Не надо. — Джулиана мотнула головой. В конце кон-

цов это был всего лишь каприз. — Спасибо. — Она повесила трубку и решила подождать такси на улице.

Возле нее остановилась сияющая новенькая машина. Водитель торопливо вышел, обогнул такси и распахнул дверцу.

Мгновение спустя роскошный «кадиллак» мчал Джулиану по улицам Шайенна к Абендсенам.

Дом Абендсенов — одноэтажный особняк, окруженный пышно разросшимися кустами и клумбами с розами, — был ярко освещен. Джулиана услышала музыку и голоса. Идя по мощеной гравием дорожке, она думала: «Не ошиблась ли я адресом? Неужели это и есть Высокий Замок? А как насчет слухов и легенд?» Дом оказался обыкновенным, хотя и был довольно красив, а парк — идеально ухоженным. Рядом с домом, под навесом, она заметила детский велосипед.

Может, это не тот Абендсен? Адрес она нашла в шайеннском телефонном справочнике.

Джулиана взойшла на крыльцо с чугунными перилами и нажала кнопку звонка. Дверь было приоткрыта. Она увидела гостиную, людей, венецианские занавеси на окнах, пианино, камин, книжные шкафы... «Красивая обстановка, — подумала она. — Что у них сегодня? Прием? Нет, все одеты просто».

Дверь распахнул взъерошенный мальчуган лет тринадцати в тенниске и джинсах.

— Да?

— Мистер Абендсен дома? Он не занят? — спросила Джулиана.

— Мама! — позвал мальчик. — Тут к папе пришли!

К двери подошла рыжеволосая женщина лет тридцати пяти с пронизательными серыми глазами и улыбкой столь доброжелательной и располагающей, что Джулиана сразу поняла: это Кэролайн Абендсен.

— Я звонила вчера вечером, — сказала она.

— Да, да, я помню. — Улыбка миссис Абендсен стала еще шире. У нее были идеально белые, ровные зубы. «Ирландка, — подумала Джулиана. — Только ирландская кровь может придать форме рта такую женственность».

— Позвольте вашу сумочку и пальто. Вы пришли как раз вовремя. У нас собрались друзья. Какое восхитительное платье! От Керубини, я не ошиблась? — Женщина провела Джулиану мимо переполненной вешалки, через гостиную в спальню, где положила ее вещи на кровать рядом с другими. — Муж где-то здесь. Поищите высокого человека в очках с бокалом «старомодного». — Ласковый свет ее глаз пронизывал Джулиану.

«Удивительно, — подумала Джулиана. — Мы сразу поняли друг друга».

— Я приехала издалека, — сообщила она.

— Да, вы говорили... А вот и он. — Кэролайн Абендсен подвела ее к группе мужчин. — Дорогой, подойди сюда, — позвала она. — Тут одна из твоих читательниц рвется сказать тебе несколько слов.

К ним направился очень высокий смуглый человек с темными вьющимися волосами и карими или даже, благодаря затемненным линзам очков, черными глазами. На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной шерсти, который без каких-либо портновских ухищрений подчеркивал широкие плечи владельца. Джулиана впервые в жизни видела такого необыкновенного человека и потому с удивлением уставилась на него.

— Миссис Фринк целый день ехала из Каньон-сити, чтобы поговорить с тобой о «Саранче», — представила ее Кэролайн.

— Я думала, вы живете в крепости, — сказала Джулиана. Готорн Абендсен поклонился.

— Да, мы жили в крепости. Чтобы добраться туда, нам приходилось пользоваться лифтом, а у меня боязнь высоты. В один прекрасный день, когда я хорошо набрался, со мной случился приступ. Говорят, я отказался подниматься по той причине, что трос лифта тянет сам Иисус Христос. С тех пор это повторялось каждый раз, и тогда я решил переехать сюда, чтобы обойтись без лифта.

Джулиана не поняла. Кэролайн пояснила:

— Гот говорит, что когда он доезжал наверх, до Христа, то не мог подняться на ноги, а приветствовать Господа сидя — нехорошо.

— Выходит, вы продали Высокий Замок и вернулись в город? — спросила Джулиана.

— Хотите что-нибудь выпить? — вместо ответа предложил Абендсен.

— Давайте, — согласилась она. — Но не «старомодное». — Джулиана давно заметила бар, заставленный бутылками, бокалами, вазами с сэндвичами и фруктами. Она направилась туда в сопровождении Абендсенов. — Плесните немного «Харпера» со льдом. Вы знакомы с Оракулом?

— Нет, — покачал головой Абендсен, смешивая для нее коктейль.

— С «Книгой Перемен», — пояснила она.

— Нет, не знаком, — повторил он, протягивая бокал.

— Не дразни ее, — попросила Кэролайн.

— Я прочла вашу книгу, — сказала Джулиана. — По

правде говоря, дочитала сегодня вечером. Откуда вы узнали о мире, который описали?

Абендсен, хмуро глядя в сторону, потер верхнюю губу костяшкой согнутого пальца.

— Вы пользовались Оракулом?

— Только прошу вас, не надо острить или ребячиться. Скажите правду.

Пожевывая губу и покачиваясь на каблуках, Абендсен смотрел в пол. Шум голосов в комнате стих, те, кто находились поблизости, прислушивались к разговору. Джулиана почувствовала всеобщее неодобрение, но ей было необходимо получить ответ.

— Это... трудный вопрос, — вымолвил наконец Абендсен.

— Нет, не трудный.

В комнате наступила полная тишина. Все смотрели на них.

— Сожалею, но я не готов ответить, — сказал Абендсен. — Всем придется с этим смириться.

— Тогда как вы написали свою книгу? — настаивала Джулиана.

— Что делает эта брошь на вашем платье? Отгоняет духов или всего-навсего соединяет части в целое?

— Почему вы уходите от ответа? — спросила она. — Увиливаете, делая бессмысленные замечания, вроде этого?

— Каждый имеет... свои маленькие секреты, — медленно выговорил Готорн Абендсен. — Вы — свои, я — свои. Вот что я имел в виду. Вам следует воспринимать «Саранчу», как мое видение мира... — Он снова протянул ей бокал. — Ведь, когда вы садитесь на диван, вас не интересует, что там у него внутри: пружины или поролон.

«Похоже, он нервничает, — заметила Джулиана. — Куда подевались его вежливость и добродушие? И Кэролайн больше не улыбается — губы плотно сжаты, в глазах беспокойство».

— В книге вы говорите, что есть какой-то выход. Так?

— Выход?.. — насмешливым эхом отозвался он.

— Вы для меня много сделали. Я поняла, что нет смысла бояться, нет смысла жалеть, ненавидеть или избегать. Убегать и преследовать.

Он внимательно разглядывал ее, покручивая бокал.

— В этом мире многое стоит свеч, — вымолвил он.

— Я понимаю вашу мысль, — сказала Джулиана. Ей не в новинку были подобные взгляды, но с недавних пор они перестали ее волновать. — В гестаповском досье утверждает-ся, что вам нравятся такие женщины, как я.

Абендсен лишь слегка изменился в лице.

— Гестапо не существует с сорок седьмого.

— Ну, значит, в СД, или где-то там еще.

— Вы не могли бы объяснить подробнее? — резко спросила Кэролайн.

— Хочу и могу, — ответила Джулиана. — Я приехала в Денвер с одним из них. Они твердо решили вас уничтожить. Вам бы уехать куда-нибудь, где вас не смогут найти, а не жить у всех на виду. Впуская в дом кого попало. Меня, например. Когда сюда пришлют следующего убийцу, может не найтись человека, чтобы остановить его.

— Вы сказали — следующего, — произнес Абендсен после паузы. — А что с тем, который был с вами? Почему он не здесь?

— Я перерезала ему горло, — кратко ответила она.

— Это что-то, — пробормотал Абендсен. — Услышать такое от женщины, которую видишь впервые в жизни...

— Вы мне не верите?

— Ну что вы... — Он как-то по-доброму, виновато улыбнулся. Видимо, ему и в голову не пришло усомниться в ее словах. — Спасибо.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них, — попросила Джулиана.

Он покачал головой.

— Видите ли, мы пытались. Вы же читали на обложке: оружие, проволока под током и все такое... Я так написал, чтобы создать видимость, будто и сейчас живу в крепости. — В его голосе слышалась усталость.

— Ты можешь хотя бы носить оружие, — укорила его жена. — Я знаю, когда-нибудь тыпустишь в дом незнакомца, и он пристрелит тебя. Какой-нибудь нацистский профессионал.

— Если захотят, они все равно до меня доберутся, — отмахнулся Абендсен. — Несмотря на Высокий Замок, колючую проволоку и прочее.

«Так ты фаталист, — подумала Джулиана. — Сам готов подписать себе смертельный приговор. Впрочем, это ясно из твоей книги».

— «Саранчу» написал Оракул, верно? — спросила она.

— Хотите знать правду?

— Хочу, и после того, что для вас сделала, имею на это право. Разве не так?

— Оракул крепко спал, пока я писал книгу. Спал в углу кабинета. — Его глаза были серьезны, лицо, казалось, вытянулось еще больше.

— Скажи ей правду, — потребовала Кэролайн. — Она заслужила. Я скажу вам миссис Фринк, — обратилась она к Джулиане. Гот задавал вопросы. Тысячи вопросов. И искал

ответы в гексаграммах. Тема. Исторический период. Сюжет. Персонажи. На это ушли годы. Гот даже спросил, ждет ли его книгу успех. Оракул ответил, что успех будет огромен, впервые за всю литературную карьеру мужа. Так что вы правы. Должно быть, вы сами часто общаетесь с Оракулом, если догадались.

— Раньше мне и в голову не приходило, что Оракул может сочинить книгу, — Джулиана пожала плечами. — А вы когда-нибудь спрашивали его, почему он сочинил именно «Саранчу», а не какую —нибудь другую книгу? И почему в ней Германия и Япония проиграли войну? Есть ли тут скрытый смысл, как обычно в его ответах?

Абендсен и Кэролайн молчали. Наконец Абендсен ответил:

— Мы с ним никогда не заводили разговора о дележе гонораров. Если я спрошу, почему он написал «Саранчу», мне, стало быть, придется взять его в долю. Вопрос предполагает, что я всего-навсего печатал на машинке, а это далеко не так.

— Я спрошу его, — сказала Кэролайн, — если ты не хочешь.

— Это не твое дело, — ответил Абендсен. — Пусть она спросит. — Он повернулся к Джулиане. — У вас необычный разум. Вы знаете об этом?

— Где ваш Оракул? — спросила Джулиана. — Мой остался в машине у мотеля. Если не дадите воспользоваться вашим, я все равно спрошу у своего.

Абендсен повернулся и пошел к закрытой двери. Остальные потянулись за ним. Абендсен исчез за дверью и вскоре вернулся с двумя черными томами.

Джулиана уселась в углу за кофейным столиком. Гости окружили ее.

— Мне нужны бумага и карандаш.

Мигом нашлось и то, и другое.

— Можете произнести вопрос вслух, — сказал Абендсен. — У нас ни от кого нет секретов.

— Оракул, зачем ты написал книгу «Из дыма вышла саранча»? Что мы должны узнать из нее?

— У вас ошеломляющая манера задавать вопросы, — отметил Абендсен, но сел рядом, чтобы следить за гаданием. — Я не пользуюсь черенками тысячелистника, вечно их теряю, — пояснил он, вручая ей три медные китайские монеты с дырочками.

Джулиана стала бросать монеты. Она спокойна и уверена в себе. Абендсен рисовал черты. Когда монеты упали в шестой раз, он поглядел на нее и сказал:

— «Разрешение» внизу. «Проникновенность» наверху. Равновесная ситуация.

— Вы помните, что это за гексаграмма? — спросила Джулиана. — Не заглядывая в Оракул?

— Да, — кивнул Абендсен.

— Я тоже знаю. Это Чжун-фу — «Внутренняя правда». И я помню, что она означает.

Абендсен поднял голову и долго молча смотрел на нее. На его лице застыло суровое выражение.

— Она означает, что моя книга — правдива?

— Да, — ответила она.

— Германия и Япония проиграли?! — гневно воскликнул он.

— Да.

Абендсен захлопнул оба тома и поднялся.

— Даже вы боитесь в это поверить, — сказала Джулиана.

Он задумался, глаза стали пустыми. «Ушел в себя, — подумала Джулиана. — Пытается осознать случившееся».

Взгляд Абендсена прояснился, он хмыкнул.

— Никак не могу поверить.

— Поверьте, — попросила Джулиана. — Пожалуйста...

Он покачал головой.

— Не можете, — вздохнула она. — Неужели не можете?

— Хотите автограф на «Саранчу»? — предложил Готорн Абендсен.

Джулиана тоже поднялась.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо вам большое. Простите, что я омрачила ваш вечер. Вы были очень добры, пригласив меня. — Она прошла сквозь кольцо гостей в спальню, где лежали ее вещи.

Когда она надевала шубку, за ее спиной появился Абендсен.

— Знаете, кто вы? — спросил он Джулиану и обернулся к Кэролайн. — Эта женщина — демон, прекрасный змей-искуситель, который.. — Он поднял руку и сильно, чуть было не смахнув очки, потер лоб. — Который неустанно скитается по Земле.. — Он поправил очки. — Она поступает так, как подсказывает инстинкт, следуя своей природе. Ей не приходит в голову, что своим визитом она причинит кому-то боль. Она просто пришла, как приходят беда или счастье — никого не спросясь. И я раж, что она здесь, и ни о чем не жалею. Она не знала, зачем едет сюда и что найдет. Думаю, всем нам повезло, так что давайте не будем вешать носа, хорошо?

— Да, она ужасная сумасбродка, — подтвердила Кэролайн.

— Весь мир таков. — Абендсен протянул Джулиане руку. — Спасибо за то, что вы сделали в Денвере.

— Спокойной ночи, — сказала она, пожимая руку. — Послушайте вашей жены. Хотя бы оружие носите.

— Нет, — сказал он. — Я давным-давно все для себя решил и не хочу к этому возвращаться. Теперь, когда мне становится тревожно, особенно по ночам, я ищу поддержки у Оракула. Неплохой способ отделаться от тревог. — Он печально улыбнулся. — Честно говоря, сейчас меня беспокоит только то, что эти олухи вылакают все спиртное, пока мы тут болтаем. — Повернувшись, он направился к бару.

— Куда вы теперь? — спросила Кэролайн.

— Не знаю. — Почему-то это не волновало Джулиану. «Я немного похожа на него, — подумала она. — Не позволяю некоторым вещам беспокоить меня, какими бы они ни были важными». — Возможно, вернусь к мужу, Фрэнку. Сегодня я пыталась до него дозвониться, пожалуй, еще раз позвоню. Если будет настроение.

— Я очень благодарна за то, что вы для нас сделали или говорите, что сделали...

— Но вам бы хотелось никогда меня больше не видеть, — подхватила Джулиана.

— Должна признаться, меня очень расстроил ваш разговор с Готорном, — смутилась Кэролайн.

— Странно, — сказала Джулиана. — Мне не приходило в голову, что правда может вас расстроить. «Правда, — подумала она, — суровая, как смерть. Но найти ее гораздо труднее, чем смерть. Мне просто повезло.» — Думаю, ваш муж прав: не стоит огорчаться. Это всегда лишь недоразумение, не так ли? — Она улыбнулась, и миссис Абендсен вымученно улыбнулась в ответ. — В любом случае, спокойной ночи.

Джулиана, не оглядываясь, прошла по залитой светом дорожке сада и ступила на темный асфальт тротуара.

Она шла, мечтая о машине — яркой, движущейся, живой, — которая доставит ее в мотель.

КОММЕНТАРИИ

Приступая к переводу «Человека в Высоком Замке», мы отдавали себе отчет в сложности поставленной задачи. Не будем останавливаться на трудностях, с которыми пришлось столкнуться. Приведенный в конце обширный и далеко не полный список литературы, которую пришлось привлечь во время работы, говорит сам за себя. Несколько слов хотелось бы сказать о том, чем мы руководствовались при переводе романа.

В статье «Махаяна и китайские учения» востоковед Т. П. Григорьева предложила условные модели логик трех великих мировых культур: «Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель». Китайская модель и является, на наш взгляд, ключом к пониманию романа Ф. Дика. Белое станет черным, ян станет инь, ситуация непременно превратится в свою противоположность. И Оракул, к которому все время обращаются герои романа, постоянно подчеркивает эту истину.

И все же, хотя в основе «Человека в Высоком Замке» лежит символика «Книги Перемен», и весь он пропитан духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «Ицзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее прошлое и настоящее (пусть альтернативное). Поэтому перед нами стояла вдвойне сложная задача — сделать перевод не только максимально адекватным оригиналу, но и понятным русскоязычному читателю. Этой цели служат и настоящие комментарии.

От переводчиков.

1. Гораций Грили (1811-1872) — американский писатель, публицист, политик. В 1872 году баллотировался на пост Президента от партии либеральных республиканцев.

2. Джин Харлоу — американская кинозвезда 30-х годов.

3. Филдс — псевдоним американского комика Уильяма Клода Дьюкефилда.

4.... словами всем известного западного святого... — имеется в виду Иисус Христос. Евангелие от Матфея, 16, 26

5. «Ицзин» или китайская классическая «Книга Перемен» — одна из книг конфуцианского Пятикнижия. «Не без досады, но и не без удовлетворения мы должны предоставить «Книге Перемен» безусловно первое место среди остальных

классических книг и как труднейшей из них: труднейшей и для понимания, и для перевода. «Книга Перемен» всегда пользовалась славой темного и загадочного текста. Некоторые места «Книги Перемен» до сих пор трудны для понимания — столь непривычны и чужды нам те образы, в которых выражены ее концепции.

По философии «Книги Перемен» все бытие представляет собой чередование ситуаций, возникающее от взаимодействия равных, пребывающих в постоянном движении и переходящих друг в друга космических сил — ян (света, мужского начала) и инь (тьмы, женского начала). Каждая ситуация символически обозначается знаком, именуемым в европейской литературе гексаграммой. Всего гексаграмм шестьдесят четыре, и вместе они охватывают весь мировой процесс.

Каждая гексаграмма состоит из шести горизонтальных черт. Черты символизируют этапы развития данной ситуации и читаются снизу вверх. Первой чертой считается нижняя, которая называется «начальной» и характеризует зарождение ситуации, второй — вторая снизу и т. д., верхняя черта называется не шестой, а именно «верхней» и знаменует завершение ситуации, ее переразвитие, переход в свою противоположность. Существует два типа черт: непрерывны, они называются чертами ян («световыми», «сильными», «девятками»), и прерванные посередине, они называются чертами инь («Теневыми», «слабыми», «шестерками»). Как нетрудно заметить, всего таких комбинаций из шести инь и ян черт может быть шестьдесят четыре, т. е. по числу гексаграмм «Ицзина».

Знак	Название	Свойство	Образ
☰	цинь (творчество)	крепость	небо
☷	кунь (исполнение)	самоотдача	земля
☳	чжень (возбуждение)	подвижность	гром
☴	кинь (погружение)	опасность	вода
☶	гэнь (пребывание)	незыблемость	гора
☵	сунь (уточнение)	проникновенность	ветер (дерево)
☲	ли (сцепление)	ясность	огонь
☴	дуй (разрешение)	радостность	водоем

В зависимости от расположения черт, гексаграмма, а следовательно и ситуация, интерпретируется, как стабильная или нестабильная, благоприятная или неблагоприятная.

Простейшая техника гадания по «Ицзину» такова. Вначале в письменной или устной форме задается вопрос. Для получения гексаграммы шесть раз поочередно подбрасываются три монеты. В зависимости от преобладания «орлов» или «решек», рисуются сплошные или прерывистые черты. После этого в Оракуле находят афоризмы, комментарии и толкования к полученной гексаграмме. Техника гадания по черенкам тысячелестника сложнее.

Собственно текст «Книги Перемен» представляет собой интерпретации гексаграмм в целом, отношения составляющих их триграмм и отдельных черт. Он неоднороден, принадлежит разным авторам и создавался в разное время. По глубине и подробности толкования ситуации текст можно разделить на ряд слоев:

1. Название гексаграммы.
2. Афоризмы ко всей гексаграмме.
3. Афоризмы к отдельным чертам гексаграммы.
4. Толкования и комментарии к гексаграмме, триграммам и отдельным чертам, так называемые «десять крыльев».

Переводчики пытались максимально бережно отнестись к тексту самой «Книги Перемен», стараясь пользоваться переводом Шуцкого [11]. Там, где это по каким-либо причинам оказывалось невозможным, приходилось обращаться к англоязычному переводу Р. Вильгельма [12], использованному автором (Это единственная книга на английском языке, оставленная в библиографии).

В заключение хотелось бы привести слова выдающегося китайского философа Чэн Ичуаня 1033-1107), сказанные о «Книге Перемен»: «Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений».

6 Конфуцианская традиция относит создание «Книги Перемен» к глубочайшей древности. Хроники свидетельствуют, что первый слой ее текста был хорошо известен уже в VIII в. до Р. Х., а создание его началось еще раньше. Однако основной текст книги, как справедливо отмечают современные исследователи «Ицзина», сформировался не ранее середины первого тысячелетия до Р. Х.

7 Дао — ключевое понятие китайской философии. Всеобщий Закон и Абсолют, основа всего сущего, единственная и вечно существующая реальность. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств и логике, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, Дао дает начало, имя

и форму всему сущему. «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три — все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци (жизненной энергией — прим. Перев.) И образуют гармонию.» — говорил великий мудрец Лао-цзы. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним — в этом смысл, цель и счастье жизни.

Все попытки исследователей объяснить, что есть Дао, с позиций европейской логики, оказались безрезультатными, ибо (и здесь мы следуем философии даосизма, в некотором смысле опровергая все сказанное выше), как говорил Лао-цзы, «Дао, которое может быть выражено словами не есть постоянное Дао».

8... эпохи Токугава — почти семь веков император являлся номинальным правителем Японии. Страной управляли крупные феодалы — сёгуны, стоявшие во главе кланов — домов. Сёгунат дома Токугава продолжался с 1603-1868 г.

9 Данный отрывок взят из «десяти крыльев» и поэтому отсутствует у Шуцко.

10... сатори — одно из основных понятий чань (дзен) — буддизма, внезапное просветление.

11... хайку — трехстишие, одна из форм японского стихосложения.

12... Фронтир — в прошлом веке, во времена покорения Дикого Запада — граница отвоеванных у индейцев территорий.

13 Ситтинг Булл — Сидящий Бизон, легендарный вождь племени сиу. Долгое время оказывал успешное сопротивление американским колонизаторам.

14 «Сёкаку» потоплен 16 июня 1944 г. американской подлодкой «Кэвэлла». Авианосцем в то время командовал контр-адмирал Хара.

15 Джузеппе Зангара — безработный каменщик, покушавшийся на Франклина Рузвельта 15 февраля 1933 года, за две недели до вступления Рузвельта на пост президента.

16... Рэксфорд Тагуэлл — ближайший сподвижник Рузвельта, автор многих книг о нем. Позже примкнул к лагерю активных критиков президента.

17... У Шуцко подобная формула отсутствует.

18 По всей видимости, Тагоми имел в виду, что принял стойку «железного всадника». Сцена эта связана с особенностями национального характера и психологии японцев и совершенно непонятна для европейца Бэйнса.

19 Высказывание принадлежит Джону Локку, крупнейшему представителю английского материализма XVII в.

20... архетип — термин «аналитической психологии» К. Юнга. Архетипы по Юнгу — наиболее общие схемы чело-

веческого поведения и мышления, которые находят свое выражение в мифах, религиях и тайных учениях, фольклоре, художественном творчестве, галлюцинациях, сновидениях и т. д.

21 Густав II Адольф (1594-1632) — король Швеции, участвовал в Тридцатилетней войне (1618-1648) на стороне антигабсбургской коалиции.

22... оби — широкий шелковый пояс, деталь традиционной японской одежды.

23... ваби — эстетическая категория японской культуры, основана на поэтико-метафорическом мышлении, позволяющем раскрыть внутренний смысл произведения искусства через образ-символ, образ-знак. Основные черты ваби — минимум художественных средств, суровая простота и одновременно изысканность.

24... ФДР — Франклин Делано Рузвельт, принятое в США сокращение имени президента.

25... Чиппендейл (1718-1779) и Хепплайт (умер в 1786) — английские мастера мебельного искусства.

26... перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

27... ву — термин заимствован из известного буддистского коана — парадокса, с помощью которого ученик постигал суть дзень, обретал сатори. Коан таков:

Однажды монах спросил у адепта Дзесю:

— А собака тоже имеет буддистскую природу?

На что учитель ответил:

— Ву.

Как замечает в своей книге «Основы дзен-буддизма» известный популяризатор дзена профессор Д. Т. Судзуки, это «ву» означает просто «ву».

В нашем случае «ву», если попытаться воспользоваться европейской терминологией, есть иррациональный метод восприятия прекрасного.

28 «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла. Это — от Господа, и есть дивно в очах наших». (Псалтырь, 115, 22-23). Высказывание более известно в устах Христа, приведшего его во время проповеди в Иерусалимском храме.

29 Ом (Аум) — слово, которое формально ничего не значит и ничего самостоятельно не выражает, и в то же время значит все, имеет волшебную силу. «Ом — это Брахман (Великий Абсолют — прим. Перев.) Говорит: да достигну я Брахмана, и достигает его». (Тайттирия упанишада, 8, 11).

30 Фразы из Третьей книги Царств, 18, 27. Сцена, где

пророки Ваала целый день взывают к своему богу, а пророк Илия смеется над ними.

31 Гильберт Уильям (1544-1603) — английский физик и врач.

32 «Бардо Тходол» (тиб.) — «Великое Освобождение в результате услышанного в бардо», трактат, именуемый в Европе тибетской «Книгой Мертвых». Сложный комплекс наставлений и молитв, которыми лама напутствовал умирающего и умершего. В ней содержатся описания посмертной трансформации души и тела человека, загробных странствий души и процесса возвращения к новой жизни или выхода из круга сансарного бытия (сансара — цепь перерождений души). Бардо в переводе с тибетского — промежуточное состояние, форма сознания между прошлой и будущей жизнью, а также загробная сфера, в которой душа умершего пребывает сорок девять дней до нового перерождения в одном из шести миров сансары. Оно может иметь место не только после смерти, но и в некоторых жизненных ситуациях, например, во время медитации.

33... Здесь и далее — образцы «Книги Мертвых».

34... карма — одно из кардинальных положений философской мысли Востока. Сумма добрых и злых дел человека, определяющая форму последующего перерождения.

35... Майя — эманация Брахмана, мнимая материальная причина мира, благодаря которой окружающий нас иллюзорный мир кажется нам реально существующим. В общем смысле — иллюзия.

36... «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познал». (1-е Ап. Павла коринфянам 13; 11, 12). Апостол Павел сравнивает чистое, незамутненное восприятие ребенка, как носителя Святого Духа, с восприятием взрослого, видящего сквозь тусклое стекло привычек, обычаев, условностей, и предрекает, что когда наступит Царство Божие, дух наш очистится, и взор прояснится. В некотором смысле Апостол формулирует здесь европейскую концепцию Майи.

ЛИТЕРАТУРА

Филип Дик предворяет американское издание «Человека в Высоком Замке» довольно обширным списком книг, которые помогли ему в работе над романом. В свою очередь, переводчики решили предложить библиографию аналогичных изданий на русском языке, к которым при необходимости может обратиться читатель.

1. Бондаровский П. А. «Гадание по «Книге Перемен», «В мире книг», 1988 г., No. 3.

2. «Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока» под ред. Н. В. Абаева, Новосибирск, 1990 г.

3. Васильев Л. С. «История религий Востока», — М., 1988 г.

4. «Дао и даосизм в Китае» под ред. Л. С. Васильева, Е. Б. Поршневой, — М., 1982 г.

5. «История войны на Тихом океане», — М., 1958 г.

6. Кобзев А. «Канон перемен» — Наука и религия. 1991, No. 2-4.

7. Лазарев Е. «Тибетская «Книга Великого Освобождения», — «Наука и религия», 1990 г., No. 10-12.

8. Лао-цзы «Дао-дэ цзин», «Древнекитайская философия» т. I, М., 1972 г.

9. Лиддел-Гарт «История Второй мировой войны», — М., 1977 г.

10. Николаева Н. С. «Японская культура XVI века и «чайная церемония», — «Советское искусствознание» 1977 г., No. 2.

11. Спесваковский А. Б. «Религия синто и войны», — Л., 1987 г.

12. Шуцкий Ю. К. «Китайская классическая «Книга Перемен», — М., 1960 г.

13. «I-Ching or Book of Changes» The R. Wilhalm. 1974 г.

БЕГСТВО В «ВЫСОКИЙ ЗАМОК»

Ничто не мешало Филипу Киндреду Дик у вести спокойный непритязательный образ жизни подобно миллионным прочим «средним» американцев. Правда, вспоминает писатель, тогда, в конце 1950-х они с женой были очень бедны и вынуждены были существовать всего на девяносто долларов в месяц. Но постепенно что-то менялось к лучшему, и вот уже Дик занимает должность заведующего отделом в магазине грампластинок. Но вдруг бросает все и начинает писать короткие рассказы, как фантастические, так и обычные. Однако, почему-то именно фантастические продаются лучше всего. Так началась писательская карьера Ф. Дика, родившегося в 1928 году, бунтаря, исключенного из Калифорнийского университета, человека, глубоко оскорбленного существующей реальностью, с которой он так никогда и не примирился и в противовес которой начал создавать свои собственные миры в литературе.

Он написал тридцать один роман и множество рассказов. Его «Человек в высоком замке» в 1963 году был удостоен премии Хьюго. Именно в этой книге как нельзя более ярко отразилось его стреление к «восстанию против Власти», которую он всю жизнь, вплоть до смерти в 1982 г. ненавидел.

По мысли Дика, хороший писатель-фантаст предполагает не просто возможность чего-либо, не существующего в нашей реальности, но именно «безумную возможность». В основании сконструированного мира должен быть не привычный тезис «а что, если..?», но принципиально иной — «о, Боже, а что если..?» Только таким путем привносится в книги столь нужная для настоящей литературы эмоциональность, только так возможно воздействие на читателя.

Итак, о, Боже, а что, если бы во второй мировой войне победила Германия со своими воюющими? А почему бы и нет? Именно в такой реальности разворачивается действие романа.

Разумеется, США более не существует. Они поделены не то на сферы влияния, не то на колонии. При этом Орегон, Калифорния, Вашингтон и часть Невады входят в состав так называемых Тихоокеанских Штатов Америки, находящихся под протекторатом Японии. Восточная часть Америки отошла к Германии, которая хоть и выиграла войну, но понесла огромные потери.

Тем не менее нацисты почти немедленно начали покорять

космос (вспомним о ракетах «Фау»), а также истреблять «бродячие» народы. Вследствие чего Африка превратилась в безлюдную пустыню. И вот к концу 1950-х гг., когда происходит действие романа, «неулыбчивые немцы шагают по красным пескам Марса», строят, даже по нашим понятиям, ультрасовременные ракетопланы, типа «Мессершмидт-9», способные долететь от Стокгольма до Сан-Франциско за сорок пять минут. И, конечно, в полном соответствии с арийским духом, продолжают эксплуатировать великолепно отлаженные безотходные производства, получая продукты питания из человеческого мозга и кухонную утварь из человеческих черепов.

Славяне вытеснены в Азию и отброшены на несколько тысячелетий в глубь истории, на Украине хозяйничают розовощекие немецкие фермеры.

На американском востоке, в принципе, живется неплохо: заново отстроены Нью-Йорк и Балтимор, благодаря германскому капиталу, оживилась экономика. Правда, расизм... Но ведь и в нашей реальности им увлекается немало людей, во всех прочих отношениях вполне достойных, не так ли?

Гитлер жив, но уже не у власти, поскольку тяжело болен: сифилис мозга (вот, если бы пораньше, году, например, в 33-м!). Живы и Борман (он как раз у власти), и Геринг с Геббельсом, и пражский палач Гейдрих, да и многие другие главари Рейха живы и продолжают успешно трудиться во имя вымороченных идеалов.

Иначе ведет себя другая держава-победительница. «Пока немцы одну за другой запускали в космос огромные автоматические станции, японцы выжигали сельву в Бразилии и возводили жилые кварталы для бывших охотников за черепами». Представители Страны Восходящего Солнца выведены в романе с большим сочувствием. Они более терпимы, более космополитичны. Они не строят никаких печей, никаких газовых камер, или, во всяком случае, давно прекратили это занятие. Да, желательно, чтобы янки кланялся каждому встречному японцу, так, к примеру, считает конформист Чилдэн, владелец магазина «Художественные промыслы Америки». С другой стороны, тот же Чилдэн, оскорбленный в своих патриотических чувствах и требующий извинения у Пола Казоура, доказывает, что это, видимо, не обязательно. Даже официальные резиденции японских властей на Тихоокеанском побережье называются достаточно скромно — Торговые представительства. Главой одного из них является умнейший и проныцательнейший мистер Тагоми, явно ненавидящий нацистов. Именно он с большим удовлетворением воспомина-

ет, как когда-то в Китае немецкий посланник потребовал, чтобы японцы уничтожили в Шанхае всех евреев, но получил категорический отказ, ибо, заявил японский чиновник, «это противоречит нашим представлениям о человечности».

Именно японцы внедрили в повседневную культуру Америки знаменитую «Книгу Перемен», которую с полным правом можно назвать чуть ли не главным героем романа. Отечественный читатель уже неплохо знаком с этим шедевром мудрости древнего Китая хотя бы по публикациям в журналах «Наука и религия» или «В мире книг», а возможно, и с более полным текстом, изданном тридцать лет назад.

Все герои романа проверяют свои поступки по этой книге, отразившей многовековой опыт развития космологии. Она давно и прочно стала необходимым предметом быта не только японцев, но и подвластных им американцев.

Гадая по «Книге», Тагоми узнает, что прибывший в Сан-Франциско некий Бэйнс вовсе не шведский промышленник. Фрэнк Фринк по совету гексаграммы выбирает для себя благородный путь творца, замышляющего воссоздание иной реальности, Джужулиана, пользуясь пророчествами, приходит к удивительному открытию. По «Книге Перемен» конструирует свой альтернативный мир писатель Готорн Абендсен — бывший сержант морской пехоты США, а ныне «человек в высоком замке» автор нашумевшего бестселлера.

Роман «Из дыма вышла саранца» Абендсена — вторая реальность, предлагаемая читателю. В ней все иначе, почти так, как в нашем мире. Вторая мировая война закончилась поражением Германии. США под руководством Рузвельта стали супердержавой. Русские армии все-таки остановили немцев «у одного города на Волге», который если и можно отыскать, то только в «старом атласе» — Сталинград.

В Англии Черчилль остался у власти. «Италии нет и в помине, Германии тоже». Первая предала интересы держав Оси. В конечном итоге, США и Великобритания делят мир на сферы влияния. Благодаря американской помощи Китай быстро сделался вполне индустриальной страной. Аналогичную миссию Британия осуществляет в Индии, Бирме и в Африке. Советский Союз оттеснен на задворки и поделен на части, формально независимые, но находящиеся под покровительством США и Британии. Объясняется это технологической отсталостью России, хотя, возможно, Дик имел в виду не только это. В целом картина, нарисованная Абендсеном, весьма привлекательна. Тем более странно, что даже в этом

«прекрасном новом мире» разгорается война между двумя супердержавами, США и Великобританией, причем, побеждает последняя. По мнению эсэсовского диверсанта Джо, прочитавшего эту запрещенную в Европе и восточных штатах книгу, причина столь безрадостного финала кроется в повсеместной утрате духовности, в исключительной ставке на капитал.

О «Саранче» Абендсена в романе Дика высказываются почти все герои. Скандальная книга явно в моде. Ее с каким-то мазохистским наслаждением читает даже немецкий консул в Сан — Франциско — штандартенфюрер СС Гуго Рейсс, ужасаясь описанию «трупа Берлина», суда (кто бы мог подумать!) Над Гитлером, Геббельсом (не успели покончить самоубийством) и Герингом.

Ближе всех к истине оказывается блистательный японский интеллектуал Пол Казоура, отметивший, что в книге Абендсена «есть альтернативное настоящее». Что же тогда остается тому истинному «настоящему», первой реальности романа Дика, обьятой холодным ужасом тоталитаризма?

Как всегда, разгадка напряженной фабулы — в конце. Неутомимая Джулиана проникает в «Высокий Замок», оказавшийся фикцией. Ей удается вызвать Абендсена на откровенность. И что же? Роман написал вовсе не Абендсен, а все тот же древний китайский Оракул — «Книга Перемен». Шаг за шагом выстраивалось великолепное здание второй реальности, на каждый сюжетный поворот следовал запрос и принималось предсказание, которое оставалось лишь обработать и в качестве очередного кирпичика вложить в стену книги.

Но зачем это понадобилось Оракулу, что Он хотел сказать людям? Джулиана задает последний вопрос Книге. Выпадает гексаграмма Чжун-фу — «Внутренняя правда»! Значит, роман Абендсена не выдумка, но подлинная реальность, хотя и субъективная, поскольку скрывается внутри человека, воплощая в себе его искренние устремления.

Но только ли субъективная? Филип Дик не договаривает до конца. Джулиана убеждена: роман, продиктованный Оракулом, есть правда, по-видимому, даже не «внутренняя»! Германия и Япония не победили в войне, потому что не могли победить, согласно опыту тысячелетий, сконцентрированному в «Книге Перемен». Мир, в котором живут и действуют герои романа Дика, мир, выписанный как реальный, оказывается кошмарным сном. Альтернативный мир, спрятанный в сознании каждого героя, внедренный туда книгой Абендсена, материализуется, превращаясь в объек-

тивную реальность. Что ж, по воззрениям буддизма, материя есть сгущенное сознание, и, напротив, сознание есть разреженная материя. Значит, возможен переход из одного состояния в другое.

Скорее всего мы не очень ошибемся, если предположим, что в Абендсене Филип Дик отчасти изобразил себя. В нем накопилось слишком много вопросов и гнева, как признался он сам в предисловии к сборнику своих рассказов, выпущенному в 1980 году, то есть за два года до смерти. Страдания людей и животных почти свели его с ума. Он протестовал против Вьетнамской войны и, не колеблясь, выкинул свою повестку. Во время разгула «маккартизма», как раз в начале 1950-х гг., за ним была установлена слежка: ФБР подозревало его в связях с коммунистами, что в какой-то степени было правдой, так как среди друзей Дика было несколько членов компартии США. Как следствие, возникла злость, а также искреннее отвращение к объективной реальности. Именно поэтому Дик ушел в литературу и стал писать о людях, которых любил, помещая их в выдуманный мир, поскольку существующий не соответствовал его нормам.

В романе «Человек в Высоком Замке» писатель поступил несколько иначе. Для начала он выдумал страшный мир, в котором господствуют тоталитарные структуры. Выдумал, чтобы затем разрушить его, но не с помощью писательского произвола, а пользуясь высшей Мудростью, отвергающей возможность сколько-нибудь длительного существования тоталитаризма как системы, абсолютно враждебной и природе вообще, и человеческой природе в частности. К этому выводу автор постепенно подводит читателя, показывая неестественную сущность нацизма.

В основании последнего — прежде всего безумие с характерной целенаправленной жестокостью. Покорение Европы, Азии, африки, а затем и планет — есть бессмыслица, равно как и осушение Средиземного моря.

В романе Бэйнс, он же капитан абвера Вегенер, человек с антигитлеровскими убеждениями, очень точно характеризует нацистов: «Они мыслят космическими категориями и никак иначе. Слова: человек, ребенок — пустой звук. Только абстракции: раса, страна». И далее: «Для них не существует «здесь» и «сейчас» — их глаза устремлены сквозь пространство и время в лежащую впереди бездну». Потому что «им хочется быть движущей силой природы», ведь они «считают себя подобными Богу». Важное замечание: «считают», но не являются таковыми. Но в том-то и суть, что для тоталитарной системы важнее всего первое, полагаемое за действитель-

ность, то есть ирреальное, идеальное. И весь остальной мир тоже должен перестроиться в соответствии с этим утверждением.

Ну кому из нас хочется стать пластилиновым человеком, слепленным руками пятилетнего малыша, и жить в пластилиновом мире, который может быть и очень красивым, но который, несомненно, будет перекраиваться вслед за мечтой, влекущей мальчугана к цели, известной ему одному? Самое чудовищное, что для правящей в тоталитарном обществе касты, чей коллективный разум не слишком отличен от младенческого, вселенная представляется таким же пластилиновым миром, с которым так приятно и удобно экспериментировать: подправлять, обрубать, снимать, раскатывать, расправлять. Зло — неотъемлемая часть первой реальности Филипа Дика. «Оно везде, — говорит разум мистера Тагоми, — разъедает мозг, тело, сердце и впитывается в асфальт».

Но, как мы уже видели, такая система обречена. Тоталитаризм не в состоянии развиваться, он способен лишь уничтожать, но тем самым и отрицать самое себя. В романе новый владыка Германии, пришедший на смену умершему Борману, замысливает ядерный удар по Японии, которая тоже является частью бесчеловечной системы. Все закономерно: монстр, выродок начинает пожирать собственные органы. В каком-то смысле книга Дика — это смертный приговор тоталитаризму.

Итак, бесчеловечный общественный строй лишен автором права на существование. А другой, альтернативный мир, созданный по подсказке Оракула и ставший объективной реальностью, так ли уж хорош, чтобы претендовать на роль своего рода утопии? Сомнительно, хотя вроде бы развитие второго мира вполне отвечает гуманистическим основам. Но не забудем, что и здесь все заканчивается войной. Неужели нет иного выхода, который, правда, в таком случае вступил бы в противоречие с указаниями «живой книги»? А впрочем, так ли уж необходимо слепо идти за Оракулом? Вспомним золотое правило астрологии: «Звезды склоняют, но не обязывают». Иначе зачем вообще нужно это странное животное — человек?

Третья реальность Дика сугубо условна, едва намечена, но даже по немногочисленным точным зарисовкам мы легко узнаем наш мир. В романе он сконцентрирован в ювелирных поделках «свободных американских художников» Фринка и Маккарти, решивших вступить на путь творчества. Фринку, который, конечно, тоже советуется с «Книгой Перемен», выпадает редчайшая гексаграмма, по

каковой, с одной стороны, его ожидает «расцвет», «счастье», «развитие», а с другой — смертельная опасность и близкий роковой час. Тем самым выбор для человека глубоко порядочного, ориентированного на гуманистические ценности, достаточно сно определен. Ничего больше не нужно, только: «...Работать. Творить. Ничего не боясь. До самого конца... Пока мы все не погибнем, все человечество». И тем не менее шанс остается. Зыбкий, неустойчивый, но все же крохотное оконце в нормальный мир, где, при многих отрицательных моментах, по-видимому, удастся избежать тотальной катастрофы и выбраться на принципиально иной путь развития.

Как всегда, наиболее проницательными оказываются японцы. В серебряной безделушке, лишенной, по мнению Пола Казуры, какой бы то ни было исторической ценности, есть нечто другое, возможно, более важное — абсолютное совершенство. При долгом созерцании ее человек входит в состояние предельной умиротворенности. Это ли не цель и для всех нас, живущих в искусственно созданной обстановке нестабильности здесь и сейчас, в 1990 году?

После длительной сосредоточенности на чудесном серебряном треугольнике мистеру Тагоми удастся ненадолго попасть в третью реальность. В коротких зарисовках даже те из нас, кто никогда не бывали в Америке, с легкостью узнают общеизвестные ее приметы. Для Тагоми все это немного отдает кошмаром — «серые дома, запах гари, усталые помятые лица, машины, как огромные чудовищные звери», и — о, ужас! — никто из посетителей закусочной даже не двинулся, когда внутрь вошел японец! Благодаря своему короткому путешествию, Тагоми многое понял. Именно в его уста автор вкладывает приговор германскому тоталитаризму: «Ваша нация дошла до крайней степени подлости». Следовательно, закономерный итог — гексаграмма «Бездна». Кстати, тот же Тагоми выручает из беды еврея Фринка, арестованного японскими властями и предназначенного для передачи германским властям, а далее — для передачи в какую-нибудь очередную душегубку: тоталитаризм удивительно предан своим привычкам, которые могут менять формы (концентрационные лагеря, психиатрические лечебницы), но ни в коем случае не содержание. Значит, Фринк будет продолжать творить. Значит, еще не все потеряно. И мы, живущие через тридцать лет после публикации романа, с большей или меньшей степенью уверенности можем подтвердить этот вывод, чтобы сохранить в себе хотя бы надежду.

Итак, Филип Дик, пожелав отвергнуть американскую реальность конца 50-х, вместо нее создал в романе иную — самую жуткую реальность, а в противовес ей другую, поначалу гораздо более совершенную, но не имеющую будущего, и, наконец, был вынужден «вернуться домой». Писатель не оставил своего поприща и продолжал работу по конструированию новых миров, исполняя тем самым благородную миссию по совершенствованию нашей действительности, от которой, при всем желании, мы никогда не сможем уйти: разве что те немногие людибоги, наделенные сверхчеловеческими способностями. И вообще уход — не есть выход. Наверно, более прав знаменитый Шри Ауробиндо, создатель интегральной йоги, который предупреждал, что переход в сферу сверхсознания не должен быть самоцелью. Да, надо подняться туда, наверх, но лишь для того, чтобы, обогатившись божественными знаниями, вновь спуститься сюда, вниз, и продолжить тяжелейшую работу по совершенствованию всеобщего механизма человеческих связей.

Несомненно, каждый читатель сделает свои выводы, прочитав роман Дика. Мы сознательно избежали рассмотрения художественных особенностей книги, считая его делом будущего, когда творчество Дика станет известно в гораздо большем объеме. Может быть, стоит отметить лишь некоторые детали. Одна из сложнейших проблем для писателя-фантаста — как донести до читателя всю картину «нового мира». Если это удастся сделать в совершенно свободной манере, ненавязчиво, получается настоящая литература. Если автор чрезмерно спешит сообщить все подробности, выходит перекося; нудное описание светлой жизни на Земле будущего или какая-нибудь развернутая техническая характеристика некоего сверхмощного сверхзвездолета. Всего этого мы навиделись предостаточно в отечественной фантастике 50-х — 60-х гг., да и в худших образцах зарубежной.

В отношении романа Дика надо заметить, что иногда стремление побыстрее проинформировать читателя опережает естественное развитие действия. В мысли некоторых персонажей вкладывается порой слишком много сведений о «романной» реальности. Получается, что герои чересчур активно размышляют о мире, причем, даже тогда, когда по ходу действия это, вроде бы, и ни к чему. Порой в их мысли вдруг пробивается нечто, похожее на статистическую отчетность, что, конечно, никак не служит художественным целям. Но, повторяем, подобные перехлесты характерны для жанра фантастики.

И все же, благодаря своей безусловной метафизической глубине, роман найдет многочисленных читателей. Слишком глубок и страшен его основной вопрос, который предстоит решать либо нам, либо нашим потомкам. Ибо если объективная реальность столь чудовищна, то, последуем вслед за Ницше, «не становится ли истина враждебной жизни» и «можно ли сознательно пребывать в неправде»? И неужели альтернативой этому будет только смерть? Филип Дик своим романом подсказывает по крайней мере два выхода: уйти в другую жизнь или, познав ее, все-таки вернуться назад и самому стать Творцом. И то, и другое — для избранных, но во втором случае появится шанс у всех.

С. Трохачев

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Что сказали мертвецы	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	5
Плата за копирование	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	55
Самозванец	<i>пер. М. Шевелева</i>	73
Отец-двойник	<i>пер. М. Черняева</i>	85
Бесценное сокровище	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	99
Король эльфов	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	117
Спешите приобрести	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	139
Золотой человек	<i>пер. А. Соловьева</i>	157
Городишко	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	189
Короткая счастливая жизнь коричневого тапка	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	207
Исследователи	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	221
Не отыгаться	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	235
О неутомимой лягушке	<i>пер. А. Корженевского</i>	255
Прибыльное дельце	<i>пер. А. Жаворонкова</i>	267

Человек в высоком замке (роман)

Комментарии к роману	<i>пер. Г. Корчагина и И. Петрушкина</i>	283
Бегство в "Высокий замок"	<i>Корчагин и И. Петрушкин</i>	479
	<i>С. Трохачев</i>	486

Д45 Король эльфов. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1992. —
496 с. (Сборник фантастических произведений)

ISBN 5-87012-006-6

Ответственный за выпуск
Макаренков С. М.

Подписано в печать 22.10.92. Формат 84х108/32. Бумага газетная
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ.пл. 15,5. Усл.пл. 26,04.

Тираж 100 000. 2-й завод. Зак. 4196. (50 001—100 000) экз.
Цена договорная

Издательства Рипол, «Джокер»
123000 Москва, а/я 21.

Ф. Дик, в отличие от большинства писателей-фантастов, пишет не о будущем и далеких мирах, а прежде всего о людях. Он не просто переставляет своих героев, словно шахматные фигурки, а как бы сам живет в созданном им мире. Книги Ф. Дика чрезвычайно интересны и изобретательны, а их трагедийный пафос достигает порой столь мощного накала, какой подвластен только большому художнику, болеющему за непутевое человечество.

Перед Вами увлекательный роман-антиутопия: во второй мировой войне победили нацисты. Альтернативная история — это совершенно особый жанр, малоизвестный у нас в стране.

Не менее интересны и драматичны рассказы Ф. Дика.

Его читатели во всем мире — это не только любители фантастики, приключений, но и те, кто интересуется историей и политикой, а также настоящие ценители хорошей психологической прозы.